СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

подъ редакціей

Н. В. ДАВЫДОВА и Н. Н. ПОЛЯНСКАГО

при ближайшемъ участіи: М. Н. ГЕРНЕТА, А. Э. ВОРМСА,
Н. К. МУРАВЬЕВА и А. Н. ПАРЕНАГО.

Книгоиздательство „ОБЪЕДИНЕНІЕ“.
Москва, Моховая, 20.
1915.

Въ изданіи приняли участіе слѣдующія лица:

Б. Н. Базилевъ, В. Н. Бочкаревъ, А. Э. Вормсъ, проф. *М. Н. Гернетъ,* проф. *В. М. Гессенъ, І. В. Гессенъ,* проф. *С. К. Гогель,* прив.-доц. *Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ,* проф. *А. А. Жижиленко,* проф. *А. В. Завадскій,* проф. *Н. А. Заозерскій,* доц. *М. Д. Загряцковъ,* акад. *А. Ѳ. Кони, А. Р. Ледницкій,* проф. *П. И. Люблинскій, В. С. Малченко, Н. К. Муравьевъ, В. Д. Набоковъ, С. П. Ордынскій, А. Н. Паренаго,* прив.-доц. *В. Д. Плетневъ, Н. А. Побѣдоносцевъ, Н. Н. Полянскій,* сенаторъ *В. К. Случевскій,* доц. *Б. И. Сыромятниковъ, Н. В. Тесленко,* проф. *Г. Г. Тельбергъ, А. Н. Трайнинъ, И. С. Урысонъ, В. Н. Челищевъ, А. А. Чиколини,* проф. *М. П. Чубинскій,* проф. *В. Н. Ширяевъ.*

ВВЕДЕНІЕ.

Въ реформаторской дѣятельности законодательныхъ учрежденій начала царствованія Императора Александра II, въ сравнительно короткое время значительно преобразовавшей государственное и общественное состояніе Россіи и направившей теченіе ея внутренне-политической жизни по новому руслу, выдаются два законодательныхъ акта, какъ два краеугольныхъ камня, положившіе прочное основаніе всѣмъ дальнѣйшимъ новелламъ того же направленія. Это—законъ 19 февраля 1861 года, освободившій крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и законъ 20 ноября 1864 г., давшій Россіи новый судъ. Безъ наличности этихъ двухъ законоположеній было бы невозможно введеніе въ жизнь страны земскаго и городского самоуправленія, общей воинской повинности и другихъ менѣе значительныхъ, но несомнѣнно важныхъ, реформъ. Столпы, поддерживавшіе дореформенный государственный механизмъ и общественный строй, казавшіеся несокрушимыми—крѣпостное право и строгая сословность, рухнули, если и не въ полномъ объемѣ, то навсегда, именно благодаря двумъ названнымъ великимъ законодательнымъ актамъ, изъ которыхъ второй былъ обнародованъ на основаніи Высочайшаго указа 20 ноября 1864 г., провозгласившаго, что судебными уставами создается судъ «равный для всѣхъ...», имѣющій «утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе».

Положеніе 19 февраля призвало къ самостоятельной гражданской жизни милліоны коренного русскаго населенія, до той поры существовавшаго на положеніи безправнаго рабства, а Судебные Уставы обезпечили и этимъ новымъ гражданамъ, и всему остальному населенію пользованіе правами личности. Прежній дореформенный судъ не только не стоялъ на стражѣ личныхъ, имущественныхъ и политическихъ правъ гражданъ, но такое огражденіе свободы и обезпеченіе перечисленныхъ благъ каждаго россійскаго подданнаго и не входило въ его задачи. Судъ, созданный Уставами 1864 г., предсталъ въ глазахъ обывателя впервые не какъ пугало или орудіе возмездія въ рукахъ сильнаго противъ слабаго, не какъ, обычно покорная власти и деньгамъ, приказная коллегія, а какъ самостоятельный и дѣйствительный охранитель законныхъ правъ каждаго, доступный и бѣд-

ному и слабому. Впервые понятіе о правѣ въ примѣненіи его къ дѣйствительной жизни, о правовомъ существованіи, недоступномъ безграничному произволу власть имущихъ, зародившись тогда, проникло въ сознаніе народа. Благодаря уставамъ возникло и окрѣпло представленіе о человѣческой личности, какъ о носителѣ неотъемлемыхъ правъ внѣ зависимости отъ занимаемаго даннымъ лицомъ общественнаго положенія и принадлежности къ тому или другому сословію. «Человѣкъ» проснулся и въ поселянинѣ, и въ обывателѣ изъ мѣщанъ, искренно не сознававшихъ до того за собою никакихъ правъ. И это пробужденіе и сознаніе за собою правъ явилось не подъ вліяніемъ школы, не вслѣдствіе чтенія книгъ, а оно зародилось въ камерѣ Мирового Судьи, въ канцеляріи Судебнаго Слѣдователя, въ залѣ судебныхъ засѣданій съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Возникновеніе въ русскомъ обществѣ сознанія правовой личности и правового порядка есть непосредственный результатъ введенія Судебныхъ Уставовъ. Самый текстъ закона пробуждалъ это сознаніе, устанавливая гарантіи неприкосновенности личности редакціей хотя бы статей: 1, 8, 9, 10 и 11 Устава Уголовнаго Судопроизводства, по точному смыслу которыхъ никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію за преступленіе иначе какъ въ порядкѣ, опредѣленномъ уставами, никто не можетъ быть лишенъ свободы иначе, какъ на законномъ основаніи и въ установленномъ Судебными Уставами порядкѣ, при чемъ на лицъ Прокурорскаго надзора и Судей (въ предѣлахъ ихъ участковъ) возлагалась обязанность освобождать изъ-подъ стражи каждаго незаконно заключеннаго. Этими положеніями законъ вводилъ и популяризировалъ своего рода «Habeas Corpus».

Но одно изданіе и опубликованіе Судебныхъ Уставовъ не могло произвести такого радикальнаго поворота въ общественномъ пониманіи права, и въ соотношеніи общества съ властью, какой воспослѣдовалъ во всѣхъ слояхъ населенія вскорѣ по открытіи дѣятельности органовъ новаго Суда, такъ же какъ оно не могло, само по себѣ, вызвать совсѣмъ иное отношеніе къ обывателю и къ его правамъ, какъ человѣка, со стороны органовъ исполнительной власти, воспитавшихся на положеніяхъ, далекихъ отъ требованій, предъявленныхъ къ нимъ Уставами. Необходимо было осуществленіе на дѣлѣ, въ самой жизни, началъ закономѣрности, равноправности, бессословности и неподкупности, провозглашенныхъ Уставами. Это зависѣло уже всецѣло отъ первыхъ судебныхъ дѣятелей новой формаціи, замѣнившихъ прежнихъ судей разныхъ категорій—могущественныхъ секретарей, слѣдственныхъ полицейскихъ чиновъ и стряпчихъ. И великое дѣло введенія въ жизнь новаго закона, новаго по духу и по формѣ, имѣвшаго не только замѣнить, но даже стереть слѣды прежняго судебнаго и судейскаго произвола и общаго беззаконія и положить начало дѣйствительному правовому порядку въ той общественной сферѣ, которая была доступна реформированному Суду, было осуществлено первыми представителями магистратуры, прокуратуры и адвокатуры. Въ ту, уже отдаленную отъ насъ, историческую эпоху удивительнаго подъема духовныхъ силъ русскаго культурнаго общества встрѣтились творцы судебныхъ уставовъ съ ихъ

исполнителями и, взаимно понявъ и довѣрясь другъ другу, составили одно могущественное цѣлое, вызвавшее отмѣченное нами сознаніе населеніемъ присущихъ ему неотъемлемыхъ правъ и освѣтившее путь другимъ реформамъ того же общественно-гуманнаго направленія, вводившимся одновременно или вскорѣ послѣ открытія новыхъ судовъ.

Начало было сдѣлано. Новый Судъ сталъ функціонировать, созданный, по мѣткому опредѣленію А. Ф. Кони, какъ insula in flumĭne nata, безъ непосредственной связи съ царившими тогда порядками и взглядами остальныхъ органовъ правительственной власти, но въ согласіи съ душою Судебныхъ Уставовъ, съ ихъ этической, политической, а также и формальной стороной. Конечно въ такомъ крупномъ и сложномъ дѣлѣ не могло обойтись безъ ошибокъ и невѣрныхъ мѣропріятій, но главное—то, что сразу привлекло къ себѣ симпатіи громаднаго большинства населенія, то, что и по прошествіи 50 лѣтъ столь же цѣнно въ нашихъ судебныхъ уставахъ, не уступающихъ лучшимъ европейскимъ процессуальнымъ кодексамъ,—было вѣрно понято. И только что избранный мировой судъ, присяжные засѣдатели и гражданскія отдѣленія окружнаго суда и палаты явили тогдашнему обществу картину дѣйствительнаго правосудія.

Прошло съ тѣхъ поръ почти полное пятидесятилѣтіе, но созданные закономъ 20 ноября 1864 года судебныя учрежденія продолжаютъ функціонировать и нынѣ. Многое въ самой организаціи когда-то новаго суда за этотъ долгій, полувѣковой срокъ измѣнилось, много перемѣнъ можно констатировать не только въ организаціи суда, но и въ порядкѣ судебнаго производства, особенно уголовнаго, территорія, въ которой дѣйствуютъ судебныя учрежденія, увеличилась во много разъ, самый законъ 1864 года претерпѣлъ не мало нововведеній и въ иныхъ частяхъ сталъ неузнаваемъ, потерявъ прежнія черты и пріобрѣтя новыя; но поставленная себѣ уставами задача осталась въ законѣ та же, основы судопроизводства и главные руководящіе принципы—тоже. Измѣнялись въ иномъ подъ вліяніемъ жизни и самыхъ разнообразныхъ факторовъ и властныхъ вѣяній взгляды самихъ дѣятелей суда на ихъ обязанности и не разъ мѣнялось въ обществѣ отношеніе его къ суду; за прошедшіе полвѣка не мало враждебныхъ выпадовъ, исходившихъ изъ разныхъ сторонъ, подчасъ могущественныхъ, пришлось выдержать судамъ, созданнымъ уставами 1864 года, и ихъ личному составу, но и въ полувѣковую юбилейную дату нашего процессульнаго кодекса надлежитъ сказать, что въ этой борьбѣ, хотя и сопровождавшейся крупными потерями,—побѣдили Судебные Уставы.

Судебные Уставы Императора Александра II не замѣнены какимъ-либо другимъ кодексомъ и продолжаютъ примѣняться почти на всей безъ исключенія территоріи Россійской имперіи, но именно въ настоящее время раздаются многочисленные авторитетные голоса, требующіе внесенія въ уставы нѣкоторыхъ измѣненій, частичной реформы дѣйствующей судебной организаціи и процесса, частью путемъ возвращенія къ первоначальной редакціи закона, частью путемъ внесенія нѣкоторыхъ новыхъ началъ какъ по отдѣлу гражданскаго, такъ и уголовнаго производства. Требованія реформы возникали и возникаютъ въ новыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ и въ цен-

тральномъ органѣ судебнаго управленія—Министерствѣ Юстиціи, настоятельно повторяются въ спеціальной литературѣ научнаго и общественнаго характера и исходятъ изъ самого общества, въ иныхъ случаяхъ находя свое выраженіе въ обращеніи присяжныхъ засѣдателей данной сессіи къ коронному составу суда. Потребность въ извѣстной реформѣ суда, недовольство настоящимъ его состояніемъ можно признать безусловно общими, но взгляды на сущность реформы, на принципы, которые должны быть положены въ основу ея, взгляды на самую задачу и способы осуществленія ея весьма разнообразны и даже противорѣчивы. Если даже допустить наличность однообразнаго взгляда на принципіальную сторону желательныхъ измѣненій въ нашемъ дѣйствующемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, то и тогда эта настоятельнѣйшая законодательная задача будетъ не легка для исполненія и предъявитъ исполнителямъ ея самыя разнообразныя требованія, ибо реформа несомнѣнно должна коснуться и юридической, и этической, и технической сторонъ закона. Реформа, хотя бы предпринятая въ ограниченныхъ размѣрахъ, не можетъ обойти вопросовъ конструктивнаго характера по отношенію къ дѣйствующимъ нынѣ судебнымъ органамъ коллегіальнаго и единоличнаго состава, вопросовъ о формѣ и мѣрѣ участія въ отправленіи правосудія народнаго элемента, о выборной системѣ замѣщенія судейскихъ должностей и о системѣ правительственнаго назначенія, о несмѣняемости и независимости судей, о надзорѣ, о положеніи прокуратуры и адвокатуры, вопросовъ по такимъ главенствующимъ процессуальнымъ институтамъ, какъ гласность, устность, равноправность сторонъ, состязательность, вопросовъ о правѣ толкованія судомъ закона, о положеніи уголовной и гражданской защиты на судѣ въ различныхъ фазахъ теченія процесса, объ апелляціонномъ, кассаціонномъ и частномъ обжалованіи, и т. д.

О важности и необходимости пересмотра, хотя бы частичнаго, всѣхъ перечисленныхъ положеній за послѣднее время,—и не безъ основанія,—говорится и пишется постоянно. Но такая законодательная работа можетъ быть предпринята и завершена съ успѣхомъ лишь по тщательномъ ознакомленіи съ исторіей созданія кодекса, подлежащаго реформѣ, съ тѣми послѣдовательными измѣненіями, которыя вносились въ него за время его существованія и съ мотивами, вызвавшими ихъ, а затѣмъ и съ дѣятельностью въ послѣдовательномъ ея ходѣ, за все истекшее время, судебныхъ органовъ, созданныхъ кодексомъ, и съ непосредственными результатами ея, съ вліяніемъ, которое судъ имѣлъ въ теченіе его функціонированія на общество, съ отношеніемъ общества къ суду въ разные моменты, съ отношеніемъ къ суду правящихъ сферъ, съ пониманіемъ своихъ задачъ личнымъ составомъ суда и съ директивами, дававшимися судебнымъ дѣятелямъ центральнымъ управленіемъ.

Такое ознакомленіе, и даже прямо изученіе исторіи суда за время его существованія по первоисточникамъ обязательно для лицъ, непосредственно работающихъ по изданію новеллъ, имѣющихъ быть внесенными въ Судебные Уставы, но знаніе исторіи суда и Судебныхъ Уставовъ въ высшей степени важно не для однихъ дѣятелей законодательныхъ и подготови

тельныхъ къ нимъ учрежденій. Въ настоящее время, когда къ непосредственному участію въ законодательствѣ призваны представители всего общества въ лицѣ выбираемыхъ населеніемъ депутатовъ Государственной Думы и членовъ Государственнаго Совѣта, культурной части общества уже нельзя пассивно относиться къ возникновенію такихъ государственныхъ актовъ, какъ, напримѣръ, законъ 12 іюля 1889 года, замѣнившій выборныхъ Мировыхъ Судей земскими начальниками и увеличившій компетенцію пересозданнаго имъ Волостного Суда. И дѣйствительно теперь уже всѣ законодательные вопросы, затрогивающіе существенные интересы населенія, вызываютъ внимательное отношеніе громаднаго контингента лицъ всѣхъ классовъ населенія. Это внимательное отношеніе выражается не только въ чтеніи свѣдѣній о ходѣ законодательныхъ работъ, помѣщаемыхъ въ органахъ печати, но и въ потребности какъ можно ближе ознакомиться съ рѣшаемымъ вопросомъ, чтобы вполнѣ сознательно оцѣнить достоинства и недостатки имѣющаго создаться закона и по возможности повліять на устраненіе этихъ недостатковъ. Къ законодательнымъ работамъ, затрогивающимъ интересы населенія—личные, имущественные и духовные, относятся работы, касающіяся сферы суда, къ измѣненіямъ въ которой общество особенно чутко. Поэтому, правдивая исторія нашего суда, начиная съ эпохи непосредственно предшествовавшей судебной реформѣ съ ретроспективнымъ взглядомъ на оставленное за собою «безсудное время», а именно описаніе работъ по созданію и введенію въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, возникновеніе и значеніе всѣхъ новеллъ, вошедшихъ по настоящее время въ этотъ кодексъ, описаніе дѣятельности и ея результатовъ всѣхъ разнообразныхъ органовъ правосудія, созданныхъ уставами и позднѣйшимъ законодательствомъ, казалось бы должно вызвать интересъ общества и могло бы быть ему полезнымъ.

Но и независимо отъ необходимости знанія исторіи судебныхъ учрежденій для будущаго, для цѣлей внесенія въ дѣло отправленія правосудія нужнаго обновленія, ознакомленіе съ настоящимъ положеніемъ суда и съ его прошлымъ, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ непосредственной дѣятельности судебныхъ органовъ, представляется важнымъ и желательнымъ. Значеніе суда въ государствѣ, вліяніе его на государственно-общественную жизнь страны—громадно. Правильная организація суда обезпечиваетъ наиважнѣйшіе интересы и блага гражданъ, давая охрану признаннымъ государствомъ и обществомъ правамъ обывателя, обезпечивая его свободу и личную неприкосновенность. Каждому человѣку въ теченіе жизни приходится въ той или иной формѣ, зачастую очень острой, имѣть дѣло съ судомъ гражданскимъ или уголовнымъ. Поэтому, правильное пониманіе задачъ суда и лучшихъ способовъ достиженія ихъ, вѣрное освѣщеніе дѣйствующей въ настоящее время судебной организаціи, сравненіе ея съ прошлымъ суда, отдаленнымъ и недавнимъ, съ судоустройствомъ и функціонированіемъ суда въ другихъ Европейскихъ странахъ является, казалось бы, насущною потребностью каждаго развитого человѣка. А для такого сознательнаго, критическаго отношенія къ суду мало знанія регулирующихъ его дѣятельность нормъ, нужно еще знаніе исторіи возникновенія и развитія суда.

Наконецъ, не только съ практической точки зрѣнія и не для однихъ юристовъ-теоретиковъ и практиковъ важно знакомство съ прошлымъ и настоящимъ нашего суда, оно не можетъ быть лишнимъ и лицамъ, интересующимся современной исторіей Россіи, ея политическимъ состояніемъ, степенью развитія ея общества и совершенства правительственнаго механизма. Исторія нашего суда къ тому же представляетъ особый интересъ, такъ какъ она отражаетъ въ себѣ общественныя теченія и длившуюся за все время существованія новаго суда борьбу за принципы и идеалы, особенно рельефно сказывавшуюся именно на этой (отчасти и на земской) почвѣ, вплоть до введенія въ Россіи представительнаго строя.

Объ особой желательности съ отвлеченной и даже чисто практической точки зрѣнія подробнаго знакомства съ настоящимъ положеніемъ нашего суда во всѣхъ его отрасляхъ и съ его исторіей, для лицъ, посвятившихъ себя судебной дѣятельности, для членовъ магистратуры, прокуратуры и адвокатуры, говорить не приходится,—желательность эта совершенно очевидна. Она подчеркивается еще тѣмъ, что въ нашихъ высшихъ спеціально-юридическихъ школахъ (юридическіе факультеты Университетовъ, училище Правовѣдѣнія, Александровскій лицей и другіе) не читается особый курсъ, посвященный исключительно исторіи и современному положенію у насъ суда, созданнаго закономъ 20 ноября 1864 года со всѣми его отдѣлами, развѣтвленіями и спеціальной литературой.

Изложенныя соображенія и тотъ глубокій общественный и спеціально-юридическій интересъ, который представляютъ собраніе въ одно цѣлое, научная разработка и систематизація громаднаго матеріала, касающагося нашего современнаго суда, накопившагося въ теченіе 50 лѣтъ, прошедшихъ съ изданія Судебныхъ Уставовъ, вызвали въ грушѣ юристовъ мысль о составленіи общими усиліями книги—научнаго труда, посвященнаго нашимъ реформированнымъ въ 1864 году судебнымъ учрежденіямъ.

Авторамъ этого проекта казалось, что именно данный моментъ—наиболѣе подходящее время для изданія такого научнаго труда; протекшій со времени изданія Судебныхъ Уставовъ пятидесятилѣтній срокъ достаточно дологъ для того, чтобы дать возможность правильно судить о томъ, каковъ судъ, основанный на этомъ кодексѣ; въ теченіе указаннаго срока много новаго было внесено въ первоначальный текстъ закона и, хотя отдѣльные акты длиннаго списка новеллъ, занявшихъ въ уставахъ мѣсто рядомъ со старыми статьями, или замѣнившихъ ихъ, въ большинствѣ подвергались критикѣ, но еще не былъ предпринятъ трудъ по оцѣнкѣ всего новаго законодательнаго матеріала, вошедшаго въ кодексъ, въ его совокупности; не была точно установлена система, которой держался законодатель, реформируя учрежденіе Судебныхъ Установленій и Уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Въ нашей юридической литературѣ есть не мало посвященныхъ реформированію Судебныхъ Уставовъ спеціальныхъ работъ и статей, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются и дѣятельности суда. Но всѣ онѣ имѣютъ своимъ объектомъ или извѣстные отдѣлы уставовъ, или представляютъ изъ себя историческое изслѣдованіе того или другого института, какъ напримѣръ исторія прокуратуры и адвокатуры за извѣст-

ный срокъ, суда присяжныхъ и, какъ уже было сказано, не даютъ полной картины послѣдовательнаго судебнаго законодательства въ теченіе истекшихъ 50 лѣтъ и дѣятельности за этотъ срокъ всѣхъ органовъ нашего суда. Затѣмъ, именно въ послѣднее время, особенно рѣзко и настоятельно высказывалось общее недовольство настоящимъ состояніемъ въ Россіи правосудія, наталкивающее своей серьезностью на выясненіе причинъ такого недовольства. Наконецъ, сама юбилейная дата судебной реформы—20 ноября 1864—1914 г.—заслуживаетъ посвященія ей серьезнаго научнаго труда.

Обсуждая вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть характеръ задуманнаго сборника, авторы проекта пришли къ тому заключенію, что въ существѣ своемъ изданіе это должно представлять изъ себя серьезный трудъ, научно-историческое изслѣдованіе, въ изложеніи, однако, настолько популярномъ, чтобы оно было доступно и могло бы заинтересовать не только юристовъ-теоретиковъ и практиковъ и вообще судебныхъ дѣятелей, но и другіе культурные слои общества. Изданіе должно служить и профессіональнымъ цѣлямъ, но главнымъ образомъ, ознакомленію широкихъ круговъ читателей съ тѣмъ, что представляетъ изъ себя современный судъ.

При этомъ имѣлось въ виду, что не все въ настоящемъ изданіи, посвященномъ, между прочимъ, и чисто-юридическимъ вопросамъ, можетъ быть достаточно популяризировано безъ ущерба для научнаго значенія разсматриваемыхъ положеній, а потому въ книгѣ несомнѣнно будутъ страницы, на которыя юристы обратятъ, быть можетъ, особенное вниманіе, но которыя мало заинтересуютъ лицъ, не обладающихъ спеціальными познаніями. Но въ общемъ въ сборникѣ такихъ мѣстъ будетъ немного, такъ какъ каждый процессуальный институтъ, каждая новелла, и толкованіе закона различными органами суда и сенатомъ будутъ разсматриваться не только съ юридической точки зрѣнія, но и въ отношеніи ихъ общественнаго значенія и вліянія.

Тѣсная связь (и ея колебанія), которая существуетъ въ дѣлѣ отправленія правосудія между теоретической стороной судебнаго строительства и начертанія, путемъ научной разработки, а затѣмъ законодательной санкціи, тѣхъ линій, по которымъ долженъ въ идеалѣ слѣдовать Судъ, и осуществленіемъ въ дѣйствительной жизни этихъ положеній, должна отразиться и въ книгѣ о судѣ, разъ она задается цѣлью дать вѣрную картину изслѣдуемаго государственнаго института. Это положеніе придаетъ всему труду жизненность и общественный интересъ. Указанная жизненность зависитъ именно отъ того, что авторами труда предприняты не сухое изложеніе законодательныхъ актовъ, исключительно научно-догматическая оцѣнка ихъ, констатированіе выработанныхъ Судомъ въ его дѣятельности руководящихъ юридическихъ положеній и критика ихъ, но также историческое изслѣдованіе Суда за 50 лѣтъ въ связи съ движеніемъ нашего государственнаго и общественнаго быта.

Задуманное изданіе должно быть, какъ сказано выше, научнымъ, а таковымъ можетъ быть признанъ лишь трудъ безусловно объективный, не допускающій ни полемическихъ выпадовъ, ни односторонняго увлеченія, предвзятыхъ взглядовъ и партійности. Именно такой строгій, покойный,

объективный характеръ было рѣшено редакціонной комиссіей придать книгѣ, названной, по объекту ея содержанія, «Судебная Реформа». Всѣ приводимыя въ ней данныя строго провѣрены съ дѣйствительностью и не допущено и тѣни тенденціозности: сотрудниками изданія были признаны отправной точкой, мѣриломъ ихъ отношенія къ обсуждаемымъ законоположеніямъ, процессуальнымъ институтамъ и принципіальнымъ опредѣленіямъ суда и направленію его дѣятельности лишь твердо установленныя въ наукѣ положенія.

Размѣръ книги былъ опредѣленъ приблизительно въ сто печатныхъ листовъ и для удобства читателей было рѣшено разбить ее на 5 частей—томовъ. Меньшій размѣръ книги въ виду обширности ея содержанія не могъ быть допущенъ.

При опредѣленіи содержанія книги редакціонной комиссіей было принято во вниманіе, что настоящій трудъ долженъ, указавъ на значеніе суда и его организацію въ государствѣ и обществѣ и на занимаемое имъ мѣсто въ средѣ другихъ государственныхъ учрежденій, быть начатъ краткимъ историческимъ очеркомъ состоянія въ дореформенное время судовъ Россіи. Начертаніе картины суда, функціонировавшаго у насъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, казалось совершенно необходимымъ для уясненія того, какой великій переворотъ въ общественной жизни Россіи и въ отношеніи населенія, какъ городского, такъ и сельскаго, къ суду и идеѣ законности произвело введеніе Судебныхъ Уставовъ, не оставившихъ камня на камнѣ отъ прежняго судоустройства. Важнымъ было также признано отмѣтить медлительность и безплодность прежнихъ (до 1861 года) попытокъ реформированія суда и то оживленіе, которое новый судъ внесъ въ сферу теоретической работы,—въ нашу юридическую литературу, въ существованіи которой въ дореформенное время можно было даже сомнѣваться. оживленіе, которое найдя, наконецъ, надлежащую почву и дѣятелей, не ослабѣло до настоящаго времени и вызвало къ жизни уже въ 1865 году учрежденіе при Московскомъ университетѣ юридическаго общества, отразившись продуктивно и на развитіи сопредѣльныхъ наукъ уголовнаго и гражданскаго права.

Реформа осуществилась. Прошло полвѣка съ изданія уставовъ. Новые суды постепенно были введены по всей Россіи. И вотъ возникаетъ простой естественный вопросъ: выполнила ли судебная реформа свою задачу, стоятъ ли наши суды на надлежащей высотѣ, надлежаще ли ими поняты ихъ обязанности, вѣрны ли были указанія и велѣнія, начертанныя въ уставахъ? Осуществилось ли выраженное въ Высочайшемъ манифестѣ 20 ноября 1864 года пожеланіе Государя Александра II, чтобы въ Россіи водворился «судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ» и желаніе Государя «возвысить судебную власть и дать ей надлежащую самостоятельность»?

Дать безошибочный отвѣтъ на эти вопросы составляетъ одну изъ задачъ настоящаго труда. Для достиженія означенной цѣли въ книгѣ излагается исторія законодательнаго творчества по отдѣлу организаціи суда и обоихъ процессовъ, гражданскаго и уголовнаго, со времени изданія Судеб-

ныхъ Уставовъ до послѣдняго времени, охватывающаго уже дѣятельность Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Читатель книги, такимъ образомъ, лично удостовѣрится въ направленіи, въ которомъ шелъ законодатель, дополняя и измѣняя уставы, и предъ нимъ будетъ раскрытъ нашъ процессуальный кодексъ въ обѣихъ его редакціяхъ—первоначальной 1864 года и той, которую онъ получилъ къ 1914 году. Затѣмъ послѣдуетъ картина первоначальной дѣятельности судовъ и другихъ судебныхъ органовъ и того, какъ именно въ жизни отразилось реформированіе уставовъ и насколько новые законодательные акты и взгляды и распоряженія высшаго центральнаго вѣдомственнаго органа вліяли на состояніе процесса и на работу судебныхъ дѣятелей.

Производство цѣлаго ряда дѣлъ уже въ первоначальной редакціи уставовъ, а главнымъ образомъ позднѣйшими узаконеніями, были выдѣлены изъ общаго процессуальнаго порядка и поставлены въ исключительныя условія, вызываемыя особымъ характеромъ этихъ дѣлъ. Сюда относятся дѣла о государственныхъ и должностныхъ преступленіяхъ, по которымъ самое возбужденіе обвиненія и преданіе суду уже радикально измѣнены, также какъ и дальнѣйшее ихъ движеніе, дѣла о преступленіяхъ печати, дѣла «аграрныя» и «рабочія» и наконецъ дѣла о религіозныхъ преступленіяхъ. Помимо процессуальныхъ особенностей производства этихъ дѣлъ, они представляются исключительными и по особой заинтересованности въ разрѣшеніи ихъ Судами, съ одной стороны правительства, а съ другой общества въ виду ихъ «политической» окраски. Названной категоріи дѣлъ книга удѣляетъ поэтому особое вниманіе.

Судебная дѣятельность въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ, не исчерпывается функціонированіемъ установленій, созданныхъ общимъ процессуальнымъ кодексомъ. У насъ рядомъ съ органами, дѣйствующими на основаніи Судебныхъ Уставовъ 1864 года, существуютъ государственныя учрежденія, независимыя отъ этихъ уставовъ, но несущія на себѣ судебныя обязанности. Таковы коммерческіе, военные и духовные суды. Этими учрежденіями, дѣйствующими въ коллегіальномъ составѣ,—при чемъ, напримѣръ, устройство и производство военныхъ Окружныхъ Судовъ весьма близки общимъ судамъ,—разрѣшаются крупныя дѣла гражданскія и уголовныя. Они въ организаціи своей носятъ въ большей или меньшей степени черты сословности, но вѣдаютъ дѣла не только сословно-корпоративныя, но и дѣла непосредственно затрогивающія интересы имущественныя и личныя всѣхъ гражданъ. Поэтому, хотя названные суды стоятъ внѣ уставовъ 1864 г., но исключать ихъ изъ общаго судебнаго обозрѣнія было бы неправильно. Картина дѣйствующаго въ настоящее время въ Россіи суда была бы безъ упоминанія о нихъ далеко не полна. Къ тому же дѣятельность военныхъ судовъ, особенно за послѣднія десять лѣтъ, останавливаетъ на себѣ совершенно исключительное вниманіе, такъ какъ этому суду приходилось разрѣшать большое количество дѣлъ о государственныхъ и аграрныхъ преступленіяхъ, о сопротивленіи власти и даже о такихъ преступленіяхъ, какъ убійства съ цѣлью грабежа и разбои. Всѣ три разсматриваемыя судебныя организаціи обращаютъ на себя сугубое вниманіе и съ научной

(процессуальной) и общественной точекъ зрѣнія тѣмъ, что необходимость и цѣлесообразность ихъ существованія оспаривается, какъ въ Россіи, такъ и въ заграничной спеціальной литературѣ; у насъ не разъ въ законодательныхъ сферахъ возникалъ вопросъ о совершенномъ упраздненіи Коммерческихъ судовъ и о передачѣ ихъ обязанностей подлежащимъ Окружнымъ Судамъ, а также о сокращеніи компетенціи судовъ духовныхъ. За исключеніемъ послѣднихъ, Суды, о которыхъ мы говоримъ, получили настоящую ихъ организацію уже въ пореформенное время. Къ этой же категоріи судовъ надлежитъ отнести существующія у насъ на окраинахъ судебныя организаціи, въ значительной степени отличающіяся отъ нормальныхъ. Наконецъ было признано желательнымъ посвятить особый очеркъ дѣтскому суду, т.-е. суду надъ несовершеннолѣтними, хотя онъ не выдѣленъ изъ учрежденій, дѣйствующихъ на основаніи Судебныхъ Уставовъ, ибо онъ представляетъ несомнѣнныя особенности и гуманною задачей своей заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ введенъ у насъ въ сравнительно недавнее время.

Судебный характеръ имѣется до извѣстной степени налицо и въ дѣятельности административныхъ органовъ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, частью даже предусмотрѣнныхъ уставами. Сюда мы относимъ функціи органовъ «административной юстиціи», дисциплинарные (корпоративные) суды и разрѣшеніе дѣлъ, по существу своему судебныхъ, администраціей въ порядкѣ усиленной и чрезвычайной охраны. «Административная юстиція», не представленная въ Россіи особыми органами (I Департаментъ Сената наиболѣе являетъ изъ тебя таковой) и неимѣющая особаго процессуальнаго кодекса, должна быть, однако, по существу и чрезвычайной важности ея функцій для общества отнесена къ судебному отдѣлу государственнаго устройства, а потому очерку ея должно быть отведено мѣсто въ описаніи суда. Дисциплинарный судъ, зиждящійся частично на Судебныхъ Уставахъ, тоже далеко не безразличенъ для населенія, и организація его у насъ, особенно въ отношеніи размѣра предоставленной ему власти, возбуждая рядъ вопросовъ, подлежитъ серьезному обсужденію съ юридической точки зрѣнія.

На этомъ перечнѣ, охватывающемъ всѣ отдѣлы и отрасли судебной и близкой ей дѣятельности нашихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій и судебное прошлое ихъ, слѣдовало, казалось бы, остановиться; но редакціонный комитетъ книги «Судебная Реформа» счелъ правильнымъ включить въ нее еще отдѣлъ біографій, очерковъ и мемуаровъ выдающихся дѣятелей реформированнаго суда какъ по законодательству, такъ и по непосредственной работѣ ихъ на судебномъ поприщѣ, созданномъ уставами 1864 года.

Для осуществленія задуманнаго большого и отвѣтственнаго научнаго, а въ то же время и общественнаго, дѣла, авторы проекта, выработавъ совмѣстно программу изданія, обратились къ извѣстнымъ юристамъ-теоретикамъ и практикамъ съ предложеніемъ принять участіе въ книгѣ составленіемъ статей и очерковъ, касающихся ихъ спеціальности. Согласіе гг. юристовъ, къ которымъ редакція книги обратилась, было получено и ре-

дакціонный комитетъ, взявшій на себя обязанность придать всему труду, въ имѣющихъ его составить пяти томахъ, единство и общую связь отдѣльныхъ статей, ознакомилъ авторовъ съ установленной программой изданія, его цѣлью и направленіемъ.

Участіе въ настоящемъ трудѣ принимаютъ ученые теоретики и практики, представители чистой науки, судебные дѣятели и юристы, близкіе общественной дѣятельности. Въ числѣ авторовъ есть нѣсколько лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ введенія въ разныхъ округахъ Судебныхъ Уставовъ Александра II.

Н. Давыдовъ.

О Судебной власти.

I.

«Когда въ одномъ и томъ же лицѣ или въ одномъ и томъ же учрежденіи законодательная власть соединена съ исполнительной, свободѣ нѣтъ мѣста, потому что существуетъ опасность, какъ бы одинъ и тотъ же монархъ или тотъ же сенатъ не стали издавать тираническихъ законовъ для того, чтобы тиранически приводить ихъ въ исполненіе. И точно также нѣтъ мѣста свободѣ въ томъ случаѣ, если судебная власть не отдѣлена отъ законодательной и исполнительной. Если она соединена съ законодательной, господство надъ жизнью и свободой гражданъ становится произвольнымъ, ибо судья является законодателемъ. Если она соединена съ исполнительной, судья пріобрѣтаетъ силу притѣснителя. Все потеряно, если одно и то же лицо или одна и та же коллегія главенствующихъ, знатныхъ, или народа осуществляетъ три власти совмѣстно: власть издавать законы, исполнять общественныя постановленія, судить преступленія и споры между гражданами».

Такова классическая формулировка, даваемая Монтескье знаменитой теоріи раздѣленія властей. По своему существу она распадается на двѣ части: во-первыхъ, она провозглашаетъ отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной и, во-вторыхъ, отдѣленіе судебной власти отъ той или другой. Въ теченіе многихъ десятилѣтій теорія раздѣленія властей вліяетъ опредѣляющимъ образомъ на политическую мысль; однако, далеко не одинаковой является историческая судьба ея основныхъ положеній. Продолжительный опытъ государственной жизни неопровержимо доказываетъ практическую неосуществимость отдѣленія законодательной власти отъ правительственной, какъ его понимаетъ Монтескье. Углубленный критическій анализъ обнаруживаетъ теоретическую несостоятельность идеи раздѣленія властей въ ея классической формулировкѣ, поскольку она опредѣляетъ отношеніе законодательной и правительственной властей другъ къ другу. И, наоборотъ, другое основное положеніе теоріи Монтескье,—обособленіе судебной власти отъ законодательной и исполни-

тельной—побѣдоносно выдерживаетъ испытаніе временъ. Положеніе это не только остается теоретически непоколебленнымъ до нашихъ дней, но—больше того—законодательная эволюція правового государства, поскольку она касается судебной власти, является ничѣмъ инымъ, какъ постепеннымъ, неуклонно послѣдовательнымъ внѣдреніемъ его въ политическую жизнь.

Какъ извѣстно, Монтескье подъ раздѣленіемъ властей понимаетъ независимость органовъ законодательной, правительственной и судебной власти другъ отъ друга. Разсматривая раздѣленіе властей, какъ необходимую гарантію политической свободы, Монтескье справедливо полагаетъ, что оно должно быть устойчивымъ и неизмѣннымъ. А это, по его мнѣнію, возможно только въ томъ случаѣ, если власти независимы другъ отъ друга, если ни одна изъ нихъ не является настолько сильной, чтобы узурпировать полномочія другихъ. Необходимо, чтобы одна власть останавливала другую; необходимо равновѣсіе, балансированіе властей. Власти должны быть равносильны; онѣ должны либо дѣйствовать согласно, либо бездѣйствовать вовсе.

Независимость судебной власти обезпечивается, по мнѣнію Монтескье, ея выборнымъ характеромъ. Осуществляемая присяжными, она не связана ни съ опредѣленнымъ сословіемъ, ни съ опредѣленной профессіей. Она является, такъ сказать, незримой, несуществующей. Что касается правительственной власти, то необходимо прибавить къ ней «гирю» для того, чтобы она уравновѣшивала законодательную власть; такой гирей является право законодательнаго вето, право созыва и роспуска палатъ, принадлежащія королю, какъ органу исполнительной власти. Во всякомъ случаѣ, раздѣленіе властей, какъ его понимаетъ Монтескье, синонимъ независимости ихъ другъ отъ друга. А между тѣмъ, если, дѣйствительно, судебная власть и можетъ и должна быть независимой отъ власти законодательной и правительственной, то о независимости правительственной власти отъ законодательной не можетъ быть рѣчи. Вопреки элементарному требованію логики, тріада властей Монтескье покоится не на одномъ, а на двухъ, другъ отъ друга отличныхъ, разграничительныхъ принципахъ: *формальномъ*—при отдѣленіи законодательной власти отъ правительственной и *матеріальномъ*—при отдѣленіи судебной власти отъ той и другой. Однимъ и тѣмъ же терминомъ—терминомъ раздѣленія властей—обозначаются явленія различнаго порядка: обособленіе *органовъ* законодательной и правительственной власти, и отдѣленіе *функцій* власти судебной отъ функцій другихъ властей.

По своему матеріальному содержанію законодательная и правительственная функціи вполнѣ однородны. Никто въ настоящее время не станетъ утверждать, что правительственная власть ограничена исполненіемъ законовъ; теорія исполнительной власти сдана навсегда и безповоротно въ политическій архивъ. Забота объ интересахъ, удовлетвореніе потребностей общественной жизни—задача не только законодательной, но и правительственной власти. Поэтому въ содержаніи законодательныхъ и правительственныхъ актовъ нельзя указать принципіально-необходимаго

различія: кто не знаетъ, что общія юридическія нормы устанавливаются не только въ законодательномъ порядкѣ, но и въ порядкѣ управленія; что конкретныя распоряженія, издаваемыя во «исполненіе законовъ», исходятъ не только отъ правительственной, но и отъ законодательной власти? Различіе между той и другой является чисто формальнымъ: участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти проводитъ между нею и правительственной отчетливую грань. Отсюда—*іерархическая предоставленность* законодательной власти. Исключительной, какъ власти общественнаго мнѣнія, предоставляется въ правовомъ государствѣ регламентація важнѣйшихъ отношеній общественной жизни; такъ, въ частности, нормы, касающіяся жизни, свободы и имущества гражданъ, не могутъ быть устанавливаемы иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Съ другой стороны, волеизъявленія законодательной власти обладаютъ преимущественной силой,—такъ называемой формальной силой закона: правительственная власть является въ правовомъ государствѣ подзаконною властью; ея волеизъявленія юридически дѣйствительны лишь въ мѣру своего соотвѣтствія или непротиворѣчія закону. Въ предѣлахъ закона правительство правитъ страною,—правитъ,—т.-е. свободно, по своему усмотрѣнію, осуществляетъ интересы государственной и общественной жизни. Независимость правительственной власти отъ законодательной ведетъ къ двоевластію; единство государственной власти, опредѣляющей судьбы страны, категорически требуетъ безусловнаго подчиненія правительственной «политики» политикѣ законодателя. Въ настоящее время это требованіе вполнѣ осуществляется парламентарнымъ режимомъ. Если простое неодобреніе правительственной политики народнымъ представительствомъ влечетъ за собою коллективную отставку министерства—возможно ли говорить о независимости правительственной власти отъ законодательной?

Въ отличіе отъ законодательной и правительственной, судебная власть не правитъ страной. Забота о благосостояніи общества, защита *интересовъ*, общественныхъ и частныхъ, въ ея компетенцію не входитъ. Какія бы событія ни происходили въ странѣ,—во время войны и во время мира, въ періодъ покоя и въ эпоху смуты,—судебная власть остается неизмѣнной: врачъ лѣчитъ, учитель учитъ, судья судитъ. Не характеромъ своей организаціи судебная власть отличается отъ другихъ властей: судья, избираемый всеобщимъ голосованіемъ, такъ же мало похожъ на законодателя, какъ судья по назначенію—на чиновника министерства, исполняющаго волю начальства. Раздѣленіе властей въ примѣненіи къ судебной власти покоится на своеобразномъ характерѣ функціи, исполняемой судомъ: констатированіе права для защиты правъ,—въ этомъ, и только въ этомъ призваніе судьи. Каждое судебное рѣшеніе необходимо предполагаетъ споръ о правѣ; споръ этотъ рѣшается судьею не на основаніи соображеній цѣлесообразности и удобства, выгоды, общественной или частной; онъ рѣшается на основаніи права. Законодательная и правительственная власти—активны; онѣ принимаютъ рѣшенія по своей иниціативѣ, ибо цѣль этихъ рѣшеній—осуществленіе понимаемаго правильно

или неправильно общественнаго блага. Судебная власть пассивна; гдѣ нѣтъ спора—нѣтъ суда. Судья не является господиномъ ни своей дѣятельности, ни своего покоя. Инициатива судебнаго дѣйствія—въ рукахъ заинтересованной стороны, т. е. истца—въ гражданскомъ, публичнаго обвинителя въ уголовномъ процессѣ. Судью спрашиваютъ,—судья отвѣчаетъ.

Законодательная и правительственная власть не только воздѣйствуютъ на настоящее; онѣ стремятся предусмотрѣть и регламентировать будущее. Поэтому, ихъ дѣятельность, по преимуществу, абстрактна; конкретное ихъ интересуетъ постольку, поскольку оно не вмѣщается въ рамки абстрактныхъ положеній. Судебная власть ликвидируетъ прошлое: былъ споръ о правѣ; судебное рѣшеніе полагаетъ этому спору конецъ. Такое рѣшеніе всегда конкретно; въ мірѣ абстракцій нѣтъ мѣста судьѣ.

Создавая право, законодательная власть руководствуется соображеніями цѣлесообразности и пользы, интересами общества или отдѣльнаго его класса. И тѣми же соображеніями руководствуется правительство, въ предѣлахъ права управляя страной. Политика—стихія, въ которой живетъ и та и другая власть; политика—стихія, въ которой судебная власть задыхается и умираетъ. Законъ или правительственный актъ можетъ быть разумнымъ или неразумнымъ, нравственнымъ или безнравственнымъ, полезнымъ или вреднымъ. Судебное рѣшеніе можетъ быть правосуднымъ или неправосуднымъ,—и только.

Конечно, только теорія геометрична; извилисты грани, отдѣляющія другъ отъ друга текучія явленія дѣйствительной жизни. По великому завѣту Судебныхъ Уставовъ, не только правда, но и милость должны царствовать въ судахъ; судъ долженъ быть милостивымъ потому, что часто жестокимъ бываетъ законъ. И судебная дѣятельность не свободна отъ элементовъ усмотрѣнія, но усмотрѣніе судьи противорѣчитъ природѣ его функціи; усмотрѣніе администратора вытекаетъ изъ ея существа.

Именно потому, что судебная функція отлична отъ функціи другихъ властей, она должна быть отъ нея отдѣлена. Именно потому, что судья не дѣйствуетъ, а судитъ, не творитъ, а констатируетъ право,—судебная дѣятельность должна быть независимой и свободной. *Бэконъ* въ своемъ трактатѣ «De officio judicis» сравниваетъ судей со львами, лежащими у подножія трона. Ни у подножія трона, ни у ногъ народа—не мѣсто судьѣ. Его девизъ: non civium ardor prava iubentium, non vultus instantis tyranni.....

Изъ самаго существа, изъ природы судебной власти логически вытекаетъ необходимость ея отдѣленія отъ законодательной. Если эти власти соединены, если судья—законодатель, или законодатель—судья, «господство надъ жизнью и свободою гражданъ становится произвольнымъ». Прочность и устойчивость правопорядка невозможны въ томъ случаѣ, если судебное рѣшеніе—дѣйствующій съ обратною силой законъ. Всякое вмѣшательство законодателя въ отправленіе правосудія является посягательствомъ противъ свободы судейскаго убѣжденія, противъ свободы суда. Трудно представить себѣ, къ какимъ, по истинѣ, чудовищнымъ послѣдствіямъ привело бы, напримѣръ, распространеніе принципа политической отвѣтствен-

ности съ администраціи на судъ. Отправленіе правосудія оказалось бы невозможнымъ, если бы вотумъ недовѣрія, недовольства судебнымъ рѣшеніемъ, исходящій отъ представительнаго собранія, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ отставку судьи. Ни въ чемъ, быть можетъ, принципіальное отличіе административной функціи отъ судебной не сказывается такъ отчетливо и ярко, какъ въ этомъ сопоставленіи необходимости политической отвѣтственности администраціи съ невозможностью политической отвѣтственности суда.

И точно также обособленіе судебной и административной властей, или—что то же—независимость суда отъ администраціи является логически необходимымъ слѣдствіемъ своеобразія судебной функціи, ея отличія отъ функціи административной. По опредѣленію Монтескье, политическая свобода—т.-е. свобода въ гражданскомъ общежитіи—состоитъ въ спокойствіи духа, проистекающемъ изъ увѣренности каждаго въ его безопасности,—въ неприкосновенности принадлежащихъ ему правъ. Для того, чтобы такая свобода была возможной, необходимо, чтобы въ спорѣ о правѣ рѣшающимъ началомъ являлось не субъективное усмотрѣніе, измѣнчивое отъ случая къ случаю, отъ лица къ лицу, а объективное право, неизмѣнное и равное для всѣхъ; необходимо, чтобы «страшная» власть надъ жизнью, свободой и собственностью гражданъ была властью нейтральной и безстрастной, стоящей «надъ градомъ», въ высотѣ. Подчиненіе суда администраціи неизбѣжно вовлекаетъ судъ въ круговоротъ политической и соціальной борьбы,—борьбы интересовъ и страстей. Зависимый судъ становится администраціей въ маскѣ,—администраціей неискренней и лживой, скрывающей подъ флагомъ правосудія контрабанду произвола. Подзаконность правительственной власти—необходимое условіе гражданской свободы. Для того, чтобы отношенія публичнаго права,—отношенія между властью и гражданиномъ, являлись отношеніями права, а не силы,—необходимъ независимый судъ, недоступный вліяніемъ власти. Декларація правъ—монологъ законодателя, риторическое упражненіе на либеральную тему, если за каждымъ изъ ея императивныхъ велѣній не стоитъ во всеоружіи независимый судъ. Безконечно измѣнчивы и разнообразны тѣ цѣли, къ которымъ стремится, тѣ интересы, которымъ служитъ, тѣ вліянія, отъ которыхъ зависитъ правильственная власть. Даже въ томъ случаѣ, если въ борьбѣ интересовъ и силъ, политическихъ и соціальныхъ, правительство желаетъ справедливыхъ компромиссовъ, оно не можетъ не отдавать предпочтенія однимъ интересамъ предъ другими, не можетъ эмансипироваться отъ «зловѣщихъ» вліяній,—политическихъ и соціальныхъ, партійныхъ и классовыхъ. Въ его глазахъ никогда не равноцѣнны интересы свободы и порядка, интересы труда и капитала, интересы различныхъ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ группъ,—господствующей и угнетенныхъ. Осуществляемая правительствомъ или зависимая отъ него судебная власть становится орудіемъ политической борьбы, однимъ изъ многочисленныхъ средствъ, которыми располагаетъ правительство для достиженія политической цѣли. Правительство требуетъ отъ суда не «рѣшеній», а «услугъ», навязываетъ ему свое политическое credo: судъ долженъ соот-

вѣтствовать видамъ правительства; онъ долженъ быть національнымъ; суровостью каръ онъ долженъ охранять безопасность и порядокъ..... И каждое такое требованіе, предъявляемое къ суду, умаляетъ, унижаетъ, развращаетъ судъ.—«Суды наши мало отличались отъ настоящихъ разбойничьихъ вертеповъ», говоритъ *Галламъ* объ англійской юстиціи эпохи Тюдоровъ,—о тѣхъ судахъ, которые служили покорнымъ орудіемъ политики религіозной нетерпимости и политическаго произвола.

Выводъ изъ сказаннаго ясенъ: отдѣленіе судебной власти отъ другихъ властей, ея независимость отъ нихъ, является логически необходимымъ слѣдствіемъ своеобразнаго характера судебной функціи по сравненію съ функціей законодательной и административной.

II.

Начало отдѣленія судебной власти отъ законодательной и правительственной осуществляется въ Россіи Судебными Уставами императора Александра II. Въ этомъ ихъ великое историческое значеніе: русскій судъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, рождается 20 ноября 1864 года.

Ст. 1 Высоч. утв. 29 сентября 1862 г. основныхъ положеній судоустройства гласитъ: «власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной». По справедливому замѣчанію составителей Судебныхъ Уставовъ, уже одно то, что статья эта поставлена въ основныхъ положеніяхъ первою, указываетъ, какую важность придаютъ ей основныя положенія во всемъ дѣлѣ судебной реформы [1]). Поэтому, «главной» задачей реформы,—задачей «первостепенной важности»—составители Уставовъ считаютъ осуществленіе этого начала,—по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, если въ условіяхъ русской дѣйствительности его нельзя осуществить въ подробностяхъ [2]). Необходимость обособленія властей является, по ихъ мнѣнію, слѣдствіемъ своеобразнаго характера судебной функціи, ея матеріальнаго отличія отъ функціи другихъ властей. Судебныя мѣста существуютъ для «возстановленія справедливости въ случаѣ спора предписаннымъ въ законѣ порядкомъ» [3]). По самой цѣли своего учрежденія, они обязаны охранять по просьбамъ частныхъ лицъ и учрежденій не иначе, какъ силою закона, права ихъ отъ всякаго незаконнаго посягательства, въ случаяхъ спора или насилія. Для возбужденія дѣятельности судебныхъ мѣстъ необходимы: нарушеніе признаннаго закономъ права, споръ и просьба, исходящая отъ частнаго лица или общественнаго учрежденія объ охраненіи права [4]). Обязанность судьи—въ огражденіи какъ частныхъ лицъ, такъ и всего общества отъ нарушенія ихъ правъ; ограждая

---

[1]) *Объяснит. записка* 1863 г., стр. 172; срв. *Журн.* 1864 г., № 44, стр. 21.
[2]) *Журналъ* 1864 г., № 44, стр. 20.
[3]) *Журн.* 1862 г., № 65, стр. 53.
[4]) *Журн.* 1864 г., № 44, стр. 18.

основанныя на правѣ права, судья охраняетъ въ государствѣ общественную и частную безопасность, спокойствіе и законный порядокъ [1]).

По существу своей функціи, судебная власть должна быть отдѣлена отъ законодательной. Поэтому, судебныя установленія обязаны рѣшать подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла по точному разуму законовъ; въ случаѣ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія они обязаны основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ, отнюдь не останавливая разсмотрѣнія дѣлъ для ихъ направленія въ законодательномъ порядкѣ [2]). Право кассаціи окончательныхъ рѣшеній Судебные Уставы предоставляютъ только суду. Въ отличіе отъ рѣшеній административныхъ департаментовъ сената, рѣшенія его кассаціонныхъ департаментовъ ни въ какомъ случаѣ не восходятъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта [3]). Съ безпримѣрной для своего времени смѣлостью составители Уставовъ устраняютъ Верховную власть отъ всякаго участія въ отправленіи правосудія: жалобы на рѣшенія сената ни въ какомъ случаѣ не допускаются и не могутъ быть принимаемы никѣмъ [4]).

Съ еще большей настойчивостью составители Судебныхъ Уставовъ проводятъ начало отдѣленія судебной отъ правительственной власти. Такое отдѣленіе предполагаетъ не только *обособленность функцій*, но также *независимость органовъ* судебной власти отъ правительственной. Что касается обособленности функцій, то она вытекаетъ изъ ихъ существа. Если, съ одной стороны, основанія и интересы юстиціи имѣютъ постоянное значеніе и стремятся къ единству руководящей идеи, то, съ другой, основанія и интересы администраціи въ высшей степени разнообразны и измѣнчивы: если тамъ все рѣшается неизмѣннымъ правомъ, то здѣсь, прежде всего, необходимо принимать во вниманіе пользу и потребность интереса общественнаго, необходимыя условія общей экономіи [5]). Судъ, какъ судъ, долженъ всегда оставаться въ страдательномъ положеніи; онъ имѣетъ право дѣйствовать только тогда, когда его къ тому вызываютъ просьбою. Самостоятельная дѣятельность всегда и вездѣ принадлежала и принадлежитъ административной власти [6]). Администрація требуетъ отъ управляемыхъ исполненія закона; она предупреждаетъ нарушенія законнаго порядка, а судъ возстановляетъ порядокъ, уже нарушенный, и опредѣляетъ послѣдствія его нарушенія. Если одна и та же власть и предъявляетъ требованія и сама же обсуждаетъ послѣдствія его неисполненія, то, очевидно, что обвиняемые не будутъ имѣть никакихъ ограждeній отъ неправильнаго преслѣдованія ихъ. При соединеніи администраціи и суда въ однѣхъ рукахъ ничто не представляетъ ручательства въ томъ, что каждая изъ двухъ властей, административная и судебная, будетъ держаться въ ея естественныхъ

---

[1]) *Журн.* 1864 г., № 48, стр. 31.

[2]) Ст. 9 и 10 Уст. гражд. судопр.; ст. 12 и 13 Уст. угол. судопр. Срв. также *Журн.* Соед. Деп. 1862 г., № 65, стр. 54 и сл.

[3]) *Журн.* 1859 г. о главныхъ началахъ гражд. судопроизв., стр. 25.

[4]) Ст. 927 Уст. угол. судопр.; ст. 808 Уст. гражд. судопр.

[5]) *Журн.* 1864, № 44, стр. 20.

[6]) *Тамъ же*, стр. 21.

предѣлахъ. Поэтому, рѣшенія административныхъ властей по дѣламъ судебнымъ всегда внушаютъ къ себѣ недовѣріе, и наказаніе, назначенное безъ суда; представляется произволомъ власти, возбуждающимъ ропотъ [1]).

Исходя изъ такихъ соображеній, Судебные Уставы санкціонируютъ начало обособленія властей, какъ въ области гражданскаго, такъ и въ области уголовнаго суда. Такъ, всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій [2]); и, равнымъ образомъ, никто не можетъ иначе, какъ въ судебномъ порядкѣ, подлежать преслѣдованію за совершенное имъ преступленіе или проступокъ [3]).

Обособленіе судебной функціи необходимо предполагаетъ независимость суда: практически безразлично, участвуетъ ли администрація непосредственно въ отправленіи правосудія, или воздѣйствуетъ на судъ, отправляющій правосудіе, зависимый отъ нея. Независимость суда отъ администраціи является, такимъ образомъ, логически необходимымъ слѣдствіемъ обособленности функцій, ввѣряемыхъ суду. Въ матеріалахъ судебной реформы мы встрѣчаемся на каждомъ шагу съ категорическимъ признаніемъ великаго начала независимости суда. Самостоятельность судебныхъ мѣстъ въ рѣшеніи дѣлъ и отвѣтственность за нарушеніе предписанныхъ въ законѣ правилъ—необходимыя условія правильнаго устройства судебныхъ мѣстъ. Всякое подчиненіе судебнаго мѣста лицу или мѣсту правительственному, ослабляя высокое значеніе суда, ограничиваетъ право его примѣнять законы,—«безпристрастно, несмотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ» [4]). Самостоятельность судей—одно изъ надежныхъ ручательствъ въ правильномъ отправленіи правосудія, и потому одно изъ главныхъ условій хорошаго судоустройства. Дѣла судебнаго вѣдомства касаются важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ: ихъ гражданской жизни, чести и достоянія. Въ дѣлахъ этого рода могутъ быть заинтересованы или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, начальствующіе надъ судьями, или вообще лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ... Такія лица господствуютъ надъ судьями, желающими сохранить свои мѣста, и вынуждаютъ несправедливыя рѣшенія даже отъ тѣхъ изъ нихъ, которые никогда не унизились бы до лихоимства... Конечно, судья, проникнутый чувствомъ своего долга, не станетъ торговаться съ совѣстью для угожденія кому бы то ни было. Но учрежденія, имѣя дѣло съ дѣйствительнымъ, а не идеальнымъ порядкомъ вещей, не могутъ не принимать въ расчетъ людскихъ страстей и слабостей. По существующему въ нашихъ Основныхъ Законахъ требованію, законы должны быть исполняемы безпристрастно, несмотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ. Правило это должно имѣть самое строгое примѣненіе въ судебныхъ дѣлахъ, гдѣ всякое отъ него отступленіе представляется вопіющей несправедливостью. Но

---

[1]) *Журн.*, 3 сент. 1862 г., стр. 1.
[2]) Ст. 1, Уст. гражд. судопр.
[3]) Ст. 1 Уст. угол. судопр.
[4]) *Журн.* 1859 г. о главн. нач. гражд. судопр., стр. 7.

законодательство, устанавливая такое правило, должно вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечить его исполненіе, должно поставить судей въ такое положеніе, чтобы они могли исполнять свои обязанности безъ особыхъ съ ихъ стороны подвиговъ самоотверженія [1]). Желая устроить судъ на прочныхъ основахъ, необходимо тщательно избѣгать всего того, что можетъ возбуждать подозрѣніе, или хотя бы только сомнѣніе на счетъ безпристрастія судьи, дабы не подорвать довѣрія къ суду, а съ нимъ вмѣстѣ и вѣру въ правосудіе [2]). Безъ самостоятельности суда и независимости судьи не можетъ быть суда въ настоящемъ значеніи этого слова. Для того, чтобы судъ могъ быть самостоятельнымъ, а судья независимымъ, необходимо поставить ихъ внѣ всякаго вліянія какой-либо личной подчиненности,—такъ, чтобы надъ ними не было другого начальства, кромѣ судебной власти [3]). Существуетъ различіе—справедливое и естественное—между службой по судебному и по другимъ вѣдомствамъ. Чиновники административные, по самому свойству исполнительной ихъ дѣятельности, всегда іерархически подчинены ближайшимъ своимъ начальникамъ, отвѣтственнымъ за исправность ихъ по службѣ, и, поэтому, въ такой только мѣрѣ могутъ быть признаны полезными и достойными, въ какой ими довольны начальники. Напротивъ, судья тогда только и можетъ соотвѣтствовать своему назначенію и пользоваться довѣріемъ общества, когда онъ поставленъ въ положеніе независимое; получая свою власть непосредственно отъ Государя Императора, судья не можетъ имѣть никакого непосредственнаго начальника, который былъ бы вправѣ судить и аттестовать о заслугахъ его въ употребленіи этой, переданной ему свыше, власти [4]).

Независимость суда лежитъ въ основѣ созданнаго Судебными Уставами новаго судоустройства. Въ дѣлѣ организаціи судебныхъ учрежденій Уставы допускаютъ въ широкихъ размѣрахъ примѣненіе выборнаго начала. По мнѣнію составителей Уставовъ, «въ порядкѣ суда одно это право важнѣе всѣхъ прочихъ взятыхъ въ совокупности»[5]). Судъ, какъ необходимый въ государствѣ органъ правосудія, можетъ достигнуть истиннаго своего назначенія въ томъ только случаѣ, если онъ пользуется общимъ въ государствѣ довѣріемъ: это довѣріе необходимо, какъ самая твердая опора правительства, какъ основное условіе общаго въ государствѣ спокойствія. Но оно не можетъ быть достигнуто, если составъ суда будетъ предоставленъ исключительному усмотрѣнію административныхъ властей, безъ всякаго въ семъ отношеніи участія самого общества. Назначеніе судей администраціей,—и, въ особенности, низшей—нерѣдко основано не столько на достиженіи главной цѣли, т.-е. на избраніи достойныхъ людей, сколько на произволѣ, который руководствуется совершенно иными побужденіями и приводитъ къ весьма неудовлетворительнымъ результа-

---

[1]) *Соображ.* Госуд. Канцеляріи 1862 г., стр. 67 и сл.
[2]) *Объясн. зап.*, 1863 г., стр. 141.
[3]) Тамъ же, стр. 174.
[4]) Тамъ же, стр. 170.
[5]) *Журн.* 1862 г., № 65, стр. 309.

тамъ. Поэтому, мировая юстиція является по Уставамъ институтомъ выборнымъ; и точно такъ же выборный характеръ имѣетъ судъ присяжныхъ,—судъ общественной совѣсти, по самому существу своему независимый и свободный. Вопреки первоначальнымъ предположеніямъ, губернаторъ отстраняется отъ непосредственнаго участія въ составленіи списка присяжныхъ, потому что такое участіе «было бы несогласно съ началомъ отдѣленія судебной власти отъ административной» [1]).

Что касается судей другихъ категорій,—судей по назначенію,—въ отношеніи къ нимъ создается Уставами система гарантій, обезпечивающихъ до нѣкоторой степени ихъ судейскую независимость. Такъ, прежде всего, назначаются судьи по представленіямъ министра юстиціи Высочайшею властью. Справедливо полагая, что порядокъ представленія судей министромъ юстиціи неизбѣжно приводитъ къ развитію системы протекцій, наиболѣе вредной и фальшивой изъ всѣхъ вообще системъ, Уставы предоставляютъ указаніе кандидатовъ судебнымъ мѣстамъ, при которыхъ открылась вакантная должность [2]). Судьи по назначенію пользуются правомъ несмѣняемости. По общему правилу, они не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія. Временное устраненіе отъ должности допускается только въ случаѣ преданія ихъ суду, а совершенному удаленію или отрѣшенію отъ должностей они подвергаются не иначе, какъ по приговорамъ уголовнаго суда [3]). Надзоръ за судебными мѣстами, а также за лицами, занимающими судебныя должности, принадлежитъ исключительно высшимъ въ порядкѣ подчиненности судебнымъ мѣстамъ. Надзоръ за ними прокуроровъ и министра юстиціи долженъ ограничиваться заявленіемъ объ извѣстныхъ имъ нарушеніяхъ закона и установленныхъ правилъ надлежащему суду для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій [4]). Дисциплинарныя взысканія могутъ быть налагаемы на судей только судебною властью [5]). Въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности судьи подвергаются однимъ лишь предостереженіямъ; дозволеніе подвергать ихъ замѣчаніямъ и выговорамъ безъ суда было бы несогласно съ достоинствомъ званія судьи и могло бы поколебать то уваженіе къ нему, которое желательно и необходимо утвердить въ обществѣ [6]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что судебная независимость парализуется не только карательнымъ воздѣйствіемъ на судей за дѣятельность, неугодную правительству, но также поощрительнымъ воздѣйствіемъ на нихъ за дѣятельность, угодную ему. Обезпечьте судьѣ несмѣняемость, но вмѣстѣ съ тѣмъ раскройте предъ нимъ широкія перспективы движенія вверхъ по лѣстницѣ служебныхъ отличій, поставьте это движеніе въ за-

---

[1]) *Тамъ же*, стр. 52.

[2]) Стт. 212 и 213 Учр. суд. уст.; см. также *Объясн. зап.*, 1863 г., стр. 96 и сл. стр. 103 и сл.

[3]) Ст. 243 Учр. суд. уст.

[4]) Стт. 249 и сл. учр. суд. уст.; см. также *Объясн. зап.* 1863 г., стр. 172 и сл.

[5]) Ст. 270 и сл. учр. суд. уст.

[6]) Ст. 264 учр. суд. уст.; Журн. 1864 г., № 48, стр. 39 и сл.

висимость отъ свободнаго усмотрѣнія начальства,—и судья окажется послушнымъ орудіемъ въ рукахъ, если не карающей, то награждающей власти. По справедливому указанію составителей Судебныхъ Уставовъ, для правильной организаціи суда необходимо, чтобы значеніе судьи и въ собственныхъ его глазахъ и въ мнѣніи общества зависѣло единственно отъ его званія, а не отъ какого-либо иного почета. Тогда только судья будетъ сознавать свое достоинство и важность своего призванія, а общество будетъ видѣть въ немъ судью въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Поэтому, члены суда должны быть совершенно равны между собою. Но если у нихъ останется и посредствомъ постепеннаго производства будетъ поддерживаемо различіе въ чинахъ, то это различіе не допуститъ установиться равенству судей, поставитъ ихъ въ неправильныя отношенія другъ къ другу и даже иногда дастъ перевѣсъ несправедливому мнѣнію старшаго чиномъ надъ мнѣніемъ младшаго, болѣе справедливымъ. Съ другой стороны, при производствѣ въ чины нужны аттестаціи и представленія. Отсюда—неизбѣжное вліяніе аттестующаго на аттестуемаго, зависимость судьи отъ начальства. Много ли найдется людей, которые бы не пожелали сравняться чиномъ съ равными имъ по званію товарищами, и это желаніе не обойдется безъ угодливости и разнаго рода искательствъ по судебному вѣдомству. Не отрицая исторической важности табели о рангахъ, составители Уставовъ полагаютъ, что къ дѣятелямъ судебнаго вѣдомства она по существу непримѣнима, ибо ничѣмъ неотвратимое зло можетъ произойти, во 1-хъ, отъ нераздѣльнаго съ чинами преимущества однихъ судей надъ другими, уничтожающаго необходимое въ дѣлѣ суда равенство между ними, и, во-2-хъ, отъ аттестацій и представленій къ чинамъ, могущихъ подорвать довѣріе самостоятельности и независимости судей [1]).

Казалось бы, логическій выводъ изъ приведенныхъ соображеній—отказъ, въ примѣненіи къ судьямъ, отъ всякаго чинопроизводства и, вообще, отъ всякихъ служебныхъ наградъ. Такъ далеко Уставы не идутъ: они допускаютъ награжденіе судей чинами и орденами,—однако, не иначе, какъ *единственно по личному усмотрѣнію Императорскаго Величества* [2]). Во всякомъ случаѣ, служебныя отличія за текущую судебную дѣятельность, и тѣмъ болѣе за участіе въ рѣшеніи того или другого судебнаго дѣла, по смыслу и духу Судебныхъ Уставовъ, не могутъ и не должны быть терпимы: развращая судъ, они подрываютъ довѣріе къ нему.

Таково отношеніе Судебныхъ Уставовъ къ основному началу судоустройства,—къ началу независимости суда. Историкъ судебной реформы разскажетъ, какимъ испытаніямъ это начало подверглось въ послѣдующую эпоху. Не безслѣдно прошли надъ Уставами полвѣка реакціи: уставы исчезли подъ мрачными наслоеніями позднѣйшаго законодательства. Настанетъ, разумѣется, время реставраціи ихъ,—и прежде всего она выявитъ ихъ основное начало, во всей его благородной и строгой красотѣ,—начало самостоятельности и независимости суда.

---

[1]) Объясн. Зап. 1863 г., стр. 166 и сл.

[2]) Ст. 248 учр. суд. уст.

III.

Но не только реставрація,—необходимо довершеніе Судебныхъ Уставовъ. Не слѣдуетъ забывать, что создавались они въ условіяхъ и средствами абсолютной монархіи, въ политической и соціальной средѣ полицейскаго государства. По справедливому замѣчанію Otto Mayer'a, отличительнымъ свойствомъ полицейскаго государства является то именно обстоятельство, что ему извѣстно одно только уголовное и гражданское, матеріальное и процессуальное право,—право юстиціи (Justizrecht), примѣняемое общимъ, гражданскимъ и уголовнымъ, судомъ; но оно не знаетъ административнаго права, опредѣляющаго порядокъ управленія, обязывающаго и связывающаго власть,—власть, какъ таковую—въ ея отношеніяхъ къ гражданамъ. Въ области гражданскаго права, государство, какъ фискъ, является юридическимъ лицомъ; въ отношеніи къ нему имущественныя притязанія возможны. Но государство, какъ власть, не является лицомъ,—субъектомъ основанныхъ на правѣ обязанностей и правъ. Государство — «господствующая сила»; государственная власть приказываетъ и принуждаетъ. Въ отношеніи къ ней у подданнаго нѣтъ и не можетъ быть субъективныхъ публичныхъ правъ; поэтому, споръ между властью и подданнымъ—споръ о правѣ—по существу, невозможенъ. Отношенія публичнаго права находятся по ту сторону границъ, опредѣляющихъ матеріальную компетенцію судебной власти [1]).

На такой именно точкѣ зрѣнія стоятъ составители Судебныхъ Уставовъ. Разумѣется, по характеру поставленной имъ задачи, они касаются исключительно гражданскихъ, а не публичныхъ правъ. Весьма поучительно, однако, принципіальное опредѣленіе, даваемое ими матеріальной компетенціи судебной власти: судебныя мѣста обязаны охранять право собственности, право состоянія и *вообще гражданскія права* физическихъ и юридическихъ лицъ. Охрана публичныхъ правъ не входитъ, по существу, въ компетенцію судебныхъ мѣстъ, ибо публичное право—не право: въ отношеніи къ государству, какъ власти, у подданныхъ нѣтъ и не можетъ быть правъ. Даже гражданскія права—напримѣръ, право собственности—въ отношеніи къ государству, какъ власти, утрачиваютъ свойство субъективныхъ правъ. Поэтому, судебная ихъ защита, по существу, невозможна. Согласно основному началу устава гражданскаго судопроизводства, всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій, и только такія требованія административныхъ мѣстъ и лицъ, коимъ законъ присвоилъ свойство безспорныхъ, не допускающихъ возраженій въ состязательномъ порядкѣ, подлежатъ вѣдѣнію правительственныхъ, а не судебныхъ установленій. Отсюда—необходимость разграниченія безспорныхъ требованій отъ требованій, допускающихъ разсмотрѣніе въ

---

[1]) *Otto Mayer*, Deutsches Verwaltungsrecht, I, стр. 38 и сл.

состязательномъ порядкѣ. По мнѣнію составителей Уставовъ, возможны случаи, когда дѣло, хотя бы и касающееся гражданскаго права, изъемлется изъ вѣдѣнія суда. Если право, принадлежащее лицу, приходитъ съ соприкосновеніе съ правомъ, принадлежащимъ государству, какъ лицу юридическому, оно подлежитъ, безъ сомнѣнія, вѣдѣнію суда. Но государство, въ своихъ требованіяхъ къ частному лицу, не всегда выступаетъ, какъ юридическое лицо; иногда оно дѣйствуетъ въ качествѣ власти государственной, охраняющей общественный интересъ. Такія требованія власти имѣютъ характеръ безусловный, въ противоположность чисто-гражданскому требованію, предъявляемому отъ лица къ лицу. Допустить и по-такимъ требованіямъ состязаніе, подчинить и такія требованія формамъ суда значило бы вовсе отрицать коренной характеръ государственной власти и великое значеніе интереса государственнаго, которому частные интересы должны уступать во всемъ, что касается потребностей государственнаго управленія и государственного хозяйства. Вообще, когда частное лицо споритъ противъ лица же, оно предъявляетъ къ нему требованіе на основаніи права, и это требованіе имѣетъ характеръ условный: «требую, потому что считаю правомъ; требую, чтобы признано было правомъ». Здѣсь противная сторона, прежде чѣмъ приступить къ исполненію, имѣетъ право возражать, имѣетъ право ожидать, что ея возраженія будутъ разсмотрѣны и разрѣшены, прежде чѣмъ требованіе получитъ принудительный исполнительный характеръ. Такого же свойства и требованія государства, предъявляемыя къ частному лицу, когда государство является тоже *лицомъ* юридическимъ; но когда государство въ лицѣ одного изъ своихъ органовъ является властью, его требованія получаютъ характеръ повелѣнія, предписанія. Оно должно быть исполнено безпрекословно. Нельзя сказать, чтобы здѣсь были невозможны возраженія; но только эти возраженія совсѣмъ другого свойства: это будутъ возраженія не противъ права, какъ въ первомъ случаѣ, а противъ дѣйствій того органа власти, которымъ дано было предписаніе или предъявлено требованіе; оно будетъ имѣть видъ жалобы по начальству, а не судебнаго иска [1]).

Врядъ ли необходимо доказывать, что точка зрѣнія составителей Уставовъ стоитъ въ безусловномъ противорѣчіи съ современнымъ пониманіемъ природы правового государства. Его отличительнымъ свойствомъ является, прежде всего, подзаконность правительственной власти, ея связанность положительнымъ правомъ. Въ лицѣ своей правительственной власти современное государство—не только какъ «фискъ», но и какъ «власть»—является правовымъ субъектомъ,—лицомъ не только гражданскаго, но и публичнаго права. Отношеніе между властью и гражданиномъ—правовое отношеніе, отношеніе публичнаго права: правамъ власти соотвѣствуютъ обязанности, ея обязанностямъ—права гражданина. Въ частности гражданское право индивида,—напримѣръ, его право собственности—въ отношеніи къ государству, какъ власти, не перестаетъ быть правомъ; оно становится правомъ публичнымъ,—такимъ же, какъ право

[1]) *Журн.* 1864 г., № 44, стр. 20 и сл.

на неприкосновенность личности, на свободу, въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ. Поэтому, не только въ сферѣ гражданскаго оборота, но и въ области публичнаго права возможенъ споръ о правѣ,—споръ между властью и гражданиномъ; и такъ же, какъ всякій вообще споръ о правѣ,—споръ о публичномъ правѣ подлежитъ разрѣшенію суда. Вопреки мнѣнію составителей Судебныхъ Уставовъ, въ правовомъ государствѣ и въ области публичнаго права индивидъ вооруженъ не только правомъ жалобы по начальству, но и правомъ судебнаго иска.

Мы не станемъ останавливаться на вопросѣ о раціональной организаціи суда, призываемаго къ защитѣ субъективныхъ публичныхъ правъ. Необходимо ли довѣрить защиту этихъ правъ общегражданской юстиціи, или необходима организація спеціальныхъ административныхъ судовъ, этотъ вопросъ слишкомъ—теоретически и практически—сложенъ для того, чтобы вмѣстить его обсужденіе въ очень тѣсныя рамки настоящей статьи.

Для нашей цѣли совершенно достаточно констатировать одно положеніе, безспорное по существу. Какъ бы ни были организованы различныя судебныя мѣста,—юстиція, какъ таковая, должна быть единой. По характеру своей функціи административная юстиція принципіально отлична отъ активной администраціи; между ними проходитъ та самая—отчетливая и рѣзкая—грань, которая отдѣляетъ, вообще, администрацію отъ суда. Въ существованіи независимой административной юстиціи—важнѣйшая гарантія неприкосновенности субъективныхъ публичныхъ правъ.

Само собою понятно, что вопросъ объ административной юстиціи находился внѣ поля зрѣнія составителей Судебныхъ Уставовъ. Организуя гражданскій и уголовный судъ, они были увѣрены въ томъ, что организуютъ судебную власть вообще. Но со времени Судебныхъ Уставовъ проходитъ полвѣка. За это время рождается новая Россія: «государство произвола», Willkürstaat, по терминологіи Канта, становится—de jure—правовымъ государствомъ. Основное начало обновленнаго, т.-е. конституціоннаго строя Россіи—подзаконность правительственной власти, какъ въ сферѣ верховнаго, такъ и въ сферѣ подчиненнаго управленія. Въ отношеніи къ правительственной власти, обязанной и связанной правомъ, у подданнаго имѣются права, санкціонированныя Основными Законами. Еще въ 1905 г. дореформенный комитетъ министровъ признаетъ безусловную необходимость реорганизаціи нашей административной юстиціи и въ частности реформу административныхъ департаментовъ сената въ духѣ Судебныхъ Уставовъ. И если эта реформа остается донынѣ благимъ пожеланіемъ, то это объясняется тѣмъ, что, будучи de jure правовымъ государствомъ, Россія de facto остается государствомъ полицейскимъ. На современномъ поколѣніи русскихъ юристовъ лежитъ отвѣтственная и великая задача: они должны довершить реформу 64-го года, изъ «Судебныхъ Уставовъ» создать «Судебный Уставъ»,—тріединый судебный уставъ не только гражданской и уголовной, но также административной юстиціи.

IV.

Родоначальникъ либеральной доктрины правового государства, *Локкъ* училъ, что отличіе естественнаго состоянія отъ гражданскаго заключается въ одномъ: въ отсутствіи власти, возвышающейся надъ всѣми и признаваемой всѣми,—власти, разрѣшающей споры, возникающіе между гражданами, и карающей преступленія, совершаемыя ими. Въ естественномъ состояніи самосудъ и самоуправство—единственное средство разрѣшенія споровъ о правѣ; государствомъ для рѣшенія споровъ создается общепризнанная и безпристрастная судебная власть. Въ гражданскомъ состояніи находятся люди, которые имѣютъ надъ собою сообща установленное право и судью, къ которому можно апеллировать въ случаѣ спора между ними.

Непрерывно мѣняются отъ поколѣнія къ поколѣнію воззрѣнія на природу и цѣль государства. Одно въ нихъ остается неизмѣннымъ: важнѣйшей функціей государственной власти является правовая охрана,—реализація права, какъ опредѣляющаго фактора общественной жизни. Благодаря существованію государства, борьба интересовъ и страстей, индивидуальныхъ и соціальныхъ, протекаетъ въ границахъ, установленныхъ правомъ. Право облагораживаетъ силу, дисциплинируетъ ее. Какъ всякій компромиссъ, оно сдерживаетъ побѣдителей и поддерживаетъ побѣжденныхъ въ соціальной борьбѣ. Господство права—необходимое условіе соціальнаго мира. Въ господствѣ права—оправданіе государства.

Но не можетъ господствовать право, если нормы его не находятъ опоры и охраны въ независимомъ и свободномъ судѣ. Въ великой лабораторіи суда отношенія силы превращаются въ правовыя отношенія, система подчиненія и господства въ систему обязанностей и правъ. Въ повседневной работѣ суда абстрактныя категоріи права становятся живой и дѣйственной силой,—пропитывающимъ началомъ, предохраняющимъ отъ распада и гніенія соціальную ткань.

Независимый судъ организуетъ государственную жизнь, скрѣпляетъ ея составные элементы, противодѣйствуетъ разрушительнымъ тенденціямъ партійной, классовой, національной борьбы. Политическая коррупція суда является тягчайшимъ для государства бѣдствіемъ, и тотъ, кто сознательно развращаетъ судъ, является опаснѣйшимъ врагомъ государственной идеи: онъ подрываетъ основы, на которыхъ покоится государство.

Судебные Уставы вдохнули новую жизнь въ обветшалую государственность дореформенной Россіи. Послѣдующимъ поколѣніямъ они завѣщали истину, которой не изгладятъ никакія превратности судебъ: мощь государства—въ независимости суда.

В. М. Гессенъ.

Очеркъ исторіи суда въ древней и новой Россіи.

(До изданія Свода Законовъ.)

«Цѣль права—миръ, путь къ нему—борьба»—это классическое изреченіе знаменитаго нѣмецкаго юриста [1]) является лучшей характеристикой процесса правообразованія и въ особенности исторіи суда, какъ древнѣйшаго изъ правоустанавливающихъ и правоохраняющихъ органовъ.

Право на зарѣ исторіи, какъ и въ послѣдующія времена, по существу, всегда выступаетъ передъ нами, какъ тотъ нейтральный элементъ, который сообщаетъ взаимнымъ отношеніямъ людей относительную устойчивость и даетъ извѣстное обезпеченіе ихъ культурному сотрудничеству. Оно есть тотъ «худой миръ», который устанавливается самъ собой въ результатѣ открытой борьбы или скрытаго антагонизма многообразныхъ личныхъ или групповыхъ интересовъ, являясь на смѣну то потухающей, то вновь вспыхивающей «доброй ссоры», всегда готовой положить мечъ между братьями и народами. «Право—какъ справедливо замѣчаетъ Меркель [2])—принадлежитъ области противорѣчій и столкновеній и изъ нихъ развивается». Оно—дѣйствительно—родилось среди жестокой стихійной борьбы непрестанно сталкивавшихся первобытныхъ силъ, на остріе копья или меча постепенно оттачивая свои первыя правовыя нормы и примирительныя соглашенія. Но, поскольку сила рождала право, и борьба, въ концѣ-концовъ, приводила къ мирному разрѣшенію столкновеній, мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что, именно, судъ призванъ былъ въ младенчествѣ народовъ стать первой колыбелью права. Вотъ почему мучительный процессъ правообразованья нигдѣ не сказался съ такою яркостью и драматизмомъ, какъ въ выразительной символикѣ древнѣйшаго суда съ его характерной мимикой, арматурой и, наконецъ, настоящимъ поединкомъ сторонъ, такъ называемымъ судебнымъ «полемъ».

---

[1]) *Р. Іерингъ. Борьба за право.* СПБ. 1895 г., стр. 3.

[2]) *Сила и право.* Одесса, 1895 г., стр. 33—35.

По своему существу архаическій процессъ являлъ собой типичную картину дѣйствительной или мнимой вооруженной борьбы сторонъ за право въ присутствіи авторитетнаго жюри и цѣлаго народа. Судъ древности представлялъ такимъ образомъ не что иное, какъ урегулированную правомъ внутреннюю гражданскую «войну», гдѣ первоначально сторонами выступали не отдѣльныя лица, а союзы или группы лицъ (члены рода, общины и т. п.), являвшіеся истинными субъектами права въ первобытномъ обществѣ и государствѣ. «Der Prozess wird aufgefasst—говоритъ Г. Бруннеръ про эти отдаленныя времена,—als ein Krieg, als ein Kampf unter den Parteien» [1]).

Неудивительно поэтому, что въ строгомъ процессуальномъ ритуалѣ доступныхъ нашему изученію народовъ древности предметы вооруженія или замѣняющія ихъ эмблемы (напр., копье, festuca, hasta римлянъ и германцевъ) играли обычно весьма видную роль [2]). Поэтому же и самое судилище въ первичныя эпохи носило характеръ открытой арены, на которой по всѣмъ правиламъ точно установленнаго обряда происходила борьба заинтересованныхъ сторонъ, борьба «словомъ» или оружіемъ. Недаромъ въ фантазіи народовъ классической древности богиня правосудія рисовалась не только съ вѣсами въ одной, но и съ мечомъ въ другой рукѣ! Всѣ эти ясные признаки архаическаго процесса, этотъ краснорѣчивый и образный языкъ права не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истинной природы и происхожденья доисторической юстиціи.

Вводя такимъ путемъ въ опредѣленное русло противоборствующіе интересы и силы, судъ въ древнемъ обществѣ долженъ былъ стать первымъ очагомъ права, первой основной гарантіей общежитія. Въ качествѣ необходимаго *посредника*, нейтральнаго примиряющаго аппарата, ему суждено было вмѣстѣ съ тѣмъ превратиться въ живой *источникъ права*. Рожденное въ мукахъ борьбы, право именно на судѣ получило свое первое конкретное признаніе, свою первую формулировку и авторитетную торжественную санкцію въ видѣ тѣхъ «ѳемидъ» [3]), судебныхъ «приговоровъ»,

---

[1]) *Deutsche Rechtsgeschichte*. Leipzig, 1906 I, S. 253, Ср. *Постъ*. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній, стр. 218.

[2]) Присяга въ древнѣйшія времена произносилась также обыкновенно на оружіи. См. *H. Brunner. D. R. G.*, II, S. 428, 434. Интересный образецъ подобной клятвы мы находимъ въ древней Руси въ извѣстномъ договорѣ кн. Игоря съ греками (945 г.), гдѣ русскіе послы произносятъ слѣдующее характерное заклинаніе: «а иже преступитъ се (договоръ) отъ страны нашей, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ, или не крещенъ, да не имутъ помощи отъ Бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ въ будущій, и да *заколенъ будетъ своимъ оружіемъ*». Текстъ этой языческой формулы носитъ уже явные слѣды вліянія христіанства.

[3]) Первоначальное значеніе «ѳемиды» (Themis) связываетъ ее съ родовымъ бытомъ. Такъ назывались рѣшенія, объявляемыя главой рода на семейно-родовомъ судилищѣ. Рѣшенія эти, результатъ правосознанія членовъ родового союза, приписывались человѣкомъ древности внушеніямъ божества. Въ Гомеровской Греціи Ѳемида, дочь Ураноса, считалась богиней *правосудія*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и священнымъ источникомъ «правды». См. *G. Glotz. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce*. Paris. 1904, p. 21—22. Ср. *Г. Мэнъ*. Древнее право, его связь съ исторіей древн. общества. Спб. 1873 г., стр. 3—5, 7, 98, 131.

которые изрекали или «вѣщали» судьи согласно общему правовому убѣжденію («правдѣ»), только съ этого момента начавшему впервые облекаться въ священныя одежды фиксированной юридической нормы. Раскрывая такимъ образомъ *правовой* смыслъ сложившихся въ порядкѣ обычая жизненныхъ отношеній, приговоръ суда какъ бы выявлялъ, объективировалъ его скрытую юридическую сущность. Велѣніе суда пріобрѣтало при такихъ условіяхъ значеніе *частнаго закона* и вмѣстѣ съ тѣмъ правового прецедента, который затѣмъ превращался въ «пошлину», ненарушимый «законъ отецъ». Въ этомъ смыслѣ, по мѣткому указанію Г. Мэна [1]), древность «не знала различія между законодательною и судебною властью», и поскольку первобытный судъ былъ призванъ формулировать правовыя положенія и требованія, еще не отвердѣвшія и не отложившіяся въ сознаніи варварскаго общества, онъ призванъ былъ также и «законодательствовать», тѣмъ болѣе, что публично-правовыя функціи на раннихъ ступеняхъ цивилизаціи еще не успѣли дифференцироваться и являются всегда слитыми воедино. Представленіе о законѣ въ глазахъ человѣка древности покрывалось при такихъ условіяхъ представленіемъ о «правдѣ», установленной ad hoc на судѣ [2]), такъ какъ судебное рѣшеніе было тогда единственной формой фиксированнаго права вообще. Судья, дѣйствительно, въ тѣ времена jus dixit et jus fecit, т.-е., говоря языкомъ нашихъ памятниковъ древности, одновременно «творилъ судъ и правду».

Истинная природа древнѣйшаго суда, съ указанной точки зрѣнія, поэтому, лучше всего можетъ быть характеризована словами Н. Дювернуа: «гдѣ судъ, тамъ и законъ, тамъ источники права» [3]).

Совершенно очевидно, что и самое понятіе о правѣ, какъ общеобязательной абстрактной нормѣ, должно было, въ концѣ-концовъ, выработаться, именно, въ *практикѣ* все того же архаическаго процесса. Изъ представленія о правовыхъ дѣйствіяхъ мало-по-малу возникла идея объективнаго права, всеобщей абсолютной «правды». И дѣйствительно, на языкѣ нашихъ старѣйшихъ юридическихъ памятниковъ, какъ напримѣръ, знаменитой «Русской правды» или «Псковской судной грамоты», выраженія «правда», «правда дати» первоначально примѣнялись для обозначенія отдѣльныхъ процессуальныхъ дѣйствій, въ смыслѣ—привести къ присягѣ, представить свидѣтелей, оправдать, разобрать дѣло [4]). Такимъ образомъ пер-

---

[1]) *Древнѣйшая исторія учрежденій.* Спб. 1876 г., стр. 23, 251.

[2]) «Всякій древній законъ,—какъ говоритъ П. Мрочекъ-Дроздовскій,—есть преимущественно законъ *судный*». *Изслѣдованія о Русской правдѣ*, в. II (М. 1885 г.), стр. 42.

[3]) *Источники права и судъ въ древней Россіи.* М. 1869 г., стр. 60.

[4]) *Русская правда* (Троиц. спис.), ст. 22 («дать імъ правду желѣзо»), 111 («холопу на правду не вылазить»); *то же* (Карамзин. сп.), ст. 70 («дати ему правда»—судъ), 99. *Псков. суд. гр.*, стт. 13, 18, 42, 46, 51, 55—57, 61, 94, 95, 104, 106, 110. Поэтому, и названіе нашего древнѣйшаго юридическаго сборника «Русская правда» правильнѣе всего было бы перевести словомъ «судебникъ» или «судная грамота». Древне-германскому праву также было хорошо извѣстно употребленіе терминовъ lex, recht («правда», право) въ значеніи судебныхъ доказательствъ клятвы, присяги, суда Божія (ordale). См. *Brunner.* D. R. G., I, S. 115.

вичное конкретное представленіе о правѣ было неразрывно связано у человѣка древности, какъ у гомеровскаго грека, съ представленіемъ о судебной процедурѣ и приговорѣ, т.-е. о правѣ пріобрѣтенномъ и признанномъ или, говоря иначе, правѣ субъективномъ. Лишь постепенно юридическая мысль нашихъ далекихъ предковъ поднималась на высоту отвлеченныхъ обобщеній, абстрагируя чистую идею права. Напротивъ, по всѣмъ только что указаннымъ характернымъ признакамъ, нетрудно убѣдиться, что начальное значеніе *правды-права* въ древнѣйшую эпоху—какъ справедливо замѣтилъ еще Ѳ. Леонтовичъ—«тянуло къ суду»[1]). И это было тѣмъ болѣе естественно, что, какъ мы видѣли выше, самое отправленіе правосудія тогда соединялось съ раскрытіемъ или «высказываніемъ» права (Rechtsprechung)[2]), облекавшимся въ форму приговора» (Urteil).

Неудивительно поэтому, что и первые памятники *писанаго права*, т.-е. первыя въ исторіи попытки оффиціальной или неоффиціальной кодификаціи, выливались по преимуществу въ форму *процессуальныхъ сборниковъ*, «судныхъ грамотъ» или «судебниковъ», какъ назывались они у насъ. Таковъ очевидный характеръ древне-римскихъ XII *таблицъ*, открывающихся статьей «si in jus vocat» («а позовутъ въ судъ»); такова древне-германская *Салическая правда*, начинающаяся отдѣломъ «о вызовѣ въ судъ» (De mannire) и почти тожественной статьей—«si quis ad mallum... manitus fuerit»; такова *Великая книга древняго права* кельтовъ (Senchus Mor), подробно трактующая съ первыхъ же статей объ имущественномъ арестѣ, какъ процессуальномъ институтѣ; таковы же по своему содержанію и духу и древне-греческій *Гортинскій законъ*, и *кодексъ грузинскаго царя Вахтанга*, и недавно открытый *Судебникъ вавилонскаго царя Хаммураби*, и, наконецъ, наши—*Русская правда*, новгородская и псковская *Судныя грамоты* и даже московскіе *Судебники*. Но, поскольку судъ въ древности имѣлъ болѣе широкое призваніе и значеніе, чѣмъ въ современномъ государствѣ, эти сборники или книги «законныя» по своему содержанію были тогда, очевидно, гораздо богаче «судебныхъ уставовъ» новѣйшаго времени[3]). Такъ или иначе они *соприкасались* со всей сферой правового оборота своей эпохи, какъ ни былъ онъ скроменъ и простъ.

Однако, если въ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ древности мы и встрѣчаемъ немало нормъ *матеріальнаго*, особенно уголовнаго права, то нельзя не замѣтить, что почти всегда эти нормы доходятъ до насъ въ связи съ постановленіями процессуальнаго характера[4]), или въ казуи-

---

[1]) *Старый земскій обычай*. Одесса, 1889 г., стр. 125 (Труды VI археол. съѣзда, т. IV). Въ этомъ отношеніи особенно характерны выраженія: «людей оправливати», «обыскать правда» вмѣсто «судъ судити» и т. п.

[2]) *Brunner*. D. R. G., I, S. 152.

[3]) Поэтому, и самое слово «судъ» получило, напр., въ древне-русскомъ языкѣ болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ новѣйшее время, равнозначущее слову «законъ». Такъ отмѣна кровавой мести названа въ *Рус. Пр.* «судомъ Ярославлихъ дѣтей». Позднѣе названіе «судей» носили вообще агенты Московской *приказной* администраціи.

[4]) Слѣдуетъ вообще замѣтить, что по указаннымъ выше причинамъ право процессуальное и матеріальное въ древности не различалось.

стической формѣ судебныхъ рѣшеній или же, что особенно часто, по поводу опредѣленія судебнаго (пошлинъ и пень) «прибытка». На нихъ лежитъ, такъ сказать, процессуальный штемпель, такъ что въ основныхъ своихъ чертахъ эти древнѣйшія «правды» неизмѣнно сохраняютъ свое основное значеніе судебныхъ уставовъ сѣдой старины [1]), являясь живой юридической лѣтописью, ясно говорящей намъ о своемъ непосредственномъ источникѣ [2]).

«А конюхъ старый у стада (будетъ убитъ),—говоритъ древнѣйшая, «краткая» русская правда—80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци» [3])—вотъ типичный образчикъ подобной лѣтописи, сохранившій въ себѣ весь колоритъ отдаленной эпохи и ясно показывающій, какъ постепенно могучій стволъ суднаго древа обрасталъ толстой корой матеріальнаго права, уставными нормами «суженаго» и «положеннаго».

Такимъ образомъ судъ въ начальномъ періодѣ исторіи *стоялъ въ центрѣ всей общественно-правовой жизни юныхъ народовъ*, являясь едва ли не единственнымъ публичнымъ учрежденіемъ [4]). Въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалась вся жизнь примитивныхъ политическихъ союзовъ, для которыхъ на первомъ планѣ, послѣ внѣшней безопасности, всегда стоялъ интересъ *охраны внутренняго мира* въ тѣсныхъ предѣлахъ своего племени или «міра» общиннаго. Къ этой правоохраняющей и въ то же время правоутверждающей функціи и сводилась, въ существенныхъ своихъ чертахъ, вся вообще публично-правовая дѣятельность первобытнаго народоправнаго государства, представлявшаго собою автократическій *союзъ круговой защиты и самопомощи*, сложившійся по образу и подобію болѣе ограниченнаго и замкнутаго въ самомъ себѣ союза родового или кровнаго [5]).

---

[1]) *Дарестъ*. Изслѣдованія по исторіи права. Спб. 1894 г., ст. 122—123. *Н. Дювернуа*. Чтенія по гражданскому праву. Спб. 1898 г., т. I, стр. 197.

[2]) Въ этомъ отношеніи нѣльзя не обратить вниманія на глоссированныя заглавія списковъ пространной редакціи *Русской правды:* «Судъ Ярославль Владимѣричь. правда русская» (Троиц. сп.), «Уставъ в. кн. Ярослава Влодимерича о судѣхъ. Судъ. о душегубствѣ. Правда руская» (Карамз. сп.) и т. п.

[3]) *Русская правда* (Акад. сп.), ст. 21.

[4]) *Г. Мэнъ*. Древній законъ и обычай. М. 1884 г., стр. 293—4. *Ihering*. Geist des römischen Rechts, III T. (Leipzig, 1888), S. 17—18.

[5]) Для лучшаго пониманія внутренняго строя древнѣйшаго племеннаго, а затѣмъ и территоріальнаго государства (гражд. общины) необходимо постоянно имѣть въ виду, что оно въ своихъ глубочайшихъ основаніяхъ представляло, по существу, дальнѣйшее *распространеніе* началъ родового быта, перенесенныхъ въ сферу усложненныхъ общественныхъ и политическихъ отношеній. Иначе для насъ останется совершенно неяснымъ истинное значеніе основныхъ институтовъ государства древности—народнаго собранія и княжеской власти и ихъ отношеніе къ юрисдикціонной функціи архаическаго союза. *A. Post*. Der Ursprung des Rechts. Oldenburg. 1876, S. 10; *его же*, Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft. Old. 1880. B. I, S. 76. *Іерингъ*., Духъ р. п., С. П. Б, 1875 г., I, стр. 169, 223. *Фриманъ*. Сравнительная политика. Спб. 1880, стр. 66—8, 71—8. Означенное перевоплощеніе родовой традиціи въ государственныя начала въ значительной мѣрѣ облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что уже самый родъ являлся по своей организаціи «семействомъ съ политическимъ ха-

Отмѣченная исключительная роль суда въ жизни народовъ древности естественно должна была соотвѣтствующимъ образомъ опредѣлить какъ особую его организацію, такъ и отправленіе. Понять характерныя черты этихъ послѣднихъ мы сумѣемъ, однако, лишь при томъ непремѣнномъ условіи, если поставимъ ихъ въ непосредственную связь, съ одной стороны, съ соціально-политической структурой древнѣйшаго общества, съ другой—съ особымъ характеромъ архаическаго права. Дѣло въ томъ, что демократическій народоправный строй варварскаго государства оказалъ такое же рѣшительное вліяніе на организацію древняго суда, какое сакральный духъ общенароднаго обычнаго права, въ свою очередь, оказалъ на самую систему процесса. Этимъ двойнымъ вліяніемъ и объясняются наиболѣе оригинальныя особенности отправленія правосудія въ древности: во-первыхъ, непосредственное участіе народа во всѣхъ стадіяхъ процесса и, во-вторыхъ, торжественная литургическая форма послѣдняго, рѣшительно связывавшая волю сторонъ и суда неумолимымъ, абсолютнымъ формализмомъ судопроизводственнаго ритуала.

Совершенно непріемлемымъ поэтому является тотъ весьма распространенный до сихъ поръ взглядъ, еще недавно господствовавшій въ спеціальной литературѣ, согласно которому принято характеризовать древнѣйшій періодъ въ исторіи права и государства, какъ эпоху господства «необузданнаго произвола личности», «полнаго неограниченнаго самосуда» или «самоуправства», когда будто бы всѣ отношенія людей регулировались «исключительно частнымъ правомъ», а потому и самый «судъ былъ частнымъ дѣломъ» непосредственно заинтересованныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сторонъ. Только съ усиленіемъ единоличной власти князей или королей—согласно этому взгляду—«начало государственное» постепенно преодолѣло «начало частное», а вмѣстѣ съ тѣмъ и судъ получилъ значеніе публично-правового института. Означенная традиціонная схема историческаго развитія народовъ, въ которой эпоха господства произвола «личности», «частнаго права» и «частнаго быта» смѣняется торжествомъ «государственнаго порядка», получила наиболѣе широкое примѣненіе какъ разъ въ трудахъ по исторіи суда и процесса и въ особенности права и суда уголовнаго [1]). Сложившись подъ непосредственнымъ влія-

---

рактеромъ», какъ бы «государствомъ въ маломъ видѣ». Р. Іерингъ и А. Постъ говорили на этомъ основаніи даже прямо о «родовомъ» и «патріархальномъ государствѣ» (Geschlechterstaat). См. *A. Post.* Der Ursprung d. R., S. 38. Bausteine, I, S. 25, 31, 35—7. *Іерингъ*, op. cit,, I, стр. 154—8, 264. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что родового быта въ его чистомъ видѣ исторія не знаетъ. Изслѣдователямъ приходится его наблюдать уже на «разныхъ ступеняхъ вымиранія» въ формѣ позднѣйшихъ «переживаній», сквозь посредствующую оболочку примитивнаго государства. Ср. *М. М. Ковалевскій.* Родовой бытъ. Спб. 1905 г., стр. 6, 10, 46—7, 55—60, 225 и др.

[1]) См., напр., *А. Поповъ.* Русская правда въ отношеніи къ уголовн. праву. М. 1841 г., стр. 19, 35, 42—3, 51, 69, 89 и 91. *И. Михайловъ.* Исторія образованія и развитія системы рус. гражданск. судопроизводства. Спб. 1848 г., стр. 19, 20, 24. *В. Линовскій.* Опытъ историч. разысканій о слѣдственномъ уголовн. судопроизводствѣ въ Россіи. Одесса. 1849 г., стр. 7—9. *С. Пахманъ.* О судебныхъ доказательствахъ по древ. рус. праву. М. 1851 г., стр. 17, 26 и др. *К. Троцина.* Исторія судебн. учрежденій

ніемъ идеалистической «философіи исторіи» и «исторической школы» въ правовѣдѣніи, когда, съ одной стороны, культъ «государства», а съ другой, поиски руководящихъ «началъ» въ жизни народовъ положительно гипнотизировали научную мысль, теорія эта получила не менѣе широкую популярность также и въ Россіи и дожила, напримѣръ, въ трудахъ В. Сергѣевича до самаго послѣдняго времени.

Построенная на апріорныхъ предпосылкахъ, выведенныхъ путемъ «логическихъ отрицаній и противоположеній», названная теорія послужила затѣмъ основаніемъ для весьма односторонникъ «историческихъ» изысканій и системъ указаннаго выше образца. Среди русскихъ историковъ и историковъ права съ этого момента особеннымъ покровительствомъ стала пользоваться мысль о «безформенности» и крайней юридической «неопредѣленности» туземнаго народнаго быта древней Руси, въ то время какъ самое основаніе «русскаго государства» связывалось съ пресловутой легендой о «призваніи князей», которые и въ дальнѣйшемъ оказывались единственными носителями и насадителями въ русской исторіи такъ называемаго «государственнаго начала» [1]).

Трудно представить себѣ что-либо болѣе анти-историческое и противорѣчащее традиціямъ и духу древняго общества и права, чѣмъ эта совершенно уже устарѣвшая теорія.

Характеризовать общество и право древности, какъ эпоху господства произвола личности, частнаго права и безформенности быта—эта значитъ совершенно не понимать ни того, ни другого. Если же уже опредѣлять въ немногихъ словахъ сущность исторической эволюціи *человѣческой личности*, то придется сказать вмѣстѣ съ А. Постомъ, что исторія ея есть «исторія развитія современной намъ индивидуальной личности изъ коммунизма примитивнаго родового союза» [2]), въ которомъ эта личность совершенно исчезала. Понятіе человѣческой личности съ правомъ ея на самоопредѣленіе и свободу есть величайшее изъ завоеваній современной культуры, принципъ и лозунгъ новѣйшаго времени. Можно сказать даже, что и въ наше еще время права и автономія личности являются скорѣе идеаломъ грядущаго, чѣмъ реальнымъ достояніемъ настоящаго. Деспотизмъ государства, это послѣднее рабство въ исторіи, тяжелымъ аппаратомъ

въ Россіи. Спб. 1851 г., стр. 1—2, 7—8, 55—6. *П. Чеглоковъ.* Объ органахъ судебн. власти въ Россіи. Казань. 1855 г., стр. 1—2, 5—7 и сл. *А. Богдановскій.* Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ рус. правѣ. М. 1857 г., стр. 5, 7—11, 15, 18 и др. *Н. Ланге.* Изслѣдованіе объ уголовн. правѣ Русской правды. Спб. 1889 г., стр. 96—7, 267, 270. *Ѳ. Дмитріевъ.* Исторія судебныхъ инстанцій (1859). М. 1899 г., стр. 3—4, 46, 75, 115, 220, 277, 348, 373, 579—80. *Д. Мейчикъ.* Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря и Правдѣ Ярослава. (Юрид. Вѣст. 1875 г., № 1—2), стр. 48, 53, 62, 69, 79—80. *В. Сергѣевичъ.* Лекціи и изслѣдованія. Спб. 1899 г., стр. 293—4, 445—7 и др.

[1]) Теорія эта въ большей или меньшей степени нашла свое выраженіе въ трудахъ М. Погодина, С. Соловьева, К. Кавелина, Б. Чичерина, А. Градовскаго, Н. Костомарова, Н. Бестужева-Рюмина, Н. Хлѣбникова, А. Щапова, В. Сергѣевича, И. Бѣляева и особенно у славянофиловъ.

[2]) *Bausteine*, I, S. 74.

своего «организованнаго принужденія» до сихъ поръ еще продолжаетъ подавлять индивида на всѣхъ путяхъ его творческой дѣятельности. Переживанія «полицейскаго государства» и вооруженный государственный національнализмъ, это тяжелое наслѣдіе недавняго прошлаго, даютъ себя чувствовать и въ новомъ «правовомъ государствѣ», далеко еще не освободившемся отъ исторической традиціи всепоглащающей «государственности» съ ея худшей изъ монополій, монополіей власти. Однако, какъ ни далеко еще современное человѣчество отъ полнаго торжества эмансипаціи личности въ государственномъ союзѣ, все же огромный путь, пройденный имъ въ вѣкахъ, можетъ быть обозначенъ, какъ непрерывный процессъ постепеннаго высвобожденія личности изъ-подъ опеки многообразныхъ, нѣкогда связывавшихъ ее по рукамъ и ногамъ, общественныхъ и политическихъ союзовъ, родовыхъ, племенныхъ, общинныхъ, сословныхъ и иныхъ. Эта опека прогрессивно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ мы отступаемъ въ глубь временъ и, напротивъ, послѣдовательно ослабѣваетъ съ каждымъ шагомъ восхожденія по ступенямъ цивилизаціи, пока, наконецъ, не устанавливается единая и всеобщая зависимость лица отъ непреклоннаго авторитета централизованной государственной власти. Поэтому, опираясь на данныя соціологіи и сравнительнаго правовѣдѣнія, мы въ правѣ прежде всего утверждать, что древность не знала самодовлѣющей *личности*, какъ не знала и обособленнаго въ своихъ правахъ и интересахъ «лица». Ей одинаково было чуждо, какъ понятіе индивидуальной семьи и собственности, такъ и личной отвѣтственности и личнаго притязанія[1]). Особенность первобытнаго общества, какъ это превосходно выяснилъ въ свое время еще Г. Мэнъ, въ томъ и заключалась, что тогда «люди считались и разсматривались не какъ индивиды, но всегда какъ члены особой группы..., связанные дѣйствительнымъ или фиктивнымъ родствомъ крови»[2]). Отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ ничего не значилъ въ этомъ обществѣ. Поэтому внѣ самой тѣсной связи съ тѣмъ или инымъ соціальнымъ аггрегатомъ—родомъ, племеннымъ или искусственнымъ «братствомъ», сосѣдской общиной—у него не могло быть гарантированныхъ правъ и онъ не могъ пользоваться при такихъ условіяхъ защитой общаго права[2]). Напротивъ, все, что имѣлъ онъ, онъ имѣлъ въ качествѣ члена одного изъ названныхъ выше союзовъ, съ которымъ находился въ органической связи. Его status всецѣло опредѣлялся такимъ образомъ принадлежностью его къ подобнаго рода universitas juris, черезъ посредство которой онъ только и могъ войти въ составъ болѣе широкаго политическаго *сообщества*—примитивнаго государства. Оставаясь внѣ означенныхъ групповыхъ связей, человѣкъ древности — какъ

---

[1]) *A. Post.* Bausteine, II, S. 163; также I, S. 53, 73—4, 86. *Его же.* Der Ursprung des Rechts, S. 31—2. Ср. *Фюстель-де-Куланжъ.* Древняя гражданская община. М. 1895 г., стр. 210—14. *Іерингъ*, op. cit., I, стр. 159; II, S. 31, 48, 95.

[2]) *Древнее право*, стр. 144, см. также стр. 99, 106, 131—3, 202. Съ большой доказательной силой ту же мысль развиваетъ и Фюстель-де-Куланжъ. Древнее гражданское общество, по его словамъ, представляло изъ себя «не собраніе отдѣльныхъ лицъ, но конфедерацію многочисленныхъ группъ, сложившихся прежде него и продолжающихъ свое существованіе въ немъ». *Древ. гражд. община*, стр. 123.

мы уже замѣтили выше—по общему правилу выводилъ себя за предѣлы всякаго правового общенія[1]). Свободный, vogelfrei, онъ былъ чужой для всѣхъ (wargus sit), а потому противъ него, какъ противъ «волка», все было позволено. Его можно было безнаказанно, какъ иноплеменника—врага, лишить жизни, имущества или, захвативъ, обратить въ рабство. Русская пословица очень выразительно говоритъ про такого «вольницу»: «волкъ-то на волѣ, да воетъ доволѣ». И этими словами, дѣйствительно, очень удачно опредѣляется положеніе вполнѣ независимой «личности» въ древнемъ обществѣ.

Такимъ образомъ истиннымъ субъектомъ права въ древности было вовсе не отдѣльное лицо, а *лицо юридическое*, т.-е. недѣлимый союзъ лицъ, солидарно связанный въ своихъ правахъ и обязанностяхъ круговой порукой на жизнь и смерть. Коллективная собственность и трудъ, коллективная отвѣтственность и защита правъ—таковы первыя *начала общественности*, лежащія глубоко въ основаніи такъ называемаго «родового быта», послужившаго, въ свою очередь, прочнымъ фундаментомъ для варварскаго государства.

При такихъ условіяхъ для «произвола личности» не могло быть мѣста въ древнемъ обществѣ. Напротивъ, послѣдняя цѣликомъ растворялась въ немъ, будучи закована въ тяжелые доспѣхи священнаго права предковъ. Человѣкъ древности поэтому былъ прежде всего лицомъ обязаннымъ, alieni juris, отвѣтственнымъ носителемъ коллективныхъ правъ. Всегда и вездѣ онъ дѣйствовалъ не въ своемъ и не въ чужомъ, а—такъ сказать—въ *общественномъ интересѣ*. И тогда, когда онъ исполнялъ свой роковой долгъ кровавой мести, и когда выступалъ «соприсяжникомъ» на судѣ или «бился на полѣ», и когда каралъ «прелюбодѣйную жену» или отвергалъ новорожденнаго члена рода (jus vitae ac necis)—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ поступалъ отнюдь не по произволу, или какъ деспотъ, но исполняя лишь то, что предписывало ему, какъ фатумъ тяготѣвшее надъ нимъ, «право отецъ», неумолимое, какъ сами боги[2]). Его «я», его *индивидуальная*

---

[1]) *Іерингъ*. Духъ р. пр., ч. 1, стр. 196—7. *Post*. Der Ursprung. d. R., S. 87.

[2]) Взглядъ на власть первобытнаго родовладыки, отца, мужа или племеннаго вождя (царя, князя), какъ на власть деспотическую и произвольную, безотвѣтственно распоряжающуюся жизнью, свободой и достояніемъ своихъ «подвластныхъ», не выдерживаетъ исторической критики. Такой власти не знаетъ древность. Всѣ названныя лица, наравнѣ съ прочими, были тогда въ своихъ дѣйствіяхъ безусловно связаны анонимною нормою обычнаго права, не говоря уже о томъ, что самое отправленіе ихъ полномочій совершалось не только подъ контролемъ, но при непремѣнномъ участіи какъ членовъ рода (внутри-родовой судъ, совѣтъ родичей), такъ и всего союза (народное вѣче). Власть родовыхъ и племенныхъ вождей носила при такихъ условіяхъ вовсе не тиранический, а попечительный характеръ (mundium, Munt, Vormundschaft), являясь не столько правомъ, сколько суровымъ *долгомъ*, обязанностью. См. особенно *Ihering*. Geist d. r. R., II, Ss. 196—7, 203, 211, 213—15, 21. *Glotz*, op. cit., p. 19—20, 39, 45, 171, 324. *М. Ковалевскій*. Современный обычай и древній законъ. М. 1886 г., т. II, стр. 5, 296. *Э. Фриманъ*. Сравнительная политика, стр. 95, 114. Власть эта начала пріобрѣтать «деспотическій» характеръ гораздо позднѣе, когда, съ разложеніемъ родового и гражданскаго народоправнаго союза, образовалась постепенно индивидуалистическая патріархальная семья и монархическое государство. Сохра-

воля были здѣсь ни при чемъ, у него не было выбора, ибо такъ говорилъ «законъ», «такъ было написано въ книгѣ завѣта» [1]). И малѣйшее уклоненіе отъ «слова» или «буквы» этого «закона» или неповиновеніе ему грозило политической смертью ослушнику. Проклятіе должно было пасть на его голову, онъ становился «абрекомъ», «изгоемъ», т.-е. лишался «огня и воды» и объявлялся внѣ закона, friedlos [2]). Каждый могъ убить его, такъ какъ тотъ, кто не подчиняется велѣнію общаго права, тѣмъ самымъ отказывается отъ его покровительства. Нарушивъ право своего союза, подобный отступникъ совершалъ по существу актъ самоубійства, ибо никакого иного самостоятельнаго права ему не принадлежало. Порочный членъ коллективнаго тѣла просто отсѣкался разъ и навсегда [3]). Желѣзная дисциплина первобытнаго союза, который только при такихъ условіяхъ и могъ вести борьбу за существованіе, дѣйствовала съ непреложностью закона природы: *всѣ какъ одинъ, одинъ за всѣхъ и всѣ за одного*. Такимъ образомъ человѣкъ древности былъ только инструментомъ права, мы сказали бы даже рабомъ обычно-правовой нормы, если бы архаическое право не сливалось цѣлостно въ его психологіи, какъ его вѣра, моральный императивъ и велѣніе «правды». Съ этой точки зрѣнія право въ ту эпоху какъ бы сросталось съ человѣкомъ, а потому и «бремя» его было для него «легко» и «иго его сладко», что продолжалось, впрочемъ, лишь до тѣхъ поръ, пока сохранялись незыблемыми устои традиціоннаго общественнаго быта данной эпохи.

Но, отвергая идею господства «личности» въ древнемъ обществѣ, мы тѣмъ самымъ уже отвергли и идею господства «частнаго» права въ немъ.

няя свои исконныя полномочія, но освободившись отъ власти рода и народа, глава семьи, какъ и государства, превратился, въ концѣ-концовъ, въ абсолютнаго властелина.

[1]) Изучаемую эпоху Н. Хлѣбниковъ справедливо назвалъ «періодомъ эпическимъ». «Это (писалъ онъ въ своей статьѣ «Русское государство и развитіе русской личности»)—періодъ господства обычая, всевластно тяготѣющаго надъ всѣми, причемъ тягости его никѣмъ еще не сознаются, ибо индивидъ еще всецѣло погруженъ въ общенародную жизнь, не имѣетъ личнаго нравственнаго сознанія». *Изслѣдованія и характеристика*. Кіевъ, 1879 г., стр. 2. Особенно удачную характеристику тому же періоду даетъ на страницахъ своей «Исторіи нѣмецкаго права» Г. Бруннеръ: «Индивидуалистическій характеръ, который нерѣдко пытались придать нашему древнѣйшему праву,—резюмируетъ онъ,—былъ вполнѣ и совершенно чуждъ ему». D. RG., I, S. 153—4.

[2]) Нельзя не вспомнить при этомъ пушкинскаго Тазита или лермонтовскаго Гаруна.

[3]) Столь энергичная общественная реакція, въ формѣ суровой *проскрипціи*, сложилась въ варварскомъ государствѣ также подъ непосредственнымъ вліяніемъ традиціи родового быта. Родовой союзъ въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ не допускалъ кровавой мести, но всякое посягательство на его цѣлость и семейный миръ (напр. убійство родича и т. п.) со стороны кого-либо изъ членовъ рода влекло за собой изверженіе подобнаго члена изъ рода со всѣми послѣдствіями объявленія его внѣ закона (атимія). *Glotz*, op. cit., p. 22—23, 473—6. Такой paria, дѣйствительно, обрекался на гибель. Перенесенная въ сферу общественно-государственныхъ отношеній атимія получила характеръ публичной кары, налагаемой на виновнаго *непосредственно* всѣмъ политическимъ союзомъ *in corpore*.

Поскольку отдѣльная личность въ тѣ времена не успѣла еще эмансипироваться изъ-подъ власти союза и обособиться въ своихъ интересахъ, постольку же для той эпохи не могло быть и рѣчи о господствѣ частнаго права. Можно сказать, что *всякое право было тогда общественнымъ правомъ*, правомъ коллектива, а не лица. Поэтому же и всякое правовое дѣйствіе требовало тогда публичности, безразлично, шло ли дѣло о преслѣдованіи преступника («закличъ», «сводъ», гоненіе слѣда, какъ въ русскомъ, такъ и др. правахъ), исполненіи акта такъ наз. «частной» мести или обряда «покоры» (выкупа крови), заключеніи сдѣлки («ряда») или установленіи наслѣдства, опеки, или же, наконецъ, о тяжбѣ, судѣ. *Природа общественнаго союза древности опредѣляла такимъ образомъ природу его права*[1]).

Но отмѣченная правовая связанность лица въ архаическомъ обществѣ опредѣлялась не однимъ только первобытнымъ коллективизмомъ и возникающимъ изъ него общественнымъ духомъ права, но и особенностями внутренней структуры послѣдняго. Дѣло въ томъ, что на зарѣ исторіи религія, мораль и право неразрывно связаны между собой. Предписаніе божества, понятіе нравственнаго долга и юридической обязанности въ сознаніи человѣка тѣхъ отдаленныхъ временъ были неотдѣлимы. Нарушить то или иное право въ его глазахъ значило вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбить божество, память предковъ и сотворить «зло». Поэтому всякій разъ, когда онъ апеллировалъ къ праву, онъ въ то же время апеллировалъ и къ богамъ, и къ живой совѣсти «добрыхъ мужей» и «старцевъ», стерегущихъ и вѣщающихъ передъ лицомъ народа священную «правду» незапамятныхъ временъ[2]). Его право было, такимъ образомъ, дѣйствительно, «священнымъ» правомъ[3]), «Божьимъ зданіемъ»[4]), а потому и самая борьба за право носила тогда характеръ священнодѣйствія, преисполненнаго таинствъ, заклинаній и молитвъ[5]). Отсюда и судъ древности складывался

---

[1]) И общественный характеръ права и публичность правовыхъ дѣйствій въ древнѣйшую эпоху являлись также лишь дальнѣйшимъ развитіемъ «solidarité de la famille», т.-е. родового первобытнаго коммунизма. Общественныя «помочи» въ правѣ при преслѣдованіи преступника, заключеніи сдѣлокъ, уплатѣ «дикой виры», процессуальномъ поручительствѣ и т. п. случаяхъ—все это имѣетъ своимъ источникомъ недѣлимое право недѣлимаго кровнаго союза незапамятныхъ временъ съ его круговой отвѣтственностью и всегда солидарными активными выступленіями.

[2]) При такихъ условіяхъ право въ глазахъ человѣка древности было одновременно и высшей правдой, справедливостью. Въ русскихъ историческихъ памятникахъ это двоякое значеніе термина «правда» выступаетъ съ очевидностью. *Мрочекъ-Дроздовскій*, op. cit., II, стр. 2—20. *Леонтовичъ*. Старый земскій обычай, стр. 111, 125—6.

[3]) Таково было именно значеніе *themis* у грековъ, *dhâman* у индусовъ, *fus* у римлянъ.

[4]) Такъ въ 911 г. русскіе клялись грекамъ хранить взаимный договоръ «яко Божіе зданіе по закону и по покону языка нашего». Соотвѣтственно этому, напр., въ старомъ литовско-русскомъ правѣ преступленіе «кривда» считалось одновременно и дѣяніемъ «противно пану Богу». *Демченко*. Наказаніе по Литовскому статуту. Кіевъ, 1894 г., стр. 10.

[5]) Авторъ «Древней гражданской общины» справедливо писалъ по данному поводу, что въ ту эпоху «въ общественной жизни не было ни одного дѣйствія, которое обходилось бы безъ посредства боговъ». *Фюстель-де-Куланжъ*, стр. 148, 172—175. Ср. *Іерингъ*. Духъ р. п. I, стр. 228—9, 232 и сл.

на раннихъ ступеняхъ цивилизаціи по типу «суда Божія», будучи всецѣло проникнутъ сакральнымъ моментомъ [1]).

При такихъ условіяхъ древнее право, облеченное въ ритуальныя формы, окончательно связывало своимъ безусловнымъ авторитетомъ волю каждаго отдѣльнаго лица. Оно сковывало въ неизмѣняемыхъ словахъ, жестахъ и абсолютныхъ велѣніяхъ всякое правовое дѣйствіе, не допуская никакихъ отклоненій отъ заповѣднаго порядка [2]). На этотъ разъ высшей санкціей непреложной нормы права являлся уже не общественный интересъ, ревниво охраняемый всѣмъ союзомъ, а внутреннее правовое чувство каждаго, глубоко уходящее своими корнями въ самыя нѣдра *міросозерцанія* человѣка древности. Послѣдній настолько сжился съ замкнутымъ кругомъ извѣстныхъ понятій и предубѣжденій, что легко и свободно, можно сказать, почти непроизвольно, автоматически, отправлялъ свои правовыя потребности. Авторитетъ «заповѣдей» права былъ настолько великъ и святъ въ его глазахъ, что умышленное нарушеніе ихъ должно было являться дѣломъ совершенно исключительнымъ. За то и кара злостному нарушителю общаго мира, положившему между братьями ножъ, носила всегда въ тѣ времена рѣшительный и абсолютный характеръ. Такой «злодѣй» со всѣми близкими ему подвергался «потоку и разграбленію», т.-е. объявлялся внѣ покровительства права и только бѣгствомъ могъ спасти себѣ жизнь, хотя уже и за предѣлами родного племени и родной земли [3]). Такъ реагировало государство древности въ отвѣтъ на дерзостное посягательство на внутренній миръ союза. Такимъ образомъ не «безформенность» и «неопредѣленность» общественныхъ отношеній, а, напротивъ, *строгая юридическая регламентація быта*, дѣйствовавшая почти инстинктивно подъ охраной священной обычно-правовой традиціи—вотъ самая характер-

---

[1]) Нельзя при этомъ не отмѣтить, что означенный сакральный характеръ права находился въ тѣсной связи съ первобытной *родовой* религіей. *Культъ предковъ* въ этомъ смыслѣ привелъ къ *культу права*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ *почитанію старцевъ*, какъ живыхъ хранителей и блюстителей неписаной «правды», «покона» или священной «пошлины».

[2]) Этотъ «наивный формализмъ» древняго права, замыкавшій всю общественную жизнь «въ размѣренныя и строго опредѣленныя формы и формулы», являлся, дѣйствительно, лучшей гарантіей права и свободы въ варварскомъ періодѣ. См. *Ihering*. Geist d. r. R., II, Ss. 497, 520—1, 531—46.

[3]) Подобныя верховныя санкціи внутренняго мира въ предѣлахъ политическаго союза древности, какъ уже было отмѣчено выше, зародились въ нѣдрахъ родового быта. «Потокъ» и месть, въ качествѣ *универсальныхъ* средствъ *внутри-и междуродовой самообороны*, какъ можно полагать, первоначально были единственными способами общественной реакціи противъ любого посягательства на право и миръ. Какъ за всякое правонарушеніе чужеродца, его постигала кровавая месть, такъ и за всякое преступленіе родича, его ожидала атимія, aquae et ignis interdictio, Friedlosigkeit. По существу вся позднѣйшая система уголовнаго права и суда развилась изъ этихъ основныхъ формъ правовой самозащиты варварскаго общества. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно лишь отмѣтить первоначальный абсолютный характеръ соціальной юстиціи древности. См. *Post*. Bausteine, I, S. 164—5, 168, 174. *Дарестъ*. Изслѣдованія по исторіи права, стр. 136; *М. Ковалевскій*. Современный обычай, II, стр. 27, 31.

ная черта политическаго союза древности. И это строгое *господство права* тѣмъ легче поддерживалось въ тѣ времена, что первобытное государство представляло изъ себя весьма тѣсную и очень скромную по численности публично-правовую ассоціацію, которая къ тому же отличалась не только рѣдкой простотою быта, но и однородностью своего соціальнаго состава[1]). Естественно, что при такихъ условіяхъ вся жизнь этого плотно спаяннаго крохотнаго «міра», рѣзко обособленнаго и замкнутаго, изо дня въ день протекала на глазахъ у всѣхъ ея членовъ, непрерывно повторяясь въ однѣхъ и тѣхъ же стереотипныхъ формахъ «пошлаго» обряда исконнаго существованія. Въ этомъ «своемъ міру», какъ выражается наша «Русская правда», ничего нельзя было схоронить отъ «всенародныхъ очей», здѣсь каждый все зналъ обо всѣхъ, и повѣстка, объявленная въ народѣ («закличъ») о какомъ-нибудь чрезвычайномъ происшествіи, напримѣръ, о потерѣ или пропажѣ вещи, черезъ *три дня* была уже извѣстна всѣмъ, всей «околицѣ»[2]). Поэтому каждый являлся здѣсь невольнымъ свидѣтелемъ, соучастникомъ и «знахаремъ» (т.-е. «послухомъ», какъ говоритъ та же «Правда») всего, что совершалось внутри даннаго союза и могло имѣть хотя сколько-нибудь жизненное значеніе для него. Представляя собою нѣчто единое,—одно тѣло, одну душу—союзъ этотъ жилъ одною жизнью, одною «правдой», въ «одиначествѣ», говоря языкомъ русской лѣтописи[3]), какъ одна большая политическая семья, «задружна куча», разросшаяся въ небольшое государство.

Конечно, подобная солидарность варварскаго общества, какъ и религіозно-нравственная основа его правосознанія, сохраняли свою силу только до тѣхъ поръ, пока оставались въ силѣ общественное единство и цѣльность душевнаго міра первобытнаго союза и составляющихъ его единицъ. Напротивъ, по мѣрѣ того, какъ въ процессѣ соціальной дифференціаціи постепенно исчезала эта однородность состава древняго общества, вмѣстѣ съ ней утрачивало свой всенародный и всеобъемлющій характеръ также и самое право, все болѣе и болѣе эмансипировавшееся отъ своей моральной и религіозной основы. Право, при такихъ условіяхъ, съ одной стороны, переставало быть правомъ равнымъ для всѣхъ[4]), съ другой—все рѣшительнѣе пріобрѣтало характеръ чисто формальнаго, «голаго» права, одинаково отмежевавшагося какъ отъ моральной, такъ и религіозной нормы. Постепенно обособляясь и замыкаясь въ строго опредѣленныхъ границахъ, какъ *минимумъ общеобязательныхъ правилъ внѣшняго*

---

[1]) При отсутствіи классовыхъ и сословныхъ различій въ древнемъ обществѣ преобладали начала не раздѣленія труда, а сотрудничества, не подчиненія, а взаимопомощи.

[2]) *Рус. Правда* (Троиц. сп.), стр. 38, 40. Ср. *Судебникъ кор. Казиміра 1468 г.*, ст. 23.

[3]) Ср. *P. Viollet.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France. Paris. 1890, t. I, p. 286. Принципъ этотъ (unanimitas) также имѣетъ своимъ источникомъ внутреннюю солидарность рода. *Glotz*, op. cit., p. 44, 324.

[4]) Оно стало примѣняться, говоря языкомъ позднѣйшаго русскаго права, «глядя по человѣку». Эти различія обнаружились уже въ ближайшихъ дополненіяхъ къ древнѣйшему тексту «Русской правды», напр., въ отношеніи смердовъ и княжихъ мужей.

распорядка людскихъ отношеній, право, въ концѣ-концовъ, должно было совершенно потерять свое первоначальное значеніе абсолютной матеріальной (внутренней) «правды». Однако, пока этотъ процессъ не завершился, вѣковая «правда» продолжала сохранять свой исконный авторитетъ, всецѣло владѣя личностью ея носителя.

Совершенно очевидно, что ни о какомъ «самоуправствѣ» или «самосудѣ»[1]) въ древнемъ обществѣ при данныхъ условіяхъ не могло быть и рѣчи. Если историки старой школы настаивали на подобномъ взглядѣ, то не трудно видѣть, на чемъ, по существу, основывалась эта популярная теорія. Она сложилась подъ вліяніемъ наблюденій того несомнѣннаго факта, что въ изучаемую эпоху, тамъ, гдѣ мы теперь привыкли видѣть дѣйствующими тѣ или иные «органы» государства, мы всюду встрѣчаемъ отдѣльное «частное» лицо, которое само ведетъ процессъ, само «расправляется» съ преступникомъ («частная» месть) и, однимъ словомъ, «самовластно» и «самоуправно» борется за право. Сущность недоразумѣнія заключается въ данномъ случаѣ—какъ отчасти уже было указано выше—именно въ словѣ «частное». Вмѣстѣ съ нимъ изслѣдователи переносятъ въ далекую древность современныя намъ понятія, заимствованныя преимущественно изъ области гражданскаго права. Каждое дѣйствіе *отдѣльнаго* лица они объявляютъ «частнымъ» актомъ и даже актомъ «произвола», разсматривая и этотъ актъ и самое дѣйствующее лицо внѣ всякой связи съ окружающей его средой, безотносительно къ общественно-политическимъ формамъ первичныхъ племенныхъ и территоріальныхъ государственныхъ союзовъ. Между тѣмъ та роль, какую отдѣльное (а не «частное») лицо играетъ въ древнѣйшемъ обществѣ, опредѣляется вовсе не господствомъ въ этомъ обществѣ анархіи и произвола индивида, а тѣмъ фактомъ, что, при полномъ почти отсутствіи соціальнаго раздѣленія труда, *политическіе союзы древности не знали еще дифференціаціи публично-правовой власти*, которая на данной стадіи историческаго развитія отправляется *непосредственно* какъ всѣмъ союзомъ, такъ и каждымъ его членомъ въ отдѣльности. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ извѣстный моментъ требовалось чрезвычайное сосредоточіе власти въ единомъ центрѣ (напримѣръ, во время войны), политическая община временно выдѣляла изъ себя особо уполномоченныхъ лицъ (предводителей)[2]). Въ обычномъ же порядкѣ, при нормаль-

---

[1]) Термины «самоуправство», «самосудъ» выбраны вообще очень неудачно, такъ какъ обыкновенно они служатъ для обозначенія дѣйствій неправомѣрныхъ. Между тѣмъ ими пользуются для характеристики отношеній древняго общества даже и тѣ изслѣдователи, которые вовсе не отрицаютъ правовой природы «самосуда» на раннихъ ступеняхъ цивилизаціи. Въ дѣйствительности же здѣсь слѣдовало бы говорить не о самоуправствѣ и самосудѣ, а о *процессуальной автономіи* лица въ древнемъ правѣ, которая въ свою очередь была лишь частичнымъ проявленіемъ политической автономіи древней гражданской общины. «Le droit de tous»—скажемъ мы словами Віолле—обусловливало въ тѣ времена «la fonction de tous» до тѣхъ поръ, пока не завершился процессъ спеціализаціи государственныхъ функцій. *Viollet*, op. cit. p. 311.

[2]) Цезарь, напр., говоритъ про древнихъ германцевъ, что у нихъ «*in pace* nullus est communis magistratus». *De bello gallico*, VI, 23. Ср. сообщенія о славянахъ Прокопія и Титмара Мерзебургскаго у *И. М. Собъстіанскаго*. Ученія о національныхъ

номъ теченіи жизни, она осуществляла свои несложныя публичныя функціи, или дѣйствуя вся цѣликомъ, или черезъ посредство любого изъ своихъ членовъ, личность котораго, какъ мы знаемъ, тѣснѣйшимъ образомъ сливалась тогда со всѣмъ союзомъ. Въ борьбѣ за право человѣкъ древности при такихъ условіяхъ выступалъ не просто какъ лицо обиженное, а въ той же самой роли, въ какой въ современномъ государствѣ выступаетъ оффиціальный представитель государственной власти (слѣдователь, прокуроръ и т. д.). Мы не должны забывать, что первичное государство было облечено въ формы *непосредственной демократіи или народоправства*, т.-е. такія формы, при которыхъ все взрослое свободное населеніе («вси людіе»)—при отсутствіи постоянныхъ органовъ публичнаго властвованія—принимаетъ прямое участіе въ отправленіи государственной власти въ ея цѣломъ, такъ какъ древности не было извѣстно различіе власти законодательной, правительственной и судной, какъ не было ей извѣстно также и различіе права гражданскаго и уголовнаго и публичнаго вообще. При отсутствіи спеціальныхъ органовъ для *отправленія права*, самъ народъ въ то время являлся одновременно и законодателемъ (поскольку можно говорить для того времени о законодательствѣ), и правителемъ, и судьей, т.-е. народомъ—«государемъ»[1]), говоря выразительнымъ языкомъ юридическихъ памятниковъ древней Руси («государь Великій Новгородъ», «государь» Псковъ). Титмаръ Мерзебургскій (X—XI ст.) въ полномъ согласіи съ византійскимъ историкомъ Прокопіемъ (VI в.), характеризуя бытъ славянскихъ племенъ (лютичей), довольно удачно схватилъ сущность этой античной «демократіи», хотя и не вполнѣ понялъ ея подлинную природу. «У всѣхъ этихъ (племенъ)—говоритъ онъ,—которыя вмѣстѣ называются лютичами, нѣтъ никакого особаго властелина. Въ *народномъ собраніи* разсуждаютъ они о своихъ нуждахъ и мѣрахъ, которыя необходимо принять, и рѣшаютъ дѣла *единодушно* (unanimi consilio). Если же кто-либо изъ земляковъ не согласится съ ними въ собраніи, то его бьютъ батогами (?), если же онъ и впослѣдствіи открыто противодѣйствуетъ (состоявшемуся рѣшенію), то или теряетъ все посредствомъ пожара и постоянного разграбленія («потокъ» *Русской правды*), или же уплачиваетъ въ присутствіи народа опредѣленную сумму денегъ, сообразно своему положенію»[2]). Такимъ образомъ государство

особенностяхъ древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892 г., стр. 189, 195. Авторъ, впрочемъ, нѣсколько тенденціозно интерпретируетъ популярные тексты обоихъ хронистовъ.

[1]) Въ древнѣйшемъ періодѣ, говоритъ Іерингъ, «государство относится къ гражданамъ точно такъ же, какъ родъ къ родичамъ, т.-е. оно не есть нѣчто отъ нихъ отличное, нѣчто внѣ ихъ и надъ ними, *государство суть они сами*, государство и народъ равнозначущи». *Духъ р. п.*, I, стр. 180—1. Этимъ и объясняется то всеобъемлющее значеніе, какое принадлежитъ народному собранію, вѣчу, въ древности. «L'assemblée du peuple fut, a l'origine, l'un des grands pouvoirs, probablement le plus grand pouvoir de l'état naissant, pouvoir legislatif, judiciaire, et, dans une certaine mesure, executif.» *P. Viollet*, op. cit I, p. 105. Ср. *Э. Фриманъ*. Сравнительная политика, стр. 157, 158.

[2]) VI *Chronicon*. XVIII. 812 (Monum. Germ. V). Интересно это мѣсто изъ *Хроники* Титмара сопоставить съ соотвѣтствующимъ фрагментомъ изъ 14 гл. III кн. «Готской войны» Прокопія: «народы же эти, славяне и анты, не повинуются одному мужу,

древности, которому была совершенно чужда идея *представительства*, не отдѣлялось отъ образующихъ его членовъ, находя въ нихъ свое живое выраженіе. Это государство «было ничѣмъ инымъ, какъ обществомъ, соединеніемъ всѣхъ индивидовъ» [1]). Въ силу означенной его особенности каждое единичное лицо въ ту эпоху являлось вполнѣ самостоятельнымъ носителемъ публичныхъ правъ и публичной власти, которая всѣмъ и каждому принадлежала тогда въ равной мѣрѣ и не подлежала передачѣ и передовѣрію. На этомъ же основаніи немыслимы были въ тѣ времена и рѣшенія дѣлъ въ народныхъ собраніяхъ по большинству голосовъ. Всякое постановленіе примитивнаго народнаго «вѣча» должно было быть при подобныхъ условіяхъ непремѣнно *единогласнымъ*, принято «однодушно» (unanimi), «едиными усты», какъ говорили въ древней Руси, политическій бытъ которой былъ построенъ цѣликомъ на началахъ «одиначества». Только *воля всѣхъ*, непосредственно выраженная, являлась тогда общей волей всего союза. Понятно, что такое рѣшеніе имѣло въ глазахъ людей древности *абсолютную* силу, какъ непререкаемая «правда», внушенная народу самими богами, по пословицѣ: «гласъ народа—гласъ Божій». Поэтому, въ случаѣ серьезнаго разногласія на вѣчѣ, дѣло тогда могло быть разрѣшено только вѣчевымъ «полемъ», поединкомъ спорящихъ сторонъ, т.-е. «судомъ Божьимъ», и, напротивъ, всякаго неповинующагося состоявшемуся уже постановленію, какъ «коромольника», постигала политическая казнь («потокъ и разграбленіе», Friedlosigkeit).

Исходя изъ всей совокупности отмѣченныхъ фактовъ, мы можемъ сказать, что поскольку въ древности «право тѣсно сливалось съ лицомъ», постольку же послѣднее также тѣсно сливалось съ *государствомъ*, отожествляя свою волю съ единой волей всѣхъ. Анонимная самодовлѣющая норма неписаннаго откровеннаго закона общежитія властно направляла и въ данномъ случаѣ къ одной общей цѣли стремленія всѣхъ и каждаго. Произволу и здѣсь не было мѣста. Поэтому, если «отдѣльный человѣкъ», говоря словами автора «Источниковъ права», дѣйствительно и былъ тогда одновременно «и законодателемъ и судьей», то вовсе не въ томъ смыслѣ, что онъ по своему произволу творилъ право и судъ, а въ томъ, что онъ былъ управомоченнымъ и обязаннымъ носителемъ правовой власти [2]). Именно такъ должны мы понимать и слова русской лѣтописи, когда, изображая бытъ и нравы древнихъ славянъ, она говоритъ, что люди того времени «сами себѣ законъ твориша». И если справедливо было сказано, что историческое право, для того, чтобы быть правомъ, «не дожидалось законодателя» [3]), то столь же вѣрно, что архаическое правосудіе, для того чтобы быть правосудіемъ, не нуждалось въ назначеніи офиціальнаго «судьи» [4]).

но изначала живутъ *въ народномъ правленіи* и потому у нихъ въ обычаѣ о полезномъ и вредномъ разсуждать сообща». III Goth. XIV, 334.

[1]) *Іерингъ*. Духъ р. п., I, стр. 153, 515 и 16; II, SS. 14—15, 236.

[2]) *Дювернуа*, op. cit., стр. 108.

[3]) *Іерингъ*. Духъ р. пр., стр. 104.

[4]) Ср. *А. Чебышева-Дмитріева*. О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву. К. 1862 г., стр. 18.

Человѣкъ древности при такихъ условіяхъ дѣйствовалъ не только *по праву, но и во имя права и отъ имени права*, какъ homo publicus, въ качествѣ правомочнаго органа своего «міра», на которомъ лежалъ безусловный правовой долгъ (munus publicum). Когда онъ мстилъ, напр.,—а месть была тогда настоящимъ уголовнымъ наказаніемъ—его цѣлью было вовсе не удовлетвореніе своего личнаго чувства раздраженія и даже не осуществленіе своего «частнаго» *права* мести, а исполненіе своего *долга и правовой обязанности*, отъ которой онъ не могъ уклониться, не рискуя самъ навлечь на себя гнѣвъ боговъ и проклятіе людей. Онъ выступалъ такимъ образомъ не столько, какъ потерпѣвшій, сколько какъ обвинитель, преслѣдующій преступника въ общественномъ интересѣ, подобно accusator'у римскаго права эпохи республики. Актъ мести съ его стороны, слѣдовательно, вовсе не былъ произвольнымъ актомъ, а проявленіемъ *непосредственной* правовой автономіи не «самоуправнаго», а *самоуправляющагося политическаго союза* древности[1]).

Выше мы уже отмѣтили, что съ точки зрѣнія субъекта древняго права, нельзя говорить для той эпохи о господствѣ «частнаго» права,—теперь справедливость того же положенія выясняется для насъ также и со стороны государственной организаціи исторически юныхъ народовъ.

Если нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что въ древности еще не сложилось никакого понятія о государственномъ или общественномъ интересѣ, пользѣ и вредѣ, въ противоположность «частному», то происходило это вовсе не оттого, что тогда будто бы безраздѣльно господствовало частное право и интересы, а потому, что, какъ мы видѣли, въ сознаніи людей того времени понятія индивидуальнаго, общественнаго и государственнаго интереса были слиты, отожествлялись[2]).

Всякое нарушеніе внутренняго мира, т.-е. чьего-либо права, являлось тогда абсолютнымъ зломъ, которое вызывало безусловную реакцію. Въ глазахъ человѣка сѣдой старины, дѣйствительно, «всякая вина была виновата», а потому за всякое правонарушеніе древнее право и грозило немедлен-

---

[1]) Непосредственная *автономическая* дѣятельность родовыхъ и политическихъ союзовъ древности лишь постепенно отступаетъ на задній планъ передъ развивающимся началомъ *монополіи* спеціальныхъ органовъ государственнаго властвованія. Въ процессѣ этого преобразованія и сталъ мало-по-малу утверждаться взглядъ на прежнія автономныя дѣйствія лица и всего общества, какъ на проявленія «самоуправства» и опасной конкуренціи съ органами централизованой государственной власти. Подъ вліяніемъ означенной эволюціи нѣкогда непререкаемое право родичей и общины принимать непосредственное участіе въ отправленіи суда превратилось, напр., въ древней Руси въ *преступленіе* противъ судебной власти, такъ наз. «наводку»: «а истцю на истца наводки не наводити, ни на посадника... ни на иныхъ судей» (Новг. суд. гр., ст. 6). Истинный смыслъ этой статьи превосходно разъясняется 58 ст. Псков. суд. гр., которая прямо говоритъ: «А на судъ помочью не ходити, лѣсти въ судебницу двѣма сутяжникома, а пособниковъ бы не было ни съ одной стороны».

[2]) Авторъ «Исторіи судебныхъ инстанцій» совершенно правильно говоритъ, что въ древности человѣкъ «не дѣлаетъ различія между своими частными и общественными отношеніями», но заключеніе, которое онъ отсюда выводитъ о «господствѣ частнаго права» въ изучаемую эпоху, совершенно ошибочно. Ѳ. Дмитріевъ, op. cit., стр. 4.

ной карой. Взглядъ этотъ особенно явственно запечатлѣлся, именно, въ архаическомъ процессѣ, когда всякій искъ первоначально носилъ *деликтный* характеръ[1]), такъ что и «гражданская», съ нашей точки зрѣнія, «неправда»—какъ это было установлено еще А. Чебышевымъ-Дмитріевымъ для древне-русскаго права—«*подобно преступленію*, вызывала противъ себя реакцію со стороны общества»[2]). Пораженіе правъ отдѣльныхъ лицъ разсматривалось въ тѣ времена, какъ посягательство на права коллектива, какъ опасное нарушеніе мира въ предѣлахъ связаннаго круговой порукой защитнаго союза древности. Было бы, поэтому, большой ошибкой «предполагать,—скажемъ мы вмѣстѣ съ Г. Мэномъ,—чтобы такое простое и элементарное понятіе, какъ понятіе о вредѣ, нанесенномъ государству, было чуждо какому бы то ни было первобытному обществу»[3]). Можно было бы сказать даже болѣе, что понятіе это тѣмъ рѣшительнѣе доминировало въ сознаніи человѣка древности, чѣмъ тѣснѣе былъ тотъ политическій союзъ, къ которому онъ принадлежалъ. Чувство правовой связанности при такихъ условіяхъ было обратно пропорціонально размѣрамъ примитивнаго государства и его матеріальной силѣ.

Этимъ обстоятельствомъ и объяснялось преобладаніе и даже господство публично-правового момента въ сферѣ юридическихъ отношеній изучаемаго періода. Отсюда же становится понятнымъ, почему древнему праву былъ извѣстенъ—какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ—*одинъ* только видъ процесса, носившій очевидно уголовный характеръ[4]), несмотря на то, что по своей формѣ процессъ этотъ шелъ, говоря современнымъ языкомъ, въ обвинительномъ или «исковомъ» порядкѣ и наиболѣе активнымъ элементомъ на всѣхъ стадіяхъ судопроизводства выступала потерпѣвшая сторона. При *тѣхъ условіяхъ*, среди которыхъ протекало отправленіе правосудія въ древнія времена, всякое обвиненіе въ тѣ дни. по существу, являлось *публичнымъ обвиненіемъ* (actio popularis), а потому и тотъ фактъ, что дѣло велось тогда, какъ въ судѣ, такъ и до суда самимъ потерпѣвшимъ, не только не сообщалъ процессу частно-правового характера, но, напротивъ, являлся лучшей и единственно возможной по тому времени *публичной гарантіей* правового порядка и правъ отдѣльныхъ лицъ[5]).

Только по мѣрѣ выдѣленія *постоянныхъ* государственныхъ органовъ со спеціальнымъ назначеніемъ и сокращеніемъ круга непосредственной автономической дѣятельности всего союза и отдѣльныхъ лицъ, въ него

---

[1]) *Brunner* D. R. G., II, S. 328. Ср. *Іерингъ*. Духъ р. пр., стр. 109. Ср. *Демченко*, op. cit., стр. 51—52, 72, 92, 97.

[2]) *О преступномъ дѣйствіи*, стр. 23—30. Ср. *R. Schröder*. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1902. S. 83—4, 359. Глоцъ не безъ основанія замѣчаетъ по этому поводу, что «въ извѣстномъ смыслѣ» самое «гражданское право имѣетъ свои корни въ правѣ уголовномъ», op. cit., p. 121, 48, *Ковалевскій*. Современный обычай, II, стр. 355—6; *Post*. Bausteine, I, S. 51, 53. *K. Dareste*. Nouvelles études d'histoire du droit. Paris. 1902, p. 291, 329, *Его же*. Изслѣдованія по исторіи права, стр. 59, 70.

[3]) *Древнее право*, стр. 291.

[4]) См. *Демченко*. Op. cit., стр. 41 и сл.

[5]) *Іерингъ*. Духъ р. п., I, стр. 190—191.

входящихъ, *исторически* возникаетъ представленіе объ индивидѣ, обществѣ и государствѣ, какъ явленіяхъ не только отличныхъ другъ отъ друга, но даже и «противоположныхъ» одно другому.

Передовѣряя свои права немногимъ блюстителямъ «правды» и земскаго мира, человѣкъ древности мало-по-малу «отбывалъ» своихъ прямыхъ публично-правовыхъ обязанностей, постепенно уходя въ болѣе ограниченную и близкую ему область интересовъ своего мѣстнаго «міра», индивидуализированной семьи или же, наконецъ, обособившейся отдѣльной личности. Однако, съ выдѣленіемъ специфическихъ органовъ властвованія съ публично-правовыми полномочіями, непосредственная дѣятельность древнѣйшаго государственнаго союза въ той же сферѣ далеко еще не была ликвидирована. Одновременное и нерѣдко даже конкурирующее функціонированіе первичной власти (народнаго собранія) на ряду съ ея же собственными делегаціями, не говоря уже о ея верховныхъ правахъ, оставалось въ силѣ до послѣдняго момента разложенія государства примитивной демократіи. Что же касается отдѣльныхъ политическихъ институтовъ древности, то они надолго пережили породившій ихъ историческій укладъ жизни. Эти переживанія нашли достаточное выраженіе, какъ въ автономныхъ правахъ мелкихъ союзовъ и даже отдѣльныхъ лицъ (напр., сельскій «міръ», «мировыя» сдѣлки въ дѣлахъ публичнаго интереса), такъ и въ практикѣ настоящаго самосуда и самоуправства (напр., самосправа съ конокрадами въ Россіи, судъ Линча), этого выродившагося автономнаго права народнаго суда. Далекая старина жила вѣками, а отчасти дожила и до новѣйшаго времени, какъ неумирающая бытовая археологія[1]).

Такимъ образомъ, лишь въ процессѣ послѣдовательнаго расчлененія варварскаго государства, тѣ самыя публично-правовыя функціи, которыя прежде отправлялись всѣмъ союзомъ въ лицѣ каждаго его члена, постепенно локализовались и становились достояніемъ («присудомъ») особыхъ органовъ власти. Но само собой разумѣется, что это усложненіе внутренней организаціи государства древности вовсе не означало, что только съ этого момента будто бы среди первобытнаго хаоса впервые зародилось въ исторіи такъ называемое «государственное начало». Въ дѣйствительности, мы имѣемъ право говорить въ данномъ случаѣ только о новой фазѣ въ развитіи архаическаго государства, теряющагося своими корнями во мракѣ доисторическихъ временъ. И намъ придется еще убѣдиться въ дальнѣйшемъ, что означенный выше процессъ образованія особыхъ органовъ публичной власти далеко еще не означалъ торжества «государственности», особенно, если мы вспомнимъ, что за эпохой господства такъ наз. первобытнаго «хаоса» и «безформенности» быта культурнымъ народамъ пришлось пережить эпоху господства феодальной «анархіи», когда, по общепринятому взгляду,

---

[1]) По *Русской правдѣ*, напр., «коневая татьба» (конокрадство) каралось «потокомъ и разграбленіемъ», т.-е. всенародной казнью объявленія преступника лишеннымъ всѣхъ личныхъ и имущественныхъ правъ «съ женой и дѣтьми». Среди русскихъ крестьянъ расправа съ конокрадомъ, въ формѣ безпощаднаго самосуда, дожила до нашихъ дней. Такова характерная эволюція общественнаго правосудія, постепенно преобразившагося изъ правомѣрнаго народнаго суда въ преступный самосудъ толпы.

всѣ государственныя отношенія были построены по типу отношеній частно-правовыхъ или «вотчинныхъ», и государственная власть сказалась политически распыленной. Достойно особаго вниманія при этомъ, что въ періодѣ развивающейся феодализаціи, именно, *княжеской власти* суждено было стать наиболѣе вліятельнымъ носителемъ «вотчиннаго» принципа въ системѣ суда и управленія средневѣкового государства—помѣстья, сложившагося на развалинахъ примитивной непосредственной демократіи. Такимъ образомъ, если вообще и можно говорить о какой-нибудь исторической эпохѣ, какъ о времени господства «произвола» («кулачнаго права», Faustrecht), частнаго права и самоуправства (право «частной войны»), то, конечно, примѣромъ подобнаго общественнаго состоянія слѣдовало бы привести не варварское народоправное государство съ его желѣзной обычно-правовой дисциплиной военнаго союза, а политическую организацію средневѣкового міра. Поэтому же связывать происхожденіе «русскаго государства» и «государственности» съ призваніемъ или вообще появленіемъ первыхъ князей значитъ одновременно искажать историческую перспективу и слишкомъ довѣрчиво отдаваться во власть тенденціозной «повѣсти» лѣтописнаго преданія.

А вѣдь именно такъ и поступала старая академическая теорія, пріурочивавшая начало русскаго государства къ моменту призванія варяговъ «изъ-за моря». Не говоря уже о наивности подобнаго представленія объ «основаніи» государствъ, нельзя не напомнить, что государство въ исторіи есть *данное*, исходный фактъ. Такъ называемое «догосударственное состояніе» народовъ, о которомъ нерѣдко говорятъ изслѣдователи, по существу представляетъ изъ себя не что иное, какъ ретроспективную реставрацію доисторическаго быта человѣка, т.-е. является чисто конструктивнымъ понятіемъ. Поскольку же, однако, оно посягаетъ на историческія времена, въ немъ скрытъ источникъ цѣлаго ряда недоразумѣній, основанныхъ на перенесеніи въ отдаленнѣйшія эпохи современныхъ намъ представленій и чуждыхъ имъ понятій. Выше мы и пытались, какъ отмѣтить эти недоразумѣнія, такъ и намѣтить тѣ руководящіе исходные историческіе принципы, на которыхъ покоился общественно-политическій и правовой строй древности.

Означенными принципами, въ конечномъ счетѣ, и опредѣлялось начальное развитіе судныхъ учрежденій и процесса, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ культурныхъ странахъ. На этомъ основаніи намъ и пришлось остановиться, быть можетъ, со слишкомъ обременительными для нашего общаго очерка подробностями, на выясненіи наиболѣе характерныхъ особенностей быта народовъ древности, такъ какъ только при такихъ условіяхъ и возможно установить, съ одной стороны, надлежащую историческую перспективу въ изложеніи предмета, съ другой—необходимую связь между судьбами народа, его правосознаніемъ и организаціей суда. Мы не должны забывать, что судъ всегда является живымъ и чувствительнымъ нервомъ государственнаго организма и вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшимъ показателемъ степени правового развитія народа. Гарантія суда это—наиболѣе прочная изъ правовыхъ гарантій, и только тамъ, гдѣ сила и крѣпость государственнаго союза покоится на твердомъ фундаментѣ дѣйственнаго

права, возможно существованіе авторитетной власти суда. Къ этимъ основнымъ положеніямъ и сводится, въ концѣ-концовъ, какъ научный, такъ и практическій интересъ исторіи суда.

I.

Указанныя выше начала соціально-правового уклада, на которыхъ базировались жизненныя отношенія древнѣйшихъ политическихъ союзовъ, составляли также и глубочайшее основаніе правового строя древней Руси, опредѣлявшаго въ свою очередь наиболѣе характерныя черты древнерусской юстиціи. Правда, мы не найдемъ уже въ историческія времена этихъ началъ въ ихъ чистомъ видѣ. Въ процессѣ историческаго развитія они успѣли уже претерпѣть значительныя измѣненія и даже искаженія, въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ нихъ остались одни только переживанія, однако, несмотря на разлагающіе реактивы исторіи, общіе принципы организаціи судебной власти и процедуры не оставляютъ никакихъ сомнѣній насчетъ истинной ихъ природы и подпочвы. Наблюдая жизнь древней Руси при свѣтѣ исторіи, въ моментъ образованія первыхъ славяно-русскихъ территоріальныхъ политическихъ союзовъ (земель-волостей или княженій), мы застаемъ уже нашихъ далекихъ предковъ въ періодѣ разрушенія архаическихъ началъ племенного быта, когда кровныя связи смѣнялись связями общественными, родство «сосѣдствомъ»—и непосредственная публично-правовая дѣятельность всего политическаго союза постепенно отходила отъ него въ руки его уполномоченныхъ и единоличныхъ органовъ государственной власти. Впрочемъ на основаніи свидѣтельствъ писателей VI—IX вѣковъ, какъ западно-европейскихъ, такъ и восточныхъ, а также и изъ практики позднѣйшей исторіи древне-русскаго вѣча мы можемъ заключить, что судъ у славянъ искони былъ дѣломъ всего народа, былъ народнымъ *вѣчевымъ судомъ*, отправляемымъ подъ открытымъ небомъ, «предъ вратами градскими», «на торгу» или въ иномъ мѣстѣ. Народу принадлежало тогда безспорное право, какъ выражается одинъ изъ памятниковъ древности, «творить вѣще и суды». Судъ, не будучи въ тѣ времена отдѣленъ отъ прочихъ отраслей публичной власти, входилъ въ полномъ своемъ объемѣ въ компетенцію «народнаго собранія» древнѣйшей эпохи. Конечно, участіе всего народа на вѣчевой судной сходкѣ возможно было лишь въ самыя первоначальныя времена, когда въ силѣ былъ еще первобытный коммунизмъ и самые племенные союзы были не велики. Съ образованіемъ древне-русскихъ «земель», когда населеніе разсыпается по обширной «волости», разселяясь по городамъ, пригородамъ и весямъ, и начинаетъ усиленно отдаваться мирному и упорному сельскому труду, для него становится немыслимымъ постоянно отрываться отъ своей будничной работы, чтобы то и дѣло сходиться на вѣче и всемъ «міромъ» отправлять свои публично-правовыя функціи. Поэтому на глазахъ исторіи мы наблюдаемъ уже, какъ, съ одной стороны, происходитъ постепенное *сокращеніе юрисдикціи вѣча*, съ другой—начинается *выдѣленіе особыхъ судныхъ органовъ*,

которые призваны замѣнять и представлять былую власть народнаго вѣча. Въ рукахъ вѣча остается теперь, такъ сказать, верховный и политическій судъ, т.-е. судъ по такимъ дѣламъ и деликтамъ, которые задѣваютъ интересы всей земли, какъ цѣлаго, или злостно нарушаютъ земскій миръ, или же направлены противъ основныхъ правъ государя-народа, напр., въ случаѣ нарушенія со стороны князя «пошлинъ» волостной конституціи, торжественно имъ гарантированной «крестнымъ цѣлованіемъ» на вѣчѣ «всей землѣ» [1]). Въ указанномъ смыслѣ вѣчу, какъ верховному органу земли, принадлежалъ судъ надъ княземъ [2]), высшими выборными земскими чинами (посадниками) [3]), княжеской администраціей (тіунами) [4]), измѣнниками земли, а также дерзкими нарушителями общественной тишины и безопасности («перевѣтниками» и «коромольниками») [5]) и, наконецъ, надъ такъ называемыми позднѣе «лихими людьми», т.-е. людьми, превратившими преступный образъ жизни въ профессію, «ставъ на разбои», какъ говоритъ «Русская правда» [6]). Въ подобныхъ случаяхъ вѣче обычно одновременно являлось и судьей и властью карающей, т.-е. палачемъ. Въ случаяхъ такъ называемаго «потока и разграбленія», оно само, въ лицѣ всего гражданства, совершало экзекуцію надъ виновнымъ, немедленно послѣ произнесенія приговора расправляясь лично съ нимъ и предавая огню и разрушенію домъ и имущество преступника. Въ лѣтописи мы неоднократно встрѣчаемъ описанія подобныхъ сценъ народнаго суда, когда, напримѣръ, виновнаго низвергали, по приговору новгородскаго вѣча, съ моста въ рѣку Волховъ, а

---

[1]) Договоры князей съ вѣчемъ старшаго города земли обычно скрѣплялись присягой князя, приглашеннаго занять тотъ или иной столъ. «На семъ, княже, цѣлуй хрестъ ко всѣму Новугороду... Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ», читаемъ мы всегда въ договорныхъ новгородскихъ грамотахъ. *Собр. госуд. грамотъ и договоровъ*, т. I, № 1. То же было и въ другихъ земляхъ. Такъ, будучи призванъ на владимірскій столъ, кн. Михалко, по словамъ лѣтописца, «створи людемъ весь порядъ, утвердився крестнымъ цѣлованіемъ съ ними». Сажая у себя кн. Изяслава, кіевляне говорили ему: «тебѣ есмы ждали, княже, а цѣлуй къ намъ хрестъ» и т. д. См. *Лѣтопись Лаврент.*, 1176 г., *Ипатьев. лѣт.*, 1146 г.

[2]) *Лаврентьев. лѣт.*, 1097 г., *Новгородская лѣт.*, 1136, 1270 гг. Ср. *Суздальская лѣт.*, 1876 г.

[3]) *Новгородская лѣт.*, 1141 г. (судъ надъ посади. Якуномъ), 1209 (посад. Дмитромъ), 1218 (посад. Твердисловомъ).

[4]) *Ипатьевск. лѣт.*, 1146 г., гдѣ описывается судъ и казнь вѣча надъ княжескими тіунами, при чемъ къ отвѣтственности привлекается и самъ князь.

[5]) Въ 1316 г. былъ казненъ въ Новгородѣ Игнатъ Бѣска: «и биша і на вѣчи, і свергоша і съ моста въ Волховъ; творяхутъ бо его *перевѣтъ* державша къ Михаилу» князю. *Новгородская лѣт.*, стр. 317—18. См. *Новгородскія лѣтописи*, 1291 г. Къ предметамъ вѣчевой юрисдикціи, очевидно, относились въ болѣе раннія времена и тѣ деликты, за которые *Русск. правда* караетъ «потокомъ и разграбленіемъ», какъ-то—поджогъ, «коневая татьба» (конокрадство), разбой, какъ промыселъ (*Тр. сп., ст. ст.* 10, 42, 108) и которые позднѣе въ *Псков. судн. гр.* наказывались смертной казнью: «а крымскому татю, и коневому, и перевѣтнику, и зажигальнику, чѣмъ живота не дати» (ст. 7). Во Псковѣ, какъ извѣстно, въ это время обычный вѣчевой судъ былъ уже уничтоженъ: «а князь и посадникъ на вѣчи суду не судютъ» (ст. 4).

[6]) *Русск. правда* (Троиц. сп.), ст. 10.

его домъ и всѣ его «животы» жгли и уничтожали [1]). При этомъ подобный «врагъ народа», объявленный внѣ закона, подвергался жестокой и безпощадной карѣ—по свидѣтельству «Русской правды»—вмѣстѣ «съ женою и съ дѣтьми», т.-е. со всѣмъ своимъ родомъ [2]). Любопытное описаніе указанной формы вѣчевого суда и расправы мы находимъ у Мѣховскаго въ его сочиненіи «De duabus Sarmatiis» (1517 г.), гдѣ онъ сообщаетъ слѣдующій весьма характерный случай изъ исторіи Великаго Новгорода: «Въ Новгородѣ—говоритъ онъ—начала было распространяться вредная наклонность къ грабежамъ и разбоямъ. Чтобы искоренить это зло, новгородцы ввели у себя слѣдующій обычай: захваченный на дѣлѣ, или обвиняемый въ воровствѣ, либо разбоѣ представлялся въ преторію, въ которой засѣдало сто сенаторовъ, въ званіи судей, съ длинными, по обычаю страны, бородами. Потомъ *ударяли въ вѣчевой колоколъ*; по первому его звуку всѣ граждане, а также сыновья ихъ стекались въ преторію, имѣя каждый въ рукѣ по камню. Когда *вина* приведеннаго *въ судѣ была признана* сенаторами и *приговоръ произнесенъ*, тогда присутствовавшіе граждане бросали принесенные ими камни въ преступника и такимъ образомъ *умерщвляли его тутъ же, въ судилищѣ*, послѣ чего гурьбою отправлялись въ домъ убитаго и *расхищали все его имущество*» [3]). Это описаніе порядка вѣчевого судопроизводства и казни вполнѣ соотвѣтствуетъ даннымъ русской лѣтописи. Вѣче, будучи созвано («і созваниша вѣче»), разсматривало прежде всего «вину» обвиняемаго [4]), точно

---

[1]) Новгородскій мостъ черезъ Волховъ игралъ въ тѣ времена роль классической Тарпейской скалы, съ которой низвергали въ античныя времена наиболѣе опасныхъ преступниковъ. Этотъ видъ публичной казни не рѣдкость въ Новгородѣ. Подъ 1291 г., напр., въ *Новгородскихъ лѣтописяхъ* мы читаемъ: «грабиша крамольницы торги, а заутра сотвориша вѣче Новгородцы, и свергоша двухъ крамольниковъ съ мосту въ рѣку», то же совершили новгородцы въ 1136 г. и съ посадникомъ Юріемъ «убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвѣргоша», такъ же хотѣли они поступить и съ посадникомъ Дмитромъ (1209 г.) См. *Новгородская лѣтопись*, стр. 234, 317. *Новгородскія лѣт.*, стр. 18. Означенное низверженіе «съ моста въ Волховъ» *по постановленію вѣча* не имѣетъ ничего общаго съ карательной экспедиціей Ивана Грознаго въ Новгородѣ въ 1570 г., когда безъ всякаго суда и слѣдствія «повелѣ государь привозити на Волховскій мостъ» бояръ, женъ и дѣтей новгородскихъ «и возводити на высоту, иже на то устроено бысть, и вязаху за руки и за ноги опако назадъ, а младенцевъ къ матеремъ вязаху, и съ великія высоты повелѣ государь метати ихъ въ рѣку Волховъ», ibid., стр. 342. Говоря языкомъ памфлетовъ Ивашки Пересвѣтова, расправа съ новгородскимъ боярствомъ была учинена грознымъ царемъ согласно принципу: «безъ лица имъ вина», т.-е. безъ суда (довода) казнь и приговоръ.

[2]) *Русск. правда* (Троиц. сп.), ст. 10.

[3]) *Отечественныя записки*, 1854 г., XII, стр. 145. Считаемъ умѣстнымъ напомнить здѣсь вышеприведенное описаніе вѣчевого суда въ сообщеніи Титмара о люticахъ.

[4]) *Новгородская лѣт.*, стр. 129, 292. Вѣче очень ревниво слѣдило за тѣмъ, чтобы народный судъ не превращался въ политическую месть или административный произволъ. Въ своихъ договорахъ съ князьями новгородцы никогда не забывали подтвердить одну изъ основныхъ своихъ конституціонныхъ гарантій: «а безъ вины ти мужа волости (т.-е. власти) не лишити», т.-е. *безъ суда должностныхъ лицъ не увольняти*. Въ Новгородской лѣт. въ указанномъ смыслѣ сохранился весьма знаменательный разсказъ. «Князь же Святославъ пресла свой тысяцьскый на вѣче, рече: «не могу быти

формулировало въ своемъ приговорѣ пункты обвиненія—позднѣе уже въ письменной формѣ, «ісписавше на грамоту всю вину его»—и затѣмъ само приводило свой приговоръ въ исполненіе, изгоняя или казня виноватыхъ («потокъ») и «разграбляя» ихъ достояніе («і взяша домы ихъ на разграбленіе») [1]). Но на ряду съ этимъ сохранившимся непосредственнымъ судомъ народа на вѣчѣ, можно было бы указать и цѣлый рядъ любопытныхъ переживаній подобнаго автономнаго общественнаго суда, который своими глубочайшими основаніями уходитъ въ самыя нѣдра родового уклада. Съ переходомъ отъ родового коммунизма съ его судомъ родичей къ чисто общественнымъ формамъ «вервной дружины», т.-е. древне-русской сосѣдской общины, въ которую каждый можетъ «вложиться», старый союзъ кровнаго братства смѣнился искусственнымъ «братствомъ», союзомъ взаимопомощи, сохранившимъ, однако, традицію первобытнаго коммунизма и комменсализма. Однимъ изъ яркихъ пережитковъ этого послѣдняго (совмѣстнаго потребленія) являлись въ древней Руси широко распространенные общинные «пиры», такъ называемыя «братчины», на которыхъ ходили круговые ковши, символически скрѣплявшіе «въ единомъ хлѣбѣ» новый общественный союзъ, періодически, въ дни народныхъ праздниковъ какъ бы сливавшійся вновь въ одну тѣсную семью за однимъ общиннымъ столомъ. И въ эти мгновенья въ общинѣ какъ бы оживали старыя семейныя власти и начала, оживалъ семейный, родовой судъ. *Псковская судн. грам.* говоритъ по поводу подобныхъ пировъ: «а братьщина судить, какъ судьи» [2]), т.-е. что всѣ ссоры, тяжбы и даже болѣе тяжкія оскорбленія (побои) разбираются тутъ же самой «братчиной». Въ этотъ внутренній, домашній, *мировой* судъ не вступаются прочія судебныя власти (князь или его уполномоченные). Въ уставныхъ грамотахъ позднѣйшей эпохи, которая прочно хранила вѣками эту земскую «старину», обычно въ самой категорической формѣ воспрещается княжескимъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тіунамъ и доводчикамъ являться на эти общественныя пированія и вмѣшиваться въ инциденты, разыгрывающіеся между «пивцами». Въ уставныхъ грамотахъ по адресу княжеской администраціи всегда можно было найти характерную статью, гласящую: «а тіуномъ и намѣстничьимъ людемъ на пиры и на братчину незваным не ходити; а кто пріѣдетъ къ нимъ на пиръ и на братчину незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно» [3]).

съ Твьрдиславомъ и отъимаю отъ него посадницьство». Рекоша же Новгородьци: «есть ли винэ его?». Онъ же рече: «безъ вины». Рече Твьрдиславъ: «тому есмъ радъ, еже вины моей нѣту; а вы, братье, въ посадничьствѣ и въ князѣхъ вольнѣ». Новгородци же отвѣщаша: «княже, еже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа (волости) не лишити; а тебѣ ся кланяемъ, *а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ*».

[1]) Перечисленіе «винъ» въ вѣчевомъ приговорѣ записано, напр., въ Новгородской лѣтописи по дѣлу о судѣ надъ княземъ Всеволодомъ и надъ кн. Ярославомъ и его «приятели», въ 1136 и 1270 гг.

[2]) Ст. 113.

[3]) *Н. Загоскинъ.* Уставныя грамоты XIV—XVI вв., в. 2, стр. 42—44.

Настоящимъ хозяиномъ («государемъ») на подобнаго рода пирахъ являлся всегда особый выборный «пировой староста» [1]), далекій преемникъ древняго родовладыки, «домачина». Ему должны были «явити» о всякомъ случившемся происшествіи и преступленіи присутствовавшіе на пиру «пивцы» и, если дѣло удавалось тутъ же разрѣшить въ примирительномъ порядкѣ («а возьмутъ прощенье·не выйдя изъ пиру») [2]), то тѣмъ все и кончалось. Эта своеобразная *мировая юстиція* «братчины» подъ предсѣдательствомъ «пирового старосты» и при участіи самихъ «пивцевъ» возвращаетъ насъ въ отдаленнѣйшую глубь вѣковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ въ самую интимную сферу древне-русской народной юрисдикціи [3]). «Братчина» является такимъ образомъ однимъ изъ тѣхъ оазисовъ общественной автономіи въ области суда, куда не проникала еще внѣшняя власть, которой воспрещено было «вступаться» во внутренніе споры и тяжбы тѣснаго сосѣдскаго «міра» древней Руси. Точно такимъ же иммунитетомъ, но въ болѣе широкомъ смыслѣ, обладала по «Русской правдѣ» наша архаическая «вервь» и въ своей будничной жизни, удержавшая за собой, такъ сказать, пассивное право юрисдикціонной власти въ случаяхъ наиболѣе тяжкихъ уголовныхъ правонарушеній (напр., предумышленнаго убійства), гдѣ она уступила свое мѣсто князю. Такъ, согласно 5 ст. *Русской правды* (Троиц. сп.), «вервь» могла не выдать убійцу-общинника («а головника не ищутъ»), укрывъ его и принявъ на себя уплату «дикой виры», т.-е. уголовнаго штрафа въ пользу князя. Вервь, принимая на свою душу отвѣтственность за нарушеніе земскаго мира, прикрывала такимъ способомъ «головника», который оказывался при данныхъ условіяхъ недосягаемымъ для новой судебной власти [4]). Для этой же послѣдней въ указанномъ случаѣ дѣло обстояло совершенно такъ же, какъ если бы «головника» вообще не оказалось налицо. Совершенно очевидно, что на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло все съ тѣмъ же типичнымъ институтомъ *круговой поруки*, выросшей на томъ же родовомъ корню и сохранившемъ свою силу и дѣйствіе въ территоріальной общинѣ XII вѣка [5]). Изъ права суда общины надъ своими членами вервь, какъ союзъ взаимнаго страхованія, сохранила подъ конецъ въ сферѣ уголовной юстиціи лишь скромное право самозащиты, въ которомъ прежде заключалось ея активное право юрисдикціи, превратившееся затѣмъ въ особый видъ *коллективной отвѣтственности* [6]). Впрочемъ,

---

[1]) *Псков. суд. гр.*, ст. 34: «оучинится татьба въ Псковѣ, или на пригороди, или въ сели на волости, ино явити старостамъ или околнымъ сусѣдомъ, или инымъ стороннимъ людямъ; а въ пиру, ино пировому старосте, или пивцамъ явити».

[2]) *Н. Загоскинъ*, op. cit., стр. 71. *Псков. судн. гр.*, ст. 80.

[3]) *А. Н. Поповъ*. Пиры и братчины, стр. 39—41. (Архивъ истор.-юрид. свѣд. Н. Калачова, кн. 2-ая, пол. 2, М. 1654.)

[4]) Ср. *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ исторіи русскаго права (изд. 5-е), стр. 337. *И. Собѣстіанскій*. Круговая порука у славянъ (2-е изд.), стр. 116—121.

[5]) *И. Собѣстіанскій*, op. cit., стр. 131—2.

[6]) Аналогичный институтъ, своеобразно связывающій судъ «братчины» и «дикую виру» верви, мы встрѣчаемъ въ правѣ древнихъ германцевъ. См. *Сборникъ законод. памятниковъ древ. западно-европ. права*, в. 1 (Кіевъ, 1906 г.) Lex Salica, стр. 62—3, 200.

общинный, «копный» судъ, хотя и въ сокращенномъ объемѣ, продолжалъ жить въ теченіе всего древнѣйшаго періода и не разъ еще обнаруживалъ въ позднѣйшей исторіи свои неумирающія жизненныя силы [1]).

Мы уже видѣли, что участіе вѣча въ отправленіи суда постепенно и прогрессивно сокращалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была видоизмѣняться и самая *форма участія* народа въ судѣ. Если прежде народъ въ цѣломъ, всѣмъ «міромъ», всей «громадой», дѣйствовалъ на вѣчевомъ судѣ [2]), то позднѣе, все болѣе и болѣе освобождаясь отъ этой своей обязанности и права, онъ сохраняетъ за собой на судной сходкѣ лишь мѣсто «публики», или наблюдателя за судебной процедурой (Umstand), присутствіе котораго однако сообщаетъ «приговору» большій фактическій авторитетъ, какъ бы молчаливую санкцію «народа»-послуха [3]). Уходя съ вѣча, вмѣсто себя народъ оставляетъ на форумѣ довѣренныхъ лицъ, небольшую коллегію «добрыхъ мужей» (boni homines), которымъ и поручаетъ «стеречи правду». Упоминаніе о такихъ *судныхъ мужахъ*, къ сожалѣнію, лишь въ видѣ случайныхъ обмолвокъ, мы находимъ въ текстѣ «Русской правды», которая, въ одномъ случаѣ, отсылаетъ стороны по поводу спора о долгѣ *«на изводъ передъ 12 мужа»*, въ другомъ—упоминаетъ о закупѣ, который «ко князю, или къ судиямъ бѣжитъ обиды дѣля своего господина» [4]). Болѣе ясное упоминаніе о подобнаго рода выборныхъ судьяхъ мы находимъ въ договорѣ Смоленска съ нѣмецкими городами (1229), гдѣ прямо говорится, что судъ («ороудіе») отправляется «оу Смоленскѣ мьжю Руосино и мьжю Латинскимъ языкомъ передъ судьями и передъ добрыми людми» [5]). Въ *Псков. судн. гр.* мы неоднократно находимъ упоминаніе о «сотцкихъ», «старостахъ», «судіяхъ», которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ процессу и самому «вершенію» суда [6]), при этомъ постоянно противополагаются другимъ судебнымъ органамъ—посаднику, тысяцкому, владычню посаднику и «ихъ судьямъ»—въ качествѣ «иныхъ судей». Подобнаго рода судьи, каково бы ни было ихъ число (12, 7 или менѣе) представляютъ изъ себя весьма распространенное явленіе въ исторіи архаическихъ народовъ. У древнихъ германцевъ, напр., аналогичная коллегія народныхъ судей носила названіе «рахинбурговъ», «скабиновъ», иногда просто «судей» или же «добрыхъ мужей». Впослѣдствіи изъ нея образовался такъ называемый «судъ шеффеновъ» [7]). Составъ и характеръ подобной судной коллегіи видоизмѣнялся по мѣрѣ видоизмѣненія самого древняго обще-

---

[1]) Драгоцѣнныя данныя къ характеристикѣ этихъ общинныхъ судовъ собраны *Иванишевымъ Н.* въ его статьѣ «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-Западной Россіи», стр. 231 и сл. *Сочиненія* (Кіевъ, 1876).

[2]) *Иванишевъ*, op. cit., стр. 237.

[3]) *Академич. сп.*, стр. 14.

[4]) *Brunner.* D. R. G., I, S. 204. *Н. Иванишевъ*, op. cit., стр. 239.

[5]) *Христоматія по исторіи русскаго права.* Владимірскаго-Буданова, в. 1, стр. 107.

[6]) Ст. ст. 20, 34, 77, 78, 109. Ср. *Новг. суд. гр.*, стр. 9.

[7]) *Brunner.* D. R. G., I, S.S. 204,209. *Schröder*, L. D. R. S.S. 44, 167, 172. Ср. Viollet. H. I. P. I, p. 307, 311—312.

ства, распадавшагося постепенно на отдѣльные, значительно обособившіеся другъ отъ друга классы. Такъ, напр., въ условіяхъ городского быта, въ такомъ бойкомъ и крупномъ торговомъ центрѣ, какъ Новгородъ Великій, согласно лѣтописному извѣстію, подтверждаемому и мѣстной «судной грамотой», въ составѣ суда мы находимъ уже засѣдающими, вмѣстѣ съ посадникомъ и тысяцкимъ, «по два боярина, и по два мужа житейскихъ отъ каждой страны», т.-е. 8 засѣдателей, являющихся чѣмъ-то въ родѣ сословныхъ представителей [1]).

Но и прежніе «добрые мужи» долго еще не исчезнутъ изъ практики древне-русскихъ судовъ. Напротивъ, въ XIV—XV ст. мы ихъ увидимъ на территоріи удѣльной Руси въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ въ судахъ княжескихъ намѣстниковъ и волостелей и еще разъ въ званіи полномочныхъ земскихъ судей при Иванѣ Грозномъ. Совершенно очевидно, что эти «судные мужи» вовсе не являются «изобрѣтеніемъ» князей удѣльной или царей московской эпохи, т.-е. чѣмъ-либо новымъ въ исторіи русскаго суда. Въ ихъ лицѣ передъ нами оживетъ исконная «старина», лишь возрожденная и выдвинутая съ новой силой князьями въ борьбѣ съ вопіющими и неограниченными хищеніями судей-кормленщиковъ. Будучи призванъ князьями на службу ихъ централистическимъ интересамъ, институтъ «добрыхъ мужей», какъ весьма удобное для нихъ и при томъ готовое уже орудіе въ борьбѣ съ областной администраціей, какъ бы *внезапно* появляется въ офиціальныхъ уставныхъ грамотахъ XIV в. Въ дѣйствительности же уставныя грамоты такъ же мало были повинны въ созданіи этого института, какъ и современныя имъ иммунитетныя жалованныя грамоты,—въ созданіи политическихъ правъ привилегированнаго землевладѣнія удѣльной Руси, ибо грамоты эти лишь подтвердили и закрѣпили на бумагѣ то, что давнымъ-давно уже сложилось въ обычно-правовой практикѣ вѣковъ.

Какъ бы то ни было, однако, но мы должны констатировать, что основная тенденція эволюціи древнѣйшаго суда, внѣ всякаго сомнѣнія, сводилась къ постепенному сокращенію участія въ немъ народа. И это освобожденіе суда отъ народнаго элемента шло, такъ сказать, съ двухъ сторонъ, двоякимъ путемъ. Съ одной стороны, народъ по собственному почину постепенно покидалъ форумъ съ его судилищемъ, передовѣряя свои полномочія немногимъ [2]), съ другой—самъ судъ уходилъ съ вѣча, такъ какъ публичное отправленіе правосудія на площади, на «торгу», подъ открытымъ небомъ, у всѣхъ на глазахъ, становилось опаснымъ. Соціальная рознь, все болѣе и болѣе возраставшая въ древне-русскомъ обществѣ, превратившаяся, въ концѣ-концовъ, почти въ непрерывную гражданскую смуту, дѣлала невозможнымъ спокойное отправленіе суда на вѣчѣ, на «людяхъ». Стороны, которыя обычно являлись на судъ съ «помощниками» и «пріятели», и могли, среди разгоравшихся страстей спора, вовлекать въ него неспокойную массу, провоцируя ея насилія, легко могли такимъ путемъ терроризировать судъ,

---

[1]) *Никонов. лът.*, IV, 1385 г., стр. 146. *Новгор. суд. гр.*, ст. 5.

[2]) Ср. *Фриманъ*, op. cit., стр. 143, 157.

няя особенность въ организаціи судебной власти сѣверно-русскихъ народоправствъ не мѣняла существа дѣла и не воспрепятствовала въ концѣ концовъ и въ этихъ земляхъ окончательному торжеству княжаго суда и администраціи надъ судомъ и «волостью» народа. Судъ князя, какъ и судъ посадника, по мѣрѣ разложенія древне-русской вѣчевой демократіи, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ независимый отъ народа характеръ, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ отраженіемъ интересовъ правительственной «господы» [1]), органомъ классоваго господства, могучимъ орудіемъ въ рукахъ соціально-политической олигархіи «могутныхъ» общественныхъ элементовъ, которые постепенно привыкали «мстити» судомъ своимъ противникамъ и «дружити» своимъ сторонникамъ.

И если въ историческія времена мы всюду видимъ уже въ судѣ стоящими рядомъ *князя и народное собраніе* [2]), то роли ихъ съ теченіемъ времени мѣняются самымъ рѣзкимъ образомъ. Если первоначально княжій судъ игралъ субсидіарную роль въ отношеніи къ суду народному, то съ теченіемъ времени онъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе самостоятельное значеніе и широкое примѣненіе, и «княжъ дворъ», въ концѣ концовъ, становится средоточіемъ текущей юрисдикціи. Народный элементъ въ качествѣ «жюри» или просто публики постепенно таетъ въ судѣ, и этотъ послѣдній все болѣе принимаетъ автократическій характеръ [3]). Происходитъ, такъ сказать, глухая борьба между двумя конкурирующими началами, единоличнымъ и народнымъ,—борьба, которая въ послѣднемъ итогѣ заканчивается торжествомъ перваго.

Означенный процессъ имѣлъ глубокое вліяніе на судьбы древне-русской юстиціи, какъ и у другихъ народовъ. Онъ сообщилъ совершенно новый духъ суду. Дѣло въ томъ, что съ порученіемъ князю отправленія правосудія, судъ сдѣлался *источникомъ дохода* какъ для самого князя, такъ и для его слугъ и помощниковъ. Судебный «прибытокъ»—«виры», «продажи», т.-е. уголовные штрафы, и прочіе судебные сборы и пошлины, поступавшіе въ пользу князя и его товарищей, превращали въ глазахъ князя судъ въ источникъ обогащенія, въ выгодную статью дохода: «оже вира, то на оружьи и на

суд. гр., ст. 4. *Новг. суд. гр.*, ст. 2. Князя замѣнялъ его намѣстникъ. Организація суда въ Новгородѣ и Псковѣ была проникнута вообще *дуализмомъ*. Земскія туземныя выборныя власти тамъ всегда дѣйствуютъ *совмѣстно* съ князьями и его уполномоченными. Эта двуликая юстиція особенно послѣдовательно проводилась въ Псковѣ, гдѣ князь и вѣче назначали должностныхъ лицъ по всей землѣ въ двойномъ числѣ какъ отъ князя, такъ и отъ вѣча. Въ судѣ, напр., рядомъ съ княжескимъ секретаремъ («дьякомъ княжимъ») сидѣлъ и «дьякъ городской» или земскій. *Пск. суд. гр.*, ст. 79. Ср. *Фриманъ*, op. cit., стр. 107, 114—116, 139.

[1]) *Господой* въ Псковѣ назывался высшій правительственный совѣтъ и судилище, составлявшійся изъ высшихъ чиновъ администраціи (князя, посадника, сотскихъ). Подобный же правительственный совѣтъ былъ и въ Новгородѣ (Herren-Rath).

[2]) *Г. Мэнъ*. Древній законъ и обычай, стр. 131—2.

[3]) *Г. Мэнъ*. Древній законъ, стр. 135—6. Ср. *Ѳ. Дмитріевъ*. Исторія судебныхъ инстанцій (М. 1899 г.), стр. 6.

конихъ буди», говорилъ еще Владиміръ св.[1]), отстанвая передъ епископами преимущества *системы денежныхъ штрафовъ* сравнительно со смертною казнью. Такимъ образомъ судъ превратился вмѣстѣ съ «данью» въ одинъ изъ видовъ земскаго «корма», которымъ былъ пожалованъ князь со стороны вѣча. Естественно, что при такихъ условіяхъ *фискальный интересъ* получилъ для князя главное значеніе въ судѣ[2]). Если для народа послѣдній продолжалъ оставаться важнѣйшей гарантіей права и попрежнему сохранялъ свое публично-правовое значеніе, то тотъ же судъ для князя имѣлъ главную свою цѣнность, какъ источникъ дохода[3]). И поскольку отправленіе правосудія одновременно обогащало новаго судью, послѣдній оказывался вмѣстѣ съ тѣмъ *матеріально заинтересованной въ немъ стороной*. Погоня за «вирами» и «продажами» дѣлала такого судью склоннымъ къ обвиненію, побуждая его въ каждомъ дѣлѣ искать «виноватаго», и во всякомъ случаѣ заставляла его усиленно расширять свою дѣятельность, такъ какъ чѣмъ больше оказывалось преступленій и тяжбъ, тѣмъ прибыльнѣе было судьѣ[4]). Не удивительно поэтому, что исторія княжескаго суда въ древней Руси не только отмѣчена въ этомъ періодѣ жалобами на то, что князья и ихъ тіуны народъ «продаютъ» и «разоряютъ» «неправедными судами», но даже ознаменована народными мятежами, вызванными тѣмъ же неправосудіемъ[5]). Не даромъ въ широкихъ массахъ народа постепенно сложилась характерная поговорка, очень удачно отмѣтившая сущность совершившейся перемѣны: «не бойся суда, а бойся судьи». И прежде, дѣйствительно, пока судъ не утратилъ еще значенія народнаго суда, суда нелицепріятнаго и неподкупнаго, люди .

---

[1]) *Лаврент. лът.* 996 г., стр. 124. Тѣ же побужденія сказались и въ постановленіи князей, которыми окончательно отмѣнялась родовая кровавая месть и устанавливалась денежная пеня: «по Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его... и мужи ихъ ...і отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати. *Русск. пр.*, стр. 4.

[2]) *Ѳ. Дмитріевъ*, op. cit., стр. 6—7. *Б. Чичеринъ*. Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII в., стр. 2.

[3]) Вручая судную власть князю, народъ склоненъ былъ видѣть въ призванномъ князѣ тотъ нейтральный элементъ, того «третьяго», которому тѣмъ легче «отдавались подъ судъ», что смотрѣли на него, какъ на человѣка сторонняго, чуждаго мѣстныхъ интересовъ и интригъ. И въ первыя времена эта *посредническая роль* князя могла ему удаваться въ большей или меньшей степени, пока самъ онъ не завязалъ болѣе тѣсныхъ связей съ той или иной «землей» и туземнымъ обществомъ.

[4]) Уже въ *Русской правдѣ* мы встрѣчаемъ спеціальное разъясненіе, имѣющее цѣлью ограничить судейскій аппетитъ князя, разъясненіе, которое получитъ дальнѣйшее развитіе въ уставныхъ грамотахъ намѣстничьяго управленія: «а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдаютъ, и не знаютъ его» (ст. 20). Князь и его судьи склонны были требовать уплаты уголовнаго штрафа (дикой виры) за всякое *мертвое тѣло*, найденное въ предѣлахъ общины, какъ за доказанное убійство. Мертвое тѣло так. обр. было самой доходной статьей для князя, такъ какъ за убійство онъ получалъ наивысшій уголовный штрафъ (80 или 40 гривенъ). Впослѣдствіи пришлось уже прямо воспретить княжескимъ судьямъ требовать съ населенія уплаты «виры» за обнаруженіе тѣла самоубійцы или человѣка, погибшаго случайной смертью (утонувшаго, задавленнаго въ лѣсу деревомъ и т. д.).

[5]) *Ипатьев. лът.* 1146 г., стр. 321—2. Ср. *Новгород. лът.*, стр. 425.

боялись только этого суда и его грознаго приговора, теперь же, когда вѣсы правосудія попали въ руки лицъ, которыя взвѣшивали на нихъ не только право и вину той или иной изъ тяжущихся сторонъ, но и долю своего собственнаго «прибытка», имѣющаго поступить въ ихъ личную пользу, для «истцовъ» страшенъ сталъ самъ судья, готовый иногда придать произвольный наклонъ чувствительному коромыслу вѣсовъ Немизиды. Этотъ *дуализмъ публичнаго и частнаго интереса* въ судѣ, котораго не знала древнѣйшая юстиція, долженъ былъ оказаться роковымъ для нея. Онъ подточилъ силу стараго общественнаго суда и подготовилъ тотъ упадокъ его, который, въ концѣ концовъ, уже въ XIII—XIV ст. сказался у насъ въ превращеніи судебной функціи въ простую *отрасль «вотчиннаго» удѣльнаго хозяйства*, въ одинъ изъ тѣхъ «путей», съ котораго «кормились» люди разнаго ранга и званія. Такимъ образомъ появленіе княжескаго суда въ древней Руси не только не знаменовало собой торжества «государственнаго» начала въ сферѣ правосудія, а, какъ разъ напротивъ, послужило проводникомъ въ эту публично-правовую область отношеній началъ частноправового интереса, превративъ *уголовныя пени* въ жалованье, личный доходъ судьи, а самый судъ въ доходную статью княжескаго хозяйства. На этой, именно, опасной и двусмысленной почвѣ и расцвѣли такъ скоро въ практикѣ княжескаго суда тѣ *органическіе пороки* этой системы правосудія, которые сдѣлались неразлучными съ нею: «посулы», «лихоимство», «волокита», «ябеда» и т. д. Это были тѣ самые пороки, о которыхъ такъ много говорятъ уже «судныя грамоты» Новгорода и Пскова, о которыхъ особенно усиленно заговорятъ уставныя грамоты и московскіе «судебники» и которые будутъ все сильнѣе и сильнѣе распространяться вмѣстѣ съ ростомъ московской централизаціи и бюрократизаціи въ XVI и XVII ст. Судомъ начнутъ торговать, правосудіе сдѣлается игрушкой въ рукахъ судей, которые научатся «играть» законами и царскими указами «какъ въ карты, подбирая масть къ масти», говоря колоритнымъ языкомъ Петра В. А вмѣстѣ съ тѣмъ какъ княжій судъ все рѣшительнѣе будетъ эмансипироваться отъ контроля и соучастія народнаго, измѣнится и самый взглядъ на юрисдикцію. Все болѣе и болѣе подчиняясь личности судьи-князя, судъ постепенно получитъ значеніе княжеской «правды», а подъ вліяніемъ означеннаго процесса сложится и представленіе о князѣ, какъ *источникѣ* всякаго правосудія, представленіе, которое въ эпоху образованія монархическаго государства выльется въ концѣ концовъ въ болѣе законченное представленіе о государственной власти, какъ единственномъ творцѣ права [1]).

Распадъ нѣкогда *единаго* суда получитъ затѣмъ и дальнѣйшее выраженіе, когда на ряду съ судомъ князя станетъ *судъ церкви*, т.-е. *судъ новой вѣры*, и «*судъ торговый*» (подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго) [2]), предна-

---

[1]) *Г. Мэнъ.* Древнее право, стр. 310—311.

[2]) См. *Уставную гр. новгор. князя Всеволода Мстисл. церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ* (XII в.), стр. 234 (Христоматія и. р. п. *Владимірскаго-Буданова*, в. I). Ср. *Новг. суд. гр.*, ст. 4: «а тысецкому судити свой судъ».

значенный обслуживать спеціальные интересы особой общественной группы. Соціальное расчлененіе общества древней Руси, крушеніе языческаго Олимпа славянскихъ боговъ,—все это не могло не отразиться на судьбѣ древне-русскаго суда, въ основѣ котораго лежала первоначально единая для всѣхъ «правда» стараго дохристіанскаго «завѣта». Такъ послѣдовательно вывѣтривалась идея народнаго суда и народнаго права, первоначально столь тѣсно связанныхъ между собой.

Ту же эволюцію можно намѣтить также и въ самомъ порядкѣ развитія формъ процесса.

Если совершенно справедливо замѣчаніе Дювернуа, что въ древней Руси «всѣ условія судебной организаціи лежали въ народѣ» [1]), то то же самое положеніе примѣнимо и къ древне-русскому процессу. Мы не поняли бы тайны архаическаго правосудія, если бы упустили изъ виду, хотя на короткій срокъ, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на судѣ первоначально былъ все тотъ же народъ—народъ-судья, народъ-«послухъ», народъ-слѣдователь, безъ участія котораго не могло совершиться ни одно процессуальное дѣйствіе. И хотя, какъ уже намъ приходилось объ этомъ говорить, въ древней Руси судопроизводство обычно шло въ «исковомъ» порядкѣ и дѣло вели сами стороны («истцы» или «сутяжники», какъ безразлично ихъ называютъ памятники) [2]), тѣмъ не менѣе процессъ на всѣхъ стадіяхъ его движенія шелъ при непосредственномъ *соучастіи народа*, «людей», «сусѣдей» (vicini) на началахъ общественныхъ «помочей», совокупными усиліями многочисленныхъ *пособниковъ*, въ общемъ интересѣ.

Самый искъ, поэтому, былъ прежде всего апелляціей къ «міру», призывомъ на помощь, кликомъ (Klage), т.-е. «повѣсткой», обращенной ко всему «людству», на которую долженъ былъ отозваться каждый. Это былъ первый актъ, такъ сказать, публичнаго вчиненія иска и явки, технически называвшійся на языкѣ «Русской правды» и «Псковской грамоты»—*закличью* [3]). Подобное всенародное оповѣщеніе («а заповѣсть на торгу») о случившемся правонарушеніи, напр., о пропажѣ вещи, раба, имѣло весьма важное процессуальное значеніе. Согласно *Русской правдѣ*, если черезъ 3 дня послѣ «закличи» собственникъ вещи находилъ ее у кого-либо, то это лицо считалось воромъ и должно было не только вернуть вещь, но и уплатить уголовный штрафъ [4]). Такимъ образомъ закличь имѣла значеніе офиціальнаго акта, съ которымъ соединялись строго опредѣленныя юридическія послѣдствія и презумпціи. Предполагалось, что въ теченіе

---

[1]) «Всѣ условія судебной организаціи,—говоритъ авторъ,—лежали въ народѣ, а не въ органахъ княжеской власти; князья и тіуны были болѣе или менѣе случайными и временными органами суда», *op. cit.*, стр. 36.

[2]) «А въ которомъ дѣлѣ позоветъ истецъ истца». *Новг. суд. гр.*, ст. 13.

[3]) *Русская правда:* «а челядинъ скрыеться, а закличютъ и на торгу» (ст. 38), «аче кто конь погубитъ, или оружье, іли портъ, а заповѣсть на торгу» (ст. 40, ср. ст. 144). *Псков. судн. гр.* говоритъ также о взысканіи по договорамъ личнаго найма и ссуды «въ закличь», стт. 34, 39, 44.

[4]) Ст. 40: «свое ему (истцу) лицемъ взяти, а за обиду платити ему (отвѣтчику) 3 гривны», «свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи» (ст. 38).

3 дней всѣмъ членамъ «своего міра» фактъ, объявленный во всеобщее свѣдѣніе, долженъ сталъ извѣстнымъ, послѣ чего дальнѣйшее задержаніе вещи являлось уже недобросовѣстнымъ. Поэтому, если по истеченіи означеннаго срока собственникъ вещи самъ ее у кого-нибудь находилъ («а познаетъ и въ третіи день»), то лицо это считалось завѣдомо преступнымъ. Но «закличь» была не только приглашеніемъ къ опознанію и срочной доставкѣ пропавшей вещи («а за 3 дни не выведутъ»), но и призывомъ къ началу производства слѣдствія по горячимъ слѣдамъ. При отсутствіи налицо, напр., вора, пострадавшій призывалъ окружающихъ вмѣстѣ съ нимъ «слѣдъ гнати»: «не будеть ли татя, то по слѣду женуть»[1]). Такимъ образомъ «гнать слѣдъ» было обязанностью мѣстнаго общества, которое играло въ данномъ случаѣ роль «послуха»-понятого[2]). «Слѣдъ», какъ одно изъ процессуальныхъ дѣйствій, былъ, слѣдовательно, такимъ же публичнымъ актомъ, какъ и «закличь», т.-е. являлся новымъ видомъ общественной процессуальной «помочи», которая и въ томъ и другомъ случаѣ знаменовала очевидное переживаніе началъ родовой солидарности. Родовая взаимопомощь превратилась теперь въ круговую поруку общины («города», «міра», «земли»). Едва ли можно сомнѣваться также, что и другая форма *слѣдственнаго розыска*, извѣстная Русской правдѣ, такъ наз. «сводъ»[3]), т.-е. послѣдовательныя очныя ставки между собственникомъ-истцомъ и цѣлымъ рядомъ лицъ, черезъ руки которыхъ прошла его пропавшая вещь, точно такъ же совершался при непремѣнномъ участіи «послуховъ», представителей мѣстнаго общества, хотя прямыхъ указаній въ нашихъ памятникахъ мы въ указанномъ смыслѣ и не найдемъ. Но поскольку «слѣдъ» и «сводъ» были тѣсно между собою связаны и одна форма розыска въ настоящемъ случаѣ могла непосредственно перейти въ каждый данный моментъ въ другую[4]),

---

[1]) *Русская правда*, ст. 102. Тожественный институтъ мы встрѣчаемъ у древнихъ германцевъ, гдѣ онъ назывался «vestigium minatio» и осуществлялся тоже при участіи толпы «сосѣдей» (trustis). *Schröder*, op. cit., S.S. 376—7.

[2]) Отказъ общины *гнать слѣдъ* («ни ѣдуть на слѣдъ») разсматривался поэтому какъ доказательство ея соучастія въ преступномъ дѣяніи и велъ при такихъ условіяхъ ко взысканію съ нея иска и уголовнаго штрафа («платити татьбу и продажю»), какъ и въ случаѣ удержанія вещи послѣ «закличи». Въ общинахъ юго-западной Руси отказъ населенія искать преступника велъ къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ («невыходъ платитъ шкоду»). *Иванишевъ*, op. cit., стр. 244, 247.

[3]) *Русская правда* (Троиц. сп.), ст. 41: «Аже кто познаетъ свое, что будетъ погубилъ, іли украдено у него что..., то не рци и: «се мое», но «поіди на сводъ, идѣ есть взялъ». Въ такомъ случаѣ стороны брали «лице» (спорную вещь) и шли «на сводъ» вмѣстѣ. Если спорной вещью былъ рабъ, то «сводъ» шелъ «по языку» холопа и безъ истца (послѣ 3-го «свода»), ст. 47. См. также стт. 44, 47, 48. И въ данномъ случаѣ мы имѣемъ близкую аналогію въ древне-германской *intertiatio* (Dritthandverfahren), см. *Schröder*, op. cit., S. 376—80. Ср. *А. Филипповъ*. Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum, стр. 8—9, 16 и сл. (Сборникъ статей по исторіи русскаго права, Кіевъ. 1904). Сближеніе германскаго права съ *Русской правдой* въ указанномъ смыслѣ было сдѣлано уже *Постомъ*. Зачатки, стр. 228—9.

[4]) Лицо, уличенное «слѣдомъ» и обыскомъ, могло «отвести» отъ себя обвиненіе, сославшись на третье лицо, и такимъ образомъ *слѣдъ* могъ перейти въ *сводъ*. По существу же «слѣдъ» былъ тотъ же «сводъ», только не «по языку» (ссылкѣ владѣльца вещи), а по объективному признаку—*слѣду*, «знаменію».

едва ли публичный характеръ «свода»—несомнѣнный для «слѣда»—можетъ быть оспариваемъ. Въ пользу его говоритъ также и аналогія съ правомъ западно-славянскимъ («сокъ») и германскимъ и весь духъ архаическаго права вообще.

Такимъ образомъ, если подготовка процесса по древне-русскому праву и велась «частнымъ» лицомъ, то она не была его «частнымъ» дѣломъ. Судъ и розыскъ были дѣломъ «мірскимъ», сосѣдскимъ, всей «околицы» [1]).

Въ той же атмосферѣ протекала и процедура *вызова въ судъ*. Стороны договаривались между собой о явкѣ на судъ («до по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ» [2]) и этотъ уговоръ также первоначально происходилъ при свидѣтеляхъ, публично, нѣкогда являясь по существу *коллективнымъ договоромъ*. Въ случаѣ неявки въ судъ, уклонившійся окончательно проигрывалъ дѣло. Но онъ могъ также уклониться и отъ самаго вызова. Въ такомъ случаѣ вызовъ производился въ отсутствіи отвѣтчика въ публичномъ мѣстѣ, передъ лицомъ «сосѣдей» (въ Псковѣ, напр., передъ церковью въ присутствіи попа)[3]) и если послѣ этого отвѣтчикъ продолжалъ уклоняться отъ явки въ судъ, онъ могъ быть, связанный, приведенъ силою [4]). Вызовъ черезъ самого истца при «людяхъ» позднѣе, однако, смѣняется офиціальнымъ вызовомъ черезъ особыхъ судебныхъ «приставовъ», которые вручали отвѣтчику «позовницу» въ присутствіи тутъ же находившагося истца [5]). Участіе послѣдняго, однако, позднѣе было необязательно, судъ самъ долженъ былъ принять всѣ мѣры къ приводу отвѣтчика. Такъ постепенно и въ данной области участіе народнаго элемента послѣдовательно ослабѣваетъ и замѣняется работой спеціальныхъ судебныхъ агентовъ. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣятельность «сторонних людей», «сусѣдей» или «старостъ» все же довольно отчетливо выступаетъ еще въ нашихъ памятникахъ. Такъ, согласно *Псков. суд. грам.*, напр., когда по требованію истца приходится наложить арестъ на имущество бѣжавшаго и скрывшагося отвѣтчика, то истцу предписывается «отъ князя и отъ посадника взять пристава, да и старостъ губьскихъ позвати» и произвести оцѣнку имущества («живота») бѣглеца «предъ приставы, и передъ сторонними людьми» [6]).

---

[1]) См. *Иванишевъ*, op. cit., стр. 234—239. *Судебникъ короля Казиміра*, стт. 8, 16, 17, 23.

[2]) *Новг. суд. гр.*, ст. 24. Самое рукобитье являлось тогда также священнымъ символическимъ актомъ. Такъ, у осетинъ при рукобитьѣ контрагентъ произносилъ, протягивая руку: «даю тебѣ мою божью руку», *М. Ковалевскій*. Современный обычай, т. I, стр. 174.

[3]) *Псков. судн. гр.*, ст. 25.

[4]) Число помощниковъ отъ населенія въ такомъ случаѣ ограничено въ Новгородѣ *двумя понятыми*: «отъ конца, или отъ улици и отъ ста и отъ роду, итти ятцомъ двѣма человѣкомъ, а *инымъ на пособіе не итти къ суду ни къ розыску*», ст. 41. Всякое напрасное насиліе отвѣтчику или «мука» при этомъ воспрещалась (*Пск. судн. гр.*, ст. 26), какъ и незаконный захватъ противника («аже мужа свяжуть безъ вины»). *Договоръ новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.*, ст. 4, *Русская правда* (Карамз. сп.), ст. 89—90, 135 (*Хрестоматія* Владимірскаго-Буданова, в. I). Ср. также *Lex salica* въ «Сборникѣ законодат. памятниковъ», стр. 43 (XXXII) и 181—2.

[5]) *Пск. судн. гр.*, ст. ст. 25, 64, 67.

[6]) *Псков. суд. гр.*, ст. 76.

И эти «сторонніе люди», «старосты» и «сусѣди» не разъ мелькаютъ передъ нами въ качествѣ, такъ сказать, *понятыхъ* въ нашемъ памятникѣ, который однако уже категорически запрещаетъ имъ ходить «на судъ помочью» [1]). И это предписаніе и этотъ запретъ одинаково характерны съ точки зрѣнія основныхъ тенденцій эволюціи процессуальнаго права.

Обращаясь теперь къ самому *судному дѣйству*, мы прежде всего и здѣсь на первомъ планѣ видимъ все тѣхъ же «истцовъ», которые исполняютъ главныя роли, ведутъ самолично весь процессъ. Судъ или судья, съ своей стороны, является лишь зрителемъ или наблюдателемъ той борьбы, которая происходитъ на его глазахъ. И въ то время, какъ стороны проявляютъ наибольшую активность, судьи сохраняютъ полное спокойствіе, остаются пассивными свидѣтелями спора. Они только слѣдятъ за тѣмъ, правильно ли, т.-е. согласно ли съ установленнымъ ритуаломъ процесса, стороны ведутъ свой поединокъ, и имъ остается лишь провозгласить, въ концѣ концовъ, какая изъ сторонъ на основаніи чисто объективныхъ (формальныхъ) признаковъ оказывается побѣдительницей въ борьбѣ. Архаическій судъ, судъ народный, напоминаетъ въ этомъ смыслѣ античную драму: на сценѣ идетъ борьба лицедѣевъ. Судьбу героевъ «добродѣтели» и «порока» рѣшаетъ неумолимый «рокъ», а хоръ провозглашаетъ торжество «правды», конечный смыслъ и итогъ борьбы. Но сравнивая положеніе и борьбу сторонъ въ древнемъ процессѣ съ античной драмой, мы хотѣли тѣмъ самымъ подчеркнуть и особый характеръ разыгрываемыхъ «супротивниками» ролей въ судѣ, ихъ *роковой* характеръ. При всей своей активности, процессуальные противники во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на судѣ были напередъ связаны *абсолютнымъ формализмомъ* судопроизводства, сакральнымъ и ритуальнымъ характеромъ *безапелляціоннаго суда*. Въ указанномъ смыслѣ какъ стороны, такъ и судьи одинаково были тогда лишены всякой иниціативы и свободы въ процессѣ. И тѣ и другіе въ равной мѣрѣ были связаны культомъ формулы, условныхъ процессуальныхъ символовъ и жестовъ, первые—въ способахъ и средствахъ веденія процесса, вторые—въ оцѣнкѣ доказательствъ и самаго существа спора. Здѣсь не могло быть мѣста ни произволу, ни субъективной оцѣнкѣ обстоятельствъ дѣла. Рѣшеніе спора въ тѣ времена лежало, такъ сказать, *за предѣлами воли сторонъ и воли судьи*, оно роковымъ образомъ, какъ бы само собой, вытекало изъ хода самаго процесса. Судъ выступалъ тогда въ роли того «третьяго», передъ лицомъ котораго стороны бросали жребій, и этотъ послѣдній рѣшалъ, собственно говоря, все дѣло. А именно такой характеръ «жребія», т.-е. обращенія къ «судьбѣ», воплощавшейся *въ волѣ боговъ*, и носили тогда всѣ судебныя доказательства. Судъ древности—какъ уже было указано выше—былъ, такимъ образомъ,

---

[1]) Ibid., ст. 70—«на судъ помочью сусѣди не ходятъ». Этимъ «сусѣдямъ», старостамъ и соцкимъ и дѣлается обычно первая явка о всякомъ происшествіи: «а у котораго псковитина, оу какова оучинится татба въ Псковѣ, или на пригороди, или въ сели на волости ино *явити старостамъ или околнымъ сусѣдомъ. или инымъ сторонным людемъ; а въ пиру, ино къ пировому старосте, или пивцамъ явити*», ст. 34, ср. 20, 57, 66, 78, 84.

«судомъ Божьимъ» во всѣхъ случаяхъ, такъ что каждый споръ въ послѣднемъ счетѣ рѣшался апелляціей къ «божеству». Поэтому доказательства въ древнемъ процессѣ имѣли *абсолютную* силу, и всякое дѣло, всякая тяжба рѣшалась тогда разъ и навсегда, *безапелляціонно*. Таковы были въ своихъ основныхъ чертахъ также и тѣ начала, на которыхъ покоился древне-русскій процессъ въ эпоху «Русской правды».

По существу всѣ доказательства и способы рѣшенія тяжбъ на судѣ въ древней Руси безспорно носили сакраментальный характеръ. «Жребій», «поле», «рота» (присяга), испытаніе водою и желѣзомъ и самое «послушество», какъ и простое свидѣтельство, сводившееся въ свою очередь къ той же присягѣ или судебному поединку,—имѣли тогда значеніе *безусловныхъ доказательствъ*. И это было совершенно понятно, если мы примемъ во вниманіе, что истиннымъ судьей въ процессѣ въ тѣ времена являлось *божество* или, лучше сказать, тѣ безчисленные духи и «бози», которые, по убѣжденію человѣка древности, населяли небо и землю и наполняли весь міръ своими чарами и «знаменіями», безпощадно карая «злыхъ» и поддерживая «добрыхъ». И поскольку въ глазахъ варвара-язычника окружающія его стихіи и силы природы, напр., вода, огонь, являлись божественными, священными стихіями, онѣ входили и въ составъ судныхъ «испытаній», такъ называемыхъ ордалій, такъ что истцамъ разрѣшалось звать другъ друга «на воду» или «на желѣзо». Процессуальный ритуалъ наперед предусматривалъ порядокъ и случаи примѣненія тѣхъ или иныхъ видовъ *суда Божія*, простой присяги или поединка, жребія или испытанія водою и огнемъ, но въ основѣ всей системы доказательствъ лежала одна и та же идея *очищенія* передъ лицомъ боговъ и народа отъ грѣха и неправды, справедливо или несправедливо взведенныхъ на то или иное лицо или, первоначально, на цѣлую группу лицъ (родъ).

Наиболѣе широкое примѣненіе въ практикѣ древне-русскаго процесса, повидимому, имѣла *присяга* или *рота*, произносимая на судѣ либо истцомъ, либо отвѣтчикомъ, единолично или вмѣстѣ съ «послухами» [1]). Присягой, повидимому, могло быть окончено всякое дѣло [2]), причемъ вопросъ о томъ, какая изъ сторонъ должна присягать, рѣшался или «жеребьемъ», или соглашеніемъ сторонъ [3]). Какъ показываетъ самое слово «рота» (битва, споръ),

---

[1]) Въ *Русской правдѣ* присяга обычно приносится отвѣтчикомъ, ст. ст. 24, 37, 58, 60, 61, 148, 151. Есть намеки и на истца (ст. 64). Вопреки мнѣнію Владимірскаго-Буданова одновременная присяга обѣихъ сторонъ не имѣла мѣста. Терминъ «рота» встрѣчается также въ договорахъ русскихъ съ греками и съ нѣмцами. *Договоръ 911 г.*, ст. 5; *Договоръ 945 г.*, ст. 3, 14; *Договоръ 1195 г.*, ст. 9, 10. Въ *Псков. судн. гр.* вмѣсто «роты» употребляется слово «правда» съ тѣмъ же значеніемъ.

[2]) *Русская правда*, *Псков. суд. гр.* и др. памятники ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что присягой рѣшались, какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла (о боѣ и грабежѣ, о займахъ, куплѣ-продажѣ, поклажѣ и т. д.). Ср. *Русск. пр.*, ст.ст. 24, 37, 58, 60, 61, 64, 141, 148, 151. *Пск. суд. гр.*, ст.ст. 13, 17, 18, 20, 28, 29, 35, 41, 42, 46—7, 51, 55, 56, 57, 62, 78, 91, 92, 94, 95, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 110, 116.

[3]) О жребіи см., напр., *Договоръ 1195 г.*, ст. 9: «то вергутъ жеребее, кому ся выимьть ротѣ шьдъ свою правду возьмуть». Въ *Псков. судн. грам.* обычно истецъ предоставляетъ отвѣтчику «*на три воли:* захочетъ самъ поцѣлуетъ (крестъ)... или ему (цѣну или пред-

присяга, какъ *самостоятельный способъ доказательства*, развилась изъ первобытнаго «поля», дѣйствительной судной битвы, сведенной затѣмъ къ простой клятвѣ, произносимой обычно на оружіи [1]). Любопытно, что въ позднѣйшую эпоху, когда «поле» совершенно начнетъ выходить изъ практики процесса на Руси, стороны все еще будутъ просить *поля*, но самый поединокъ не будетъ осуществляться, его замѣнятъ другіе способы очистительныхъ доказательствъ и, главнымъ образомъ, «судная рота» [2]).

Будучи произнесена, присяга *окончательно* рѣшала судьбу процесса, какъ и отказъ отъ присяги неизбѣжно велъ къ потерѣ иска или обвиненію отвѣтчика [3]). Дѣло, такимъ образомъ, рѣшалось просто: истецъ-обвинитель долженъ былъ «у креста поставить своего истца»—отвѣтчика [4]), и затѣмъ оставалось только рѣшить кому «крестъ цѣловать» и «правда дати». И если присягающій произносилъ клятву правильно безъ всякихъ обмолвокъ [5]), то тѣмъ самымъ онъ *очищалъ* себя и признавался правымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивался и самый судъ: «тоу тому конецъ». Апелляція къ совѣсти сторонъ «передъ Богомъ» считалась тогда достаточной гарантіей праваго суда. И надо полагать, что въ условіяхъ первобытной культуры, пока еще не распался тѣсный «міръ» архаическаго союза, не разложилось его глубоко религіозное міросозерцаніе, а также и самое представленіе о «правдѣ» единой и цѣльной не было еще поколеблено все возрастающимъ общественнымъ расчлененіемъ,—присяга дѣйствительно являлась реальнымъ обезпеченіемъ торжества *матеріальной правды* въ процессѣ. Лишь постепенно *безусловное довѣріе къ этому безусловному способу рѣшенія тяжбъ* должно было ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ общественная рознь, борьба интересовъ и порча нравовъ все сильнѣе и сильнѣе подрывали кредитъ «судовъ божьихъ» и выдвигали на ихъ мѣсто иныя доказательства, главнымъ образомъ, *письменные акты*, всякаго рода «записи» [6]). Въ этомъ смыслѣ осо-

---

метъ иска) положитъ оу креста, или съ нимъ на поле лѣзетъ» (ст. 107), т.-е. присягаетъ или отвѣтчикъ, или истецъ по его приглашенію, или же оба противника вступаютъ въ поединокъ. Впрочемъ, поскольку примѣненіе «поля» уже ограничивается въ Псковѣ, нерѣдко эти «три воли» превращаются въ двѣ или даже въ одну (одностороннее приглашеніе), см., напр., ст.ст. 13, 20, 29, 92, 105 и др.: «хочетъ самъ поцѣлуетъ... или ему оу креста положитъ» (ст. 105), «своего истца къ правдѣ ведетъ» (ст. 13).

[1]) Ограниченіе «поля» и ослабленіе его роли въ процессѣ шло двоякимъ путемъ: или на ряду съ *полемъ* альтернативно ставилось «крестное цѣлованіе», «судная» или «вольная рота» (см. выше), или же поле совсѣмъ воспрещалось въ извѣстныхъ искахъ и оставалась только одна клятва, которая всегда предшествовала самому поединку: «а поле черезъ закладъ не присужати». *Пск. суд. гр.*, ст. 28.

[2]) «А попросятъ поля... ино имъ присужати цѣлованье», говорится въ позднѣйшихъ актахъ.

[3]) См., напр., *Русская пр.*, ст. 58. *Псков. суд. гр.*, ст. 99. *Новг. суд. гр.*, ст. 14: «а не поцѣлуетъ крестъ, тѣмъ его и обинить».

[4]) *Пск. суд. гр.*, ст. 54.

[5]) «Промолвокъ», какъ тогда говорили.

[6]) Ср. *Пахманъ*. О судебныхъ доказательствахъ, стр. 13, 18, 37, 21, 138, 148—9 Основная мысль автора о томъ, что постепенно «прежнія доказательства стали терять свою безусловную силу», а вмѣстѣ съ тѣмъ стало падать и довѣріе суда къ сторонамъ, совершенно справедлива и мотивирована правильно.

бенно характерно сопоставленіе *Русской Правды*, которой неизвѣстны еще письменные документы, и которая насквозь проникнута вѣрой въ непреложную силу клятвы, ордалій и тому подобныхъ доказательствъ, съ *Псковской суд. гр.*, гдѣ получили такое широкое примѣненіе «доски» и «записи» (акты крѣпостные) и гдѣ довѣріе къ «полю» и присягѣ уже сильно подорвано, и примѣненіе ихъ подлежитъ очевидному сокращенію [1]). И этотъ упадокъ вѣры въ правосудіе боговъ и совѣсть людей долженъ былъ привести вмѣстѣ съ тѣмъ и къ подрыву уваженія къ суду, который утрачивалъ въ глазахъ сторонъ свой непреложный авторитетъ и святость, и изъ великаго *таинства* превращался въ сомнительное дѣло рукъ человѣческихъ и судейской совѣсти, все болѣе высвобождавшейся изъ-подъ власти строгаго чина процессуальнаго ритуала. Поэтому, не случайно, именно, въ *Псковской суд. гр.*, на ряду съ отмѣченной выше ея особенностью, мы встрѣчаемъ въ ней также и первые весьма яркіе признаки проявленія неуваженія къ суду, а равно и постоянныя напоминанія судьямъ о страшномъ судѣ во второмъ «пришествіи» и крестномъ цѣлованіи [2]). Однако, несмотря на очевидное вымираніе «судовъ божьихъ» въ процессуальномъ правѣ древней Руси, ихъ роль остается все же еще достаточно видной, и на ряду съ присягой въ теченіе всего изучаемаго періода продолжаетъ сохранять свое значеніе также и *судебный поединокъ*, къ которому мы теперь и обратимся.

Правда, *поле* появляется въ нашихъ юридическихъ памятникахъ довольно поздно [3]) и *Русская Правда* о немъ ничего не говоритъ, но этотъ пробѣлъ восполняется отчасти свидѣтельствами арабскихъ писателей (Ибнъ-Даста и др.), свидѣтельствами, которыя восходятъ къ X—XI стол. Ибнъ-Дастъ сообщаетъ, напр., что когда тяжущіяся стороны были недовольны судомъ князя, онѣ «предоставляли окончательное рѣшеніе дѣла оружію... На борьбу эту родственники (тяжущихся),—говоритъ авторъ,—приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и кто одолѣетъ противника, выигрываетъ дѣло по своему требованію» [4]). Передъ нами

---

[1]) Съ упадкомъ значенія присяги послѣдняя изъ самостоятельнаго способа доказательствъ на судѣ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе *вспомогательное* значеніе, напр., какъ предварительная присяга свидѣтелей. Въ указанномъ смыслѣ она дожила и до нашихъ дней.

[2]) *Псков. суд. гр.* ст. 58: «а кто... силою въ судебню полѣзетъ, или подверника оударитъ», ст. 111—«а кто передъ господой оударитъ на судѣ своего истца». Ср. *Новг. судн. гр.*, ст. 6.

[3]) Первое офиціальное упоминаніе о «полѣ» мы находимъ въ *Договорѣ Смоленска съ нѣмцами*, 1229 г. (ст. 15 и 16), затѣмъ въ *Псковской* и *Новгородской суд. гр.* (ст. 10, 17, 18, 20, 21, 27, 28, 36, 37, 101, 117, 119—*Псков. гр.* и ст. 6 *Новг. гр.*), а также въ *Договорѣ Новгорода съ польск. королемъ Казиміромъ IV*, 1471 г. (ст. 10). См. *Хрестоматія* Владимірскаго-Буданова, в. 1, стр. 102, 135, 138—140, 142—3, 146, 168, 173—4, 186, 205.

[4]) *Гаркави.* Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Спб. 1870 г., стр. 269. Въ связи съ этимъ свидѣтельствомъ можно было бы высказать предположеніе, что молчаніе *Русской правды* о судебныхъ поединкахъ могло обусловливаться тѣмъ обстоятельствомъ, что первоначально, когда поле совершалось въ народномъ судилищѣ, князь не получалъ отъ него никакого «прибытка», а поэтому о *полѣ* и не упоминается въ «Русской правдѣ», появившейся, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ

типичная сцена суда съ ясными признаками еще живой традиціи родового быта. На «поле» являются родичи тяжущихся съ оружіемъ въ рукахъ и въ сознаніи своей солидарности съ бойцами. *Новгород. судн. гр.*, однако, уже прямо воспрещаетъ «наводить поводку... у поля» и даже предусматриваетъ случай, когда «на кого родъ ополчится», т.-е. случаи теперь уже *самоуправой* «помочи» со стороны родичей или «сусѣдей», какъ на судѣ, такъ и внѣ его[1]). Но если обстановка «полевого» суда и измѣнилась, то все же примѣненіе его было еще весьма широко, какъ въ дѣлахъ гражданскаго, такъ и уголовнаго интереса. Совершенно очевидно, что и этотъ способъ рѣшенія споровъ имѣлъ также *безусловный* характеръ. Первоначально поле всегда кончалось (какъ и родовая месть) смертью, по крайней мѣрѣ, одной стороны и споръ такимъ путемъ находилъ свое естественное завершеніе[2]), позднѣе же, однако, достаточно было уже простого преодолѣнія противника («изнеможетъ»), который тѣмъ самымъ признавался проигравшимъ процессъ. Любопытно отмѣтить, что благодаря распространенности поля и нерѣдко фактической невозможности для сторонъ биться самимъ лично, имъ разрѣшалось въ опредѣленныхъ случаяхъ нанимать за себя бойцовъ. Такъ *Псков. гр.* говоритъ. напр., что когда стороной являлись «жонка, или детина, или старъ, или немощна, или чѣмъ безвѣченъ, или чернецъ, или черница,—имъ наймита вольно наняти, а истцомъ цѣловати (крестъ), а наймитомъ биться». Противъ наймита и другая сторона могла также выставить наймита[3]). По существу это было уже искаженіе чистой идеи «поля», и рѣшительная битва сторонъ передъ лицомъ боговъ «ни на животъ, а на смерть», превращалась въ жалкую пародію на «судъ божій», когда на «поле» выходили биться нанятые за деньги профессіональные борцы. Въ основѣ иден «поля» лежала вовсе не борьба *физическихъ* силъ «польщиковъ», а *вѣра*, что побѣдитъ тотъ, чье оружіе благословятъ боги. Прежде, поэтому, бились «небойцы», говоря языкомъ царскаго «Судебника», т.-е. сами стороны, теперь бьются «бойцы» («а бойцу съ небойцомъ не биться»[4]), и магическій кругъ суднаго «поля» превращается въ какую-то рискованную «потѣху», процессуальный спортъ, подготовляя окон-

---

точнаго опредѣленія княжескихъ *вировъ* и *продажъ*, т.-е. законнаго дохода князя отъ суда. Впослѣдствіи, когда поле совершалось въ присутствіи княжескаго «пристава», мы видимъ уже установленную въ пользу него полевую пошлину, а также и упоминаніе о «продажѣ» князю. *Пск. суд. гр.*, ст. 37.

[1]) *Новг. суд. гр.*, ст. 6 и 16. Ср. *Судебникъ 1550 г.*, ст. 13.

[2]) Ст. 37 *Псков. суд. гр.* предусматриваетъ какъ разъ такой роковой финалъ: «на трупоу кунъ не имати, толка ему доспѣхъ сняти». Прежде родъ убитаго выкупалъ у побѣдителя трупъ его жертвы, «грамота» это воспрещаетъ въ настоящей статьѣ и разрѣшаетъ счастливому сопернику взять только доспѣхи съ мертваго бойца. Иной случай ср. ст. 117: «а послухъ изнеможетъ (на «полѣ»), ино присудите 2 рубля». Еще яснѣе говорятъ *Судебники* 1497 и 1550 гг. Хотя они и называютъ побѣжденнаго на «полѣ» *убитымъ*, но изъ текста ясно, что этотъ «убитый» убитъ былъ не до смерти: «а убитаго дати на поруку: какъ его государь попытаетъ, ино его *поставитъ* передъ государемъ», ст. 12 *Судебника* 1550 г., ср. ст. 7 *Судебника 1497 г.*

[3]) *Псков. суд. гр.*, ст. 36.

[4]) *Судебникъ 1550 г.*, ст. 14.

чательное паденіе и этого архаическаго орудія процесса. Еще раньше сходятъ со сцены такіе пріемы рѣшенія споровъ, какъ *жребій* и *ордаліи*, т.-е. «суды божіе» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Русская правда еще знаетъ «жребій», какъ самостоятельное и *безусловное* средство доказательства, допуская его альтернативно съ присягой въ тяжбахъ русскихъ съ иноземцами: «ити имъ на роту по своей вѣрѣ, а любо на жребій» [1]). Позднѣе жребій однако получаетъ лишь вспомогательное значеніе. При его посредствѣ рѣшается вопросъ о томъ, какой сторонѣ въ процессѣ должно «итти ротѣ» или «правда дати» [2]). Впрочемъ, жребій скоро совсѣмъ выходитъ изъ употребленія, какъ наиболѣе *чистая форма* апелляціи къ божеству, требующая абсолютной покорности, безъ всякаго искушенія борьбы, волѣ потусторонннихъ силъ.

Такой же характеръ носятъ, по существу, и ордаліи—*испытаніе водою и желѣзомъ*, эта своеобразная пытка, которой одна сторона могла въ тѣ времена подвергать другую. Ордаліи примѣнялись у насъ лишь въ такъ наз. «поклепныхъ искахъ», т.-е. при отсутствіи прямыхъ доказательствъ со стороны «истца» и при ссылкѣ его или на косвенныя улики («прохоженіе нощное» вблизи мѣста преступленія и т. п.), или на заявленіе холопа («по сего (холопа) рѣчи»), который не могъ быть свидѣтелемъ на судѣ, какъ существо совершенно безправное [3]). Самый же судъ въ такомъ случаѣ состоялъ или въ испытаніи черезъ «желѣзо горячее», которое извѣстное время долженъ былъ держать въ рукѣ испытуемый, освобождавшійся отъ всякой отвѣтственности, «оже не ожжется», или же въ испытаніи «на воду», когда одного изъ «супротивниковъ» связаннаго бросали въ воду, при чемъ, если онъ плылъ по поверхности рѣки, то считался осужденнымъ, какъ не принятый въ священное лоно водной стихіи [4]).

Такимъ образомъ ордаліи, какъ и всѣ прочія выше названныя процессуальныя дѣйствія, являлись въ древней Руси въ одно и то же время *и судебнымъ доказательствомъ, и самымъ рѣшеніемъ тяжбы по существу*, что объяснялось—какъ мы видѣли—*абсолютною* силой такъ называемыхъ «судовъ божьихъ». Впрочемъ, къ этимъ послѣднимъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, ближайшимъ образомъ примыкалъ въ ту эпоху и *институтъ свидѣтелей*, носившій тогда совершенно своеобразный характеръ съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій. Къ нему, поэтому, мы теперь и обратимся непосредственно.

Поскольку въ древнѣйшія времена отвѣтственнымъ носителемъ правъ являлся извѣстный коллективъ, а не отдѣльное лицо, и поскольку позднѣе отдѣльное лицо долго еще не утрачиваетъ своихъ непосредствен-

---

[1]) *Н. Калачовъ.* Изслѣдованія о русской правдѣ, стр. 133, CXXXIII.

[2]) *Договоръ съ нѣмцами* 1145 г., стр. 9.

[3]) *Русск. правда*, ст.ст. 22, 24, 111, 112: «дати имъ правду желѣзо... такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татьбѣ и въ поклепѣ, оже не будеть лица». *Договоръ съ нѣмцами 1229 г.*, ст. 14.

[4]) *Ил. Бѣляевъ.* Поле, стр. 39—40 (Москвитянинъ, 1855 г., № 13—14). И та и другая форма ордалій восходитъ ко временамъ язычества, когда человѣкъ древности обоготворялъ стихійныя силы природы (воду, огонь).

ныхъ и близкихъ связей съ тѣмъ или инымъ общественнымъ союзомъ («міромъ»,«сусѣдами»,«сябрами»), замѣнившимъ для него союзъ крови,—постольку каждый«истецъ» тогда могъ расчитывать на поддержку со стороны своего «міра» въ трудный для него моментъ. Эта живая соціальная связь и выражалась въ той *помощи*, которую мѣстные люди—первоначально весь народъ—оказывали на судѣ тяжущимся сторонамъ. Вмѣсто коллективнаго «истца» на судъ являлся истецъ-одиночка съ *послухами*. Но «послухи», которыхъ наши юридическіе памятники не всегда уже ясно отличаютъ отъ «видоковъ», т.-е. случайныхъ очевидцевъ факта,—не простые свидѣтели [1]). Они, собственно говоря, такая же *сторона* въ процессѣ, какъ и любой изъ *истцовъ*. Они являются на судъ не для того, чтобы «показать» то, что имъ случайно извѣстно по дѣлу, а для того, чтобы клятвой, а если потребуется и жизнью, поддержать того или иного изъ тяжущихся. Они «пособники» сторонъ, «соприсяжники» съ ними, они *очистители* «истца», его защита и покровъ. Въ древне-германскомъ правѣ эти пособники назывались *conjuratores*, *sacramentales* и такъ же отличались отъ обыкновенныхъ testes, какъ наши «послухи» отъ «видоковъ» [2]), которые должны были показывать на судѣ лишь о томъ, чему сами были очевидцами—«видѣвъ, сказывати правду» (quae noverunt) [3]). Такимъ образомъ, *послухъ*, являясь на судъ, свидѣтельствовалъ не объ опредѣленномъ событіи, а о «доброй славѣ» и честномъ имени той стороны, которую онъ поддерживалъ или «добрилъ», и которая на него «послалась». Поэтому, онъ долженъ былъ поддерживать своего истца до конца, будучи готовъ «крестъ цѣловать» и «на поле лѣзти» въ подтвержденіе правильности и правдивости его показанія. Устами «послуховъ» говорилъ на судѣ самъ народъ, весь «міръ», и первоначально это было, дѣйствительно, свидѣтельство цѣлой общины, къ которой обращалась заинтересованная сторона, отдавая себя на судъ добрыхъ людей, апеллируя къ общественному мнѣнію [4]). И если въ отвѣтъ на этотъ призывъ, на эту ссылку, раздавались одобрительные, единодушные голоса или, напротивъ, люди «лиховали» сутяжника, то этимъ окончательно рѣшался и весь процессъ: а «послуху на послуха не быть» [5]). Тотъ, кто самъ послался на «гласъ народа», тотъ уже заранѣе отдалъ себя на судъ и казнь *міру-послуху*, противъ котораго нѣтъ и не можетъ быть никакого протеста. Поэтому, и послушество является въ древней Руси, какъ и всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ этотъ институтъ, также *безусловнымъ доказательствомъ* [6]). И если постепенно массовая ссылка сторонъ превращается въ наименованіе опредѣленныхъ лицъ въ установленномъ числѣ и, въ концѣ-кон-

---

[1]) *Н. Дювернуа*, op. cit, стр. 101—103.

[2]) *Brunner*. D. R. G. I, S.S. 259—260. *Glotz*, op. cit., pp. 289, 293 — 5. *Дарестъ*, op. cit., стр. 138, 275—6. *М. Ковалевскій*. Современный обычай, т. II, стр. 296—300, 315, 339.

[3]) *Судебникъ 1550 г.*, ст. 99. Въ «Судебникѣ» слово «послухъ» употребляется уже въ значеніи простого свидѣтеля (de visu).

[4]) *Н. Дювернуа*, op. cit., стр. 103. Ср. *Glotz*, op. cit., p. 53.

[5]) *Новг. суд. гр.*, ст. 22.

[6]) *Дювернуа*, op. cit., стр. 181. *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ, стр. 643.

цовъ, сводится къ приводу *одного* единственнаго послуха, то специфическія черты послушества отъ этого не теряются, и «послухъ» еще долго продолжаетъ занимать въ процессѣ совершенно особое мѣсто и играть совершенно исключительную роль, которая его отличаетъ отъ простого свидѣтеля, *видока*. И въ этомъ нетрудно убѣдиться. Число обыкновенныхъ свидѣтелей въ процессѣ зависитъ отъ случая, послуховъ же соотвѣтственно характеру дѣла должно быть *опредѣленное* число [1]); свидѣтель de visu показываетъ то, что онъ видѣлъ, послухъ же (свидѣтель de veritate) долженъ поддерживать свою сторону на судѣ цѣликомъ въ каждомъ словѣ («слово противу слова»), и малѣйшее разногласіе съ показаніемъ опослушествуемаго («ставъ на судѣ не договоритъ въ тыжъ рѣчи или переговоритъ») или между самими послухами («послухи ставъ да межъ себя порознять»)—вело къ потери процесса [2]); неявка свидѣтеля еще не рѣшаетъ процесса, неявка «послуха» окончательно «винитъ» сторону, сославшуюся на него («тотъ послухъ не въ послухъ, а тотъ не доискался») [3]); видокъ даетъ показаніе, но не обязанъ поддерживать ту или иную сторону, послухъ лично выступаетъ «на поле биться» и не можетъ ни уклониться отъ этой обязанности, ни выставить за себя «бойца» («а послуху наймита нѣтъ»), онъ обязанъ также и къ присягѣ [4]); противъ свидѣтеля можетъ быть выставленъ свидѣтель, противъ же послуха нѣтъ послуха. Все это въ достаточной степени подтверждаетъ тотъ фактъ, что послухъ въ древности не былъ вовсе свидѣтелемъ, а «знахаремъ», *поручникомъ*, который гарантировалъ «правду» на судѣ. Онъ былъ выходцемъ изъ той массы «сусѣдей», которые отлично другъ друга знали, на глазахъ которыхъ протекала вся жизнь каждаго члена ихъ «міра», и которые могли удостовѣрить въ каждый данный моментъ «доброту» или «лихость» каждаго изъ своихъ земляковъ, а равно и его права [5]). Именно изъ этого института и развивается позднѣе такъ называемый «повальный обыскъ», который московское правительство превратитъ въ общественную *повинность*, когда увидитъ свою полную безпомощность въ борьбѣ съ «вѣдомыми лихими людьми». Но это будетъ

---

[1]) *Русская правда* (Акад. сп.), ст. 9 (Троиц. сп.), ст. 18. *Договоръ съ нѣмцами 1229 г.*, ст. 13. *Пск. суд. гр.*, ст. 27:«ино ему ходитъ исца послухомъ однымъ человѣкомъ того дѣля, занежъ и поле присужати»; ст. 117: «а послуху быти одному».

[2]) *Русская правда* (Тр. сп.), ст. 32. *Псков. суд. гр.*, ст. 22.

[3]) *Псков. суд. гр.*, ст. 22: «а послухъ не станетъ».

[4]) «*Русская правда*», ст. 58: «то оже нань выведеть послуси, то ти поідуть на роту». *Пск. суд. гр.*, ст. 20 «съ послухомъ на поле лѣзетъ», ст. 21.

[5]) Н. Дювернуа совершенно справедливо указываетъ, что древле всѣ юридическія дѣйствія отправлялись публично «на глазахъ у всѣхъ», въ «міру», «на торгу», на «людяхъ». Этимъ объясняется, напр., публичный характеръ утвержденія завѣщаній, установленія опеки, совершаемыхъ прежде въ *народномъ собраніи*. *Народъ-послухъ* въ такихъ случаяхъ являлся не просто свидѣтелемъ, а своимъ участіемъ *сообщалъ сдѣлкѣ правовую силу*, превращалъ фактъ въ право, выступая одновременно и *творцомъ* и *гарантомъ* частнаго права. Такимъ образомъ *послушество* уже предрѣшало заранѣе *судебный приговоръ*, поскольку участіе послуховъ сообщало сдѣлкѣ силу частнаго закона. *Источники права*, стр. 94—111. Ср. *Glotz*, op. cit., pp. 159, 174. *Ihering*. Geist, II, 1 Ab., S. 9.

уже время, когда послушество почти совсѣмъ утратитъ свои прежнія глубокія связи, крѣпко соединявшія его нѣкогда съ народнымъ судомъ, и выродится въ настоящее свидѣтельство («а послуху, невидавъ, не послушествовати»), или приметъ новыя формы безусловнаго доказательства «общей ссылки», или «ссылки изъ виноватыхъ».

Что касается *видоковъ* или «сторонних» и «окольныхъ» людей, то это были обыкновенные свидѣтели, сила которыхъ однако въ послѣднемъ итогѣ обыкновенно лежала все въ той же *присягѣ*, которая и въ данномъ случаѣ рѣшала дѣло [1]).

Такимъ образомъ, во всемъ своемъ цѣломъ процессъ древнѣйшей Руси полностью зиждился на *безусловныхъ* доказательствахъ, сила которыхъ въ свою очередь таилась въ *сакральномъ* и *общенародномъ характерѣ права и суда* тѣхъ временъ. Въ самыхъ этихъ доказательствахъ уже—какъ мы видѣли—напередъ было дано простое и ясное рѣшеніе любой тяжбы, судебный приговоръ *презюмировался* [2]) на основаніи объективныхъ признаковъ, среди которыхъ можно было бы указать и цѣлый рядъ еще не отмѣченныхъ нами, напр., «поличное», какъ безусловную улику татьбы, несведеніе «свода» или не отведеніе «слѣда», какъ абсолютное доказательство виновности, сознаніе (confessus pro judicato habetur) и т. п. *Цѣльность и единство процесса*, которыя мы наблюдаемъ въ «Русской Правдѣ», гдѣ все держится *вѣрою*, вѣрою въ боговъ и въ человѣческую совѣсть, и гдѣ живо еще *довѣріе* къ человѣку и людямъ—эта цѣльность приводила, въ концѣ-концовъ, къ тому, что судъ данной эпохи, скажемъ словами Н. Дювернуа, былъ дѣйствительно «судомъ скорымъ и правымъ» [3]). Насъ не должно смущать въ немъ господство ритуальнаго формализма, деспотизмъ формулы и культъ слова, какъ и слишкомъ прямолинейныя презумпціи въ правѣ и процессѣ. Этотъ *внѣшній* формализмъ, если мы вспомнимъ только психологію человѣка древности, для него не былъ вовсе внѣшнимъ. Напротивъ, онъ врѣзывался въ самую его «святая святыхъ», потрясалъ все существо «истца», ставилъ передъ нимъ ребромъ вопросъ о *матеріальномъ* правѣ, о *матеріальной правдѣ* [4]). Полный роковой тайны мистическій судъ древ-

---

[1]) Про такихъ свидѣтелей «*Русская Правда*» говоритъ: «а людіе вылѣзутъ» (ст. 91, 95). Въ *Псков. судн. гр.* они также называются людьми—«поставити люди сторонніе человѣка 4і 5» (ст. 51, 55, 56, 57, 100), «поставить люди человѣка 2 или 3». Свидѣтели эти должны подтвердить свое показаніе присягой: «рекутъ какъ право передъ Богомъ», «скажутъ како право передъ Богомъ». Удостовѣряютъ же они всегда опредѣленный фактъ: «предъ ними въ торгу купитъ» (ст. 56), «передъ нами тотъ человѣкъ тѣхъ приставовъ съ двора согналъ» (ст. 57), «какъ чисто на селѣ сѣдѣлъ» (ст. 51), «что чисто у него отморщина отца его» (ст. 55). Присяга «людей» рѣшаетъ споръ окончательно.

[2]) *П. Бѣляевъ.* Очерки права и процесса въ эпоху« Русской Правды», ст. 1—2, 9 (Сбор. правовѣдѣнія, V).

[3] *Источники права*, стр. 201.

[4]) На языкѣ нашихъ предковъ всякое правонарушеніе было «обидой», посягательствомъ на «правду». Оно задѣвало всего человѣка и такимъ путемъ создавало «деликтное настроеніе древняго права» вообще, проникнутаго насквозь *моральнымъ* моментомъ. Человѣкъ древности одухотворялъ весь міръ (панпсихизмъ), всюду откры-

ности обводилъ вокругъ «супротивниковъ» волшебный кругъ, переступивъ который человѣкъ всего себя отдавалъ во власть какой-то страшной силы, безапелляціонно ставившей и рѣшавшей вопросъ о его жизни и смерти: «быть или не быть». И поскольку процессъ древности шелъ быстрыми и твердыми шагами къ своей цѣли, не оставляя мѣста ни колебаньямъ, ни уклоненьямъ въ сторону, ни произволу сторонъ, ни усмотрѣнію судьи, сковывая обѣ стороны неумолимой дисциплиной правовой нормы и ставя въ упоръ совѣсти человѣка безусловное требованіе: «клянись!»—это былъ дѣйствительно судъ *скорый* и *правый*, ибо право тогда говорило со всѣми однимъ языкомъ и немедленно предъявляло каждому свои точныя требованія. Какъ грозная природа оно говорило тогда человѣку: покорись моему закону, или умри!

И лишь постепенно исчезало это своеобразное *колдовство правосудія*, и также медленно шагъ за шагомъ освобождалось *право* отъ той матеріальной внутренней «правды», которая смѣнялась приказомъ, требовавшимъ отъ человѣка одной внѣшней корректности, правовой видимости. На смѣну права-правды приходило право-законъ, на мѣсто неписанной живой нормы обычнаго права являлось *писанное уставное право*, а вмѣстѣ съ тѣмъ слагалось и представленіе о нарушеніи права, какъ о нарушеніи буквы закона, голаго запрета. Прежній нарушитель земскаго мира и «правды» при такихъ условіяхъ превратится, въ концѣ концовъ, въ «ослушника указовъ», которые будутъ тяготѣть теперь надъ каждымъ, какъ категорическій приказъ, но перестанутъ быть для человѣка, какъ прежде, категорическимъ императивомъ его совѣсти [1]). Начало этого процесса можно уже наблюдать въ правѣ нашихъ сѣверно-русскихъ народоправствъ, которыя оставили намъ первые въ русской исторіи образцы офиціальной кодификаціи, вѣчевого писаннаго права. Явный упадокъ «судовъ божьихъ» въ *судныхъ грамотахъ*, первые проблески недовѣрія къ судебному поединку и широкое развитіе письменныхъ актовъ, которые съ успѣхомъ начинаютъ вытѣснять прежнія формы публичной гарантіи («поруку», напр.,) сдѣлокъ—все это краснорѣчиво говоритъ о томъ, насколько уже поисшаталась на Руси *старая правда*, изъ-подъ которой все болѣе и болѣе ускользало ея прежнее соціальное и моральное основаніе, послужившее нѣкогда прочной базой для народно-вѣчевой юстиціи.

Чтобы закончить нашъ очеркъ древняго суда, намъ остается еще упомянуть въ двухъ словахъ о *приговорѣ* и его исполненіи.

валъ присутствіе злыхъ или добрыхъ силъ. Поэтому онъ каралъ не только человѣка за «лихое» дѣло, но и животныхъ, даже предметы неодушевленные. *Внѣшніе* формальные признаки служили въ его глазахъ лишь показателями *внутреннихъ* настроеній, замысловъ и мотивацій. На основаніи первыхъ онъ судилъ и о послѣднихъ. Субъективный моментъ вообще вовсе не былъ игнорированъ человѣкомъ первобытныхъ временъ, не говоря уже объ эпохѣ «Русской Правды». *П. Бѣляевъ*, op. cit., ст. 20—24.

[1]) Въ это время и явится то представленіе о правѣ и законѣ, которое такъ рѣзко заявитъ себя въ народныхъ пословицахъ: «гдѣ законъ, тамъ и преступленье», «не будь закона, не было бы и грѣха», «законъ что дышло, куда повернулъ, туда и вышло». И въ противовѣсъ этимъ максимамъ нельзя не противопоставить одной и весьма характерной: поговорки; «что старѣе, то правѣе».

Мы уже знаемъ, что «истцы» начинали процессъ, и сами вели его, они же его и заканчивали. Разъ рѣшеніе суда состоялось, стороны должны были вновь уговориться и «ударить по рукамъ» о приведеніи въ исполненіе приговора. Получивъ «правую» или «безсудную» грамоту [1]), выигравшій процессъ начиналъ «переговариваться» съ отвѣтчикомъ, который долженъ былъ его удовлетворить въ извѣстный срокъ [2]). Если бы однако отвѣтчикъ уклонился отъ исполненія приговора суда, то тогда онъ имѣлъ дѣло уже не со своимъ счастливымъ соперникомъ, а «со всѣмъ государствомъ въ совокупности», какъ говоритъ Владимірскій-Будановъ [3]). Такой человѣкъ разсматривался, какъ опасный бунтовщикъ и врагъ народа, и тогда вновь оживала непосредственная судная власть вѣча! Неудовлетворенный истецъ долженъ былъ взять «пристава съ вѣча» и, если отвѣтчикъ несмотря на это продолжалъ «хорониться», то *Новгор. суд. гр.* предписывала: «ино казнить его всѣмъ великимъ Новгородомъ» [4]). Говоря иначе, такой «коромольникъ» подвергается «потоку и разграбленію». Не повинуясь приговору суда, отвѣтчикъ посягалъ на самыя основы правового строя земли, а слѣдовательно, лишалъ и себя самого покровительства закона. Такъ логически замыкался кругъ процессуальнаго дѣйства древняго суда, пока, наконецъ, не исчезла и эта послѣдняя гарантія «правова суда» вмѣстѣ съ вѣчевымъ колоколомъ и политической самостоятельностью древне-русской демократіи.

II.

Историческій процессъ разложенія народнаго суда и юрисдикціи, обозначившійся со всею ясностью еще въ земско-вѣчевомъ періодѣ, получилъ свое полное завершеніе въ удѣльной Руси XIII—XV ст., когда на смѣну *государству-волости* пришло *государство-помѣстье* или *княженье-вотчина*, а на мѣсто *государя-народа* явился *государь-князь*, *государь-боярин*ъ, *государь-монастыр*ъ.

Удѣльная Русь, въ качествѣ типичнаго натурально-хозяйственнаго феодальнаго государства, глубоко измѣнила всѣ общественные и политическіе отношенія и порядки, господствовавшіе ранѣе въ русской землѣ. Въ силу своеобразнаго закона исторической діалектики на развалинахъ демократической политической общины древнѣйшей эпохи у насъ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ, сложился новый міръ отношеній, представлявшій полную противоположность и отрицаніе тѣхъ самыхъ началъ древне-русской жизни, которыя нашли наиболѣе яркое свое выраженіе въ классическомъ фрагментѣ нашей лѣтописи: «новгородци бо

---

[1]) Первая выдавалась послѣ разбирательства дѣла, вторая—въ качествѣ заочнаго постановленія при неявкѣ отвѣтчика.

[2]) Въ Новгородѣ на переговоры давался мѣсяцъ. *Нов. суд. гр.*, ст. 34.

[3]) *Обзоръ*, стр. 649.

[4]) Ст. 34.

изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти (волости) якоже на думу на вѣча сходятся: на что же старѣйшіи (города) сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ»[1]). На мѣсто примитивной демократіи древне-русской гражданской общины съ явно господствующимъ въ ней публично-правовымъ интересомъ явилась новая историческая формація, въ которой рѣшительный перевѣсъ получилъ моментъ вотчинный, *частно-правовой*, поскольку самое удѣльное княжество складывалось по типу частно-владѣльческой вотчины. А, какъ извѣстно, отличительнымъ признакомъ феодальнаго государства-помѣстья именно, и являлось это глубокое *проникновеніе* частно-правовыхъ интересовъ въ сферу государственныхъ отношеній. Этому обстоятельству и была обязана удѣльная Русь тѣмъ характернымъ фактомъ, что въ настоящемъ періодѣ каждый русскій князь, хозяинъ своего «удѣла», выступаетъ передъ нами въ качествѣ *«государя съ привычками вотчинника»* [2]) въ то время, какъ каждый землевладѣлецъ (духовный или свѣтскій) въ свою очередь является *вотчинникомъ съ правами государя*. Поэтому для изучаемой эпохи приходится отмѣтить, какъ особенно типическую для нея черту, чрезвычайное дробленіе политической власти, полный распадъ государственнаго единства и пеструю черезполосицу публичныхъ правъ. Представленіе о единой и недѣлимой государственной власти исчезаетъ, понятіе верховенства или государственнаго суверенитета смѣняется понятіемъ *сюзеренитета, соціально-политическаго патроната*. Удѣльная Русь, какъ и средневѣковая Европа, распадается при такихъ условіяхъ на множество самодовлѣющихъ міровъ, мелкихъ и крупныхъ (княженій, боярщинъ и т. д.) владѣній, живущихъ обособленной замкнутой жизнью и только соприкасающихся на своей периферіи другъ съ другомъ. И поскольку въ обстановкѣ натуральнаго сельскаго хозяйства князь въ эти времена скорѣе хозяйственно эксплоатировалъ свое «государство», чѣмъ имъ управлялъ въ общественномъ интересѣ, постольку и самыя функціи государственной власти, т.-е. *публично-правовыя обязанности князя*, превратились теперь какъ бы въ простыя хозяйственныя принадлежности княжеской экономіи. Это произошло потому, что—говоря словами В. О. Ключевскаго—«княжеское удѣльное владѣніе по характеру своему приблизилось къ простому частному землевладѣнію, къ той привилегированной собственности, которая на языкѣ древнерусскаго права называлась боярской»[3]). Къ этому и сводился, по существу, процессъ *феодализаціи* государственной власти. *Земля* являлась тогда, дѣйствительно, единственной хозяйственной цѣнностью, а потому *земледѣльческій интересъ* естественно и занялъ господствующее положеніе въ удѣльномъ «государствѣ», *земельный договоръ* сдѣлался основнымъ ферментомъ, связующимъ нестройные подвижные элементы удѣльнаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе и судъ превратились въ доходныя статьи («пути») *вотчиннаго хозяйства*, которыя на ряду съ землями и вся-

---

[1]) *Лаврентьев. лѣтопись*, 1176 г.

[2]) *В. Ключевскій.* Боярская дума древней Руси (изд. 3), ст. 111.

[3]) Op. cit., ст. 76.

кими угодьями отдавались въ «кормленіе» людямъ разнаго званія. Эта своеобразная натурально-хозяйственная юстиція и администрація удѣльнаго средневѣковья своими корнями глубоко уходитъ въ предшествующій историческій періодъ, когда съ появленіемъ князей на Руси обозначился и *новый взглядъ* на правосудіе, который, по мѣрѣ усиленія княжеской власти и паденія авторитета и дѣйствительной силы вѣча, получилъ, въ концѣ-концовъ, особенно въ новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, рѣшительное преобладаніе. Мы отмѣтили уже выше, что князь, въ качествѣ земскаго «урядника» древней Руси, получилъ изъ рукъ вѣча, на ряду съ другими полномочіями, также и власть судебную съ обязательствомъ «судити въ правду», «по старинѣ» и «пошлинѣ». За свою правительственную службу онъ получалъ, какъ мы видѣли, отъ земли кормъ («полюдье дарованое»), отъ суда же пени и всякіе поборы. Такимъ образомъ, судъ для князя сразу получилъ значеніе «корыстоваго дѣла», чѣмъ онъ никогда не былъ для судьи-народа [1]). Этотъ *фискальный* интересъ имѣлъ весьма жизненное значеніе для князя и его слугъ. Въ лицѣ послѣдняго и его товарищей въ процессъ вступала при такихъ условіяхъ *третья заинтересованная сторона*, которая прежде всего въ судѣ «смотрѣла своего прибытка» [2]). Впрочемъ эта матеріальная заинтересованность князя и его помощниковъ при отправленіи правосудія не внушала особыхъ опасеній и была дѣйствительно почти безвредна, пока княжій судъ былъ обставленъ достаточными гарантіями со стороны вѣча и находился подъ бдительнымъ контролемъ земскихъ властей и живого правосознанія населенія, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ процессѣ въ качествѣ ли тяжущихся, послуховъ, добрыхъ мужей или простыхъ свидѣтелей. Но дѣло должно было значительно измѣниться по мѣрѣ постепеннаго разложенія земскаго «одиначества», вырожденія вѣчевой власти народа и параллельнаго усиленія власти князя и боярства. Если прежде князь держалъ землю «въ воли мужей вольныхъ», какъ говорится въ одной новгородской грамотѣ [3]), то позднѣе онъ начинаетъ держать себя «самовласцемъ», и «мужи вольные» въ свою очередь начинаютъ ходить въ его волѣ. Съ окончательнымъ паденіемъ вѣча, когда самое слово «вѣчникъ» въ удѣльной Руси получаетъ значеніе заговорщика, крамольника, послѣднія сдержки народнаго контроля исчезли. Князь-находникъ, званый гость русской земли, превратившись въ князя-вотчинника, полнаго хозяина и собственника своего княженія, постепенно низвелъ государственный судъ на степень *владѣльческаго суда*, какимъ, по существу, и сдѣлался всякій судъ въ удѣльной Руси. Фискальный интересъ именно съ этого момента окончательно торжествуетъ свою побѣду на судѣ [4]).

---

[1]) *Б. Чичеринъ.* Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII в., стр. 24—25.

[2]) «А судья за нимъ (истцомъ) идетъ своего прибытка смотритъ», какъ говоритъ Московская губная запись 1486 г. *Акты Арх. Экс.*, I, № 115.

[3]) *Договоръ 1470 г.*, ст. 29.

[4]) Къ этому времени и слѣдуетъ пріурочить утвержденіе автора «Исторіи судебныхъ инстанцій», замѣтившаго совершенно правильно: «что касается до отноше-

Такимъ образомъ, прежде всего совершилась крупная перемѣна въ самой организаціи судебной власти, народъ-судья сошелъ съ исторической сцены. Его мѣсто занялъ теперь, съ одной стороны, князь съ многочисленнымъ штатомъ намѣстниковъ, волостелей и всякихъ «путныхъ» судей, съ другой—духовные и свѣтскіе землевладѣльцы-иммунисты съ ихъ сеньеральной юрисдикціей. Впрочемъ, что касается князя, то его личное участіе въ судѣ, нѣкогда для него обязательное согласно вѣчевому «ряду» и крестному цѣлованію [1]), почти совсѣмъ выходитъ изъ практики. Судъ князя по общему правилу сохраняется лишь въ формѣ непосредственнаго суда князя съ «боярами введенными» надъ его прямыми вассалами, т.-е. надъ *служилой* военной и землевладѣльческой аристократіей удѣльной эпохи, «гостями» и прочими привилегированными лицами. Въ жалованныхъ грамотахъ, т.-е. иммунитетныхъ дипломахъ даннаго періода, которыми укрѣплялись и подтверждались политическія права удѣльныхъ вотчинниковъ, мы обязательно найдемъ стереотипное положеніе: «А вѣдаетъ свои люди самъ NN (бояринъ или игуменъ такой-то) или кому прикажетъ... А кому будетъ чего искать на NN, или на его приказшикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой бояринъ введеный» [2]). Это былъ типичный сеньёральный судъ, простиравшій свою власть и дѣйствіе на ограниченную группу привилегированныхъ общественныхъ элементовъ, стоявшихъ въ силу феодальнаго вассальнаго «ряда» подъ непосредственной защитой (mundeburdis, mundium) и покровительствомъ князя.

Судебная власть князя, такимъ образомъ, далеко не обнимала ни всей *территоріи* удѣльнаго княжества, ни всего его *населенія*.

Слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что удѣльная Русь не знала единаго *государственнаго суда* ни въ качествѣ общаго суда, ни въ качествѣ суда высшей инстанціи. *Рядомъ* съ судомъ князя, *на равной съ нимъ ногѣ*, стоялъ судъ владѣльческій, и даже княжескіе «намѣстники» и «волостели», судившіе свободное волостное и посадское населеніе, сидѣвшее на «черныхъ»

нія къ суду самого князя, то оно было чисто финансовое». *Θ. М. Дмитріевъ*. Сочиненія, т. I, стр. 6.

[1]) Какъ извѣстно, первоначально князь долженъ былъ судить самъ лично и народъ весьма дорожилъ этой *посреднической* ролью князя. Съ означенной цѣлью князь въ древней Руси совершалъ объѣзды земли, творя «проѣзжій судъ» по городамъ и весямъ. Но впослѣдствіи личное отправленіе правосудія сдѣлалось для князя невозможнымъ и въ пригородахъ стали судить лишь «посадники», «намѣстники» и проч. судьи, князь же судилъ лишь въ старшемъ «стольномъ» городѣ. Однако, и здѣсь онъ скоро обнаружилъ тенденцію замѣнять себя своими «тіунами», что не разъ вызывало рѣзкіе протесты со стороны населенія, какъ это было, напр., въ 1146 г. въ Кіевѣ, когда вѣче потребовало, чтобы князь смѣстилъ хищныхъ тіуновъ и судилъ впредь самъ: «а нынѣ, княже Святославъ, цѣлуй намъ крестъ..., аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». Любопытно, что все же и на этотъ разъ князь сумѣлъ уклониться отъ своей обязанности, подсунувъ кіевлянамъ новаго тіуна вмѣсто себя: «Святославъ же рече имъ: азъ цѣлую крестъ, яко не боудеть вы насилія никотораго же, а се вы и тивунъ и по вашей воли». *Ипатьев. лѣт.*, стр. 321—2.

[2]) *Акты Археогр. Экспед.*, т. I, № 46. *В. Сергѣевичъ.* Русскія юридическія древности, I (СПБ. 1890,) стр. 286—7.

земляхъ за предѣлами дворцоваго (доменіальнаго) хозяйства князя, и тѣ не только не связывали княжескаго суда съ мѣстнымъ, но—напротивъ—еще болѣе дробили власть князя, являясь, дѣйствительно, въ своихъ кормленныхъ округахъ настоящими его замѣстителями. Эти многочисленные *намѣстники* въ буквальномъ смыслѣ слова становились *на мѣсто* князя, всецѣло воспринимая его функціи въ отношеніи къ населенію пожалованнаго имъ «присуда» [1]). Съ момента своего назначенія подобный намѣстникъ выводилъ изъ-подъ власти и вѣдѣнія князя свой административно-судебный округъ и начиналъ имъ управлять совершенно самостоятельно, на правахъ, такъ сказать, государственной аренды или откупа [2]). Такимъ образомъ, между судомъ князя и намѣстника не было іерархическихъ отношеній (инстанцій) и мы не можемъ также провести между ними различія суда центральнаго и областного, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Б. Н. Чичерина, «кормленщикъ управлялъ не *на князя, а на себя*» [3]). Самый судъ намѣстника не былъ его обязанностью, должностью, а его правомъ или, лучше сказать, привилегіей, пожалованной ему въ его *личномъ интересѣ*, чтобы ему было «чѣмъ мочно быти сытымъ». «Кормленіями» князь жаловалъ своихъ бояръ и вольныхъ слугъ «за ихъ службу»; поэтому, и сами бояре, обычно, добиваясь намѣстничества, прямо просили князя отпустить ихъ «покормиться», и князь жаловалъ своихъ слугъ тѣмъ или инымъ городомъ или волостью не въ управленіе, а «въ кормленіе» [4]). Кормленіе было, слѣдовательно, такимъ же натурально-хозяйственнымъ способомъ оплаты всякаго рода услугъ въ удѣльномъ княжествѣ, какъ и раздача помѣстій и вотчинъ. При рѣдкости въ тѣ времена денегъ, князь долженъ былъ дѣлиться со своими слугами тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ: землями, всякаго рода угодьями и доходами со своего вотчиннаго хозяйства. А такъ какъ въ тѣ времена *управленіе было тѣсно и неразрывно связано съ судомъ, а судъ съ кормомъ* (кто кѣмъ управлялъ, тотъ того судилъ, тотъ того и «ѣлъ»), то помимо намѣстниковъ и волостелей, естественно, мы встрѣчаемъ въ удѣльной Руси безконечное множество всевозможныхъ «путныхъ» и безпутныхъ судей-кормленщиковъ—дворецкихъ, конюшихъ, ловчихъ, чашниковъ, ключниковъ, посельскихъ, писцовъ и т. д., которые вѣдали

---

[1]) *Б. Чичеринъ*, op. cit., стр. 59.

[2]) *В. Ключевскій*, op. cit., стр. 111. «Органы этого мѣстнаго управленія (говоритъ авторъ), намѣстники и волостели со своими тіунами и доводчиками, были правительственными арендаторами у князя-хозяина, подобно тому, какъ перехожіе крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинника XV в.». Ср. *Ѳ. Дмитріевъ*, op. cit., стр. 56—8. Люди, отданные подъ судъ намѣстнику, становились при такихъ условіяхъ его подданными, поскольку онъ для нихъ теперь замѣнялъ князя. Въ грамотахъ такъ прямо и говорилось, что такіе-то «сельчане» или «горожане» впредь будутъ «судомъ и кормомъ подданы... волостелемъ». *Ак. Арх. Эксп.* № 324.

[3]) Op. cit., стр. 20, 54. *В. Ключевскій.* Боярская дума, стр. 157.

[4]) «Се авъ князь великій... пожаловалъ есмя Ивана Григор. Расла и сына его Конона Иванов., *въ кормленіе*, въ Мещерѣ, *городомъ Елатьмою и Кадомою* съ мыты, и съ перевозы, и со всѣми намѣстничьи доходы, и съ пошлиною, что было дано *за выѣздъ* отцу его Ивану. И вы всѣ люди тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите ихъ и слушайте; а они васъ вѣдаютъ». *Акты юридическіе*, № 161. Ср. *Б. Чичеринъ*, op. cit. стр. 19.

ту или иную отрасль вотчиннаго хозяйства князя или были у него «въ приказѣ». Получая, напр., въ свое управленіе княжескую конюшню, такой дворцовый приказчикъ вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ въ свою пользу и право суда надъ приписанными къ «конюшему пути» людьми и деревнями, на обязанности которыхъ было содержаніе княжескихъ конюшенъ со всѣмъ ихъ «строемъ» и «нарядомъ»[1]). Такимъ образомъ судъ такъ тѣсно сливался съ управленіемъ, что самое названіе *судьи* въ этомъ періодѣ получаетъ въ указанномъ смыслѣ болѣе широкое значеніе, такъ что въ концѣ концовъ «судьей» могъ называться также и такой «приказный» человѣкъ, которому не было дано въ дѣйствительности никакой судебной власти. При такихъ условіяхъ въ сферѣ княжескаго управленія организація судебной власти представляла чрезвычайно пеструю картину. Судебная власть дробилась и распылялась по всей территоріи княженья безъ всякаго порядка, мозаически и черезполосно, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ крайне подвижную и измѣнчивую систему отношеній. Благодаря тому, что судъ на частномъ правѣ передавался въ пользованіе кормленщика и въ его собственномъ интересѣ, не только объемъ полномочій, но и размѣры «присудовъ», кормовыхъ «округовъ», были до безконечности разнообразны и мѣнялись въ зависимости отъ случая. Если не хватало на всѣхъ претендентовъ свободныхъ мѣстъ, то князь или назначалъ второго, третьяго и т. д. намѣстника въ существующіе уже округа съ тѣмъ, чтобы намѣстники впредь дѣлились между собой «прибыткомъ», или же раздѣлялъ намѣстничество на части, сообразно числу кандидатовъ. Такимъ путемъ никакого постояннаго правительственнаго дѣленія княжества въ эпоху удѣловъ не существовало, «присуды» дѣлились и передѣлялись въ зависимости отъ того, кого и какъ хотѣлъ и могъ «пожаловать» князь. Потребнымъ же количествомъ «корма», «глядѣ по человѣку», опредѣлялись тогда какъ компетенція кормленщика и размѣры его «присуды», такъ и продолжительность самаго пожалованія (наслѣдственно или краткосрочно[2]). Но пестрота и дробность судебныхъ властей усугублялась въ удѣльной Руси еще больше подъ вліяніемъ того обстоятельства, что подобнаго рода намѣстники и судьи-приказчики были тогда не у одного только князя на его дворцовыхъ и черныхъ земляхъ. Поскольку самый судъ въ настоящемъ историческомъ періодѣ сдѣлался предикатомъ земельной собственности, согласно общему принципу: «судомъ и данью тянути по землѣ и водѣ»[3]),—мы встрѣчаемъ совершенно тожественную организацію суда и управленія также повсюду и въ предѣлахъ вотчиннаго, какъ боярскаго, такъ и церковно-монастырскаго хозяйства. Мы узнаемъ изъ жалованныхъ грамотъ, укрѣплявшихъ политическія права землевладѣльцевъ удѣльной эпохи, что княжескіе намѣстники и волостели не имѣли права въѣзда въ «околицу» частно-владѣльческой вотчины «ни почтѣ», *ни для суда*, *ни*

---

[1]) *Акты Арх. Эк.*, т. I, № 56, 131 и др. „Бобровники мои гдѣ станутъ, и они кормъ емлютъ“—говорится обычно въ такихъ случаяхъ. Ср. *Акты истории.*, т. I, № 295.

[2]) *Б. Чичеринъ*, op. cit., стр. 5—7. *Ѳ. Дмитріевъ*, op. cit., стр. 11—12, 75.

[3]) *Собр. Госуд. гр. и договор.*, т. I, № 28, стр. 48.

для даней. «Ни волостели мои... не въѣзжаютъ къ тѣмъ людямъ... *ни почто*, ни кормовъ, ни поборовъ у нихъ не емлютъ, *ни судятъ ихъ*. А вѣдаетъ и судитъ тѣхъ христіанъ (имя рекъ, бояринъ, игуменъ и т. д.) самъ или кому прикажетъ» [1]); такова обычная формула нашихъ иммунитетныхъ дипломовъ, изъ которой съ очевидностью слѣдуетъ, что удѣльная боярщина или монастырщина внутри княженія представляла изъ себя въ полномъ смыслѣ слова «государство въ государствѣ», самодовлѣющее хозяйственное и политическое цѣлое, гдѣ «государемъ» былъ или какой-нибудь бояринъ Иванъ Петелинъ, или игуменъ Арсеній, или митрополитъ Іона [2]). Недаромъ въ удѣльномъ періодѣ самое имя *государя* безразлично примѣнялось и къ князю, и боярину, и игумену, и всякому господину-землевладѣльцу. И во внутренней организаціи суда и управленія въ этихъ частныхъ вотчинахъ, дѣйствительно, мы не найдемъ никакихъ отличій сравнительно съ вотчиной княжеской. Здѣсь также для суда надъ массой зависимаго населенія, частныхъ подданныхъ владѣльца, были налицо свои боярскіе или церковно-монастырскіе «намѣстники», «волостели» и судьи «приказщики». Мы узнаемъ объ ихъ существованіи изъ тѣхъ же жалованныхъ грамотъ, которыя всегда содержатъ въ себѣ спеціальную оговорку о такъ называемомъ «судѣ смѣсномъ» или «вобчемъ». «А смѣшается (читаемъ мы обычно въ такомъ случаѣ въ грамотѣ) судъ съ моими, великаго князя, людьми, или съ боярскими и со княжими, и съ монастырскими, и со владычными или съ чьими-нибудь, и намѣстници наши и волостели или намѣстничы и волостелины тіуны, *съѣхався на рубежъ* со отца нашего *митрополичими волостели* или *приказчики*, да тому управа чинятъ безъ перевода, а пошлинами ся дѣлятъ безъ обиды» [3]). Изъ этой грамоты мы не только убѣждаемся въ томъ, что на частно-владѣльческихъ земляхъ, куда былъ воспрещенъ въѣздъ княжескимъ судьямъ, этихъ послѣднихъ замѣняютъ съ тѣми же правами «приказные» судьи вотчинника, но также и въ томъ, что самъ вотчинникъ въ сферѣ суда пользуется равными съ княземъ правами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ процессѣ, въ качествѣ тяжущихся сторонъ, выступаютъ, съ одной стороны, люди князя, а съ другой—люди вотчинника, т.-е. когда «судъ смѣшается» между подданными двухъ удѣльныхъ «государей», дѣло всегда разрѣшается «судомъ смѣснымъ», представляющимъ изъ себя нѣкоторое подобіе *третейскаго международнаго суда*. Намѣстникъ князя и намѣстникъ вотчинника (боярина, монастыря) «съѣзжаются» при такихъ условіяхъ на нейтральной почвѣ, «на рубежѣ», т.-е. на границѣ сосѣдящихъ «присудовъ», и совмѣстно разбираютъ дѣло [4]), при чемъ всѣми судными

---

[1]) *Акты историческіе*, т. I, № 81; *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 45, 46.

[2]) Эти лица въ свою очередь могли выдавать жалованныя грамоты своимъ слугамъ точно такого же содержанія и объема правъ. См., напр., грамоту митр. Іоны Андрею Афанасьеву. *Ак. Арх. Эк.* т. I, № 45. Ср. *М. Горчаковъ*. О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ и т д., стр. 189.

[3]) *Акты историческіе*, т. I, № 215. Здѣсь помѣщена *подтвердительная* жалованная грамота, восходящая къ началу XV ст. или концу XIV в. См. Н. Ланге. «Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды» (М. 1882), стр. 112 и сл.

[4]) «А случится судъ смѣсной... и намѣстницы наши и волостели и ихъ тіуны су-

доходами судьи дѣлятся поровну: «а прибытокъ имъ наполы», «а присудомъ дѣлятся наполы», «а истцово заплатятъ на обѣ стороны»—таково обычное требованіе грамотъ [1]). Но если при столкновеніи юрисдикціи княжескаго намѣстника и частнаго вотчинника стороны вовсе не обязаны обращаться къ «государственному» суду, какимъ казалось бы съ нашей точки зрѣнія долженъ былъ быть судъ удѣльнаго князя или его намѣстника, то—какъ оказывается изъ дальнѣйшаго—«вобчіе судьи» не обязаны были прибѣгать къ нему и въ томъ случаѣ, когда между ними возникало разногласіе, т.-е. когда, по характерному выраженію источниковъ, судьи «сопрутъ».. Предвидя возможность подобнаго обстоятельства, судьи обыкновенно не приступали къ разбирательству дѣла, не «зарядивъ себѣ третьяго», т.-е. не условившись предварительно на счетъ *третейскаго судьи*, которому они заранѣе согласны были отдать на окончательное рѣшеніе спорное дѣло, если не «доспѣютъ» полюбовнаго приговора [2]). Такимъ «третьимъ» могъ быть какой-нибудь князь, игуменъ или иное лицо, словомъ тотъ, «ково себѣ излюбятъ» сами судьи.

Смѣшанные суды такимъ образомъ являются лучшей демонстраціей дѣйствительнаго раздробленія княжеской власти въ удѣльной Руси, власти, къ которой поэтому совершенно не приложимо понятіе государственнаго верховенства, суверенитета. Территорія удѣльнаго княжества была, въ полномъ смыслѣ слова, изрѣшечена владѣтельными вотчинами (Grundherrschaft, seigneurie, боярщина), которыя яркими «бѣлыми» пятнами рѣзко вырисовывались на «черномъ» фонѣ тяглаго міра той эпохи [3]). Выпадая, такъ сказать, изъ сферы княжескаго суда и управленія, «политическая» вотчина удѣльнаго времени лишь въ лицѣ самого вотчинника приходила въ нѣкоторую слабую связь съ княземъ. Какъ извѣстно, бояре и слуги вольные въ удѣльной Руси пользовались полной свободой «отъѣзда» и выбора мѣста своей службы при дворѣ того или иного удѣльнаго князя, съ которымъ они вступали во временный вассальный договоръ [4]). Въ силу этого договора князь долженъ былъ «блюсти» своихъ непосредственныхъ слугъ, и это блюденье главнымъ образомъ сводилось къ *судебной*

дятъ, а игуменья съ сестрами, или ихъ приказчикъ съ ними жъ судитъ» (Акты истор., т. I, №. 131), «а сплетется монастырскій съ городскимъ или съ волостнымъ человѣкомъ, и игуменья судитъ съ намѣстникомъ или съ волостелемъ вмѣстѣ» (*Акты Арх. Эк.*, т. I., № 35 и др.). На тѣхъ же основаніяхъ были организованы суды и между удѣльными *князьями*: «а что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся боярѣ наши на рубежь, да межи насъ поговорятъ; а не уговорятся, ини ѣдутъ на третій». *Собр. Госуд. гр. и догов.*, т. I, № 28.

[1]) *Ак. Арх. Эк.*, т. I, № 5. *Акты историч.*, т. I, № 15, 131 и мн. др.

[2]) *Акты юридич.*, № 103, I.

[3]) Привилегированные удѣльные землевладѣльцы назывались тогда «бѣломѣсцами», такъ какъ и сами они и ихъ земли были «бѣлыми» или «обѣленными», т.-е. *свободными* отъ какого-либо тягла. Въ противоположность имъ все тяглое населеніе называлось *черными*.

[4]) Въ договорныхъ грамотахъ князей даннаго періода мы всегда находимъ торжественное подтвержденіе этого одного изъ основныхъ политическихъ правъ служилой аристократіи: «а бояромъ и слугамъ волнымъ межи насъ вольнымъ воля», а въ ихъ «села... не въступатися». *Собр. Гос. гр. и дог.*, т. I, № 23, 27, 28 и др.

хоранъ со стороны князя личности и имущественныхъ правъ слуги. Какъ мы видѣли выше, въ такихъ случаяхъ иммунисту гарантировался *личный судъ князя или его введенныхъ бояръ*, которые и составляли постоянную *феодальную курію* совѣтниковъ и соправителей князя, т.-е. его *боярскую думу* (curia regis) [1]). Эта боярская дума, односословная по своему составу, аристократическая по своему духу, и представляла изъ себя тотъ «*судъ боярскій*», который вѣдалъ вмѣстѣ съ княземъ или отъ его имени прежде всего *дѣла боярскія*, т.-е. дѣла непосредственно подсудныхъ князю его привилегированныхъ слугъ землевладѣльцевъ. Съ этой точки зрѣнія можно было бы назвать боярскую думу *судомъ пэровъ*, такъ какъ никакой иной судъ, кромѣ суда боярскаго, не могъ тогда вмѣшиваться въ сферу интересовъ боярства и послѣднее такимъ образомъ судилось *судомъ равныхъ*. Но принимая во вниманіе, что въ составъ боярскаго совѣта и суда входили тогда бояре введенные и путные, т.-е. лица, занимавшія тѣ или иныя должности въ княжескомъ дворцовомъ хозяйствѣ, боярская дума одновременно пріобрѣтала характеръ органа «вотчиннаго» суда и управленія, т.-е. совѣта дворцовыхъ приказчиковъ князя [2]), которые являлись въ то же время и носителями публично-правовыхъ полномочій, поскольку вообще въ тѣ времена частное и публичное право были тѣсно связаны между собой и личные слуги князей и вотчинниковъ выступали въ роли «государственныхъ» чиновниковъ [3]). Естественно, что при такихъ условіяхъ компетенція этого суда слагалась изъ дѣлъ *вотчинныхъ*, (поземельные споры, дѣла о холопствѣ и т. п.), съ одной стороны, и дѣлъ *кормовыхъ* (распредѣленіе намѣстничествъ и мѣстническіе споры, связанные со службой)—съ другой. Являясь типичной представительницей феодальной привилегированной юрисдикціи, боярская дума, очевидно, столь же мало могла считаться органомъ высшаго государственнаго суда, какъ и судъ намѣстниковъ и волостелей—органомъ суда областного. При отсутствіи какой бы то ни было іерархической зависимости между разнаго рода «присудами» удѣльной эпохи, а также и при отсутствіи института апелляціи [4])—боярская дума являлась тогда спеціальнымъ видомъ суда, стоящимъ на ряду съ судомъ намѣстничьимъ и вотчиннымъ. Намъ уже приходилось указывать, что намѣстникъ первоначально всецѣло замѣнялъ въ своемъ округѣ самого князя. Въ томъ же смыслѣ онъ долженъ былъ исключать и всякое вмѣшательство боярской думы. Въ свою очередь и эта послѣдняя въ своей сферѣ исключала намѣстника, поскольку его власти не подлежали дѣла спеціальной боярской

---

[1]) Ср. A. Luchaire. Manuel des institutions françaises. (Paris, 1892), pp. 491—2, 556—8.

[2]) *В. Ключевскій*, Боярская дума, стр. 121, 127, 137.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что и многочисленный штатъ помощниковъ намѣстника, тіуновъ, доводчиковъ и т. д., состоялъ также изъ его личныхъ слугъ и дворовой челяди, а вовсе не былъ назначаемъ княземъ.

[4]) Если въ отдѣльныхъ случаяхъ и возможны были жалобы мѣстнаго населенія на того или иного намѣстника, то обстоятельство это нисколько не измѣняло общаго положенія вещей и ни о какой апелляціи здѣсь еще не могло быть и рѣчи». *Б. Чичеринъ*, op. cit., стр. 13.

юрисдикціи и онъ не смѣлъ «вступаться» ни въ «людей», ни въ «земли» лицъ, обладавшихъ «бѣлымъ» правомъ. Лишь только тогда и въ тѣхъ случаяхъ, когда впослѣдствіи къ намѣстникамъ сталъ переходить также и «судъ боярскій», между ними и думой въ московскомъ государствѣ начали складываться иныя отношенія на почвѣ новыхъ государственныхъ порядковъ [1]).

Такимъ образомъ феодальный, вотчинный принципъ цѣликомъ проникалъ всю судебную организацію удѣльной Руси, превративъ судебную власть въ хозяйственную принадлежность помѣстья-государства. Конечно, судъ отъ этого не переставалъ быть судомъ, потребность правовой охраны не могла совершенно исчезнуть среди средневѣковаго «хаоса», но все же государственная природа суда была глубоко извращена. Причиной подобнаго явленія было отмѣченное нами выше проникновеніе частнаго матеріальнаго интереса судьи въ сферу правосудія. Благодаря этому судья вмѣсто того, чтобы «взирать въ правду» сталъ усиленно «смотрѣть своего прибытка». Первымъ проводникомъ подобнаго взгляда на юстицію явился древнерусскій князь, затѣмъ постепенно взглядъ этотъ въ практикѣ суда сложился въ цѣлую систему, окончательно восторжествовавшую въ удѣльной Руси. Мы уже знаемъ, что это была знаменитая система *суда-кормленъя*. Внѣдреніе въ судебную практику корыстоваго начала шло медленно, но неуклонно, какъ развитіе хроническаго недуга. Оно сказывалось, съ одной стороны, въ томъ, что судебныя власти стремились расширить сферу примѣненія денежныхъ пеней и всякаго рода поборовъ, связанныхъ съ отправленіемъ правосудія, съ другой—въ томъ, что судьи привыкали торговать правосудіемъ и всячески старались поощрять сутяжничество и ябеду. Князья уже очень рано, поэтому, обнаружили тенденцію и стремленіе къ замѣнѣ чисто уголовныхъ наказаній, напр., мести, потока и разграбленія, уголовными штрафами и имущественными наказаніями. Въ концѣ концовъ при ближайшемъ участіи князей произошла отмѣна кровавой мести и замѣна ея вирой. «Потокъ и разграбленіе», сущность котораго первоначально заключалась въ *истребленіи* цѣлаго рода со всѣмъ его достояніемъ, которое никому не должно было доставаться и сжигалось,—точно также глубоко измѣнилъ свою сущность и превратился въ новый источникъ обогащенія князя: имущество преступника стали конфисковать, «отписывать на государя», а виноватаго обращали въ рабство [2]). Такимъ путемъ, въ концѣ концовъ, всѣ наказанія были переведены на денежный счетъ, такъ что составился своеобразный прейскурантъ цѣнъ, который какъ бы напередъ уже—по остроумному замѣчанію В. Ключевскаго—говорилъ преступнику: «бей, воруй, сколько хочешь, только за все плати исправно по таксѣ» [3]). При подобнаго рода пенитенціарной системѣ, когда уголовные штрафы поступали къ тому же въ пользу самого судьи, совершенно понятно, что судья этотъ, являвшійся одновременно и въ роли адми-

---

[1]) *В. Ключевскій.* Боярская дума, стр. 157—158.

[2]) «Аже разгнѣвается князѣ на своего человѣка... а отнимьть князѣ все, жену и дѣти оу холопство». *Договоръ смолен. князя съ нѣмцами 1229 г.*, ст. 11.

[3]) *Русская исторія*, т. I, стр. 294.

нистратора, былъ особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы въ его «присудѣ» было какъ можно болѣе тяжбъ, преступленій и всякихъ правонарушеній, такъ какъ все это только увеличивало его законный доходъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ судья-кормленщикъ, профессіональный аппетитъ котораго разыгрывался все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ онъ въѣдался въ то или другое дѣло, естественно, склоненъ былъ также подводить подъ понятіе деликта и такіе факты и событія, которыя не заключали въ себѣ ничего преступнаго.

Уставныя грамоты московскихъ князей и царей ретроспективно очень показательно вскрываютъ передъ нами всѣ тѣ уловки и злоупотребленія, къ которымъ прибѣгали намѣстники, вымогая въ свою пользу судные «прибытки». Самое содержаніе этихъ уставныхъ грамотъ въ высокой степени поучительно. Являясь актами, регулирующими мѣстное управленіе и судъ въ цѣляхъ ограниченія и контролированія намѣстниковъ, уставныя грамоты невольно превратились въ *кормовые* наказы, въ которыхъ опредѣлялись единственно размѣры намѣстничьихъ поборовъ: «а мои намѣстници ходятъ по сей по моей грамотѣ» [2]). Каждая статья подобной грамоты только и говоритъ о томъ, сколько за что намѣстникъ можетъ «взять» и въ какихъ случаяхъ онъ не долженъ, «не взять ничего» [3]). Обыкновенно уставная грамота начиналась съ исчисленія натуральныхъ «кормовъ» судьи: «взоѣжжого корму... намѣстникомъ нашимъ на взоѣздъ что кто принесетъ, то имъ взяти», «на Рожество Христово намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ... мяса... хлѣбовъ... овса... сѣна. А на Петровъ день» [4]) и т. д. За указнымъ кормомъ слѣдовало опредѣленіе необходимаго числа доводчиковъ и тіуновъ, которыхъ намѣстникъ имѣлъ право держать при себѣ за счетъ населенія для всякаго рода службъ. Ограниченіе это также имѣло весьма существенное значеніе, такъ какъ намѣстники старались устроить на кормовые хлѣба возможно большее количество своихъ родственниковъ и всякой челяди, чтобы всѣмъ имъ было съ чего быть «сытымъ» [5]) Далѣе

[1]) Насъ не должно удивлять поэтому, что въ періодъ намѣстничьяго управленія въ древней Руси повсюду особенно распространились разбои. Такъ называемая губная реформа XVI ст., передавшая въ руки мѣстнаго населенія судъ надъ «лихими людьми», «вѣдомыми разбойниками», была въ указанномъ смыслѣ прямымъ отвѣтомъ на земскія челобитья, на что имѣются указанія въ самыхъ этихъ грамотахъ: «били естся намъ челомъ о томъ (читаемъ мы, напр.. въ грам. 1539 г.), что у васъ въ тѣхъ вашихъ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, и животы ваши грабятъ, и села и деревни жгутъ, а на дорогахъ многихъ людей грабятъ: разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти». Въ результатѣ намѣстники оказались отстраненными отъ «разбойныхъ» дѣлъ и дѣло это было возложено «на души» самого населенія.

[2]) *Акты Арх. Эк.*, т. I, № 13.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibid., № 123, стр. 92; № 143, стр. 114. и др.

[5]) Обыкновенно вся эта прожорливая стая властей цѣлой ватагой переѣзжала съ мѣста на мѣсто по «дѣламъ службы», пользуясь при этомъ возможностью покормиться за счетъ населенія и не торопясь съ окончаніемъ дѣла. На этотъ случай мы находимъ весьма колоритную статью въ текстѣ уставныхъ грамотъ: «а доводчику ѣздити по стану безъ паробка и безъ простые лошади, *своего дѣля прибытка*... а гдѣ доводчикъ ночуетъ, туто ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, туто ему не ночевати». *Акты Арх. Эк.*, т. I, № 123, стр. 93.

слѣдовалъ точный перечень указаній размѣра виръ, продажъ, явочныхъ и судныхъ пошлинъ и т. п. сборовъ. И здѣсь-то обыкновенно, попутно, мы находимъ цѣлый рядъ «разъясненій», которыя вскрываютъ передъ нами характерныя черты кормленной юстиціи. Намѣстникъ, какъ говорится, готовъ былъ тогда «драть съ живого и съ мертваго», предъявляя при всякомъ случаѣ свое неизмѣнное требованіе на счетъ тѣхъ или иныхъ платежей. «Учинится бой въ пиру» и стороны помирятся тутъ же на мѣстѣ, намѣстникъ уже требуетъ себѣ «куницу шерстью», либо «гривну» [1]); подбросятъ ли кому-нибудь на дворъ чужую вещь или просто «найдутъ что во дворѣ, или въ пустой хороминѣ», намѣстникъ спѣшитъ объявить домохозяина воромъ по «поличному» и вновь требуетъ уплату штрафа [2]); найдутъ ли гдѣ мертвое тѣло, человѣка погибшаго «напрасной» (случайной) смертью, намѣстникъ тутъ какъ тутъ и снова вымогаетъ уплату виры, какъ за «душегубство» [3]); кончатъ ли какое дѣло стороны мировой сдѣлкой, намѣстникъ и тутъ не упуститъ случая, чтобы не потребовать «самосуда» въ свою пользу въ размѣрѣ 4-хъ или 2-хъ рублеваго штрафа [4]) и т. д. Уставныя грамоты, пресѣкая всѣ эти злоупотребленія или, лучше сказать, платонически воспрещая ихъ, даютъ намъ однако полную возможность судить о томъ, къ какимъ безцеремоннымъ пріемамъ прибѣгали тогда хищники-судьи, эти «лакомыя скотины», говоря языкомъ Петра В., которые своимъ «безстудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются». Будемъ ли мы послѣ всего этого удивляться тому что отъ подобнаго правосудія стономъ стонало населеніе, отданное въ буквальномъ смыслѣ слова «въ кормъ», т.-е. на съѣденіе, намѣстникамъ и волостелямъ. До какого, дѣйствительно, вопіющаго положенія эти безотвѣтственные судьи довели, въ концѣ концовъ, русскую землю, это особенно хорошо видно изъ тѣхъ уставныхъ грамотъ XVI ст., которыми, въ отвѣтъ на челобитья земскихъ людей, окончательно ликвидировалось намѣстничье управленіе и судъ. Само правительство московскихъ царей должно было признать въ этихъ грамотахъ полную справедливость жалобъ несчастнаго беззащитнаго населенія. «Что напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ, и князей, и дѣтей боярскихъ (читаемъ мы обычно въ этихъ грамотахъ), города и волости давали имъ въ кормленья, и намъ отъ крестьянъ челобитья великіе, и докука безпрестанная, что намѣстники наши, и волостели... сверхъ нашего жалованья указу чинятъ

---

[1]) *Акты Арх. Экс.*, т. I, № 13. «А учинится бой въ пиру... и намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего».

[2]) Поэтому въ уставныхъ грамотахъ приходилос ьустанавливать такое юридическое понятіе *поличнаго*: «а поличное то, что выймутъ изъ клѣти изъ-за замка... а не за замкомъ, ино то не поличное». Ibid. № 123.

[3]) И по этому поводу мы находимъ соотвѣтствующее разъясненіе въ уставныхъ грамотахъ: «а кого у нихъ въ лѣсѣ дерево заразитъ, или съ дерева убіется, или звѣрь съѣстъ, или кто въ воду утонетъ, или кого возомъ сотретъ, или кто отъ своихъ рукъ потеряется, *а обыщутъ безъ хитрости*, ино въ томъ вины и продажи нѣтъ», ibidem.

[4]) Уставныя грамоты даютъ ограничительное толкованіе «самосуда»: «а самосудъ то, кто поймаетъ татя съ поличнымъ да отпуститъ его прочь... а опричь того самосуда нѣтъ», ibid.

имъ продажи и убытки великіе. А отъ намѣстниковъ и отъ волостелей... намъ докука и челобитья многіе, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даютца, и кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ. И въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы были великіе, да отъ того на посадехъ многіе крестьянскіе дворы и въ уѣздехъ деревни и дворы позапустѣли, и наши дани и оброки сходятца не сполна» [1]). Эта замѣчательная картина народнаго разоренья подъ вліяніемъ судовъ и управы кормленщиковъ говоритъ сама за себя! И мы не рѣшимся поэтому упрекнуть въ тенденціозности или преувеличеніяхъ того псковскаго лѣтописца, который въ немногихъ, но выразительныхъ словахъ охарактеризовалъ для своего времени эту вопіющую «неправду московскую»: «и у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо, а кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая въ нихъ» [2]).

Но «кривда» эта, помимо отмѣченной выше казуистики, столь грубо и цинично толковавшей такія правовыя понятія, какъ «душегубство», «поличное», «самосудъ», подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ усугублялась еще болѣе «неправеднымъ мздоимствомъ», лихоимствомъ и особенно «посулами», которые изъ законно выговореннаго сначала вознагражденія за трудъ судьи превратились затѣмъ въ прямой подкупъ его или во взятки [3]). При такихъ условіяхъ *неправосудіе* въ практикѣ удѣльныхъ судовъ должно было развиваться совершенно свободно, безъ какихъ-либо реальныхъ сдержекъ. И дѣйствительно, жалобы со стороны населенія на то, что судьи судятъ ихъ «не по суду и чинятъ продажи великія», а со стороны самихъ судей на то, что «люди имъ подъ судъ не даются»—лучше всего указываютъ на полное разложеніе суда въ ту эпоху. Но иначе, разумѣется, и быть не могло. Единоличный «жалованный» или «приказный» судъ удѣльныхъ вѣковъ, превратившійся въ частную собственность [4]) или временное дер-

---

[1]) *С. Шумаковъ.* Губныя и земскія грамоты московскаго государства (М. 1895 г.), стр. 110. Интересно отмѣтить, что въ уставной важской грамотѣ (1552) намѣстники въ дѣлѣ разоренія населенія поставлены рядомъ съ разбойниками: «что намъ били челомъ, а сказывали (читаемъ въ началѣ грамоты), что де у нихъ... на посадѣхъ многіе дворы, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ нашихъ... *намѣстниковъ*, и отъ ихъ тіуновъ... и отъ *лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ и отъ костарей*... и крестьяне де у нихъ отъ того *насильства и продажъ* и *тяжебъ* съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ». *Акты Арх. Эк.*, т. I, № 234.

[2]) *Полн. собр. лѣтописей*, т. IV, стр. 287.

[3]) *Губная московская запись 1486 г.*, (Акты Арх. Эк., т. I, № 115).

[4]) Что судъ тогда являлся въ рукахъ вотчинника предметомъ частнаго обладанія, его собственностью, это особенно ясно видно изъ одного процесса XV в., въ которомъ, съ одной стороны, «тягался (бояринъ) Левъ Ивановичъ, и за свою невѣстку, и за своего брата», а съ другой—«Игнатій старецъ Кирилова монастыря». «Такъ рекъ Левъ: жалоба намъ, господине, на игумена... и на его братью: отнимаютъ, господине, у насъ отъ суда да отъ дани въ нашей вотчинѣ, въ Кистемѣ, деревню М.; а та деревня изъ старины тянетъ судомъ къ намъ». *Федотовъ-Чеховскій.* Акты граждан. расправы, т. I, стр. 1. Ср. *Б. Чичеринъ*, op. cit., стр. 17, 13, 25.

жаніе на началахъ кормленія («исполу») [1]), долженъ былъ необходимо выродиться въ *систему организованнаго хищенія*. По существу фактъ этотъ имѣлъ своимъ основаніемъ не столько злую волю самихъ судей, сколько самыя условія организаціи судебной власти. Пороки феодальной юстиціи гнѣздились не въ кормленщикахъ, а въ самой *системѣ кормленія*, которая въ конечномъ счетѣ должна была отразиться самымъ пагубнымъ образомъ и на всемъ судебномъ персоналѣ, а черезъ него и на правосудіи. «Кормы» и «посулы» законные такъ тѣсно сливались при этой системѣ съ «доброхотными» приношеніями, вымогательствомъ и прямымъ подкупомъ, что рука дающаго и рука берущаго перестали ихъ различать. Поэтому не могли возымѣть надлежащаго дѣйствія и всѣ «уставныя» попытки исправленія и ограниченія вопіющихъ злоупотребленій, вкоренившихся въ судъ кормленщиковъ, разъ продолжала оставаться въ силѣ самая система, создавшая прочную *традицію продажнаго суда*. Конечно, дѣлу не могла помочь въ данномъ случаѣ также и та мѣра, введенная уставными грамотами, согласно которой князья пытались противопоставить произволу кормленщиковъ контроль полномочныхъ *выборныхъ земскихъ властей*. Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ самыхъ грамотахъ, которыми, какъ мы видѣли выше, опредѣлялись размѣры кормовъ и предѣлы компетенціи намѣстниковъ, мы находимъ обычно (не ранѣе XV в. впрочемъ) также и статью, категорически гласящую: «а намѣстникамъ нашимъ и ихъ тіуномъ *безъ соцковъ и безъ добрыхъ людей* не судити судъ». [2]) Въ лицѣ этихъ «добрыхъ» или «лутчихъ» людей, мы вновь встрѣчаемъ въ удѣльной Руси уже извѣстныхъ намъ изъ предшествующаго періода тѣхъ самыхъ «мужей» и выборныхъ представителей древне-русской общины, которые издревле «мужевали» то въ качествѣ судей своей верви (centena), то въ роли послуховъ и т. д. [3]). Этотъ типичный общинный укладъ не исчезъ и въ сѣверо-восточной Руси. Болѣе того, только теперь впервые, собственно говоря, благодаря богатству актоваго матеріала, мы получаемъ возможность заглянуть во внутреннюю жизнь этого древне-русскаго «міра». И чѣмъ далѣе, тѣмъ наши свѣдѣнія будутъ все болѣе возростать по мѣрѣ того, какъ слагающееся на развалинахъ удѣльной Руси московское централизованное государство все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе начнетъ привлекать на службу своимъ интересамъ исконные, образовавшіеся еще на зарѣ исторіи, общинные міры съ ихъ готовой и традиціонной организаціей, гдѣ «добрые мужи» всегда играли такую видную роль [4]). Вынужденное опредѣлить свои отношенія къ *земщинѣ*,

[1]) Судъ и управленіе тогда дѣйствительно отдавались намѣстникамъ на прахъ аренды, такъ же какъ и земли крестьянамъ, *исполу*, т.-е. за половину урожая. «А кто моихъ бояръ иметъ *служити* у моее княгини, а *волости имуть вѣдати*, даютъ княгинѣ моей *прибытка половину*», т.-е. половину своего судно-административнаго «урожая». *Собр. госуд. гр. и дог.*, т. I, № 24.

[2]) *Акты Арх. Эк.*, т. I, № 123. «И безъ лутчихъ людей... суда не судити никакова» (ibid., № 150).

[3]) Отсюда и техническое выраженіе «быть въ мужѣхъ»: «а язъ, господине, на томъ судѣ былъ въ мужѣхъ». *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 269.

[4]) *См. М. Богословскій.* Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в., т. I, стр. 192—199 и др. *Ср. Н. Рожковъ.* Просхожденіе самодержавія въ Россіи (М. 1906), стр. 70 и 71.

а главное, ввести ее въ общую систему новыхъ государственныхъ отношеній, московское правительство должно было удѣлить такъ или иначе особое *вниманіе вопросу* о *мѣстномъ судѣ* и управленіи. Вотъ почему вмѣсто туманныхъ и неясныхъ намековъ нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ права, въ удѣльномъ и особенно московскомъ періодѣ мы получаемъ возможность ближе подойти къ этому, такъ долго остававшемуся скрытымъ отъ насъ, изстаринному укладу народной жизни. Впервые князьямъ пришлось обратить свое особое вниманіе на этотъ укладъ именно по поводу борьбы съ произволомъ и хищничествомъ кормленщиковъ, которые грозили въ конецъ разорить княжеское хозяйство, такъ какъ цѣлыя деревни начали «пустѣть» и разбѣгаться отъ насилій намѣстниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «дани и оброки» княжескіе стали поступать или «сходить несполна». Князья и ухватились при такихъ условіяхъ за первое подходящее средство, попытавшись возстановить подавленный, но все еще живой, общинный міръ древней Руси [1]). Реставрація былого *вліянія* «добрыхъ» «судныхъ мужей» и земскихъ выборныхъ властей была самымъ простымъ и естественнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія: она не вводила ничего новаго, но ничего и не разрушала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ничего не стоила князю. Въ отвѣтъ на земскія челобитья, князья не нашли ничего иного, какъ офиціально *подтвердить* исконное право общиннаго міра «стеречи», въ лицѣ своихъ добрыхъ мужей, «правду» на судѣ и въ общественной жизни. Дѣло шло въ настоящемъ случаѣ, именно, о подтвержденіи и поднятіи авторитета и значенія стариннаго института народнаго права, который не исчезъ вовсе, но былъ только принижень и задавленъ силою владѣльческаго элемента, поскольку въ удѣльномъ періодѣ княжевщина, боярщина и монастырщина налегли всею своею тяжестью на общину, которая изъ «вольной» превратилась во владѣльческую, крѣпостную, кормленную [2]). Но означенный процессъ, въ результатѣ коего надъ древнимъ земскимъ міромъ образовалась феодальная надстройка въ лицѣ владѣтельныхъ классовъ, только временно могъ заслонить отъ пытливаго взгляда историка соціальные

---

[1]) Этотъ «міръ» со своими волостными сходами, земской казной («столецъ»), своими выборными властями, «старостами» и «сотскими», можетъ быть возстановленъ въ настоящій моментъ съ достаточной полнотой въ своихъ характерныхъ чертахъ самоуправляющейся общинной организаціи. Представители этого общиннаго міра выступаютъ передъ нами почти въ каждомъ поземельномъ процессѣ удѣльной эпохи, гдѣ мы находимъ постоянныя упоминанія о «старостѣ со крестьяны», представляющемъ юридическую личность сельской общины въ ея внѣшнихъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ феодальными владѣльцами удѣльной эпохи. См. *Павловъ-Сильванскій.* Феодализмъ въ удѣльной Руси (СПБ. 1910), стр. 16—24, 36 и сл., особенно *М. Богословскій*, Земское самоуправленіе, т. I и II.

[2]) Характерный процессъ «окняженія», «обояренія» и «омонастыренья» земель, совершавшійся какъ путемъ *огораживанья* черныхъ земель, такъ и путемъ *пожалованья* ихъ въ помѣстья, вотчины и на иномъ правѣ, ярко запечатлѣлся въ нашихъ источникахъ. «А тотъ, господине, Иванъ пооралъ моего сельца полосу и межи, господине, сoралъ и въ поле къ собѣ пригородилъ», слышимъ мы обычныя жалобы на судѣ удѣльной эпохи. *Акты юридич.* № 7, 8 и др. Въ поземельныхъ актахъ этого времени мы постоянно встрѣчаемъ оговорки: «а не окняжити ми тоѣ земли», «не окняжити, ни обоярити, ни омонастырити». *Акты юрид. быта*, т. I. № 118, VIII, IX, X и др.

низы удѣльнаго общества съ ихъ исконнымъ бытомъ. «На основаніи послѣдующихъ временъ»—повторимъ мы слова М. Горчакова—«можно съ увѣренностью сказать, что вотчинная власть не только не уничтожала общиннаго строя селъ, но поддерживала его, принаровляя свои интересы къ быту общины» [1]) и интересы этой послѣдней, добавимъ мы, къ своимъ собственнымъ. Конечно положеніе сторонъ въ указанныхъ условіяхъ было далеко не равное. Община во всякомъ случаѣ попала въ подчиненное положеніе къ вотчиннымъ властямъ и, если въ сферѣ чисто хозяйственныхъ отношеній она еще сохраняла извѣстную долю автономіи, то, напротивъ, въ области отношеній публично-правовыхъ или властныхъ она должна была склониться передъ силою или даже простымъ насиліемъ владѣтельныхъ судей-правителей. И если «добрые мужи» и «соцкіе», какъ таковые, никѣмъ не были упразднены и не сходили со сцены исторической жизни, то все же они настолько утратили свое фактическое вліяніе въ судѣ, что въ этомъ своемъ качествѣ временно какъ бы совсѣмъ скрылись изъ глазъ исторіи. «Сильная рука», высокое положеніе неограниченнаго государя-судьи, намѣстника или иного приказчика, должна была вырвать всякую почву изъ-подъ ногъ судныхъ мужей по пословицѣ: «съ сильнымъ не борись!» Поэтому только приказъ князя могъ при извѣстныхъ условіяхъ поднять упавшій авторитетъ земскихъ судныхъ засѣдателей. Но и этотъ приказъ въ большинствѣ случаевъ, если не было на то доброй воли самого кормленщика, оставался—конечно—мертвой уставной буквой, такъ какъ до князя было «далеко», и онъ былъ окруженъ плотной стѣной все тѣхъ же бояръ, кандидатовъ въ намѣстники и волостели, а эти послѣдніе рисковали въ худшемъ случаѣ развѣ только потерей самаго кормленія, не неся никакого опредѣленнаго наказанія. Не удивительно поэтому, что палліативная мѣра, стремившаяся поднять престижъ земскихъ властей за счетъ княжихъ судей, не принесла никакихъ осязательныхъ результатовъ, и хищенія намѣстниковъ, какъ и разбои «вѣдомыхъ лихихъ людей», къ которымъ населеніе давно уже причислило и кормленщиковъ, не только не ослабѣвали, но прогрессивно возростали. Мы не должны поэтому переоцѣнивать вліянія народнаго элемента въ судахъ удѣльнаго времени. Уставная норма въ дѣйствительности говорила не столько въ пользу «добрыхъ мужей», сколько противъ намѣстничьяго суда, симптоматически и по совокупности еще разъ подчеркивая его отрицательныя стороны. А этотъ судъ, въ самомъ дѣлѣ, становился соціальной опасностью.

Совершенно естественно, что сообразно съ указанной перемѣной въ характерѣ организаціи судной власти, должны были теперь соотвѣтственно измѣниться какъ самый духъ процесса, такъ роль судьи и сторонъ на судѣ, такъ и сила и способы доказательствъ. Процессъ, прежде всего, утратилъ свой литургическій, торжественный характеръ и въ этомъ смыслѣ сталъ проще. Но вмѣстѣ съ ослабленіемъ довѣрія къ прежнимъ способамъ доказательства, понизилось и общее довѣріе къ установленному суду, такъ что стороны скорѣе предпочитали кончать дѣло внѣсудебнымъ соглашеніемъ, «мировой», или третейскимъ разбирательствомъ, чѣмъ об-

[1]) *М. Горчаковъ*, op. cit., стр. 208—209.

ращаться къ г.г. намѣстникамъ и прочимъ «приказнымъ» судьямъ. Это широко распространенное явленіе *уклоненія* отъ «офиціальнаго» суда, суда кормленнаго, должно быть отмѣчено, какъ яркій фактъ эпохи. Въ источникахъ мы неоднократно встрѣчаемъ теперь всякаго рода «полюбовныя» записи, въ которыхъ стороны заявляютъ, что онѣ «не ставя судей да помирились», «не тягався передъ судьею да обыскали есма (сами) старыя межи», «спорили есмы о землѣ... и собѣ положили по любви», «полюбили себѣ обои истцы третіихъ», «помирились... не ходя на судъ», «не ѣздя къ докладу» [1]). Истинный смыслъ подобныхъ декларацій во многихъ случаяхъ находитъ свое подтвержденіе въ тѣхъ жалобахъ, съ которыми—по свидѣтельству уставныхъ грамотъ—намѣстники, въ свою очередь, обращались къ князьямъ, указывая, что люди волостные и посадскіе «подъ судъ имъ не даются». Мы уже видѣли, что это обстоятельство объяснялось не только дороговизной суда [2]), но и тѣмъ положеніемъ, какое занялъ теперь судья въ процессѣ, гдѣ онъ самъ явился одной изъ «сторонъ». Прежнее пассивное, созерцательное положеніе судьи смѣнилось при новой обстановкѣ не только активнымъ, но мы сказали бы даже,и *агрессивнымъ* его вмѣшательствомъ въ судъ и слѣдствіе. Если по формѣ своей «судъ» продолжалъ въ общемъ сохранять свой прежній «исковой» характеръ и попрежнему сочеталъ съ нимъ слѣдственныя начала, не теряя окончательно своихъ связей съ общественнымъ интересомъ, то замѣтный ростъ власти судьи успѣлъ уже наложить свою печать на всю процедуру отправленія правосудія. Процессъ судоговоренія не только теперь превращался иногда въ *допросъ* сторонъ, но судья обнаруживалъ очевидное стремленіе возбуждать дѣла по своей собственной иниціативѣ, «своего прибытка дѣля», говоря языкомъ того времени. Мы уже видѣли, что какъ мертвое тѣло, такъ и драки на пиру, какъ мировыя сдѣлки, такъ и выимка чужой вещи у кого-либо на дворѣ или въ домѣ—всѣ эти обстоятельства давали *поводъ* судьѣ-кормленщику вмѣшиваться въ тѣ или иныя событія и настойчиво «обыскивать», въ большинствѣ случаевъ не «безъ хитрости», подобнаго рода случаи нарушенія земскаго мира. Мотивомъ такого вмѣшательства былъ, конечно, вовсе не общественный интересъ, а боязнь судьи упустить законный «прибытокъ», страхъ быть обойденнымъ въ порядкѣ частнаго «самосуда» въ своихъ матеріальныхъ интересахъ. Будучи непосредственно и лично заинтересованъ въ исходѣ самаго процесса, судья волей-неволей привыкалъ принимать все болѣе и болѣе активное участіе въ перипетіяхъ суднаго состязанія. Его субъективному чувству и произволу открывался тѣмъ болѣе широкій возможный просторъ, что судебный споръ сторонъ въ настоящемъ періодѣ въ значительной мѣрѣ освободился уже отъ тѣхъ строгихъ ритуальныхъ формъ,

---

[1]) *Акты юридич.* №№ 146, 149, 154, 269, 270, 271, 272. *Доп. Акт. Истор.*, № 51, V и VI.

[2]) Помимо всякихъ поборовъ судья первоначально получалъ въ дѣлахъ имущественнаго интереса отъ каждаго дѣла столько же, сколько и выигравшая сторона, т.-е. такъ назыв. «*противенъ* противъ исцова»; впослѣдствіи судныя пошлины въ подобныхъ случаяхъ взимались въ его пользу уже въ половинномъ размѣрѣ, «противенъ вполы истцова». *Ѳ. Дмитріевъ*, op. cit., стр. 271.

которыя прежде связывали безусловной символикой процессуальныхъ дѣйствій какъ стороны, такъ и судей. Сакраментальный абсолютизмъ и абсолютный формализмъ процесса древнѣйшихъ вѣковъ теперь уже отошли въ прошлое. Люди стали практичнѣе, и съ распадомъ началъ общественной солидарности стали смотрѣть другъ на друга, какъ враги, не довѣряя другъ другу ни въ чемъ, пуская въ ходъ одинъ противъ другого всяческія «хитрости», ложь, обманъ. Апелляція къ человѣческой совѣсти уже утратила свою прежнюю силу. Всѣ эти обстоятельства должны были роковымъ образомъ отразиться прежде всего на системѣ доказательствъ и на той ихъ группѣ, которая извѣстна намъ подъ именемъ «судовъ Божіихъ».

Наиболѣе примитивныя и, такъ сказать, прямолинейныя изъ нихъ исчезаютъ теперь окончательно. Такова оказалась въ первую очередь судьба ордалій, испытаній желѣзомъ и водою. Ихъ судьбу, по крайней мѣрѣ для даннаго періода, раздѣлилъ и жребій, вышедшій совершенно изъ употребленія въ качествѣ самостоятельнаго доказательства. Гораздо живучѣе, однако, оказалось «поле», судебный поединокъ, примѣненіе котораго продолжается въ достаточно широкихъ размѣрахъ [1]). Впрочемъ въ «полевой» практикѣ удѣльнаго времени пробивается уже и вполнѣ опредѣленная ограничительная тенденція, которая отводитъ этому способу доказательства мѣсто процессуальной ultimae rationis.

Обращеніе къ «полю» допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности *иначе* разрѣшить тяжбу. Альтернатива «трехъ» или «двухъ воль», какъ и право непосредственнаго обращенія къ полю по иниціативѣ сторонъ теперь отпадаетъ. Устанавливается извѣстная скала доказательствъ въ порядкѣ убывающаго къ нимъ довѣрія: поле занимаетъ среди нихъ *послѣднее* мѣсто. Первое мѣсто принадлежитъ теперь грамотамъ и вообще письменнымъ актамъ, далѣе слѣдуютъ свидѣтели, за ними присяга и наконецъ поле. Его «присужаютъ» лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ ни «грамотъ», ни безспорныхъ «свидѣтелей», или вызванные свидѣтели «порознятъ» между собою, или же, наконецъ, представленныя сторонами доказательства окажутся равносильными («зайдутъ грамоты за грамоты»). Поле, какъ самостоятельный способъ доказательства безъ какого-либо иного «довода», не можетъ уже болѣе быть заявлено на судѣ. Поэтому напр.,въ одномъ судномъ дѣлѣ начала XVI ст.судъ отказалъ истцу въ его претензіи, такъ какъ самъ истецъ заявилъ, что у него «*опричь*... *поля* на Игната на Авдѣева и на его товарищовъ доводу нѣтъ никакого» [2]). Однако, привычка просить прямо поля даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда есть возможность выставить, напр., «знахарей», съ несомнѣнностью доказываетъ, какъ глубоко еще былъ вкоренень обычай свободы выбора доказательствъ среди массы населенія [3]). Первоначально, когда весь процессъ, по существу,

---

[1]) Поле, попрежнему, примѣняется и «въ заемномъ дѣлѣ», и «въ бою», и «въ пожегѣ», и «въ душегубствѣ» и въ земельныхъ тяжбахъ. См. *Судебникъ 1497 г.*, стт. 6, 7.

[2]) *Акты юридич.*, № 17, стр. 34 и 36.

[3]) *Акты юридич.*, № 15. «И судьи вопросили Ѳедька,—читаемъ мы въ одномъ судномъ спискѣ 1510 г.,—и его товарищовъ: кому то вѣдомо, что съ вами тотъ Ефимъ

зпждился на институтѣ «суда Божія» и всѣ доказательства носили абсолютный характеръ, примѣненіе того или иного способа обращенія къ божеству было довольно безразлично и потому сторонамъ предоставлялась значительная свобода въ указанномъ отношеніи. Съ ослабленіемъ доказательной силы «судовъ Божьихъ» должно было измѣниться и отношеніе къ нимъ какъ со стороны суда, такъ и самихъ истцевъ. Поэтому судъ сталъ отказывать въ требованіяхъ поля, разъ налицо была возможность замѣнить его свидѣтельствомъ или какимъ-нибудь инымъ путемъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны въ процессѣ уже успѣли досудиться до поля и на вопросъ судьи, обращенный къ каждой изъ нихъ: «лѣзешь ли на поле биться?», дали ему категорическій отвѣтъ въ стереотипныхъ словахъ—«лѣзу, господине, на поле биться»—самого поединка все-таки могло и не послѣдовать [1]). Судья могъ вмѣсто поля присудить крестное «цѣлованье», предпочитая такимъ образомъ апеллировать не къ *силѣ*, а къ *совѣсти* сторонъ, тѣмъ болѣе, что полю все равно всегда предшествовала очистительная присяга.

Недовѣріе и отрицательное отношеніе къ судебному поединку должно было возрастать еще болѣе подъ вліяніемъ церковной проповѣди, которая въ свою очередь подрывала вѣру въ сакраментальный характеръ вооруженнаго «суда Божія». Уже въ посланіи къ новгородскому духовенству митрополитъ Фотій въ 1410 году предписалъ священнослужителямъ, чтобъ они не причащали бойцовъ, идущихъ на поле, и не хоронили убитыхъ [2]). Это отлученіе «польщиковъ» должно быть отмѣчено, какъ одно изъ условій, которое также не могло остаться безъ вліянія на судьбу процессуальнаго поединка.

Что касается *присяги*, то и ей не удалось избѣжать той же участи. Довѣріе къ крестному цѣлованію, конечно, должно было ослабѣвать вмѣстѣ съ общимъ упадкомъ довѣрія къ «судамъ Божьимъ». Въ источникахъ все чаще поэтому начинаютъ встрѣчаться указанія, что люди въ судахъ «на кривѣ» или «на лжи» крестъ цѣлуютъ и такимъ путемъ души свои губятъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно посланіе того же митр. Фотія къ псковичамъ (1427 г.), въ которомъ онъ даетъ разъясненія своей паствѣ по поводу «ростниковъ», которые «крестъ цѣлуютъ накривѣ» [3]).

езъ билъ и рыбу съ вами ловилъ? И Ѳедко тако реклъ: вѣдомо, господине, людемъ добрымъ волостнымъ, а на нихъ ся, господине, не шлемъ; а дайте, господине, намъ съ Еѳимомъ Божью правду, цѣловавъ, господине, крестъ животворящей да лѣземъ, господине, съ нимъ на поле биться».

[1]) *Ѳедотовъ-Чеховской*, op. cit., № 5, 8, 14, 16, 20 и др.

[2]) *Акты Арх. Эк.*, т. I, № 369, стр. 462.

[3]) *Акты историч.*, т. I, № 34, стр. 66. Любопытную оцѣнку поля и крестнаго цѣлованія въ практикѣ намѣстничьяго суда мы находимъ въ «челобитныхъ» и амфлетахъ Ивашки Пересветова: «даетъ (царь) городы і волости держати вельможамъ, і вельмож от слезъ и отъ крови роду христіанскаго богатѣютъ не чисты съ собранiемъ, і какъ съѣдутъ с кормленей з' городов и с волостей, і во обидахъ присужаютъ поля, і в' томъ на обѣ стороны много грѣха сотворяютъ, крестъ цѣлуютъ на виноватѣ *обои истцы і ответчики*: одинъ, приложив, (ко кресту) ищетъ къ своей обидѣ, а другой вси обиды запрется, і в' томъ обои въ гресѣхъ погибаютъ, і в' великую ересь впа-

Однако, если, съ одной стороны, присяга и идетъ на убыль въ качествѣ самостоятельнаго доказательства, то съ другой—поскольку она выдвигалась взамѣнъ «поля», какъ меньшее изъ двухъ золъ,—она вновь находила поддержку въ практикѣ удѣльнаго суда. При этомъ присяга дается обычно не только сторонами, но и свидѣтелями. Впрочемъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда есть возможность выбора, присяга уступаетъ мѣсто свидѣтельскимъ показаніямъ: «а не будетъ у него свидѣтеля, ино ему правда дати» [1]), т.-е. рѣшить дѣло присягою.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ упадка «судовъ Божьихъ», возрастало особенно замѣтно значеніе и роль *свидѣтелей* на судѣ. Но и въ развитіи этого института, по существу, мы можемъ отмѣтить ту же основную тенденцію, т.-е. окончательный упадокъ *безусловнаго* свидѣтельства, т.-е. «послушества», и соотвѣтствующій ростъ свидѣтельства обыкновеннаго. Правда, историческая связь между «послушествомъ» удѣльной эпохи и его древнѣйшею формою сохраняется еще и теперь въ видѣ нѣкоторыхъ переживаній, но основная идея послушества уже затерялась въ правосознаніи народа и практикѣ суда удѣльной Руси. Однако, если безусловное довѣріе къ «гласу народа» и было рѣшительно подорвано и въ качественномъ отношеніи институтъ свидѣтельства былъ значительно обезцѣненъ, то въ количественномъ отношеніи, напротивъ, свидѣтели получили теперь самое широкое примѣненіе на судѣ [2]). Если мы примемъ во вниманіе, что въ изучаемомъ періодѣ поземельные интересы являлись господствующими, а поземельные споры положительно доминировали въ судахъ [3]), а также учтемъ и тотъ фактъ, что въ процессѣ колонизаціи Суздальской Руси, при свободной заимкѣ незанятыхъ земель, у массы населенія никакихъ актовъ и крѣпостей на ихъ «посилья» и владѣнія не было [4]),—то намъ станетъ понятно, что главная роль при такихъ условіяхъ въ процессѣ должна была выпасть именно на долю свидѣтелей, т.-е. мѣстнаго населенія, «тутошнихъ старожильцовъ», «знахарей», которые помнили за многіе годы, гдѣ, кто, въ какихъ межахъ очертилъ «косой, сохой и топоромъ» предѣлы своей заимки [5]) и при какихъ вообще условіяхъ складывались сосѣдскія

даютъ, і на Бога хулу кладутъ, не крѣпко к естное цѣлованіе держатъ». *В. Ржига.* И. С. Пересвѣтовъ (М. 1905 г.), стр. 361—62. Ср. также *Стоглавъ*, стр. 119, 121. Въ концѣ концовъ самое слово *ротитель* получило значеніе клятвопреступника.

[1]) *Судебникъ 1497 г.*, стр. 47.

[2]) *Д. Мейчикъ.* Грамоты XIV и XV вв., стр. 47—8.

[3]) Ibid., стр. 29.

[4]) Въ такихъ случаяхъ на судѣ крестьяне обычно давали на вопросъ судьи стереотипный отвѣтъ: «крѣпостей, господине, у насъ на тое землю нѣтъ никакихъ... а шлемся, господине, въ томъ на старожильцы». *Акты юрид. быта*, т. I, № 52, VI.

[5]) Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда налицо былъ какой-нибудь письменный актъ (купчая, данная и т. п.), *предѣлы* владѣнія земельнаго участка приходилось устанавливать съ помощью свидѣтелей, «сусѣдей старожильцовъ», такъ какъ въ самомъ актѣ обычно стояла лишь глухая общая фраза насчетъ «сохи, косы и топора»: «менялъ есмь... землями со всѣмъ съ тѣмъ, что потягло къ тому селу, куды плугъ ходилъ, и соха, и топоръ, и коса», «куда моя рука ходила, ворамой земли, въ пожняхъ, и въ лѣсѣ, и въ водахъ, и въ земляхъ». *Акты юр. быта*, № 52, I, *Акты юрид.*, № 409, I.

отношенія той или иной мѣстности въ теченіе тридцати, пятидесяти, восьмидесяти и даже болѣе лѣтъ [1]).

Эти «знахари», «старожильцы», «послухи», «добрые мужи», «сусѣди», или просто «старики», какъ называютъ ихъ наши памятники, то и дѣло появляются на страницахъ судныхъ списковъ, «правыхъ» грамотъ [2]). Они являются на судъ по ссылкѣ на нихъ сторонъ, будучи названы по именамъ, и на обязанности ихъ лежитъ «отвести» спорныя межи «образнымъ хожденіемъ», т.-е. указать судьямъ на мѣстѣ границы спорнаго владѣнія, обойдя ихъ съ иконой или кускомъ дерна на головѣ. Старожильцы такимъ образомъ въ качествѣ представителей мѣстнаго населенія выступали на судѣ не только, какъ простые свидѣтели, но и въ званіи *свѣдущихъ людей*, въ полномъ смыслѣ слова, *знахарей*, знатоковъ дѣла, которымъ отлично извѣстны мірскія и сосѣдскія отношенія. Если въ древнѣйшемъ періодѣ послухи главнымъ образомъ являлись очистниками *личности* тяжущагося, свидѣтелями его добраго имени, то теперь, когда на первомъ планѣ стояли отношенія поземельныя, «знахари», по выраженію грамотъ, «послушествовали» уже о землѣ, передъ которой на этотъ разъ сами тяжущіеся отступали какъ бы на второй планъ. Судьи, обращаясь къ старожильцамъ, обычно задавали имъ одинъ и тотъ же неизмѣнный вопросъ: «скажите, какъ право (передъ Богомъ), за сколько лѣтъ помните, чья то земля изстарины бывала?» [3]) и затѣмъ знахарямъ предлагалось «указать межу», на что послѣдніе и отвѣчали: «поѣди, господине, за нами, мы тебѣ тѣ межи укажемъ» [4]).

Такимъ образомъ старожильцы теперь гораздо менѣе связаны на судѣ со сторонами, чѣмъ прежніе послухи. Судья предлагаетъ имъ общій вопросъ, разсказать то, что имъ было извѣстно по поводу объекта спора, и опредѣлить его въ натурѣ по живымъ урочищамъ. Понятіе «старожильства» въ указанномъ смыслѣ нѣсколько шире простого свидѣтельства, оно легко переходитъ поэтому въ обыскъ, т. е. опросъ «людей добрыхъ волостныхъ», на что и имѣются вполнѣ опредѣленныя свидѣтельства въ нашихъ источникахъ [5]). Этой своей чертой старожильство-знахарство несомнѣнно связывается съ послушествомъ въ его первоначальной конструкціи. Еще очевиднѣе означенная связь проглядываетъ въ обязанности старожильцевъ «лѣзти на поле» и такимъ путемъ поддерживать свою правду и сославшуюся на нихъ сторону. По тѣмъ же основаніямъ отказъ «старцевъ» отъ поля, разногласіе въ ихъ показаніяхъ или отказъ довести отводъ межи до конца,

---

[1]) *Акты юрид.*, №№ 3, 4, 5, 6, 8 и др.: «помнимъ за 50 лѣтъ», «лѣтъ съ полшестадесятъ», «помнимъ за семьдесятъ лѣтъ» и т. д.

[2]) *Акты юрид.* № 5, 6, 8. *Акты юр. быта*, т. I, № 52.

[3]) *Акты юрид.*, № 6, стр. 10, 11.

[4]) *Акты юрид.*, № 8, стр. 16. «И повели,—читаемъ мы въ той же грамотѣ,—отъ рѣки отъ Нолѣ врагомъ мостовымъ вверхъ, промежъ деревень трехъ... а изъ врага на двѣ ели, да на березу, да на осиновый пень изъ одного корени, а отъ ели... путикомъ малымъ на четыре березы» и т. д.

[5]) *Акты юрид.*, № 6, стр. 11. «Тимоѳей, господине, велѣлъ быти у себя людемъ добрымъ волостнымъ... да то, господине, обыскалъ людми добрыми всею волостью».

какъ и неявка на судъ, вели къ безусловной потерѣ процесса для той стороны, которая назвала этихъ «добрыхъ людей» въ судѣ [1]). Однако, поскольку старожильство приблизилось уже къ свидѣтельству, оно стало легко оспоримымъ доказательствомъ. Противъ знахарей возможно было не только выставить другихъ знахарей, но и предъявлять письменные акты, «книги», при чемъ эти послѣднія считались всегда болѣе совершеннымъ доказательствомъ, если только не оказывались «вылганными» или неподлинными документами [2]). Безусловный характеръ знахарство пріобрѣтало лишь въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны одновременно «слались» на одного и того же старожильца или нѣсколькихъ старожильцевъ («общая ссылка»), или когда одинъ изъ тяжущихся соглашался признать для себя обязательнымъ показаніе извѣстнаго знахаря (ссылка изъ виноватыхъ) [3]). Насколько, однако, въ концѣ XV ст. самый смыслъ послушества уже утратилъ въ глазахъ московскихъ князей свое былое значеніе и третировался ими, дѣйствительно, какъ простое свидѣтельство, это лучше всего видно изъ той статьи великокняжескаго «Судебника», которая спеціально трактовала «о посулахъ и послушествѣ». Кодификаторъ очевиднымъ образомъ борется здѣсь, какъ съ злоупотребленіемъ, съ первоначальнымъ представленіемъ о послухахъ, какъ о соприсяжникахъ, знахаряхъ, свѣдущихъ лицахъ. «А велѣти прокликати по торгамъ (говоритъ онъ), на Москвѣ и во всѣхъ городахъ... и по всѣмъ волостямъ заповѣдати, чтобы послухомъ не видѣвъ не послушествовати, а видѣвши сказати правду. А послушествуетъ послухъ лживо, не видѣвъ, а обыщется то опослѣ, ино на томъ послухѣ гибель исцева вся и убытки» [4]). Однако, низводя послушество на степень простого свидѣтельскаго показанія, судебная практика вмѣстѣ съ тѣмъ допускала и вводила его въ формѣ «обыска» или массоваго навѣта, «язычной молки», т. е. въ видѣ свидѣтельства цѣлой общины, которая просто «добрила» или «лиховала» того или иного человѣка, давая общую оцѣнку его личности. Удостовѣреніе опредѣленнаго факта здѣсь играло второстепенную роль. Это «обыскное» начало стало проникать въ процессъ изучаемой эпохи двоякимъ путемъ: съ одной стороны, по иниціативѣ судьи, который начиналъ все болѣе и болѣе энергично вмѣшиваться въ споръ сторонъ и въ дѣло обслѣдованія тѣхъ или иныхъ происшествій съ привлеченіемъ къ допросу «добрыхъ мужей» [5]),—о чемъ уже было говорено выше, съ другой—по почину самого населенія, которое обращало вниманіе власти на вредную или опасную дѣятельность подозри-

---

[1]) *Судебникъ 1497 г.*, ст. 48, 49, 50, 51(52). Такимъ образомъ, Судебникъ, обобщая уцѣлѣвшія нормы о «послушествѣ», къ которому актовый матеріалъ относитъ и знахарство, удерживаетъ всѣ означенныя выше особенности даннаго института.

[2]) *Акты юрид.*, № 3: «а у грамоты у княжѣ Михайловы (представленной въ судъ монастыремъ) печать не княже Михайлова»; № 6: «да вылгалъ себѣ (отвѣтчикъ) у Тимофея ...грамоту льготную» на чужую землю.

[3]) *Акты юридич.*, № 2: «и послались обои исцы на одного старика».

[4]) Ст. 67. И все же *Судебникъ* продолжаетъ отличать послушество отъ свидѣтельства, ср. ст. ст. 46 и 47.

[5]) Ibid., ст. 55. Въ случаѣ торговой несостоятельности, напр., судья прибѣгаетъ къ обыску: «и бояринъ обыскавъ, да велитъ дати... полѣтную грамоту».

тельныхъ или явно уличенныхъ («съ доводомъ») въ чемъ-либо предосудительномъ лицъ [1]). Начатое такъ или иначе изслѣдованіе превращалось въ цѣлое слѣдствіе, при чемъ допросъ могъ перейти въ «опытъ» или пытку для обвиняемаго и въ «повальный обыскъ» для населенія, которое опрашивали «всею волостію» [2]). При этомъ *обыскное начало* распространялось одинаково, какъ на дѣянія уголовнаго характера, такъ и на тяжбы гражданскаго интереса. Такъ въ земельныхъ процессахъ, которые разбирались всегда на мѣстѣ («ставъ» на спорной землѣ), мы видимъ, что розыскное изслѣдованіе подсказывалось самой сложностью дѣла, ради котораго приходилось привлекать мѣстное населеніе, осматривать и провѣрять документы, допрашивать послуховъ и дьяковъ, подписями которыхъ были скрѣплены эти документы и т. д. Инициатива сторонъ встрѣчалась теперь съ инициативой судьи, хотя послѣдней и не слѣдуетъ преувеличивать. Вообще обыскное начало и въ частности повальный обыскъ лишь только намѣтились въ удѣльномъ періодѣ.

Зато особое значеніе и развитіе на ряду со свидѣтелями получили въ практикѣ суда письменные акты. Крайняя неопредѣленность и неясность правъ, при отсутствіи письменныхъ документовъ, съ особенной силой давала себя чувствовать въ удѣльной Руси особенно во вторую половину эпохи, когда борьба за землю и связанныя съ нею весьма существенныя права до крайности обострилась. Земельная тѣснота съ тѣхъ поръ, какъ въ процессѣ колонизаціи все чаще и чаще начали встрѣчаться на межахъ «соха съ сохой», или «коса съ косой», вызвала въ XV ст. настоятельное стремленіе со стороны владѣтельныхъ общественныхъ элементовъ къ болѣе точному и формальному закрѣпленію своихъ пріобрѣтенныхъ правъ, охраняемыхъ до тѣхъ поръ феодальной «пошлиной», неписаннымъ обычнымъ правомъ. Съ этого момента и начинаютъ появляться всякаго рода, по преимуществу *подтвердительныя*, жалованныя грамоты, а равно и акты межевые (отводные, разъѣзжіе) и т. п. Монастыри и бояре спѣшатъ выправить или «выходить» себѣ отъ князя грамоты, которыя бы санкціонировали ихъ права и пріобрѣтенія и такимъ образомъ гарантировали бы ихъ впредь отъ всякихъ сторонніхъ посягательствъ на ихъ воды, земли, суды и дани. Разъ возникнувъ, этотъ процессъ быстро развивается, и письменная форма все шире и шире начинаетъ входить въ дѣловую практику удѣльнаго общества. «Бумага» начинаетъ побивать прочіе виды и формы защиты правъ съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что скоро пріобрѣтаетъ въ судѣ почти непрекаемую силу. Передъ ней отступаютъ разбитые на голову просто-

---

[1]) «А на кого взмолвитъ дѣтей боярскихъ человѣкъ пять или шесть добрыхъ... или черныхъ людей пять-шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ, что онъ тать», *Судебникъ 1497 г.*, ст. 12. «А съ поличнымъ его приведуть впервые, а взмолвятъ на него человѣкъ пять или шесть... что онъ тать вѣдомый» (ст. 13); «а на кого тать взмолвитъ, ино того опытати: будетъ прирочный человѣкъ съ доводомъ, ино его пытати въ татьбѣ; а не будетъ на него прирока съ доводомъ... дати его на поруку до обыску» (ст. 14).

[2]) При *повальномъ обыскѣ* ссылка сторонъ превращалась уже въ огульную, безымянную. Ссылка на знахарей была, напротивъ, какъ бы предложеніемъ частичнаго (именнаго) обыска.

волосые старожильцы. Стоило только какому-нибудь старцу-чернецу заявить на судѣ: «восе, господине, на тѣ земли даная грамота... да жалованая грамота княже М.» или «грамота купчя», какъ всякія ссылки на «добрыхъ людей» теряли подъ собой реальную почву, если, конечно, не была установлена подложность представленныхъ документовъ [1]). Такимъ путемъ грамота пересиливала всякое свидѣтельство, приводя вмѣстѣ съ тѣмъ весьма нерѣдко къ торжеству на судѣ права формальнаго надъ правомъ матеріальнымъ [2]).

Письменныя формы вообще получаютъ съ этого момента все болѣе и болѣе широкое примѣненіе въ дѣлопроизводствѣ суда, что является совершенно понятнымъ, особенно, если мы вспомнимъ, что процессъ тогда былъ одновременно и однимъ изъ способовъ укрѣпленія правъ. При такихъ условіяхъ въ практикѣ суда начинаетъ играть довольно замѣтную роль письмоводство. Появляются такъ называемые судные списки и правыя грамоты, выдававшіяся на руки сторонамъ по ихъ требованію, представлявшіе по своему содержанію не что иное, какъ подробные протоколы всего судопроизводства. Съ ихъ помощью мы можемъ теперь возстановить процессъ удѣльной Руси во всѣхъ его характерныхъ чертахъ, со всѣмъ его бытовымъ драматизмомъ, колоритомъ эпохи и традиціоннымъ ритуаломъ.

Такъ, вмѣстѣ съ «приказнымъ» началомъ и кормовыми принципами въ судопроизводство удѣльнаго періода проникъ теперь элементъ *письменности*. Эта новость имѣла весьма существенное вліяніе на дальнѣйшую судьбу процесса. Благодаря ей мало-по-малу стало подниматься значеніе судной *канцеляріи*, дьяковъ и подьячихъ, которые, въ концѣ концовъ, сдѣлались истинными вершителями дѣлъ въ судахъ. Но вліяніе письменности шло еще дальше. Рядомъ съ приказными писцами вслѣдъ за тѣмъ появилось и особое «сословіе» площадныхъ подьячихъ, а изъ среды этихъ послѣднихъ вскорѣ выдѣлилась и особая группа спеціалистовъ такъ назыв. «подписчиковъ», т.-е. поддѣлывателей чужихъ подписей и всякаго рода документовъ [3]). Та нечистая атмосфера, которая,

---

[1]) Княжескія грамоты и писцовыя книги пользовались, конечно, безусловнымъ авторитетомъ. Частные акты удостовѣрялись обыкновенно допросомъ «мужей», подписавшихъ подобнаго рода документы.

[2]) Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ то юридическое «огораживаніе» земель особенно монастырями, путемъ жалованныхъ грамотъ, которое значительно облегчалось въ тѣ времена отсутствіемъ у крестьянскаго тяглаго населенія какихъ-либо грамотъ на ихъ земли и угодья. Такъ, напр., монастырь выпрашивалъ у князя жалованную грамоту на земли и угодья, которыя *фактически* издавна находились во владѣніи крестьянъ, и затѣмъ, въ случаѣ спора, предъявлялъ эти грамоты въ судѣ противъ этихъ крестьянъ.

[3]) Въ одномъ обыскномъ производствѣ мы встрѣчаемъ картинное описаніе ареста подобнаго «подписчика», захваченнаго въ имѣніи кн. Токмаковыхъ: «и мы, господине, съ понятыми вошли въ комнату (разсказывали обыскные люди), ажъ лежитъ въ комнатѣ на княжъ Юрьевѣ постелѣ человѣкъ, а сказался зовутъ его Власкомъ Ивановъ сынъ, а одѣтъ кафтаномъ малымъ киндячнымъ, что топерво на князѣ на Юрье передъ тобою, а въ головахъ у него лежитъ *письмо*, а не вѣдаемъ какое, а въ ногахъ у него стоитъ чернила да флга вина... И Власко сказалъ: человѣкъ есми, государь, убогой; *кормлюсь перомъ*... а хожу по людямъ по добрымъ, гдѣ день, гдѣ ночь». Но далѣе

какъ мы видѣли выше, начала слагаться вокругъ суда, какъ «корыстоваго дѣла», не могла, конечно, не внести соотвѣтствующихъ моментовъ и въ работу осложнившагося судебнаго дѣлопроизводства.

Намъ остается теперь, чтобы закончить общую характеристику удѣльной юстиціи, сказать нѣсколько словъ о переносѣ дѣлъ по иниціативѣ мѣстнаго суда на «докладъ» самому князю,—переносѣ, въ которомъ можно видѣть зародышъ инстанціоннаго движенія процесса. Намъ уже приходилось указывать, что ни апелляціи, ни иного порядка инстанцій удѣльное судопроизводство не знало. Между тѣмъ къ концу настоящаго періода, съ успѣхами московскаго объединенія, начинаетъ устанавливаться болѣе тѣсный контактъ между судомъ князя и его намѣстниковъ и мѣстныхъ судей. Послѣдніе въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчали какія либо затрудненія при разборѣ дѣлъ (пробѣлы въ правѣ, отсутствіе прецедентовъ), иногда обращались непосредственно къ князю съ «докладомъ» и передавали такимъ путемъ окончательное рѣшеніе дѣла или самому князю, или какому-либо «человѣку старѣйшему» (боярину введеному, дворецкому, казначею).[1]) Въ такихъ случаяхъ мы обычно читаемъ въ судномъ спискѣ: «о семъ судьи рекли се доложити государя великаго князя» [2]). Подобнаго рода докладъ такимъ образомъ возникалъ по усмотрѣнію самихъ судей и совершенно очевидно ничего общаго съ апелляціей имѣть не могъ [3]). То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ случаяхъ *обязательнаго доклада*, который явился послѣ того, какъ начались ограниченія власти намѣстниковъ, и нѣкоторыя дѣла были изъяты изъ ихъ вѣдома и перенесены въ судъ Боярской думы. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, уже намѣтилась идея нѣкотораго инстанціоннаго порядка, получившая, впрочемъ, свое окончательное развитіе въ московскомъ періодѣ, къ которому мы теперь и перейдемъ.

III.

Установленный выше характеръ удѣльной юстиціи, съ теченіемъ времени, долженъ былъ однако измѣнить свою феодальную природу, по мѣрѣ того, какъ стала измѣняться и сама удѣльная Русь, постепенно выходившая изъ хаоса всеобщей раздробленности и превращавшаяся въ единое московское государство. Борьба центробѣжныхъ силъ, въ концѣ концовъ, необходимо должна была смѣниться дѣйствіемъ силъ центростремительныхъ. Процессъ исторической діалектики на этотъ разъ долженъ былъ логически привести къ усиленной концентраціи разсѣянныхъ элементовъ удѣльнаго общества. Само собой разумѣется, что такой огромный фактъ,

---

«люди» показали, что «мужикъ Власко воръ и *руки подписываетъ*». *Акты юр. быта*, т. I, № 52, стр. 194—5. Какъ выяснилось изъ дѣла, Власко сочинялъ для князя подложную («нарядную») заемную кабалу, при чемъ самъ этотъ Власко, сознавшійся подъ пыткой, назвался уже Васькой, ibid., стр. 197, 200.

[1]) *Акты юрид.*, № 3, стр. 6.

[2]) *Акты Ѳедотова-Чеховского*, I, № 20.

[3]) *Ѳ. Дмитріевъ*, op. cit., стр. 279—80.

какъ образованіе объединеннаго московскаго государства, не могъ остаться безъ рѣшительнаго вліянія на организацію и систему правосудія, сложившуюся въ XIV—XV вв. Но все же, какъ ни было велико воздѣйствіе новыхъ историческихъ факторовъ въ указанной области, мы не должны забывать, что Московская Русь была «плоть отъ плоти и кость отъ костей» удѣльной Руси, что при своемъ консерватизмѣ она базировала свой «московскій обычай» въ значительной мѣрѣ на «старинѣ» и «пошлинѣ»,—элементахъ и силахъ удѣльныхъ временъ. Поэтому традиціи удѣльной юстиціи глубоко вошли въ практику московскихъ судовъ, надолго отравивъ своими ядами московское правосудіе XVI и XVII столѣтій. Уступая Москвѣ, удѣльная Русь, однако, продолжала въ ней доживать свои послѣдніе дни, далеко не безъ борьбы сдавая свои разрушенныя послѣднія историческія позиціи. Да и самое московское правительство, въ лицѣ своихъ «великихъ государей», окруженныхъ живыми воспоминаніями и преданіями удѣльныхъ временъ, также далеко не сразу вошло въ ту новую роль, которая выпала ему на долю съ момента образованія единаго національнаго великороссійскаго государства. Московскіе государи все еще до конца своихъ дней продолжали смотрѣть на себя какъ на *вотчинниковъ*, «отчичей и дѣдичей» своихъ «многихъ земель и государствъ», не будучи въ силахъ вырваться изъ привычнаго круга идей московскаго «домостроя». Однако, будучи поставлены ходомъ событій въ центрѣ стихійнаго процесса собиранія Руси вокругъ ея естественнаго экономическаго и народнаго средоточія, они должны были вступить въ непримиримую борьбу съ *политической* традиціей удѣльнаго общества, которая стала въ рѣзкое противорѣчіе съ централистическими государственными стремленіями московскаго царства. Ликвидируя политическія вольности—«вольную волю»—удѣльной эпохи и концентрируя въ своихъ рукахъ всю политическую власть, московскіе цари такимъ путемъ полагали прочное основаніе *государственному единству* русскаго народа. Олицетворяя въ себѣ живое воплощеніе государственнаго начала, являясь высшею властью внѣ конкуренціи, властью, къ которой теперь «потянула» вся русская земля [1]), они неожиданно поднялись на недосягаемую высоту, окруженные ореоломъ блестящей легенды. Потомки «рымскаго кесаря Августа», «слуги Божіи» и «сынове Вышняго», наслѣдственные обладатели «третьяго Рима», «новаго града Константина», московскіе «самодержцы» превратились, въ концѣ концовъ, въ настоящихъ «*Государей всея Руси*». Въ ихъ лицѣ въ русской землѣ вновь появилась единая для всѣхъ «волость», но это была уже не власть народа, а власть надъ народомъ. На этотъ разъ на мѣсто государя-народа явился государь-царь, богатый наслѣдникъ князя-вотчинника. Древне-русская демократія, побѣжденная удѣльной аристократіей, преобразилась такимъ образомъ въ новой исто-

---

[1]) Этотъ знаменательный моментъ въ свое время былъ прочувственно оплаканъ лѣтописцемъ удѣльной Руси: «наста насилованіе много (читаемъ мы на страницахъ хроники той эпохи), сирѣчь княженіе великое Московское досталось кн. вел. Ивану Даниловичу, купно же достася и княженіе Ростовское къ Москвѣ. Увы! увы! тогда граду Ростову паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава и *потягну къ Москвѣ*». *Полн. собр. лѣт.*, т. XI, стр. 128.

рической обстановкѣ въ *московскую монархію*. Произошла какъ бы реставрація государства, возстановленіе утраченныхъ началъ государственности, затерявшихся среди обломковъ «разсыпанной храмины» удѣльнаго міра. Московское правительство въ указанномъ смыслѣ возвращалось теперь на тотъ путь, по которому ранѣе шла политическая община вѣчевой Руси. Поэтому, не случайно отправнымъ пунктомъ его государственнаго строительства было какъ разъ то самое дѣяніе—изданіе общаго «судебника», которое въ свою очередь явилось послѣдней манифестаціей государственнаго сознанія народоправной Руси и нашло столь яркое выраженіе въ вѣчевой кодификаціи «судныхъ грамотъ». И дѣйствительно, поскольку московскій царь въ теоріи, а въ значительной мѣрѣ и на практикѣ сдѣлался единымъ источникомъ всякой власти и всякаго правосудія, постольку—скажемъ мы вмѣстѣ съ Г. Мэномъ—эта новая теорія власти и «юстиціи фактически вернулась опять къ своей отправной точкѣ. Она начала съ того положенія, что общество въ совокупности само обязано мстить за нанесенный ему вредъ, и кончила доктриной, что наказаніе преступленій спеціальнымъ образомъ принадлежитъ монарху, какъ представителю и уполномоченному своего народа» [1]). Говоря иначе, московская монархія, въ концѣ концовъ, вернула власти ея *публично-правовое*, государственное достоинство, хотя историческая форма, въ которую теперь была облечена эта власть, самымъ рѣзкимъ образомъ контрастировала съ ея прототипомъ: государство волею народа («мужей вольныхъ») превратилось на этотъ разъ въ государство «Божію милостью». Совершенно очевидно, что при такихъ условіяхъ и эволюція судныхъ учрежденій и формъ процесса должна была получить въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи то же самое направленіе. Судъ въ московскомъ государствѣ, слѣдовательно, долженъ былъ также постепенно воспринять означенныя выше начала государственности и наравнѣ со всѣми подчиниться верховному авторитету суверенной власти московскихъ царей. Все болѣе и болѣе утрачивая свои «вотчинныя» черты, онъ долженъ былъ вновь пріобрѣсти тотъ же самый характеръ, который онъ носилъ въ древности, когда—говоря словами Б. Чичерина—«онъ равно распространялся на всѣхъ безъ изъятій, «на боярина, на житьяго и на молодшаго человѣка», не дѣлился, не отчуждался, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а имѣлъ значеніе общественной должности» [2]). Правда, рѣшеніе этой задачи съ большимъ трудомъ давалось «государямъ всея Руси», которые не такъ-то легко разставались съ «прародительскими» привычками, но все же указанная переработка административно-судной московской системы шла все время почти безъ перерыва. Два вѣка—по существу—длился этотъ затяжной процессъ. Изъ нихъ все XVI столѣтіе ушло прежде всего на тяжелый трудъ борьбы съ феодально-политическими пережитками удѣльной «пошлины»—кормленщиками, а также политическими привилегіями и правительственнымъ засиліемъ титулованной и родословной служилой аристократіи. Появленіе царскаго Судебника 1550 года, отмѣна кормленій и тар-

---

[1]) *Древнее право*, стр. 310.

[2]) *Областныя учрежденія*, стр. 23.

ханъ, реформа губная и земская—таковы были важнѣйшія событія въ исторіи суда и управленія этой исключительной эпохи, ознаменованной именемъ «грознаго» царя, ужасами бѣлаго террора (опричина), «соборными» выступленіями «всякихъ чиновъ людей» и, наконецъ, кризисомъ династическимъ.

Глубочайшее соціально-политическое потрясеніе начала XVII вѣка отмѣтило вслѣдъ за тѣмъ *поворотный моментъ* въ процессѣ государственнаго строительства московской Руси. То были знаменательные годы, когда въ революціонномъ пламени ожесточенныхъ бореній смутнаго «лихолѣтья»—съ одной стороны—окончательно перегорѣла аристократическая традиція удѣльныхъ вѣковъ, съ другой—произошла прочная спайка началъ самодержавія и сословности. Получивъ при такихъ условіяхъ новое государственное крещеніе въ годину «великой разрухи», московское царство въ теченіе всего XVII стол. дѣлаетъ дальнѣйшія и наиболѣе прочныя завоеванія на пути централизаціи и бюрократизаціи суда и управленія, поставивъ, въ концѣ-концовъ, всю страну на военное положеніе и создавъ, хотя и довольно нестройную, но все же достаточно могущественную *приказно-воеводскую систему юстиціи* и *администраціи*. Если XVI столѣтіе, такимъ образомъ, можетъ быть названо по преимуществу эпохой напряженной борьбы, а правительство Грознаго—правительствомъ ликвидаціи, то на долю XVII вѣка, напротивъ, выпала задача органической переработки отжившей административно политической системы, глубоко вкоренившейся однако въ дѣловую практику и нравы означенной эпохи. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что переработка эта, при свойственномъ московскому правительству консерватизмѣ, носила весьма безпорядочный и стихійный характеръ, благодаря которому московская новизна такъ легко давала рецидивы удѣльной «старины» [1]). Поэтому-то московская государственная система не только имѣетъ старомодный видъ и сохраняетъ старосвѣтскіе пріемы и навыки въ судѣ и управленіи, но нерѣдко оставляетъ въ силѣ и полной несогласованности одновременное сожительство самыхъ различныхъ и противорѣчивыхъ правительственныхъ началъ. Чуждые широкаго реформаторскаго почина и замысловъ, московскіе цари не вели за собой страны, а подвигались вмѣстѣ съ ней, подталкиваемые событіями, хватаясь по пути за тѣ средства и силы, которыя, такъ сказать, первыя подвертывались имъ подъ руку или попадались на глаза, а потому и оказывались наиболѣе «удобными» и подходящими для нихъ [2]). При характеристикѣ системы мо-

---

[1]) Напр., возстановленіе практики кормленій.

[2]) Именно въ такой атмосферѣ и обстановкѣ прошли въ московскомъ государствѣ двѣ наиболѣе интересныя для насъ реформы: земская, съ одной стороны, и воеводская—съ другой. Упразднивъ намѣстниковъ, правительство на первыхъ порахъ, не имѣя чѣмъ ихъ замѣнить, ухватилось за тѣ самые общинные власти и элементы («добрыхъ мужей»), которые обнажились въ своей готовой организаціи, какъ только съ нихъ былъ снятъ верхній слой кормленной администраціи. «Великій Государь» просто навалилъ тогда «на души» населенія все бремя областного правленія, отдавъ черному «міру» на откупъ («за намѣстничь кормъ») почти безграничную власть намѣстниковъ. Получилось безпримѣрное по широтѣ своихъ полномочій *земское самоуправленіе*! Но пришла вскорѣ великая «смута». Въ борьбѣ не только съ внѣшнимъ, но и внутреннимъ

сковскаго правосудія, мы не должны, слѣдовательно, упускать изъ виду этой типической особенности изучаемаго періода. Перенося центръ тяжести нашего вниманія въ сферу московскихъ новообразованій, мы не забудемъ, поэтому, что развитіе судныхъ учрежденій и процесса въ то время шло очень неправильно и мозаически. Новымъ началамъ приходилось пробиваться сквозь толщу стойкой традиціи, такъ что старыя и новыя теченія въ практикѣ московскаго суда постоянно то пересѣкались, то сливались вмѣстѣ, не теряя, однако, при этомъ своей непримиримой противоположности. Естественно, что при такихъ условіяхъ и государственный характеръ обновленнаго суда въ значительной мѣрѣ являлся невыдержаннымъ и выступалъ далеко не такъ явственно. Новое содержаніе было скрыто подъ старыми формами.

Съ указанными оговорками, мы можемъ въ дальнѣйшемъ обратиться къ общей оцѣнкѣ московской юстиціи.

Непосредственнымъ результатомъ политической централизаціи, непрерывно развивавшейся въ теченіе XVI и XVII вв. въ московскомъ государствѣ, явилось прежде всего постепенное сосредоточеніе судебной власти въ рукахъ государства, которое шагъ за шагомъ стягивало юрисдикціонныя полномочія, такъ сказать, къ одной точкѣ. Московскій царь, представлявшій теперь въ своемъ лицѣ живое воплощеніе «всея Руси», сдѣлался отнынѣ тѣмъ центромъ притяженія, отъ котораго если не все исходило, то къ которому мало-по-малу все возвращалось. Въ этомъ смыслѣ появленіе первыхъ московскихъ «судебниковъ» было особенно знаменательно. Устанавливая отъ имени великаго князя, а затѣмъ и царя, однообразныя формы суда по всему государству [1]), судебники такимъ путемъ завершали первый актъ централизаціи московской судебной власти. Они пока еще не посягали на внутреннюю организацію суда и крайнюю дробность и пестроту его состава. Оставляя до времени все на своихъ мѣстахъ и на прежнемъ положеніи, они произвели, по существу, чисто механическую работу: привели въ ясность историческое наслѣдство московскихъ государей и перевели его на имя этихъ послѣднихъ, еще разъ и усиленно подчеркнувъ ту зависимость, которая отнынѣ устанавливалась между «всякими судіями» и центральной властью. Московскіе судебники поэтому не столько говорили о судѣ, сколько о судьяхъ, ибо, утверждая свою власть надъ лицами, правительство XVI в. такимъ путемъ обезпечивало себѣ

врагомъ, правительство принялось «выводить» путемъ военныхъ карательныхъ экспедицій «воровскихъ людей» по всему московскому государству и неожиданно вновь произвело «реформу», т.-е. ввело повсюду *воеводское управленіе*, представлявшее нѣчто въ родѣ генералъ-губернаторствъ XVII вѣка. Самоуправленіе, конечно, должно было при этомъ исчезнуть, и земскія власти попали подъ команду воеводъ, которые начали управлять своими округами—говоря языкомъ «наказовъ»—«какъ ихъ Богъ вразумитъ». *Акты историч.*, т. V, № 270.

[1]) «Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, съ своею братьею и съ бояры, сесь Судебникъ уложилъ: какъ судити бояромъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и діакомъ, и всякимъ приказнымъ людямъ и по городамъ намѣстникамъ, и по волостямъ волостелемъ, и ихъ тіунамъ, и всякимъ судіямъ»,—такъ гласитъ заголовокъ къ Судебнику 1550 г.

въ первую очередь господство надъ существующимъ порядкомъ въ странѣ прежде, чѣмъ оно получило возможность приступить къ основной ломкѣ самаго этого порядка. Лишь въ Уложеніи 1649 г. ему удалось, наконецъ, довершить въ главныхъ чертахъ внутреннее переустройство судныхъ учрежденій такъ, «чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна» [1]). Въ этихъ характерныхъ словахъ «Уложеніе» торжественно провозглашало принципъ всеобщаго подчиненія государственному суду, который грозилъ теперь, «безо всякія пощады» всѣмъ и каждому, какъ «бо́льшему», такъ и «меньшему» человѣку [2]). Недаромъ «великій князь», по приказу котораго былъ «уложенъ» первый Судебникъ, во вступленіи къ «Уложенію» названъ уже «всея Руси самодержцемъ» и государемъ «Богомъ хранимыя своея державы», личность котораго такъ высоко поднята теперь въ «соборномъ» кодексѣ и поставлена рядомъ съ «царемъ небеснымъ». Это возвышеніе священной особы московскаго князя должно было не только отразиться на его собственныхъ судебныхъ полномочіяхъ, но въ значительной мѣрѣ видоизмѣнить также и его отношенія къ суду и его многообразнымъ представителямъ.

Мы уже знаемъ, что князь съ древнѣйшихъ временъ одной изъ главнѣйшихъ своихъ функцій имѣлъ непосредственное отправленіе суда. Въ удѣльномъ періодѣ княжеская юрисдикція, какъ уже было отмѣчено выше, сильно сократилась, однако все же личный судъ князя, особенно въ качествѣ привилегированнаго суда, на ряду съ судомъ боярскимъ, положительно былъ гарантированъ въ дипломахъ XV ст. Но и помимо напередъ установленныхъ случаевъ, принимая во вниманіе совершенное отсутствіе какой бы то ни было инстанціонной іерархіи, прямое обращеніе къ княжескому суду фактически ни для кого не было исключено. При этомъ, въ одномъ случаѣ князь могъ выступить въ качествѣ судьи первой и единственной инстанціи, въ другомъ—въ роли высшаго суднаго органа, къ которому прибѣгалъ, напр., «жалобникъ» съ челобитьемъ противъ мѣстнаго представителя удѣльной юстиціи и т. д. Уже въ уставной двинской грамотѣ 1397 г. вел. кн. Василій Дмитріевичъ «всея Руси», стремясь ограничить произволъ и хищенія своихъ намѣстниковъ-бояръ, поспѣшилъ санкціонировать и, такъ сказать, возвести въ общее правило право населенія «бить челомъ» ему,

---

[1]) *Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г.* Вступленіе, стр. 2 (изд. 1779 г.).

[2]) Это было какъ бы буквальное повтореніе 1 ст. *Новгор. судн. грамоты*, которая предписывала судьѣ: «а судити ему всѣхъ ровно, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка». Тѣ же положенія съ еще большими подробностями развиваетъ также и ст. 1 гл. X соборнаго *Уложенія*, трактующая о «судѣ государя царя... всея Руси», т.-е. о томъ, «какъ всякая расправа дѣлати всѣмъ людемъ Московскаго государства, отъ большого и до меньшого чину въ правду». Статья предписываетъ всѣмъ судьямъ «судомъ судити и расправа дѣлати *по государеву указу* въ правду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлахъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавливати, ни убавливати, и ни въ чемъ другу не дружити, а недругу не мстити, и никому же въ чемъ, ни для чего не норовити, дѣлати всякія государева дѣла, не стыдяся лица сильнаго, и избавляти обидящаго отъ руки неправеднаго». Ibid. стр. 30, 31.

князю, на насильниковъ-кормленщиковъ. «А надъ кѣмъ учинятъ (намѣстники) продажу сильно—читаемъ мы въ грамотѣ,—а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ князю великому велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ» [1]). Въ заключительной же статьѣ того же памятника мы находимъ даже нѣкоторую, хотя и еще весьма неопредѣленную, угрозу по адресу тѣхъ же судей: «а черезъ сю мою грамоту кто ихъ (двинянъ) чѣмъ изобидитъ, или *кто не имети ходити по сей грамотѣ*, быти тому отъ мене отъ великаго князя въ казни» [2]). Такимъ образомъ, московскій князь-вотчинникъ уже въ XIV ст. принимаетъ на себя извѣстную отвѣтственность передъ населеніемъ за своихъ замѣстителей, превзысканныхъ его «жалованьемъ». И эта роль князя съ теченіемъ времени все возрастала, превращая его постепенно въ верховнаго защитника народа. Въ Судебникѣ 1497 г. московскій князь выступаетъ передъ нами уже именно въ подобномъ качествѣ. Столѣтіе прошло недаромъ. Новый характеръ власти прежде всего отразился на самомъ Судебникѣ. Судебникъ—это не сепаратный указъ и не охранная уставная грамота, это—общій государственный законъ «о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ» и прочимъ судьямъ по всему московскому государству. Это—общая инструкція, первый «всероссійскій» *судебный уставъ*, регулирующій, какъ *судъ боярскій*, т.-е. боярской думы, такъ и судъ *намѣстниковъ*, *волостелей* и всѣхъ остальныхъ «приказныхъ» судей. Передъ нами вырисовывается при этомъ, правда, неясный еще, силуэтъ слагающейся судебной организаціи, можно сказать, почти *системы*, которая довольно отчетливо намѣчается въ самомъ расположеніи статейнаго матеріала Судебника [3]). Любопытнѣе всего, что князь, по слову котораго «уложенъ» настоящій Судебникъ, въ данномъ случаѣ совершенно выдѣленъ, и его собственный судъ даже прямо противополагается суду боярскому: «а съ великаго князя суда... имати на виноватомъ по тому же, какъ и съ боярскаго суда» [4]). Прежняя тѣсная связь между княземъ и его боярами какъ бы порывается, *судъ бояръ* поставленъ теперь совершенно самостоятельно, отдѣльно отъ князя [5]), который сталъ уже надъ этимъ судомъ и является передъ нами по преимуществу въ роли власти устанавливающей [6]). Бояре судятъ теперь безъ князя, но «по княжу слову»,

---

[1]) Ст. 13. (Христоматія *Владимірскаго-Буданова*, вып. 1).

[2]) Ст. 16, ibid. Ср. Также *Бѣлозерскую гр.*, ст. 20 и 23.

[3]) Сначала идутъ положенія о судѣ центральномъ «бояръ и окольничихъ», а затѣмъ о судѣ областномъ намѣстниковъ и волостелей.

[4]) Ст. 21 (Христоматія *Владимірскаго-Буданова*, в. 2), ср. также ст.ст. 22, 24, 68. То же и въ царскомъ *Судебникѣ 1550 г.*, ст.ст. 7, 28, 37, 38, 39 и 100.

[5]) Въ Царскомъ Судебникѣ ст. 1 прямо уже указываетъ на то, что прежній совмѣстный судъ князя «съ бояры» теперь превратился въ «княжескій» *судъ бояръ*, т.-е. въ судъ отъ имени князя: «судъ царя и великаго князя судити бояромъ, и окольничимъ, и дворецкимъ» и т. д. Эта статья точно соотвѣтствуетъ ст. 1 Судебника 1497 г. Говоря иначе, Судебникъ положительно заявляетъ, что впредь «судъ князя» будутъ отправлять бояре. Царю и вел. князю теперь уже некогда заниматься отправленіемъ текущаго правосудія.

[6]) Въ *Судебникѣ 1550 г.* мы читаемъ: «и впередъ всякія дѣла судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, какъ царь и великій князь въ семъ Судебникѣ съ котораго дни уложилъ», ст. 97.

т.-е. по его делегаціи [1]). При такихъ условіяхъ боярскій судъ становится подчиненнымъ учрежденіемъ, «уложеннымъ» судомъ съ опредѣленной компетенціей и полномочіями, за предѣлы которыхъ онъ не долженъ выступать, и въ предѣлахъ которыхъ долженъ дѣйствовать, памятуя о своемъ общественномъ призваніи и объ «опалѣ» государевой. «Такожъ и всякому судіѣ посула отъ суда не имати никому; а судомъ не мстити, ни дружити никому», «и ему жалобниковъ отъ себя не отсылати, а давати всѣмъ жалобникомъ управа во всемъ, которымъ пригоже», «а истецовъ и отвѣтчиковъ не волочити»—таковы тѣ наставленія, которыя читаемъ мы въ первыхъ же статьяхъ Судебника [2]), невольно вспоминая при этомъ еще разъ завѣты вѣчевыхъ судныхъ грамотъ[3]). Такимъ образомъ, судъ князя, отдѣлившись отъ суда боярскаго, не только долженъ былъ образовать изъ себя теперь какъ бы особую инстанцію, но и долженъ былъ получить особый болѣе свободный характеръ, т.-е. превратиться въ тотъ верховой судъ, изъ котораго впослѣдствіи сложится такъ называемая судебная прерогатива монарха [4]). Впрочемъ, въ XVI ст. судъ московскаго великаго князя и царя, какъ судъ чрезвычайный, представлялъ изъ себя скорѣе пережитокъ удѣльной эпохи, чѣмъ прерогативу самодержавія. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ судъ слагался почти исключительно изъ дѣлъ привилегированной подсудности («грамотчиковъ»), изъ «суда съ удѣльными князьями», какъ свидѣтельствуетъ о томъ Судебникъ 1550 г. [5]), а также изъ суда по дѣламъ лицъ, непосредственно обращавшихся за правосудіемъ къ князю («челобитчиковъ» и «жалобниковъ»). Сюда же слѣдуетъ отнести и дѣла, поступавшія обычно къ князю въ порядкѣ «доклада» отъ другихъ судей въ томъ случаѣ, когда они затруднялись почему-либо рѣшить тяжбу по своему разумѣнію, т.-е., когда «которому жалобнику, безъ государева вѣдома, управа учинити не мочно» [6]). Съ теченіемъ времени, однако, характеръ этой непосредственной княжеской юстиціи рѣшительно мѣняется: съ одной стороны, происходитъ сокращеніе дозволенныхъ случаевъ прямого обращенія къ княжескому суду, съ другой—мѣняется самая его природа. Съ отмѣною иммунитета, естественно исчезъ прежде всего привилегированный феодальный судъ князя. Та же участь должна была постигнуть и «судъ съ удѣльными князьями». Вмѣстѣ съ тѣмъ съ установленіемъ, послѣ изданія судебниковъ, постояннаго и единообразнаго суда по всему государству и съ возвышеніемъ личности самого московскаго царя, превратившагося, согласно оффиціальной іосифлянской государственной теоріи, въ своего рода «земного

---

[1]) *Акты А.Юшкова*, № 128.

[2]) Ст.ст. 1, 2, 33, 36. Ср. *Судебникъ 1550 г.*, ст.ст. 1, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 28, 32, 33, 34, 42, 47, 49, 55, 54, 69, 70, 72 и 99.

[3]) *Псков. суд. гр.*, ст.ст. 3 и 4; *Новг. суд. гр.*, ст.ст. 26, 27.

[4]) Это обособленіе верховнаго суда становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ по мѣрѣ того, какъ въ сферѣ суда подчиненнаго «царская власть все болѣе и болѣе превращалась въ символъ, въ эмблему». *И. Гурляндъ.* Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ (Ярославль, 1912), стр. 259.

[5]) Ст. 100.

[6]) Ibid., ст. 7. *Судебникъ 1497 г.* говоритъ также: «а котораго жалобника, а непригоже управити, и то сказати великому князю», ст. 2.

бога», отпало, въ свою очередь, также и право населенія обращаться непосредственно къ суду князя, минуя обычныя судныя власти. Судебники поэтому не только грозятъ царской «опалой» судьѣ за отказъ въ правосудіи «жалобнику его приказу», но и самимъ «жалобникамъ», если они «учнутъ бить челомъ, докучати государю» безъ достаточныхъ основаній [1]). Это стремленіе ввести работу судовъ въ извѣстное русло получило, наконецъ, свое законченное выраженіе въ «Уложеніи» царя Алексѣя Михайловича, которое подъ страхомъ наказанія воспретило непосредственное обращеніе къ царю въ обходъ существующихъ учрежденій: «а не бивъ челомъ въ приказѣ, ни о какихъ дѣлехъ государю никому челобитенъ не подавати» [2]). Такимъ образомъ устанавливается чисто государственный принципъ, въ силу котораго «приказные» суды объявляются обязательными для населенія, *вмѣшательство* же государя въ отправляемое ими правосудіе совершенно устраняется. Но это, конечно, вовсе не означало, что тѣмъ самымъ устранялось всякое вообще его участіе въ судѣ. Московскій царь въ цѣломъ рядѣ случаевъ—какъ въ общемъ, такъ и въ чрезвычайномъ порядкѣ—не только могъ, но и обязывался оказывать судебную помощь «жалобникамъ». Но теперь московскій государь въ подобныхъ случаяхъ выступалъ уже въ опредѣленномъ качествѣ или верховнаго судьи, или послѣдняго прибѣжища правосудія и милости, или какъ высшая ревизіонная инстанція, или же, наконецъ, какъ глава законодательной власти, то пополняя пробѣлы въ правѣ, обнаруженные въ процессѣ, то давая автентическое истолкованіе закона. На этотъ разъ московскій царь являлся передъ лицомъ народа всегда и неизмѣнно въ своемъ высокомъ званіи «великаго государя», которому дано «вязать и разрѣшать» и который, въ свою очередь, долженъ «дати отвѣтъ» Богу за души своихъ «подвластныхъ» и «работныхъ» [3]). Поскольку обращеніе къ самому монарху получило теперь извѣстное легальное основаніе, въ XVI ст. въ Москвѣ появляется даже особое учрежденіе, своего рода канцелярія по пріему прошеній на Высочайшее имя, такъ наз. Челобитный приказъ, куда направлялись, напр., жалобы на отказъ въ правосудіи и по т. п. дѣламъ. «Какъ государь куды пойдетъ, бьютъ челомъ всякіе люди, и передъ государемъ бояринъ и дьякъ того приказу принимаютъ челобитныя и по нимъ расправу чинятъ, а которыхъ не могутъ, тѣ къ государю взносятъ»—такъ говорится въ одной «записи о царскомъ дворѣ» [4]) по поводу вышеназваннаго челобитнаго приказа [5]). Какъ видно изъ приведеннаго фрагмента,

---

[1]) *Судебникъ 1497 г.*, ст. 2, и *Судебникъ 1550 г.*, ст. 7.

[2]) Гл. X, ст. 20. Въ подобномъ случаѣ челобитчиковъ приказано «бити батоги; а кто почестнѣе, а того посадити въ тюрму на недѣлю, чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлати».

[3]) Въ основныхъ своихъ чертахъ эта государственная теорія теократическаго абсолютизма была блестяще развита уже въ письмахъ Ивана Грознаго къ кн. А. Курбскому. *Сказанія кн. Курбскаго* (изд. Н. Устрялова), стр. 159—160, 161, 209.

[4]) *Акты историч.*, т. II, № 155, стр. 424.

[5]) Помимо челобитнаго приказа въ той же роли выступалъ также и *приказъ великаго Государя тайныхъ дѣлъ*. См. *И. Гурляндъ*, op. cit., стр. 237—240 и сл. Ср.

далеко не всякое челобитье докладывалось прямо государю и въ данномъ случаѣ. Та же демаркаціонная линія между подчиненнымъ и верховнымъ судомъ и расправой проводилась и въ отношеніи къ Высочайшей канцеляріи. Вообще, говоря о непосредственной юрисдикціи московскаго царя, можно было бы установить, какъ общее правило или, лучше сказать, тенденцію, что до государя судныя дѣла могли восходить въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) когда судьи, встрѣтивъ какое-либо сомнѣніе, «реклись» *доложити* о томъ государю, т.-е. когда «безъ вѣдома» этого послѣдняго какого-либо дѣла «вершити будетъ не мочно», [1]) 2) когда тяжущіеся приносили жалобу царю или въ случаѣ отказа имъ въ правосудіи, или въ случаѣ неправаго или неправосуднаго рѣшенія судьи [2]); и 3) когда самъ государь требовалъ дѣло на свое разсмотрѣніе и выступалъ въ роли судьи «первой инстанціи» (дѣла политическія, о высшихъ сановникахъ, мѣстническія и т. п.). Само собою разумѣется, что, говоря такъ, мы не должны забывать, что правительственная практика изучаемой эпохи съ большимъ трудомъ укладывалась тогда въ строго опредѣленныя рамки и указныя нормы, а потому и заключеніе наше имѣетъ лишь относительную силу. Изъ историческихъ памятниковъ того времени съ очевидностью слѣдуетъ, что не только населеніе плохо подчинялось тогда новому порядку, буквально осаждая царя московскаго, какъ общаго заступника, своей «докукой безпрестанной», но и сами государи нерѣдко нарушали установленныя ими же правила, все болѣе и болѣе входя во вкусъ «вольнаго самодержавства», всегда и вездѣ исповѣдывавшаго классическій завѣтъ—princeps legibus solutus est. [3]) Поэтому и въ сферѣ подчиненнаго суда и управленія, какъ высшаго, такъ и низшаго, мы также не найдемъ чего-либо вполнѣ законченнаго, хотя направляющія тенденціи и здѣсь совершенно ясно обозначены по всей линіи соотвѣтствующихъ учрежденій.

Мы уже указали, что прогрессивный ростъ и возвышеніе царской власти въ Москвѣ прежде всего должны были отразиться на положеніи боярской думы, которая, отдѣлившись теперь отъ князя, какъ самостоятельный судебный органъ, заняла свое собственное мѣсто въ системѣ учрежденій московскаго государства [4]). Она превратилась въ высшую судеб-

---

также *Котошихинъ*, op.cit., стр. 85 и 111. По поводу послѣдняго приказа Котошихинъ даетъ любопытное указаніе: «а устроенъ тотъ Приказъ при нынѣшнемъ царѣ, для того, чтобы его царская мысль и дѣла исполнялися *всѣ по его хотѣнью*, а бояре бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали». Приказомъ этимъ вѣдалъ дьякъ.

[1]) Это подтверждено было и въ *Уложеніи 1649 г.*, гл. X, стр. 2. Ср. *Котошихинъ*, op.cit. II, стр. 127.

[2]) *Судебникъ 1550 г.* ясно различаетъ эти два послѣдніе случая, т.-е. когда судья «просудится, а обвинитъ кого не по суду *безъ хитрости*», или когда онъ «въ судѣ *посулъ возметъ* и обвинитъ кого не по суду», ст. ст. 2 и 3.

[3]) Уже Иванъ Грозный въ полемикѣ съ кн. Курбскимъ выступилъ на защиту названнаго принципа, доказывая, что «доселѣ Русскіе владѣтели неистязуемы были ни отъ кого же, но повольны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судились съ ними ни передъ кѣмъ». *Сказанія*, стр. 195.

[4]) Въ дѣлахъ законодательства и управленія Дума дольше сохраняла свои болѣе тѣсныя связи съ государемъ, хотя и здѣсь ей пришлось, въ концѣ-концовъ, сдать

ную инстанцію съ опредѣленнымъ составомъ «думныхъ чиновъ», которые «сказывалъ» государь и въ которые на ряду съ людьми родословными, «природными» боярами, могли быть возведены и люди худородные, взятые «отъ гноища». Изъ органа аристократическаго, односословнаго, въ истинномъ смыслѣ слова, *боярскаго*, дума такимъ образомъ все болѣе превращалась въ органъ *бюрократическій*, *чиновный*, члены котораго широкой рукой рекрутировались изъ выслужившихся незнатныхъ дворянскихъ фамилій. При такихъ условіяхъ *выслуга* стала побивать въ Москвѣ «породу», подготовляя тѣмъ самымъ окончательное торжество «табели о рангахъ». Этотъ важный переворотъ, въ концѣ-концовъ, знаменовалъ собой не что иное, какъ побѣду служилаго московскаго дворянства надъ разоренной аристократіей боярства, и вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество идеала Ивашки Пересвѣтова надъ идеаломъ кн. А. Курбскаго [1]). И дѣйствительно, въ то время, когда Берсень-Беклемишевы, выгнанные изъ думы царскимъ окрикомъ, оплакивали судьбу московскаго государства, предсказывали ему скорую кончину [2]) и съ грустью констатировали, что давно уже «въ милости великихъ государей жалованы бываютъ въ чести (чины) не по родамъ» [3]), въ это самое время ихъ соціальные антагонисты, Васютки Грязновы и Пересвѣтовы, смѣло пропагандировали передъ лицомъ новой власти и при ея очевидномъ сочувствіи и активной поддержкѣ

свои позиціи. Обычный порядокъ *совмѣстной* дѣятельности царя и Думы, глубоко уходящій своими корнями въ удѣльную и даже до-удѣльную старину, въ указанномъ смыслѣ хорошо выраженъ въ 98 ст. *Судебника 1550 г.*: «а которые будутъ *дѣла новыя*, а въ семъ Судебникѣ не написано, и какъ тѣ дѣла съ *государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору* вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписати».

[1]) Извѣстно, что кн. Курбскій съ особенной ненавистью относился къ новой московской *служилой бюрократіи*, которая, по его словамъ, ввела на Руси «новое идолослуженіе», т.-е. поклоненіе земнымъ царямъ. У него нѣтъ иныхъ эпитетовъ для московскихъ дворянъ, какъ «маніяки», «подобѣды», «паразиты», «своего отечества губители, паче же рещи всего святорусскаго царства». Съ такой же непріязнью вспоминаетъ онъ и о «писаряхъ русскихъ» (приказныхъ дьякахъ), «имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ *не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородства*, но паче отъ поповичевъ, или отъ простого всенародства, а то ненавидяче творитъ вельможъ своихъ». *Сказанія*, стр. 12, 49, 64, 79—80, 124, 247. Въ свою очередь и И. Пересвѣтовъ платилъ московскимъ «вельможамъ» не меньшею ненавистью. Онъ прямо предлагалъ царю истреблять ихъ безъ всякаго милосердія: «таковыхъ подобаетъ (писалъ онъ въ своихъ «челобитныхъ») огнемъ жещи и иные лютые смерти имъ давати, чтобы зла не множилось; безъ лица имъ вина, что воиньство (дворянство) у царя кротять і мысль царскую отнимаютъ». Поэтому, въ противоположность Курбскому, Ивашка вмѣсто начала «благородства» выдвигалъ начало выслуги. Мудрый царь по его мнѣнію долженъ поступать такъ: «А хто у царя противъ недруга крѣпко стоитъ... *хотя отъ меншаго кольна* і онъ его *на величество поднимаетъ, і имя ему великое даетъ*... А вѣдома нѣтъ, какова онѣ отца дѣти, да для ихъ мудрости царь велико на нихъ имя положилъ для того, чтобы і иные также удавалися вѣрно царю служити». *Рэкига*, стр. 65, 76.

[2]) *В. Ключевскій*. Русская исторія, т. II, стр. 201—203. Въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ Берсень, какъ извѣстно, обронилъ характерныя слова: «которая земля перестанавливаетъ свои обычаи, та земля не долго стоитъ».

[3]) Такъ читаемъ мы въ одномъ боярскомъ приговорѣ XVII ст. *В. Ключевскій*. Боярская дума, стр. 397.

свое политическое credo, объявляя urbi et orbi, что «государь, аки Богъ, и малаго великимъ чинитъ», что «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ» [1]). Совершенно очевидно, что при означенной перемѣнѣ долженъ былъ глубоко измѣниться весь внутренній строй и характеръ боярской думы. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ опричины и смуты старая удѣльная титулованная и родовитая аристократія окончательно обанкротилась экономически и политически, и «прежніе большіе роды князей и бояръ, многіе безъ остатку миновалися» [2]), дума боярская, какъ политическій органъ, должна была быстро «захудать» и утратить не только свою независимость, но и свой былой авторитетъ, рѣшительно связывавшій прежде волю князей волею ихъ совѣтниковъ и товарищей. Правда, въ составѣ думы все еще продолжали до самаго конца XVII в. засѣдать, «брады свои уставя» [3]), послѣдніе отпрыски старой знати, но они уже пребывали въ ней «безъ всякаго повоира (pouvoir)» и «въ консиліи или въ палатѣ токмо были спектакулями», говоря языкомъ петровской эпохи [4]). Однако, если дума утратила такимъ образомъ свое политическое значеніе [5]), то, съ другой стороны, она превратилась въ настоящее государственное учрежденіе, ставшее во главѣ всего подчиненнаго управленія въ государствѣ. Занявъ опредѣленное мѣсто въ іерархіи правительственныхъ установленій, дума получила вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ самостоятельную компетенцію, дѣйствуя въ предѣлахъ которой *именемъ царя*, она становилась настоящей властью и такимъ путемъ полагала прочное основаніе «самодержавію» бюрократіи, или господству «столоначальниковъ». Сила и власть думы пріобрѣтали тѣмъ большую прочность, что въ нормальномъ порядкѣ суда и управленія, она была высшимъ органомъ и послѣдней инстанціей, противъ которой не было уже апелляціи. И тогда, когда дума дѣйствовала *вмѣстѣ* съ царемъ, и тогда, когда она дѣйствовала *вмѣсто* него, по его делегаціи, сила «боярскаго приговора» имѣла по существу окончательный характеръ. При такихъ условіяхъ московскій царь покрывалъ своей безотвѣтственностью своихъ «ближнихъ» людей, совершенно такъ, какъ эти послѣдніе покрывали своимъ положеніемъ подчиненные имъ приказы, во главѣ которыхъ они сами же и стояли [6]). Этотъ ростъ правительственной силы

---

[1]) *Дьяконовъ*. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси (1908), стр. 429. *Ключевскій*, op. cit., стр. 384.

[2]) *Котошихинъ*, op. cit., стр. 23.

[3]) Ibid., стр. 24.

[4]) *Ключевскій*, op.cit., стр. 439.

[5]) Политическій вѣсъ боярской думы былъ ослабленъ не только перемѣной въ ея личномъ составѣ, но и цѣлымъ рядомъ другихъ условій, среди которыхъ нельзя не отмѣтить: появленія «тайнаго» или «ближняго совѣта» государя, родоначальника позднѣйшихъ «совѣтовъ» и «кабинетовъ», возникавшихъ «при боку» россійскихъ императоровъ; выступленія земскихъ соборовъ, къ которымъ отошло разсмотрѣніе важнѣйшихъ вопросовъ законодательства и управленія (вопросы войны и мира, кодификація 1550 и 1649 гг., новые налоги и т. д.), а также сокращенія компетенціи самой думы послѣ того какъ главная масса текущей работы отошла отъ нея къ многочисленнымъ приказамъ.

[6]) Въ составъ думы, какъ извѣстно, входили бояре, завѣдывавшіе важнѣйшими приказами, и они же должны были контролировать свои приказы въ думѣ!

думы тѣмъ свободнѣе могъ развиваться въ Москвѣ, что съ потерей своего политическаго вліянія, дума, главнымъ образомъ, эволюціонировала въ сторону обращенія ея въ *судебную коллегію* по преимуществу, въ каковомъ качествѣ ей и удалось занять, въ концѣ-концовъ, свою самостоятельную позицію. Этотъ любопытный процессъ можно было бы обозначить, какъ процессъ постепеннаго превращенія «боярской думы» въ «расправную палату», хотя, въ дѣйствительности, понятіе «палаты» никогда не покрывало собою цѣликомъ понятія «думы». Достойно вниманія поэтому, что Уложеніе опредѣляетъ боярскую думу, именно, какъ судебное учрежденіе высшей инстанціи, куда вносятся «спорныя дѣла, которыхъ въ приказахъ зачѣмъ вершити будетъ не мощно». «А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людямъ сидѣти въ палатѣ, и *по государеву указу* государевы всякія дѣла дѣлати *всѣмъ вмѣстѣ*» — добавляетъ та же статья, опредѣляя тѣмъ самымъ подзаконный характеръ учрежденія [1]) и его коллегіальную организацію [2]).

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ московскимъ княземъ боярская дума пріобрѣла въ московскомъ періодѣ истинно государственное значеніе, сдѣлавшись высшею представительницей того «палатнаго суда», о которомъ мечталъ Ивашка Пересвѣтовъ, непримиримый врагъ феодальной системы суда кормленнаго [3]). Правда, московскимъ государямъ не сразу удалось подвести всѣхъ судей подъ свою «высокую руку» и «пооброчити ихъ іс казны своимъ жалованьемъ, чѣмъ имъ мочно прожить з году на годъ», но по отношенію къ «боярскому суду» эта цѣль была достигнута прежде всего. Уже въ Судебникахъ централизирующая роль *суда боярскаго* выступаетъ совершенно отчетливо, и прежде всего въ отношеніи къ суду кормленному. Намѣстники и волостели еще не уничтожены, судъ кормленщиковъ еще живъ, но онъ уже поставленъ въ извѣстную зависимость отъ суда боярской думы. Такъ, въ боярскую думу восходятъ всѣ дѣла, которыя превышаютъ компетенцію областныхъ судей, не обладающихъ полнымъ судомъ, т.-е. «судомъ боярскимъ», благодаря чему *обособленность удѣльной юстиціи* теперь замѣтно ослаблена, а вмѣстѣ съ тѣмъ она впервые поставлена въ извѣстную іерархическую зависимость отъ центральнаго судилища. Къ дѣламъ, которыхъ областные судьи «безъ боярскаго суда» не могли отнынѣ вершить у себя на мѣстахъ «безъ докладу» въ Москву,

---

[1]) Гл. X, ст. 2. Ср. *Ключевскій*. Боярская дума, стр. 528—529. Какъ извѣстно, въ составъ думы входили *бояре, окольничіе* и «думные люди», т. е. *думные дворяне* и *думные дьяки*.

[2]) *Уложеніе*, X, ст. 23: «а вершити то дѣло по суду и по сыску судьямъ всѣмъ вопчѣ».

[3]) *Ржига*, op. cit., стр. 62. Осуждая московскіе порядки, при которыхъ «все царство заложилося за вельможъ», Ивашка выставилъ своимъ государственнымъ идеаломъ порядки, введенные турецкимъ султаномъ Махметомъ въ его государствѣ: «невѣрный царь (писалъ онъ) богоугодная учинилъ, великую мудрость і правду въ арстѣво свое ввелъ, по всему царству своему разослалъ вѣрныя своя судія, пооброчивши ихъ іс казны своимъ жалованьемъ... А судъ далъ палатный во все царство судити безъ противня, а присудъ велѣлъ имать на себя в' казну, чтобы не искушалися і в' грѣхъ не впали і Бога не разгнѣвали».

относились тогда дѣла о холопахъ, нѣкоторыя уголовныя (душегубство, татьба, о лихихъ людяхъ) и т. п.[1]) Такимъ путемъ удѣльный судъ частично втягивался въ общую систему государственныхъ судныхъ установленій и въ нѣкоторомъ смыслѣ становился къ боярской думѣ въ положеніе, напоминающее отношеніе суда областного къ центральному. Но это былъ лишь первый шагъ. Съ отмѣной кормленій, однако, это непосредственное и под чиненное отношеніе «суда боярскаго» къ областному должно было, конечно, измѣниться. Торжество *приказного* принципа, какъ въ центрѣ, съ появленіемъ многочисленныхъ «приказовъ», такъ и въ провинціи, съ утвержденіемъ воеводскаго управленія и отмѣною «тарханъ», оказало рѣшительное вліяніе на положеніе думы. Послѣдніе феодальные заслоны были теперь сняты и всюду явилось одно «великаго государя всея Руси государство». Съ этого момента устанавливается болѣе или менѣе постоянное соотношеніе между думой и непосредственно и посредственно подчиненными ей судебно-административными органами. Въ обычномъ порядкѣ судебныя дѣла будутъ восходить теперь въ думу изъ *московскихъ приказовъ* или въ формѣ «доклада», или «пересуда». Въ первомъ случаѣ это будутъ дѣла, рѣшить которыя приказные судьи сами почему-либо затруднялись и потому передавали для окончательнаго «вершенья» въ думу, которая, въ свою очередь, или «докладывала» о нихъ государю, или рѣшала самостоятельно, или же возвращала приказу съ соотвѣтствующими указаніями. Во второмъ. случаѣ это будетъ уже обжалованье состоявшагося приговора, т.-е. переносъ дѣла по иниціативѣ сторонъ въ боярскую думу, какъ высшую инстанцію [2]). При такихъ условіяхъ между приказами и думой устанавливались постоянныя іерархическія отношенія. Это были, такъ сказать, двѣ инстанціи центральнаго суда. Для полноты характеристики юрисдикціонной функціи думы намъ остается только къ этому добавить, что дѣла могли поступать въ думу, помимо указанныхъ способовъ, также, съ одной стороны, путемъ непосредственнаго обращенія къ ней частныхъ лицъ, съ другой—по спеціальному порученію государя [3]), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ дума нерѣдко являлась какъ бы въ роли слѣдственной комиссіи.

Изъ приведенныхъ данныхъ не трудно усмотрѣть, что судебная компетенція боярской думы, въ виду близости послѣдней къ государю, по своему характеру, весьма близко напоминаетъ намъ былую юрисдикцію князя, который мало-по-малу передовѣрилъ большую часть своихъ судейскихъ полномочій своимъ «боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ». Въ этомъ смыслѣ наиболѣе характерной особенностью боярской думы слѣдуетъ признать весьма скромные размѣры ея самостоятельной процессуальной компетенціи, какъ суда первой инстанціи. Дума при такихъ условіяхъ стояла вообще довольно далеко отъ населенія и въ представленіи этого

---

[1]) *Судебникъ* 1497 г., ст.ст. 20, 43. *Судебникъ 1550 г.*, ст.ст. 63, 66—7. См. *Ключевскій*, Боярская дума, стр. 157—8.

[2]) *Ключевскій*, op. cit., стр. 473—4.

[3]) *Ѳ. Дмитріевъ*, op. cit., стр. 137—139.

послѣдняго какъ бы сливалась съ личностью царя. Несомнѣнно, гораздо ближе къ народу были московскіе приказы и судьи областные.

Приказы—это наиболѣе стильные и оригинальные изъ московскихъ учрежденій, выросшіе вмѣстѣ съ самой Москвой и такъ же стихійно и непосредственно, какъ и она. Удѣльная Русь не знала *приказовъ*, ей были извѣстны только *приказные люди*, которымъ было «приказано вѣдати» то или иное дѣло («путь»), тѣхъ или иныхъ лицъ, или давалось просто какое-либо временное порученіе [1]). Съ этой точки зрѣнія всѣ члены удѣльной думы боярской были «приказными» людьми, поскольку, какъ мы знаемъ, они были людьми «путными». Вмѣстѣ съ массой всякихъ иныхъ княжескихъ «прикащиковъ» они и образовали изъ себя первые кадры *приказной* московской администраціи [2]). Совершенно естественно, что по мѣрѣ объединенія русскаго государства, съ ростомъ его территоріи и населенія, росла и множилась правительственная работа, какъ при княжескомъ «дворѣ», такъ и въ «думѣ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и дворцовые, личные слуги князя превращались въ государственныхъ чиновниковъ. Дворцовое удѣльное хозяйство съ его скромными нуждами и задачами отступало теперь все дальше и дальше передъ «государевымъ дѣломъ», которое становилось отнынѣ настоящимъ дѣломъ *государственнымъ*. И по мѣрѣ того, какъ совѣтъ «дворцовыхъ приказчиковъ» князя все болѣе пріобрѣталъ значеніе государственнаго совѣта царя московскаго, его слугамъ становилось уже не подъ силу «вершити» въ своей тѣсной компаніи «всякія дѣла» по всему государству. Простыхъ порученій отдѣльнымъ лицамъ теперь было далеко недостаточно. Поэтому, штатъ слугъ въ XVI столѣтіи не только быстро возрастаетъ, но около одного и того же дѣла съ этихъ поръ появляется по нѣскольку исполнителей, «товарищей», дѣйствующихъ «вопче», т.-е. совмѣстно. Такимъ образомъ начинается любопытный процессъ трансформаціи: *приказный человѣкъ превращается въ учрежденіе*! Происходило это очень просто. При бояринѣ, которому что-либо было «приказано вѣдати», появлялась сначала канцелярія, потомъ его «повытье», разростаясь, выдѣлялось въ особую «избу» или «палату», далѣе князь придавалъ ему въ помощь одного или нѣсколькихъ сотрудниковъ и... учрежденіе было готово. Съ этого момента подобная приказная ячейка начинала жить самостоятельной жизнью, постепенно отрываясь отъ стараго корня, на которомъ она первоначально выросла. Такъ изъ нѣдръ боярской думы, напр., выдѣлился цѣлый рядъ приказовъ. То же произошло и съ важнѣйшими

---

[1]) *Ѳ. Дмитріевъ*, op. cit., стр. 115—117.

[2]) *Судебникъ 1497 г.*, собственно говоря, еще не зналъ «приказовъ» и говорилъ, поэтому, вполнѣ послѣдовательно о боярахъ, «которые люди приказаны вѣдати», ст. 2. Иначе выражается *Судебникъ 1550 г.*, предписывающій судьѣ «жалобниковъ *своего приказу* отъ себя не отсылати»; ст. 7. Но и здѣсь мы находимъ, по существу, лишь слабый намекъ на учрежденіе. Ср. Дмитріева, op. cit., стр. 117. Нельзя не отмѣтить также скудости свѣдѣній, сообщаемыхъ Флетчеромъ о московскихъ приказахъ, которые нашъ авторъ не считаетъ еще за учрежденія. Онъ видитъ въ Москвѣ лишь «нѣсколько чиновниковъ», завѣдывающихъ сборомъ податей, судомъ и т. п. дѣлами. *О государствѣ русскомъ* (Спб. 1905), стр. 43—47, 58, 60.

дворцовыми «путями» вѣдомства казначеевъ, дворецкаго и др. Но такъ какъ процессъ этотъ, какъ и вся жизнь московскаго государства, шелъ урывками, изо дня въ день, отъ случая къ случаю, то естественно, что и приказы росли и множились, распадались и сливались внѣ какой-либо планомѣрной системы. Всматриваясь въ ихъ своенравную исторію, мы видимъ, что они родятся, какъ грибы послѣ дождя, и лопаются, какъ дождевые пузыри. Понятно, что этими условіями ихъ образованія должно было опредѣляться и самое устройство приказовъ или, лучше сказать, ихъ общее неустройство. И дѣйствительно, одно и то же дѣло дѣлалось тогда нерѣдко въ нѣсколькихъ приказахъ сразу [1]), и, наоборотъ, одинъ и тотъ же приказъ вершилъ самыя разнородныя дѣла, ничѣмъ между собой не связанныя [2]); одни приказы вѣдали опредѣленный кругъ дѣлъ по всему государству (центральные), [3])другіе, напротивъ, завѣдывали отдѣльными областями во всѣхъ отношеніяхъ (областные) [4]). Все здѣсь было, такимъ образомъ, въ высшей степени хаотично и не легко было разобраться въ этомъ приказномъ столпотвореніи [5]). Дѣло осложнялось еще болѣе тѣмъ, что приказы такъ же легко возникали, какъ и исчезали, такъ что центральное управленіе въ теченіе всего московскаго періода находилось въ непрерывномъ движеніи и процессѣ образованія и организаціи. Изслѣдователи насчитываютъ въ разное время до пятидесяти подобнаго рода учрежденій, появлявшихся подъ именами «приказовъ», «палатъ», «четей», «дворовъ» или «дворцовъ» [6]). При этомъ и по своему внутреннему устройству и положенію приказы эти далеко не были однородными: одними изъ нихъ управляли дьяки, другими—бояре, окольничіе или думные дворяне; одни изъ нихъ были вполнѣ самостоятельны, другіе находились въ зависимости отъ того или иного главнаго приказа [7]); наконецъ, часть изъ нихъ имѣла мѣстное, остальные—высшее центральное значеніе. Подобная пестрота и неустойчивость приказнаго «строенія» тяжелѣе всего должна была отзываться на московскомъ правосудіи, такъ какъ прежде всего дробила судебную

---

[1]) Такъ торговые и посадскіе люди разными сборами и проч. вѣдались и въ *Приказѣ Большого дворца*, и *въ П. Большой Казны*, и *въ П. Большого прихода* и т. д. *Котошихинъ*, op. cit., стр. 88, 97, 106. Такъ же обстояло дѣло и съ военнымъ вѣдомствомъ.

[2]) Напр., *Приказъ Большой Казны* «вѣдалъ» торговыхъ людей разными сборами и въ то же время завѣдывалъ монетнымъ дѣломъ, тульскимъ пушечнымъ заводомъ и т. д. Ibid., стр. 97, 105.

[3]) Напр., *Помѣстный приказъ*—«всего Московскаго государства земля, и что кому дано помѣстья і вотчинъ или кто у кого вотчину купитъ», ibid., стр. 94.

[4]) Напр., *Казанскій* и *Сибирскій приказы*—«а въ томъ приказе вѣдомо Казанское і Астраханское царство... о всякихъ дѣлахъ», «а вѣдаетъ тотъ приказъ (сибирскій)... противъ такого жъ обычая во всемъ все Сибирское царство и городы».

[5]) Это происходило потому, что московскіе государи, вмѣсто того, чтобы придерживаться вѣдомственной системы, предпочитали для всякаго новаго дѣла создавать новый приказъ. Такимъ образомъ, государственныя учрежденія въ Москвѣ представляли собою безобразное зданіе, состоящее изъ множества пристроекъ и клѣтушекъ, такъ наз. «боковушекъ», прилѣпленныхъ къ старому княжескому «дворцу».

[6]) Котошихинъ для своего времени насчитывалъ въ Москвѣ, «кромѣ городовыхъ и патріаршихъ приказовъ», *42 приказа*. Ibid., стр. 117.

[7]) Ibid., стр. 81. См. *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 721.

власть до крайнихъ предѣловъ. Объяснялось это тѣмъ обстоятельствомъ, что въ московскомъ государствѣ въ полной своей мѣрѣ, какъ и въ удѣльныя времена, судъ и управленіе продолжали оставаться неразрывно между собой связанными. Это органическое *смѣшеніе властей* проходило черезъ всю московскую государственную систему, отъ «великаго государя» черезъ боярскую думу, приказы, а равно и провинціальныя—какъ земскія, такъ и приказныя установленія. И хотя въ Москвѣ были и спеціально *судные* приказы, т.-е. такіе, въ которыхъ судъ являлся ихъ основной функціей (Разбойный, Холопій, Московскій судный и т. д.), тѣмъ не менѣе судили тогда положительно во всѣхъ приказахъ, почему и члены послѣднихъ обычно назывались «судьями» [1]).

Судъ въ приказахъ могъ производиться по самымъ различнымъ основаніямъ: во-первыхъ, потому, что тѣ или иные разряды лицъ или дѣлъ были *спеціально «судомъ вѣдомы»* въ извѣстномъ приказѣ [2]); во-вторыхъ, потому, что къ данному приказу были *приписаны на его содержаніе* («для приказнаго строенія») города и деревни вмѣстѣ съ населеніемъ въ нихъ находящимся [3]); въ-третьихъ, по тому, что приказы получали *право суда надъ своими же должностными лицами, служащими и подчиненными* [4]); въ-четвертыхъ, потому, что они *управляли* въ томъ или иномъ отношеніи какими-либо имуществами или цѣлыми областями (дворцовыми землями и т. п.). При такомъ положеніи вещей въ Москвѣ стоило не малаго труда для «разныхъ чиновъ людей» опредѣлить мѣсто своей подсудности, т.-е. узнать «гдѣ кто судім», въ какомъ приказѣ. Лишь къ концу періода, когда правительство начинаетъ обнаруживать стремленіе и дѣлаетъ попытки къ упрощенію приказнаго управленія, эта неразбериха нѣсколько сглаживается, и московскій бюрократическій лабиринтъ получаетъ болѣе упорядоченныя формы, хотя только коллежская реформа Петра В. покончила разъ и навсегда съ этой чисто московской манерой государственнаго строительства безъ плана и системы.

Но если у московскаго царя «не было никакой опредѣленной программы, то сама правительственная практика медлительно, но неуклонно вырабатывала и, въ концѣ концовъ, выработала свой *приказный обычай*, свою приказную систему, которая только въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича получила болѣе или менѣе ясное опредѣленіе и законодательную санкцію.

---

[1]) *К. Неволинъ.* Образованіе управленія въ Россіи, стр. 140 (Пол. соб. соч., т. VI). Дмитріевъ, op. cit., стр. 125—6.

[2]) «Два приказа судные: Московскій, Владимерской... А вѣдомы въ тѣхъ Приказехъ судомъ во всякихъ дѣлехъ бояре, и окольничие, и думные и ближние люди» и т. д. *Котошихинъ*, op. cit. стр. 113. «Грамотчиковъ» (иммунистовъ) судили, напр., въ *Пр. Большого дворца.*

[3]) «Да въ томъ же приказѣ (Посольскомъ) вѣдомы 5 городовъ, и для приказнаго строения, и на всякие покупки на расходъ, и на жалованье подьячимъ и сторожемъ», ibid., стр. 87.

[4]) *Неволинъ*, op. cit., стр. 148—9. *Ямской приказъ*, напр., вѣдавшій «ямское строеніе», судилъ подчиненныхъ ему ямщиковъ.

Однако, какъ ни было хаотично и несуразно это безоглядное нагроможденіе трехъ-четырехъ десятковъ приказовъ въ царственной столицѣ, тѣмъ не менѣе, благодаря ему, въ концѣ концовъ, въ Москвѣ отложился довольно солидный пластъ административно-судныхъ учрежденій, которые какъ бы залегли между боярской думой, съ одной стороны, и областными установленіями—съ другой.

Обособившись отъ боярской думы, приказы образовали изъ себя новый ярусъ въ іерархіи государственныхъ учрежденій московской Руси, хотя, конечно, и на этотъ разъ ничего стройнаго, выдержаннаго и вполнѣ законченнаго приказная система все же дать не могла. Но таковъ уже общій характеръ архитектоники московскаго государства XVII ст., которая, однако, не въ силахъ скрыть отъ насъ естественныхъ результатовъ государственнаго строительства изучаемаго періода. Мы уже видѣли, что Уложеніе 1649 г. довольно ясно обозначило мѣсто, занимаемое приказами среди другихъ публичныхъ установленій Москвы, поставивъ ихъ, какъ необходимую ступень передъ высшими органами правосудія въ государствѣ. Въ такомъ, именно, видѣ представлялась эта позиція приказовъ и современникамъ эпохи, для которыхъ приказы какъ бы замыкали собой движеніе московскаго правосудія въ его обыденномъ теченіи. Конечно, изъ нашего историческаго «далека», съ точки зрѣнія новѣйшихъ государственно-правовыхъ понятій, зрѣлище московскаго царства представляется намъ довольно безобразной грудой какихъ-то обломковъ, пристроекъ и надстроекъ, разбираясь въ которыхъ, мы почти теряемся въ конструкціяхъ de jure и de facto, но для людей практики «государева дѣла» того времени и даже стороннихъ наблюдателей—въ другой перспективѣ—тѣ же явленія представлялись въ совершенно иномъ свѣтѣ. То, что намъ представляется теперь въ самомъ неприглядномъ видѣ, въ чемъ мы видимъ отрицаніе элементарныхъ для насъ правовыхъ положеній, то же самое тогда, напротивъ, принималось современниками, какъ очевидное торжество порядка, и мыслилось ими, какъ извѣстный нормальный *строй*. Для Котошихина, напр., система приказовъ весьма просто и ясно укладывалась въ общей системѣ описанныхъ имъ государственныхъ учрежденій, не вызывая съ его стороны никакой критики или недоумѣній [1]). «Въ приказахъ посѣдѣлый» подъячій очень отчетливо представляетъ себѣ соотношеніе отдѣльныхъ ступеней приказ-

---

[1]) Op. cit., стр. 122. Любопытно въ этомъ смыслѣ свидѣтельство Д. Горсея, который далъ такой отзывъ о Московіи XVI в. «Строй и управленіе русскимъ государствомъ такъ измѣнились противъ прежняго, что можно было назвать это государство совсѣмъ новымъ: все получило другой видъ, противоположный старому; каждый жилъ въ спокойствіи, радовался, занимался своимъ дѣломъ; вездѣ назначены новые чиновники, вездѣ творилось правосудіе... Царь привелъ къ опредѣленной и точной формѣ писаннаго закона двусмысленные и неясные обычаи и судопроизводство, предоставивъ каждому... вести тяжбу своего дѣла, а въ важныхъ случаяхъ обращаться безпрепятственно къ верховному суду правительства». *Записки о Московіи XVI вѣка.* (СПБ. 1909), стр. 60—61. Конечно, свидѣтельство Горсея можетъ быть принято нами cum grano salis, но тѣмъ не менѣе оно весьма характерно. Въ данномъ случаѣ Горсей рѣшительно разошелся съ Флетчеромъ, сочиненіе котораго ему было хорошо извѣстно. Ср. *Флетчеръ*, op. cit., стр. 61.

ной лѣстницы, не смущаясь топорной грубостью ея постройки, которая поражаетъ и смущаетъ изслѣдователя нашихъ дней [1]).

Но, какъ бы ни были плохо сколочены и пригнаны къ другимъ учрежденіямъ московскіе приказы, ихъ положеніе и значеніе въ исторіи московской государственности и государственнаго суда должно быть признано неоспоримымъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ ихъ лицѣ мы имѣемъ дѣло съ настоящими государственными *учрежденіями* и, во-вторыхъ, съ *судебными установленіями опредѣленнаго ранга*. Въ этомъ смыслѣ московскіе *приказы были прежде всего бюрократическими учрежденіями, организованными на коллегіальномъ началѣ*. Говоря такъ, мы употребляемъ слово «бюрократическій» въ широкомъ смыслѣ его значенія, разумѣя *чиновный* составъ «приказовъ», *судьи* которыхъ назначались верховной властью и были ей безусловно подчинены. Центральныя судебныя установленія въ Москвѣ являлись, такимъ образомъ, чистымъ видомъ «короннаго», зависимаго, «канцелярскаго» суда. Здѣсь мы уже не найдемъ и слабаго намека на участіе народнаго элемента въ судѣ, хотя бы въ видѣ ограниченнаго представительства судебныхъ засѣдателей, какъ это имѣло мѣсто, напр., въ Новгородѣ [2]). Думные и недумные чины, дьяки, подъячіе—вотъ тотъ *бюрократическій корпусъ* московскаго государства, изъ котораго составлялся многочисленный штатъ приказныхъ «судей». «Вельможи въ случаѣ» и люди «государева жалованья», слуги и «холопишки» царскіе—таковъ былъ этотъ довольно пестрый составъ судейскаго персонала московскихъ приказовъ. Это были, въ полномъ смыслѣ слова, «вершители» правовыхъ судебъ московскихъ «людишекъ» со всѣми ихъ «животишками»... Общему духу учрежденій соотвѣтствовала и ихъ организація.

Во главѣ приказа стоялъ обыкновенно старшій его членъ, который однако долженъ былъ, какъ мы знаемъ, рѣшать дѣла вмѣстѣ со своими «товарищи», скрѣплявшими на ряду съ нимъ своими подписями судный списокъ [3]). Но помимо присутствія и канцеляріи (подъячихъ) при судѣ сверхъ того состоялъ еще цѣлый штатъ судебныхъ «приставовъ» (недѣльщиковъ, доводчиковъ), составлявшихъ изъ себя особыя артели или такъ наз. «заговоры», на обязанности которыхъ главнымъ образомъ лежалъ вызовъ сторонъ. Работа всей этой массы лицъ была теперь уже въ извѣстной мѣрѣ регламентирована: установлены были присутственные дни и время засѣданій, порядокъ веденія книгъ и дѣлопроизводства и т. д. Приказная «судебница» или «изба» превращалась при такихъ условіяхъ въ довольно сложное учрежденіе, въ которомъ водворялся типичный бюрокра-

---

[1]) Эту сторону московской «государственности» въ свое время съ особенной силой подчеркнулъ *Б. Чичеринъ*. Областныя учрежденія, стр. 571—585, 589.

[2]) Какъ справедливо замѣтилъ еще Ѳ. Дмитріевъ, «вся прежняя дѣятельность народа перешла теперь въ руки дьяковъ, которыхъ значеніе все усиливалось по мѣрѣ накопленія письменныхъ законовъ», *op. cit.*, стр. 10.

[3]) Предусматривая случай неполнаго присутствія въ приказѣ (за болѣзнью или «домашнимъ недосугомъ» боярина), 23 ст. *Уложенія* подтверждаетъ: «а вершить то дѣло по суду и по сыску судьямъ всѣмъ вопчѣ... и въ приговоръ писать свои имена». Ср. *Котошихинъ*, op. cit., стр. 117.

тическій режимъ. Приказный судъ становился отнынѣ судомъ замкнутымъ, негласнымъ, келейнымъ и одновременно судомъ направляемымъ «сверху», согласно принципу—«какъ государь укажетъ» [1]). Подобный характеръ юстиціи опредѣлялся въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что судъ въ московскомъ государствѣ отправлялся, такъ сказать, въ *порядкѣ управленія* и далеко не порвалъ еще своихъ интимныхъ связей съ процессомъ *правообразованія*. Благодаря этому судебная власть не чувствовала подъ собой твердой почвы, такъ какъ, съ одной стороны, въ ея сферу постоянно происходило вторженіе правительственныхъ видовъ («какъ бы казнѣ было выгоднѣе и людямъ не въ разореніе»), а съ другой—судьямъ приходилось либо «законодательствовать», такъ сказать, на ходу («какъ ихъ Богъ вразумитъ»), либо возбуждать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ передъ высшей властью вопросы общаго характера. Тяжущіяся стороны, обращаясь съ «челобитьями» въ приказы, вынуждены были при такихъ условіяхъ какъ бы отдаваться на милость судей, державшихъ въ своихъ рукахъ тайну царскихъ указовъ, которыми они играли мастерски, «какъ въ карты, подбирая масть къ масти». Такимъ образомъ, создавалось такое положеніе вещей, когда судья становился какъ бы начальникомъ для тяжущихся, а эти послѣдніе должны были просить у него, какъ милости, правосудія, употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы склонить, въ концѣ концовъ, на ту или иную сторону вѣсы приказной Немезиды. Страшенъ теперь, дѣйствительно, былъ не судъ, а судья.

А въ рукахъ приказныхъ судей на Москвѣ скоплялась огромная масса дѣлъ, поступавшихъ на ихъ разсмотрѣніе съ разныхъ сторонъ и различными путями.

Многообразіе судебной работы приказовъ зависѣло прежде всего отъ того порядка, въ какомъ поступали къ нимъ дѣла и тяжбы. И дѣйствительно приказъ могъ выступить то въ роли суда первой инстанціи, то какъ органъ административной юстиціи, то какъ высшая инстанція по дѣламъ «челобитчиковымъ», стоящая непосредственно надъ областными судными властями. Такъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда для провинціальнаго населенія приказъ являлся въ качествѣ суда второй инстанціи, для жителей столицы онъ могъ замѣнять первую. Въ качествѣ органа административной юстиціи приказъ разбиралъ жалобы и судилъ только тѣхъ областныхъ судей, которые были ему непосредственно подчинены, какъ получившіе отъ него свои полномочія; какъ инстанція апелляціонная, напротивъ—онъ разсматривалъ дѣла, спеціально подвѣдомыя ему по предмету иска, деликта или личности истца и отвѣтчика. Наконецъ, приказы разсматривали непосредственно и тѣ дѣла, которыя были изъяты изъ компетенціи областныхъ судей съ ограниченнымъ «присудомъ» и потому требовали «доклада» въ Москву, или вносились въ приказъ областнымъ судьей въ случаѣ невозможности

---

[1]) Прежняя «правда» («старина» и «пошлина» народная) окончательно смѣнилась теперь писаннымъ закономъ, «указомъ» и «боярскимъ приговоромъ». На стражѣ этой новой правды стали теперь уже не «добрые мужи», а слуги царскіе, приказные судьи, блюстители «государева» интереса и дѣла.

почему-либо рѣшить дѣло на мѣстѣ. Главные приказы сверхъ того давали еще окончательную санкцію по дѣламъ, вершеннымъ въ приказахъ «приписныхъ». Таковы были важнѣйшіе случаи поступленія дѣлъ на разсмотрѣніе московскихъ приказовъ. Большую часть этихъ дѣлъ приказы рѣшали окончательно, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя по иниціативѣ самихъ же судей шли въ докладъ ко «всѣмъ бояромъ». Съ послѣдней цѣлью приказными дьяками составлялись особые «докладные списки» съ *вопросами*, обращенными къ «суду великаго князя» [1]), отвѣты на которые вписывались потомъ въ «указныя книги» приказовъ для дальнѣйшаго руководства судей.

Такова была въ общихъ чертахъ приказная система центральныхъ судныхъ учрежденій въ Москвѣ. Можно было бы, впрочемъ, отмѣтить еще одну особенность въ ихъ организаціи, особенность, которая пока выражалась лишь въ извѣстной тенденціи, получившей свое полное развитіе уже въ слѣдующемъ періодѣ. Мы разумѣемъ новый принципъ *сословности*, начавшій пробиваться въ московскомъ приказномъ строѣ и судоустройствѣ. Сословное дѣленіе, ясно обозначившееся въ XVII столѣтіи въ московскомъ обществѣ, не могло, конечно, остаться безъ вліянія и на судъ. Какъ ни было несовершенно и хаотично распредѣленіе компетенціи приказовъ, тѣмъ не менѣе предметы ихъ вѣдомства невольно группировались около тѣхъ или иныхъ важнѣйшихъ интересовъ государства или господствующихъ соціальныхъ слоевъ.

Мало-по-малу для обслуживанія этихъ интересовъ и судебной ихъ защиты образовывались отдѣльные судебно-административные органы, истинный характеръ которыхъ нѣсколько затушевывался благодаря тому, что одинъ и тотъ же классъ лицъ «вѣдался» въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ разомъ. Эта дробность приказной организаціи какъ бы маскировала дѣйствительный смыслъ скрытой стихійной тенденціи. Чтобы понять ее, мы должны принять во вниманіе, что сословное начало базировалось на соціальномъ раздѣленіи труда, въ силу котораго профессіональный моментъ являлся опредѣляющимъ въ процессѣ сословной дифференціаціи. «Люди *служилые*», «люди *торговые*», «люди *пашенные*» и, наконецъ, «государевы *богомольцы*»—таковы были типическіе *признаки* общественнаго расчлененія московскаго общества.

Въ XVII в., подъ непрестаннымъ давленіемъ сословныхъ притязаній наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ классовъ, московскому правительству пришлось приступить къ генеральному соціальному межеванію. Въ Уложеніи 1649 г. въ отвѣтъ на «челобитья» служилыхъ и посадскихъ людей, Алексѣю Михайловичу пришлось въ концѣ концовъ «развести» названныхъ соперниковъ въ ихъ сословныхъ межахъ, завершивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ взаимное обособленіе законодательнымъ путемъ въ двухъ историче-

---

[1]) См., напр., *Указную книгу Разбойнаго приказа*, ст. 66.—«и тѣ статьи во что ставити: въ разбой ли, или въ грабежъ?» или отд. III—«а въ указной книгѣ этой статьи не написано: весь ли искъ по исковѣ челобичной указать?» и т. д. *Христоматія* Владимірскаго-Буданова, в. III.

скихъ главахъ, одиннадцатой и девятнадцатой, «соборнаго» кодекса 1649 г.[1]) Уложеніе сдѣлало, такимъ образомъ, рѣшительную попытку «грани покласти и ямы покопати» между двумя господствовавшими тогда «чинами» и непримиримыми противниками московскаго общества XVII столѣтія. Но, закрѣпляя за *служилыми* и *торговыми* людьми ихъ историческія права на захваченную ими соціальную добычу (государственныя земли, народный трудъ, торги и промыслы), «Уложеніе» въ то же время выявило и особую природу юридическаго положенія пасынковъ московскаго государства—крестьянъ и холоповъ, которые въ изучаемую эпоху почти окончательно уже слились въ одно состояніе сословія «крѣпостныхъ людей». Такъ сложилось въ окончательномъ итогѣ основное трехчленное дѣленіе населенія Московской Руси, къ которому можно было бы, пожалуй, еще присоединить четвертый членъ—духовенство, занимавшее, впрочемъ, всегда особое мѣсто въ ряду другихъ классовъ древне-русскаго общества.

Соотвѣтственно намѣтившемуся при такихъ условіяхъ сословному разслоенію московскаго народа, которое успѣло уже достаточно энергично заявить о себѣ какъ въ житейской практикѣ, такъ и въ буквѣ закона, естественно должно было обнаружиться и параллельное ему стремленіе со стороны отдѣльныхъ общественныхъ группъ, какъ и самого государства, концентрировать сословные интересы и ихъ правовую защиту для каждаго «чина» въ особомъ «пристойномъ» для него приказѣ.

Подобная локализація общественныхъ интересовъ и намѣтилась въ дѣйствительности уже въ XVII столѣтіи въ московской приказной системѣ, хотя—по указаннымъ выше причинамъ—ей и не удалось получить достаточно отчетливаго внѣшняго выраженія. Какъ бы то ни было, проявленіе сословнаго принципа можно было бы отмѣтить, напр., въ компетенціи приказа Большой казны,—какъ предшественника петровской Бурмистерской палаты[2]),—Помѣстнаго и Разряднаго приказовъ[3]), Монастырскаго приказа, Московскаго суднаго и нѣкоторыхъ другихъ. Впрочемъ, затерянный среди приказной черезполосицы и неразберихи, принципъ этотъ выступитъ въ судѣ и управленіи со всей своей силою и систе-

---

[1]) Мы разумѣемъ главу «судъ о крестьянехъ», впервые легализировавшую институтъ крѣпостного права на крестьянъ, и главу «о посадскихъ людяхъ», завершившую сословное выдѣленіе посадскихъ людей «по торговымъ ихъ промысламъ» (п. 3).

[2]) Стремленіе городского сословія вѣдаться судомъ и своими интересами въ спеціальномъ приказѣ, въ связи съ его стремленіемъ къ сословному самоуправленію, не разъ было заявлено имъ въ «челобитьяхъ» московскимъ царямъ. Напомнимъ хотя бы о выступленіи «торговыхъ людишекъ» на земскомъ соборѣ 1642 г., когда представители торговаго московскаго міра, указывая государю на то, что «въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ... Государевыхъ воеводъ», въ то же время напоминали царю, что «при прежнихъ Государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди *судилися сами промежъ себя*, а воеводъ въ городѣхъ не было». *Соб Госуд. гр. и дог.*, т. III, № 113. Что касается мысли объ особомъ «приказѣ», гдѣ бы вѣдомы были въ своихъ дѣлахъ торговые московскіе люди, то она была прямо высказана въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г. *Полн. соб. зак.*, № 408.

[3]) Послѣдніе два приказа обслуживали интересы *служилаго сословія*, при чемъ дѣла Разряда съ учрежденіемъ Сената перешли, какъ извѣстно, къ герольдмейстеру.

матически лишь только въ слѣдующемъ, имперскомъ періодѣ, когда и самый сословный строй русскаго общества и государства получитъ свое законченное воплощеніе...

Отъ суда центральнаго обратимся теперь къ суду областному, которому суждено было пережить въ настоящемъ періодѣ довольно поучительную эволюцію. Направляющая тенденція этой эволюціи, конечно, была та же, что и въ сферѣ развитія приказнаго суда въ Москвѣ, но основные этапы въ процессѣ послѣдовательнаго превращенія суда феодальнаго въ судъ «государственный» здѣсь были выражены еще показательнѣе и ярче.

Мы уже видѣли, что въ эпоху «Судебниковъ» старая удѣльная юстиція кормленщиковъ, «намѣстниковъ» и «волостелей», продолжала сохранять свою силу, какъ общее установленіе [1]). Прежде чѣмъ поднять свою «высокую руку» на этотъ послѣдній оплотъ политическаго феодализма, московскіе государи предварительно сдѣлали попытку ввести удѣльные суды въ зону своей централистической политики, поставивъ ихъ въ ближайшую зависимость отъ своего московскаго двора. Уже въ уставныхъ грамотахъ, какъ мы знаемъ, были сдѣланы первыя частичныя попытки московскими князьями въ смыслѣ нѣкотораго воздѣйствія на хищническіе инстинкты кормленщиковъ. Судебники 1497 и 1550 гг., а отчасти и Судебникъ 1589 г.[2]), идутъ, собственно говоря, по тому же, намѣченному ранѣе, пути, обобщая лишь сенаратныя мѣропріятія удѣльной эпохи для всего государства. Не отмѣняя кормленнаго суда, Судебники создаютъ только единообразныя условія и правила для его дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ мѣстныхъ судей въ *болѣе опредѣленную зависимость* отъ суда центральнаго, какъ въ порядкѣ «докладного» производства дѣлъ, такъ и въ порядкѣ личной отвѣтственности намѣстниковъ и ихъ слугъ передъ высшей властью. При этомъ нельзя не отмѣтить характернаго отличія въ послѣднемъ отношеніи между великокняжескимъ и царскимъ Судебниками. Въ то время, какъ въ первомъ общій запретъ, обращенный къ судьямъ насчетъ того, чтобы «посула отъ суда не имати», «а судомъ не мстити, ни дружити никому», не сопровождается никакими уголовными санкціями; во второмъ—мы слышимъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ суровый и неумолимый голосъ «грозной» власти, всюду устанавливающей «пени», какъ за неправосудіе, такъ и за всякаго рода иныя злоупотребленія со стороны судебныхъ органовъ, начиная бояриномъ и кончая послѣднимъ недѣльщикомъ. [3]) Намѣстники, волостели и ихъ служебный штатъ на этотъ разъ

---

[1]) Въ заголовкѣ *Судебника 1550 г.* прямо говорилось, что онъ долженъ былъ служить руководствомъ также и для областныхъ судовъ: «какъ судити... по городамъ намѣстникомъ, и по волостямъ волостелемъ».

[2]) Вступительная часть къ «Судебнику» Ѳедора Іоанновича въ данномъ отношеніи выражается нѣсколько иначе: «царь і великиі князь... приговорил и уложил сей судебник, как впред судъ судити бояромъ... и по городом намесникомъ, *и по волостемъ земскимъ судьямъ*». Судебникъ 1589 г., такимъ образомъ, уже считается съ земской реформой второй половины XVI ст. *Судебникъ ц. Ѳ. І.*, ст. 1, 116, 117, 120, 122.

[3]) Эти санкціи весьма разнообразны и варьируются, такъ сказать «посмотря по человѣку», въ зависимости отъ того, окажется ли виновнымъ боярин-судья или дьякъ,

выступаютъ передъ нами уже, какъ *подчиненные агенты* центральной государственной власти. И хотя они все еще продолжаютъ эксплоатировать свои публично-правовыя полномочія въ своихъ собственныхъ интересахъ на началахъ «корма», однако, самый судъ кормленщиковъ получилъ теперь несомнѣнный характеръ государственной делегаціи. Сохраняя свою прежнюю организацію и отношеніе къ мѣстному населенію, судъ этотъ былъ поставленъ совершенно иначе въ отношеніи къ верховной власти московскаго государя. Областные судьи были какъ бы повернуты лицомъ къ «великому государю» всея Руси, «смотрѣли» на него и «ходили» передъ нимъ по его указкѣ и по его слову. «Угрозивши своею грозою царскою», московскій государь, говоря словами Ивашки Пересвѣтова [1]), на этотъ разъ «выдалъ имъ книги судебныя, по чему имъ винити і правити», и такимъ образомъ, сообщилъ власти намѣстниковъ тотъ новый характеръ, котораго она раньше не имѣла. Привязавъ такимъ путемъ мѣстный судъ къ центру и превративъ его въ *областной судъ*, московскіе государи вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали его орудіемъ дальнѣйшей централизаціи, съ помощью котораго они и достигали постепеннаго сосредоточенія судной власти *на мѣстахъ*. Первоначально, какъ намъ приходилось уже отмѣчать, пространство власти намѣстничьяго суда было значительно ограничено правами иммунистовъ, въ «земли» и «людей» которыхъ въ эпоху удѣловъ имъ воспрещено было «вступаться ни по что». Съ теченіемъ времени, однако, ликвидируя феодальныя вольности, московскіе князья, при подтвержденіи жалованныхъ грамотъ, начали мало-по-малу расхищать политическія привилегіи боярщины, послѣдовательно ограничивая податныя льготы и *юрисдикцію* землевладѣльцевъ-феодаловъ. «А кто у нихъ въ той деревнѣ учнетъ жити людей, и на мѣстницы мои... и ихъ тіуны ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, *опричь душегубства* и *разбоя и татьбы съ поличнымъ*», читаемъ мы теперь обычную въ подобныхъ случаяхъ оговорку [2]). И это стереотипное «опричь» получало съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Лишая такимъ образомъ иммунистовъ высшаго уголовнаго суда, который переходилъ съ этого момента къ областнымъ судьямъ, московскіе государи однимъ ударомъ достигали двухъ цѣлей: обезглавливали, такъ сказать, многоголоваго феодальнаго дракона и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе углубляли процессъ государственной централизаціи, т.-е. процессъ *внутренняго собиранія* разсѣянной политической власти. Подчиняя намѣстника непосредственно верховной власти и подчиняя ему населеніе привилеги-

---

или подъячій и т. д. Поэтому, въ однихъ случаяхъ Судебникъ ограничивается взысканіемъ тройныхъ судебныхъ пошлинъ («и ѣздъ, и правда, и пересудъ и хоженое, и правой десятокъ, и пожелѣзное взяти втрое», ст. 3) и неопредѣленной угрозой «пени что государь укажетъ», въ другихъ же прямо постановляетъ, то «вкинути (дьяка) въ тюрму» (ст. 4), то «подъячаго казнити торговой казнію, бити кнутомъ» (ст. 5), при чемъ наказаніе это соединяется съ ограниченіемъ въ правахъ для осужденнаго («да выкинути изъ подъячихъ и ни у кого ему въ подъячихъ не быти», ст. 28). См. также *ibid.*, ст. ст. 8, 9, 10, 11, 28, 32, 44, 47, 53, 54, 69, 71, 74.

[1]) *Op. cit.*, стр. 73.

[2]) *Русскій историческій сборникъ*, т. V, 15.

рованныхъ территорій удѣльной эпохи, московскіе государи тѣмъ самымъ ставили первыя вѣхи на пути дальнѣйшаго упроченія своего авторитета на обширномъ пространствѣ своихъ «многихъ земель и государствъ», которыя лишь постепенно изъ механическаго конгломерата присоединенныхъ къ московскому княжеству удѣльныхъ «примысловъ», органически срастаясь, превращались въ единое государство россійской имперіи. Такъ, вливая новое вино государственной централизаціи въ старые мѣхи удѣльной системы суда и управленія, московскіе цари расчищали почву для окончательнаго торжества своей объединительной политики на началахъ самодержавія. Постепенно, съ помощью указанныхъ мѣропріятій, выковывали они отдѣльныя звенья той «цѣпи нисходящей, которая—говоря словами кн. М. Щербатова—отъ монарха начинается и властію его дѣйствуетъ... награждая скоростью рѣшеній происходимую медленность отъ отдаленности мѣстъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ «всѣ разныя страны составляющія Россійскую имперію... въ порядкѣ содержитъ»[1]).

Однако, попытка приспособить кормленный судъ къ новымъ условіямъ государственной жизни оказалась тщетной. Органическіе пороки феодальной юстиціи могли быть искоренены только вмѣстѣ съ ней самой. Ни угроза «Судебниковъ», ни указныя ограниченія кормовъ [2]), ни обязательное присутствіе на судѣ областныхъ судей «старостъ и лучшихъ людей, цѣловальниковъ», строжайше подтвержденные московскими царями [3]), ничто не могло измѣнить многовѣковой традиціи удѣльнаго правосудія. Сохраняя принципъ «кормленія», московскіе государи тѣмъ самымъ фактически поддерживали прежній вотчинный взглядъ на судебную власть, продолжая дѣлиться, какъ въ старину, своими правами со своими «боярами и дѣтьми боярскими».

---

[1]) *Сочиненія*, т. I (С.-Пб. 1896 г.), стр. 193.

[2]) *Судебникъ 1550 г.* особенно преслѣдовалъ *лихоимство*: «а возметъ бояринъ, или дворецкій, или казначей, или діякъ, или подъячій, или недѣльщикъ на комъ лишекъ и на томъ *взяти втрое*» (ст. 8 и др.).

[3]) Развивая соотвѣтствующія предписанія уставныхъ грамотъ, московскіе *Судебники* усиленно настаиваютъ на участіи въ областномъ судѣ *лучшихъ людей*, представителей мѣстнаго «міра»: «а *на судѣ* у нихъ (кормленщиковъ) и у ихъ тіуновъ быти *старостѣ и лучшимъ людемъ, цѣловальникомъ*. А судныя дѣла у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ писати *земскимъ діакамъ*; а старостѣ и цѣловальникомъ къ тѣмъ суднымъ дѣломъ *руки свои прикладывати... А безъ... старосты и безъ цѣловальниковъ* намѣстникомъ и ихъ тіуномъ *суда не судити*... ино быти въ судѣ... старостѣ да цѣловальникомъ...И послѣ въ тѣхъ *во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цѣловальникамъ*... А пришлетъ намѣстникъ или волостель... *списокъ судной къ докладу*... ино послати на правду... по *старосту, и по цѣловальниковъ, которые у того дѣла въ судѣ сидѣли*... Да будетъ тѣ *судные мужи скажутъ*, что судъ таковъ былъ... и тотъ тѣмъ (ищея) виноватъ... А кого намѣстничи или волостелины люди учнутъ давати отъ кого на поруку *до суда*... и тѣхъ людей *являти*... старостѣ и цѣловальникомъ, которые у намѣстниковъ и у волостелей... *въ судѣ сидятъ*». *Судебникъ 1550 г.*, ст. ст. 62, 68, 69, 70. Эти же «судные мужи» вели тогда и окладныя «разметныя книги», такъ какъ, согласно Судебнику, размѣры исковъ городскихъ и волостныхъ людей должны были соотвѣтствовать ихъ «животамъ» и размѣрамъ платимой ими «царевой подати». Въ случаѣ сомнѣнія въ исковой дѣеспособности сторонъ намѣстники и волостели должны были «посылати о томъ, выбираючи *тѣхъ же волостей лутчихъ людей да цѣловальниковъ*... обыскати накрѣпко, было ли живота его (истца) столько на колико ищетъ», ст. 72.

Даже царскій Судебникъ все еще не могъ преодолѣть этого чисто-удѣльнаго взгляда на судъ и управленіе. Вмѣсто того, чтобы говорить *о судѣ* намѣстниковъ и другихъ судей, за отправленіе котораго имъ предоставлялось право на извѣстное содержаніе, хотя бы и въ натурѣ, Судебникъ по традиціи упорно продолжаетъ трактовать о «боярахъ и дѣтяхъ боярскихъ, за которыми *кормленія* съ судомъ боярскимъ» или безъ него. Такимъ образомъ, согласно Судебнику, попрежнему, не кормъ являлся принадлежностью суда, а, наоборотъ, судъ—принадлежностью корма. Слѣдовательно, выходило такъ, что и въ XVI вѣкѣ намѣстникъ кормился не для того, чтобы судить, а судилъ для того, чтобы кормиться. Понятно, что при такихъ условіяхъ вмѣсто того, чтобы стоять на стражѣ права и порядка, областные судьи въ московскомъ государствѣ необходимо превращались въ укрывателей разбойниковъ, занимались пристанодержательствомъ и, однимъ словомъ, всячески промышляли о своемъ «прибыткѣ». Но если уже въ XIV столѣтіи князьямъ приходилось принимать мѣры противъ своихъ кормленщиковъ, то совершенно очевидно, что съ объединеніемъ Руси намѣстникамъ невозможно было ужиться съ новыми московскими порядками, какъ и московскому правительству съ ними. Царямъ московскимъ волей-неволей приходилось приступить къ ликвидаціи и этого безобразнаго обломка удѣльной старины. И какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и на этотъ разъ на помощь имъ въ рѣшеніи означенной задачи пришло само населеніе съ своей иниціативой и немолчной «докукой» челобитій, благодаря которой «вниде въ слухъ... царю, что многіе грады и волости пусты учинили намѣстники и волостели, изо многихъ лѣтъ презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы и много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ учиниша» [1]). Въ своихъ челобитьяхъ народъ, дѣйствительно, жаловался своимъ государямъ, что подъ покровительствомъ намѣстничьяго управленія ему положительно не стало житья отъ разбойниковъ и всякихъ «лихихъ людей». И эти горькія жалобы «волостныхъ» и «становыхъ» людей поступали въ Москву со всѣхъ концовъ «великаго государства». Въ однихъ и тѣхъ же, какъ бы заученныхъ словахъ, раскрывали они печальную картину московскаго безсудья и своей собственной безпомощности, повѣствуя о томъ, какъ у нихъ «многія села и деревни разбойники разбиваютъ и животы ихъ грабятъ, и села и деревни жгутъ, и на дорогахъ людей грабятъ, и разбиваютъ и убиваютъ до смерти», а они сами безъ царскаго «вѣдома, обыскивати и имати разбойниковъ не смѣютъ», такъ какъ это было бы явнымъ нарушеніемъ правъ мѣстныхъ судей-кормленщиковъ [2]). Поэтому, подобныя челобитья обычно

[1]) *Татищевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, к. V, стр. 439.

[2]) См., напр., *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 187. Поэтому, когда населеніе въ лицѣ губныхъ властей получило наконецъ право суда и сыска по разбойнымъ дѣламъ, то ему строжайше было воспрещено всякое дальнѣйшее вторженіе въ компетенцію намѣстничьяго суда; «а старостамъ губнымъ, *опричь вѣдомыхъ разбойниковъ, у намѣстниковъ не вступатися ни во что*; а татей судити имъ по царевымъ и великаго князя по губнымъ грамотамъ, какъ въ нихъ писано»—такъ гласитъ 60 ст. *Судебника 1550 г.* Такимъ образомъ, съ судомъ кормленщиковъ произошло то-же, что и съ судомъ иммунистовъ: началось расхищеніемъ ихъ судной власти. Они судятъ по прежнему, но уже *опричь* разбойныхъ дѣлъ.

и имѣли своей цѣлью ходатайство передъ государемъ о томъ, чтобы самому населенію черезъ его выборныхъ было позволено впредь «межъ себя... обыскивати и имати разбойниковъ» и творить надъ ними свой мірской судъ и расправу. Однако московскіе государи и здѣсь, съ присущимъ имъ консерватизмомъ, не рѣшались сразу пойти навстрѣчу мѣстному населенію. Они предварительно командировали въ пораженныя разбоями волости и станы своихъ царскихъ «обыщиковъ» и «сыщиковъ», которымъ и поручали совмѣстно съ намѣстниками «имати» разбойныхъ людей. Но подобная мѣра, само собою разумѣется, заранѣе была осуждена на полную неудачу. Среди разореннаго разбоями населенія съ прибытіемъ такого «обыщика», по существу, въ волости являлся какъ бы второй намѣстникъ, который всегда умѣлъ очень быстро «стакнуться» съ первымъ и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, примыкалъ все къ той же темной шайкѣ мѣстныхъ громилъ, гдѣ такъ злостно перемѣшались профессіональные воры и разбойники съ профессіональными хищниками изъ областной администраціи. И дѣйствительно, почти въ каждой губной грамотѣ XVI в. можно было прочесть любопытное признаніе московскаго царя, подтверждающее традиціонную жалобу населенія на государевыхъ «обыщиковъ»: «и мы къ вамъ посылали (на Бѣлоозеро, въ Каргополе, и т. д.) обыщиковъ своихъ и отъ нашихъ де обыщиковъ и отъ недѣльщиковъ *чинятся вамъ великіе убытки... волокита велика*» [1]). Говоря иначе, съ появленіемъ царскаго сыщика «сказка» областной юстиціи «начиналась сначала»: разбойники попрежнему «разбивали», кормленщики грабили, а населеніе «било челомъ» государю и разбѣгалось во всѣ стороны, побросавъ свои дворы и деревни! Всѣ эти явленія носили въ то время до того обыденный характеръ, что въ губныхъ грамотахъ московской эпохи перечисленіе ихъ сдѣлалось просто стереотипной оффиціальной формой, разъ навсегда установленной. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оставалось только вставить въ готовый текстъ грамоты собственныя имена, названіе мѣстности, и указъ о введеніи губнаго управленія и суда былъ готовъ. Съ точки зрѣнія московскаго правительства введеніе губныхъ учрежденій въ той или иной мѣстности было бы недостаточно мотивировано и обосновано, если бы на ряду съ «разбойниками» не было упомянуто въ царской грамотѣ и о *великихъ убыткахъ* и *волокитѣ*, чинимыхъ «нашими обыщиками». Такимъ образомъ, только исчерпавъ всѣ рессурсы старой практики, московскіе государи, въ сознаніи полнаго своего банкротства и безсилія въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ общественной тишины и спокойствія, шли на капитуляцію и сбрасывали, наконецъ, невыносимое для нихъ «бремя правленія» на плечи или «на души» самого вопіющаго и взывающаго къ нимъ населенія. Такъ поступали они всякій разъ, когда имъ приходилось сводить послѣдніе счеты съ остатками стараго и пережившаго уже себя удѣльнаго режима и приступать къ «творческой» работѣ. Истребить, разрушить, ликвидировать—это они еще могли, но создать что-либо взамѣнъ разрушеннаго, сознательно и планомѣрно творя,—это было выше ихъ силъ. Поэтому, всегда и во всемъ они шли ощупью, гонимые

---

[1]) *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 187.

нуждой и требованіями момента, бросаясь изъ стороны въ сторону, хватаясь за первое подвернувшееся средство, «неволею» законодательствуя (соборная кодификація), невольно реформируя (земская реформа). Такъ было и съ губнымъ дѣломъ. Рѣшившись, наконецъ, отстранить намѣстниковъ отъ борьбы съ разбоями и профессіональными преступными элементами общества, московскіе государи поспѣшили принять и санкціонировать то, что подсказывали имъ земскіе люди, которые располагали своими средствами, не разъ испытанными уже въ борьбѣ съ «лихими» врагами общественнаго мира, «ставшими на разбой». Правительство такъ и поступило, передавъ всецѣло разбойное дѣло въ руки мѣстнаго населенія. «То есми *положилъ на душахъ вашихъ*, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостелей въ томъ продажи вамъ нѣту» [1])— гласила обычная формула губныхъ грамотъ отъ имени царя, разрѣшая и вводя губной судъ и розыскъ. Таковъ былъ, по существу, истинный смыслъ этой первой земской реформы Ивана Грознаго. Въ отвѣтъ на многочисленныя ходатайства, московскій государь «жаловалъ» уѣздное населеніе, уступая ему, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, право, «*межъ себя свѣстясь*, всѣмъ за единъ, въ тѣхъ своихъ волостѣхъ... учинити себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка по три или четыре... которые бы грамотѣ умѣли», а въ помощь къ этимъ головамъ разрѣшалъ выбрать «старостъ и десятскихъ и лучшихъ людей христіянъ человѣкъ пять или шесть» съ тѣмъ, чтобы всѣ эти выборные люди вмѣстѣ «промежъ бы естя себя... лихихъ людей, татей и разбойниковъ *сами обыскивали*, по крестному цѣлованію, вправду безъ хитростей.., да обыскавъ ихъ и доведчи на нихъ пытали накрѣпко, а допытався у нихъ, что они крадутъ и разбиваютъ... бивъ кнутьемъ да казнили смертью». Такимъ образомъ, тѣ самые «лучшіе люди», которые, какъ мы видѣли, для береженья «правды» «сидѣли» на судѣ у намѣстниковъ и со «старостами» и прочими земскими властями всякія судныя дѣла «вѣдали», теперь вновь, на этотъ разъ, впрочемъ, уже подъ предводительствомъ мѣстныхъ выборныхъ служилыхъ людей, оказывались призванными къ управленію и суду, какъ самостоятельная власть, стоящая рядомъ съ намѣстникомъ и отъ него независимая [2]). При такихъ

---

[1]) *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 187. *Доп. къ Ак. Истор.*, т. I, № 31 и др. Характерна разрѣшительная форма губныхъ грамотъ. Московскій царь какъ бы успокаивалъ населеніе, чтобы оно не опасалось впредь ни государевой «опалы», ни наказанія со стороны намѣстника за предоставленное ему *право* губнаго суда, которое отнынѣ должна была *терпѣть* государственная власть. Получалось, дѣйствительно,—говоря словами И. Дитятина—такое положеніе: «царь повелѣлъ «пастырей волковъ» устранить, а овецъ, ими пасомыхъ, *предоставить самимъ себѣ*». *Статьи по исторіи русскаго права* (С.-Пб. 1895 г.), стр. 429. Но такое пассивное отношеніе центральной власти къ губному дѣлу продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока въ ея глазахъ это послѣднее не превратилось изъ права или привилегіи, жалуемой населенію, въ его *повинность* и, такъ сказать, *приказную службу*.

[2]) Московскіе государи такимъ путемъ еще разъ прибѣгали къ помощи изстаринной народной общественной организаціи во имя общегосударственныхъ интересовъ. Князья московскіе, какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу И. Дитятинъ, не уничтожали исконнаго народнаго общиннаго строя, «но пользовались имъ для цѣлей

условіяхъ среди областныхъ московскихъ учрежденій въ XVI ст. появились неожиданно *выборные суды* съ чрезвычайными судебно-полицейскими полномочіями, т.-е. появился *высшій мѣстный уголовный судъ съ спеціальнымъ назначеніемъ*. Проведя означенную реформу, какъ мы видѣли, московское правительство, въ дѣйствительности, только осуществило предложенный ему земскими людьми проектъ ограниченія власти намѣстниковъ. Московскому царю пришлось просто въ отвѣтъ на массовыя ходатайства уѣзднаго населенія «велѣти учинити по ихъ челобитью». Поэтому и самыя губныя грамоты—собственно говоря—вылились сразу въ форму простого разрѣшенія или предписанія, обращеннаго непосредственно къ просителямъ,—произвести выборы необходимаго числа губныхъ властей. Реформа проходила, такъ сказать, въ порядкѣ удовлетворенія отдѣльныхъ ходатайствъ, какъ мѣра текущаго управленія.

Но разъ получивъ верховное признаніе, губная расправа быстро вошла въ широкій обиходъ московской правительственной практики. И это было обычнымъ явленіемъ въ Москвѣ. Трудъ былъ для московскихъ государей только первый шагъ, но разъ онъ былъ сдѣланъ, разъ созданъ былъ опредѣленный прецедентъ, принятая мѣра необыкновенно быстро превращалась въ «пошлый» usus, цѣлый институтъ, который правительство стремилось уже использовать возможно многостороннѣе и полнѣе. Санкціонировавъ въ цѣломъ рядѣ частныхъ случаевъ починъ населенія и разрѣшивъ ему «имати разбойниковъ безпенно» и «казнити ихъ смертью», правительство вскорѣ начинаетъ распространять губныя учрежденія по всему государству [1]), расширяетъ ихъ компетенцію и соотвѣтственно съ этимъ постепенно вводитъ ихъ въ общую систему государственнаго управленія, такъ что, въ концѣ концовъ, «губныя избы» превращаются съ ихъ выборными властями въ типичные *приказные органы* суда и управленія, всецѣло подчиненные центру. И если сначала губное право было, дѣйствительно, жалованнымъ *правомъ* и очевидной *льготой*, дарованной населенію въ его собственныхъ интересахъ, то это обстоятельство, конечно, объяснялось вовсе не либеральнымъ духомъ московскаго правительства, которое было проникнуто тенденціями явно враждебными всякой автономіи и свободѣ, а единственно его безпомощностью. Правительство живо ухватилось въ первый моментъ за мѣру, предложенную ему самимъ населеніемъ, принявъ ее, какъ весьма удобный и простой выходъ изъ создавшагося угрожающаго положенія вещей. Услуга земскихъ людей очень удачно разрѣшала очередной вопросъ и въ Москвѣ съ полной готовностью поспѣшили откликнуться навстрѣчу иниціативѣ челобитчиковъ, немедленно положивъ благопріятную резолюцію на ихъ «прошеніе». Но какъ только дѣло пошло въ ходъ, правительство не замедлило прибрать къ своимъ рукамъ губную организацію и превратить ее въ послушное ору-

---

государственныхъ, такъ или иначе *приспособляя* его къ новымъ потребностямъ». *Op. cit.*, стр. 407.

[1]) Обычно губные округа совпадали съ уѣздомъ, обнимая въ своей организаціи все населеніе губы «безо мѣны, чей хто ни буди». *Акты А. Юшкова*, № 178.

діе своей власти. Этимъ и объясняются историческія судьбы губнаго института.

Если «по своему происхожденію»—какъ справедливо указалъ еще Б. Чичеринъ—губные органы «были земскою властью», то въ XVII ст. мы уже можемъ констатировать окончательное «превращеніе этой земской власти въ приказную» [1]). Означенная эволюція губнаго суда несомнѣнно находилась въ ближайшей связи съ ростомъ его правительственныхъ полномочій.

Какъ извѣстно, первоначально губныя учрежденія появляются, по существу, какъ органъ чисто *судебный*. Если не считать нѣкоторыхъ полицейскихъ функцій, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ преслѣдованіемъ разбойниковъ и розыскомъ ихъ притоновъ, то вся задача и основная дѣятельность губныхъ властей сводилась именно къ суду и казни разбойниковъ. Предоставленіемъ имъ этого права цѣликомъ исчерпывалось все содержаніе первыхъ губныхъ грамотъ [2]). При этомъ суду губной расправы подлежали только такъ называемые «вѣдомые лихіе люди», т.-е. *профессіональные* разбойники, а не обыкновенные уголовные преступники [3]). Такимъ образомъ, въ губныхъ учрежденіяхъ XVI вѣка мы впервые видимъ судъ отдѣленнымъ отъ управленія. Впрочемъ обстоятельство это было чисто эпизодической случайностью въ исторіи древне-русской юстиціи и, конечно, не могло долго удержаться.

И дѣйствительно, губныя учрежденія начинаютъ довольно скоро обрастать въ своей компетенціи все новыми и новыми полномочіями и порученіями, которыми постепенно ихъ стали забрасывать изъ Москвы. Это расширеніе губной компетенціи шло въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны распространялись судебныя полномочія губныхъ властей, такъ что помимо дѣлъ «разбойныхъ» къ нимъ переходили также и дѣла татиныя, убійственныя, о поджогахъ, о совращеніи изъ православія, насиліи надъ женщинами, непочтеніи къ родителямъ и т. п. [4]), съ другой—имъ передавалось на ряду съ судомъ и мѣстное управленіе, такъ что они нерѣдко совершенно замѣняли собой намѣстниковъ, а позднѣе и воеводъ [5]). Въ результатѣ губныя

---

[1]) *Областныя учрежденія*, стр. 450—51. И. Дитятинъ совершенно справедливо квалифицируетъ это превращеніе, какъ процессъ *вырожденія* губныхъ властей «изъ земскихъ людей въ приказныхъ слугъ». *Op. cit.*, стр. 438, 449.

[2]) Заключительная же часть грамоты обычно посвящалась увѣщанію губныхъ судей: «а по недружбѣ, въ *земскомъ дѣлѣ*, *или* въ *брани какой-нибудь*, межъ собя не мстилися никто никому». *Акты Арх. Экс.* т. I № 187.

[3]) «А приведутъ кого въ разбоѣ, или на кого въ судѣ доведутъ, что онъ вѣдомый разбойникъ: и намѣстникомъ тѣхъ отдавати губнымъ старостамъ. А старостамъ губнымъ, опричь вѣдомыхъ разбойниковъ, у намѣстниковъ не вступатися ни во что». *Судебникъ 1550 г.*, ст. 60.

[4]) *Уложеніе 1649 г.*, гл. XXI, ст. 3. «А вѣдати въ городѣхъ разбойные, и убійственные и татиные дѣла губнымъ старостамъ и целовальникомъ по наказомъ изъ Разбойнаго приказу, а воеводомъ въ городахъ такихъ дѣлъ ничѣмъ не вѣдать». Укажемъ также *Полн. собр. зак.* № 441, ст. 90, 91, 92, 109 и 110. См. *С. Шумаковъ*. Губныя и земскія грамоты московскаго государства (М. 1895 г.), стр. 44—45.

[5]) *Шумаковъ*, op. cit., стр. 53. Въ концѣ XVII в. правительство постоянно колеблется между губнымъ и воеводскимъ управленіемъ и судомъ.

учрежденія прежде всего утрачивали свой чисто судебный характеръ и становились типичнымъ органомъ московской правительственной системы, въ которомъ вновь оказывались перемѣшанными юстиція съ администраціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтая въ глазахъ центральной власти все большее и большее значеніе и распространяя постепенно свое дѣйствіе почти на все государство, губныя учрежденія, въ концѣ концовъ, превратились въ одно изъ колесъ московскаго приказнаго механизма XVII в. Выборные губные головы и цѣловальники, первоначально поставленные довольно независимо отъ центральной власти и обязанные только въ извѣстныхъ случаяхъ (по поводу разбойничьихъ животовъ и собственныхъ выборовъ) «отписывати на Москву къ бояромъ, которымъ разбойные дѣла приказаны» [1]), съ теченіемъ времени попадаютъ въ полную зависимость, какъ отъ Разбойнаго приказа, такъ и отъ областныхъ правителей, воеводъ, если только въ этомъ послѣднемъ случаѣ имъ не удавалось сохранить своей самостоятельности [2]). Всякая связь съ тѣмъ обществомъ, которое избирало губныхъ головъ, старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей, у этихъ послѣднихъ въ концѣ концовъ окончательно порывалась. Никакими обязательствами по отношенію къ мѣстному населенію эти *выборныя* власти связаны вовсе не были. Но зато у нихъ появилось грозное *начальство* въ Москвѣ, въ лицѣ Разбойнаго приказа и его бояръ. Сюда должны были являться выбранные къ *губной службѣ* земскіе люди, здѣсь приводили ихъ «ко кресту» и вручали имъ «наказныя памяти, почему имъ разбойныя, и убійственныя, и татиныя дѣла вѣдати» [3]), здѣсь же, наконецъ, судили ихъ самихъ. Московское правительство мало-по-малу усвоило при такихъ отношеніяхъ вполнѣ простой и ясный взглядъ на губный выборъ. Оно стало, такъ сказать, требовать отъ провинціальнаго населенія, какъ его повинности, *поставки* людей къ губному дѣлу, которое *изъ земскаго такимъ образомъ сдѣлалось «государевымъ»*. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, что вмѣсто отвѣтственности губныхъ чиновъ передъ ихъ избирателями, Уложеніе 1649 г. провозгласило принципъ отвѣтственности избирателей за ихъ выборныхъ передъ центральнымъ правительствомъ! [4]) Такъ въ XVII

---

[1]) *Акты Арх. Экси.*, т. I, № 187, стр. 165. Въ позднѣйшихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ уже названіе Разбойной Избы и наконецъ Разбойнаго приказа.

[2]) *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 53—4.

[3]) По мѣрѣ того, какъ губное право постепенно превращалось въ губную повинность, и жалованная губная грамота въ свою очередь превращалась въ *губный наказъ*. Первоначально московскій государь, такъ сказать, уступалъ мѣстному населенію, согласно его челобитію, испрашиваемую имъ льготу, позднѣе же въ грамотѣ прямо уже писалось, безъ всякаго указанія на челобитіе: «велѣлъ у нихъ быти... у разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ старостамъ», или: «указали мы Великій государь». *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 281, стр. 316; т. IV, № 237, стр. 326. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе разросталось и самое содержаніе губныхъ грамотъ, а также развивалась и *регламентація* губного дѣла. Губные наказы и грамоты превращались въ XVII ст. какъ бы въ цѣлые *уставы розыскнога процесса*.

[4]) *Уложеніе*, кн. XXI, ст. 101. Такъ, въ случаѣ упущенія со стороны губныхъ «старостъ и целовальниковъ», уложеніе разрѣшаетъ взыскивать убытки не только на нихъ, но «и на уѣздныхъ людехъ, кто тѣхъ целовальниковъ... выбиралъ». При такихъ условіяхъ *выборъ* превращался, собственно говоря, уже въ *поруку*.

ст. совершилось окончательное превращеніе губныхъ земскихъ властей въ *приказныхъ слугъ* [1]), которыми правительство съ тѣхъ поръ и начало всячески помыкать въ своихъ интересахъ изъ московскаго центра [2]).

Но если выборныя губныя власти превратились въ концѣ концовъ въ зависимыхъ агентовъ московскаго приказнаго правительства, которое сдѣлалось для нихъ самымъ подлиннымъ начальствомъ, то и сами они въ свою очередь заняли точно такое же положеніе по отношенію къ мѣстному населенію своего уѣзда [3]). Имѣя единственную надежную точку опоры въ московскихъ приказахъ [4]), эти выборныя власти очень легко естественно поддавались вліянію московскаго бюрократическаго духа и «обычая» и, такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ совершенно теряли свой общественный характеръ [5]). При такихъ условіяхъ *губному суду* не только суждено было утратить свою самостоятельность, но и превратиться какъ бы въ простую *принадлежность управленія*.

Соображая столь своеобразную исторію губнаго института, мы невольно приходимъ къ тому заключенію, что реформа эта не достигла своей цѣли. Не создавъ независимаго выборнаго суда, она въ то же время не устранила и застарѣлаго недуга—суда намѣстничьяго, хотя въ XVI ст., въ эпоху возникновенія губныхъ учрежденій, они и сыграли нѣкоторую положительную роль, выдвинувъ въ противовѣсъ феодальному началу кормленія начало общественное.

Правда, это послѣднее само-по-себѣ оказалось слишкомъ слабымъ и не могло противостоять соціально-политическимъ закрѣпостнительнымъ тенденціямъ своего времени, но зато оно несомнѣнно содѣйствовало утвержденію началъ московской *государственности*. При посредствѣ земскихъ

---

[1]) Котошихинъ, напр., говоря о губныхъ избахъ, называетъ ихъ прямо *приказными*: «і в городѣхъ, для розбойныхъ и татиныхъ дѣлъ, устроены приказные губные избы, і вѣдаютъ такие дѣла выборные дворяне» и т. д. *Op. cit.*, стр. 114.

[2]) *Б. Чичеринъ*, op. cit., стр. 503. Иногда правительство даже прямо само *назначало* губныхъ головъ.

[3]) При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ извѣстномъ смыслѣ и между самими губными выборными людьми, въ концѣ концовъ, установились, на мѣсто товарищескихъ отношеній, отношенія власти и подчиненія. Хотя губныя учрежденія и были построены на *всесословномъ* началѣ, однако эта всесословность не только явно противорѣчила всему соціальному строю эпохи, но и послужила въ данномъ случаѣ какъ разъ къ утвержденію засилія *дворянскаго* элемента въ губномъ дѣлѣ. Уѣздному населенію было предложено выбирать губныхъ «головъ» непремѣнно изъ числа мѣстныхъ служилыхъ людей (дѣтей боярскихъ), тогда какъ прочія губныя власти избирались изъ «крестьянъ». Такимъ образомъ, во главѣ всесословнаго учрежденія оказывалось поставленнымъ привиллегированное сословіе и въ губной избѣ должны были совмѣстно дѣйствовать г.г. помѣщики и крестьяне, при чемъ первые оказывались въ «головахъ». Неудивительно, что при такихъ условіяхъ губная демократія довольно скоро попала въ подчиненное и служебное положеніе по отношенію къ губной высшей «бюрократіи», въ которую, по существу, превратились дворянскіе «головы» земской расправы.

[4]) Съ расширеніемъ компетенціи губныхъ органовъ они попали въ зависимость, помимо Разбойнаго, и отъ другихъ приказовъ.

[5]) Московскому правительству приходилось даже тогда въ «наказахъ» воеводамъ возлагать на нихъ обязанность *охраны* земскихъ людей отъ притѣсненій губныхъ властей!

людей московскіе государи начали и закончили централизацію областного суда и управленія. Уставныя грамоты съ ихъ «добрыми» судными мужами были первымъ къ тому шагомъ, губная расправа—вторымъ и, наконецъ, земская реформа 1555 г.—третьимъ. Съ помощью означенныхъ мѣропріятій московскому правительству такъ или иначе удалось окончательно ликвидировать судъ кормленщиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить грядущее полное торжество приказнаго порядка.

Съ земской реформой Ивана Грознаго, собственно говоря, повторилась исторія губныхъ учрежденій.

Еще разъ интересы правительства встрѣтились съ интересомъ земщины на почвѣ борьбы съ кормленнымъ правосудіемъ и администраціей, еще разъ земщина выступила съ готовымъ проектомъ реформы, которымъ правительство и поспѣшило воспользоваться, и еще разъ земскій міръ, оказавъ крупную услугу центральной власти, долженъ былъ, и уже окончательно, капитулировать передъ приказной бюрократіей московскаго государства.

Мы уже отмѣтили, что ограниченіе компетенціи намѣстничьяго суда выдѣленіемъ изъ него «разбойныхъ дѣлъ» не рѣшало больного вопроса объ областномъ управленіи. Поэтому, и жалобы на кормленщиковъ не только не прекращались, но, напротивъ, сдѣлались еще болѣе настойчивыми и, такъ сказать, угрожающими. Намъ уже приходилось цитировать текстъ уставныхъ грамотъ, въ которыхъ не только передъ нами открывается вопіющая картина запустѣнія цѣлыхъ волостей «отъ насильства и продажъ» намѣстниковъ и волостелей, но эти послѣдніе прямо ставятся на одну доску съ «лихими людьми, татями и разбойниками». При такихъ условіяхъ мѣстное населеніе не ограничивалось уже въ своей «докукѣ безпрестанной» скромнымъ предложеніемъ о разрѣшеніи ему самому «обыскивати вѣдомыхъ лихихъ людей». Вопросъ теперь ставился гораздо шире: населеніе просило о полномъ упраздненіи кормленій и соглашалось даже платить государству выкупъ («оброкъ») «за намѣстничи, и за волостелины, и за преведчиковы доходы, и за присудъ» [1]), если только ему дозволено будетъ для суда и управленія «учинить лутчихъ выборахъ людей, кого они излюбятъ», «старостъ излюбленныхъ» [2]). Такимъ образомъ, часъ кормленаго суда пробилъ.

Правительство и на этотъ разъ, конечно, поспѣшило принять предложеніе земскихъ людей, и московскій царь, какъ гласитъ Важская грамота, «велѣлъ есми у нихъ быти, по ихъ челобитію излюбленнымъ головамъ кому у нихъ и въ станѣ и въ волостѣхъ *межъ себя управа чинити во всякихъ дѣлѣхъ земскихъ*» [3]). Такъ началась земская реформа, первоначально,

---

[1]) См. *С. Шумаковъ*, op. cit., стр. 110—111. «И крестьяне тое волости пооброчились, дати имъ въ нашу казну оброкомъ за намѣстничи и тіуновы кормы... на годъ 15 рублевъ»; ibid. стр. 108. Этотъ новый налогъ и назывался «кормовыми деньгами за намѣстничь кормъ». *Акты Истор.*, т. I, № 166.

[2]) *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 234.

[3]) *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 234.

какъ отвѣтъ на отдѣльныя мѣстныя ходатайства, а затѣмъ распространенная на все государство.

Въ 1555 г. московскій государь уже могъ писать въ своихъ указахъ и грамотахъ: «и мы, жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ, и волостелей, и праведчиковъ *отъ городовъ и отъ волостей отставили*... и велѣли есмя *во всѣхъ городѣхъ, и въ станѣхъ, и въ волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити*, и намѣстничи... доходы збирати, и къ намъ на срокъ привозити, *которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею*, отъ которыхъ бы имъ продажъ, и убытковъ, и обиды не было» [1]).

Сущность и техника реформы и на этотъ разъ отличалась поразительной простотой. Правительство, «отставивъ» намѣстниковъ, цѣликомъ передало ихъ полномочія мѣстнымъ выборнымъ властямъ тяглой общины, отписавъ на себя намѣстничьи «доходы», которые оно такимъ путемъ обратило въ новую подать. Сдѣлка заключалась, при такихъ условіяхъ, какъ бы къ обоюдной выгодѣ. Населеніе и правительство окончательно развязывалось съ удѣльной юстиціей и управленіемъ, тяглый міръ получалъ широкое самоуправленіе и судъ въ свои руки, государственная власть создавала для себя новый источникъ дохода. При этомъ земская автономія была построена на сей разъ на началахъ сословной обособленности тяглой общины. Земскія учрежденія вводились только среди волостного крестьянскаго и посадскаго населенія. Служилые же люди были совершенно отъ нихъ отстранены. Поэтому управленіе «излюбленныхъ головъ» пріуročивалось теперь къ болѣе мелкой земской единицѣ—волости, или даже къ еще болѣе скромнымъ территоріямъ—отдѣльнымъ посадамъ и слободамъ.

Наступилъ, можно сказать, «золотой вѣкъ» земскаго самоуправленія. Вмѣстѣ съ полиціей и администраціей, и *мѣстный судъ*, какъ гражданскій, такъ и уголовный, перешелъ теперь вполнѣ въ руки самого населенія [2]). И хотя судъ этотъ и дробился между губными органами и земскими «судейками», тѣмъ не менѣе все же въ своей совокупности онъ оказался въ рукахъ мѣстныхъ людей и на короткій моментъ, отъ упраздненія намѣстничьяго суда и до появленія воеводъ, Москва пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ областнымъ міромъ въ лицѣ его выборныхъ и «излюбленныхъ» властей.

Однако, какъ ни было, казалось, широко дарованное населенію право «промежъ себя» вѣдаться судомъ и управою, тѣмъ не менѣе земской реформѣ пришлось въ свою очередь раздѣлить судьбу губной. Земскіе судьи и власти, въ концѣ концовъ, тоже вошли въ общую государственную систему Московской Руси [3]), превратившись въ агентовъ центральной власти, кото-

---

[1]) *С. Шумаковъ*, op. cit., стр. 110. *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 242, 243.

[2]) Такимъ образомъ, въ земскихъ учрежденіяхъ съ самаго начала восторжествовало традиціонное для Москвы смѣшеніе суда и администраціи.

[3]) Они должны были судить «по Судебнику», «какъ по всей землѣ», въ извѣстныхъ случаяхъ «докладывать» дѣла Царю и Великому князю, собирать на него разныя «заповѣди» и пошлины и т. д. *С. Шумаковъ*, op. cit., стр. 110—113. Все это было теперь, какъ гласили грамоты, «царское земское дѣло». Любопытно, что за исправное несеніе

рые подъ страхомъ «смертной казни» должны были работать на общей для всѣхъ государственной «барщинѣ» [1]).

Не различая, собственно говоря, службы выборной отъ службы приказной, понимая и ту и другую, какъ *повинность*, а не право, московское правительство просто не понимало духа автономіи. За неимѣніемъ чего-либо иного, оно довольно легко переходило отъ системы кормленій къ земской выборной организаціи, какъ отъ этой послѣдней затѣмъ перейдетъ къ чисто приказной системѣ. Для него въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ ставился вовсе не о *принципѣ*, а просто объ *удобствѣ*, *взглядъ* же его на вещи, по существу, оставался при всѣхъ комбинаціяхъ однимъ и тѣмъ же. Систему московскаго правительства можно опредѣлить, поэтому, какъ *систему государственной централизаціи* при посредствѣ *приказно-выборныхъ органовъ* суда и управленія. Съ этой точки зрѣнія для московской эпохи особенно характерной явится такъ называемая «вѣрная» или присяжная служба приставленныхъ «изъ выбора» къ государеву дѣлу всякаго рода прибыльщиковъ, таможенныхъ и кабацкихъ «головъ» или «откупщиковъ» [2]). Губные и земскіе «цѣловальники», которые получили свое названіе отъ того, что, вступая въ должность, должны были «крестъ цѣловать» на томъ, чтобы имъ «судити въ правду» [3]), въ дѣйствительности, были въ глазахъ правительства такими же «вѣрными» приказными людьми, какъ и невольные откупщики всякихъ государевыхъ сборовъ. Любопытно отмѣтить, что, вводя на мѣсто намѣстниковъ излюбленныхъ головъ и вручая имъ судъ, московское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы отдѣляло ихъ отъ мѣстнаго населенія и смотрѣло на нихъ тѣми же глазами, что и на намѣстниковъ. «А на судѣ и въ обыску, и во всякихъ дѣлѣхъ у излюбленнихъ головъ (читаемъ мы, напр., въ Важской гр.)... быти... и становымъ и волостнымъ... *лучшимъ людемъ*, *коликимъ будетъ пригоже*, чтобы отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды, и продажи безлѣпичные не было», «и посуловъ бы и поминковъ ни въ какихъ дѣлѣхъ... никто неималъ ни которыми дѣлы». При этомъ не разъ мы встрѣчаемъ въ текстѣ этой «великой хартіи» земскихъ вольностей весьма энергичную

всѣхъ этихъ многообразныхъ обязанностей московскій государь сулилъ земскимъ властямъ разныя финансовыя льготы: «а учнутъ выборные судьи судить и управу... винити прямо, по нашему уложенію, по Судебнику и по уставной грамотѣ, безволокитно, безпосульно и оброкъ на срокъ привозити сполна и впредь толко намъ и землѣ управа ихъ будетъ люба, и мы съ ихъ дворовъ и съ вытей,... пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того ихъ пожалуемъ»; ibid.

[1]) Какъ остроумно выражается Ѳ. Дмитріевъ: «за общинами была признана *обязанность* судиться и управляться самими собой». *Op. cit.*, стр. 62. Къ тѣмъ же выводамъ пришелъ и новѣйшій изслѣдователь исторіи крестьянскаго самоуправленія. «Кажется, состояніе черныхъ крестьянъ въ XVII ст.,—говоритъ г. Богословскій,—можно обозначить, какъ состояніе крестьянъ... обязанныхъ самоуправляться въ интересахъ государственнаго казначейства.. Посадскіе люди и черные крестьяне не *пользовались* самоуправленіемъ, а его *отбывали*, какъ тяжелую повинность (курсивъ автора)». Земское самоуправленіе на русск. сѣверѣ въ XVII в. М. 1909, т. II, стр. 310.

[2]) *Б. Чичеринъ*, op. cit., ст. 403—4.

[3]) «Да и къ цѣлованью ихъ привести»—говорится обычно въ уставныхъ грамотахъ.

чисто московскую угрозу земскимъ властямъ на случай всякихъ «неправдъ» съ ихъ стороны: «и тѣмъ излюбленнымъ головамъ и лутчимъ людямъ.. отъ меня отъ царя и великаго князя быти кажненымъ смертною казнью» [1]). И, быть можетъ, правительственное чутье въ данномъ случаѣ не обманывало московскихъ реформаторовъ.

Дѣло въ томъ, что превращеніе земскихъ «судей» и «цѣловальниковъ»—которые въ то же время являлись и финансовыми агентами московскаго правительства—въ *приказныхъ* его агентовъ должно было, конечно, сильно вліять на ихъ отношеніе къ мѣстному населенію. Послѣднее, такъ сказать, переставало видѣть въ нихъ представителей своихъ интересовъ, а сами «земскіе» привыкли смотрѣть на себя, какъ на уполномоченныхъ московскихъ приказовъ и постепенно проникались московскимъ «обычаемъ» съ его «волокитой» и «посулами» [2]). Это подчиненіе московской высшей власти и бюрократизація земскихъ учрежденій облегчались тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ съ одной стороны стояли сильные московскіе бояре, а съ другой—крестьяне и черные посадскіе люди, съ которыми особенно церемониться не приходилось. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ земскія учрежденія вскорѣ изъ *льготы*, которой усиленно добивалось населеніе, превратились для него въ великую обузу и новое тяжелое налоговое бремя, котораго черные люди начали также «отбывать», какъ и государева тягла [3]). Земскій міръ, такимъ образомъ, получилъ совсѣмъ не то, чего онъ искалъ, а выиграло, собственно говоря, отъ этой операціи только одно московское правительство. Поэтому-то земскому самоуправленію и не оказалось, въ концѣ концовъ, мѣста въ московской правительственной системѣ. Оно пришлось не ко двору самодержавной монархіи, привыкшей смотрѣть на своихъ подданныхъ, какъ на «холоповъ», которыхъ московскіе цари «вольны» казнить и жаловать [4]). Очистивъ москов-

---

[1]) *Акты Арх. Экс.*, т. I, № 234.

[2]) Въ концѣ концовъ земскіе люди начинали осаждать правительство новыми жалобами на своихъ же «излюбленныхъ» властей. Такъ, въ одномъ актѣ 1622 г. сообщалось, что «многіе крестьяне бѣдные приходятъ... и бьютъ челомъ со слезами, что земскіе старосты и цѣловальники емлютъ съ нихъ великіе поборы, а на какіе расходы даютъ, того де они не вѣдаютъ; а они де отъ тѣхъ податей бредутъ разно». *М. Богословскій*, op. cit., т. II, стр. 299. Словомъ, знакомая родная картина: посулы, волокита, «поноровка» и т. д. Ibid., стр. 251. Ср. *С. Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. IX, стр. 1327 и сл. Нѣкоторые челобитчики даже заявляли, что «прежде» при воеводахъ «такого воровства, и убійства, грабежа и насильства не было» и просили, поэтому, царя: «пожалуй, государь, вели быти попрежнему воеводамъ»; ibid., стр. 1327.

[3]) Съ теченіемъ времени отмѣнена была и *безплатность* земскаго правосудія. Сначала въ уставныхъ грамотахъ обычно говорилось: «а пошлинъ излюбленнымъ головамъ съ управныхъ дѣлъ со всякихъ и съ разбойныхъ дѣлъ не имати». Но затѣмъ послѣдовала отмѣна этого положенія, и предписано было: «пошлины у нихъ выборнымъ старостамъ съ судныхъ дѣлъ, на виноватыхъ, имать... съ рубля по гривнѣ». Мотивировано это было тѣмъ, что «многіе люди ищутъ исковъ великихъ безлѣпичными поклепами, надѣючись на то, что съ нихъ на виноватыхъ пошлинъ не емлютъ». Пошлины эти поступали въ казну, «а самимъ судьямъ тѣми пошлинами (какъ говорится въ той же грамотѣ) не корыстоватися». *Акты Арх. Экс.*, т. I, № 242, стр. 263.

[4]) Въ перепискѣ съ кн. Курбскимъ Иванъ Грозный далъ уже, можно сказать, классическую формулировку московскаго самодержавія, выразивъ его сущность въ

ское государство отъ суда и расправы кормленщиковъ и оказавъ тѣмъ самымъ крупную услугу самодержавію, земскія власти и учрежденія должны были сами уступить свое мѣсто на этотъ разъ уже *настоящимъ приказнымъ людямъ и органамъ государственной власти*. По своеобразной иронiи судьбы, московскимъ земскимъ учрежденiямъ такимъ путемъ суждено было явиться непосредственнымъ проводникомъ въ областное управленiе началъ *централизацiи* и *бюрократизацiи*. Что же касается той формы, въ которую должна была вылиться теперь новая система областного суда и управленiя, то этотъ вопросъ за московскихъ государей еще разъ рѣшили чрезвычайныя обстоятельства, сложившiяся въ тяжкую годину «великой разрухи» московскаго государства.

Какъ извѣстно, на смѣну выборнымъ земскимъ судьямъ и властямъ въ XVII стол. почти повсемѣстно водворяется *воеводское управленiе*. Намъ уже приходилось отмѣчать, что эта новая организацiя областного управленiя сложилась въ русской землѣ совершенно, такъ сказать, непроизвольно и безъ всякаго заранѣе «обдуманнаго намѣренiя». Дѣло въ томъ, что великая соцiально-политическая революцiя такъ наз. «смутнаго времени» въ эпоху реставрацiи московскаго правительства вызвала чрезвычайное напряженiе силъ съ его стороны въ борьбѣ, какъ съ внѣшними, такъ и «внутренними» врагами. Приступая къ «очищенiю» государства отъ «воровскихъ людей» и вторгнувшихся въ него иноземцевъ, новое правительство поставило на *военное положенiе* почти всю страну, укрѣпляя сначала на ея окраинѣ, а затѣмъ и во внутреннихъ областяхъ *твердую власть*, въ рукахъ которой оно сосредоточивало: какъ военныя, такъ и гражданскiя полномочiя [1]). Такъ мало-по-малу чрезвычайная власть *воеводъ* изъ временнаго установленiя превратилась въ постоянное общегосударственное учрежденiе, которое, какъ нельзя лучше, отвѣчало основной тенден-

---

чеканныхъ словахъ: «жаловати есмя своихъ холопей волны, а и казнити вольны жъ есмя»; *Сказанiя*, стр. 179. Московскiй Государь, и по словамъ Ивашки Пересвѣтова, долженъ былъ быть, «грозенъ, *самоуправливъ* и мудръ безъ воспрашиванья» (т.-е. безъ обращенiя за совѣтомъ или согласiемъ къ своимъ подданнымъ). Это, собственно говоря, былъ единственный видъ «самоуправленiя», который допускало московское «вольное самодержавство». *Полн. собр. лѣтоп.*, т. XII, стр. 103.

[1]) Въ одной разрядной росписи воеводамъ (1613 г.) мы читаемъ: «со 121 году при государѣ царѣ и вел. кн. Михаилѣ Ѳедоров. всеа Русiи въ городѣхъ учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при боярѣхъ и при царѣ Васильѣ въ тѣхъ городѣхъ воеводы были жъ; а при царѣ Ѳедорѣ Иванов. и при царѣ Борисѣ по 113 годъ (1606 г.), по *Ростригинъ приходъ въ тѣхъ городѣхъ воеводъ не было, а были въ нихъ судьи и губные старосты и городовые прикащики*». *Временникъ О-ва исторiи и древн.*, 1849 г., III. Здѣсь рѣчь идетъ, именно, о воеводахъ-правителяхъ и судьяхъ, а не о воеводахъ *полковыхъ* начальникахъ, которые были извѣстны въ Москвѣ гораздо ранѣе, и которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ воеводами XVII ст. Различiе это очень ясно было отмѣчено въ извѣстной жалобѣ торговыхъ людей царю на земскомъ соборѣ 1642 г.: «при прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты (говорили земскiе депутаты), а посадскiе люди *судились сами промежъ себя, а воеводъ* въ городѣхъ не было; а *воеводы были посланы*, по прежнихъ государей указу, *съ ратными людьми* въ украинные города, *для береженья* отъ тѣхъ же турскихъ и крымскихъ и ногайскихъ татаръ, отъ ихъ разоренья». *Собр. госуд. гр. и дог.*, т. III.

ціи «внутренней политики» московскаго правительства, достаточно отчетливо опредѣлившейся еще въ до-смутномъ періодѣ.

Введеніе воеводскаго суда и управленія, дѣйствительно, достойнымъ образомъ завершало процессъ государственнаго строительства московскихъ царей, знаменуя собой окончательное торжество *приказнаго начала* и *правительственной централизаціи* на пространствѣ всего государства.

Воеводское управленіе съ этой точки зрѣнія было типичнѣйшимъ порожденіемъ московской самодержавной монархіи. Оно сконцентрировало въ себѣ, какъ въ фокусѣ, традиціонныя начала московской государственной системы, завершивъ такимъ образомъ и въ *областномъ управленіи окончательное смѣшеніе въ одномъ органѣ власти судебной съ административной и построивъ эту новую власть на строгихъ началахъ централизаціи и бюрократизаціи.*

Съ появленіемъ воеводъ *судебная власть земскихъ старостъ* на мѣстахъ упразднялась [1]), хотя сами земскіе выборные и не исчезли. Послѣдніе, сохраняя извѣстныя полномочія въ сферѣ управленія, попали теперь, однако, въ полное подчиненіе къ новой власти, превратившись, такъ сказать, въ низшихъ агентовъ воеводскаго управленія, состоящихъ какъ бы на посылкахъ при «съѣзжей избѣ» новоявленнаго импровизированнаго «московскаго» генералъ-губернатора. Тяглая община вмѣстѣ съ своими «излюбленными» людьми вновь при такихъ условіяхъ попала подъ тяжкое ярмо навалившейся на нее сверху правительственной власти, которая еще разъ придавила ее всей тяжестью своего приказнаго аппарата. Создавалось положеніе, въ значительной степени напоминавшее времена мѣстничьяго суда и управленія, тѣмъ болѣе, что воеводамъ вскорѣ же удалось въ самой широкой мѣрѣ возстановить былую традицію кормленія [2]). Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что послѣднее было теперь уже явнымъ злоупотребленіемъ, такъ какъ de jure, по своей конструкціи,

---

[1]) На русскомъ Сѣверѣ, гдѣ владѣльческіе элементы не были такъ значительны и гдѣ общинный міръ сохранился лучше до позднѣйшихъ временъ, сохранились дольше и земскіе судьи, или «судейки». Но съ введеніемъ воеводскаго управленія компетенція этихъ выборныхъ судей сильно сократилась. Ихъ разбору подлежали только мелкія дѣла или, какъ говорится въ одномъ приказномъ документѣ, «судейки въ волостяхъ судятъ по воеводскимъ памятямъ и безъ памятей не въ большихъ искахъ». *М. Богословскій*, op. cit., т. II, стр. 184—5. Судебная власть въ *уѣздѣ* отошла цѣликомъ къ воеводамъ, которые составили, такъ сказать, вторую инстанцію. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что правительство по отношенію къ земскимъ «судейкамъ» ограничивалось въ XVII ст. лишь подтвержденіемъ ихъ полномочій, но не вводило ихъ вновь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ихъ ранѣе не было. Любопытныя свѣдѣнія о «судейкахъ» имѣются у *Кошихина*, op. cit., стр. 141: «а в-ныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ прикащиковъ не бываетъ, учинены судейки, человѣкъ съ десять, выборные люди, тѣхъ же волостей крестьяне: и судятца межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ же и разбойныхъ дѣлъ». Ср. *Чичеринъ*, op. cit., стр. 570.

[2]) Областное управленіе, так. обр., вновь превратилось въ «корыстовое дѣло». Земскіе люди на соборѣ 1642 г. на этомъ основаніи предлагали даже привлечь къ обложенію приказную администрацію: «а которые и служилые люди, а нынѣ у корыстовыхъ дѣлъ по воеводствамъ и по приказамъ, также съ нихъ деньги сбирати», *Собр. г. гр. и дог.*, т. I I, № 113.

воеводство было построено, какъ чисто государственный институтъ, на началахъ обязанности, а не привилегіи.

И дѣйствительно, воевода, въ полномъ смыслѣ слова, является органомъ центральной власти, ея ставленникомъ. Онъ получаетъ свои полномочія изъ московскаго приказа, передъ которымъ и является отвѣтственнымъ [1]). Онъ дѣйствуетъ на основаніи спеціальнаго наказа и, какъ представитель государственныхъ интересовъ, говоря наказнымъ языкомъ—«промышляетъ государевымъ дѣломъ», т.-е. управляетъ не на себя, а на «великаго государя» [2]). Поэтому за свою службу воеводы получали въ Московскомъ государствѣ опредѣленное жалованье, всякаго же рода пени и пошлины отъ суда должны были «имати» въ казну. Населенію даже положительно воспрещалось давать какіе-либо «кормы» воеводамъ, о чемъ иногда прямо и прописывалось въ царскихъ грамотахъ: «воеводамъ кормовъ не давать, въ томъ самимъ себѣ убытковъ не чинить» [3]).

«Пооброчивъ», такимъ образомъ, воеводу изъ казны и давъ ему наказную инструкцію, центральное правительство тѣмъ увѣреннѣе стягивало въ его рукахъ почти всѣ нити областного управленія. Въ свою очередь, командуя цѣлымъ уѣздомъ, воевода вмѣстѣ съ тѣмъ связывалъ его непосредственно съ тѣмъ изъ московскихъ приказовъ, съ которымъ былъ связанъ и самъ. Въ этомъ смыслѣ онъ замыкалъ своей *съѣзжей избой* или «палатой» систему московскихъ приказныхъ учрежденій въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ XVII стол. Боярская дума, московскіе приказы и областное воеводство—такова была эта несложная въ своихъ основаніяхъ, но довольно запутанная въ дѣйствительности схема приказнаго строя изучаемой эпохи, схема, которой обусловливалась въ концѣ концовъ и судебная организація московской монархіи.

Въ рукахъ воеводъ, поскольку съ ними не конкурировали губныя власти, сосредоточился теперь, можно сказать, весь *областной судъ*. Организація этого суда, впрочемъ, не отличалась достаточнымъ единообразіемъ. Какъ среди намѣстниковъ московской эпохи, такъ и среди воеводъ въ XVII стол. можно было различать воеводъ съ широкими судебными полномочіями и съ урѣзанной компетенціей. Такъ, въ однихъ случаяхъ они рѣшали дѣла уголовныя окончательно на мѣстѣ, въ другихъ—должны были входить по важнѣйшимъ изъ нихъ съ «докладомъ» въ Москву [4]). Въ

---

[1]) Назначался воевода *царскимъ указомъ*, выдаваемымъ ему изъ того приказа, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ тотъ городъ, куда онъ получалъ свое назначеніе. Послѣднее же обычно носило довольно кратковременный характеръ, отъ году до трехъ лѣтъ.

[2]) *Доп. Акт. Историч.*, т. III, №№ 18, 20. Воевода во всемъ долженъ былъ руководствоваться главнымъ и направляющимъ принципомъ: «какъ бы казнѣ было прибыльнѣе». Относительно же интересовъ населенія требованія были много скромнѣе. Правительство требовало только, чтобы воеводское управленіе было «людямъ не въ разореніе». *Ibid.* См. также *Чичеринъ*, op. cit., стр. 54.

[3]) См. *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ, стр. 204—5.

[4]) «А судити ему (воеводѣ) в Дмитровѣ всякихъ людей до десяти рублевъ, а больши десяти рублевъ никакихъ людей не судить; для того, что въ *большихъ искахъ вельно судить въ приказахъ на Москвѣ*», читаемъ мы въ наказѣ 1644 г. *Временникъ О. И.* и *Др. Р.*, 1849 г., стр. 37 (кн. 4). То же подтверждаетъ и *Котошихинъ*, op. cit., стр. 125. Ср. *Уложеніе*, гл. XIII, стр. 3.

дѣлахъ гражданскихъ воеводы, судившіе безъ дьяковъ, были ограничены извѣстными размѣрами цѣны иска (10 или 20 рублевъ) [1]). Объемъ компетенціи различался въ зависимости отъ города, который доставался воеводѣ въ управленіе, соотвѣтственно тому, былъ ли то городъ большой, средній или малый, пограничный или сибирскій [2]). Въ большинствѣ случаевъ въ судебномъ отношеніи городовые воеводы, невзирая на различіе ихъ ранговъ, стояли въ непосредственной зависимости отъ московскихъ приказовъ, но бывали случаи, когда воеводы такъ называемыхъ «приписныхъ» городовъ находились въ извѣстной іерархической зависимости отъ «большихъ» воеводъ[3]). Соотвѣтственно съ этимъ различался и самый штатъ воеводскаго управленія. Въ большихъ городахъ (гдѣ «по государеву указу бываютъ съ воеводами дьяки») воеводы обыкновенно вершили дѣла вмѣстѣ съ «товарищами» и съѣзжая изба получала такимъ образомъ *коллегіальную организацію*, подобную московскимъ приказамъ [4]). Въ указанномъ смыслѣ воеводамъ давалось совершенно опредѣленное предписаніе: «государевымъ дѣломъ *промышляти собча*», «вмѣстѣ за одинъ», безъ «розни» [5]). Конечно, по общему московскому правилу въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣла почему-либо на мѣстѣ «вершити» было «немочно», воеводы обязаны были докладывать о томъ въ Москву, въ приказъ. Впрочемъ, соображая указанныя выше ограниченія судебной компетенціи воеводъ, приходится признать, что докладная практика, въ смыслѣ переноса судныхъ дѣлъ изъ области въ центръ, была гораздо шире развита при воеводскомъ управленіи, чѣмъ это имѣло мѣсто ранѣе. При этомъ приходится констатировать, что мѣстное населеніе нерѣдко предпочитало обращаться прямо въ Москву, минуя съѣзжую избу, и подобнаго рода обращенія далеко не встрѣчали надлежащаго протеста со стороны приказныхъ судей [6]). Фактъ этотъ, однако, не долженъ насъ удивлять, такъ какъ мы знаемъ, съ какимъ вообще трудомъ московскій правительственный обычай укла-

---

[1]) Въ такихъ случаяхъ областной судья нерѣдко обращался въ *слѣдователя*, приговоръ же по дѣлу постановляла уже слѣдующая московская инстанція—приказъ. Ср. *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 300—303. *Уложеніе*, гл. XIII, стр. 3,

[2]) *Чичеринъ*, op. cit., стр. 90—91.

[3]) *Ibid.*, стр. 343—4, 353. «А велено имъ (воеводамъ приписныхъ городовъ) дѣла дѣлать по наказамъ,—говоритъ Котошихинъ,—каковы даются имъ тѣхъ городовъ отъ бояръ і воеводъ, и о всякихъ дѣлехъ спрашиватися и писаті къ нимъ, *большимъ воеводамъ*, а не къ Москвѣ; а они, болшие воеводы, къ тѣмъ *пригороднымъ* воеводамъ, противъ ихъ писма, потомужъ отъ себя указъ посылаютъ», *op. cit.*, стр. 125. «А велено середнихъ и меншихъ городовъ всякаго чину людемъ, въ *большихъ своихъ искъхъ*, судитися на Москвѣ, кто гдѣ судимъ и подъ которымъ приказомъ написанъ», подтверждаетъ тотъ же авторъ; *ibid.* См. *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 314. Въ зависимости отъ этихъ воеводъ находились также и назначенные ими по городамъ ихъ помощники.

[4]) *Доп. Акт. Истор.*, т. III, № 20, *Акты историч.*, т. III, № 151, 168.

[5]) По словамъ Котошихина, въ «первыхъ» городахъ воеводы «вѣдаютъ... во всякихъ государственныхъ и земляныхъ дѣлахъ, противъ того жъ, какъ вѣдаютъ на Москвѣ бояре и думные люді приказы», *op. cit.*, стр. 124.

[6]) А. Градовскій склоненъ былъ даже на этомъ основаніи отрицать значеніе воеводы, какъ обязательной областной инстанціи. *Собраніе сочиненій*, т. II, стр. 449 (Спб. 1899). Ср. *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 156, 343.

дывался въ какія бы то ни было твердыя и точныя рамки единообразныхъ юридическихъ началъ.

Очерченная нами схема государственныхъ и судебныхъ установленій московской эпохи была скорѣе извѣстнаго рода покушеніемъ на систему, чѣмъ самой системой. За предѣлами ея и рядомъ съ ней продолжали жить всевозможныя исключительныя подсудности, всякаго рода «данные» судьи, «прикащики» и «судейки», которые или стояли совершенно особнякомъ отъ общей приказной администраціи, или же находились въ той или иной отъ нея зависимости, довольно капризно пресѣкаясь въ своей компетенціи съ тѣми или другими властями и учрежденіями.

Впрочемъ, эти отмѣны и партикуляризмы, характерное порожденіе стихійнаго творчества московской государственности, не вносили *принципіальнаго* диссонанса въ архитектурный стиль правительственной «храмины» XVII вѣка. Они говорили только о поразительной бѣдности московской административной *техники* и правительственной «выдумки». Бюрократическая, полицейская монархія въ концѣ XVII ст. въ существенныхъ своихъ чертахъ, такимъ образомъ, была уже готова, какъ зрѣлый историческій плодъ; недоставало только Петра, чтобы «политизовать» страну и облечь ее въ форменныя одежды «регулярнаго государства». Событія, какъ извѣстно, не заставили себя долго ждать...

Однако, наша картина была бы не закончена, если бы мы не указали того естественнаго предѣла, въ который, въ концѣ концовъ, уперлась московская власть въ ея централистическихъ стремленіяхъ.

Какъ ни шелъ глубоко въ нѣдра московскаго общества процессъ сосредоточенія государственной власти и ея судныхъ полномочій, тѣмъ не менѣе и съ отмѣною тарханъ и удѣльнаго иммунитета, ей все же не удалось пробить до конца толщу владѣльческихъ интересовъ, которые въ Московскомъ государствѣ нашли для себя новое соціальное и правовое основаніе. Расхищеніе огромнаго государственнаго земельнаго фонда служилымъ сословіемъ, сопровождавшееся усиленнымъ ростомъ крѣпостного права на крестьянскій трудъ, создало новое прочное основаніе для утвержденія владѣльческой юрисдикціи на земляхъ служилаго класса. Усиленный ростъ служилаго землевладѣнія, какъ извѣстно, совершался въ Московскомъ государствѣ главнымъ образомъ за счетъ черныхъ земель, такъ что одновременно съ переходомъ ихъ въ руки дворянства происходило и закрѣпощеніе бывшей тяглой черной общины ея новымъ хозяевамъ. Такимъ путемъ все болѣе и болѣе сокращалась площадь не только черносошныхъ земель, но и распространенія земскихъ учрежденій. Изъ тяглой «самоуправляющейся» общины земскій міръ превращался теперь въ тяглую *крѣпостную общину*, на которую постепенно надвинулась сверху новая помѣщичья власть [1]). Между государствомъ и крестьянскимъ міромъ всталъ съ этого момента помѣщикъ, въ значительной мѣрѣ заслонившій собой

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, однако, что и въ этой владѣльческой общинѣ землевладѣльцы иногда предоставляли крестьянамъ права выборнаго суда и самоуправленія, отстраняя своихъ «прикащиковъ».

своихъ «подданныхъ» отъ лица публичной власти и приспособившій еще разъ, подобно московскимъ государямъ, мірскія власти къ нуждамъ и потребностямъ своего хозяйства.

Этотъ владѣльческій судъ, распространившійся на территоріи дворцовыхъ, церковно-монастырскихъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и обнимавшій въ своей компетенціи *внутреннюю расправу* низшаго разряда [1]), былъ, однако, организованъ по общему приказному образцу и находился подъ контролемъ центральной государственной власти. [2]) Въ глазахъ правительства эта власть носила по преимуществу полицейскій характеръ и вручалась владѣльцамъ столько же въ ихъ собственныхъ, сколько и въ государственныхъ интересахъ. «А какъ тѣмъ боярамъ и инымъ вышеписаннымъ чинамъ даются помѣстья і вотчины, и имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегаті..., чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ исъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать і въ нищие не привесть» [3]). Изъ этихъ словъ Котошихина ясно видно, что правительство смотрѣло на служилыхъ людей, какъ на отвѣтственныхъ передъ нимъ «попечителей» по управленію ввѣренныхъ имъ имуществъ и людей. И подобно тому, какъ въ «послушной грамотѣ», обращаясь къ владѣльческимъ крестьянамъ, оно требовало отъ нихъ повиновенія ихъ новому господину,—«и вы бъ всѣ крестьяне NN... слушали... пашню на него пахали», «а онъ васъ судитъ» [4]), такъ точно и отъ самого владѣльца оно требовало бережнаго управленія его землями и «мужиками», чтобы помѣстья онъ не «пустошилъ», а крестьянъ не «разогналъ» [5]).

Нужно признать, однако, что эта владѣльческая юрисдикція и дисциплинарная власть отличалась крайней неопредѣленностью. Законодательные кодексы XVI и XVII вв. о ней почти ничего не говорятъ [6]), взывая скорѣе къ милости господина, чѣмъ устанавливая предѣлы его права [7]).

---

[1]) «Бояре и думные, и ближніе, і всякихъ чиновъ люді, помѣщики и вотчинники, вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлехъ, *кромѣ разбойныхъ же и иныхъ воровскихъ дѣлъ*». *Котошихинъ*, op. cit., стр. 141. Такимъ образомъ, судъ уголовный былъ изъятъ изъ владѣльческой юрисдикціи. См. *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 329.

[2]) «Да въ домѣхъ же боярскихъ учинены приказы, для всякихъ домовыхъ дѣлъ и приходовъ и расходовъ, и для сыску и расправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ». *Котошихинъ*, op. cit. стр. 158.

[3]) *Op. cit.*, стр. 142.

[4]) *Акты Юр. Быта*, т. I, № 60, стр. 430 и др.

[5]) *Доп. Акт. Истор.*, т. I, № 52, VIII, XIV, XXI, XXIX.

[6]) По поводу бѣглыхъ «людей» (холоповъ), напр., *Уложеніе* безъ всякой санкціи высказываетъ положеніе: «и тому, кому тотъ бѣглый человѣкъ будетъ отданъ, приказать накрепко, чтобы онъ того своего бѣглаго человѣка до смерти не убилъ и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ», гл. XX, ст. 92. Когда же произойдетъ, наконецъ, полное сліяніе холоповъ и крестьянъ въ одномъ крѣпостномъ состояніи, то эта своеобразная «граница» помѣщичьей власти войдетъ, какъ общая норма, въ *Сводъ Законовъ*, гдѣ помѣщичьей власти будетъ поставленъ тотъ же предѣлъ: не убей и не изувѣчь! *В. Семевскій.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 561.

[7]) Какъ справедливо замѣчаетъ Дмитріевъ, этотъ «судъ отдается землевладѣльцу, какъ неотъемлемая часть крѣпостного права, и потому о внутренней организаціи этого суда правительство не заботится», *op. cit.*, стр. 98.

Поэтому-то, такъ легко, при настойчивомъ *воздержаніи* государственной власти почти отъ малѣйшаго вмѣшательства во взаимныя отношенія «господъ» и «рабовъ», и установилось, въ концѣ концовъ, совершенно неограниченное господство однихъ надъ другими,—то *безправіе владѣльческаго суда*, которое явилось самымъ откровеннымъ отрицаніемъ всякаго правосудія. Это былъ не судъ, а расправа по усмотрѣнію господина.

Какъ бы то ни было, но этотъ владѣльческій «судъ» былъ судомъ внутреннимъ, при столкновеніяхъ же интересовъ этого своеобразнаго замкнутаго міра съ міромъ внѣшнимъ онъ вступалъ уже въ общую сферу государственной власти, неудержимо стремившейся къ монополіи властвованія.

Естественно, что при такихъ условіяхъ должны были исчезнуть и такъ называемые «смѣстные» суды, тѣсно связанные съ судебными привилегіями феодальнаго землевладѣнія и системой кормленій, когда *раздѣлъ судебной власти былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣломъ суднаго прибытка.* Теперь, когда государственная власть оказалась внѣ конкуренціи, и судныя пошлины и пени шли цѣликомъ въ казну, смѣстный судъ отпалъ самъ собой. Мы видимъ еще ясные его слѣды въ Судебникѣ 1550 г., поскольку сохраненъ былъ въ немъ судъ кормленщиковъ. Но, устанавливая теперь форумъ суда по отвѣтчику, 30 ст. Судебника фактически ликвидируетъ самое «смѣстное» судопроизводство. Судитъ теперь только судья отвѣтчика, но такъ какъ право на судъ (кормъ) остается еще неотъемлемымъ правомъ и судьи истца, то этотъ послѣдній теперь только «идетъ и своего прибытка смотритъ», т.-е. довольствуется полученіемъ своей половины присуда, не принимая уже никакого участія въ самомъ судѣ [1]). Съ окончательной отмѣной кормленій это *соучастіе въ прибыляхъ судебнаго производства* само собой должно было также разъ и навсегда сойти со сцены.

Такимъ образомъ, мы имѣли возможность убѣдиться, что основной тенденціей, проходящей красной нитью черезъ всю исторію московскаго судоустройства, было все возраставшее *огосударствленіе* судной власти въ процессѣ ея *централизаціи* и *бюрократизаціи*. Процессъ этотъ сопровождался въ то же время все прогрессирующимъ разложеніемъ формъ народнаго суда и окончательнымъ вытѣсненіемъ народнаго элемента изъ суда. *Приказный человѣкъ* сдѣлался теперь fac-totum Московскаго государства. Это былъ человѣкъ, какъ говорится, на всѣ руки, призванный ко всему и готовый на все, согласно классическому принципу: «была бы царская милость, всякаго на все станетъ». И дѣйствительно, за краткимъ эпизодомъ эпохи губной и земской «реформы», послѣ смутнаго лихолѣтья, на всѣхъ ступеняхъ московской юстиціи, какъ мы видѣли, окончательно восторжествовалъ «приказный», канцелярскій судъ, вновь превратившійся въ одну изъ отраслей общей администраціи. И это было неизбѣжно. Съ того самаго момента, какъ изстаринное неписанное обычное право сошло съ исторической сцены вмѣстѣ со старой народной «правдой», и ея мѣсто занялъ,

---

[1]) «Да и во всякихъ дѣлѣхъ судити смѣстный судъ тому судіѣ, у кого въ присудѣ отвѣтчикъ: а пошлины *обоимъ судіямъ* имати по указу и дѣлиться судіямъ пошлинами по половинамъ». См. также *Н. Ланге.* Древніе русскіе смѣсные суды, стр. 224.

съ одной стороны, княжескій уставъ и царскій указъ, а съ другой—судебная практика приказовъ и съѣзжей избы, съ этого момента должна была исчезнуть и послѣдняя почва подъ ногами «добрыхъ судныхъ мужей», которые нѣкогда «стерегли» и «вѣщали» правду на судѣ. Вмѣстѣ съ этой послѣдней они исчезли изъ суда, уступивъ свои позиціи *знатокамъ новаго права*, «законоискусникамъ» XVII ст., дьякамъ и подъячимъ [1]), которые создали у насъ первую школу практиковъ-юристовъ, опытныхъ *начетчиковъ* въ московскомъ указномъ правѣ [2]).

Но при такихъ условіяхъ, освободившись отъ всякаго общественнаго контроля, новый *государственный судъ*, построенный на чисто бюрократическихъ основаніяхъ, при всеобщемъ засильѣ и почти полной безотвѣтственности «приказныхъ» судей долженъ былъ вновь превратиться въ вопіющую систему организованнаго хищенія. Дѣло тѣмъ болѣе облегчалось на этотъ разъ, что, при хаотическомъ состояніи московскаго законодательства и крайне неопредѣленныхъ полномочіяхъ судебной власти, московское правосудіе сдѣлалось настоящей игрушкой въ рукахъ приказныхъ судей всѣхъ его степеней. А если мы примемъ во вниманіе, что къ этому времени окончательно исчезли послѣднія сдержки древняго формулярнаго процесса, ставившаго извѣстныя границы произволу судьи, а самый судъ превратился въ орудіе управленія, то намъ станетъ очевиднымъ, каковы должны быть полученные ближайшіе результаты подобнаго положенія вещей. При полномъ смѣшеніи всѣхъ властей, московская монархія въ этомъ смыслѣ являла собой—можно сказать—идеальную иллюстрацію къ классическому положенію Монтескье: «все погибло, если одно и то же лицо, или одно и то же учрежденіе... осуществляетъ всѣ три власти вмѣстѣ: власть издавать законы, приводить въ исполненіе государственныя постановленія и судить преступленія или тяжбы частныхъ лицъ» [3]). И поскольку въ Московскомъ государствѣ, въ самомъ дѣлѣ, «судебная власть не была отдѣлена отъ законодательной и исполнительной»—свобода, законность и ихъ основная гарантія,—*правосудіе* въ немъ, дѣйствительно, погибли! При этомъ мы не должны забывать, что характерной особенностью абсолютнаго монархиче-

---

[1]) *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 531—2.

[2]) Такъ было положено основаніе той «наукѣ дѣлопроизводства» и «законоискусства», которая затѣмъ получила свою «академическую» обработку въ трудахъ Аничкова, Горюшкина, Сандунова, Боголюбова и др. Еще *Ѳ. Морошкинъ* въ свое время указалъ на эту роль московскихъ дьяковъ: «русская первоначальная юриспруденція,—писалъ онъ въ 1834 г.,—есть собственно юриспруденція *дьяческая*. Дьякъ или клеркъ—сіе таинственное, дивное существо въ исторіи законодательства съ успѣхами единодержавія растетъ и съ теченіемъ времени изъ карла дѣлается великаномъ». *Ученыя записки Москов. универ.*, № 8, стр. 214 и сл. Этотъ дьякъ и создалъ, по словамъ того же автора, «юриспруденцію судебныхъ мѣстъ». Съ этой же точки зрѣнія «періодъ Уложенія былъ золотымъ вѣкомъ подъяческой юриспруденціи». *Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи* (М. 1839 г.), стр. 18, 19.

[3]) «Tout seroit perdu si le même homme, ou le même corps... exerçoient ces trois pouvoirs: celui de faire des lois, celui d'exécuter les résolutions publiques, et celui de juger les crimes ou les différands des particuliers». *De l'esprit des lois*, l. XI, ch. VI, p. 254 (Oeuvres complètes, t. I, P. 1880).

скаго государства является всегда рѣшительное преобладаніе въ его государственной системѣ власти правительственной надъ законодательной и судной, т.-е. *господство государственныхъ интересовъ* и *видовъ, правительственнаго усмотрѣнія*, по всей линіи публичныхъ властей. Подобная же доминирующая роль администраціи должна была тяжелѣе всего отозваться, именно, на судѣ, для котораго, въ указанныхъ условіяхъ, его подчиненіе правительственной власти было настоящей погибелью.

Какъ справедливо замѣтилъ авторъ «Областныхъ учрежденій», Московское государство «управлялось не законами, а распоряженіями» [1]). А благодаря этому приказнымъ судьямъ предоставлено было самимъ разбираться во всемъ необозримомъ множествѣ текущаго «законодательнаго» матеріала, какъ и самимъ рѣшать вопросъ о «докладѣ» въ высшую инстанцію въ затруднительныхъ случаяхъ. Болѣе того, въ «наказахъ» воеводамъ, напр., правительство прямо уполномочивало своихъ приказныхъ агентовъ дѣйствовать «смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ». Въ отдѣльныхъ случаяхъ оно шло еще дальше и заранѣе уполномочивало воеводу дѣйствовать даже вопреки полномочіямъ и предписаніямъ оффиціальной инструкціи: «и имъ дѣлать тѣ дѣла по прежнимъ наказамъ и грамотамъ (читаемъ мы въ одной изъ такихъ грамотъ), а что въ прежнихъ наказахъ и грамотахъ написано, а *нынѣ быть непристойно*, имъ дѣлать тѣ дѣла, *смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже, по своему правому разумѣнію*, какъ бы казнѣ было прибыльнѣе, и *людямъ не въ разореніе*» [2]). Эта послѣдняя оговорка, открывавшая такой широкій просторъ произволу правителя-судьи, превращала, по существу, воеводскій наказъ въ своеобразную индульгенцію, напередъ снимавшую съ воеводы почти всякую отвѣтственность. Границей усмотрѣнія мѣстной власти въ ней поставлялся, какъ мы видимъ, довольно характерный предѣлъ—*разореніе населенію*!

Совершенно очевидно, что приказные судьи не замедлили перешагнуть и эту черту, такъ что, въ концѣ концовъ, имъ удалось, по «своему правому разумѣнію», не только возстановить кормленіе, но и превратить судъ въ истинный бичъ для народа. Всевозможные «поминки» и «посулы», лихоимство, безконечная волокита, прямое грабительство и всяческія вымогательства—таковъ былъ тотъ кошмаръ правосудія, съ которымъ московскіе государи не только были безсильны бороться, но который они сумѣли отчасти даже легализировать или прикрыть своимъ авторитетомъ. И это слѣдуетъ сказать прежде всего о «кормахъ».

Въ областномъ управленіи воеводамъ безъ особаго труда удалось возстановить самую широкую практику кормленія. Населеніе очень скоро оказалось вновь обложеннымъ регулярными поборами въ пользу мѣстной власти, поборами, которые для нея ex officio *обязаны* были доставлять земскіе старосты. Послѣдніе даже вели особыя книги для записи кормовъ,

---

[1]) *Чичеринъ*, op. cit, стр. 577.
[2]) *Б. Чичеринъ*, op. cit., стр. 89.

отпускаемыхъ воеводамъ со всѣми ихъ приснымиⁱ]). Неудивительно, поэтому, что воеводскаго назначенія московскіе дворяне ожидали, какъ праздника и великой царской милости. С. М. Соловьевъ весьма ярко изобразилъ на страницахъ своей «Исторіи» тотъ подъемъ чувствъ, который охватывалъ обычно подобнаго счастливца, получившаго вожделѣнное назначеніе: «радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство—и честь большая и кормъ сытный. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники,—послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня—ключники, подклѣтные—будутъ сыты... Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу» [2]). И дѣйствительно, добыча была вѣрная. Дворянинъ, не стѣсняясь, прямо просился у государя «покормиться»[3]), а государь московскій въ такомъ случаѣ, при назначеніи на воеводство, дѣлалъ предварительную оффиціальную справку въ приказѣ: имѣется ли въ данный моментъ вакантное мѣсто, гдѣ, напр., можно было бы въ урочные годы нажить воеводѣ *опредѣленную* сумму, которой государь хотѣлъ пожаловать своего слугу. И въ приказахъ, оказывается, имѣлась точная роспись городамъ, съ указаніемъ для каждаго изъ нихъ воеводскаго обычнаго «дохода»![4]) Соотвѣтственно съ этимъ, также прочно въ приказахъ была поставлена и *продажа* воеводскихъ мѣстъ, по цѣнамъ установленнымъ согласно вышеозначеннымъ доходнымъ «окладамъ»[5]). Однимъ словомъ, дѣло «мздоимства» въ Москвѣ было вполнѣ организовано и поставлено свѣдома верховной власти на твердую почву.

Совершенно понятно, какіе изъ всего этого должны были, въ концѣ концовъ, получиться результаты при такой откровенной постановкѣ вопроса. По справедливому замѣчанію И. Дитятина, въ московскомъ государствѣ, собственно говоря, «суда не было, а была продажа его» [6]), причемъ продажа эта велась совершенно открыто и самымъ наглымъ обра-

---

[1]) Историкъ Соловьевъ приводитъ любопытный образчикъ подобной *поденной* записи: «1 сентября несено воеводѣ: пирогъ въ 5 алтынъ, налимовъ на 26 алтынъ; подъячему пирогъ въ 4 алт. 2 деньги и т. д.; 2-го сентября...«четверть говяжью въ 12 алт. 4 ден., да щуку въ 6 алт. и т. д.; 3-го октября—щукъ на 19 алт., да на воеводскій дворъ купилъ лопату въ 2 ден., 100 свѣчъ сальныхъ» и т. д. *Исторія*, т. XIII, стр. 711—712. Иногда въ этой записи мелькаютъ простыя, но еще болѣе краснорѣчивыя отмѣтки иного свойства: «подъячему *въ бумажкѣ* 16 алт. 4 ден., женѣ его 8 алт. 2 ден., матери его 3 алт. 2 ден., дочери 10 ден.», ibid.

[2]) Op. cit, т. XIII, стр. 699.

[3]) *Чичеринъ*, op. cit., стр. 84.

[4]) Такъ, по сообщенію Татищева, въ отвѣтъ на просьбу одного дворянина царь Алексѣй Михайловичъ запросилъ Разрядный приказъ, есть ли свободный городъ, гдѣ можно было бы на воеводствѣ нажить въ опредѣленный срокъ 500—600 руб. Приказъ не замедлилъ отвѣтить: такой городъ—Кострома. И дворянинъ получилъ назначеніе! *Чичеринъ*, op. cit., стр. 85.

[5]) Мы уже знаемъ, что «воеводскими отпусками» вѣдали приказы, черезъ которые шли назначенія воеводъ по мѣстамъ.

[6]) *Статьи по исторіи р. пр.*, стр. 543.

зомъ, превращаясь въ полномъ смыслѣ слова въ денной грабежъ [1]). Это пришлось, наконецъ, признать и самому правительству, которое уже въ 1620 г. должно было устами московскаго царя объявить во всеобщее свѣдѣніе: «вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и всякимъ людемъ чинятъ насильства и убытки и продажи великіе; и посулы и поминки и кормы емлютъ многіе» [2]). Въ грамотѣ же 1697 г. правительство выражалось еще энергичнѣе и прямо уже заявляло, что «воеводы... забывъ страхъ Божій и наше Великаго Государя крестное цѣлованіе» государевымъ дѣломъ «корыстовались... себя богатили и людемъ... чинили многія *разоренія и грабительства*». [3]) И должно признать, что заявленія эти ничего не преувеличивали. Они являлись, по существу, только эхомъ того стона, который несся тогда по русской землѣ и то выливался въ народныхъ «челобитьяхъ», то разливался въ народныхъ мятежахъ и возстаніяхъ.

Если въ эпоху намѣстничьяго управленія челобитныя населенія и уставныя грамоты московскихъ государей ставили уже на одну доску «лихихъ людей—разбойниковъ» съ судьями-кормленщиками, то въ заявленіяхъ земскихъ депутатовъ на московскихъ соборахъ царю и боярамъ приходилось выслушивать не менѣе лестныя характеристики приказной бюрократіи. Вотъ что по этому поводу говорили, напр., московскому государю разныхъ чиновъ люди на соборѣ 1642 г.: «а твои Государевы діяки и подьячіе, будучи безпрестанно у твоихъ Государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, покупали многія вотчины и домы свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь—сказаемыя... а *разорены мы, холопи твои, пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московской волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ*... а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца *отъ твоихъ Государевыхъ воеводъ*, а торговые людишка...отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздѣхъ торговъ своихъ

---

[1]) Вопіющіе факты воеводскихъ насилій см. *Соловьевъ*. Исторія, т. IX, стр. 1329—30 и др. *Чичеринъ*, op. cit., стр. 310—327. Мы постоянно читаемъ въ жалобахъ на воеводъ государю такія, напр., заявленія: «и онъ воевода почалъ намъ сиротамъ твоимъ посацкимъ людямъ чинить тѣсноту и налогу большую и напрасные продажи и убытки *бьетъ насъ... безъ сыску и безъ вины*, и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и вынимая изъ тюрьмы, бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины» и т. д. И передъ лицомъ этихъ безотвѣтственныхъ судей московское населеніе чувствовало себя въ своей безпомощности, дѣйствительно, круглымъ «сиротой», брошеннымъ на произволъ судьбы.

[2]) *Акты Арх. Экс.*, т. III, № 113.

[3]) *Акты Истор.*, т. V. № 262. Грабительства воеводъ сдѣлались въ такой мѣрѣ обычнымъ дѣломъ, что въ воеводскихъ «наказахъ» непремѣнно вставлялось всегда обращеніе къ мѣстному населенію, въ которомъ повторялась стереотипная фраза о томъ, что «предшественники его грабили и разоряли жителей, но что впредь этого не будетъ», *Чичеринъ*, op. cit., стр. 99. Въ Москвѣ даже самыя слова «приказный и подъячій» сдѣлались, какъ замѣчаетъ Н. Ланге, «синонимомъ всего позорнаго и безчестнаго». *Древнее русское уголовное судопроизводство* (СПБ., 1884 г.), стр. 72.

отбыли». [1]) Картина получалась какъ нельзя болѣе выразительная! И тѣмъ не менѣе засиліе и «могутство» московскихъ приказчихъ людей было такъ велико, что сами московскіе государи оказывались совершенно безсильны помочь въ данномъ случаѣ народному горю. Самодержавіе московскихъ царей выродилось, такимъ образомъ, въ самодержавіе приказной бюрократіи, которая поѣдомъ ѣла осиротѣвшій народъ [2]), такъ что московскіе цари должны были, въ концѣ концовъ, открыто расписаться въ своемъ собственномъ безсиліи въ борьбѣ съ приказнымъ «лакомствомъ». Они вынуждены были пуститься на отчаянную мѣру и, такъ сказать, признать за народомъ его право на бунтъ противъ «законныхъ властей». Таковъ былъ тотъ заключительный аккордъ, который прозвучалъ въ самомъ концѣ XVII в. въ одномъ изъ высочайшихъ указовъ: «а буде который воевода учнетъ что дѣлать черезъ тѣ ему данныя статьи и имъ его въ томъ *не слушать*, а посылать на того воеводу за своими руками челобитныя» [3]). Но населеніе не ждало правительственнаго разрѣшенія «не слушать» царскихъ слугъ и, отлично уже зная судьбу своихъ челобитій, лишенное всякой возможности легальнаго воздѣйствія на правительство, временами теряло послѣднее терпѣніе и поднимало въ полномъ смыслѣ слова возстаніе противъ приказныхъ людей. Уже Болотниковъ, выкинувъ въ смутную эпоху знамя народнаго мятежа противъ «сильныхъ людей», по словамъ Гермогена, сулилъ «шпынямъ и безымянникомъ-воромъ... давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество» [4]), стремясь такимъ путемъ вмѣстѣ съ соціальной революціей произвести и революцію политическую, разгромивъ «приказное» правительство московскаго царя. Та же ненависть воодушевляла и Степана Разина, который, поднимая московскій народъ, поставилъ одной изъ главныхъ своихъ задачъ «вывести воеводъ на Руси и бояръ на Москвѣ» и сопровождалъ свое грозное шествіе торжественнымъ *сожженіемъ приказныхъ дѣлъ* по городамъ [5]). «Я сожгу всѣ дѣла наверху у государя!»—говорилъ Разинъ, истребляя астраханскіе приказы [6]). Тѣ же причины, наконецъ, вызвали и страшный московскій мятежъ 1648 г., результатомъ котораго былъ созывъ «уложеннаго» земскаго собора [7]) Мятежная толпа подняла

---

[1]) *Собр. госуд. гр. и дог.*, т. III, № 113.

[2]) Не забудемъ, что торжество *приказнаго* начала въ московскомъ государствѣ знаменовало собой вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество московскаго дворянства, какъ правительственнаго сословія, надъ «государевыми сиротами». *Градовскій.* Собраніе сочиненій, т. IX, стр. 77.

[3]) *Полн. собр. зак.* № 1511.

[4]) *С. Платоновъ.* Очерки по исторіи смуты (Спб., 1899 г.), стр. 322—3.

[5]) *И. Дитятинъ*, op. cit., стр. 532. *Н. Ѳирсовъ.* Разиновщина, стр. 38, 42. Авторъ совершенно справедливо отмѣчаетъ, что движеніе Разина «обратилось въ возстаніе городовъ противъ боярско-приказной администраціи», стр. 45.

[6]) *Н. Костомаровъ.* Собр. сочиненій, т. II (Спб., 1903 г.), стр.417, 423, 431, 464.

[7]) Мятежъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе, какъ на созывъ собора 1648—9 г., такъ и на самую мысль о необходимости новой кодификаціи московскаго законодательства. «Уложеніе» 1649 г., какъ это видно уже изъ введенія къ нему, имѣло своей главной задачей *упорядоченіе «суда и расправы»*. Оно, собственно говоря, явилось новымъ московскимъ Судебникомъ.

тогда бунтъ противъ московской хищной бюрократіи. Не взирая на слезы и мольбы царя, она потребовала выдачи наиболѣе ненавистныхъ ей бояръ и дьяковъ, Плещеева, Траханіатова, Назара Чистого и разстерзала ихъ «всѣмъ міромъ на пожарищѣ», разграбивъ затѣмъ и дома царскаго фаворита Морозова, кн. Н. Одоевскаго, кн. А. Львова и др. вельможъ. Москва наполовину выгорѣла. Мятежное движеніе перекинулось далѣе на сѣверъ [1]) и грозило дальнѣйшими потрясеніями. Только созывъ земскаго собора для составленія новаго великаго «судебника» положилъ конецъ народному движенію. Такимъ образомъ, еще разъ, по иниціативѣ народа, московское правительство вынуждено было приступить, если и не къ реформѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ выясненію главныхъ основъ и началъ правосудія, которое «впредь» должно было быть «прочно и неподвижно». Насколько оно было таковымъ на самомъ дѣлѣ въ своемъ строеніи, мы уже видѣли, и намъ остается теперь посмотрѣть, какимъ оно было въ своемъ дѣйствіи, въ *процессѣ*.

Совершенно очевидно, что усиленный ростъ новой государственной власти, сопровождавшійся въ московскую эпоху вмѣстѣ съ тѣмъ все прогрессирующимъ «закрѣпощеніемъ» общественныхъ силъ на службу государству, долженъ былъ оказать самое рѣшительное вліяніе на судьбу судопроизводственныхъ формъ.

Съ выдѣленіемъ особыхъ органовъ государственной власти, постепенно монополизировавшихъ публично-правовыя функціи, и съ ростомъ государственной централизаціи и правительственной иниціативы въ сферѣ управленія—прежнее *единство* древне-русскаго процесса должно было исчезнуть и въ немъ естественно должны были возобладать новыя тенденціи и начала, противоположныя старому «суду». Судъ состязательный, обвинительный, исковой, какимъ былъ по своей формѣ процессъ древней Руси, въ которомъ главная роль—какъ мы видѣли—принадлежала сторонамъ и самому обществу, теперь, послѣ подготовки удѣльнаго періода, оказался призваннымъ *на службу* новому государству. Все болѣе и болѣе подчиняясь интересамъ послѣдняго, этотъ судъ тѣмъ рѣшительнѣе сталъ проникаться началами *инквизиціонными, слѣдственными* или, какъ тогда говорили, «розыскными». Сохраняя еще старую форму такъ называемаго *суда* для дѣлъ *частнаго интереса* [2]), котораго не слѣдуетъ въ настоящемъ случаѣ смѣшивать съ интересомъ гражданско-правовымъ—московская судебная практика вмѣстѣ съ тѣмъ, во имя *интересовъ государственныхъ* [3]), начала съ возрастающимъ успѣхомъ развивать процессъ *розыскной*, котораго также не слѣдуетъ смѣшивать съ процессомъ уголовнымъ.

Такимъ образомъ, уже въ XVI стол. въ московскомъ государствѣ

---

[1]) *Соловьевъ*. Исторія, т. X, стр. 1514—1523.

[2]) Къ числу ихъ московское законодательство относило и цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ (бой, грабежъ и т. п.). Это были уголовныя *судныя* дѣла.

[3]) Эти интересы самымъ рѣшительнымъ образомъ вторгались тогда въ сферу гражданскихъ отношеній (владѣльческія, земельныя права и т. п.) и на ихъ почвѣ сложился *розыскной* «гражданскій» процессъ.

явились два вида процесса — «*судъ*» и «*розыскъ*», т.-е. процессъ — обвинительный и слѣдственный, при чемъ первый преобладалъ въ XVI, второй — въ XVII стол. Послѣднимъ фактомъ весьма отчетливо устанавливалась и подчеркивалась общая направляющая тенденція въ исторіи московскаго процессуальнаго права, въ которомъ розыскной или сыскной моментъ постепенно и непрерывно возрасталъ, проникая все глубже и шире въ сферу стараго «суда», получившаго теперь значеніе суда «партикулярнаго», гражданскаго.

Эта перемѣна отразилась уже на самой терминологіи нашихъ актовъ и законодательскихъ памятниковъ. Гдѣ прежде просто говорилось—«вершити по суду», «судити судъ», «а въ достали судъ и правда», «судомъ до вины дойдутъ», «а съ суда доведется», тамъ теперь даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о «судѣ», законодатель уже не можетъ воздержаться, чтобы не сказать: «а съ суда сыщется допряма», «дати судъ а съ суда сыскати», «и бояромъ обыскавъ дати... грамота» и т. д. [1]). Всѣ эти обмолвки и обороты рѣчи съ очевидностью показываютъ, что роль судьи теперь замѣтно измѣнилась. Изъ спокойнаго наблюдателя или свидѣтеля спора сторонъ, онъ уже мало-по-малу становится болѣе активнымъ элементомъ на судѣ и не только *судитъ*, т.-е. объявляетъ приговоръ на основаніи данныхъ, представленныхъ сторонами на судъ, но и самъ принимаетъ участіе въ изслѣдованіи дѣла, *обыскивая всякими сыски накрѣпко* обстоятельства дѣла.

Это—едва только обозначившееся—измѣненіе роли судьи въ «судѣ» мы уже отмѣтили въ предшествующемъ періодѣ. Теперь эти слѣдственныя тенденціи не только ясно пробиваются въ обвинительномъ процессѣ, но и создаютъ совершенно особую форму процесса независимо отъ первой.

Въ литературѣ вопроса изслѣдователи нерѣдко склонны были связывать происхожденіе розыска съ введеніемъ губныхъ учрежднй и суда надъ «лихими людьми» [2]). Теорія эта, однако, едва ли можетъ считаться достаточно обоснованной. Дѣло въ томъ, что розыскъ вовсе не былъ исключительной принадлежностью губного суда по разбойнымъ дѣламъ, какъ не былъ и отличительной принадлежностью суда уголовнаго вообще. Различіе между «судомъ» и «розыскомъ» въ тѣ времена шло вовсе не по линіи спецификаціи уголовнаго и гражданскаго процесса, и нѣтъ никакой возможности для московской эпохи отожествлять «судъ» съ гражданской, а розыскъ съ уголовной расправой. Напротивъ, въ Москвѣ дѣла гражданскія и уголовныя одинаково судились, какъ судомъ, такъ и розыскомъ [3]).

---

[1]) См., напр., *Судебникъ 1550 г.*, ст. ст. 25, 33, 42, 44, 47, 52, 53, 54, 90 и др. Любопытно, что, отмѣняя въ «судѣ» *поле*, Иванъ Грозный уже въ указѣ 1556 г. повелѣлъ: «*судити и сыскивати* во всякихъ дѣлахъ и управу чинити безъ поль». Н. Ланге, op. cit., стр. 205.

[2]) См. напр., *С. Пахманъ*, op. cit., стр. 144; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, стр. 655.

[3]) Приведемъ примѣръ, который особенно показательно подтверждаетъ высказанную мысль: «А кого приведутъ съ поличнымъ впервые, и назовутъ его въ обыску лихимъ человѣкомъ, ино его пытати, и скажетъ на себя самъ, ино его казнити смертною

Линія раздѣленія между тѣмъ и другимъ проходила такимъ образомъ не по границѣ понятій гражданской и уголовной неправды, т.-е. не вертикально, а пересѣкая ихъ въ горизонтальномъ направленіи. Principium divisionis въ данномъ случаѣ являлась—по существу—степень напряженности *государственнаго интереса*, или же *заинтересованности* государственной власти, какъ въ охранѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ опредѣленіи извѣстныхъ правъ и отношеній. А съ указанной точки зрѣнія для московскихъ государей судъ о помѣстьяхъ, напр., имѣлъ не меньшій интересъ, чѣмъ судъ о «лихихъ людяхъ», земельные процессы или сыскъ о бѣглыхъ крестьянахъ—не меньшій, чѣмъ судъ по дѣламъ политическимъ и преступленіямъ должностнымъ. Что же касается дѣлъ о «боѣ и грабежѣ», простой татьбѣ и т. п., то они такъ же мало интересовали правительство, какъ и споры о «займехъ» и всякаго рода частныхъ взысканіяхъ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ оно считало достаточной гарантіей возстановленія нарушенныхъ правъ и общественнаго спокойствія интересы третьихъ лицъ и инициативу истца и пострадавшаго.

Процессъ централизаціи судебной власти при подобныхъ условіяхъ привелъ въ московскомъ государствѣ, въ концѣ концовъ, къ тому, что государственная власть *въ порядкѣ управленія* стала все энергичнѣе вмѣшиваться въ дѣло суда во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она сама являлась, такъ сказать, *заинтересованной стороной* въ процессѣ по поводу своихъ фискальныхъ или иныхъ нуждъ и задачъ. Поэтому, поскольку и въ помѣстномъ правѣ и въ вопросѣ о правахъ на крестьянъ и холоповъ, и въ дѣлахъ разбойныхъ были ближайшимъ образомъ замѣшаны *публичные интересы*—интересы государевой службы, точнаго учета и охраны благосостоянія тяглаго населенія[1])—московское правительство всегда обнаруживало достаточную настойчивость вмѣшательства въ область *судебнаго управленія*[2]), «сыскивая всякими сыски», какъ тогда говорили, «государево дѣло». А мы знаемъ, что сфера этого понятія, «государева дѣла», расширялась все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ укрѣплялись на Руси основы *по-*

казнью; а не скажетъ на себя самъ, а скажутъ въ обыску, что онъ добрый человѣкъ, и того поличнаго *сыскивати судомъ* и дѣло *вершити по суду*». *Акты истор.*, т. I, № 165, стр. 316. Ср. *Судебникъ*, ст. 52. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ того, былъ ли обвиняемый въ воровствѣ «лихой» или «добрый» воръ, дѣло вершилось или *розыскомъ*, или *судомъ*.

[1]) Розыскъ проникъ въ указанную сферу отношеній, 1) такъ такъ вопросы помѣстнаго и вотчиннаго землевладѣнія были тѣсно связаны съ интересами государевой службы и земля не должна была выходить изъ службы, 2) такъ какъ правительство стремилось точно выяснить и укрѣпить права владѣльцевъ на крестьянъ и холоповъ въ виду того, что съ этимъ были тѣсно связаны вопросы податного обложенія, и точный учетъ тяглецовъ, и 3) потому-то развитіе разбоевъ въ конецъ разоряло крестьянство и посадскихъ людей, которые бросали свои «жеребьи», «брели розно» и прямо заявляли правительству, что имъ «всякихъ податей тянути сполна немочно».

[2]) Поэтому, напр., розыскныя начала получили особенно широкое примѣненіе въ практикѣ Помѣстнаго приказа. См. *Э. Дмитріевъ*, op. cit., стр. 360—369. Воззрѣнія по этому вопросу у *К. Кавелина*. Собр. соч., т. IV, стр. 258—265.

лицейскаго государства, и правительство въ результатѣ «выволокло» на службу государственнымъ интересамъ положительно всѣхъ и каждаго «безъ омѣны», «чей кто ни буди». Такимъ образомъ, превращая московскую Русь въ огромное *крѣпостное государство*, государи московскіе въ XVII ст. призвали и поставили на *государственную барщину* весь народъ, всѣ классы общества. Поэтому, они стали такъ же свободно распоряжаться въ судѣ, какъ и въ прочихъ отрасляхъ управленія.

Подъ вліяніемъ всѣхъ означенныхъ причинъ «инквизиціонный» процессъ съ его «обыскомъ» и «распросными рѣчами», «очными ставками», «пыткой», всякаго рода розыскными справками по приказнымъ крѣпостнымъ книгамъ и кадастровымъ документамъ, т.-е. со всѣмъ арсеналомъ московскаго слѣдственнаго процесса широко проникъ въ производство дѣлъ по опредѣленію спорныхъ правъ на служилыя земли, крестьянъ и холоповъ и т. д. Во всѣхъ подобныхъ тяжбахъ на судѣ лежала обязанность произвести подробный сыскъ и розыскъ, не довольствуясь тѣмъ, въ чемъ «уличатъ» другъ друга спорящія стороны. Послѣднія сами становились теперь въ положеніе какъ бы допрашиваемыхъ свидѣтелей или подозрѣваемыхъ, а настоящимъ истцомъ въ дѣлѣ являлось уже государство въ лицѣ судьи. Состязательный процессъ при такихъ условіяхъ терялъ окончательно свои наиболѣе выразительныя и характерныя черты и превращался, дѣйствительно, въ *допросъ и сыскъ*. Судья стремился при этомъ во что бы то ни стало добиться рѣшительныхъ *признаній* со стороны тяжущихся и участниковъ процесса [1]). Здѣсь-то и выступала обыкновенно на первый планъ пытка, какъ классическое орудіе московскаго слѣдственнаго процесса. Борясь съ крестьянскимъ «бѣгствомъ» и укрывательствомъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, на почвѣ котораго шли безконечныя тяжбы въ московскихъ приказахъ [2]), стремясь въ то же время пресѣчь всѣ изворотливости и «хитрости» служилыхъ людей въ практикѣ помѣстнаго права и положить конецъ всякому «воровству» дворянъ-землевладѣльцевъ [3]), правительство такъ же энергично вступалось въ суды по всѣмъ этимъ дѣламъ, какъ и въ дѣло «вывода» вѣдомыхъ лихихъ людей по всему государству. Судья ведетъ при такихъ условіяхъ уже настоящее слѣдствіе, судъ обращается имъ въ *дознаніе*. Уложеніе 1649 г. въ подобнаго рода случаяхъ прямо предписываетъ судьѣ—истцовъ и обвиняемыхъ «допрашивать на судѣ», да «про нихъ сыскивати... и будетъ про нихъ въ сыску скажутъ», что они виноваты или нѣтъ, въ зависимости

---

[1]) При наличности *частичнаго* признанія взысканіе производилось безъ суда въ соотвѣтствующей долѣ, въ остальномъ же искѣ давался «судъ»: «кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти... а въ достали судъ и правда и крестное цѣлованіе». *Судебникъ 1550* г., ст. 25.

[2]) *Уложеніе 1649 г.*, гл. XX, ст. ст. 25, 26, 66, 91. При этомъ въ подобныхъ дѣлахъ находила примѣненіе даже пытка. Ср. *Судебникъ 1550 г.*, ст. 78, гдѣ мы встрѣчаемъ довольно неясное еще выраженіе «не опытавъ... грамоту возметъ» на холопа. Бѣглыхъ людей обыкновенно предписывалось выдавать ихъ господамъ «по суду, по крѣпостямъ и по сыску». *Акты истор.* т. III, № 92.

[3]) Ibid., гл. XVI, ст. 45, гл. XVII, ст. 34—5; гл. XX, ст. 3.

отъ этого рѣшать уже и самое дѣло, при чемъ теперь и мѣра наказанія виноватому опредѣляется «смѣтя по сыску», «смотря по винѣ» [1]). Однако если цѣлый рядъ дѣлъ разбирался въ московскую эпоху непремѣнно розыскнымъ порядкомъ, такъ что закономъ прямо предписывалось ихъ «вершити сыскомъ» [2]), то это еще не значитъ, что розыскной элементъ въ судѣ только и ограничивался указанными напередъ случаями. По существу «судъ» при наличности извѣстныхъ условій, по иниціативѣ судьи и по ходу самаго процесса, могъ въ любой моментъ перейти въ «розыскъ» [3]). «А по которымъ дѣламъ *доведется послати въ городы обыскивать*:—говоритъ Уложеніе—и государевы грамоты къ воеводамъ и приказнымъ людемъ посылати по тому же вскорѣ безо всякаго мотчанія, и велѣти въ городѣхъ сыскивати» [4]). Необходимость же въ подобнаго родѣ дознаніи могла встрѣтиться въ каждомъ дѣлѣ. Поэтому, вовсе не случайно уже въ Судебникѣ 1550 г. мы встрѣчаемъ не разъ въ примѣненіи къ «суду», правда, довольно неопредѣленное еще выраженіе «а обыщется то»,—выраженіе, которое, однако, придаетъ какъ бы новую окраску процессу. Этотъ оборотъ рѣчи тѣмъ любопытнѣе для насъ, что онъ употребляется Судебникомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, которые трактуютъ о должностныхъ проступкахъ судей и ложныхъ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ нихъ [5]). Впрочемъ, мы найдемъ въ нашемъ памятникѣ и прямое указаніе на сыскное производство по такому поводу, когда, казалось бы, мы его менѣе всего могли ожидать встрѣтить. Въ ст. 90 Судебникъ предусматриваетъ случай несчастной торговой несостоятельности. Однако, прежде чѣмъ разсрочить такому банкроту уплату его долговъ, Судебникъ постановляетъ: «и *бояромъ обыскавъ*, велѣти ему дати... полѣтную грамоту» [6]). Такимъ образомъ, выдачѣ отсрочной льготной грамоты предшествуетъ предварительный розыскъ о добросовѣстности купца. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича въ этомъ отношеніи идетъ еще далѣе и не только повторяетъ формулу Судебника въ аналогичныхъ же случаяхъ («а сыщется про то допряма») [7]), но и постоянно пользуется такими выраженіями, какъ, напр.: «дати судъ, а съ суда сыскать», «дати судъ, да будетъ по суду и по сыску про то дѣло сыщется», «а по суднымъ дѣламъ доведется быти обыску», «отвѣтчики съ суда учнутъ слатися въ повальный обыскъ», «и про такіе спорыя земли сыскивати писцовыми и дозорными и отдѣльными книгами, и всякими крѣпостями и сторожильцы и окольными всякими людьми» [8]) и т. д., и т. д. При этомъ отъ «сыска» и «обыска» дѣло *могло* «дойти» до «очныхъ ставокъ» и, наконецъ, до самой пытки («а будетъ

---

[1]) Ibid., гл. X, ст. 29 и 208.

[2]) *Уложеніе*, гл. X, ст. 23, 113, 163; гл. XIV, ст. 3; гл. XVI ст. 23 и мн. др.

[3]) *Н. Ланге*, op. cit., стр. 118.

[4]) *Уложеніе*, гл. X, ст. 22.

[5]) *Судебникъ 1550 г.*, ст. ст. 2, 3, 6, 8—11, 33, 34. Въ ст. 99 то же выраженіе употреблено по поводу ложнаго свидѣтельства послуха: «а обыщется то опослѣ». Ср. *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 182.

[6]) См. *Судебникъ 1497 г.*, ст. 55. Ср. *Уложеніе 1649 г.*, гл. X, ст. 276.

[7]) *Уложеніе 1649 г.*, гл. X, ст. ст. 129, 142, 148, 150 и мн. др.

[8]) Ibid., гл. X, 133, 135, 142, 156, 157, 161, 235 и мн. др.

дойдетъ до пытки») [1]) «по челобитью» той или иной стороны или по иниціативѣ суда.

Изъ приведенныхъ примѣровъ съ очевидностью слѣдуетъ, что сыскной, инквизиціонный процессъ въ XVII ст. постепенно получалъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе, такъ сказать, *за предѣлами* чистаго «розыска». Въ концѣ концовъ отъ Уложенія мы получаемъ вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе. Процессъ этого кодекса явно тяготѣетъ къ розыску; сыскъ идетъ, можно сказать, по всей линіи [2]), и уже выработалась какая-то *средняя форма* процесса-судно-розыскная.

Естественно, что при такихъ условіяхъ, при очевидномъ и послѣдовательномъ вырожденіи «суда» въ «розыскъ», должны были соотвѣтственнымъ образомъ эволюціонировать, какъ способы судебныхъ доказательствъ, такъ и самыя формы вызова въ судъ. Если прежде этотъ послѣдній былъ по преимуществу дѣломъ сторонъ и въ порядкѣ договорнаго соглашенія совершался черезъ «приставную память», то теперь и въ данномъ случаѣ мало-по-малу перевѣсъ склоняется на сторону сффиціальнаго судебнаго вызова черезъ такъ наз. «зазывную грамоту», [3]) при чемъ въ розыскныхъ дѣлахъ широко развивается предварительный подслѣдственный арестъ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и институтъ судебнаго поручительства получаетъ теперь обязательный и даже прямо принудительный характеръ *привода* «за поруками». Правительство какъ бы возлагаетъ на мѣстное населеніе новую обязанность или повинность срочной доставки отвѣтчиковъ къ суду [5]).

Стремясь во что бы то ни стало добиться явки сторонъ, московскій законъ, естественно, весьма неблагопріятно смотритъ на процессуальное представительство постороннихъ профессіональныхъ ходатаевъ на судѣ, на, такъ сказать, московскую вольную адвокатуру, которую онъ третировалъ, какъ сословіе «ябедниковъ» [6]). Уложеніе 1649 г., собственно говоря, знаетъ

---

[1]) Ibid., ст. 251.

[2]) Не довѣряя своимъ приказнымъ судьямъ, правительство нерѣдко требовало доклада рѣшенныхъ дѣлъ въ Москву, въ порядкѣ, такъ сказать, ревизіонномъ, на утвержденіе высшей инстанціи. Это былъ какъ бы «сыскъ» надъ сыскомъ. См. *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 187.

[3]) Въ зависимости отъ этого и послѣдствія того и другого вызова были различны. Неявка по «приставной памяти» сразу вела къ заочному обвиненію, такъ какъ неявившійся, по существу, нарушалъ принятое на себя по договору обязательство; неявка по «зазывной грамотѣ», исключавшая подобное соглашеніе, не «винила» немедленно уклонившагося отъ «ставки» на судъ. Только послѣ *3-яго вызова* по «зазывной» могло быть постановлено заочное рѣшеніе. *Уложеніе*, гл. X, ст. 117.

[4]) *Н. Ланге*, op. cit., стр. 120.

[5]) Поручительство, выросшее изъ древней родовой солидарности и общественныхъ помочей, получило широкое развитіе въ московскомъ государствѣ. Можно сказать, что каждый процессуальный актъ былъ обезпеченъ поручительствомъ. Но поручительство это теперь получило характеръ настоящей повинности, какъ всѣ общественныя отношенія въ изучаемомъ періодѣ.

[6]) «Многіе холопы боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ государей и *наймуются* въ судѣхъ у иныхъ, а ябедами и кромолами люди проторятъ... въ судѣхъ лгутъ и го-

лишь необходимыхъ представителей—родственниковъ, господъ, которые ищутъ за своихъ людей, холоповъ и крестьянъ, которые отвѣчаютъ за своихъ господъ, волостныхъ выборныхъ властей, выступающихъ на судѣ за свой «міръ» («во всѣхъ крестьянъ мѣсто») и т. д. «Наемные доводчики» допускаются, слѣдовательно, только въ томъ случаѣ, когда у тяжущихся нѣтъ естественныхъ заступниковъ и замѣстителей. Все это, конечно, весьма типично для московской юстиціи.

Что касается системы доказательствъ, то совершенно очевидно, что они должны были раздѣлить судьбу самого процесса. Древнѣйшіе способы доказательствъ, сложившіеся въ практикѣ «суда», должны были теперь, конечно, уступить свое мѣсто тѣмъ пріемамъ судопроизводства, которые принесъ съ собой розыскъ. «Сказки» сторонъ (т.-е. ихъ показанія или пренія въ состязательномъ процессѣ) смѣнились теперь судебнымъ допросомъ или распросомъ въ его различныхъ и многообразныхъ формахъ [1]). Поэтому, мы прежде всего и обратимся къ изображенію судебъ стараго *суднаго* процесса, пришедшаго къ концу изучаемаго періода въ совершенный упадокъ.

Этотъ упадокъ наиболѣе ярко долженъ былъ сказаться, какъ и слѣдовало ожидать, на послѣднихъ остаткахъ «суда Божія» и въ первую очередь на судебномъ поединкѣ.

Правда, въ Судебникахъ *поле* играетъ еще довольно замѣтную роль. Его «присужаютъ» и въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ [2]), и оно является такимъ же характернымъ признакомъ «суда», какъ пытка «розыска». Однако, то отрицательное отношеніе къ нему, которое сказалось еще въ предшествующую эпоху [3]), и благодаря которому примѣненіе поединка начало уже тогда замѣтно ограничиваться, въ московскомъ государствѣ не только усиливается, но приводитъ и къ окончательной ликвидаціи этого вида про-

---

ворятъ не по дѣлу оттягая судъ... Продаютъ своего наймщика». *Христоматія Владимірскаго-Буданова*, в. III, стр. 34—5. Широкое участіе холоповъ въ судебномъ представительствѣ уже само по себѣ говоритъ о приниженномъ состояніи этой профессіи. Изъ того же памятника мы узнаемъ, впрочемъ, что ремесломъ этимъ промышляли иногда и служилые люди: «бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ». Любопытно, что боярскій приговоръ 1582 г. ставитъ этихъ стряпчихъ на одну доску съ «ябедниками, кромольниками и составщиками», и за ложные иски приказываетъ ихъ, «бивъ кнутомъ, отъ судовъ отсылати и впредь въ суды не пущати», за вѣроломное же отношеніе къ довѣрителю такого «наемнаго доводчика» предписывается «казнити смертью», ibid., стр. 35—6.

[1]) Благодаря пыткамъ допросъ этотъ превратился уже въ XVII ст. въ такъ наз. «распросъ съ пристрастіемъ», говоря языкомъ XVIII в.

[2]) *Христоматія*, в. III, стр. 5—10. Предписывая въ цѣломъ рядѣ случаевъ дѣла «вершити безъ поля», указъ въ то же время допускаетъ и законный отказъ отъ поля: «а досудятся въ которомъ дѣлѣ до поля, а станетъ бити челомъ отвѣтчикъ, что ему стояти у поля не мочно, чтобы присудили крестное цѣлованіе: ино поле отставити, а дати на волю истцю», ibid. ст. 15.

[3]) Народная пословица отмѣтила, повидимому, происшедшую перемѣну во взглядѣ на «поле» въ двухъ изреченіяхъ. «Въ полѣ двѣ воли, *чья правѣе, та и сильнѣе*» таковъ первоначальный взглядъ на поединокъ. «Кто сильнѣе, тотъ и правѣе»—таково позднѣйшее воззрѣніе народа на тотъ же самый актъ. *І. Иллюстровъ*. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ (изд. 3), стр. 308.

цесса. Такъ, указомъ 21 августа 1556 г. было предписано отдавать предпочтеніе передъ полемъ инымъ способамъ доказательства [1]), а въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ поле и вовсе воспрещалось [2]); въ уставныхъ же земскихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ уже даже общее запрещеніе поля: «а судити имъ и сыскивати *во всякихъ дѣлахъ* и управа чинити безъ поль» [3]). Такимъ образомъ, поле мало-по-малу совершенно изгоняется изъ практики суда, и въ XVII вѣкѣ всякая память о немъ изглаживается. Процессъ древней Руси, можно сказать, въ самой его архаической и характерной особенности—какъ «судъ Божій»—теперь умеръ вмѣстѣ съ полемъ.

Болѣе живучей оказалась присяга, «крестное цѣлованіе». Хотя ей тоже пришлось потерпѣть весьма существенное умаленіе въ своемъ достоинствѣ и силѣ, однако, все же *за недостаткомъ* другихъ доказательствъ, гдѣ это не грозило особенно интересамъ сторонъ, присяга сохраняетъ еще свое значеніе: «а *впричь вѣры*, крестнаго цѣлованія, тѣхъ дѣлъ *вершити будетъ нѣчемъ*: и въ тѣхъ искѣхъ отвѣтчику или исцу крестъ целовати» [4]). И въ данномъ случаѣ намъ приходится отмѣтить вполнѣ опредѣленное различіе въ отношеніи къ присягѣ въ XVI и XVII стт. Судебники стоятъ въ этомъ смыслѣ гораздо ближе къ до-московской *старинѣ*, въ частности къ Псковской грамотѣ. Уложеніе же почти совершенно отъ нея эмансипируется. Это можно вообще сказать о свободѣ выбора тяжущимися способовъ доказательствъ, которая въ Судебникахъ гораздо шире. Поэтому и сфера примѣненія присяги значительно сократилась въ эпоху Уложенія. Такъ, по крѣпостнымъ искамъ, которые получили теперь такое развитіе, присяга вовсе не допускалась. Ограничивалась и самая возможность повторнаго крестоцѣлованія (до трехъ разъ) [5]), какъ и возможность прибѣгать къ нему въ искахъ менѣе 1 рубля [6]). Позднѣе воспрещено было также и представительство въ присягѣ. Означенныя ограниченія особенно ярко сказались уже въ цитированныхъ выше указѣ 1556 г. [7]) и грамотѣ 1555 г., ограничившихъ и отчасти воспретившихъ примѣненіе поля. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ наравнѣ съ послѣднимъ въ нихъ воспрещено было и крестное цѣлованіе. Въ уставныхъ же грамотахъ недовѣріе къ присягѣ таково, что она примѣняется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда иныя процессуальныя средства окажутся недостаточными: «чего *сыскъ* не возметъ», какъ характерно выражаются наши памятники [8]).

---

[1]) «А побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ, или въ бою» (ст. 11), «въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ; или въ татбѣ» (ст. 12). *Судебникъ 1550 г.* Поле примѣнялось, какъ мы знаемъ, и въ дѣлахъ земельныхъ, откуда, однако, его вытѣсняютъ, въ концѣ концовъ, крѣпостные акты.

[2]) «Поль священничьскому и иночьскому чину не присужати». *Акты истор.*, т. I, № 155.

[3]) *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 250 (1556 г.).

[4]) *Уложеніе 1649 г.*, гл. XIV, ст. 8.

[5]) *Уложеніе*, гл. XIV, ст. 1 и 2.

[6]) Ibid., ст. 10.

[7]) Ст. ст. 2, 4, 8, 9.

[8]) См. *С. Пахманъ*. op. cit., стр. 190—191. То же слѣдуетъ сказать о объ «образномъ хожденіи», которое сохраняетъ еще Уложеніе, гл. X, ст. ст. 236, 237.

Постоянныя жалобы на то, что люди подъ присягой «лгутъ», въ связи со все возрастающимъ недовѣріемъ къ этому способу доказательства правъ, нерѣдко приводили тогда къ довольно любопытнымъ «челобитьямъ», которыя подавались правительству заинтересованными лицами. Такъ, изъ одного указа 1629 г. мы узнаемъ, что правительству было сдѣлано оригинальное предложеніе—требовать въ большихъ искахъ къ присягѣ «по человѣку на сто рублей». Истецъ отказывался удовольствоваться въ трехстахъ рубляхъ присягой одного отвѣтчика, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что искъ «великій, одному человѣку онъ не вѣритъ» [1]). Но если, такимъ образомъ, предѣлы примѣненія присяги, какъ самостоятельнаго доказательства, сильно и прогрессивно сокращались, то присяга предварительная (свидѣтелей, обыскныхъ людей и т. д.) продолжала сохранять все свое значеніе.

Обращаясь теперь къ институту *послушества*, этому самому яркому обломку незапамятной старины, мы должны констатировать, что оно, подобно «полю», закончило свою историческую карьеру уже въ XVI ст. съ тѣмъ, чтобы уступить свое мѣсто повальному обыску, который столь же характеренъ для московскаго государства, какъ и послушество для временъ Русской Правды.

Намъ уже приходилось отмѣчать, что идея послушества глубоко исказилась еще въ концѣ удѣльной эпохи. Великокняжескій и царскій Судебники, можно сказать, довершили это искаженіе въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ, первый—67-й, второй—99-й, «о посулѣхъ и послушествѣ». Однако, все же Судебники удержали кое-какія специфическія черты изъ этого демократическаго института,—хотя и плохо отдавали себѣ отчетъ въ ихъ правовой природѣ [2]). Но эти невольныя реминисценціи, вкрапленныя въ московское кодифицированное право и попавшія въ него благодаря чисто механическимъ пріемамъ составленія нашихъ первыхъ судебныхъ уставовъ, не могли устранить того факта, что послушество, какъ разъ въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ законодатель наиболѣе активно показалъ себя, низводилось на степень простого свидѣтельства! Этимъ обстоятельствомъ, собственно говоря, дальнѣйшая судьба института была предопредѣлена. Уложеніе 1649 г. уже ничего не знаетъ о *послушествѣ!* Правда, слово это еще встрѣчается на столбцахъ уложенной книги, но оно уже примѣняется безо всякаго отношенія къ прежнему послушеству. Съ одной стороны, рядъ статей Уложенія говоритъ о «послухахъ», какъ свидѣтеляхъ при сдѣлкахъ, подписывающихъ договорныя грамоты, при чемъ Уложеніе имѣетъ въ виду площадныхъ подьячихъ: «и въ послусѣхъ писатися въ Москвѣ площаднымъ подьячимъ» [3]). Въ другихъ статьяхъ тотъ же кодексъ говоритъ уже о «послушествѣ» («слатися

---

[1]) *Христоматія*, в. III, стр. 137.

[2]) Такъ, *Судебникъ 1550 г.* «присужаетъ» по старинѣ послухамъ «поле» (ст. 15, 16), обвиняетъ истца, если «послухъ не договоритъ въ истцовѣ рѣчи» (ст. 15), лишаетъ послуха «наймита» при поединкѣ (ст. 17), связываетъ потерю иска съ неявкой послуха (ст. 18).

[3]) Гл. X, ст. ст. 246, 247, 250—253; гл. XX, ст. 109.

въ послушество»), разумѣя подъ нимъ «общую ссылку» [1]), т.-е., тотъ случай, когда оба тяжущихся слались на однихъ и тѣхъ же свидѣтелей. Оба случая весьма характерны. Во-первыхъ, какъ въ судѣ, такъ и въ дѣлѣ удостовѣренія «крѣпостей» и частныхъ правъ представители общества оказываются теперь рѣшительно вытѣсненными *приказнымъ* элементомъ и, во-вторыхъ, послухи по общей «ссылкѣ» разсматриваются всегда Уложеніемъ, какъ свидѣтели-очевидцы [2]). Можно было бы указать въ послѣднемъ случаѣ развѣ только на одну черту «опчего» послушества XVII в., которая хранила въ себѣ нѣкоторый намекъ на особенности древняго института послушества. Общая ссылка, рѣшающая дѣло, какъ и «ссылка изъ виноватыхъ», отдавала, по прежнему, исходъ процесса на «волю» самихъ сторонъ, которыя своей «ссылкой» какъ бы подставляли на мѣсто приказнаго судьи—послуховъ, показаніе коихъ и рѣшало тяжбу [3]). Впрочемъ, значеніе этихъ общихъ свидѣтелей было ослаблено въ значительной мѣрѣ тѣмъ фактомъ, что обѣ стороны, пославшіяся на нихъ, могли опротестовать и опорочить показаніе поставленныхъ ими же свидѣтелей [4]). Значеніе и роль этого вида свидѣтельства получаетъ, однако, въ эпоху Уложенія довольно широкое примѣненіе, какъ и такъ называемая «ссылка изъ виноватыхъ», когда одна изъ сторонъ соглашалась подчиниться обвиненію, если свидѣтель, на котораго она ссылалась, покажетъ противъ нея [5]). Гораздо ближе возстановляются связи Уложенія съ предшествующими ему временами черезъ институтъ «старожильства», который во всей своей бытовой колоритности, съ «образнымъ хоженіемъ», запечатлѣлся въ соборномъ кодексѣ [6]). Конечно, въ Уложеніи старожильство еще болѣе исторически, такъ сказать, обезличено. Съ исчезновеніемъ «поля», старожильство окончательно оторвалось отъ былой почвы древне-русскаго послушества, съ которымъ оно уже и безъ того такъ слабо было связано, и превратилось, по существу, въ орудіе розыска, т. е. въ *обыскъ*. Въ 235 ст. XII гл. Уложенія оно стоитъ, какъ способъ доказательства, рядомъ съ «писцовыми и дозорными и отдѣльными книгами». Съ помощью старожильцевъ судъ теперь также «сыскиваетъ» спорныя «старыя межи и грани», какъ и съ помощью «всякихъ крѣпостей» и «окольныхъ людей». Но къ нимъ онъ прибѣгаетъ только тогда, когда «въ такихъ спорныхъ земляхъ зачѣмъ указу учинити будетъ не мощно» (ст. 236), и когда, слѣдовательно, приходилось обращаться къ худшему изъ доказательствъ: «учинити вѣра, образное хоженіе».

---

[1]) Гл. X, ст. ст. 167, 180 и 181.

[2]) Гл. X, ст. 160, 172.

[3]) Переходомъ къ этой формѣ quasi-послушества можетъ служить институтъ старожильства удѣльной эпохи, который также зналъ общую ссылку съ полнымъ эффектомъ окончательнаго приговора.

[4]) Гл. X., ст. ст. 170, 171.

[5]) Гл. X, ст. 160, 168, 176. См. *Христоматія*, в. III, стр. 9, ст. 9: «А пошлется на судѣ ищея или отвѣтчикъ изъ виноватого, хотя на одного человѣка: и тоѣ правды не отставливати, что скажетъ, по тому и винити».

[6]) Гл. X, ст. ст. 235, 236, 237; гл. XVII, ст. ст. 50 и 51. Этимъ старожильцамъ приходилось теперь производить *послѣдній* «разводъ» земель, поскольку еще въ московскомъ государствѣ уцѣлѣли помѣстья и вотчины, которыхъ «писцы не межевали».

Въ ряду отмѣченныхъ видовъ свидѣтельства нельзя не указать также и еще одной любопытной ихъ разновидности, которая вводитъ насъ въ кругъ новыхъ понятій, близкихъ къ системѣ такъ называемыхъ «совершенныхъ доказательствъ». Мы разумѣемъ тѣ двѣ статьи Уложенія, которыя объявляютъ безапелляціонной «скаску» *опредѣленнаго* числа свидѣтелей *опредѣленнаго* качества, на которыхъ «учнетъ слатися» съ суда истецъ. Въ искахъ до 50 руб. такими *совершенными* свидѣтелями, оказывается, являются 10 человѣкъ изъ служилыхъ и приказныхъ людей, отъ стольника до подьячаго включительно, а въ искахъ до 20 руб.—10 же человѣкъ лицъ прочихъ званій, начиная гостинной и суконной сотней и кончая «монастырскими служками и крестьянами» [1]). При этомъ противъ названныхъ свидѣтелей «отводъ» со стороны отвѣтчика не допускается.

Такимъ образомъ, московское законодательство, оторвавшись окончательно отъ древнѣйшихъ основъ народнаго суда, въ поискахъ новыхъ процессуальныхъ гарантій, обнаружило уже явный наклонъ въ сторону системы *формальныхъ*, «совершенно» достовѣрныхъ доказательствъ. Оно стремилось вообще къ точнѣйшему укрѣпленію и опредѣленію правъ, а потому и въ судѣ явилось сторонникомъ всяческаго формализма.

Этимъ объясняется также, почему въ процессѣ московскаго государства такъ неимовѣрно возрастаетъ роль и значеніе *письменныхъ актовъ и особенно «крѣпостей»*, какъ доказательствъ не только формальныхъ, но и наиболѣе безспорныхъ. Если прежде письменные акты носили характеръ, такъ сказать, простыхъ, частныхъ «записей», «памятей», въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то позднѣе они начинаютъ пріобрѣтать форму актовъ, *утвержденныхъ* или *подтвержденныхъ* отъ лица публичной власти. Такъ, въ эпоху Судебниковъ совершеніе нѣкоторыхъ сдѣлокъ и свидѣтельствованіе правъ получаетъ уже оффиціальный крѣпостной характеръ (жалованныя, полныя, докладныя, бѣглыя, правыя, межевыя грамоты, писцовыя и т. п. книги) [2]). Въ эпоху Уложенія роль «крѣпостей» возрастаетъ особенно замѣтно. Почти всѣ обязательства совершались письменнымъ порядкомъ и закрѣплялись подьячими. Оспариваніе ихъ могло итти только путемъ доказательства или ихъ погашенія (давностью, уплатой) или подложности. Предъявленіе въ судъ подлиннаго крѣпостного акта—рѣшало тяжбу. Поэтому, законодательство XVII в. на первый планъ и выдвигаетъ въ судѣ крѣпости, всѣ же прочія доказательства, какъ менѣе совершенныя, ставитъ на вторыя и третьи мѣста. На томъ же основаніи въ крѣпостныхъ дѣлахъ оно не разрѣшаетъ

---

[1]) Гл. X, ст. ст. 158, 159. Уже по указу 1556 г. при ссылкѣ «въ слухъ или въ обыскъ и въ вѣдѣніе» судъ вѣрилъ не *всякимъ* обыскнымъ людямъ. Отвергая свидѣтельство простыхъ 5—6 человѣкъ, указъ говоритъ: «а пошлется на судѣ ищея или отвѣтчикъ на боярина, или на діяка, или на приказнаго человѣка, *кому мочно вѣрити*... и тоѣ правды не отставливати», ст. 7—8. Такимъ образомъ сословныя и тому подобныя различія проникаютъ и въ дѣло оцѣнки свидѣтельства.

[2]) Иски о холопахъ и займахъ Судебникъ допускалъ еще какъ по кабаламъ, такъ и безкабально. Но съ нач. XVII в. законъ начинаетъ ограничивать безкабальные иски. *Акты истор.* т. III, № 85, I; *Указная кн. Зем. пр.* XXIV. Ср. также *Указн. кн. вѣд. казначеевъ*, IV (Христоматія В.—Б.).

«винить» неявкою [1]). Соборное Уложеніе уже прямо предписываетъ «суда не давать» и челобитій не принимать: «въ заемныхъ деньгахъ, или въ покла-жахъ, или въ какой-нибудь ссудѣ», если не окажется у истца «на то кабалъ и заемныхъ памятей и иныхъ никакихъ крѣпостей» [2]). Котошихинъ столь же опредѣленно подтверждаетъ, что «дается во всякихъ въ денежныхъ и въ заемныхъ товарныхъ и иныхъ дѣлахъ судъ по кабаламъ и по записямъ... і въ бескабалныхъ дѣлахъ суда не даетца и *вѣрить не велѣно никому*, хотя бы на какое дѣло 20 человѣкъ свидѣтелей было, все то ни во что безъ крѣпостей» [3]). Такъ, почти всѣ гражданскіе иски сдѣлались крѣпостными.

При такихъ условіяхъ письменныя доказательства въ XVII ст. получили *безусловную*, абсолютную силу, т.-е., собственно говоря, то самое значеніе, которое древле принадлежало «судамъ Божьимъ!» Это была величайшая побѣда «бумаги» надъ «правдой» былыхъ временъ, побѣда, оказавшаяся въ значительной мѣрѣ для россійскаго правосудія эпохи старой монархіи Пирровой побѣдой. Благодаря ей, въ концѣ концовъ, бумажное производство убило состязательный процессъ древности и превратило судъ въ грандіозную фабрику бумагопроизводства, которое разрослось въ XVIII ст. поистинѣ до легендарныхъ размѣровъ.

Впрочемъ, этому бумажному наводненію еще болѣе способствовала, какъ увидимъ ниже, та *розыскная* форма суда, которая и расцвѣла на развалинахъ стараго *суднаго* процесса.

Мы уже видѣли, что роль судьи въ московскомъ процессѣ постепенно преобразовывалась. По мѣрѣ того, какъ онъ становился все болѣе и болѣе агентомъ центральной власти, а эта послѣдняя рѣшительно начала вмѣшиваться во внутреннюю жизнь народа, принявъ на себя всю тяжесть правленія, кореннымъ образомъ измѣнилось и поведеніе судьи въ судѣ. Онъ принялъ на себя многообразныя функціи *слѣдователя, прокурора и вершителя* самаго процесса, по своему усмотрѣнію вмѣшиваясь въ ходъ послѣдняго. Отъ него теперь, въ значительной степени, зависѣло придать то или иное направленіе разбирательству дѣла, принять тѣ или иныя мѣры. Онъ долженъ былъ теперь «сыскивати всякими сыски», по крестному цѣлованію, всякое дѣло, которое «дойдетъ» до обыску, помогать въ этомъ сторонамъ и по собственной иниціативѣ двигать процессъ къ его конечной цѣли [4]).

Въ его рукахъ для этого было достаточно средствъ: допросъ, очныя ставки, сыскъ, повальный обыскъ, пытка. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ *слѣдственнымъ процессомъ*, въ которомъ стороны играютъ уже страдательную роль въ рукахъ судьи и являются сами только *средствомъ* для раскрытія той матеріальной «истины», которая

---

[1]) *Гл. X*, ст. 108, 109; гл. XX, ст. ст. 111, 119.

[2]) Ibid., гл. X, ст. 189; гл. XXI, ст. 71.

[3]) *Op. cit.*, стр. 121.

[4]) Сыскъ, въ широкомъ смыслѣ, могъ начаться и по почину сторонъ, и по почину судьи, и по прямому предписанію закона.

скорѣе есть интересъ государства, чѣмъ сторонъ [1]). Поэтому, конечно, въ розыскномъ процессѣ нѣтъ мѣста для «мировыхъ» сдѣлокъ [2]), и интересы частныхъ лицъ въ немъ уступаютъ интересамъ государства; поэтому же, «судъ» здѣсь переходитъ въ *дознаніе*, пренія сторонъ—въ *распросъ* [3]). И дѣйствительно, въ розыскѣ такъ называемыя «очныя ставки» имѣютъ своей цѣлью *уличить* вовлеченныхъ въ процессъ лицъ [4]); «сыскъ» сводится къ разнаго рода удостовѣрительнымъ *справкамъ* съ документами [5]), оффиціальными книгами или *допросу* подьячихъ, подписавшихъ какую-либо грамоту [6]); «обыскъ»—къ превантельному или «съ суда» произведенному *огульному опросу населенія* о томъ или иномъ лицѣ или какомъ-либо фактѣ [7]); пытка—къ жестокому мучительству преступныхъ, оговоренныхъ или подозрѣваемыхъ лицъ съ цѣлью

---

[1]) *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 183—187.

[2]) «И тотъ ихъ миръ не въ миръ»—говоритъ въ такихъ случаяхъ законодатель. *Уставн. книги Разб. приказа*, ст. 41. (Христоматія, в. III).

[3]) *Судебникъ 1550 г.*, ст. ст. 52, 56, 57. Въ уголовныхъ дѣлахъ разспросъ соединяется обычно съ пыткой: «въ распросе и съ пытокъ учнуть говорити». *Уложеніе*, гл. XXI, ст. ст. 18, 21, 33, 38, 75, 100. Разспросъ широко примѣняется также и въ дѣлахъ о правахъ состоянія, въ судѣ о холопахъ, крѣпостныхъ крестьянахъ, тяглыхъ людяхъ. *Акты истор.*, т. II, № 85, I: «и тѣхъ добровольныхъ холопей государь... велѣлъ распрашивати» и т. д. *Уложеніе*, гл. XIX, ст. ст. 1, 2, 5, 7; гл. XX, ст. 7, 11, 12, 25, 41, 54, 69, 93. Не менѣе широко онъ примѣняется и въ дѣлахъ о корчемствѣ: «а которые люди будутъ въ корчемствѣ (или «съ табакомъ») въ приводѣхъ, а въ распросѣ скажутъ»... *Уложеніе*, гл. XXV, ст. ст. 3, 6, 7, 9, 13—15, 19. Разспросъ производился обязательно и при каждой очной ставкѣ. Ibid., гл. XXI, ст. 35: «съ очей на очи ставити и распрашивати». Цѣлью повальнаго обыска былъ тотъ же разспросъ населенія.

[4]) Очныя ставки примѣнялись въ дѣлахъ вотчинныхъ и помѣстныхъ (*Указн. книга помѣстн. приказа*, III, 12, у *Владимірскаго-Буданова*. Христотатія в. III: *Уложеніе*, гл. XVI, ст. 23; гл. XVII, ст. 17. *Полн. собр. зак.* № 1022), уголовныхъ по преступленіямъ должностнымъ, о разбойныхъ дѣлахъ, корчемствѣ, въ политическихъ процессахъ (*Уложеніе*, гл. X, ст. 7, 162, 251; гл. XXI, ст. ст. 35, 38, 44—47, 63; гл. XXV, ст. 3, 13, 15; гл. II, 16—«поставить съ отвѣтчикомъ съ очей на очи»), въ дѣлахъ по духовнымъ завѣщаніямъ (*Уложеніе*, гл. XX, ст. 14), о бѣглыхъ холопахъ (ibid., ст. 24). Быть можетъ, тотъ же смыслъ имѣютъ и статьи *Судебника 1550 г.* 33, 42, 44 и 47, гдѣ мы встрѣчаемъ выраженіе «а уличатъ его».

[5]) «А сыщется по старымъ книгамъ». *Указн. книга Помѣст. прик.*, I, ст. 7; III, ст. 1. (Христоматія, в. III).

[6]) Сыскъ, въ указанномъ смыслѣ, не легко выдѣлить изъ другихъ его формъ, такъ какъ законодатель не рѣдко ограничивается крайне общими выраженіями «сыскати», «по сыску вершити», «по сыску дати». Тѣмъ не менѣе можно указать, что сыскъ въ данномъ его спеціальномъ значеніи встрѣчается въ дѣлахъ о холопахъ (*Судебникъ 1550 г.*, ст. 78; *Акты истор.*, т. III, № 92); о купчихъ грамотахъ (*Уложеніе*, XX, 74), поземельныхъ спорахъ (Ibid, гл. X, ст. 235), въ искахъ объ убыткахъ (ibid., гл. IX, ст. 12, 13), о тягломъ состояніи и имуществахъ (ibid., гл. XIX, ст. 28, 30, 31) и т. п. О сыскѣ въ качествѣ *разслѣдованія вообще* говорится въ дѣлахъ уголовныхъ, объ оскорбленіяхъ и безчестіи, насильствахъ служилыхъ людей, въ искахъ о сносѣ, о займахъ, поклажѣ, наймѣ, товариществѣ и мн. др.

[7]) Повальный обыскъ, кромѣ разбойныхъ дѣлъ, имѣлъ мѣсто въ дѣлахъ межевыхъ, помѣстныхъ, корчемныхъ, о холопахъ. Кромѣ указанныхъ ранѣе мѣстъ изъ источниковъ см. *Уложеніе*, гл. XVII, 51, гл. XVIII, ст. 5; гл. XX, ст. ст, 29, 95, 108. Показанія при обыскѣ записываются и подписываются обыскными людьми.

добиться отъ нихъ сознанія [1]). При этомъ цѣлый рядъ изъ только что названныхъ инквизиціонныхъ дѣйствій производится въ отсутствіи сторонъ, безъ которыхъ судъ постепенно пріучается обходиться, какъ въ стадіи дознанія, такъ и въ стадіи самаго вершенія дѣла [2]). При такихъ условіяхъ создавалось иногда такое положеніе, при которомъ, говоря словами Градовскаго, по существу, и суда не было, а было слѣдствіе и наказаніе [3]).

Поэтому то, огромную роль теперь начало играть въ судопроизводствѣ все разрастающееся письмоводство, запись всякаго рода «рѣчей», снятыхъ показаній и т. д. [4]). Приказная «письменность» получаетъ тѣмъ большее развитіе, что розыскной процессъ охватываетъ постепенно самымъ широкимъ образомъ не только сферу уголовной юстиціи, гдѣ онъ особенно пышно расцвѣтаетъ, но, что особенно важно, утверждаетъ свое господство и въ гражданскомъ процессѣ. Въ эпоху Уложенія—по справедливому замѣчанію Дмитріева—«въ сущности не было уже такого гражданскаго дѣла, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не могло бы принять полнаго характера розыска». Въ дѣйствительности, «всѣ гражданскія дѣла начали склоняться къ слѣдственному процессу, а важнѣйшія изъ нихъ, помѣстныя и вотчинныя, почти совершенно перешли въ область розыска» [5]).

Въ центрѣ розыска стоялъ *повальный обыскъ*, институтъ, уходящій своими корнями въ глубь временъ, въ которомъ лишь въ новой формѣ передъ нами еще разъ въ Московской Руси выступаетъ голосъ общины, голосъ міра, превратившійся въ *массовое свидѣтельство* при инквизиціонномъ процессѣ. Это было обращеніе суда или сторонъ съ запросомъ по спорнымъ обстоятельствамъ дѣла къ окольнымъ людямъ, *знахарямъ* [6]). Мы встрѣчаемъ примѣненіе повальнаго *опроса* и въ дѣлахъ межевыхъ, и помѣстныхъ, и разбойныхъ, и татиныхъ, въ розыскѣ о корчемствѣ и при выясненіи процессуальной дѣеспособности тяжущихся лицъ и др. случаяхъ. Первоначальный характеръ обыска очень ясно сказался въ той его *безусловной* силѣ, которою онъ обладалъ еще въ XVI ст., какъ *свидѣтельство—приговоръ* [7]). Въ немъ какъ бы оживало старое право народнаго суда, и мы видѣли, что одно время оно, дѣйствительно, ожило въ губныхъ учрежде-

---

[1]) Помимо того широкаго примѣненія, которое пытка находила въ обыскныхъ «лихихъ» дѣлахъ, мы встрѣчаемъ ее въ дѣлахъ о «надругательствѣ» со стороны холоповъ (*Уложеніе*, гл. XXII, ст. 12), о корчемствѣ (ibid., гл. XXV, ст. 3, 9, 12, 14), при разногласіи обыскныхъ людей (ibid. гл. X, ст. 163—«розымати пыткою»), въ дѣлахъ о «невольныхъ кабалахъ» (ibid., гл. X, ст. 251), о холопствѣ и крестьянствѣ (ibid., гл. XX, ст. 25, гл. XI, ст. 22).

[2]) Такъ обыскъ совершается при совершенномъ устраненіи сторонъ.

[3]) *Собр. сочиненій*, т. II, стр. 437.

[4]) Постепенно начинаетъ входить въ практику и обмѣнъ бумагами сторонъ.

[5]) *Op. cit.*, стр. 367, 374. Ср. *К. Кавелинъ*. «Основныя начала русскаго судоустройства», стр. 265—277 (Полн. собр. соч., т. IV). Видныя права прежде всего перешли въ область слѣдственнаго процесса.

[6]) *Уложеніе*, гл. XVIII, ст. 33.

[7]) *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 258. Обыска нельзя было и «*отводить*». *Пахманъ*, op. cit., стр. 200.

ніяхъ [1]), пока губныя власти ни превратились въ приказныхъ «обыщиковъ». приставленныхъ къ государственному розыску о «лихихъ людяхъ», а самый обыскъ ни сдѣлался однимъ изъ средствъ розыскного процесса. Поэтому, исторія повальнаго обыска, который позднѣе распался на «малый» и «большой», есть, собственно говоря, исторія его постепеннаго паденія и превращенія въ простое свидѣтельство, по мѣрѣ того, какъ довѣріе къ обыскнымъ людямъ («и въ обыскахъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры великими») все болѣе и болѣе подрывалось [2]). Общее недовѣріе къ свидѣтелямъ, очень характерное для этой эпохи, распространялось, такимъ образомъ, и на обыскъ. Уже въ указной книгѣ вѣдомства казначеевъ, въ указѣ 1556 г., этотъ новый взглядъ на обыскное слѣдствіе сказался во всей силѣ, что видно изъ цитированныхъ только-что словъ [3]). При такихъ условіяхъ обыскъ противъ «лихихъ людей» могъ превратиться (въ случаѣ разногласія «показаній») въ обыскъ противъ самихъ обыскныхъ людей («а велѣти обыскивати про то, которая половина солгала»), въ результатѣ чего могла послѣдовать уже расправа съ самими свидѣтелями: «и на которую половину доведутъ, что она солгала; а изъ тѣхъ людей, изо ста человѣкъ, выбравъ приказщиковъ и крестьянъ лутчихъ людей, человѣкъ пяти или шести, бить кнутьемъ» [4])! Постепенно является уже и возможность отвода обыска, право жалобы обвиненнаго противъ обыскныхъ людей

---

[1]) См., напр., Наказной списокъ губнымъ старостамъ Зубцовскаго у. о слѣдствіи и казни разбойниковъ. Губные старосты должны были прежде всего собрать въ своемъ округѣ съѣздъ («съ выти по человѣку») и допросить обыскныхъ людей: «кто у нихъ въ губѣ лихихъ людей и татей и разбойниковъ?» «И на кого въ обыску скажутъ,—читаемъ мы далѣе,—что они лихіе люди... и то ихъ лихо... и тѣ рѣчи велѣть писати на списокъ... а (облихованныхъ) велѣти имать да ставить передъ собой... и въ разбоехъ пытать... и которые люди сами на себя въ разбояхъ говорили, и тѣхъ казнити». Та же участь постигала и оговоренныхъ съ пытки («съ языка») и облихованныхъ въ обыскѣ. Если же оговореннаго въ обыску «добрели», то онъ освобождался «на поруки» обыскныхъ людей. Пытка производилась до трехъ разъ. Нѣсколько иныя послѣдствія возникали для обвиняемаго, если голоса обыскныхъ людей разбивались поровну. *Акты А. Юшкова*, № 178. Первоначально, однако, подробности и порядокъ розыскного процесса не опредѣлялись и въ грамотахъ кратко говорилось: «да обыскавъ ихъ (разбойниковъ) и доведчи, казнили бы по нашимъ грамотамъ». *Акты Арх. Экс.*, т. I, № 187. Ср. также *Судебникъ 1550 г.*, ст. 52, 57, 58, 59, 60.

[2]) «Первоначально ихъ показаніе—говоритъ В. Сергѣевичъ—вело къ оправданію или къ обвиненію, во второй же половинѣ XVII в. оно потеряло почти всякое значеніе». *Лекціи и изслѣдованія* (Спб. 1899), стр. 276.

[3]) Въ той же книгѣ мы можемъ прочесть также и слѣдующія опредѣленія: «А боярамъ, и діякомъ, и всѣмъ приказнымъ людемъ, и дворяномъ, приказати, чтобы они приказали въ своихъ селѣхъ накрѣпко, чтобъ въ обыскѣхъ люди ихъ и крестьяне не лгали, а говорили правду; а сышется то, что люди ихъ и крестьяне солжутъ въ обыскѣхъ... а имъ... быти кажненнымъ, какъ и въ разбойныхъ дѣлѣхъ», ст. 10, 11, 12, 13. Ср. также *Уставная книга Разбойнаго приказа*, ст. 7, гдѣ предписывается «на обыскныхъ людѣхъ, которые добрили» человѣка, *впослѣдствіи* уличеннаго въ лихомъ дѣлѣ, «взять выть, да изъ нихъ же, выбравъ лутчихъ людей человѣкъ дву или трехъ бити кнутомъ». Такимъ образомъ, мѣстное населеніе было сдѣлано отвѣтственнымъ за преступленія лихихъ людей! То же *Уложеніе*, гл. XXI, ст. 42.

[4]) Ibid., ст. ст. 5 и 6.

съ требованіемъ вторичнаго (большого) обыска; вводятся также очныя ставки между обыскными людьми и имъ позволено предлагать другъ другу пытку, и т. д., т.-е. устанавливаются подробныя правила для обыска въ обыскѣ. Наконецъ, дальнѣйшей регламентаціи подвергается и весь вообще розыскной процессъ, при чемъ, чѣмъ ближе мы подходимъ къ концу XVII в., тѣмъ сила обыска все болѣе утрачиваетъ свой авторитетъ и оказываетъ все болѣе слабое непосредственное вліяніе на судьбу тяжущихся. Въ этомъ отношеніи особенно значительно было вліяніе Новоуказныхъ статей о татебныхъ разбойныхъ убійственыхъ дѣлахъ 1669 г., которыя окончательно вытравили изъ обыска все, что хотя сколько-нибудь напоминало былое значеніе обыскныхъ людей, какъ представителей мѣстнаго міра и его общественнаго мнѣнія. Обыскные люди сдѣлались теперь *настоящими свидѣтелями*, очевидцами опредѣленныхъ фактовъ [1]), все же остальное населеніе за то было связано круговой обязанностью уплачивать уголовный штрафъ (4 руб.) за каждое мертвое тѣло! Это былъ уже какой-то странный правовый атавизмъ: правительство въ XVII ст. возстановляло *дикую виру* эпохи «Русской Правды»!

Таковы были результаты неуклоннаго стремленія центральной власти утвердить по всей линіи судебнаго процесса господство своего «недреманнаго ока», которое желало проникнуть всюду и вездѣ видѣло и находило «воровскихъ» людей, которые «лжутъ» ему скопомъ и поодиночкѣ и всячески стараются уклониться отъ невыносимаго бремени полицейской опеки высоко ставшаго надъ ними *сыскного* государства. И это были только естественные плоды внутренней политики московскаго правительства, которое вездѣ хотѣло видѣть только орудія своей власти и потому распоряжалось всѣмъ и всѣми «по своему высмотру», мало заботясь о жертвахъ своего всемогущества. И оно дѣйствовало на самомъ дѣлѣ, говоря его выразительнымъ языкомъ «безо всякія пощады», грозя всѣмъ своей «великой грозою» и царскимъ «гнѣвомъ», который теперь былъ положенъ въ основу правового порядка Московскаго государства.

И какъ безпощадна была эта власть въ своей карающей десницѣ со своими кровавыми «соборными» скрижалями, какъ настойчива была она въ своемъ пыточномъ процессѣ, также тверда оказалась она и въ своемъ приговорѣ. И здѣсь она вытѣснила цѣликомъ всякое посредничество сторонъ. Она сама доводила дѣло своего суда до конца, не выпуская до послѣдняго момента жертвы правосудія изъ своихъ рукъ. Стремясь закрѣпить разъ и навсегда силу состоявшагося приговора, воспрещая «суженыя» дѣла «посужати» [2]), и облекая «вершеные» суды въ форму письменныхъ актовъ («правыя грамоты»), Московское государство создало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новый способъ исполненія судебныхъ рѣшеній. То былъ классическій «правежъ», т.-е. битье прутьями передъ приказными дверями,

---

[1]) Въ новомъ уложеніи прямо говорилось: «сыскивати людьми, которые сами про то вѣдаютъ *подлинно*, или *видѣли* и скажутъ *имянно*». *Полн. собр. зак.*, № 431. *См. В. Сергѣевичъ*, op. cit., стр. 476.

[2]) *Судебникъ 1550 г.*, ст. 97. *Уложеніе*, гл. X, ст. 154; гл. XV, ст. 1—5.

съ часу дня до окончанія присутствія, лицъ, приговоренныхъ къ денежнымъ взысканіямъ (за каждые 100 рублей въ теченіе мѣсяца [1]). При неуплатѣ же слѣдуемаго обвиненный «выдавался головою» истцу «до искупа».

Намъ остается теперь только отмѣтить, что въ довершеніе всего въ XVII в. въ московское правосудіе ворвался вновь и тотъ «корыстовый» элементъ, отъ котораго первоначально, въ борьбѣ съ системой кормленій, московское правительство какъ-будто бы освободило государственные суды. Такъ было въ дѣйствительности лишь очень недолго. Едва завершился процессъ концентраціи судной власти въ рукахъ московскихъ государей и судныя дѣла всѣ перешли, такъ сказать, въ *казну*, какъ правительство стало умножать всяческія судебныя пошлины, все болѣе пріучаясь смотрѣть на судъ съ фискальной точки зрѣнія. Подобно своимъ судьямъ, мало-по-малу возстановившимъ кормленіе отъ дѣлъ, правительство само стало «корыстоваться» отъ суда. Теперь «каждый шагъ въ присутствіи суда—какъ отмѣтилъ это еще проф. Морошкинъ—былъ купленъ цѣною денегъ» [2]). При такихъ условіяхъ московское *безсудіе* со всѣми его органическими пороками безгласнаго канцелярскаго судопроизводства оказывалось въ довершеніе всего и весьма дорогимъ продуктомъ, которымъ довольно выгодно для себя торговало московское правительство, явившееся, въ концѣ концовъ, монополистомъ юстиціи. «Безвозмездное» правосудіе промелькнуло, какъ мы знаемъ, лишь случайнымъ эпизодомъ въ исторіи московскаго періода, хотя, впрочемъ, его безвозмездность и была весьма условной.

Неудивительно, поэтому, что уклоненіе отъ суда было довольно яркимъ фактомъ внутренней хроники въ жизни московскаго общества, и правительству приходилось такъ подробно говорить въ Уложеніи о мѣрахъ побужденія сторонъ къ явкѣ на судъ и о борьбѣ съ лицами, которыя, подобно тому, какъ это было при намѣстникахъ,—«подъ судъ не даются».

Таково было общее состояніе правосудія, и таковъ былъ судебный строй въ Московскомъ государствѣ.

Мы видѣли, что изучаемая эпоха сыграла крупную роль въ исторіи древне-русскаго суда и процесса. Это было время образованія національно-русскаго государства, т.-е. время утвержденія началъ *государственности* на развалинахъ удѣльной Руси. Въ результатѣ этого сложнаго историческаго процесса судъ дѣйствительно, получилъ государственный характеръ, создалась болѣе или менѣе единая система органовъ судной власти, намѣтился и болѣе ясный порядокъ инстанцій. По всему государству дѣло суда и расправы сдѣлалось «дѣломъ государевымъ»; вмѣстѣ со всей страной и судъ «потянулъ» теперь къ одному центру, Москвѣ. Отправленіе суда совершалось отнынѣ въ интересахъ и отъ имени государства. Все это были, несомнѣнно, положительныя черты и завоеванія въ государствен-

---

[1]) *Указная книга Земскаго приказа*, гл. X, ст. 7. Любопытно, что дворяне и служилые люди имѣли при этомъ оригинальную привилегію за свои долги «ставить (на правежъ) людей своихъ», *ibid.*, ст. 8.

[2]) *Объ Уложеніи*, стр. 56. См. *Кавелинъ*, op. cit., стр. 336 и сл.

ной исторіи Россіи. Но у этой медали, какъ у всякой медали, была и обратная сторона. Указанныя выше явленія развивались въ опредѣленной, конкретной исторической средѣ. И поскольку объединенное Московское государство вылилось въ формы сословной теократической монархіи патріархальнаго абсолютизма, московская юстиція была отравлена вредными токсинами, которые вырабатывалъ этотъ традиціонный историческій организмъ. Смѣшеніе власти судной и администраціи, проходившее черезъ всю іерархію государственныхъ учрежденій Московской Руси, рѣшительное торжество началъ бюрократизаціи и централизаціи всего управленія сверху до низу, канцелярское засилье, подчиненіе суда правительственнымъ видамъ, бумажное, безгласное инквизиціонное судопроизводство, при отсутствіи опредѣленной грани между уголовнымъ и гражданскимъ процессомъ и, въ довершеніе всего, фискальный характеръ суда—вся эта совокупность тѣсно связанныхъ между собою явленій, въ концѣ концовъ, превратила московское *правосудіе*, на общемъ фонѣ закрѣпощенной страны, въ полную противоположность этому понятію. Лихоимство, мздоимство, волокита, ябедничество, кормленіе были въ Московскомъ государствѣ не *злоупотребленіями*, а *системой*. Не свѣтлое зерцало праваго суда, а кривое зеркало правосудія—такова истинная эмблема приказной юстиціи Московской Руси. А если мы къ тому же припомнимъ состояніе законодательства въ странѣ, стихійный процессъ его образованія, а также безобразное нагроможденіе въ ней властей и учрежденій, множество отступленій отъ основныхъ началъ, пробивавшихся въ жизни молодого государства, то намъ положительно станетъ жутко среди этой обстановки торжества грубой силы и той «неправды черной», которой во-истину «черна» была наша Московская Русь.

IV.

Тяжелое наслѣдство, какъ мы видѣли, оставило Московское государство Россійской имперіи, правительство московскихъ царей—правительству просвѣщенныхъ императоровъ XVIII вѣка. Государственное зданіе XVII ст. представляло собою, дѣйствительно, безобразную «разсыпанную храмину», при первомъ взглядѣ на которую трудно было рѣшить, съ чѣмъ мы, собственно, имѣемъ дѣло, съ развалинами и обломками отжившаго прошлаго, или съ грудами матеріаловъ какого-то недостроеннаго грандіознаго сооруженія, или же, наконецъ, съ тѣмъ и другимъ одновременно. Традиціонный консерватизмъ Москвы придавалъ на самомъ дѣлѣ такія старообразныя черты всему складу русской жизни XVII в., что, когда петровское правительство принялось за генеральную чистку этого приказнаго караванъ-сарая, стремясь придать всему болѣе чинный и приличный *видъ*—«московскимъ» людямъ показалось, что приблизился часъ свѣтопреставленія, и на прародительномъ престолѣ «великихъ государей» возсѣлъ самъ Антихристъ! Стихійный процессъ образованія московскаго царства, слагавша-

гося изо дня въ день среди обыденной сутолоки «пошлаго» обряда жизни, создавалъ такое впечатлѣніе незыблемости устоевъ московскаго «обычая», что люди не замѣчали тѣхъ скрытыхъ основъ новаго порядка, который самъ собой складывался въ результатѣ ихъ безпорядочной, нескладной работы. Не возносясь «горѣ» въ своихъ мысляхъ, они за деревьями не видѣли лѣса и такъ сжились съ окружающей средой и ея «жесточью», что въ ужасѣ попятились отъ того, кто дерзнулъ сорвать ветхій покровъ съ обновленной жизни. И когда эта послѣдняя предстала передъ ними въ своемъ *иноземномъ нарядѣ*, при свѣтѣ сознательной мысли и «разума», они также не признали ее въ этомъ ея новомъ образѣ, какъ не замѣчали раньше, когда она была прикрыта *національными одеждами*. А между тѣмъ, несмотря на крайнюю пестроту и безалаберность Московскаго государственнаго строя, онъ былъ внутренне спаянъ *единствомъ началъ*, которыя, какъ мы видѣли, глубоко проникали весь организмъ Московской Руси. Осознавъ эти начала, правительство XVIII ст. начало подыскивать для нихъ «регулярныя» формы, стремясь вездѣ привести въ извѣстную систему то, что до тѣхъ поръ представляло результатъ стихійныхъ отложеній правительственной практики двухъ вѣковъ. По существу «реформа» Петра Великаго ничего не ломала, а лишь устраивала, мы сказали бы, что она не столько реформировала, сколько просто формировала государственный порядокъ, пытаясь вывести Московское государство изъ хаоса, перваго дня его творенія.

Предпринимая довольно запоздалую реставрацію Московской думы въ лицѣ «правительствующаго» Сената, выдвигая на смѣну анархической системы «приказныхъ» коллегій XVII в. стройный рядъ немногихъ новыхъ коллежскихъ учрежденій, вводя на мѣсто случайныхъ московскихъ воеводскихъ «разрядныхъ» округовъ регулярное губернское и провинціальное дѣленіе,—Петръ I во всѣ эти моменты своей преобразовательной дѣятельности просто лишь вступалъ во владѣніе доставшимся ему историческимъ наслѣдствомъ, стремясь, по силѣ своего разумѣнія, выполнить послѣднюю волю завѣщателя. Но поскольку, среди спѣшной реформаторской работы, многое новымъ правительствомъ «несмотря учинено было», работа его въ концѣ концовъ затянулась на все петровское царствованіе. Эпоха Петра, дѣйствительно, представляетъ намъ картину непрерывнаго государственнаго переустройства, при чемъ основная тенденція этого процесса заключалась въ постепенной переработкѣ готовыхъ «образцовъ» государственныхъ учрежденій примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и средствамъ Россійской имперіи. И слѣдуетъ признать, что великій Преобразователь оказался, въ данномъ случаѣ, гораздо болѣе консерваторомъ, чѣмъ это принято о немъ думать. «Радикализмъ» его реформы билъ въ глаза именно потому, что носилъ по преимуществу *внѣшній*, *технический* характеръ, походилъ скорѣе на «маскарадъ», чѣмъ на «революцію сверху». Рука, дерзко схватившая московскаго обывателя за бороду и длинныя полы его кафтана, стремившаяся все перелицевать на новый фасонъ, показалась русскому человѣку начала XVIII ст. рукой, которая посягаетъ на цѣлость самого міра. А между тѣмъ, оцѣнивая дѣянія Петра, приходится теперь говорить уже не столько-

о той «ломкѣ», которую якобы совершилъ онъ въ русской жизни, сколько о той ломкѣ, которую пропзвелъ онъ надъ своими собственными дѣтищами, т.-е. имъ же самимъ отстроенными учрежденіями. Петру, собственно говоря, не приходилось создавать ничего новаго, его задачей было привести въ нѣкоторый порядокъ запущенныя дѣла его предшественниковъ. Разница въ политикѣ московскихъ царей и Петра сводилась, такимъ образомъ, къ различію *методовъ* государственнаго строительства. Московское строительство—какъ мы видимъ—было строительствомъ безъ плана и системы, «какъ Богъ вразумитъ», петровское, напротивъ, было строительствомъ «прожектерскимъ», основаннымъ на «законахъ ума просвѣщеннаго»,—работать же приходилось той и другой сторонѣ надъ однимъ и тѣмъ же. Сущность же означенной перемѣны сводилась, слѣдовательно, къ тому, что патріархальная монархія XVII в. была на этотъ разъ преобразована въ просвѣщенный абсолютизмъ XVIII столѣтія.

Мы видѣли уже, какъ московское «вольное самодержавство» XVI в. неудержимо эволюціонировало въ сторону «сыскного» государства, которое все болѣе и болѣе развивало руководящую роль правительственной власти въ странѣ и безпощадно приносило все и всѣхъ въ жертву «государеву дѣлу», т.-е. государственнымъ интересамъ. Фактически это торжество государственности было уже законченнымъ дѣломъ къ исходу XVII ст. Новой власти не хватало лишь соотвѣтствующаго государственнаго аппарата и болѣе отчетливаго сознанія своихъ задачъ. То и другое и является въ Россіи при Петрѣ и его наслѣдникахъ вѣка «просвѣщенья».

Это была любопытнѣйшая историческая эпоха, когда и у насъ, на зарѣ XVIII столѣтія, императорская власть высоко подняла — какъ повсюду въ Европѣ — знамя *полицейской монархіи* или *просвѣщеннаго деспотизма*, открыто объявляя себя носительницей и выразительницей «блага общаго», которое она *отожествляла*, конечно, съ *благомъ государственнымъ* [1]). Называя себя «первымъ слугой государства», смотря на свои верховныя полномочія, какъ на государственную «должность», весь отдавшись служенію государству, Петръ, во имя интересовъ послѣдняго, и ото всего народа требовалъ не только безпрекословнаго, но «еще же и доброхотнаго» повиновенія своей власти. Дѣйствуя во имя началъ «просвѣщеннаго разума», мечтая, какъ и его преемники, о «блаженствѣ всѣхъ и каждаго», онъ полагалъ, что только при полной свободѣ ничѣмъ не связаннаго въ своемъ «благомнѣніи» монарха послѣдній можетъ осуществить свое высокое призваніе [2]). Но для того, чтобы достигнуть поставленной цѣли, правительству нужно было, согласно господствовавшей тогда поли-

---

[1]) Общая характеристика «абсолютной монархіи въ Россіи XVIII в.» дана нами въ статьѣ того же названія въ *Книгѣ для чтенія по новой исторіи* (М. 1911), т. II, стр. 511—549.

[2]) «Его Величество есть самовластный Монархъ,—читаемъ мы въ толкованіи къ арт. 20 *Воинскаго устава*,—который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко Христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять». Такъ воплотился, наконецъ, въ законъ политическій идеалъ грознаго царя Ивана. См. выше стр. 93, прим. 3.

тической доктринѣ, неограниченное господство надъ подданными. Во имя этого и устанавливалась тогда самая мелочная опека со стороны государства надъ всѣми «гражданами» [1]), и полиція провозглашалась «душой гражданства» [2]). Принявъ на свои плечи все «бремя правленія», не довѣряя ни въ чемъ народу, правительство XVIII ст., естественно, въ качествѣ монополиста власти, нуждалось въ чувствительномъ, съ хорошей передачей, *государственномъ механизмѣ*, который бы въ одно и то же время и централизовалъ эту власть и проникалъ въ лицѣ цѣлой арміи ея тайныхъ и явныхъ агентовъ во всѣ поры народной жизни. Въ идеалѣ передъ реформаторами имперскаго періода носилось наивное представленіе о «государственной машинѣ», какъ о совершенномъ часовомъ механизмѣ, въ которомъ «одно колесо приводится въ движеніе другимъ», и на циферблатѣ котораго, «если все устроено съ точной соразмѣрностью и гармоніей, стрѣлка жизни непремѣнно будетъ показывать странѣ счастливые часы» *всеобщаго блаженства* [3]).

А мы видѣли, что именно хорошаго механизма и не хватало московскому государству, страдавшему крайнимъ несоотвѣтствіемъ историческаго своего содержанія и формы. Менѣе всего, конечно, оно походило на *регулярное* государство, построенное на раціональныхъ началахъ. Царю-плотнику пришлось, поэтому, прежде всего взяться за топоръ, чтобы разрѣдить непролазныя дебри «приказнаго» царства и прорубить въ немъ прямые ходы и выходы. Однако, приступая къ своей работѣ, первый русскій императоръ стремился придать ей планомѣрный характеръ. И хотя все же и ему приходилось многое дѣлать находу и наспѣхъ, однако, реформа XVIII ст. все время проходила при свѣтѣ не только сознательной творческой мысли, но даже подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ широко популярной въ тотъ вѣкъ философіи политическаго раціонализма. Очередная задача реформы, такимъ образомъ, была поставлена еще въ предшествующемъ періодѣ, отчасти тогда же было начато уже и самое преобразованіе, но оно шло безсистемно, не столько облегчая, сколько загромождая пути, по которымъ тяжело и со «всякими зацѣками и пакостями» подвигалась въ то время государственная жизнь страны. Петровское законодательство и попыталось, собственно говоря, «сію разсыпанную храмину паки совокупить» и «добрыми регулы снабдить». При такихъ условіяхъ мы легко вскрываемъ подъ иностранными одеждами и номенклатурой не только знакомые намъ принципы управленія, но и старые институты и учрежденія. Это объяснялось, однако, вовсе не тѣмъ, что заимствованныя формы были совершенно чужды намъ и какъ бы только прикрывали наготу политическаго быта изу-

---

[1]) Такъ величали тогда монархи своихъ подданныхъ «рабовъ» въ многочисленныхъ регламентахъ и наказахъ.

[2]) *Регламентъ или уставъ Главнаго Магистрата* (1721 г.), гл. X: «въ кратцѣ жъ... полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности».

[3]) Изъ письма Лейбница Петру. В. В. *Герье*. Отношеніе Лейбница къ Россіи и Петру Великому (Спб. 1871 г.), стр. 197.

чаемой эпохи, а тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ они пришлись вполнѣ впору къ нашему «самобытному» укладу жизни, который былъ такъ близокъ европейскому Polizeistaat'y, водворившемуся и у насъ въ тѣ времена. Поскольку же эти заграничные образцы оказались непріемлемыми для россійской дѣйствительности, постольку они и были переработаны и приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ. Слѣпого и безоглядnаго заимствованія мы не встрѣтимъ при Петрѣ. Общая тенденція сводилась тогда къ стремленію брать «изъ цесарскихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ, прусскихъ и голландскихъ регламентовъ... самопотребное, что въ Россійское государство ввести можно». Съ этой точки зрѣнія *теорія и практика* петровскаго реформаторскаго законодательства никогда не расходились рѣзко съ *исторіей* нашихъ государственныхъ учрежденій.

И дѣйствительно, воспроизводя въ своемъ Сенатѣ высшее центральное установленіе, въ нѣдрахъ котораго были вновь основательно перемѣшаны всѣ функціи государственной власти, Петръ оставался такъ же вѣренъ традиціямъ московскаго самодержавія, какъ и въ томъ случаѣ, когда затѣмъ самъ же обошелъ это «верховное мѣсто въ имперіи» при посредствѣ своей тайной «консиліи» министровъ, гдѣ, подобно московскимъ царямъ, онъ держалъ съ повѣренными персонами «тайные совѣты о политическихъ и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ». Вводя вслѣдъ затѣмъ свои знаменитыя коллегіи на мѣсто московскихъ приказовъ, Петръ и въ данномъ случаѣ не покидалъ исторической почвы. По существу, онъ реставрировалъ въ этихъ своихъ *коллегіальныхъ министерствахъ* тотъ самый «соборный» обрядъ вершенія дѣлъ, который господствовалъ въ свое время въ Москвѣ и къ концу періода обнаружилъ уже тамъ всю свою негодность, какъ принципъ совершенно неумѣстный въ сферѣ управленія и вскорѣ выродившійся поэтому и при Петрѣ въ единовластіе президентовъ коллегій. То же слѣдуетъ, наконецъ, сказать и относительно губернской реформы Преобразователя, которая, непосредственно примыкая въ своей областной организаціи 1708 г. къ воеводскимъ разряднымъ округамъ XVII в., послѣ краткаго эпизода введенія подворныхъ судовъ (1719—1722 г.), вернулась вновь къ чисто московской системѣ «провинціальнаго» воеводскаго управленія, съ сосредоточеніемъ въ рукахъ воеводъ власти судной и административной. Въ тѣхъ же предѣлахъ строго историческихъ началъ вращалась, какъ увидимъ ниже, и организація процесса въ петровскую эпоху.

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы установить направляющій духъ петровскихъ преобразованій, которыя, какъ мы въ правѣ теперь уже ожидать, при такихъ условіяхъ не могли внести ничего существенно новаго въ организацію юстиціи XVIII ст.

Обращаясь теперь къ исторіи этой послѣдней, мы лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ остановимся на судоустройствѣ настоящаго періода, такъ какъ въ статьѣ Ю. В. Готье (см. ниже) довольно подробно изложена исторія органовъ судебной власти данной эпохи.

Чтобы имѣть надлежащее представленіе о судебной организаціи прежде всего при Петрѣ, необходимо имѣть въ виду всю систему государственныхъ учрежденій Преобразователя, такъ какъ, въ концѣ концовъ, и при немъ

судъ оставался связаннымъ съ управленіемъ. Правда, въ 1719 г. Петръ сдѣлалъ попытку выдѣлить судъ изъ общей системы управленія, но попытка эта не только не удалась, но и не была проведена ни достаточно послѣдовательно, ни достаточно энергично, да и промелькнула она слишкомъ быстро, такъ сказать, «легкой тѣнью на мигъ».

Какъ извѣстно, система государственныхъ учрежденій, сложившаяся при Петрѣ Великомъ, имѣя своимъ общимъ источникомъ самого императора, начиналась Сенатомъ и затѣмъ черезъ коллегіи, которыя теперь превратились въ настоящіе органы *центральнаго* управленія [1]), переходила въ областныя учрежденія, четырежды въ короткій срокъ мѣнявшія свое устройство (въ 1708, 1715 и 1719 и 1722 гг.). До 1719 г. судъ, собственно говоря, оставался цѣликомъ слитымъ съ управленіемъ. При этомъ Сенатъ являлся характернымъ учрежденіемъ—монстръ, въ которомъ и судъ, и управленіе, и контроль, и законодательная функція совмѣщались «безъ всякаго раздѣленія» [2]). Въ провинціи—губернаторы, оберъ-коменданты и воеводы (коменданты), позднѣе ландраты «долей», а также ландрихтеры, несмотря на свои новыя въ большинствѣ случаевъ имена, не вносили ничего существенно новаго въ постановку мѣстнаго суда и управленія, кромѣ развѣ болѣе правильнаго раздѣленія должностей, инстанцій и правительственныхъ округовъ. Мало измѣнилось положеніе дѣла и съ учрежденіемъ коллегій. Съ ихъ появленіемъ *подъ Сенатомъ*, правда, становится теперь, также и *Юстицъ-коллегія* (1718 г.), такъ сказать, особое министерство юстиціи, съ появленіемъ котораго происходитъ нѣкоторое обособленіе судебнаго вѣдомства въ ряду коллежскихъ органовъ администраціи; однако, и здѣсь полнаго обособленія не произошло, такъ какъ, съ одной стороны, юстицъ-коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ получила значеніе и высшаго административнаго органа въ своемъ вѣдомствѣ, а съ другой—почти всѣ *прочія коллегіи*, по примѣру московскихъ приказовъ, удержали *судебныя полномочія* [3]). Такимъ образомъ, въ *центральныхъ* установленіяхъ судъ по общему правилу не былъ отдѣленъ отъ администраціи. Но то же было и въ управленіи областномъ [4]). Въ 1719 г. какъ извѣстно, подъ юстицъ-коллегіей появляются знаменитые надвор-

---

[1]) Въ приказахъ это начало не было проведено послѣдовательно, такъ какъ въ Москвѣ на ряду съ центральными приказами стояли и областные, которые лишь при Петрѣ въ 1708—10 г. были *перенесены* въ провинціи въ видѣ губернскихъ канцелярій.

[2]) Въ числѣ широчайшихъ полномочій, полученныхъ Сенатомъ отъ Петра («все на васъ положено»—говорилъ императоръ сенаторамъ), на первомъ мѣстѣ стоялъ пунктъ, гласившій: «судъ имѣть нелицемѣрный, и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, то жъ и ябедникамъ да послѣдуетъ». *Полн. собр. зак.*, № 2330. И въ этихъ словахъ намъ слышится московская традиція или, лучше сказать, исконная традиція самодержавія, которая не могла представить суда безъ «ябеды» и всяческой неправды. Говорить о правомъ судѣ и въ XVIII в. вплоть до реформы 1864 г., это значило для правительства говорить о посулахъ, лихоимствѣ и прочихъ неистребимыхъ язвахъ дореформеннаго правосудія.

[3]) Судебная компетенція входила также и въ вѣдомство *Камеръ-Мануфактуръ*,—*Коммерцъ-Коллегіи*, позднѣе *Вотчиной* и др.

[4]) *М. Богословскій*. Областная реформа Петра В. (М. 1902) стр. 182—3.

ные суды, введенные, впрочемъ, только «въ знатныхъ губернскихъ городахъ». Обыкновенно на эти суды и указываютъ, когда говорятъ объ отдѣленіи при Петрѣ суда отъ управленія. Однако, едва-ли это вполнѣ справедливо. Дѣло въ томъ, что предсѣдателями надворныхъ судовъ съ самаго начала «для лучшаго въ тѣхъ дѣлахъ отправленія» были сдѣланы какъ разъ губернаторы, вице-губернаторы и воеводы, т.-е. представители *областной администраціи*! [1]) Такимъ путемъ надворные суды попали подъ команду областныхъ правителей. Собственно говоря, только одни нижніе суды (провинціальные и городовые) получили и то на короткій срокъ характеръ самостоятельныхъ судныхъ учрежденій, хотя самостоятельность эта было скорѣе кажущейся [2]).

Но если, какъ мы видѣли, администрація такъ или иначе, вторгалась въ петровскіе суды, то въ то же время и судебныя функціи—какъ этого конечно и слѣдовало ожидать—должны были оказаться въ числѣ полномочій чисто административныхъ органовъ власти. Въ этомъ смыслѣ можно было бы указать, напримѣръ, на петровскихъ камерировъ, отчасти и на земскихъ комиссаровъ [3]), которые выступали не только въ роли органовъ слѣдственной власти, но даже и въ качествѣ власти судебной.

Но особенно ярко это смѣшеніе сказалось въ сферѣ чисто *полицейской расправы*. Если юстицъ-коллегія и была «особливо только для расправы учинена», то сама расправа отнюдь не составляла ея монополіи. Достаточно указать хотя бы на полицейместерскую инструкцію [4]), чтобы убѣдиться, что полномочія полиціи при Петрѣ открывали ей широчайшую возможность «судебнаго» вмѣшательства въ жизненныя отношенія «гражданъ», съ правомъ налагать, напр., такія наказанія, какъ ссылка въ галеры. Въ рукахъ полиціи тогда было не только слѣдствіе и исполненіе приговоровъ суда, но и та неопредѣленная «расправная» власть, которая превращалась въ настоящую *полицейскую юстицію*, трудно отличимую отъ расправной юстиціи судовъ.

Это объяснялось именно тѣмъ, что законодатель XVIII ст. смотрѣлъ на самую юстицію съ той «полицейской» (камеральной) точки зрѣнія, которая доминировала тогда въ государственной политикѣ всѣхъ народовъ Европы. Таково, именно, было господствующее *представленіе* просвѣщенныхъ правительствъ того времени о самомъ существѣ государственной власти [5]).

---

[1]) *Op. cit.*, стр. 187—188.

[2]) *Богословскій*, op. cit., стр. 450—451; см. также стр. 225, 228, 230. Реформа 1719 г. не только оставляла въ рукахъ воеводъ судебную полицію, но и прямой *надзоръ* за дѣятельностью судебныхъ учрежденій. См. *Инструкція или наказъ воеводамъ*, ст. 5—6. *Полн. Собр. Зак.*, № 3294.

[3]) *Op. cit.*, стр. 137—8, 151—3.

[4]) *Полн. собр. зак.* № 4047.

[5]) Въ этомъ смыслѣ г. И. Тарасовъ едва-ли былъ вправѣ сдѣлать тотъ выводъ, что въ эпоху Петра и до 1775 г. у насъ «законодательство не имѣло яснаго представленія не только о полиціи, но и юстиціи». *Исторія русской полиціи и отношеніе ея къ юстиціи*, стр. 208 (Юридич. Вѣстникъ, 1884 г., II). Говоря такъ, авторъ очевидно исходитъ изъ современныхъ ему представленій и взглядовъ, которые и переноситъ въ XVIII ст. Дѣло же все въ томъ, что законодатель имѣлъ въ тѣ времена свое вполнѣ ясное, но чуждое новѣйшей наукѣ представленіе и о полиціи и о юстиціи.

Напрасно поэтому нѣкоторые изслѣдователи пытаются у насъ объяснить «неудачу» петровской попытки «отдѣлить» судъ отъ администраціи неподготовленностью русскаго общества нач. XVIII вѣка, которое не могло понять и поддержать замысловъ великаго императора.

Мы полагаемъ, что Петру такъ же мало была доступна идея отдѣленія суда отъ администраціи, и онъ такъ же плохо отдавалъ себѣ въ ней отчетъ, какъ и его современники. Убѣжденный сторонникъ полицейскаго государства онъ не могъ допустить самостоятельнаго и независимаго существованія судной власти отъ власти административной. Эта послѣдняя и при немъ верховенствовала, и мы уже видимъ, что на всѣхъ ступеняхъ петровской лѣстницы судебныхъ учрежденій органы суда оставались въ подчиненіи власти правительственной или въ смѣшеніи въ нею [1]). «Полиція» при Петрѣ была не только «душой гражданства», но и «душой» всего государства. Поэтому, въ теченіе всего изучаемаго періода вмѣсто контроля суда надъ администраціей мы видимъ контроль администраціи надъ судомъ.

Такимъ образомъ, объ *отдѣленіи судебной власти отъ административной* при Петрѣ говорить довольно трудно, хотя частныя попытки *выдѣлить* судъ изъ общей администраціи, попытки, въ общемъ неудачныя, и были тогда сдѣланы, причемъ въ концѣ концовъ Петръ самъ рѣшительно вернулся къ *началамъ соединенія суда и администраціи*, которыя въ учрежденіяхъ 1722 г. восторжествовали окончательно отъ Сената до провинціальнаго воеводы. При такихъ условіяхъ та ломка петровскихъ учрежденій, которая обыкновенно приписывается его преемникамъ и связывается съ указомъ 1827 г., въ дѣйствительности, была совершена самимъ Преобразователемъ. На долю его преемниковъ вышало дѣло болѣе скромное, такъ сказать, сокращенія штатовъ многоэтажной (четырехъ инстанцій) системы учрежденій Петра. Нельзя не отмѣтить также, что съ введеніемъ института прокуратуры [2]), во главѣ съ «окомъ Государевымъ», генералъ-прокуроромъ, и фискалата [3]) судныя учрежденія еще разъ попадали подъ постоянный *гласный и негласный надзоръ* этихъ свое-

---

[1]) *Тарасовъ, op. cit.*, стр. 185, 200. «Полиція пользовалась,—говоритъ авторъ,—судебной властью въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ и примѣняла ее въ разнообразнѣйшихъ случаяхъ», стр. 207.

[2]) *Полн. собр. зак.*, № 3979, 3880, 3937, 3981 и 4422. Генералъ-прокуроръ, какъ извѣстно, явился настоящимъ командиромъ Сената, подчиненные же ему прокуроры получили также широкую власть вмѣшательства въ дѣятельность суда, въ видѣ наблюденія за ходомъ судопроизводства, согласіемъ съ законами судебныхъ рѣшеній, скорымъ и нелицепріятнымъ рѣшеніемъ дѣлъ и т. д. До самой реформы 1864 г. «прокурорская должность», по справедливому замѣчанію Ѳ. Дмитріева, и была органомъ надзора *правительства* за дѣйствіями *суда*». *Сочиненія*, т. II, ст. 503.

[3]) Въ указѣ о должности фискаловъ на этихъ послѣднихъ возлагалось «взысканіе всѣхъ безгласныхъ дѣлъ, то-есть: 1) всякія преступленія указомъ, 2) всякія взятки и кражу казны *и прочія*, что *ко вреду Государственному интересу быть можетъ*... 3) тако жъ и *прочія дѣла народная*, за которыхъ нѣтъ челобитниковъ... Во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ фискаломъ надлежитъ только провѣдывать и доносить, и *при судѣ обличать*... Буде же фискалъ на кого и не докажетъ всего: то ему въ вину не ставить (ибо невозможно о всемъ одному аккуратно вѣдать)». *Полн. собр. зак.*, № 2786.

образныхъ представителей правительственныхъ видовъ и государственныхъ интересовъ, въ чемъ, конечно, нельзя не видѣть самаго рѣшительнаго вторженія начала административнаго въ область суда [1]). Наконецъ, то же смѣшеніе юстиціи, полиціи и администраціи встрѣчаемъ мы и въ тѣхъ учрежденіяхъ сословнаго управленія, которыя стояли какъ бы нѣсколько въ сторонѣ отъ общей системы государственныхъ установленій Петра. Мы разумѣемъ *городовые магистраты* во главѣ съ *Главнымъ Магистратомъ* [2]), эти типичные органы сословнаго «самоуправленія» XVIII ст. на московскій образецъ, введенные Преобразователемъ по челобитью торговыхъ людей новорожденной имперіи. Въ магистратахъ «правосудіе» было уже всецѣло соединено съ сословнымъ управленіемъ регулярнаго гражданства [3]). Стремленіе московскаго «посада» вѣдаться по своимъ дѣламъ въ одномъ «пристойномъ приказѣ» и судиться «промежь себя» безъ воеводъ было, такимъ образомъ, въ извѣстной мѣрѣ осуществлено, хотя центральное правительство и устанавило съ самаго начала взглядъ на выборныя городскія власти, какъ на «градское начальство», которому оно поручало въ интересахъ фиска завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ и управленіемъ. «Оберъ-президентъ и Магистрата члены обще и каждый особо имѣютъ паче всего Е. Ц. В... вѣрные, честные и добрые люди и *слуги быть, пользу и благополучіе Его* всякимъ образомъ и по всей возможности искать... съ такимъ осмотрѣніемъ, чтобы вездѣ изъ того простиралася *наивящшая Государственная польза*»—такъ характерно гласила 1 гл. Регламента Главнаго магистрата [4]). И если въ томъ же регламентѣ говорилось, что «того ради магистраты губернаторамъ и воеводамъ не должны подчинены быть въ томъ, что до градскаго суда и экономіи касается», то это еще не означало, что

---

[1]) М. М. Богословскій при характеристикѣ судной организаціи петровскихъ учрежденій почти совсѣмъ не учелъ этой стороны названныхъ установленій.

[2]) Какъ извѣстно, городовой реформѣ 1721 г. предшествовало введеніе выборныхъ бурмистровъ по городамъ, которые вмѣсто воеводъ избирались «для мірскихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ и для сбору доходовъ». *Полн. собр. зак.*, №№ 16, 74, 1675, 1708.

[3]) На магистраты была возложена обязанность—«того смотрѣть, чтобы было правосудіе» (гл. II). Въ главѣ IX Регламента мы, между прочимъ, читаемъ: «хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провиніцяхъ въ смотрѣніи и въ вѣдѣніи подлежатъ въ Юстицъ-Коллегіи; однакожъ, понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются нетокмо въ какомъ презрѣніи, но паче ото всякихъ обидъ, нападковъ, и отягощеній несносныхъ едва не всѣ разорены... того ради милосердуя Его Царское Величество... указалъ: всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ *людей во всѣхъ* дѣлахъ судомъ и расправою и татиными и разбойными и убивственными дѣлами вѣдать (кромѣ великихъ Государственныхъ дѣлъ) въ Главномъ магистратѣ» и прочихъ магистратахъ. При этомъ предписывалось, чтобы «судъ и розыскъ по дѣламъ былъ праведный по Уложенію». Въ смѣшанныхъ дѣлахъ устанавливался смѣстный судъ магистратовъ съ надворными судами. Главный Магистратъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнялъ для городскихъ магистратовъ Юстицъ-Коллегію. *Полн. собр. зак.*, № 4344.

[4]) Ibid. «Потомъ Гл. Магистрату надлежитъ смотрѣть прилежно, чтобы новоучрежденные магистраты вездѣ содержаны, и въ такую знатность и почтеніе приведены были, какъ и въ иныхъ Государствахъ обыкновенно есть, чтобы они яко дѣйствительные начальники, отъ гражданъ каждаго города почитаемы... быть могли», гл. VI, XIV.

правительство смотрѣло на нихъ, дѣйствительно, какъ на самостоятельные органы сословнаго самоуправленія. Для него они продолжали оставаться только органами *бюрократической централизаціи*, быть можетъ, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ губныя и земскія учрежденія для московскихъ царей [1]). Въ его глазахъ городовые магистраты являлись настоящимъ *начальствомъ* для посадскаго міра, который со своей внутренней организаціей выборныхъ властей, и посадскаго схода былъ вновь прикрытъ сверху петровскими регулярными учрежденіями [2]). При томъ чрезмѣрномъ развитіи *закрѣпостительныхъ тенденцій*, которыя достигаютъ своего наивысшаго напряженія, именно, при Петрѣ ничего иного, конечно, и нельзя было ожидать. По тѣмъ же причинамъ и самое стремленіе къ нѣкоторому обособленію судной власти отъ администраціи должно было потерпѣть въ это время столь же рѣшительную неудачу.

Нашъ очеркъ судныхъ учрежденій петровской эпохи былъ бы далеко неполнымъ, если бы мы не упомянули еще объ одномъ установленіи, въ которомъ такъ ярко сказалось вторженіе на этотъ разъ уже верховнаго органа имперіи въ область суда. Какъ намъ приходилось указывать, *дѣла политическія* всегда особенно интересовали русскихъ правителей которые обычно сами принимали участіе въ политическомъ розыскѣ. Но въ XVII ст. не было спеціальнаго судебнаго органа для этого рода дѣлъ. Они вѣдались въ разныхъ приказахъ, глядя по обстоятельствамъ. При Петрѣ это участіе верховной власти въ политическомъ судѣ получаетъ извѣстную организацію. Указомъ 1702 г. такія дѣла сосредоточиваются въ Преображенскомъ приказѣ [3]), учрежденіи полицейскомъ по преимуществу. Въ 1722 г. компетенція приказа получаетъ болѣе точное опредѣленіе [4]). Впрочемъ компетенція эта выяснилось нѣсколько ранѣе, еще въ указѣ 25 янв. 1715 г., въ которомъ Петръ предлагалъ и вмѣнялъ въ обязанность каждому «доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ самому Государю... а именно, о слѣдующихъ: 1) о какомъ умыслѣ противъ персоны Е. Ц. В. или измѣны; 2) о возмущеніи или бунтѣ; 3) о похищеніи казны» [5]). Эти и были знаменитые «три пункта», съ которыми такъ тѣсно былъ связанъ розыскъ по «слову и дѣлу», вошедшій въ практику еще въ XVII ст.

Наряду съ Преображенскимъ приказомъ около царя постепенно слагается и другое учрежденіе «Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія», возникшая изъ отдѣльныхъ *розыскныхъ порученій* государя по дѣламъ политическимъ

---

[1]) Освобождая въ 1699 г. при введеніи бурмистровъ—подобно московскимъ государямъ—посадскихъ людей отъ воеводской власти и суда, Петръ также положилъ на нихъ *двойной оброкъ*, такъ сказать, за воеводскій кормъ.

[2]) *А. Кизеветтеръ*. Посадская община въ Россіи XVIII ст. (М. 1903), стр. 620—622, 656.

[3]) *Полн. собр. зак.* № 1918.

[4]) *В. Веретенниковъ*. Исторія тайной канцеляріи при Петрѣ В. (Хар. 1910 г.), стр. 24.

[5]) *Полн. собр. зак.* № 2877.

его приближеннымъ лицамъ [1]). Тайная канцелярія становится, такимъ образомъ, особенно близкимъ царю учрежденіемъ, гдѣ онъ, въ качествѣ ближайшей заинтересованной стороны, принимаетъ самое живѣйшее участіе, какъ въ слѣдственномъ производствѣ, такъ и въ самомъ «вершеніи» дѣлъ. Само собой разумѣется, что это былъ судъ, гдѣ высочайшее «благомнѣніе» получило наиболѣе широкое выраженіе и примѣненіе, и гдѣ, такъ сказать, точка зрѣнія правительственной цѣлесообразности и усмотрѣнія дѣйствовала непосредственно, какъ прерогатива монарха.

Но, конечно, это вовсе не былъ единственный случай, когда правосудіе оказывалось простымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. По существу, таково было общее положеніе юстиціи XVIII ст. на всѣхъ ея ступеняхъ.

Петръ Великій, самъ никогда не церемонившійся со своими собственными государственными учрежденіями и всегда предпочитавшій дѣйствовать черезъ «сильныхъ персонъ» и единоличную власть, не могъ вообще допустить самостоятельности судныхъ установленій. Это было не только противно его характеру, но и всему направленію абсолютистской политики, которая превыше всего поставляла государственное «добро» и интересы фиска. *Гегемонія административной власти* должна была, поэтому, при немъ еще болѣе упрочиться, что могло произойти тѣмъ легче, что на сторонѣ этой власти была неумирающая «приказная» традиція XVII ст., которой суждено было крѣпнуть вмѣстѣ съ ростомъ абсолютизма. Въ этомъ смыслѣ эпоха Петра *исторически* была особенно тѣсно связана съ предшествующимъ періодомъ. Такимъ образомъ, идя указаннымъ путемъ, Петръ и его ближайшіе преемники вовсе не возвращались къ московской «старинѣ», а продолжали развивать ее или, лучше сказать, тѣ ея *новыя начала государственности* (бюрократизацію и централизацію), которыя такъ ясно намѣтились уже въ XVII ст. Полицейское государство XVIII ст., которое *принципіально* отрицало «разумъ» подданныхъ и безъ всякаго милосердія боролось съ «непокоривыми человѣками», естественно должно было всѣмъ своимъ существомъ отрицать всякія начала *общественности*. Поэтому, и органы государственнаго суда были построены Петромъ на началахъ строго бюрократическихъ. Городовая реформа была, въ данномъ случаѣ, лишь кажущимся отступленіемъ.

Вмѣстѣ съ бюрократизаціей должна была также возрасти и централизація, особенно если мы вспомнимъ, что болѣе точное разграниченіе вѣдомствъ, какъ и болѣе строгое проведеніе инстанціоннаго порядка [2]),

---

[1]) *Веретенниковъ*, op. cit., стр. 76, 129.

[2]) Мы не должны впрочемъ забывать, что и въ этой сферѣ многое самымъ тѣснымъ образомъ связывало петровскую реформу съ московскими порядками. Такъ и при Петрѣ почти каждый судный органъ одновременно являлся судомъ первой и высшей инстанціи (Сенатъ, Юстицъ-Коллегія, надворный судъ). Юстицъ-коллегія даже сохранила отчасти значеніе *областного* суда для Москвы. Сохранился также и переносъ дѣлъ изъ одной инстанціи въ другую въ ревизіонномъ порядкѣ, а также въ случаяхъ, когда «не мочно» было рѣшить тяжбы за отсутствіемъ закона, такъ какъ «уложеніе никогда такъ довольнымъ быть достаетъ, чтобы оное все ко приключившимся случаямъ содержать могло». Наконецъ самъ императоръ продолжалъ еще удерживать

вмѣстѣ съ организаціей двойного надзора, пронизывавшаго всю систему государственныхъ установленій сверху донизу,—должно было имѣть своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ новое усиленіе центра за счетъ подчиненныхъ ему установленій.

Все это были уже знакомыя намъ явленія, корней которыхъ мы должны искать въ *практикѣ* правительственнаго обычая московской Руси. Поэтому, совершенно понятно, что, несмотря на всѣ техническія усовершенствованія въ самое нутро петровскихъ судныхъ учрежденій проникъ тотъ же разлагающій ядъ *неправосудія*, который сдѣлался органическимъ недугомъ юстиціи XVII ст. Достаточно заглянуть въ знаменитую книгу Ивана Посошкова и пробѣжать въ ней самую пространную главу о «правосудіи», чтобы согласиться съ авторомъ, что *правосудія* въ его время, дѣйствительно, не было: «и я, аще не весьма послѣдній человѣкъ,—признается Посошковъ,—а *суда не сыскалъ*. Какъ же сыщетъ судъ кто мизернѣе меня?» [1]) И мы слышимъ отъ него, въ концѣ эпохи Петра, какъ слышали еще въ XVI стол. отъ современниковъ Ивана Грознаго, все ту же классическую жалобу: «а наши судьи ни мало людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ *все царство въ скудость* приводятъ... понеже у насъ на Руси *неправда вельми застарѣла*» и «всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда», потому что «всѣ судьи криво ѣдутъ» [2]). Поистинѣ революціоннымъ радикализмомъ для тѣхъ временъ вѣетъ отъ словъ этого ученаго самоучки, когда онъ «ради общежитильства любовнаго» предлагаетъ царю «судъ устроити *единъ*, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, таковжъ и офицеру, *ничѣмъ не отмѣненъ*, и полковнику и генералу, и чтобъ и судъ учинить *близостный*, чтобы всякому и низкочинному человѣку легко бы его доступить»[3]). Не даромъ Посошкову, семидесятидвухлѣтнему старцу, пришлось заплатить за свою книгу, поднесенную имъ царю, лишеніемъ свободы и смертью въ заключеніи! Несчастный авторъ политико-экономическаго трактата такъ и умеръ, «не сыскавъ суда» и попавъ совершенно неожиданно въ застѣнокъ Тайной канцеляріи.

Принимая во вниманіе указанныя черты судебной организаціи при Петрѣ, мы склонны видѣть въ ней лишь непосредственное продолженіе предшествующей эпохи. Петръ придалъ этой организаціи болѣе стройный и упорядоченный или, говоря языкомъ эпохи, болѣе *регулярный* видъ, но не измѣнилъ ни общаго духа, ни направляющихъ тенденцій процесса.

за собой роль не только апелляціонной инстанціи въ отношеніи къ Сенату, но и непосредственнаго судьи (напр., по политич. дѣламъ).

[1]) *Книга о скудости и о богатствѣ* (М. 1911 г. изд. Клочкова), стр. 15.

[2]) Ibid., стр. 30, 37 и 39. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ тогда, по словамъ М. М. Богословскаго, «судебный агентъ, посланный съ повѣсткой, всюду встрѣчалъ сопротивленіе. Сельскій міръ, куда появлялся подъячій съ понятыми для исполненія какого-нибудь распоряженія или приговора, собирался ему навстрѣчу «многолюдствомъ» и принималъ его «съ дубьемъ, съ цѣпы и съ кольи завостреными, съ крючьи желѣзными», присланнаго указа не слушалъ... и съ крикомъ бросался на судебныхъ чиновъ», op: cit, стр. 252.

[3]) Ibid., стр. 18.

ея развитія. Онъ же самъ, наконецъ, подготовилъ и дальнѣйшую судьбу своихъ преобразованій, которыя самъ же сталъ нетерпѣливо разрушать или обходить всякій разъ, когда они становились поперекъ его монаршей воли [1]).

Чрезвычайное разстройство, въ которое пришла при такихъ условіяхъ система губернскихъ учрежденій при Петрѣ, начатое имъ упрощеніе судной организаціи въ смыслѣ концентраціи суда и управленія въ рукахъ областныхъ правителей, потребовало естественно ближайшихъ мѣръ со стороны его предшественниковъ. Указы 25 февр. и 15 марта 1727 г., начавъ съ сокращенія «разныхъ командъ», прежде всего, поэтому, вернулись къ сосредоточенію всей власти въ провинціи въ рукахъ «одного опекуна, какъ бывали прежде воеводы» [2]). Многочисленный штатъ гражданскихъ и военныхъ властей, нагнанный Петромъ въ его губернію, дѣйствительно, не упорядочивая нисколько ни суда, ни управленія, явился только непосильнымъ бременемъ для населенія и государственной казны. Правительство 1727 г. имѣло слѣдовательно всѣ основанія констатировать, что «во всемъ государствѣ отъ умноженія разныхъ правителей и канцелярій не только отягощеніе штата, но и народу тягость чинится» [3]). И надо признать, что нехитрымъ преемникамъ великаго преобразователя въ цѣломъ рядѣ случаевъ удалось достигнуть и цѣлесообразнаго упрощенія администраціи и нѣкотораго ея упорядоченія, но всѣ эти мѣры, конечно, не могли, по существу, измѣнить общаго положенія вещей. Въ концѣ концовъ получилось вящее сосредоточеніе власти въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, съ одной стороны, и центральныхъ учрежденій съ другой. Но, главное, продолжали дѣйствовать тѣ самыя силы, которыя уже при Петрѣ подготовили общее разстройство всей его системы государственныхъ учрежденій, казалось, столь стройно задуманыхъ, но которымъ такъ трудно было ужиться съ абсолютной властью, не признававшей надъ собой власти своихъ собственныхъ законовъ и не считавшейся со своими собственными учрежденіями. Эпоха дворцовыхъ переворотовъ, господства «припадочныхъ людей» и «скрытыхъ похитителей самодержавія» въ значительной мѣрѣ облегчила этотъ неизбѣжный процессъ разложенія законнаго порядка въ странѣ, гдѣ все было построено на классическихъ «апоѳегмахъ» абсолютизма: princeps legibus solutus est и quod principi placuit legis facit vigorem.

Вплоть до губернской реформы Екатерины II продолжался этотъ процессъ новаго «преобразованія», правда, лишенный всякаго широкаго реформаторскаго почина и полета мысли, но тѣмъ не менѣе весьма поучительный въ своей сущности. Въ немногихъ словахъ основной смыслъ этого процесса сводился къ слѣдующему. Надъ Сенатомъ «при боку» россійскихъ

---

[1]) Такова была судьба петровскаго Сената, такова же была судьба и его губернскихъ учрежденій, съ превращеніемъ областныхъ округовъ въ какія то военныя поселенія (полковые дистрикты).

[2]) *Ю. Готье.* Исторія областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II (М. 1913 г.), стр. 23.

[3]) *Полн. собр. зак.*, № 5017, ст. 5.

монарховъ теперь прочно сложилось высшее правительственное учрежденіе, которое, являясь подъ разными именами: «верховнаго тайнаго совѣта», «кабинета», «конференціи» и т. д., окончательно узурпировало правительственную власть и верховныя полномочія Сената, постепенно *сдвигая его* на положеніе «единственно судебнаго мѣста» [1]). Зачатки этого явленія были отмѣчены нами еще въ XVI ст. На смѣну совѣтникамъ «самъ-третей у постели», пришли петровскіе «дѣйствительные тайные совѣтники», а затѣмъ и гг. «министры», облеченные въ придворныя ливреи и нерѣдко также у «постели» дѣлавшіе свою карьеру. Они то теперь и образовали изъ себя повѣренные совѣты при «высочайшемъ дворѣ». Эти *верховные совѣты*, изъ тайныхъ сдѣлавшіеся, наконецъ, явными, не отказывались, однако, и отъ судебной дѣятельности [2]). Они выступали и въ качествѣ первой (по дѣламъ политическимъ и т. п.) и въ качествѣ высшей апелляціонной инстанціи для всей имперіи, какъ, напр., Верховный тайный совѣтъ, превратившійся въ настоящее высшее судебное учрежденіе. Впрочемъ, на ряду съ этими совѣтами и Сенатомъ продолжала сохранять свои полномочія и Юстицъ-коллегія, съ прежнимъ ея значеніемъ суда областного, первой и высшей для провинціальныхъ и городовыхъ судовъ инстанціи. Наконецъ, согласно наказу 12 сен. 1728 г., *судъ и администрація, окончательно слитые воедино* съ упраздненіемъ надворныхъ судовъ и подчиненіемъ ратушъ и магистратовъ областнымъ правителямъ [3]), сосредоточились теперь въ рукахъ губернаторовъ съ ихъ канцеляріями и воеводъ, городскихъ и провинціальныхъ, изъ которыхъ послѣдніе образовали низшую, первые— высшую областную инстанцію. Судъ гражданскій и уголовный принадлежалъ одинаково и тѣмъ и другимъ, равно какъ и сословнымъ городскимъ судьямъ.

Таковы были важнѣйшія перемѣны въ судоустройствѣ этой переходной эпохи.

Разумѣется, при такой упрощенной организаціи судной власти всѣ исконные недостатки этой «административной» юстиціи, волокита, взяточничество и т. д., должны были получить, такъ сказать, новые питательные соки. И если, по существу, *кормленіе* отъ суда никогда съ древнѣйшихъ временъ не выводилось изъ «приказнаго» суда, и государственная власть оказалась

---

[1]) Верховные совѣты, главнымъ образомъ, конечно, замѣняли Сенатъ въ его правительственной и законодательной функціи. Немалую роль въ томъ же смыслѣ сыграла и эмансипація отъ власти Сената *трехъ государственныхъ коллегій* (военной, морской и иностранной), а также раздѣленіе самого Сената на департаменты и значеніе, которое получилъ въ немъ генералъ-прокуроръ. См. *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 510—513.

[2]) Такъ, напр., дѣла Преображенскаго приказа, закрытаго въ 1729 г., были переданы въ вѣдѣніе Верх. тайнаго совѣта и т. д.

[3]) Въ указѣ 24 февр. 1727 г. эта мѣра мотивировалась такъ: «для лучшаго посадскихъ охраненія». Въ 1728 г. послѣдовала замѣна магистратовъ *ратушами*, которые однако вновь были возстановлены въ 1743 и 1744 гг. Но на ряду съ этими перипетіями въ исторіи городскихъ сословныхъ судовъ нельзя не отмѣтить появленія спеціальныхъ коммерческихъ *словесныхъ судовъ*, возникшихъ въ 1827 г. Въ 1754 г. они получаютъ особенно широкое распространеніе, появляясь при каждомъ магистратѣ и даже самостоятельно. *Полн. собр. зак.* №№ 4828, 5145 и др.

безсильна въ борьбѣ съ нимъ, то при императрицѣ Екатеринѣ I, оно неожиданно получило вновь оффиціальное признаніе въ видѣ такъ называемыхъ «акциденцій» или разрѣшенныхъ «взятокъ». Приказные лишались жалованья и имъ предписывалось «довольствоваться отъ дѣлъ, *по прежнему обыкновенію*, съ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ» [1]). Таковы были плоды политики «экономіи» при преемникахъ Петра I. Нечего и говорить, что ближайшимъ результатомъ ея должно было явиться усиленіе «проклятой корысти» [2]), которая не только вынуждалась теперь матеріальнымъ положеніемъ приказныхъ, но и поощрялась самимъ закономъ.

Дѣлу не могли, конечно, помочь ни правительственные манифесты [3]), ни благожелательныя деклараціи верховной власти, завѣрявшей о своихъ лучшихъ намѣреніяхъ [4]). Это оффиціальное краснорѣчіе не могло заглушить жестокаго вопля несчастныхъ жертвъ имперскаго правосудія. Имп. Аннѣ самой пришлось, въ концѣ концовъ, публично жаловаться, что челобитчики ей не даютъ покоя и «отъ *нестерпимой своей горести* принуждены насъ вездѣ обезпокоивать и своими прошеніями утруждать»! [5])

Создавалось такое «злоключительное положеніе», что, по словамъ современниковъ эпохи, оно могло быть «уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не было». Кризисъ назрѣвалъ, общественное недовольство давало себя чувствовать, ощущалась потребность болѣе существенныхъ измѣненій и переустройства.

Дѣйствительно, идя по стопамъ Преобразователя въ направленіи упрощенія государственной организаціи суда и управленія, преемники Петра, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе расходились съ интересами руководящихъ сословій русскаго общества, которое со смерти великаго царя сдѣлало замѣтные успѣхи на пути завоеванія своихъ сословныхъ «вольностей». Тяжелая пора исключительнаго напряженія всѣхъ государственныхъ силъ миновала послѣ батальной эпохи царствованія Полтавскаго героя. Закрѣпостительныя тенденціи государства постепенно начали ослабѣвать, а вмѣстѣ съ тѣмъ дворянская гвардія, окружившая тѣснымъ кольцомъ императорскій дворецъ, мало-по-малу начала играть судьбою трона, «милостью россійскаго дворянства» возводя на него и низводя съ него своихъ монарховъ. При такихъ условіяхъ постепенно сталъ на очередь вопросъ о «вольностяхъ» дворянскихъ, и служебное «огурство» благороднаго шляхетства, массами укло-

---

[1]) *Полн. собр. зак.* №№ 3534, 3231, 4917, 9228.

[2]) Выраженіе Екатерины II.

[3]) «Правосудіе есть цѣлость и здоровіе государства, а гдѣ онаго нѣтъ,—читаемъ мы въ именномъ указѣ 1730 г.,—тамо Божіе благословеніе и милость отъемлются и въ праведный Его гнѣвъ впадаютъ». *Полн. собр. зак.*, № 5565.

[4]) «Крайнее желаніе и попеченіе имѣемъ—объявляла въ одномъ изъ своихъ указовъ имп. Анна—всѣ происходящія неправды, ябеды, насильства и вымышленное коварство, всемѣрно искоренить, а правосудіе утвердить и обидимыхъ отъ рукъ сильныхъ избавить». *Полн. собр. Зак.*, № 7151.

[5]) *Полн. собр. зак.*, № 8186. Въ судахъ скопилась 21.388 нерѣшеныхъ дѣлъ.

нявшагося отъ своей государственной повинности, наконецъ, превратилось въ его сословную привилегію сначала по манифесту 1762 г., а затѣмъ и по великой хартіи дворянскихъ «вольностей» 1785 г. Та же эволюція, въ смыслѣ все возрастающаго стремленія къ утвержденію своихъ сословныхъ свободъ, совершилась и въ средѣ городскихъ промышленныхъ круговъ. Ростъ сословнаго сознанія и сословныхъ стремленій ярко запечатлѣлся въ трудахъ тѣхъ «уложенныхъ» комиссій, которыя тщетно собирало правительство XVIII в., стремившееся дать странѣ кодексъ законовъ. Но зато эти встрѣчи правительства съ представителями сословій не прошли безслѣдно для него. Депутаты открыли правительству глаза, и оно получило возможность «судить о цвѣтахъ по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ». Сословія дали правительству программу его дѣятельности, и оно въ концѣ концовъ, хотя и по *своему*, ее реализовало. Истинный смыслъ этой программы совершенно счевиденъ: поскольку интересы сословій тянули ихъ *на мѣста*, къ ихъ крѣпостнымъ экономіямъ и городскимъ торгамъ и промысламъ, государственная реформа второй половины XVIII в. должна была вылиться въ широкую *реформу областныхъ учрежденій* на яркомъ сословномъ основаніи. Но при этомъ все же не слѣдуетъ забывать, что то была реформа, совершенная руками абсолютной власти, находившейся въ зенитѣ своего развитія, хотя уже и близкой къ началу своего заката.

Естественно, что тѣ знаменательныя перемѣны, которыя постепенно назрѣвали въ господствующихъ слояхъ русскаго общества середины и второй половины «вѣка просвѣщенія», должны были вновь возбудить усиленную дѣятельность умовъ, какъ въ правительственной средѣ, такъ и въ общественныхъ кругахъ изучаемой эпохи. И они, дѣйствительно, не только создали широкое идейное и литературное движеніе Елизаветинской и Екатерининской эпохи, но и подогрѣли новую и уже послѣднюю эффектную вспышку идеологіи просвѣщеннаго деспотизма въ правительственныхъ сферахъ, вознеся и посадивъ на этотъ разъ на тронъ россійскихъ императоровъ коронованнаго философа. Изъ этого сочетанія сословныхъ вожделѣній первенствующихъ классовъ общества и новаго покушенія императорской власти на лавры просвѣщеннаго «законодавца» и родились губернскія учрежденія 1775 г., перестроившія послѣдній разъ систему областного суда и управленія въ эпоху торжества государства «стараго порядка».

Принимая во вниманіе отмѣченныя обстоятельства, мы заранѣе уже предупреждены, что и эта новая реформа, цѣликомъ лежащая въ плоскости сословно-полицейской монархіи, не выходящая за ея кадры, не внесетъ какихъ-либо коренныхъ измѣненій въ существующее положеніе вещей [1]). Она будетъ лишь новымъ шагомъ на томъ же пути, на который ступилъ въ началѣ вѣка Петръ, и который завершила Екатерина. Именно въ этихъ узкихъ границахъ и будетъ замкнуто новое преобразованіе. Понятно, что и ему также не удастся разрѣшить тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ лежало *за предѣлами* господствовавшаго тогда соціальнаго строя и поли-

---

[1]) *Ив. Блиновъ.* Губернаторы (С.-Пб., 1905 г.), стр. 151.

тическаго режима. Правда, объ этомъ стали уже догадываться наиболѣе дальновидные изъ современниковъ «прекрасной Като», объ этомъ стали помышлять затѣмъ и въ правительственныхъ интимныхъ салонахъ и конспиративныхъ придворныхъ совѣтахъ начала XIX вѣка, но эти проблески свѣжей политической мысли оказывали слишкомъ слабое вліяніе на государственную власть.

Какъ уже было отмѣчено выше, ростъ сословнаго самосознанія и соціальнаго вѣса дворянства и торгово-промышленнаго класса имѣлъ своимъ послѣдствіемъ *областную реформу 1775 г.* [1]). Первымъ и наиболѣе серьезнымъ ея результатомъ явилось прежде всего разрушеніе системы петровскихъ центральныхъ учрежденій. Губернскими правленіями и палатами, можно сказать, былъ срытъ цѣлый ярусъ столичныхъ установленій—коллегій Петра,—благодаря чему группа новыхъ областныхъ органовъ суда и управленія была поставлена непосредственно подъ власть и надзоръ Сената и самой верховной власти. Съ переносомъ коллегій на мѣста [2]) и появленіемъ во главѣ губернскаго управленія «хозяина губерніи» и «ходатая за пользу общую и государеву»—намѣстника и губернатора [3]), все государственное управленіе было перестроено теперь на началахъ *бюрократической децентрализаціи*, естественнымъ слѣдствіемъ которой явилось усиленіе правительственной власти въ областяхъ.

Реформа 1775 г., такимъ образомъ, отозвалась въ сферѣ центральнаго суда и управленія, такъ сказать, съ отрицательной стороны. Прежде всего, вмѣстѣ съ прочими коллегіями исчезла и юстицъ и вотчинная коллегіи, на смѣну которыхъ явились палаты гражданскаго и уголовнаго суда [4]).

---

[1]) Ясные признаки недовольства создавшимся положіемъ послѣпетровской эпохи не только стали заявлять себя въ разнаго рода «прожектахъ» государственной реформы съ 40—50 гг. XVIII в., но нашли свое выраженіе и въ Высочайшихъ указахъ. Указъ 1741 г., декабря 12, констатировалъ, напр., вмѣстѣ съ общимъ разстройствомъ управленія и тотъ фактъ, что «правосудіе уже и весьма въ слабость пришло». *Пол. соб. зак.*, № 8480.

[2]) «Правленіе Губернское наравнѣ есть съ коллегіями и для того кромѣ И. Величества и Сената ни отъ кого не принимаетъ законовъ и указовъ»—гласитъ ст. 413 *Учрежденія о губерніяхъ*. «Палаты ни что иное суть, какъ департаменты коллегій, и для того, кромѣ И. В. и Сената, ни отъ кого не принимаютъ законовъ» (ст. 414), «понеже всѣ правленія губернскія, равно коллегіямъ, обязаны суть поспѣшествовать доброму порядку» (ст. 415). *Акты царствованія Екатерины II* (Москва, 1907), или *Пол. собр. зак.*, № 14392.

[3]) *Учрежденіе 1775 г.*, ст. 81, 82. Столь высокое положеніе губернаторской власти было придано ей еще «наставленіемъ губернаторамъ» 1764 г., гдѣ власть эта опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: «губернаторъ, какъ повѣренная отъ насъ особа и какъ *глава и хозяинъ* всей врученной въ смотрѣніе его губерніи, состоять имѣетъ подъ собственнымъ нашимъ и сената нашего вѣдѣніемъ». При этомъ губернаторъ тутъ же называется «опекуномъ врученной ему губерніи». *Пол. собр. зак.* № 12137, ст. XI. Та же роль оставлена за губернаторомъ и по наказу 1837 г. *2-ое Пол. собр. зак.*, № 10308.

[4]) «Палата уголовнаго суда ни что иное есть, какъ юстицъ-коллегіи департаментъ» (ст. 106), «палата гражданскаго суда ни что иное есть, какъ соединенный департаментъ Юстицъ и Вотчинной Коллегіи». *Учрежденіе 1775 г.* Только три государств. коллегіи сохранили свое прежнее положеніе.

Не остался безъ соотвѣтствующаго воздѣйствія и Сенатъ, который послѣ раздѣленія его еще въ 1763 г. на шесть департаментовъ, по существу, былъ ликвидированъ, какъ учрежденіе правительственное, такъ какъ высшая администрація была сосредоточена въ его первомъ департаментѣ, гдѣ дѣла вершились безъ всякаго участія *общаго присутствія* Сената подъ верховнымъ руководствомъ генералъ-прокурора. Прочіе департаменты получили съ этого момента, главнымъ образомъ, *судебное* значеніе и составили такимъ образомъ *собственно* Сенатъ, который теперь съ 1775 г. сталъ въ этомъ своемъ качествѣ во главѣ областной юстиціи. Сохраняя свое внѣшнее единство, Сенатъ при такихъ условіяхъ распался внутри себя. Явились, собственно говоря, *два Сената*—Сенатъ правительствующій и Сенатъ судебный.

Упростивъ такимъ путемъ систему центральныхъ учрежденій, реформа 1775 г. создала зато огромное количество мѣстныхъ органовъ, въ ряду которыхъ судебныя установленія заняли теперь особое положеніе, которое, подобно тому, какъ и въ эпоху Петра В., вновь создавало иллюзію отдѣленія суда отъ администраціи, а въ дѣйствительности, какъ и тогда, сводилось къ учрежденію отдѣльныхъ органовъ суда и администраціи въ предѣлахъ единаго *губернскаго управленія*, всецѣло подчиненнаго теперь одному общему для всѣхъ начальнику—«главнокомандующему» губерніи.

Общая схема губернскихъ судныхъ учрежденій дана ниже Ю. В. Готье; поэтому, не повторяя ее, мы остановимся лишь на характеристикѣ главныхъ началъ реформы.

Въ основу ея, какъ извѣстно, положенъ былъ прежде всего принципъ *сословности*, проходящій красной нитью почти черезъ всю систему судныхъ органовъ.

Для дворянъ были введены верхній земскій и уѣздный суды, для городского сословія—губернскіе и городовые магистраты (или ратуши) съ словесными судами, для государственныхъ крестьянъ—верхнія и нижнія расправы. То же начало было проведено и въ совѣстныхъ судахъ, этихъ своеобразныхъ судахъ «мировой» юстиціи, въ составъ которыхъ хотя и входили представители всѣхъ названныхъ сословій, но судили они тамъ раздѣльно по *сословнымъ присутствіямъ* [1]). Всѣ эти суды получили теперь коллегіальную организацію и выборный составъ засѣдателей, утвержденіе котораго однако зависѣло всецѣло отъ «правителя» губерніи [2]). Такимъ образомъ суды, были поставлены въ прямую зависимость отъ главы мѣстной администраціи. Не довольствуясь однако означенной мѣрой, «Учрежденіе» сверхъ того въ большинствѣ случаевъ ставитъ во главѣ этихъ коллегій назначенныхъ высшимъ правительствомъ предсѣдателей [3]), составъ же палатъ уголовнаго и гражданскаго суда цѣликомъ устанавливается по назначенію (верховной властью или сената) [4]). Всѣ-

---

[1]) Ст. 396.

[2]) *Ст. ст.* 65, 66, 67, 73, 75.

[3]) *Ст. ст.* 60, 74. Судья совѣстнаго суда «опредѣляется» также правителемъ изъ кандидатовъ, представленныхъ ему мѣстными судебными органами, ст. 63.

[4]) *Ст.* 61.

ми этими мѣрами очевидно достигалась полная *бюрократизація* «областныхъ» судовъ губерніи, которые оказывались при такихъ условіяхъ въ прямой зависимости и подчиненіи отъ «правителя» прежде всего въ своемъ личномъ составѣ. Однако, столь очевидное смѣшеніе властей въ Екатерининскихъ учрежденіяхъ 1775 года шло гораздо далѣе. Хотя «Учрежденіе» и повторяетъ не разъ, что «главнокомандующій не есть судья, а оберегатель» [1]) государственнаго интереса и узаконеній, но въ то же время оно постоянно подчеркиваетъ, что на его обязанности лежитъ «строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ», въ число которыхъ по точному смыслу и буквѣ закона относятся также и суды [2]). Въ самомъ дѣлѣ, въ прямыя полномочія «правителя» входило его право: 1) вмѣшиваться въ судопроизводство «и принуждать судебныя мѣста» къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ, «ибо онъ есть яко хозяинъ своей губерніи» [3]); 2) «останавливать исполненіе» рѣшенныхъ дѣлъ, «если бъ въ судебномъ мѣстѣ опредѣлено было что несправедливо (!)» [4]); 3) опредѣлять мѣру наказанія, «дабы повелѣніемъ его въ страхъ злымъ наказанъ былъ преступникъ» [5]); 4) «призывать» *къ себѣ* «палату уголовнаго суда, палату гражданскаго суда... для уложенія дѣлъ *обще* съ губернскимъ правленіемъ» [6]) и т. д. При этомъ законъ объявляетъ, что «къ исполненію *повелѣній* губернскаго правленія (правителя тожъ) *обязаны* какъ верхніе, такъ и уѣздные и нижніе земскіе суды, равномѣрно верхнія и нижнія расправы, губернскій и городовые магистраты и ратуши въ той губерніи находящіеся» [7]). Совершенно понятно, что, согласно всѣмъ этимъ опредѣленіямъ, «застушникъ угнетенныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ», правитель губерніи, превращался въ настоящаго начальника судовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо въ судью особенно въ дѣлахъ безспорнаго производства [8]). Наконецъ, мы должны принять во вниманіе, что какъ слѣдствіе, такъ и исполненіе по судебнымъ дѣламъ находились тогда также въ рукахъ полицей-

---

[1]) *Ст.* 82, 85. Во вступленіи къ «Учрежденію», гдѣ «просвѣщенная» Матерь отечества старается разъяснить выгоды новыхъ установленій, она прямо подчеркиваетъ, «что наше постановленіе, какъ всякъ усмотрѣть можетъ, *судебныя мѣста* отдѣляетъ отъ *губернскихъ правленій*», op. cit., стр. 4.

[2]) См. Указъ авг. 1783 г. (№ 11810) По существу это—та же самая аргументація, что и въ петровскомъ наказѣ воеводамъ 1719 г., гдѣ мы читаемъ: «хотя ему воеводѣ не подлежитъ ссоръ тяжебнаго дѣла между подданныхъ судить, и судьямъ въ расправѣ ихъ помѣшательство чинить; *однако жъ* ему *крѣпко смотрѣть*, чтобъ земскіе судьи по данной инструкціи уѣздный судъ управляли, и подданныхъ продолженіемъ и волокитами не утѣсняли и т. д.», ст. 5.

[3]) Ст. 85.

[4]) Ст. 86. А также *утвержденіе* приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ.

[5]) Ст. 113.

[6]) Ст. 101.

[7]) *Ст.* 99.

[8]) *Ст.* 97. «Въ губернское правленіе взносятся, производятся и отправляются въ ономъ всѣ дѣла исполнительные, и скораго отправленія, или приказанія требующія; также и тѣ, о которыхъ противорѣчія, или спора быть не можетъ» (векселя, контракты и т. д.).

ской и исполнительной власти, которая къ тому же обладала и нѣкоторыми правами, такъ сказать, суда полицейскаго или «благочиннаго» [1]). Любопытно, что даже самое названіе «суда» было сохранено «Учрежденіемъ» для такихъ учрежденій, которыя, въ дѣйствительности, строго говоря, не должны были имѣть къ нему никакого отношенія—таковы земскій судъ и сиротскій судъ. Что касается нижняго земскаго суда, то, являясь чисто полицейскимъ органомъ, судъ этотъ, однако, въ своихъ полномочіяхъ имѣлъ не только право «смирять по мѣрѣ данной ему власти нарушителя общаго, частнаго и собственнаго своего покоя и блаженства», но въ лицѣ земскаго исправника былъ призванъ «обиженному давать судейское покровительство» [2]). Такъ, ст. 232 прямо говоритъ, что на нижній земскій судъ возлагается производство розыска по разнымъ дѣламъ «и по зрѣлому точному разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ на мѣстѣ» онъ долженъ «заключить приговоръ, который по самой истинѣ и въ слѣдствіе законовъ учинить надлежитъ».

Такимъ образомъ, не только отдѣленіе суда отъ администраціи, но даже и болѣе скромная задача отдѣленія «суда отъ губернскихъ правленій» далеко не была достигнута Екатериной. Судъ, правда, получившій въ общемъ свое особое устройство, такъ и не вышелъ изъ-подъ опеки администраціи. Не состоялось и отдѣленіе его отъ полиціи. Отказаться отъ основной своей прерогативы самодержавная власть при всемъ своемъ «просвѣтительномъ» либерализмѣ, конечно, не могла. Поэтому, выдѣляя судъ въ областномъ управленіи, она вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляла и административную власть на мѣстахъ, дѣлая ее «хозяиномъ» у себя «дома». Поэтому же не могло измѣнить общее положенія вещей и введеніе въ суды сословныхъ представителей, т. е. общественнаго элемента. Идея *сословнаго правосудія*, глубоко искажавшая, по существу, самое понятіе о немъ, но совершенно неизбѣжная въ сословномъ государствѣ XVIII ст., не могла внести въ екатерининскіе суды освѣжающаго начала общественности. Ни коллегіальность, ни сословное представительство не спасали этого суда ни отъ бюрократизаціи, ни отъ волокиты, ни отъ продажности, ни отъ ябеды [3]). Историческій «квартетъ» юстиціи не много выигралъ отъ того, что «музыканты» правосудія разсѣлись или были разсажены на этотъ разъ въ иномъ порядкѣ. Окружающая обстановка и характеръ командующей власти не измѣнились; не измѣнили ничего, поэтому, во внутренней жизни

---

[1]) *Ст. ст.* 98, 224, 233, 232, 243; ср. о городничемъ ст. ст. 256 и 266; это особенно слѣдуетъ сказать объ *Управѣ благочинія* 1782 г. см. ст. 70, 72, 269, 273 и мн. др.

[2]) *Ст.* 243, 237, особенно ст. 229, въ которой по дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ «*просителю дается право избирать, быть судиму или нижнимъ земскимъ* судомъ, или уѣзднымъ судомъ, или нижнею расправою».

[3]) Что касается выборнаго, представительнаго элемента въ екатерининскихъ судахъ, то онъ также мало вліялъ на ихъ общую «приказную» физіономію, какъ и «дворяне добрые и знатные по выбору» при московскихъ воеводахъ или ландратскіе совѣты при губернаторахъ 1715 г. Несмотря на то, что въ указѣ Петра было весьма обстоятельно разъяснено, что въ ландратскомъ совѣтѣ «губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ» (*Пол. соб. зак.*, № 2673), ландраты очень скоро превратились въ послушное орудіе въ рукахъ хозяина губерніи.

суда и появившіеся въ немъ сословные представители. Власть, попрежнему, имъ не довѣряла, попрежнему ихъ опекала, попрежнему ими помыкала.

Насколько дѣйствительно было мало довѣрія къ авторитету суда, это лучше всего видно изъ того своеобразнаго порядка рѣшенія дѣлъ, которое устанавливается «Учрежденіемъ» въ такъ называемомъ *ревизіонномъ* производствѣ. Дѣла, рѣшенныя въ одной инстанціи, въ компетенцію которой они непосредственно входили, передавались, однако, самимъ судомъ въ слѣдующую инстанцію на пересмотръ, причемъ иногда, особенно въ важныхъ «криминальныхъ» дѣлахъ, этотъ ревизіонный процессъ продѣлывался въ нѣсколькихъ инстанціяхъ. Въ такомъ случаѣ судъ «по изслѣдованіи дѣла, съ приличными законами и сомнѣніемъ», отсылалъ его въ слѣдующую инстанцію для окончательнаго «приговора»; этотъ второй судъ, постановивъ приговоръ, «отсылалъ при описаніи дѣла» все производство для ревизіи въ 3-ю инстанцію, но и эта инстанція дѣла окончательно не скрѣпляла, а «не мѣшкавъ ни мало», вносила, наконецъ, все дѣло къ «главнокомандующему»! [1]) Нетрудно себѣ представить, каково было положеніе тяжущихся, пока шла вся эта процедура, и сколько должно было пройти времени до окончанія дѣла, разъ только—говоря колоритнымъ бытовымъ языкомъ—въ подобномъ случаѣ «пошла писать губернія!» Истецъ могъ состарѣться, отвѣтчикъ сгнить въ тюрьмѣ, или оба могли помереть прежде, чѣмъ Немезида XVIII в. успѣвала завершить свое хожденіе по мытарствамъ, и наконецъ, объявить, быть можетъ, уже наслѣдникамъ сторонъ о торжествѣ «правосудія»!

Странной ироніей звучатъ, поэтому, благожелательныя и нѣсколько претенціозныя декларацiи законодателя, который, въ сознаніи своего высокаго и просвѣщеннаго призванія, щедрой рукой разсыпаетъ въ своихъ указахъ и регламентахъ цвѣты краснорѣчія на тему «о благѣ общемъ и частномъ», «человѣколюбивомъ призрѣніи къ народу» и о великомъ значеніи законовъ, направленныхъ «къ счастію подданныхъ, къ умноженію истиннаго правосудія, къ исправленію нравовъ и къ распространенію всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей» [2]). Конечно, все это «просвѣтительное» прекраснодушіе не могло прикрыть поистинѣ безотраднаго положенія вещей, лучшую характеристику котораго далъ намъ любимый внукъ царственной бабки въ своей интимной переписке. «Въ нашихъ дѣлахъ—писалъ Александръ Павловичъ—господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ

---

[1]) *Учрежденіе 1775 г.*, гл. VII, ст. ст. 111—113.

[2]) *Учрежденіе* 1775 г., стр. 3—4. Законодатель иногда прямо впадаетъ въ паѳосъ по поводу своихъ собственныхъ благодѣтельныхъ мѣропріятій: «когда всѣ правила въ сихъ учрежденіяхъ поспѣшествуютъ правосудіе и вообще порядокъ дѣлъ,—читаемъ мы въ томъ же *Учрежденіи*,—а изъ оныхъ замыкающихъ въ себѣ должности приказа общественнаго призрѣнія и совѣстнаго суда суть аки два источника, на вѣки ліющіе благодѣянія несчастнымъ и бѣдствующимъ въ родѣ человѣческомъ и сопрягающія *милость и судъ* во едино; то *какъ можно*, чтобы сердца подданныхъ, въ коихъ не угасли сродныя жалость и любовь къ ближнему, чувствами своими не были тутъ сподобны величайшему Монаршему человѣколюбію, коего плодъ предостойный есть сіе дѣяніе? ибо въ сихъ обоихъ законоположеніяхъ И. В. благость и добротвореніе совершаетъ для своего народа» и т. д., стр. 431.

со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду... Чтобы сказать однимъ словомъ—благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шыворотъ на выворотъ... Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ... однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію» [1]). Но и то, что «поддавалось» описанію, что могло быть описано было въ достаточной мѣрѣ выразительно. Стоитъ только хотя бы вспомнимъ Кантеміра, Новикова, Радищева, Фонвизина, Княжнина и, наконецъ, Капниста съ его «Ябедой», и передъ нами откроется то же самое зрѣлище, которое позднѣе съ такой геніальной силой выставилъ на «всенародныя очи» безсмертный авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ».

Но если реформа судоустройства не дала, по существу, никакихъ новыхъ гарантій для утвержденія началъ правосудія въ странѣ, то еще менѣе ихъ могла дать реформа самой «формы» суда.

Мы уже видѣли, что къ началу петровской эпохи, въ московскомъ процессуальномъ правѣ рѣшительно возобладали *розыскныя* начала, что сказалось не только въ расширеніи сферы примѣненія судебнаго розыска, но и въ проникновеніи сыскного или обыскноваго производства въ старинный «судъ». Граница между тѣмъ и другимъ видомъ процесса постепенно стиралась и, если все же въ Москвѣ въ концѣ XVII в. не утратилось представленіе о различіи суда и розыска, то было совершенно ясно, по какому пути долженъ былъ пойти судъ XVIII вѣка, когда правительство Петра и Екатерины высоко подняло знамя полицейскаго государства. Не забудемъ при этомъ, что важнѣйшія законодательныя опредѣленія о формѣ процесса были изданы, именно, Петромъ, и что его преемникамъ удалось прибавить немного новаго къ тому, что было совершено въ этой области суровымъ Преобразователемъ. А поскольку эпоха начала XVIII ст. была тѣсно связана съ эпохой Уложенія царя Алексѣя и, какъ мы указали уже выше, еще нетерпимѣе относилась ко всякому проявленію самостоятельности со стороны «гражданъ», стремясь все до мелочей опредѣлить своими регламентами и артикулами—постольку, конечно, законодательство Петра въ данномъ вопросѣ должно было рѣшительно стать на сторону розыскного процесса. Оно такъ, именно, и сдѣлало.

Правда, въ литературѣ вопроса до сихъ поръ принято считать, будто бы Петръ «колебался» въ выборѣ того или другого вида процесса и даже одно время возстановилъ обвинительный процессъ въ его старомосковской формѣ «суда» [2]). Мы думаемъ, однако, что это далеко не такъ, и что Петръ *суда* не возстановлялъ.

Какъ извѣстно, Петру принадлежатъ два законодательныхъ опредѣленія, въ которыхъ онъ пытался установить порядокъ судопроизводства,

---

[1]) *Н. Шильдеръ*, Императоръ Александръ Первый (Спб. 1904), т. I стр. 114 и 162. Отрывки взяты изъ писемъ 1796—1797 гг., В. П. Кочубею и Лагарпу.

[2]) См. напр., *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ, стр. 663; *Дмитріевъ*, op. cit., стр. 542.

какъ въ «гражданскихъ», такъ и «военныхъ» судахъ—это «краткое изображеніе воинскихъ процесссовъ», появившееся въ 1716 г., и указъ «о формѣ суда» 1723 г. [1]). Собственно говоря, эпитетъ «краткій» съ полнымъ правомъ слѣдовало бы отнести ко второму указу, такъ какъ онъ, дѣйствительно, исключительно кратокъ, въ то время какъ первый памятникъ является настоящимъ *судебнымъ уставомъ*, весьма пространно комментированнымъ самимъ законодателемъ, всюду дающимъ опредѣленіе основныхъ понятій и положеній процессуальнаго права. Значеніе «изображенія процессовъ», поэтому, особенно важно для насъ. Но прежде чѣмъ мы обратимся къ нему, необходимо отмѣтить, что уже въ 1697 г. Петромъ былъ изданъ указъ, которымъ императоръ точно и ясно опредѣлилъ свое отношеніе къ процессу. Указъ гласилъ, что впредь «вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ... чинить розыскъ (ст. 1)» [2]). Мотивомъ этого распоряженія послужило характерное для Петра соображеніе, что «въ прямыхъ искахъ (стороны) отвѣчаютъ неправдою, составными вымыслы своими и лукавствомъ». Императору не нравилась слишкомъ большая свобода сторонъ въ «судномъ» процессѣ. Поэтому, онъ ограничиваетъ средства доказательствъ, замѣняетъ состязаніе сторонъ допросомъ. Въ этомъ новомъ видѣ розыскъ, по справедливому замѣчанію Ѳ. Дмитріева, былъ «нѣчто среднее между судомъ и прежнимъ уголовнымъ (слѣдственнымъ?) процессомъ» [3]). Однако, эта новость не была уже совершенной новостью въ указѣ 1697 г. Въ ней, собственно, отразилось то состояніе процесса, въ какомъ, въ дѣйствительности, его засталъ Петръ, ибо уже въ XVII ст. *московское* судопроизводство положительно тяготѣло къ этой *средней* формѣ процесса, гдѣ какъ бы сочетались и судъ, и розыскъ. Но такъ какъ розыскной моментъ преодолѣвалъ и болѣе соотвѣтствовалъ духу петровской имперіи, то симпатіи законодателя сразу и заявили себя весьма энергично. Самое различіе суда и розыска, повидимому, не вполнѣ уже улавливалось Петромъ, такъ какъ, настаивая на «розыскѣ» въ указѣ 1697 г., онъ въ то же время взялъ его въ упрощенномъ видѣ, нѣсколько приближающемъ его вновь къ суду (молчаніе объ обыскѣ, пыткѣ и т. д.). Главная цѣль Петра, какъ можно полагать, была именно упрощеніе суда въ смыслѣ стѣсненія «излишней» свободы сторонъ и самого судьи.

Съ изданіемъ «Изображенія процессовъ» та же тенденція становится еще болѣе очевидной, причемъ *розыскной* характеръ всего процесса, который вводился *одинаково*, какъ для военныхъ, такъ и гражданскихъ судовъ, выступаетъ на этотъ разъ еще рѣзче. Начало обвинительное и слѣдственное слиты, различіе суда уголовнаго и гражданскаго отсутствуетъ [4]),

---

[1]) Петромъ впервые были созданы особые военные суды.

[2]) *Пол. собр. зак.* № 1572.

[3]) *Op. cit.*, стр. 538.

[4]) «Изображеніе» употребляетъ выраженіе «гражданскій судъ» только въ противоположность суду военному. *Пол. собр. зак.* № 3006 ч. 1, гл. I, ст. 3; ч. 2, гл. VI ст. 3; ч. 3, гл. I, ст. 5, 6. Различая, однако, дѣла, начинающіяся челобитьемъ частнаго лица и самимъ судьей, который «по должности судебный вопросъ и розыскъ чинитъ», «Изображеніе» добавляетъ: «токмо при обоихъ процессахъ порядокъ единъ есть, какъ въ рѣчахъ, въ отвѣтѣ, доказахъ и прочемъ». Гл. II, ст. 2.

розыскной судъ идетъ полнымъ ходомъ [1]). Появляются очныя ставки, пытка [2]), судоговореніе превращено въ разспросъ, тяжущіеся попадаютъ какъ бы въ положеніе подсудимыхъ, и самый судъ переходитъ въ «разсмотрѣніе» всѣхъ обстоятельствъ дѣла, извлеченныхъ слѣдствіемъ, и сужденіе о нихъ.

Полное торжество розыскного процесса, однако, повидимому, не вполнѣ удовлетворило Петра *на практикѣ*. Съ одной стороны, чрезмѣрное развитіе пытки въ судѣ, на осторожномъ примѣненіи которой усиленно настаивало «Изображеніе» [3]), съ другой—все еще слишкомъ большой просторъ, открывавшійся и при новомъ уставѣ для разговоровъ и преній на судѣ—вотъ, кажется, главныя причины недовольства Петра, побудившія его вслѣдъ за указомъ 1722 г. [4]) о пыткахъ издать *дополнительный* указъ о «формѣ суда» 1723 г.

Спрашивается, возстановлялъ ли указъ 1723 г. обвинительный, *судный* московскій процессъ?—какъ это думаетъ большинство историковъ. Вотъ вопросъ, который намъ надлежитъ разрѣшить теперь.

Уже изъ первыхъ словъ указа мы узнаемъ, что Петръ недоволенъ тѣмъ, что «*въ судахъ много дадутъ лишняго говорить* и *много неподобнаго пишутъ*». Поэтому, императоръ рѣшилъ «собрать» теперь изъ «многихъ указовъ» нѣкоторыя постановленія и «выразить» ихъ и утвердить на будущее время. По установленной такимъ образомъ *формѣ* предписывается судить «всякія дѣла, какого бы оныя званія ни были». «И не надлежитъ различать,—говоритъ далѣе указъ,—(какъ прежде бывало), одинъ судъ, другой розыскъ, но токмо одинъ судъ и судить слѣдующимъ образомъ» [5])... Изъ послѣднихъ словъ и заключаютъ обыкновенно, что изъ

---

[1]) «Изображеніе», предписывая вершить всѣ дѣла розыскомъ, все же продолжаетъ различать особыя «розыскныя дѣла», о которыхъ оно только упоминаетъ на ряду съ прочими тяжбами. См. гл. II, ст. 2 или ч. 1, гл. V, ст. 1. «Розыскныя дѣла» эти, главнымъ образомъ, пріурочиваются Кригсрехту. Въ текстѣ же «Изображенія» мы постоянно встрѣчаемъ выраженія, достаточно ярко характеризующія сущность всего процесса: «разыскать», «допросъ отъ судей», «уличить», «жестоко допрашивать» и т. п. Въ «Воинскомъ артикулѣ», на ряду съ выраженіемъ «по разсмотрѣнію судейскому», «и по дознанію и угадамъ», попадаются и чисто московскія выраженія: «а ежели сыщется», «подлинно розыскать», «по розыску». *Артик.* 149, 154, 157, 158, 164, 196, 197.

[2]) *Изображеніе*, ч. III, ст. 15, гл. VI; ст. 1—10. Изъ другихъ доказательствъ встрѣчаемъ свидѣтелей, письменные акты, присягу и своевольное признаніе, которое объявляется «лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта», ч. 2, гл. II, ст. 1. Не встрѣчаемъ только повальнаго обыска, хотя неопредѣленая «молва», «злой слухъ» народный и принимается судомъ во вниманіе и даже служитъ поводомъ къ началу розыска, ч. 2, гл. VI, ст. 6 и 9.

[3]) *Часть 2*, гл. VI, ст. 2, 3, 4.

[4]) Указомъ этимъ Сенату дано было порученіе: «разсмотрѣть о пыткахъ, понеже и въ малыхъ дѣлахъ пытка чинится... чтобъ оную унять».

[5]) Изъ этихъ словъ можно было бы заключить только одно, что не Петръ «колебался» въ выборѣ между «судомъ» и «розыскомъ», а колебалась *судебная практика* съ ея прочно въѣвшейся традиціей, особенно при той неясности, которая господ-

двухъ видовъ стариннаго суда, суда и розыска, Петръ на этотъ разъ отдалъ предпочтеніе первому, т.-е. однимъ почеркомъ пера упразднилъ «Изображеніе процессовъ» и внезапно вернулся къ *московскому «судному»* процессу. Мы полагаемъ, что это далеко не правильное толкованіе. Смыслъ указа совершенно иной. Указывая, что прежде («бывало») различали двѣ формы процесса «по старымъ о томъ указамъ», Петръ *окончательно* постановляетъ, что впредь всякое *различіе* между судомъ и розыскомъ должно быть оставлено и установлена *одна форма суда, одинъ судъ*, не «судный» процессъ, а просто *единообразный судъ*. Для этого суда, согласно съ прежними своими указами [1]), Петръ и вводитъ теперь *еще болѣе стѣснительныя формы порядка разбирательства дѣлъ*. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, думать, что Преобразователь, борясь съ излишней, по его взгляду, *свободой судоговоренія* въ процессѣ, избралъ для этого такую мѣру, какъ возстановленіе состязательнаго процесса, т.-е. «суда». Въ его планы, очевидно, это не входило, какъ не входила вообще и новая *общая реформа* судопроизводства. Иначе нельзя понять краткости именного указа, а главное *полное его молчаніе о способахъ доказательства*. Все содержаніе указа сводится къ изложенію порядка допроса по «пунктамъ» и вызова сторонъ, причемъ всѣ эти опредѣленія направлены къ очевидному стѣсненію послѣднихъ. Состязательнаго процесса здѣсь вовсе нѣтъ и, какъ правильно замѣчаетъ Владимірскій—Будановъ, «всѣ измѣненія (закона) клонятся къ сообщенію судьѣ болѣе активной роли при борьбѣ сторонъ» [2]). Что Петръ, дѣйствительно, вовсе и не думалъ противополагать въ этомъ указѣ «розыска» «суду», а давалъ лишь нѣкоторыя дополнительныя указанія для той «средней» формы суда, которая выработалась въ практикѣ конца XVII и начала XVIII ст., это подтверждаютъ и заключительныя слова указа: «*всѣ суды и розыски* имѣютъ по сей формѣ отправляться, не толкуя, что сія форма суда къ тому служитъ, а къ другому не служитъ. А ежели кто будетъ инымъ образомъ *судить и розыскивать*... тотъ наказанъ будетъ». Итакъ, теперь есть одна форма суда—«судъ и розыскъ», и по ней впредь должны «судить и розыскивать». Невольно вспоминается языкъ Соборнаго Уложенія 1649 г.—«по суду и по сыску про то дѣло сыщется», «дати судъ, а съ суда сыскати», «а вершить то дѣло по суду и по сыску». Конечно, на практикѣ въ зависимости отъ того, какого рода приходилось разбирать искъ и дѣло, къ какимъ доказательствамъ прибѣгать, чистая форма «суда по формѣ» могла приблизиться въ извѣстныхъ случаяхъ къ обвинительному процессу. Но, каковъ бы ни былъ подлинный смыслъ указа—одно ясно, что «судъ по формѣ» не «судъ», не состязательный процессъ, а такой же «сыскной»,

---

ствовала въ данномъ отношеніи, какъ въ московскомъ, такъ и петровскомъ законодательствѣ.

[1]) Стороны и по «Изображенію» являются пассивнымъ элементомъ въ процессѣ и всецѣло находятся въ рукахъ судьи. Онѣ «допускаются» на судъ «къ оборонѣ своей и оправданію». Судья же нападаетъ. *Часть 1*, гл. 1, ст. 1.

[2]) *Обзоръ*, стр. 663.

какъ и розыскъ [1]). Это «допросъ», слѣдственное производство [2]), упрощенное и до крайности регламентированное.

Но если это такъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ ясно также, что *указъ* 1723 г. никогда и не отмѣнялъ *устава* 1716 г.

Указъ о формѣ суда вовсе. такимъ образомъ, не новый *судебный уставъ*; для этого онъ слишкомъ бѣденъ содержаніемъ, а просто указъ, данный въ *измѣненіе* гл. I—VI *первой части* «Изображенія процессовъ». Если бы мы взяли указанныя главы «Изображенія» и отбросили все дальнѣйшее его содержаніе, т.-е. ученіе о доказательствахъ, то мы и получили бы *первоначальную редакцію* «формы суда», которая не удовлетворяла Петра, такъ какъ сторонамъ въ ней предоставлено гораздо болѣе простора, чѣмъ по указу 1723 г. [3]). Любопытно отмѣтить: что взявъ также эту часть «Изображенія» отдѣльно отъ всего, что ей предшествуетъ и что за ней слѣдуетъ, мы имѣли бы всѣ основанія признать изображенную въ ней «форму» процесса чисто обвинительной, даже болѣе обвинительной, чѣмъ по указу 1723 г. Законодатель здѣсь говоритъ только о «челобитчикѣ», и дѣло имѣетъ видъ, дѣйствительно, «искового» производства [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ вся эта часть устава представляетъ изъ себя лишь нѣсколько иной варіантъ «суда по формѣ» 1723 г. Такимъ образомъ совершенно очевидно, что указъ 1723 г. имѣлъ въ виду лишь *частичное* исправленіе «Изображенія», продолжая прежнюю борьбу императора со «всякою пространностью» [5]) въ судопроизводствѣ [6]).

Однако, въ виду крайней отрывочности указа 1723 г. и отсутствія пря-

---

[1]) Отвѣтчика, неявившагося къ суду, «сыскивали» по указу 1723 г. «съ барабаннымъ боемъ».

[2]) Судоговореніе и названо прямо въ указѣ «допросомъ», ст. 8.

[3]) См. Часть 1, гл. IV, ст. 1—2, гдѣ сторонамъ предоставлено право, помимо преній на судѣ, обмѣняться двумя бумагами, «если дѣло пространно есть». Однако, кромѣ указанныхъ въ челобитьи «пунктовъ», истцу воспрещалось касаться иныхъ вопросовъ на судѣ; ibid. ст. 3. На основаніи же всего матеріала судоговоренья, судья и долженъ былъ «жалобу токмо и отвѣтъ принявъ *розыскать*, и на оное *учинить приговоръ*».

[4]) Ibid, гл. III, ст. 1—3.

[5]) Во имя этихъ же тенденцій Петръ велъ борьбу и съ адвокатурой. По его словамъ, «когда адвокаты у сихъ дѣлъ употребляются, оные своими непотребными пространными приводами судью болѣе утруждаютъ, и оное дѣло того па чекъ вящшему пространству, нежели къ скорому приводятъ окончанію». Характерно, что эта статья допускаетъ представительство адвокатовъ на судѣ лишь въ томъ случаѣ, если какая-либо изъ сторонъ «занеможетъ, или прочія важныя причины къ тому прилучатся». Законодатель такимъ образомъ пользуется всѣмъ, чтобы «упростить» инквизиціонный процессъ, лабы всѣ дѣла «наикратчайше» были вершены. *Часть 1*, гл. V, ст. 1. Съ такой же непріязнью говорилъ Петръ о сословіи адвокатовъ и въ указѣ 1697 г.: «а иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправды, нанимаютъ за себя въ суды... ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душевредцевъ, и за тѣми ихъ... вымыслами и лукавствомъ въ вершеніи тѣхъ дѣлъ.., чинится многая волокита, и напрасныя харчи и убытки и разореніе, а ябедникамъ и ворамъ поживки». *Полн. собр. зак.*, № 1572.

[6]) Указъ 1697 г., «изображеніе» 1716 г. и, наконецъ, указъ о «формѣ суда» 1723 г. таковы эти три послѣдовательныхъ этапа единого процесса.

мыхъ указаній объ его отношеніи къ процессу 1716 г., указъ этотъ породилъ великое множества вопросовъ и недоумѣній, возникавшихъ на практикѣ [1]). И должно признать, что по поводу этого указа Петръ имѣлъ бы всѣ основанія сказать, что «сіе неосмотря учинено было». Изслѣдователи согласны, впрочемъ, что «несмотря» на указъ 1723 г. въ имперскомъ судопроизводствѣ все жеводворилось *господство розыскного процесса*. Мы думаемъ, что оно никогда и не прекращалось, мѣнялись только его виды. «Форма процесса» можетъ быть потому и оказалась неудачной, что она слишкомъ уже связывала не только стороны, но и самый судъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, какъ же вершились уголовныя, напр., дѣла по указу 1723 г.? Вѣдь ни пытка, ни другія слѣдственныя дѣйствія отмѣнены не были [2]). Очевидно, на этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ дать только «Изображеніе процессовъ» въ своей 2-й части и только въ томъ смыслѣ, какъ на него отвѣтило уже московское законодательство: «допрашивати въ судѣ же... а сыщется про то допрямо... съ суда обыскати». Судебный процессъ въ XVIII ст. потому и не укладывался въ прокрустово ложе уготованной для него формы, что законодатель продолжалъ попрежнему не замѣчать того основного факта, что *единаго суда для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, по существу, быть не можетъ*. Практика суда, поэтому, не переставала колебаться между «челобитчиковыми», «партикулярными» дѣлами съ одной стороны, и «доносительными и фискальными»— съ другой, поддерживая такимъ образомъ, неизбывный *дуализмъ* въ процессѣ, который осложнялся еще тѣмъ, что линія раздѣленія процесса слѣдственнаго и искового *исторически* намѣтились не по направленію различія суда гражданскаго и уголовнаго, а по *интенсивности государственнаго интереса* [3]). Поэтому, и суды и Сенатъ путались и изворачивались въ практикѣ примѣненія *единой формы* суда [4]), изъ-подъ которой, такъ сказать, по самой природѣ вещей, вопреки императорскимъ указамъ, постоянно

---

[1]) См., напр., указъ 30 ноябр. 1724 г. (недоумѣніе по поводу «сроковъ)», указъ 3 мая 1725 г. («о положеніи 5 пункта» о злодѣйствѣ) и др. *Полн. собр. зак.*; № 4607, 4713.

[2]) Законодатель самъ почувствовалъ крайнюю ригористичность своей «формы» суда и обронилъ оговорку о политическихъ процессахъ, которые разбирались своимъ порядкомъ, сложившимся въ застѣнкѣ «Тайной канцеляріи». Ср. оговорку о розыскныхъ дѣлахъ въ «Изображеніи», *Часть 1*, гл. II, ст. 2: «процессъ (а особенно въ розыскныхъ дѣлахъ, которыхъ большая часть въ Кригсрехтѣ случается) есть»... и т. д. Въ указѣ 1724 г. Петру приходилось уже оправдываться, и весьма неловко, на счетъ указа 1723 г., говоря, будто «въ той формѣ упоминается болѣе (!) о челобитчикахъ» и отвѣтчикахъ, т.-е. о дѣлахъ, «которыя до интересу Е. И. В.» не касаются.

[3]) Ю. В. Готье подтверждаетъ этотъ дуализмъ и для судебной *практики* XVIII ст., когда обычно дѣла важнѣйшія разбирались съ примѣненіемъ всего арсенала розыскного процесса, дѣла же «маловажныя» — упрощенной формой суда, близкой къ суду по формѣ. *Op. cit*, стр. 395. Наблюденіе это, весьма цѣнное, подтверждаетъ лишній разъ то, что мы въ правѣ были ожидать, такъ сказать, на основаніи общаго хода событій.

[4]) См. *Θ. Дмитріевъ*, op. cit.,стр. 544, 545, 546. *Ю. Готье*, op. cit., стр. 394. Въ то время, какъ авторъ «Исторіи инстанцій» считаетъ, что указъ Петра 1723 г. былъ возвращеніемъ къ формамъ «древняго обвинительнаго процесса», Ю. В. Готье видитъ въ

выступало на свѣтъ Божій *объективное* различіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства.

Но для эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, именно, и было характерно это игнорированіе «природы вещей», которую она стремилась передѣлать по «правиламъ ума просвѣщеннаго». Поэтому *розыскной, инквизиціонный* процессъ и долженъ считаться *общей и господствующей формой процесса* нашего стараго суда.

Уже въ наказѣ 1728 г. мы встрѣчаемъ новое напоминаніе о розыскномъ процессѣ. Наказъ предписываетъ «во всѣхъ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ губернаторамъ и воеводамъ поступать по Уложенію и по указамъ» [1]). И эта тенденція переходитъ затѣмъ и въ XIX ст.

Насъ не должно, однако, въ данномъ случаѣ смущать введенное Екатериной въ общій строй созданныхъ ею учрежденій саздѣленіе суда гражданскаго и уголовнаго. Это дѣленіе вовсе не означало вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленія процессуальнаго. Форма суда осталась въ дѣйствительности одна и та же, нераздѣленная въ своемъ непримиренномъ противорѣчіи «суда» и «розыска». Поэтому, раздѣленіе палатъ на гражданскую и уголовную, а «верхнихъ» судовъ на соотвѣтствующіе департаменты не подвигало дѣла впередъ тѣмъ брлѣе, что въ нижнихъ судахъ присутствіе по тѣмъ и по другимъ дѣламъ продолжало оставаться единымъ.. Да и въ тѣхъ судахъ, гдѣ имѣлось раздѣленіе на департаменты, послѣдніе легко соединялись, если дѣла было немного: «буде же не случится уголовныхъ дѣлъ, тогда оба департамента,—какъ гласитъ «Учрежденіе»,—раздѣляютъ трудъ въ отправленіи правосудія» [2]). Законодатель и на этотъ разъ, очевидно, не выходилъ изъ круга привычныхъ ему представленій, и тамъ, гдѣ практика дѣла толкала его на путь раздѣленія, онъ настойчиво продолжалъ смѣшивать.

Государство XVIII ст., которое, какъ мы знаемъ, не дѣлало принципіальнаго различія между интересами государства и подданныхъ, было вполнѣ послѣдовательно, когда сводило различіе «тяжбъ» не къ различію права и процесса гражданскаго и уголовнаго, а къ различію *важности* или *маловажности* содѣяннаго. Въ этомъ смыслѣ «Наказъ» Екатерины II особенно характеренъ. Екатеринѣ не извѣстно различіе гражданскаго и уголовнаго процесса. «Судія, по ея словамъ, долженъ *входити въ тонкости и въ подробности* тѣмъ больше, чѣмъ большій у него хранится залогъ, и чѣмъ важнѣе вещь». Поэтому, прежде всего надо «означить точно въ законахъ важные случаи». Точка зрѣнія автора особенно ярко опредѣляется, когда онъ говоритъ, что «хотя всѣ преступленія (tous les crimes) суть *родныя*, однако касающіяся *больше* до гражданъ между собою должно

торжествѣ розыскного процесса въ XVIII ст. возвратъ къ старинѣ, «воскресшему старинному розыску». Быть можетъ, оба автора правы, поскольку правительство Петра не столько возвращалось, сколько продолжало развивать традиціи Уложенія 1649 года.

[1]) *Пол. собр. зак.*, № 5333.

[2]) *Глава* XIV, ст. 171; гл. XXII, ст. 313; гл. XXIV, ст. 357.

различать отъ принадлежащихъ *болѣе* къ государству» [1]). Сообразно съ этимъ Екатерина въ сферѣ суда различаетъ «собныя или частныя» преступленія и «народныя или общественныя», какъ бы еще разъ проводя — въ извѣстномъ смыслѣ—черту разграниченія между понятіями «гражданскаго» и «уголовнаго» суда на границѣ большаго или меньшаго «народнаго» интереса [2]).

Тѣми же тенденціями объясняется и отношеніе законодательства XVIII вѣка къ судебнымъ доказательствамъ. Всячески ограничивая стороны въ процессѣ, превращая самый процессъ въ *дознаніе*, формальный *допросъ* по «пунктамъ», преслѣдуя при этомъ всякіе «лишніе» разговоры въ судѣ [3]), правительство невольно стремилось *напередъ* расцѣнить доброту, силу и значеніе доказательствъ. Намъ уже приходилось отмѣчать зародыши подобныхъ тенденцій расцѣнивать силу свидѣтельскихъ показаній, такъ сказать, «глядя по человѣку». Это стремленіе въ XVIII ст. приводитъ къ опредѣленному результату—теоріи *совершенныхъ* доказательствъ. Такъ, свидѣтельство мужчины считается теперь выше свидѣтельства женщины, только два свидѣтеля считаются совершеннымъ доказательствомъ, знатный предпочитается незнатному, ученый—неученому, духовный—свѣтскому. [4]) Наконецъ, самымъ лучшимъ и совершеннымъ доказательствомъ считается признаніе, почему пытка и получаетъ такое широкое развитіе въ судахъ XVIII в., гдѣ она замѣнила собой повальный обыскъ, къ которому, какъ къ голосу общества, правительство давно уже потеряло всякое довѣріе [5]). Въ сферѣ другихъ доказательствъ важныхъ измѣненій не произошло Можно было бы отмѣтить развѣ усилившееся недовѣріе къ присягѣ.

Параллельно со всѣми этими явленіями все болѣе и болѣе возрастало и письменное производство въ судѣ, которое, въ концѣ концовъ, пріучало судъ въ извѣстныхъ стадіяхъ процесса обходиться совсѣмъ безъ всякаго участія сторонъ. Уже въ 1731 г. Сенатъ долженъ былъ констатировать, что «не точію въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ,—и въ самыхъ нижнихъ судахъ, какъ на Москвѣ, такъ и въ городахъ воеводы и въ ратушахъ бур-

---

[1]) *Наказъ Е. И. В. Екатерины Вторыя* (СПБ., 1893). гл. IX, 103, 117, 138.

[2]) Въ главѣ «о производствѣ суда вообще» Екатерина, говоря о процессѣ, вездѣ употребляетъ термины «преступленія», «великія вины» и т. п. Всякій «искъ» имѣетъ въ ея главахъ какъ бы *уголовный* характеръ, всякій споръ о правѣ непремѣнно есть деликтный процессъ въ «частномъ» или «народномъ» интересѣ.

[3]) Вспомнимъ указъ Петра, которымъ предписывалось всѣ дѣла вершить въ Сенатѣ безъ замедленія, по песочнымъ часамъ, подъ строжайшимъ наблюденіемъ сначала дежурныхъ офицеровъ, а затѣмъ генералъ-прокурора, «чтобы въ засѣданіи лишнихъ словъ и болтовни не было», и чтобы гг. сенаторы вели себя, «какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ».

[4]) *Изображеніе*, часть 2, г. III, ст. 12, 13. *Наказъ Е. И. В. Екатерины II*, ст. 121.

[5]) Несмотря на то, что законы Петра молчатъ объ обыскѣ, Посошковъ говоритъ о нихъ, какъ о фактѣ существующемъ: «а что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божіи правдѣ ни слѣда нѣтъ: всѣхъ свидѣтелей пишутъ заочно; а и попы, и дьяконы не видятъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался, и на словахъ не спѣша да руки къ обыскамъ прикладываютъ. *Op. cit.*, стр. 24.

мистры спорныя дѣла слушаютъ безъ истцовъ и отвѣтчиковъ». Таковъ былъ естественный результатъ развитія того взгляда на тяжущихся, согласно которому стороны въ процессѣ только мѣшали своими разговорами суду! Развитіе розыскного процесса, такимъ образомъ, превратило тяжущихъ въ какія то вещественныя доказательства, къ осмотру которыхъ судья обращался по мѣрѣ надобности и по своему «разсмотрѣнію».

Подводя итоги исторіи процесса XVIII ст., въ которую начало XIX ст. не внесло никакихъ существенныхъ измѣненій, [1]) приходится признать, что «просвѣщенный» вѣкъ только завершилъ и еще рѣзче выразилъ наиболѣе характерныя черты того государственнаго суда, который создала еще московская самодержавная монархія. Онъ сообщилъ только казуистическимъ нормамъ и бытовымъ формамъ XVII в. систематическій и «регулярный» видъ, создавъ ту *процессуальную схоластику*, которая такъ типична для мелочного, основаннаго на «разумѣ», суднаго обряда XVIII ст.

Но эта законодательная формалистика сообщала лишь обманчивую наружность суду имперскаго періода, окруженному ореоломъ «философическихъ» началъ и благихъ вожделѣній. Въ дѣйствительности это былъ не судъ, а *канцелярскій застѣнокъ*, затхлый, продажный, зараженный тлетворной ябедой.

Оставаясь до конца судомъ «приказнымъ», *бюрократическимъ*, *безгласнымъ*, *инквизиціоннымъ* и *полицейскимъ*, сохраняя свое *подчиненное отношеніе къ администраціи* и будучи по существу лишь *принадлежностью управленія*, *централистически построенный*, лишенный малѣйшей самостоятельности—этотъ судъ, при нищенскомъ содержаніи судебнаго персонала, былъ, дѣйствительно, вопіющей *пародіей на правосудіе*.

Въ отношеніи къ нему мы могли бы повторить слова, сказанныя нѣкогда М. Катковымъ: «Законъ и судъ? Суда не было—была бюрократія!» [2]) Бюрократія продажная, невѣжественная, безотвѣтственная, но и безотвѣтная передъ высшимъ начальствомъ.

И этотъ судъ не зналъ ни милосердія, ни права, ни скорости. Изъ вѣка въ вѣкъ застарѣвалъ онъ въ своихъ историческихъ недугахъ, являясь вѣрнымъ отраженіемъ общаго режима господствовавшаго въ крѣпостномъ государствѣ. И, конечно, до тѣхъ поръ, пока этотъ режимъ продолжалъ царить, чувствительный нервъ политическаго тѣла народнаго, судъ обреченъ былъ влачить то жалкое существованіе, въ какомъ онъ пребывалъ сотни лѣтъ. Его судьба была тѣсными узами связана, какъ мы видѣли это на протяженіи всей его исторіи, съ судьбами народа, въ немъ была его жизнь и смерть. И пока «мертвъ былъ въ законѣ», говоря словами Радищева, русскій народъ, мертва была и «правда» въ судахъ. Поэтому то, великій день народнаго воскресенья въ Россіи, историческій день 19-го февраля, долженъ былъ явиться вмѣстѣ съ тѣмъ и первой вѣстью близкаго воскресенья для русскаго суда. Но это былъ только первый шагъ! Ре-

---

[1]) Неудавшаяся реформа имп. Александра I не внесла ничего существенно новаго, только еще больше спутавъ взаимное соотношеніе государственныхъ органовъ.

[2]) *Г. Джаншіевъ*. Изъ эпохи великихъ реформъ (М. 1893 г.), стр. 294.

форма соціальная должна была оставаться незавершенной и угрожаемой во всемъ своемъ цѣломъ до тѣхъ поръ, пока она не была «увѣнчана» реформой государственной. Судъ, какъ основная гарантія права, не можетъ выполнить своего великаго назначенія тамъ, гдѣ говоря словами М. Сперанскаго, «законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи», и когда «скрижали его каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія» [1]). Въ этомъ собственно говоря и заключается все рѣшеніе проблемы о *судѣ правомъ, скоромъ и милостивомъ*. Пороки дореформеннаго суда съ указанной точки зрѣнія были не столько пороками его самого, сколько того государственнаго строя, въ которомъ «въ верховномъ государевѣ мѣстѣ части государственныя безъ раздѣленія» оставались всѣ перемѣшаны, какъ отмѣтилъ это еще современникъ Екатерины В. Таковъ былъ органическій недугъ государственнаго строя имперіи «стараго порядка». Опасный характеръ этого недуга заставилъ уже людей того времени серьезно задуматься подъ мыслью о ликвидаціи «исконныхъ» основъ въ значительной мѣрѣ уже изжившаго себя режима. Эта мысль получила, какъ извѣстно, временное признаніе и даже частичное воплощеніе въ жизни въ эпоху императора Александра I, когда на политическомъ горизонтѣ Россіи «дней александровыхъ прекраснаго начала» появилась на краткій мигъ обманчивая звѣзда М. М. Сперанскаго.

Съ присущимъ ему талантомъ и ясностью мысли Сперанскій сразу выдвинулъ на первую очередь основной вопросъ о «раздѣленіи властей», т.-е., говоря иначе, о ликвидаціи самодержавія. «Три силы движутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и конецъ сихъ силъ въ народѣ: ибо онѣ не что другое суть, какъ нравственныя и физическія силы людей въ отношеніи къ общежитію»— такова была отправная точка Сперанскаго. И творецъ проекта конституціи 1809 г. въ дальнѣйшемъ блестяще показалъ, къ какимъ тяжелымъ результатамъ приводитъ въ россійской имперіи господствующая въ ней система смѣшенія властей. И онъ мечталъ, что голосъ его будетъ услышанъ, и «россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти» [2]). Но мечтамъ его не суждено было осуществиться. Реакціонный поворотъ александровской эпохи загналъ, въ концѣ концовъ, страну въ тупикъ николаевскаго режима. Тщетно, возстановленный послѣ ссылки въ своихъ правахъ, пытался Сперанскій еще разъ протащить черезъ секретный комитетъ 6 декабря 1826 г. конституціонную контрабанду «раздѣленія властей» [3]). Попытка сорвалась и на этотъ разъ.

---

[1]) *Планъ государственнаго преобразованія* (М., 1905), стр. 28 и 90.

[2]) Op. cit., стр. 15.

[3]) См. нашу статью «Законодательство Императора Николая I», *Три вѣка*, т. VI, стр. 72 и сл. Сперанскимъ въ комитетъ, была подана историческая «записка», въ которой онъ показывалъ, какъ со временъ Петра Великаго «начало смѣшенія властей та же преклонность къ привлеченію всѣхъ дѣлъ—въ одно безотчетное установленіе въ разныхъ видахъ и подъ разными именами, всегда проявлялось» въ прошломъ русской имперіи.

Часъ дореформенной имперіи еще не пробилъ. Колоссъ, хотя и на глиняныхъ ногахъ, еще держался, превратившись, однако, въ недвижный «живой трупъ», застывшій въ какомъ то нѣмомъ оцѣпенѣніи, какъ будто бы въ предчувствіи близкой «катастрофы». И никому иному, какъ именно М. М. Сперанскому, суждено было не только пережить послѣднее и полное крушеніе своихъ мечтаній, но и положить тяжелую могильную плиту у двери колеблящагося зданія дореформенной Россіи. Такой плитой и было его послѣднее созданье—*Сводъ законовъ*, этотъ величественный монументъ, воздвигнутый въ преддверіи Россіи новой во-имя «историческихъ» началъ Россіи «мертвыхъ душъ».

Б. И. Сыромятниковъ.

Отдѣленіе судебной власти отъ административной.

Настоятельная необходимость отдѣленія власти судебной отъ власти административной и обезпеченіе для первой полной независимости отъ второй есть нѣчто въ современную намъ эпоху вполнѣ понятное и не возбуждающее никакихъ сомнѣній. Такое убѣжденіе явилось, однако, лишь какъ результатъ довольно долгой эволюціи взглядовъ, которая, притомъ, началась у насъ только въ позднее время подъ вліяніемъ западно-европейской просвѣтительной мысли. Исторія судебной власти въ Россіи есть скорѣе исторія ея многовѣковаго сліянія съ властью административной; и если даже послѣ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, впервые обезпечившихъ ей надлежащее мѣсто въ государственномъ строѣ Россіи, возможны были случаи частичнаго сліянія судебной и административной власти въ рукахъ одного органа, то понятно, что такія явленія могли имѣть мѣсто, только покоясь на крѣпкомъ основаніи нашего историческаго прошлаго.

I.

Судебная и административная власть въ допетровской Руси. Ихъ полное сліяніе, какъ отличительная черта того времени.

Соединеніе всѣхъ функцій власти въ однѣхъ рукахъ есть обычная черта первоначальнаго государства независимо отъ характера его происхожденія; возникло ли оно изъ постепенно осложнявшихся формъ родового быта, или же оно создалось вокругъ какого-нибудь торговаго центра, власть еще долго во всей своей полнотѣ сосредоточивается въ рукахъ представителей прежней родовой или торговой аристократіи; въ рукахъ такихъ патриціевъ—и управленіе и толкованіе юридическаго обычая и самый судъ; если государство основано на фактѣ завоеванія, военные его вожди долгое время держатъ власть надъ порабощеннымъ населеніемъ, сохраняя ея единство правомъ своей силы.

Въ возникновеніи нашего древнѣйшаго государства тѣсно переплетены всѣ три элемента. Славянское населеніе, еще жившее или родовыми ячейками, или объединенное въ городовыя области, обязанныя своимъ возникновеніемъ торговлѣ, подверглось завоеванію шаекъ скандинавскихъ викинговъ и въ результатѣ въ IX вѣкѣ въ Европѣ появилось новое государство, происхожденіе котораго во многомъ напоминаетъ происхожденіе герцогства Нормандскаго, графства Голландскаго и Англійскаго королевства Канута Великаго и Вильгельма-Завоевателя. Нормандскіе вожди, объединившіе путь изъ Варягъ въ Греки, скоро размножились; придя изъ страны, гдѣ пережитки родового быта были очень значительны, въ страну, гдѣ они были не менѣе сильны, они продолжали владѣть своимъ достояніемъ сообща, всѣмъ родомъ; власть во всей полнотѣ удерживалась князьями и потому еще, что первоначально они все же были завоевателями. И они и ихъ дружинники до XI столѣтія оставались въ значительной степени чужеземцами, стоявшими внѣ подвластнаго имъ общества. Постепенно, по мѣрѣ того какъ князья и ихъ дружина ославянивалась, государство ими основанное пріобрѣтало черты внутренняго единства; однако, въ государствѣ Владиміра Святого, Ярослава и Владиміра Мономаха оставалось еще много чертъ—пережитковъ болѣе ранняго времени. Одной изъ такихъ чертъ слѣдуетъ считать сохраненіе въ рукахъ каждаго князя—вотчича русской земли всей полноты власти; какъ потомокъ завоевателей, онъ былъ воинъ, который съ дружиной своей собиралъ дань съ подвластнаго населенія, защищая его въ то же время отъ внѣшнихъ враговъ; наслѣдникъ и когда-то конкуррентъ крупныхъ туземныхъ купцовъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ нити внутренней и иноземной торговли; будучи въ одно и то же время представителемъ родового начала и начала порабощенія, онъ являлся всѣми признаннымъ и единственнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ судьею въ принадлежащей ему землѣ, волости или княженіи. Такъ сложный процессъ происхожденія древнѣйшаго русскаго государства привелъ къ возникновенію нѣкоторыхъ чертъ власти древняго русскаго князя, не только устойчиво сохранявшихся за все время существованія Кіевскаго государства, но и перешедшихъ въ послѣдующія историческія эпохи.

Древне-русскій князь былъ правителемъ и судьей въ одно и то же время, и не было въ древней Руси никакого другого органа, который бы обладалъ независимой отъ князя властью. Оставаясь единственнымъ источникомъ власти вообще, князь могъ передать ее другому лицу, делегировать ее. Это происходило двоякимъ образомъ. Отъ него зависѣло дарованіе извѣстнымъ лицамъ или извѣстной мѣстности, такъ называемаго иммунитета, исключенія изъ общей подсудности своей власти; съ другой стороны, при всей элементарности правительственныхъ функцій древне русскаго князя, онъ фактически не могъ осуществлять свою власть одною своею личностью: отсюда вытекала необходимость въ органахъ подчиненнаго управленія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы наблюдаемъ одну общую черту: кто бы ни получалъ жалованную грамоту, даровавшую политическія льготы, власть отчуждалась въ полномъ объемѣ: монастырь, церковь или бояринъ получали и управленіе и право суда и сборъ податей,

судъ не выдѣлялся изъ другихъ сторонъ власти, не разсматривался какъ нѣчто самостоятельное и отдѣльное. То же самое можно сказать о княжескихъ посадникахъ и тіунахъ, какъ назывались органы управленія, подчиненные князю, его помощники и сподвижники. Поставленные во главѣ извѣстной части княжескихъ владѣній, они были въ одно и то же время и администраторами и судьями. Само населеніе не находило въ этомъ ничего удивительнаго; это было явленіемъ привычнымъ и понятнымъ для всѣхъ; въ умахъ населенія устанавливалась лишь особая тѣсная нравственная связь между княземъ съ одной стороны, его тіуномъ или посадникомъ съ другой. Недовольное правленіемъ Всеволода Ольговича населеніе Кіева и Вышгорода нераздѣльно съ княземъ обвиняетъ его тіуновъ Ратшу и Тудора. Въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ ярко проводится мысль о нравственной солидарности князя и его тіуна: если князь будетъ въ раю, то блаженство его раздѣлитъ и его тіунъ; если князь попадетъ въ адъ, то и тіунъ его будетъ съ нимъ. Русская Правда знаетъ и другихъ княжескихъ слугъ и притомъ такихъ, которые имѣютъ нѣкоторое спеціальное судебное значеніе. Однако, среди упоминаемыхъ въ нашемъ древнѣйшемъ кодексѣ вирниковъ, дѣтскихъ, отроковъ и т. д. мы бы напрасно стали искать судью съ независимой властью.

Когда въ XIII—XIV столѣтіяхъ измѣнился составъ русскихъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ прежній подвижной князь-вотчичъ русскаго юга превратился на сѣверѣ въ князя-вотчинника, сельскаго хозяина, власть князя съ разсматриваемой нами стороны осталась безъ всякихъ перемѣнъ. Князь продолжалъ быть судьей и сборщикомъ дани и универсальнымъ администраторомъ своего княженія—вотчины; такими же правителями съ неограниченной исполнительной и судебной властью были и княжескіе бояре введенные. намѣстники и волостели; населеніе вотчины ни правъ ни самостоятельнаго голоса не имѣло. Очень характерны въ этомъ отношеніи явленія, связанныя со временемъ образованія Московскаго царства при Иванѣ III и его двухъ преемникахъ. Недостатки стараго патріархальнаго управленія давали себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ осложненія государственнаго строя. Намѣстники и волостели слишкомъ мало отдѣляли княжеское отъ своего: управляя и судя населеніе, они слишкомъ склонны были видѣть въ этомъ дѣлѣ только свою собственную выгоду. Правительство XV и XVI столѣтій, которому уже не чужды были идеи государственныя, принимало нѣкоторыя мѣры къ обезпеченію интересовъ населенія отъ злоупотребленій княжескихъ правителей; грамоты уставныя и земскія и оба судебника сохранили намъ слѣды этихъ заботъ. Въ чемъ же они состоятъ? Мы и здѣсь тщетно бы стали искать стараній создать независимую судебную власть, которая бы защищала населеніе отъ произвола администраціи. Гарантіи, какія въ то время были даны населенію, заключались въ привлеченіи представителей населенія къ участію въ судѣ княжескихъ намѣстниковъ и, наконецъ, въ переложеніи на представителей тяглаго населенія всего управленія данной мѣстностью, т.-е. администраціи и суда; въ этомъ новомъ своемъ видѣ мѣстная власть все же въ неприкосно-

венности сохранила свою старую наиболѣе характерную черту—сліяніе суда и администраціи въ одномъ органѣ.

Въ исторіи центральнаго управленія традиціонное сліяніе суда и администраціи еще болѣе замѣтно; внутреннія стороны приказнаго строя остаются безъ измѣненія съ самаго своего основанія до паденія приказовъ при Петрѣ Великомъ. Лицо, состоящее «на приказѣ», исполняетъ одновременно всѣ велѣнія и порученія хозяина безъ различія ихъ свойства. Въ самый расцвѣтъ Московскаго царства существовали территоріальные приказы, вѣдавшіе судомъ и управленіемъ огромныя области, какъ напримѣръ, приказъ Казанскаго Дворца, который управлялъ всѣми дѣлами Поволжья; приказы чисто вѣдомственные, въ родѣ посольскаго, обладали въ то же время и судебной властью надъ всѣми людьми, подчиненными приказу; приказы судные, которыхъ было нѣсколько, и приказъ разбойный вѣдали только нѣкоторыя категоріи судебныхъ дѣлъ и ихъ вѣдомство не обнимало всей территоріи Московскаго царства.

Традиціонное смѣшеніе власти судебной и административной выступило, можетъ быть, особенно ярко въ послѣдней фазѣ развитія мѣстной власти въ допетровское время. Въ XVII столѣтіи общераспространеннымъ органомъ мѣстной власти являются воеводы. Превращеніе этого стариннаго военнаго чина въ гражданскаго правителя стоитъ въ тѣсной связи съ событіями смутнаго времени. Когда зашаталась вся страна, центральное правительство для поддержанія своего авторитета прибѣгло къ средству, къ которому обращались въ подобныхъ случаяхъ правительства всего міра и всѣхъ временъ: оно ввело въ провинціи военное положеніе, чрезвычайную охрану. Въ 1606 г. въ мимолетное царствованіе названнаго царя Дмитрія воеводы были назначены не только въ пограничные города, гдѣ они существовали издавна, но и во всѣ почти внутренніе города; мѣра эта пережила правительство, которое ее измыслило; воеводъ не отмѣнили при Шуйскомъ; органъ чрезвычайной охраны упрочился окончательно при новой династіи, соединивъ въ себѣ, въ соотвѣтствіе своему происхожденію, всѣ виды власти и подчинивъ гражданско-судебное начало началу военно-административному. Воеводамъ подчинился въ числѣ прочихъ и единственный существовавшій въ допетровской Руси органъ власти, въ которомъ можно усмотрѣть нѣкоторое спеціальное судебное значеніе; мы говоримъ о губныхъ старостахъ, которые хотя и не были независимыми судьями древней Руси, но были первоначально созданы для обезпеченія населенію особаго спеціальнаго суда по важнѣйшимъ преступленіямъ. Недостатокъ общественной безопасности былъ всегда однимъ изъ величайшихъ бѣдствій нашей страны. Въ эпоху образованія Московскаго царства, въ туманное, къ сожалѣнію, для насъ время, когда правительство великаго князя Василія Ивановича, правительницы Елены и царя Ивана IV устраивало страну, создавало служилый классъ, приводило въ извѣстность платежныя способности населенія, развивало приказное управленіе и улучшало органы власти, появляются сначала въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, нѣсколько позднѣе въ качествѣ общераспространеннаго учрежденія, особые старосты, выбираемые всѣмъ населеніемъ даннаго округа, непре-

мѣнно изъ числа мѣстныхъ дворянъ, вѣдавшіе во ввѣренныхъ имъ округахъ-губахъ дѣло общественной безопасности. Губныя грамоты, служившія инструкціями для вновь учрежденныхъ старостъ, дозволяли мѣстному населенію преслѣдовать и судить воровъ и разбойниковъ, «свѣстяся между самихъ себя». Такимъ образомъ, первоначально это были спеціальные уголовные судьи, выбираемые населеніемъ и дѣйствовавшіе, въ теоріи по крайней мѣрѣ, независимо отъ намѣстниковъ и волостелей уже потому, что самое возникновеніе губного старосты являлось прямымъ послѣдствіемъ слабости намѣстниковъ,—исконныхъ представителей княжеской власти въ уѣздѣ. Однако съ самаго начала характеръ должности губного старосты сталъ измѣняться и притомъ въ направленіи очень неблагопріятномъ для развитія ея, какъ органа судебной власти. Въ губныхъ старостахъ правительство стало видѣть свой собственный органъ, стало называть ихъ «приказными» людьми, какъ называло назначаемыхъ имъ самимъ агентовъ; бывали случаи, когда имъ поручалось и все управленіе округомъ, что осложняло ихъ судебную власть властью административной; въ XVI столѣтіи губные старосты нерѣдко управляли городами, въ XVII—они иногда замѣняли воеводъ. И спеціальная судебная сфера дѣятельности губныхъ старостъ не оставалась безъ измѣненій. Первоначально имъ были предоставлены только разбойныя дѣла, потомъ также татинныя, въ началѣ XVII вѣка—убійственныя; Уложеніе и вслѣдъ за нимъ Новоуказныя статьи включили въ вѣдомство губныхъ старостъ и другія преступленія: зажигательство, совращеніе въ иную вѣру, насиліе надъ женщинами, непочтеніе къ родителямъ. Внутри своей судебной дѣятельности губные старосты были не только судьями, но и несли различныя полицейскія и финансовыя обязанности; они отбирали имущества преступниковъ въ казну и продавали его, производили взысканія, сбирали пошлины, завѣдовали сборомъ губныхъ податей и т. д. Такъ мало-по-малу дѣятельность губныхъ старостъ изъ судебной превращалась въ судебно-административную. Большое вліяніе на власть губныхъ старостъ оказало позднѣе появленіе воеводъ; взаимныя отношенія обѣихъ должностей иногда не были точно опредѣлены; но воеводы были сильнѣе и поэтому получили перевѣсъ надъ губными старостами; если бывали случаи, когда губные старосты исполняли обязанности воеводъ, то гораздо чаще можно было наблюдать, что воеводы подчиняли себѣ губныхъ старостъ, и такимъ образомъ эти послѣдніе вовсе теряли свою самостоятельность.

Такъ старо-русская жизнь мѣняла единственный институтъ, въ которомъ судебная власть если не была выдѣлена совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ была выдвинута на первый планъ; въ послѣднее время своего существованія губные старосты мало чѣмъ отличались отъ другихъ должностныхъ лицъ Московскаго государства: они были не только судьями, но и въ значительной степени администраторами.

Намъ остается бросить бѣглый взглядъ на русскую область, долгое время жившую особой жизнью и выработавшую иной политическій и гражданскій укладъ, чѣмъ княжеская сѣверо-восточная Русь. Въ городскихъ республикахъ русскаго сѣвера до ихъ поглощенія Москвой кня-

жеская власть почти атрофировалась; однако, и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ какихъ она проявлялась въ XV столѣтіи въ Новгородѣ и Псковѣ при посредствѣ княжескаго намѣстника, княжеская власть сохранила всѣ черты внутренней полноты и единства. Князь оставался и администраторомъ и военнымъ предводителемъ и судьей; помимо княжеской власти въ русскихъ вольныхъ общинахъ существовали другіе имъ однимъ свойственные органы власти—посадникъ и тысяцкій; значеніе дѣйствительнаго органа власти имѣлъ и Новгородскій владыка-архіепископъ; однако, въ Новгородѣ не было ни одного спеціальнаго органа власти судебной. Посадникъ, высшій гражданскій правитель, имѣлъ свою сферу суда; торговый судъ былъ въ рукахъ тысяцкаго; архіепископу, помимо юрисдикціи надъ людьми, ему подвѣдомственными, принадлежало еще очень важное право толкованія и разъясненія законовъ, такъ называемый, «докладъ». Такимъ образомъ, и въ вольныхъ городахъ русскаго сѣвера мы видимъ такое же сліяніе суда съ администраціей, какое мы видѣли въ ранней Кіевской и болѣе поздней Московской Руси. Сліяніе судебной и административной власти, а можетъ быть даже поглощеніе первой со стороны болѣе сильной второй, было правиломъ древне-русской жизни, перешедшимъ въ традицію, въ святости которой никто, кажется, до Петра Великаго не сомнѣвался. Реформаторской дѣятельности великаго русскаго государя принадлежитъ заслуга возбужденія впервые вопроса объ отдѣленіи административной власти отъ власти судебной.

II.

Судебная реформа Петра Великаго. Западно-европейское вліяніе. Принципъ раздѣленія суда и администраціи, положенный въ основу реформы. Причины ея неустойчивости. Новое сліяніе суда и администраціи послѣ Петра.

Судебная реформа Петра Великаго относится къ послѣднему десятилѣтію его царствованія, ко времени расцвѣта его правительственныхъ талантовъ, когда Петръ дѣйствовалъ какъ совершенно сознательный преобразователь государственнаго строя Россіи. Ни въ одной области, можетъ быть, не замѣтно такъ ярко неуклонное развитіе личности самого преобразователя, какъ въ его отношеніи къ вопросамъ государственнаго управленія. Петръ, который въ первое путешествіе свое за границу едва удосужился заглянуть въ англійскій парламентъ, въ послѣднія 10—15 лѣтъ жизни ставилъ себѣ задачей совершенно преобразовать управленіе своей страной на началахъ, которыя признавались за лучшія представителями западно-европейскаго просвѣщенія. XVII и XVIII столѣтія были вѣкомъ раціонализма; Петръ, начавшій свою реформаторскую дѣятельность съ безпорядочной ломки стараго уклада, руководясь утилитарными цѣлями даннаго момента, заканчивалъ ее, проникшись раціоналистическимъ

міросозерцаніемъ, царившимъ на Западѣ. Яркій и лучшій представитель просвѣщеннаго абсолютизма въ русской исторіи, Петръ въ концѣ царствованія боролся со старо-московскими обычаями во имя разума, ведущаго людей къ благу и властно перестраивающаго ихъ жизнь.

Просвѣтительная мысль и раціоналистическая наука западной Европы проникали различными струями въ русло русской жизни; сношенія самого Петра съ Лейбницемъ были одною изъ нихъ; несомнѣнное значеніе имѣло знакомство самого Петра и нѣкоторыхъ его сподвижниковъ,—назовемъ Ѳеоѳана Прокоповича, кн. Д. М. Голицына,—съ сочиненіями Г. Гроція, Пуффендорфа, Гоббса, сказавшееся даже стремленіями распространить ихъ идеи среди русскаго общества; вспомнимъ, наконецъ, о служилыхъ иностранцахъ-прожектерахъ, вродѣ Фика или Любераса, самая служба которыхъ заключалась въ разработкѣ и изготовленіи проектовъ усовершенствованнаго государственнаго управленія. Вмѣстѣ съ другими идеями о государственномъ благоустройствѣ явилась къ намъ съ Запада и мысль о необходимости отдѣлить судъ отъ администраціи. Судебная реформа подготовлялась въ 1717 году, а приводилась въ исполненіе въ 1719 году; она составляла часть общей государственной реформы, проведенной Петромъ въ это время; подобно коллегіямъ и областнымъ учрежденіямъ и внѣшнее устройство Петровскаго суда было заимствовано со Шведскихъ образцовъ. Въ настоящее время можно считать достаточно выясненнымъ вопросъ, почему именно Шведскія учрежденія должны были получить такое предпочтеніе. Петръ полагалъ, прежде всего, что самыя природныя и бытовыя условія Швеціи близко подходятъ къ такимъ же условіямъ Россіи; по своей систематичности и стройности Шведскія государственныя учрежденія не безъ основанія считались одними изъ лучшихъ въ Европѣ. Долговременная война со шведами пробудила къ нимъ особый интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность нѣсколько ближе ознакомиться со Шведскими учрежденіями: была завоевана и прочно занята значительная шведская территорія; въ Россіи находилось много шведскихъ плѣнныхъ, которые могли ознакомить русское общество съ порядками своей родины; съ другой стороны, русскіе плѣнники въ Швеціи могли еще ближе и легче изучить шведскій государственный строй на мѣстѣ его дѣйствія.

Принципъ отдѣленія суда отъ администраціи и непосредственное вліяніе шведскихъ образцовъ ясно замѣтны въ обоихъ проектахъ судебной реформы, которые по порученію Петра были разработаны въ теченіе 1718 года. Первый изъ нихъ принадлежалъ графу А. А. Матвѣеву, первому президенту юстицъ-коллегіи. По этому проекту высшей судебной инстанціей предполагалось сдѣлать юстицъ-коллегію, которая должна была соотвѣтствовать шведскому надворному суду и которую Матвѣевъ соотвѣтственно называетъ «высшимъ надворнымъ судомъ». Слѣдующей инстанціей были «оберъ-ландрихтеры», единоличные судьи, по одному въ каждой губерніи старой русской территоріи и по одному на каждую провинцію Петербургской губерніи; оберъ-ландрихтеры должны были назначаться «изъ знатныхъ и дѣльныхъ царедворцевъ»; при нихъ долженъ былъ состоять секретарь изъ приказныхъ людей. Самая низшая инстанція составля-

лась «городовыми меньшими земскими судами» изъ ландрихтеровъ, подчиненныхъ оберъ-ландрихтерамъ. Изъ экономіи проектъ вводилъ такихъ ландрихтеровъ по одному на 2 уѣзда, отступая отъ шведскаго образца, гдѣ подобнаго рода судья существовалъ въ каждомъ дистриктѣ. Авторомъ другого проекта, представлявшаго бо́льшія отступленія отъ шведскаго образца, былъ извѣстный присяжный сочинитель проектовъ, находившійся на русской службѣ иностранецъ Генрихъ Фикъ. Полагая, что крѣпостное право, при которомъ помѣщикъ имѣетъ судебную власть надъ крестьянами, дѣлаетъ ненужнымъ существованіе низшей шведской инстанціи, Фикъ предлагалъ низшую инстанцію для Россіи учредить прямо въ провинціи въ видѣ коллегіальнаго суда изъ четырехъ или шести ассесоровъ подъ предсѣдательствомъ ландрихтера. Ему были бы подсудны крестьяне лишь по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, а также, но уже по всѣмъ дѣламъ,—жители небольшихъ городовъ, не имѣвшихъ собственныхъ магистратовъ. Второй инстанціей должны были стать коллегіальные надворные суды, которые Фикъ предлагалъ учредить въ нѣсколькихъ большихъ городахъ; во главѣ судебныхъ учрежденій должна была стоять юстицъ-коллегія, какъ органъ, разъясняющій законы и руководящій дѣятельностью низшихъ судебныхъ учрежденій.

Система судебныхъ учрежденій, введенная Петромъ въ 1719 г., сложилась изъ сочетанія обоихъ проектовъ; въ своемъ окончательномъ видѣ она продолжала оставаться близкой къ шведскимъ образцамъ, хотя и была осложнена судебнымъ значеніемъ неизвѣстнаго Швеціи высшаго учрежденія имперіи—Сената. Ее можно свести къ слѣдующей схемѣ. Низшую инстанцію составляли нижніе суды двухъ видовъ—коллегіальные и единоличные; первые, называвшіеся также провинціальными судами, были учреждены въ Москвѣ, Петербургѣ, Смоленскѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Симбирскѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ; въ остальныхъ городахъ находились единоличные трибуналы городовыхъ судей, округъ дѣятельности которыхъ не былъ одинаковымъ, но колебался, состоя изъ одного, двухъ и даже больше уѣздовъ. Надъ этой первой инстанціей стояли надворные суды, учрежденные въ обѣихъ столицахъ и, кромѣ того, въ Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ, Тобольскѣ и Енисейскѣ: для присоединенныхъ Петромъ балтійскихъ провинцій сохраненъ былъ, кромѣ того, гофгерихтъ въ Ригѣ. Надворные суды по образцу самой юстицъ-коллегіи составлялись изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ членовъ. Высшей судебной инстанціей была юстицъ-коллегія; сюда восходили дѣла изъ надворныхъ судовъ въ апелляціонномъ и ревизіонномъ порядкѣ. Въ первое время, до организаціи Петербургскаго надворнаго суда, юстицъ-коллегія служила трибуналомъ первой инстанціи для новой столицы; она оставалась и позднѣе трибуналомъ первой инстанціи для жившихъ въ Петербургѣ иноземцевъ. Но юстицъ-коллегія была еще и центральнымъ органомъ, вѣдавшимъ администрацію судебныхъ учрежденій и въ этомъ соотвѣтствовала нынѣшнему министерству юстиціи. Наконецъ, какъ уже указано выше, надъ всѣми судебными учрежденіями возвышался Сенатъ, которому, какъ высшему

правительствующему учрежденію въ имперіи, принадлежало также и высшее руководство судебной частью и надзоръ за дѣятельностью судовъ; кромѣ того, въ отдѣльныхъ случаяхъ Сенатъ выступалъ въ качествѣ особаго судебнаго трибунала иногда высшей, иногда первой инстанціи. Такъ въ Сенатѣ нерѣдко разбирались преступленія по должности; по особому повелѣнію государя Сенатъ разбиралъ дѣла и въ апелляціонномъ порядкѣ.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ дѣла и посмотримъ, насколько послѣдовательно въ судебныхъ учрежденіяхъ Петра проводилось начало отдѣленія суда отъ администраціи. Оба первоначальныхъ проекта устройства судебной части, составленные Матвѣевымъ и Фикомъ, проводили его вполнѣ послѣдовательно, строя систему учрежденій судебныхъ совершенно отдѣльно отъ учрежденій административныхъ. Тѣхъ же руководящихъ идей держалось на первыхъ порахъ и правительство. Такъ, пока судебныя учрежденія еще не вполнѣ организовались, правительство, вынужденное попрежнему поручать судебныя дѣла административнымъ учрежденіямъ, все же подчеркивало временный характеръ такихъ порученій. 15 января 1719 года сенатъ предписывалъ Московскому губернатору «надъ судьями, не описався въ юстицъ-коллегію, власти не имѣть» и судебныя дѣла, вносимыя къ нему изъ стариннаго судебнаго учрежденія—земскаго приказа, рѣшать лишь «до предбудущаго вновь о всемъ томъ опредѣленія», т.-е. до введенія новыхъ судебныхъ учрежденій. Желаніе выдѣлить судъ изъ области администраціи ясно выражено и въ утвержденныхъ въ 1719 г. инструкціяхъ органамъ администраціи—воеводѣ и земскому комиссару. Имъ «не надлежитъ ссоръ тяжебнаго дѣла между подданными судить, и судьямъ въ расправѣ ихъ помѣшательства чинить». Имъ предписывается «до юстиціи не касаться и въ судѣ участія не принимать». Отношеніе органовъ администраціи къ суду должно выражаться въ предупредительномъ содѣйствіи, постоянной помощи и нѣкоторомъ надзорѣ издалека за дѣятельностью новыхъ учрежденій. «Смертныя» дѣла воевода долженъ «каждое къ своему надлежащему суду отсылать и по учиненному рѣшенію отъ суда къ подобающему и дѣйствительному исполненію въ дѣйство производить», «а что въ надворномъ судѣ не осуждено», о томъ воевода долженъ «припоминать» и «крѣпко смотрѣть, чтобъ земскіе суды по данной инструкціи уѣздный судъ управляли». Въ свою очередь и дошедшіе до насъ проекты инструкцій надворнымъ судамъ, не говоря прямо о томъ, что судъ дѣйствуетъ независимо отъ органовъ администраціи, всецѣло проникнуты новымъ для русской жизни духомъ самостоятельности суда.

Такія воззрѣнія на судебную часть оказали ощутительное вліяніе и на самую систему Петровскихъ судебныхъ учрежденій; судебное дѣло было выдѣлено въ особое вѣдомство, двѣ низшихъ инстанціи котораго, независимыя ни отъ какого органа администраціи, являлись и по своей внутренней дѣятельности учрежденіями исключительно судебными. Внимательное отношеніе къ вопросу объ освобожденіи русскаго суда отъ вѣкового сліянія его съ органами управленія, и настойчивое стараніе осуще-

ствить такое освобожденіе на дѣлѣ представляютъ самыя интересныя черты судебной реформы Петра, и дѣлаютъ кратковременное существованіе его судебныхъ учрежденій очень важнымъ моментомъ въ исторіи русскаго суда.

Можно положительно утверждать, что не дѣятельность сторонниковъ какихъ-нибудь противоположныхъ взглядовъ, не равнодушіе государя, но болѣе всего сама жизнь сломала Петровскія судебныя учрежденія и надолго заглушила преждевременно проглянувшее на Руси отдѣленіе власти судебной отъ власти административной. Новое положеніе суда было слишкомъ необыкновеннымъ у насъ, оно слишкомъ противорѣчило вѣковымъ порядкамъ и обычаямъ русскаго суда, чтобы сразу безпрепятственно и успѣшно упрочиться въ Россіи. Творцы судебной реформы 1719 г. сами должны были допустить искаженіе проводимыхъ ими принциповъ въ организаціи двухъ высшихъ инстанцій русскаго суда: въ силу стариннаго русскаго обычая, по которому высшая инстанція суда служила судомъ первой инстанціи для той мѣстности, въ которой она находилась, юстицъ-коллегіи былъ приданъ характеръ трибунала первой инстанціи, сначала временно, потомъ окончательно, по отношенію къ Петербургскимъ иностранцамъ. Оставаясь, кромѣ того, инстанціей апелляціонной, юстицъ-коллегія служила въ то же время органомъ высшаго административнаго управленія судебнымъ вѣдомствомъ; съ этимъ, однако, можно было бы помириться, потому что юстицъ-коллегія была какъ бы то ни было органомъ вѣдомственнымъ; къ администраціи общей она отношенія не имѣла. Зато отношеніе сената къ суду и администраціи дѣйствительно искажало заимствованную изъ Швеціи систему судебныхъ учрежденій: правительствующій сенатъ былъ высшимъ административнымъ учрежденіемъ страны; будучи въ то же время органомъ суда, онъ въ разрѣзъ новымъ принципамъ сохранялъ въ себѣ привычное старорусское начало сліянія суда и управленія. Но этого было мало; практика судебныхъ учрежденій въ 1719—1722 гг. обнаружила много новыхъ чертъ, ясно показавшихъ, что провозглашенный реформой принципъ отдѣленія суда отъ администраціи оставался на дѣлѣ мертвой буквой. Уже выше пришлось указать, что воеводская инструкція 1719 года, запрещая воеводѣ вмѣшиваться въ судебныя дѣла, все же оставляла за нимъ право нѣкотораго надзора за судомъ; неопредѣленность этого права послужила не на пользу, а во вредъ дѣлу. Новизна учрежденій, недостаточная точность инструкцій, необходимость назначать на мѣста судей лицъ, выросшихъ и даже состарившихся въ прежнихъ приказныхъ привычкахъ и потому не могшихъ усвоить себѣ мысли о томъ, что судъ и управленіе должны быть раздѣлены, повели на практикѣ къ полной путаницѣ во взаимныхъ отношеніяхъ губернаторовъ и воеводъ съ одной стороны, надворныхъ и низшихъ судовъ съ другой, при чемъ обѣ стороны соревновали въ неисполненіи законовъ вообще и полученныхъ ими спеціальныхъ инструкцій въ особенности. Само населеніе рѣшительно не хотѣло знать, а можетъ быть, просто не понимало раздѣленія функцій между вновь установленными органами власти; являясь къ судьѣ съ дѣлами полицейскаго характера, оно несло свои судебныя дѣла къ вое-

водѣ. Въ особенности часто апеллировали отъ судьи къ воеводѣ, разсматривая послѣдняго, какъ высшую инстанцію надъ судьей; и воеводы, не задумываясь, принимали такія дѣла къ своему производству; такъ однодворцы Тульскаго уѣзда Дьяковы подали Тульскому воеводѣ жалобу на рѣшеніе Тульскаго судьи по ихъ дѣлу и воевода тотчасъ же потребовалъ это дѣло отъ судьи къ себѣ. Число подобныхъ примѣровъ можно увеличить по желанію. Недостатокъ людей, необходимыхъ для занятія должностей въ новыхъ учрежденіяхъ, порождалъ новыя затрудненія; если не было почему-либо воеводы, то его должность приказывали править судьѣ и обратно. Такъ. въ 1722 г. Юрьево-Польскому судьѣ было предписано управлять Суздальской провинціей, потому что воевода былъ по доносу архіерея отрѣшенъ отъ должности.

Понадобилось немного лѣтъ, чтобы убѣдиться, что новыя судебныя учрежденія не могутъ оправдать возлагавшихся на нихъ надеждъ; дороговизна ихъ содержанія въ свою очередь выдвигала вопросъ о ихъ реорганизаціи. Такая реорганизація и была произведена въ 1722 г.; по ея осуществленіи система судебныхъ учрежденій Петра получила слѣдующій нѣсколько упрощенный видъ. Высшимъ органомъ судебнаго надзора и высшимъ трибуналомъ оставался сенатъ; юстицъ-коллегія такъ же сохраняла свое положеніе, какъ и надворные суды. Зато совершенно иной видъ получила низшая инстанція: мѣсто независимыхъ отъ администраціи коллегіальныхъ судовъ и судей заняли учрежденные въ каждой провинціи «провинціальные судьи», составленные изъ воеводы и одного или нѣсколькихъ ассесоровъ: такимъ образомъ, провинціальный воевода получилъ вновь значеніе судьи и въ его лицѣ судъ опять слился съ администраціей. Правительство Петра само отступило отъ провозглашеннаго имъ принципа.

Наступившая въ 1725 году реакція противъ всей дѣятельности преобразователя рѣзче всего выразилась, быть можетъ, по отношенію къ учрежденіямъ, которыя Петръ съ такимъ большимъ трудомъ создалъ въ послѣднее время своего царствованія. Еще при жизни преобразователя его учрежденія вообще, въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, и судебныя, по мнѣнію многихъ дорогія и мало полезныя, стали уже подвергаться упрощеніямъ и искаженіямъ. Послѣ смерти царя критическое отношеніе къ введенному имъ административному и судебному строю слилось съ тѣмъ общимъ реакціонно-критическимъ настроеніемъ, которое овладѣло людьми, получившими въ свои руки наслѣдіе преобразователя. Рыданія, которыми сопровождались, судя по нагробной рѣчи Ѳеоѳана Прокоповича, похороны Петра, были въ значительной степени напускными; на самомъ дѣлѣ его смерть вызвала вздохъ облегченія правительственныхъ дѣльцовъ, не умѣвшихъ продолжать дѣло Петра и не дорожившихъ его наслѣдіемъ. Въ ближайшіе послѣ смерти Петра годы изъ его реформъ сохранилось то, что считалось необходимымъ для обезпеченія государства отъ внѣшней опасности, и то, что приходилось по вкусу правящимъ сферамъ; такъ, осталась армія, сохранилась Невская столица, сохранился и внѣшній европейскій лоскъ, которымъ русскіе люди второй четверти XVIII вѣка съ трудомъ при-

крывали ветхое московское рубище; наоборотъ все то, что было слишкомъ сложнымъ и дорогимъ и вдобавокъ не считалось особенно полезнымъ, уничтожалось не только безъ сожалѣнія, но, можетъ быть, и со злорадным чувствомъ людей, переставшихъ бояться Петровской дубинки; заброшенъ былъ флотъ, искажены были окончательно учрежденія, погибли и тѣ судебныя учрежденія, въ которыхъ даже послѣ измѣненій 1722 г. продолжало сохраняться нѣкоторое отдѣленіе суда отъ администраціи. Съ реакціонными тенденціями правящихъ круговъ послѣ Петровской эпохи совпало и общее настроеніе русскаго общества того времени; выведенное изъ состоянія равновѣсія кипучею дѣятельностью царя-преобразователя, оно безсознательно, можетъ быть, но сильно стремилось къ старому привычному для него строю не только въ сферѣ чисто бытовой, но также въ отношеніяхъ своихъ къ своимъ сочленамъ и къ государству.

Высшія судебныя инстанціи были, какъ мы знаемъ, еще при Петрѣ устроены примѣнительно къ русской жизни; сенатъ и юстицъ-коллегія съ самаго начала были не только судебными, но и административными учрежденіями; въ 1722 году въ низшей инстанціи суда были смѣшаны оба враждующія начала; въ 1726—7 годахъ пробилъ часъ и для надворныхъ судовъ. Такъ какъ организація высшаго суда оставалась почти безъ измѣненій до Екатерининскаго времени, и такъ какъ власть судебная и административная были нераздѣльно слиты въ дѣятельности юстицъ-коллегіи и сената до второй половины столѣтія, то въ ближайшемъ изложеніи намъ придется обратить преимущественное вліяніе на организацію, которую мѣстный судъ получилъ послѣ уничтоженія петровскихъ надворныхъ судовъ.

Упраздненіе надворныхъ судовъ стоитъ въ непосредственной связи съ общей областной реформой, подготовлявшейся въ 1726 году и проведенной указами 15 іюля 1726 года, 24 февраля и 15 марта 1727 года. Указанное выше общее сознаніе безполезности и дороговизны Петровскихъ областныхъ учрежденій и реакціонное настроеніе, заставлявшее идеализовать старо-московскіе порядки, привело къ тому, что все областное управленіе послѣ-петровскаго времени приняло обликъ очень похожій на областной строй XVII столѣтія, съ тою только разницей, что вмѣсто двухстепеннаго областного дѣленія,—уѣзда и округа—разряда,—установившагося при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ, сохраняется сложившееся при Петрѣ дѣленіе трехстепенное—губернія, провинція и уѣздъ; губернаторы и воеводы, поставленные при Петрѣ во главѣ первыхъ двухъ дѣленій, остаются послѣ указовъ 1727 года; однако, теперь это—единоличные правители, въ рукахъ которыхъ сосредоточена вся мѣстная власть въ ея совокушности. Такой же единоличный правитель появляется и во главѣ низшаго дѣленія, уѣзда, который вновь получаетъ свое прежнее значеніе, нарушенное было реформой Петра. Въ первое время, впрочемъ, не знали какое дать ему названіе; однако, еще въ 1726 году въ уѣздные города повелѣно было опредѣлить «воеводъ, разсуждая первое, что воеводскій чинъ уѣзднымъ людямъ во отправленіи всякихъ дѣлъ можетъ быть страшнѣе;

второе, что и по прежнему обыкновенію въ городахъ, которые приписаны были къ большимъ, въ тѣхъ бывали воеводы жъ». Такъ «воеводскій чинъ» вновь появляется на цѣлые полвѣка въ древнихъ русскихъ уѣздахъ, сохраняясь въ то же время и въ провинціяхъ. Въ разсужденіяхъ правительственныхъ дѣятелей 1720-хъ годовъ по поводу областной реформы мы находимъ и другія не менѣе краснорѣчивыя апологіи объединенію всей совокупности мѣстной власти въ однѣхъ рукахъ: «кажется, крестьянству ничто такъ не чувствительно, какъ разныя имъ команды, а ни одного опекуна, какъ бывали прежде воеводы, нѣтъ. Подлый мужикъ не вѣдаетъ, кто у нихъ большой, всѣхъ боится, отъ всѣхъ, увидя, въ лѣсъ бѣжитъ, прячется или откупается. Напротивъ того, если бъ одинъ въ провинціи главный командиръ былъ, то всѣ его суды будутъ»...

Съ объединеніемъ власти на мѣстахъ въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, надворные суды сдѣлались совершенно ненужными; они и были упразднены тѣми самыми указами 24 февраля и 15 марта 1727 года, которые вводили воеводское управленіе въ уѣздахъ. Въ концѣ мая того же года послѣдовалъ новый указъ, установившій порядокъ ликвидаціи надворныхъ судовъ: съ прекращеніемъ ихъ дѣйствія, всѣ дѣла изъ Петербургскаго надворнаго суда было приказано передать въ юстицъ-коллегію, которая, такимъ образомъ, вновь пріобрѣтала значеніе суда первой инстанціи Петербургской губерніи; изъ прочихъ судовъ дѣла повелѣно было разослать «съ служительми» въ губернскія, провинціальныя и уѣздныя воеводскія канцеляріи, которыя дѣйствовали на территоріи прежняго надворнаго суда. Наличную казну, находившуюся въ надворныхъ судахъ, приказано было «отдать всю въ рентерею», а подъячихъ, которые были у приходу и расходу,—отослать къ губернаторамъ.

Такъ закончилась первая въ нашей исторіи попытка отдѣлить судебную власть отъ административной: западно-европейскія идеи разбились о русскую жизнь. Вслѣдъ за описанными сейчасъ мѣропріятіями, въ сферѣ интересующаго насъ вопроса настаетъ вновь почти полувѣковой періодъ полнаго сліянія администраціи и суда, закончившійся только съ реформами Екатерины II.

Новыя учрежденія, занявшія мѣсто Петровскихъ, имѣли, подобно своимъ предшественникамъ, особыя законоположенія, которыя даны были въ руководство ихъ дѣятельности; самымъ важнымъ изъ такихъ законоположеній является наказъ 12 сентября 1728 года. Точныхъ предѣловъ судебной власти губернаторовъ и воеводъ наказъ 1728 года не устанавливаетъ; это, можетъ быть, сочтено было излишнимъ, такъ какъ наказъ передавалъ областнымъ властямъ всѣ судныя и розыскныя дѣла въ ихъ совокупности. Кромѣ того, наказъ 1728 года особенно оговаривалъ, что губернаторамъ и воеводамъ во всѣхъ отношеніяхъ подсудно населеніе монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ, а въ дѣлахъ татинныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ также и населеніе посадовъ и дворцовыхъ земель. Особое вниманіе обращено въ наказѣ на розыскъ и уголовный судъ надъ пойманными разбойниками, которые, совершенно такъ же, какъ въ эпоху учрежденія губныхъ старостъ, продолжали наводнять страну. Права областныхъ властей

по части судопроизводства изложены въ наказѣ очень коротко; устанавливаются лишь нѣкоторыя правила при призывѣ къ суду. Правила эти, по существу, не отличаются отъ порядковъ, принятыхъ въ древнемъ русскомъ судѣ. Зная насилія и злоупотребленія, какія встрѣчались на практикѣ при арестѣ подсудимыхъ, наказъ предписываетъ арестовывать только тѣхъ «до кого дѣло есть»; если же такихъ лицъ не окажется на мѣстѣ, то опять-таки, зная, какъ часто были уклоненія отъ суда, наказъ повелѣваетъ въ качествѣ поручителей брать приказчиковъ, старостъ и выборныхъ даннаго селенія, а за отсутствіемъ таковыхъ, разрѣшается подвергать аресту даже самихъ помѣщиковъ. Наказъ опредѣленно устанавливаетъ предѣлы судебной власти губернаторовъ и воеводъ только относительно двухъ вопросовъ: онъ точно формулируетъ право различныхъ областныхъ властей постановлять смертные приговоры, и приговоры въ каторжныя работы и не менѣе точно устанавливаетъ порядокъ апелляціи. «Воеводамъ экзекуцій отнюдь не чинить, но ежели за вину кто будетъ достоинъ на галеру или къ смертной казни», то воеводы приговоръ отсылаютъ на утвержденіе губернаторамъ, которымъ единственно принадлежитъ право постановлять смертные приговоры и отправлять виновныхъ на каторгу.

Устанавливая три ступени областной администраціи, законодательство наслѣдниковъ Петра различало въ нихъ только двѣ судебныхъ инстанціи: съ одной стороны—воеводъ, съ другой—губернаторовъ. По наказу въ судебномъ отношеніи провинціальный и городовой воевода были равны; губернаторъ для нихъ обоихъ являлся единственной апелляціонной инстанціей; лишь въ томъ случаѣ, если губернскій центръ былъ очень удаленъ, провинціальному воеводѣ предоставлялось принимать жалобы на проволочки, чинимыя городовыми воеводами въ судебныхъ дѣлахъ, и «понуждать ихъ въ рѣшеніи дѣла на срокъ».

Съ проведеніемъ въ жизнь областной реформы наслѣдниковъ Петра общая система русскихъ судебныхъ учрежденій можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. Всѣ три ступени общей областной іерархіи были первой инстанціей по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ; всѣмъ имъ принадлежало также право полицейскаго суда. Во всѣхъ уголовныхъ судахъ губернаторы и воеводы судили всякаго, независимо отъ его сословнаго происхожденія съ тѣмъ, однако, довольно существеннымъ исключеніемъ, что офицеры и солдаты гвардіи, находившіеся на дѣйствительной службѣ, по всѣмъ истцовымъ и розыскнымъ дѣламъ были вѣдомы съ 1727 года въ юстицъ-коллегіи. Судъ гражданскій также принадлежалъ всѣмъ тремъ ступенямъ областного управленія, но съ нѣкоторыми ограниченіями сословнаго характера: такъ судъ между купечествомъ въ первой инстанціи принадлежалъ ратушамъ, позднѣе магистратамъ, т.-е. былъ сословнымъ; судъ между дворцовыми крестьянами принадлежалъ дворцовой канцеляріи; крестьяне вотчинъ духовныхъ учрежденій были вѣдомы ихъ управителями въ дѣлахъ гражданскаго и мирового суда; само собою разумѣется, что въ спорахъ владѣльческихъ крестьянъ немаловажное значеніе имѣлъ вотчинный судъ помѣщиковъ. Исключеніемъ изъ этого общаго распорядка было устройство суда въ обѣихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ окраинныхъ

областяхъ; не останавливаясь на такихъ исключеніяхъ болѣе подробно, отмѣтимъ лишь, что вездѣ безъ исключенія сліяніе суда съ администраціей было полное; сѣмена, брошенныя Петровской реформой, были истреблены безъ остатка. Взаимное отношеніе трехъ степеней областного управленія въ отношеніи апелляціонномъ уже въ достаточной степени опредѣлялось наказомъ 1728 года; къ сказанному выше надо добавить еще слѣдующее: областныя учрежденія всѣхъ трехъ степеней были апелляціонной инстанціей на судъ ратушъ, а позднѣе магистратовъ: «если въ ратушѣ какое дѣло будетъ рѣшено неправо, то на бурмистровъ челобитныя принимать и неправо вершенныя дѣла для разсмотрѣнія брать и вершить по Уложенію и по указамъ, въ губерніи губернаторамъ, а въ городахъ воеводамъ». Третьей судебной инстанціей, принимавшей жалобы на судъ губернскихъ канцелярій, была юстицъ-коллегія, которая, какъ уже не разъ отмѣчалось, была трибуналомъ первой инстанціи для офицеровъ гвардіи, для иноземцевъ, а до конца 30-хъ годовъ, когда были учреждены особыя областныя учрежденія Петербургской губерніи, также и для всѣхъ обывателей столицы и ея окрестностей. Четвертой и самой высшей судебной инстанціей оставался, какъ и при Петрѣ, Сентъ, судебное значеніе котораго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, не затушевывалось ни верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, ни кабинетомъ Анны Іоанновны.

III.

Мысли о реформѣ суда и администраціи въ XVIII столѣтіи. Неподготовленность общества къ мысли о раздѣленіи судебной и административной власти. Западно-европейскія просвѣтительныя идеи и ихъ вліяніе на немногочисленныхъ сторонниковъ раздѣленія при Екатеринѣ II. Частичное отдѣленіе суда отъ администраціи по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г. Реформа сената въ 1802 г. Наказъ губернаторамъ 1837 года.

Областное управленіе 1727—1775 годовъ не явилось результатомъ хорошо обдуманной и отвѣчавшей всѣмъ запросамъ своего времени реформой. Это было окончательное упрощеніе учрежденій Петровскихъ, произведенное людьми, поставившими себѣ задачей удешевить судъ и управленіе и при этомъ съ симпатіей, а можетъ быть и нѣкоторой долей сентиментальности, оглядывавшимися на Московскую старину. Учрежденія 1727 года были слишкомъ просты и элементарны, чтобы не вызвать критики и возраженій и когда они начали дѣйствовать, то почти тотчасъ послышались голоса, указывавшіе на ихъ неудовлетворительность и на необходимость ихъ измѣненія и усовершенствованія. Уже въ 30-хъ годахъ нѣкоторые изъ наиболѣе дѣятельныхъ и дальновидныхъ губернаторовъ указывали на неудовлетворительное положеніе мѣстнаго управленія; вопросъ о коренныхъ измѣненіяхъ во внутреннемъ управленіи имперіей не разъ

поднимался и при Елизаветѣ Петровнѣ; въ 40-хъ годахъ мечтали о коренной реформѣ всѣхъ учрежденій, начиная съ сената; въ 50-хъ—настойчиво обсуждали преобразованіе областныхъ учрежденій. Въ 60-хъ годахъ голоса, указывающіе на необходимость измѣнить внутреннее управленіе имперіей, дѣлаются особенно многочисленными; наказы, поданные въ комиссію 1767 года, были той отдушиной, чрезъ которую донеслись до насъ отзвуки тогдашняго общественнаго мнѣнія по этому вопросу. Среди разсужденій объ управленіи вообще видное мѣсто занимаютъ мнѣнія, касающіяся суда, и проекты его переустройства. Возьмемъ ли мы наказы дворянъ, городского населенія, или даже крестьянъ, мы почти вездѣ встрѣтимъ просьбы о дарованіи новаго суда, болѣе близкаго къ населенію, болѣе милостиваго; но ошибется тотъ, кто подумаетъ, что русскіе люди второй половины XVIII вѣка мечтали о судѣ общемъ и равномъ для всѣхъ, о судѣ независимомъ и свободномъ отъ давленія сильныхъ правителей. Русская общественная жизнь XVIII столѣтія была жизнью преимущественно сословной; въ своихъ интересахъ русскія сословія, отгороженныя одно отъ другого законодательствомъ, разошлись очень далеко; не объ общихъ судебныхъ гарантіяхъ для мирнаго обывателя говорятъ ихъ представители, а о томъ, какъ бы обезпечить превосходство первенствующаго сословія надъ остальными, или какъ бы оградить болѣе слабыя сословныя группы отъ злоупотребленій и захватовъ дворянства; если подвести итоги мнѣніямъ о судѣ, встрѣчающимся въ наказѣ, то можно подумать, что каждая группа, отъ лица которой представляется наказъ, думаетъ только о томъ, какъ бы пріобрѣсти въ сословномъ судѣ такой органъ, который далъ бы сословію, къ которому она принадлежитъ, возможность успѣшно обороняться отъ другихъ сословій, а если можно, то и съ успѣхомъ нападать на нихъ.

Но если общество въ широкомъ смыслѣ не обнаруживало желанія имѣть общій независимый судъ, если оно не доросло до этой идеи, то можетъ быть болѣе подготовлены къ ней были представители тогдашней администраціи? И здѣсь мы обречены на горькое разочарованіе. Въ февралѣ 1767 года, какъ-разъ въ разгаръ работъ Уложенной комиссіи, четыре губернатора: Воронежскій —ген.-маіоръ Масловъ, Астраханскій — ген.-маіоръ Бекетовъ, Слободско-Украинскій—бригадиръ Щербининъ и Казанскій—церемоніймейстеръ Квашнинъ-Самаринъ, собравшись въ Москвѣ, «трактовали пункты», которые и были представлены императрицѣ въ видѣ особой записки. Въ запискѣ обращаетъ на себя вниманіе недовольство губернаторовъ слишкомъ узкими предѣлами ихъ власти, несовмѣстимыми съ положеніемъ «хозяина и опекуна», въ которое только-что поставило губернаторовъ изданное Екатериной II наставленіе 1764 года. «Во время объѣзда губернатора по своей губерніи, бываютъ къ нему тѣхъ мѣстъ отъ обывателей просьбы въ разныхъ наглостяхъ и обидахъ другъ на друга». Несмотря на то, что дѣла по такимъ жалобамъ могли бы быть «разобраны въ то самое время, по кратчайшему разбирательству», губернаторы принуждены ихъ оставлять «безъ точнаго рѣшенія, понеже во всѣхъ таковыхъ дѣлахъ узаконено производить судъ по формѣ», т.-е. съ извѣстными гарантіями и формальностями, безъ соблюденія которыхъ онъ «не властенъ

такихъ нахальныхъ обидъ тогда же прекращать». Результаты такого положенія дѣла сказываются, по словамъ авторовъ, очень скоро: губернаторъ «безплодно изъ того мѣста въ другое отъѣзжаетъ», а «нахальники остаются безъ всякаго отъ губернаторскаго объѣзда страха». Желая, «чтобы прямо могъ назваться губернаторъ хозяиномъ своей губерніи и объѣздъ его всѣмъ нахальнымъ обидчикамъ устрашеніемъ былъ», составители записки мечтаютъ о такомъ порядкѣ вещей, при которомъ губернаторъ, во время объѣзда губерніи, пользовался бы диктаторскими полномочіями, и могъ бы обходиться безъ всякихъ судебныхъ формальностей, а съ другой стороны произвольно бы распоряжался судьбою всѣхъ подчиненныхъ ему чиновниковъ. Записка требуетъ, чтобы вмѣсто судебнаго разбирательства губернатору дана была «власть въ проѣздъ его разбирать и рѣшать всякаго званія людей просьбы кратчайшимъ средствомъ, какихъ онъ самъ по состоянію тогдашняго случая за благо обрящетъ»; все дѣлопроизводство при этомъ должно ограничиться «журнальною запискою», т.-е. протоколомъ, излагающимъ распоряженіе губернаторовъ: это даже не смѣшеніе суда съ администраціей, а полная отмѣна перваго подъ предлогомъ неудобствъ издавна непопулярнаго суда по формѣ. Не доходитъ до мысли объ отдѣленіи суда отъ администраціи и лучшій, безспорно, изъ Екатерининскихъ администраторовъ ранняго времени, Новгородскій губернаторъ Сиверсъ, признававшійся императрицѣ, что испытываетъ большія затрудненія въ своей судебной дѣятельности. Въ своихъ изящныхъ французскихъ донесеніяхъ, Сиверсъ писалъ, что проволочка въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ происходитъ помимо его воли, или же, что онъ, наоборотъ, разбираетъ дѣла слишкомъ поспѣшно, потому что у него нѣтъ времени, чтобы въ нихъ вдуматься и углубиться. Выходомъ изъ положенія было бы, по мнѣнію Сиверса, скорѣйшее по возможности изданіе новаго болѣе полнаго и отвѣчающаго современнымъ требованіямъ уложенія; объ этомъ онъ пишетъ еще задолго до того, когда собрана была комиссія 1767 года. «Новгородская область по справедливости носитъ названіе Нормандіи; она болѣе, чѣмъ какая-либо другая, нуждается въ новомъ уложеніи, при помощи котораго было бы возможно сократить процессы. Крючкотворство настолько развито здѣсь, что нѣтъ возможности добиться окончанія судебнаго дѣла. Осмѣливаюсь броситься къ ногамъ Вашего Величества, умоляя объ ускореніи работъ надъ новымъ Уложеніемъ». И здѣсь—на первомъ планѣ стараніе облегчить дѣятельность губернаторовъ, а не забота о переустройствѣ самого суда на новыхъ и болѣе совершенныхъ основаніяхъ.

Итакъ, въ началѣ царствованія Екатерины ни русское общество, ни бюрократія, въ лицѣ ея видныхъ и даже самыхъ лучшихъ представителей, не были сторонниками возобновленія Петровской попытки отдѣлить судъ отъ администраціи, а между тѣмъ изданное Екатериной 7 ноября 1775 г. учрежденіе для управленія губерніей, хотя далеко не въ полной мѣрѣ, но все же отразило въ себѣ тѣ самыя идеи, которыя уже промелькнули полвѣка назадъ въ Петровской судебной реформѣ 1719 года. Какимъ путемъ проникли вновь въ русскую жизнь идеи о взаимныхъ отношеніяхъ администраціи и суда, прочно установившіяся въ западно-европейской просвѣти-

тельной литературѣ? Пути эти намѣчаются легко. Хорошо извѣстно подъ какими литературными вліяніями составляла императрица Екатерина свой знаменитый Наказъ. Идеи, разсыпанныя въ блестящемъ трактатѣ Монтескье, въ не менѣе знаменитомъ, можетъ быть, сочиненіи Беккаріа, какъ въ фокусѣ собраны въ Наказѣ. Говоря такъ, я далекъ отъ мысли переоцѣнивать практическое значеніе Наказа; для большинства тѣхъ, для кого онъ предназначался, т.-е. для большой половины членовъ комиссіи, онъ остался непонятной тарабарской грамотой, какъ и всѣ тѣ идеи, которыя въ немъ проповѣдывались. Сама императрица допустила въ своей дѣятельности слишкомъ много компромиссовъ, чтобы можно было счесть Наказъ за ея дѣйствительную политическую программу. Но Екатерина несомнѣнно высоко ставила и раздѣляла, особенно въ молодости, политическія идеи западно-европейскихъ философовъ и публицистовъ и, поскольку она могла по условіямъ русской дѣйствительности и своего личнаго положенія допустить осуществленіе этихъ идей въ русской жизни, она не прочь была это сдѣлать; она и сдѣлала это въ самомъ интересномъ памятникѣ своего законодательства—въ учрежденіи о губерніяхъ. Вотъ въ какомъ отношеніи Наказъ можетъ указать намъ путь, которымъ западно-европейскія просвѣтительныя идеи достигли «учрежденія объ управленіи губерній».

Но Екатерина работала не совсѣмъ одна; у нея были помощники, помогавшіе ей въ ея законодательной работѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, несомнѣнно, раздѣляли идеи, изложенныя въ Наказѣ. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ большой интересъ записка «О учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской имперіи», составленная Семеномъ Десницкимъ, профессоромъ Московскаго университета, дѣятельнымъ участникомъ работъ уложенной комиссіи и возможнымъ участникомъ составленія самаго Наказа. Записка эта, убѣждающая, что среди сподвижниковъ императрицы были отдѣльныя лица, искренно проникнутыя мыслью о необходимости раздѣлить судебную и административную власть, еще яснѣе показываетъ, какимъ образомъ западно-европейскія идеи могли, послѣ пятидесятилѣтняго перерыва, вновь отразиться на устройствѣ судебной части въ Россіи.

«Законы дѣлать,—начинаетъ свою записку Десницкій,—судить по законамъ и производить судъ во исполненіе, сіи три должности составляютъ три власти: законодательную, судительную и наказательную (т.-е. исполнительную), отъ которыхъ властей зависятъ всѣ почти чиноположенія и все главное правленіе въ государствахъ. Слѣдовательно, учрежденіе сихъ властей должно составлять у позванныхъ на такое дѣло подданныхъ первый разсужденія предметъ». Цѣль и характеръ записки опредѣляются самимъ авторомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «многіе политическіе авторы, а особенно баронъ де-Монтескью (sic!) въ своемъ сочиненіи Sur l'Esprit des Loix (sic!) писалъ о сихъ трехъ властяхъ, какъ оныя по теченію своихъ дѣлъ учреждены были въ разныхъ государствахъ. Въ семъ планѣ я старался, по крайнему разумѣнію, приноровить учрежденіе такихъ властей нынѣшнему возвышающемуся Россійскому монаршескому состоянію». Власть «судительная» или судебная должна быть совершенно

независимой и состоять изъ десяти трибуналовъ, расположенныхъ въ столицахъ и въ важнѣйшихъ городахъ имперіи; каждый трибуналъ долженъ состоять изъ 12 членовъ—одного генералъ-адвоката, «котораго должность будетъ присутствовать въ судѣ криминальномъ и тяжебномъ, чтобъ въ тонкость все по указамъ чинимо было», и 11 судей криминальныхъ и тяжебныхъ дѣлъ, т.-е. уголовныхъ и гражданскихъ. Судьи должны имѣть спеціальное образованіе; главнымъ условіемъ успѣшной дѣятельности судьи авторъ записки считаетъ его несмѣняемость и полную независимость, «чтобъ судья, однажды сдѣланъ, по самую смерть судьею и при своей должности пребывалъ завсегда, и чтобъ притомъ ему полная власть дана была судить всякаго безъ изъятія такъ, что и апелляцій на него дѣлать некому бъ не дозволялось, развѣ въ случаѣ, когда онъ явно противъ закона кого осудитъ». Самостоятельность судей обезпечивается также достаточнымъ жалованьемъ, которое Десницкій предлагаетъ установить въ 2000—2600 рублей въ годъ, что по тогдашнимъ понятіямъ было не малой цифрой. Власть «наказательная» или исполнительная должна быть въ большей зависимости отъ законодательной и судебной, нежели эти послѣднія отъ нея.

Мы можемъ теперь сказать, что въ эпоху, когда разрабатывалось и подготовлялось учрежденіе о губерніяхъ, въ правительственныхъ сферахъ и въ наиболѣе вліятельныхъ бюрократическихъ и общественныхъ кругахъ господствовали два теченія мыслей объ устройствѣ русскаго суда и управленіи въ Россіи: желаніе организовать ихъ на основѣ правильнаго раздѣленія властей, чего хотѣла императрица и немногіе изъ ея окружавшихъ или работавшихъ по ея порученію, и стремленіе къ суду сословному, раздѣляемое большинствомъ представителей всесильнаго въ то время дворянства. Чтобы, однако, дать себѣ отчетъ во всей совокупности идейныхъ вліяній, сказавшихся на учрежденіи, надо также учесть нѣкоторыя дѣйствія Екатерины въ области внутренняго управленія, относящіяся къ первымъ годамъ ея царствованія, въ частности уже упомянутое ея наставленіе губернаторамъ, изданное 21 апрѣля 1764 года. Въ наставленіи этомъ красной чертой проводится одна мысль: губернаторъ—старшая ступень областной администраціи; онъ—представитель государя на мѣстѣ, онъ не обыкновенный чиновникъ, котораго можно смѣнить, наказать, къ которому обращаются съ рѣзкими отповѣдями и выговорами, но хозяинъ и опекунъ ввѣренной ему губерніи; коротко говоря, губернаторъ по наставленію 1764 г. есть уже тотъ «главнокомандующій въ отсутствіи Императорскаго Величества», котораго учрежденіе поставило во главѣ губерніи—намѣстничества.

Устройство судебной части по учрежденію о губерніяхъ, къ которому мы должны теперь перейти, и представляетъ собою компромиссъ между стремленіемъ отдѣлить судъ отъ администраціи, создать отдѣльный судъ для каждаго сословія и сдѣлать изъ начальника губерніи око и ухо государя, надзоръ и власть котораго одинаково распространяются на всѣ стороны мѣстной жизни. По внѣшнему виду судебная власть была организована какъ будто совершенно самостоятельно. Какъ общее правило, были установлены двѣ судебныхъ инстанціи, низшая въ уѣздѣ, высшая

въ губернскомъ городѣ; въ нихъ членами были выборные представители мѣстнаго общества; предсѣдатели верхнихъ земскихъ судовъ избирались сенатомъ. Въ губернскомъ городѣ находились, кромѣ того, два особыхъ трибунала третьей инстанціи—палаты гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ; и та и другая состояли изъ одного предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и двухъ асессоровъ. Всѣ они избирались сенатомъ, а предсѣдатель, сверхъ того, утверждался верховной властью. Въ «учрежденіи» совершенно точно опредѣлялось положеніе гражданской и уголовной палатъ среди другихъ судебныхъ учрежденій: «палата уголовнаго суда не иное что есть, какъ юстицъ-коллегіи департаментъ», которому поручаются ревизія уголовныхъ дѣлъ, дѣла особой важности, слѣдствіе по должностнымъ преступленіямъ и куда дѣла восходятъ по апелляціи. Палата гражданская, въ свою очередь, приравнивается къ соединенному департаменту юстицъ и вотчинной коллегіи, куда въ апелляціонномъ и ревизіонномъ порядкѣ восходятъ гражданскія дѣла изъ низшихъ трибуналовъ. Такимъ образомъ, обѣ палаты, сдѣлавшись третьей судебной инстанціей, на самомъ дѣлѣ заняли мѣсто юстицъ-коллегіи, упраздненной, какъ и другія коллегіи внутренняго управленія, одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ областныхъ учрежденій. Четвертой и высшей инстанціей оставался попрежнему правительствующій сенатъ. Таковъ былъ внѣшній видъ системы новыхъ судебныхъ учрежденій. Они составляли дѣйствительно особую систему, существовавшую параллельно системѣ административныхъ учрежденій, но отдѣльно отъ нея; если въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ не было проведено начало несмѣняемости судей, то независимость ихъ сужденій до нѣкоторой степени должна была обезпечиваться тѣмъ, что по большей части члены судовъ и палатъ были не назначенные чиновники, а люди выборные. Однако, во внушительномъ зданіи Екатерининскихъ судебныхъ учрежденій было не мало трещинъ и прорѣхъ. Прежде всего судебныя учрежденія за исключеніемъ обѣихъ палатъ не были судомъ единымъ; для каждаго сословія существовалъ свой особый судъ; а въ особыхъ судахъ всесословнаго характера, какими были напримѣръ, суды совѣстные, сословное начало было представлено особыми засѣдателями, избираемыми отъ разныхъ сословій. Въ трибуналахъ сословныхъ нельзя было ожидать, чтобы на первый планъ ставились интересы суда, какъ такового; при разрозненности и даже враждебности русскихъ сословій XVIII вѣка сословный судъ служилъ прежде всего для обезпеченія интересовъ того сословія, для котораго онъ былъ предназначенъ и, такимъ образомъ, если Екатерининскіе суды были формально независимы отъ администраціи, то въ нихъ судебное дѣло смѣшивалось съ мелкой сословной политикой, по большей части дѣлавшей судъ орудіемъ господствовавшей на мѣстахъ дворянской олигархіи. Этого, однако, недостаточно; организація высшаго начальства въ губерніи въ значительной степени сводила на-нѣтъ и ту формальную независимость суда, которую старалось создать «учрежденіе». Главою губерніи былъ «главнокомандующій въ отсутствіе Императорскаго Величества» или, какъ его стали называть съ самаго начала,—намѣстникъ. Учрежденіе неоднократно подчеркиваетъ, что «главнокоман-

дующій не есть судья», что «онъ есть яко хозяинъ своей губерніи, а не судья», но именно это положеніе хозяина своей губерніи, сосредоточеніе въ его рукахъ всѣхъ отраслей власти, проводимое въ учрежденіи еще гораздо яснѣе, нежели въ губернаторскомъ наставленіи 1764 года, даетъ ему право и основаніе вторгаться въ сферу дѣятельности судебныхъ учрежденій. Всѣ судебныя мѣста подчинены ему въ порядкѣ надзора, онъ «оберегатель законовъ, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ»; онъ обязанъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, «обуздывать излишества, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости». Главнокомандующій долженъ вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочатъ; онъ понуждаетъ судебныя мѣста рѣшить дѣло, хотя законъ и запрещаетъ ему вмѣшиваться въ производство онаго. При такой власти безграничной и недостаточно очерченной въ одно и то же время, уже нельзя говорить о самостоятельности судебной власти въ Екатерининскихъ учрежденіяхъ. Но намѣстнику принадлежали и нѣкоторыя опредѣленныя судебныя права, вытекавшія изъ факта подчиненія ему всей мѣстной власти безраздѣльно: такъ онъ утверждалъ приговоры по уголовнымъ дѣламъ; палата уголовнаго суда, получивъ дѣло для ревизіи и приступая къ вершенію его, вносила «оное къ главнокомандующему, дабы повелѣніемъ его въ страхъ злымъ наказанъ былъ преступникъ въ томъ уѣздѣ или городѣ, гдѣ учинилъ злое дѣло». Главнокомандующій былъ предсѣдателемъ губернскаго правленія; и это послѣднее, въ своей текущей дѣятельности соприкасалось съ судебнымъ вѣдомствомъ въ двухъ отношеніяхъ: оно имѣло надзоръ за отправленіемъ правосудія въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ—верхнихъ земскихъ и уѣздныхъ судахъ, магистратахъ и расправахъ; наконецъ, губернское правленіе разрѣшало всѣ, такъ называемыя, безспорныя дѣла, т.-е. такія, гдѣ не было состязанія сторонъ. Послѣ всего сказаннаго едва ли можно думать, что вторая въ нашей исторіи попытка отдѣлить судебную власть отъ административной была удачной. Стремленіе императрицы и немногихъ единомышленниковъ ея водворить въ Россіи мѣстное управленіе по рецептамъ западно-европейской науки потерпѣло при перенесеніи на русскую почву существенныя измѣненія; ихъ осуществленіе было въ лучшемъ случаѣ компромиссомъ, въ которомъ они были принесены въ жертву интересамъ сословій, преимущественно, конечно, дворянскаго, и тенденціямъ, успѣвшимъ укрѣпиться въ русской бюрократіи. Однако, именно этотъ компромиссъ и содѣйствовалъ, можетъ быть, относительному упроченію новыхъ началъ; въ томъ половинчатомъ видѣ, въ какомъ раздѣленіе судебной и административной властей было проведено въ учрежденіи о губерніяхъ, оно успѣшнѣе внѣдрилось въ русскую почву, нежели болѣе радикальная попытка Петра, и просуществовало гораздо долѣе, послуживъ переходомъ для дальнѣйшихъ ступеней этого раздѣленія.

То же начало компромисса можно усмотрѣть и въ исторіи высшаго русскаго суда въ XVIII столѣтіи. Мы не можемъ слѣдить здѣсь за всѣми перипетіями исторіи сената; однако, на одной ея сторонѣ мы не можемъ не остановиться; среди многочисленныхъ перемѣнъ въ значеніи этого пер-

венствующаго учрежденія имперіи въ XVIII столѣтіи неуклонно развивается и крѣпнетъ представленіе о двоякой природѣ сената и необходимости отграничить его административную дѣятельность отъ судебной. Царствованіе Елизаветы Петровны—послѣдняя эпоха, когда оба начала нераздѣльно смѣшаны; воцареніе Екатерины II полагаетъ начало раздѣленію судебной и административной власти сената. Извѣстно, что Екатерина не была сторонницей развитія сената, какъ учрежденія административнаго; раздѣливъ его въ 60-хъ годахъ на департаменты, она уменьшила его значеніе какъ верховной коллегіи, содѣйствовавшей государю въ управленіи. Зато и законодательство Екатерины II и сама жизнь выдвигали сенатъ, какъ учрежденіе судебное; самая губернская реформа 1775 г., сдѣлавъ сенатъ единственной высшей судебной инстанціей для всѣхъ областныхъ учрежденій имперіи, не мало этому способствовала. Однако, Екатерина II, оставившая послѣ себя такой крупный памятникъ въ сферѣ областного управленія, какъ «учрежденіе» 1775 года, не предприняла ничего соотвѣтствующаго для устройства управленія центральнаго; разборъ причинъ этого страннаго на первый взглядъ факта завелъ бы насъ слишкомъ далеко; императрица или медлила организовать высшее управленіе страной на желательныхъ для нея началахъ, или же она не была въ состояніи этого сдѣлать, какъ бы то ни было, отъ коллегій послѣ введенія новыхъ губернскихъ учрежденій остались одни жалкіе остатки, а раздѣленный на департаменты сенатъ походилъ на зданіе, которое собрались было перестраивать, да такъ и оставили не окончивъ половины дѣла.

Приведеніе въ порядокъ центральнаго управленія выпало на долю любимаго внука Екатерины—императора Александра I. Впрочемъ въ дѣлѣ реорганизаціи сената, мѣры, принятыя въ началѣ его царствованія, едва ли можно считать удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса о раздѣленіи административной и судебной власти въ сенатѣ. Положеніе 8 сентября 1802 года, сосредоточивъ остатки административной власти сената въ первомъ его департаментѣ и придавъ исключительно судебный характеръ остальнымъ, создало случайное соединеніе обѣихъ властей въ учрежденіи, связь отдѣльныхъ частей котораго между собою была чисто искусственная. Положеніе 1802 года сохраняло силу до судебной реформы императора Александра II; въ томъ частномъ вопросѣ, который насъ особенно интересуетъ, взаимное отношеніе перваго и остальныхъ департаментовъ сената, созданное положеніемъ 1802 года, сохранилось въ значительной мѣрѣ и до нашего времени; но именно по вопросу о раздѣленіи судебной и административной власти внутри самого сената еще современники реформы 1802 года высказывались отрицательно и указывали на необходимость дальнѣйшихъ преобразованій. Вспомнимъ Сперанскаго и его проектъ окончательнаго раздѣленія сената на два самостоятельныхъ учрежденія—сенатъ правительствующій и сенатъ судебный, отдѣленія котораго должны были быть раскинуты по нѣсколькимъ городамъ имперіи.

Мы можемъ теперь подвести итоги того, что сдѣлала областная реформа Екатерины II и преобразованія первыхъ лѣтъ царствованія Але-

ксандра I для раздѣленія судебной и административной власти въ Россіи. Мѣропріятія 1775 и 1802 года доказываютъ, что мысль о необходимости такого раздѣленія сдѣлала значительные успѣхи со времени Петра Великаго и осуществленіе ея было гораздо болѣе прочнымъ; но осуществленіе это далеко не было полнымъ: раздѣленіе суда и администраціи было приноровлено къ русской жизни, къ сословнымъ интересамъ и къ бюрократическимъ привычкамъ; въ результатѣ такого компромисса великая идея была ослаблена и потускнѣла.

Съ прекращеніемъ реформаторскихъ порывовъ императора Александра I во внутренней жизни русскаго государства наступила полоса застоя, продолжавшаяся до реформъ императора Александра II. Однако, и въ этой полосѣ застоя есть свой моментъ оживленія, совпадающій съ первой половиной царствованія императора Николая I. Въ настоящее время достаточно выяснено, что этотъ государь, вступивъ на престолъ, далеко не былъ ослѣпленъ состояніемъ, въ которомъ находилась его страна. Внутреннія реформы, глубокія и разностороннія, казались ему не менѣе необходимыми, чѣмъ его предшественнику и преемнику, но его характеръ, надменный и недовѣрчивый, и органическая боязнь нарушить установившееся соціальное равновѣсіе парализовали его энергію и заранѣе осуждали всякое его реформаторское начинаніе на безплодіе и неудачу. Комитетъ, учрежденный 6 декабря 1826 года, былъ типичнымъ показателемъ и мѣриломъ преобразовательной дѣятельности Николая I. Онъ долженъ былъ пересмотрѣть, кажется, всѣ стороны русской жизни, и устранить все накопившееся въ ней зло, а кончилъ ничтожнымъ закономъ «о состояніяхъ» 1832 года. Почти безплодные позднѣйшіе комитеты по крестьянскому дѣлу не менѣе убѣдительно свидѣтельствуютъ о такой же безпомощности и боязни сдѣлать шагъ впередъ. Къ отголоскамъ преобразовательныхъ порывовъ первыхъ лѣтъ царствованія приходится отнести и общій наказъ гражданскимъ губернаторамъ, утвержденный 3 іюля 1837 года. Это послѣдняя дореформенная инструкція старшимъ представителямъ правительственной власти въ провинціи; понятно, что нельзя здѣсь не выяснить ея отношенія къ вопросу о положеніи судебной власти на мѣстахъ.

Наказъ 1837 года развиваетъ и дополняетъ начала, заложенныя въ Екатерининскомъ учрежденіи 1775 года, и оставляетъ за губернаторами тѣ же самыя права въ судебной сферѣ, какія предоставляло имъ учрежденіе о губерніяхъ; онъ только дополняетъ ихъ, отчасти развиваетъ и болѣе подробно регламентируетъ. Отъ губернатора зависитъ прежде всего самое возбужденіе дѣла: при разсмотрѣніи полицейскихъ донесеній, губернаторы «соображаютъ, не нужно ли начать или же усилить и распространить начатое уже по какому-либо происшествію изслѣдованіе». Какъ и по положенію 1775 года, губернаторамъ принадлежитъ дѣйствительное право надзора за судебнымъ слѣдствіемъ и за производствомъ дѣла во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ. «Наблюдая вообще за безостановочнымъ, по возможности быстрымъ производствомъ слѣдствій, начальники губерній имѣютъ надзоръ и за теченіемъ дѣла въ судебныхъ мѣстахъ, дабы преду-

предить тамъ всякую напрасную проволочку и медленность, и побуждаютъ, когда нужно, нерадивыхъ чрезъ губернское правленіе указанными для того въ законѣ мѣрами». Начальникъ губерніи можетъ вмѣшаться въ дѣло въ любой моментъ: если онъ «удостовѣрится въ пристрастномъ и вообще почему-либо несправедливомъ производствѣ уголовнаго слѣдствія», то препровождаетъ въ данное судебное мѣсто «всѣ полученныя имъ о томъ свѣдѣнія и буде нужно, остановивъ судебное разсмотрѣніе дѣла, принимаетъ мѣры для производства дополнительнаго изслѣдованія». Такимъ образомъ, губернаторъ имѣетъ право даже пріостановить судебное дѣло; это относится впрочемъ только къ низшимъ инстанціямъ; когда же дѣло находится въ уголовной палатѣ, онъ «ожидаетъ», чтобы она представила ему свое рѣшеніе и въ случаѣ несогласія переноситъ дѣло въ сенатъ. Слѣдитъ губернаторъ и за «немедленнымъ и точнымъ приведеніемъ въ дѣйство судебныхъ рѣшеній вообще и въ особенности поступающихъ для исполненія въ губернское правленіе окончательныхъ приговоровъ по дѣламъ слѣдственнымъ и уголовнымъ». Въ послѣднемъ случаѣ онъ обязанъ также «строго наблюдать, чтобъ былъ въ точности сохраняемъ порядокъ», установленный для приведенія приговора въ исполненіе.

Наказъ 1837 года подтверждаетъ и важнѣйшее изъ судебныхъ правъ, предоставленныхъ губернатору Екатерининскимъ учрежденіемъ: право утверждать приговоры уголовныхъ палатъ и судовъ низшихъ инстанцій. Правда, наказъ дѣлаетъ довольно значительное число исключеній изъ общаго правила, но исключенія эти не мѣняютъ общей картины и не устраняютъ для губернатора возможности вторгнуться въ сферу судебной власти: они состоятъ въ томъ, что по нѣкоторымъ важнѣйшимъ дѣламъ губернаторъ обязанъ представлять приговоры на утвержденіе сената, министра внутреннихъ дѣлъ и даже верховной власти; гражданскія дѣла также «подлежатъ въ сущности своей разсмотрѣнію гражданскихъ губернаторовъ, когда оныя относятся къ имуществамъ казеннымъ».

Такъ широко опредѣлялъ сферу судебной власти начальника губерніи наказъ 1837 года. Оставаясь близкимъ по духу къ учрежденію о губерніяхъ, наказъ не вносилъ ничего новаго въ отношеніе губернаторовъ къ суду и ни на одинъ шагъ не подвинулъ далѣе принципа отдѣленія судебной власти отъ власти административной. Послѣдній пересмотръ инструкцій мѣстнымъ властямъ въ интересующемъ насъ вопросѣ свелся такимъ образомъ къ нулю. Чтобы начало раздѣленія судебной и административной власти въ Россіи сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи, надо было дожидаться судебной реформы императора Александра II, въ осуществленіи которой западно-европейская юридическая мысль вновь оказала свое вліяніе, какъ это уже было и при Петрѣ Великомъ и при Екатеринѣ II.

Ю. Готье.

Дореформенный судъ.

I.

Дѣятели стараго суда.

«Неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ: сильный дѣлай, что хочешь, а слабый не смѣй на него жаловаться» [1]), такими словами характеризовалъ въ 1841 г. дореформенное правосудіе генералъ-адъютантъ Кутузовъ въ запискѣ, представленной имъ императору Николаю. Дѣйствительно, безправіе и безсудіе царили повсюду. «Россія», по мѣткому выраженію одного современника, «походила на озеро, въ глубинѣ котораго крупныя рыбы поѣдали мелкихъ, а на поверхности его было тихо, и оно блистало гладкое, какъ зеркало» [2]). Сильный могъ безнаказанно издѣваться надъ слабымъ: «вѣдь младшій всегда долженъ быть виноватъ передъ старшимъ», любилъ говаривать министръ юстиціи Дашковъ, убѣжденный въ томъ, что «справедливость всегда на сторонѣ старшихъ», которымъ «дается полная вѣра» [3]). На законъ при этомъ ссылаться было мало пользы, такъ какъ въ дореформенный періодъ въ чиновныхъ сферахъ господствовалъ тотъ взглядъ, что «законы пишутся только для низшихъ сословій, а не для насъ» [4]), какъ сказалъ однажды одинъ высокій сановникъ поэту, барону Дельвигу. Все это приводило къ тому, что «въ начальствѣ», какъ говоритъ біографъ М. Н. Каткова, г. Любимовъ, «совмѣщались законъ, правда, милость и кара». Безнаказанность господствовала сверху донизу: «начальникъ былъ безотвѣтственъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ въ тѣхъ же условіяхъ начальство надъ собою» [5]). Каждый былъ увѣренъ, что въ

---

[1]) «Состояніе Государства въ 1841 г.» П. Кутузова «Рус. Стар.», 1898 г., кн. 9, стр. 517—518.

[2]) «Изъ воспоминаній Михайлова», «Рус. Стар.», 1899 г., № 9, стр. 102.

[3]) Н. Н Бантышъ-Каменскій, «Шемякинъ Судъ», «Рус. Стар.», 1873 г., кн. 6, стр. 778.

[4]) І. В. Гессенъ, «Судеб. Рефор.», стр. 44.

[5]) Н. А. Любимовъ, «Катковъ и его историч. заслуга», стр. 182—183.

трудную минуту онъ найдетъ себѣ «милостивца», который поможетъ ему выйти сухимъ изъ воды.

Этотъ дореформенный строй былъ ничѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ крѣпостного права—основного явленія русской жизни той эпохи. Не будь его, внѣшній обликъ Николаевской Россіи былъ бы совершенно инымъ. Вѣдь безграничная власть помѣщика надъ крестьянами была своего рода узаконеннымъ безправіемъ. А такъ какъ почти всѣ чиновники выходили изъ рядовъ дворянства,то вполнѣ понятно, что порядки крѣпостной деревни проникали рѣшительно всюду и давали тонъ всей окружающей дѣйствительности. По прекрасному выраженію М. Е. Салтыкова-Щедрина, «крѣпостное право втягивало всѣ сословія въ омутъ унизительнаго безправія всевозможныхъ изворотовъ, лукавства и страха передъ перспективою быть ежечасно задавленнымъ» [1]). Оно являлось краеугольнымъ камнемъ той системы опеки, которая желѣзнымъ обручемъ сковывала русское общество эпохи Николая I. Въ этой опекѣ правительство усматривало единственное универсальное средство противъ всѣхъ золъ русской жизни. Подданные должны были безропотно сносить это давленіе сверху, не имѣя рѣшительно никакихъ правъ и выполняя только лежащія на нихъ обязанности. «Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, а потому дѣлъ бездна», писалъ въ 1859 г. А. М. Унковскій, «все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческой личностью всѣ роды власти, и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически. Дѣла по управленію, при ихъ безчисленномъ множествѣ, являются вездѣ, во всѣхъ исполнительныхъ учрежденіяхъ, въ видѣ огромныхъ обозовъ, наполненныхъ бумагой, для разбора которой нужны десятки и даже сотни канцелярскихъ служителей» [2]). Общественная инищіатива была старательно вытравлена изъ всѣхъ проявленій русской жизни, и «все казалось покончennымъ, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранѣе предположено не разыскивать» [3]).

Хотя еще со времени Екатерины II у насъ торжественно провозглашенъ былъ принципъ раздѣленія властей, но на практикѣ онъ почти не осуществлялся. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ одномъ изъ журнальныхъ постановленій Государственнаго Совѣта за 1862 г.: «Всѣ административныя власти, начиная отъ станового пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ силу самого закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ, и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія». И это смѣшеніе властей въ глазахъ Государственнаго Совѣта было опять-таки ничѣмъ инымъ, какъ «неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостного состоянія» [4]), только что передъ тѣмъ упраздненнаго.

---

[1]) М. П. Чубинскій, «Судебная Реформа» Исторія Россіи XIX в., изд. Гранатъ, т. III, стр. 232.

[2]) Гр. Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ» изд. 6-е, стр. 285, прим. 10.

[3]) Н. К. Шильдеръ, «Имп. Николай I», т. II, стр. 632.

[4]) Гр. Джаншіевъ, «Основы Судебной реформы», стр. 43.

Зависимость дореформеннаго суда обусловливалась тѣмъ, что и снизу и сверху онъ самымъ тѣснымъ образомъ соприкасался съ общей администр: ціей. Судъ и полиція находились въ такомъ единеніи, что между ними трудно было положить какую-либо грань. Слѣдственная часть всецѣло была въ рукахъ полиціи, на обязанности которой лежалъ также словесный разборъ мелкихъ споровъ, съ запискою жалобъ и рѣшеній по нимъ въ особую книгу. Но каковы были эти судьи, каждый легко можетъ представить себѣ, припоминая гоголевскаго городничаго. Иначе и быть не могло, когда. по словамъ симбирскаго полиціймейстера, «порядочныхъ людей» на службу въ полицію «для примѣра пріискать не было никакой возможности» [1]); а земскіе суды, эти старыя уѣздныя и полицейскія учрежденія, отличались подчасъ, какъ свидѣтельствуетъ И. С. Аксаковъ, «наивнымъ невѣжествомъ законовъ и служебнаго порядка» [2]).

Но если отъ полиціи судъ зависѣлъ главнымъ образомъ въ области слѣдствія, то общей администраціи, въ лицѣ губернаторовъ, онъ подчиненъ былъ преимущественно въ сферѣ исполненія. На утвержденіе губернатора поступали всѣ приговоры уголовныхъ палатъ, по просмотрѣ ихъ губернскимъ прокуроромъ, для чего въ губернаторской канцеляріи имѣлся даже особый уголовный столъ. Но нѣкоторые губернаторы стремились итти еще дальше, возбуждая передъ комитетомъ министровъ ходатайство о подчиненіи имъ и гражданскихъ палатъ. Начальники губерніи посягали даже иногда на прерогативы чиновъ прокурорскаго надзора. Такъ въ 1839 г. министръ внутреннихъ дѣлъ вынужденъ былъ поставить на видъ симбирскому губернатору неправильность его образа дѣйствій, выразившуюся въ томъ. что онъ отдалъ распоряженіе полиціймейстеру о недопущеніи губернскаго прокурора въ тюрьму къ содержащемуся тамъ арестанту [3]). Но иногда и сами чины прокуратуры, вмѣсто того, чтобы отстаивать свою независимую позицію, склонны были подчинять себя авторитету высшихъ представителей общей администраціи на мѣстахъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, по словамъ сенатора Лебедева, «губернскій прокуроръ конца 40-хъ гг. былъ слабъ и, не поощряемый въ министерствѣ, искалъ въ генералъ-губернаторѣ» [4]).

Зависимое положеніе судебнаго вѣдомства усиливалось еще отъ вмѣшательства въ него III отдѣленія. Такъ, напримѣръ, начальникъ штаба корпуса жандармовъ генералъ Дубельтъ не стѣснялся возстановлять, по указаніямъ сердцевѣдѣнія, «нарушенныя судомъ права» [5]), а въ видахъ «понужденія и неотлагательнаго рѣшенія» залежавшихся дѣлъ, въ судебныя палаты командировались иногда жандармскіе офицеры, «коимъ вмѣнялось въ обязанность не выѣзжать изъ города до тѣхъ поръ, пока не будутъ рѣшены всѣ дѣла». Объ одномъ изъ такихъ случаевъ пере-

---

[1]) И. С. Жиркевичъ, «Записки», «Рус. Стар.», 1890 г., кн. 8, стр. 237.

[2]) «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 58.

[3]) С. М. Середонинъ, «Историч. Обзоръ дѣят. комит. министр.» т. II, ч. 2, стр. 77—78.

[4]) «Изъ записокъ сенатора Лебедева», «Рус. Арх»., 1888 г., кн. 3, стр. 485.

[5]) Гр. Джаншіевъ, «Основы Судебной реформы», стр. 6.

даемъ со словъ г. Колмакова: «Явился жандармъ въ палату и настойчиво требовалъ исполненія объявленнаго имъ порученія. Предсѣдатель задумался какъ быть и что дѣлать? Засимъ велѣлъ принести изъ канцеляріи всѣ дѣла. Потомъ взялъ одно дѣло и, поднеся его къ своимъ глазамъ, или, лучше сказать, къ носу, объявилъ: рѣшеніе суда утвердить, и положилъ его на правую сторону. Потомъ взялъ другое дѣло и, дѣлая тѣ же движенія, заявилъ: рѣшеніе суда отмѣнить. Затѣмъ при тѣхъ же пріемахъ началъ быстро откладывать дѣла то направо, то налѣво, вскрикивая: утвердить, отмѣнить и т. д. По окончаніи сего жандармъ уѣхалъ съ донесеніемъ, что всѣ дѣла въ палатѣ рѣшены» [1]).

Однимъ изъ яркихъ примѣровъ административнаго всевластія по отношенію къ суду, можетъ служить слѣдующій эпизодъ. Кто-то пожаловался петербургскому генералъ-губернатору князю Суворову на тамошній коммерческій судъ. «Свѣтлѣйшій князь, по словамъ одного современника, нимало не стѣсняясь, велѣлъ арестовать всѣхъ членовъ суда. Эти послѣдніе были въ недоумѣніи, бросились въ министерство за защитой. Само собой разумѣется, что, благодаря близости министерства юстиціи къ суду, распоряженіе генералъ-губернатора было отмѣнено, а онъ въ добротѣ своей души оправдывался тѣмъ, что бумагу объ арестованіи членовъ суда подписалъ не читая» [2]).

Все это давало возможность М. Н. Каткову вполнѣ основательно утверждать, что «суды были лишь придаткомъ администраціи» [3]), а министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому въ минуту откровенности сознаваться, что еще въ 50-хъ годахъ «администрація въ Россіи ѣздила на юстиціи» [4]).

Наши старыя судебныя мѣста, безпорядочно нагроможденныя другъ на друга, представляли собою неимовѣрно запутанную систему судоустройства. Первую степень этихъ судебныхъ мѣстъ составляли: уѣздные суды, магистраты и ратуши, надворные суды, межевыя конторы, коммерческіе и совѣстные суды, узаконенные третейскіе суды и, наконецъ, волостныя сельскія правленія. По нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ, напримѣръ, по конкурсамъ лицъ, не принадлежащихъ къ торговому званію, въ роли судовъ первой инстанціи выступали губернскія правленія и полицейскія учрежденія, производившія такъ наз. безспорныя взысканія. Судами второй инстанціи были палаты уголовнаго и гражданскаго суда, соединявшіяся въ менѣе значительныхъ губернскихъ городахъ въ одну палату. Третьей инстанціей былъ правительствующій сенатъ.

По своему составу почти всѣ судебныя мѣста дореформенной эпохи были выборными. Въ уѣздномъ судѣ предсѣдательствовалъ судья, по выбору отъ дворянъ, а членами были два засѣдателя отъ дворянъ и два—отъ поселянъ; послѣдніе—только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились казенные крестьяне. Магистраты и ратуши составлялись по выбору горо-

---

[1]) М. Н. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 12, стр. 533, 534.
[2]) ibid., стр. 533—534.
[3]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ» «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 12, стр. 530.
[4]) Джаншіевъ, «Основы судеб. реформы», стр. 3.

жанъ, изъ двухъ бургомистровъ и четырехъ ратмановъ. Совѣстные суды состояли изъ совѣстнаго судьи отъ короны и шести выборныхъ: по два отъ дворянства, городскихъ обывателей и крестьянъ. Въ палатахъ уголовнаго и гражданскаго суда всѣ должностныя лица, кромѣ товарища предсѣдателя, были выборными: предсѣдатель и два засѣдателя по избранію отъ дворянъ, а остальные два засѣдателя отъ купечества. Только сенатъ, являвшійся высшей судебной инстанціей, цѣликомъ состоялъ изъ лицъ по назначенію отъ правительства.

Дворяне довольно апатично относились къ выборамъ, и губернаторскіе отчеты 30-хъ и 40-хъ гг. почти всѣ безъ исключенія говорятъ «объ уклоненіи ихъ всѣми путями и средствами отъ выборной службы». Главной причиной этого явленія министерство внутреннихъ дѣлъ считало «всевозрастающее вліяніе мелкопомѣстнаго дворянства» [1]). Но профессоръ Баршевъ, бывшій свидѣтелемъ этихъ порядковъ, равнодушію дворянъ къ выборамъ давалъ нѣсколько иное объясненіе: главная причина этого индиферентизма, по его мнѣнію, заключалась въ томъ, что общество выбирало «не своихъ уполномоченныхъ, а чиновниковъ». «Послѣ своего избранія выборные,—говоритъ онъ,—не состоятъ ни въ какомъ отношеніи къ избравшимъ ихъ, да и избраніе ихъ совершается при непосредственномъ участіи начальства, отъ котораго зависитъ и утвержденіе избранника» [2]). Въ виду всего этого правительство вынуждено было замѣщать свободныя вакансіи по назначенію, причемъ это назначеніе производилось на низшія должности губернаторами, а на мѣста предсѣдателей палатъ Высочайшимъ усмотрѣніемъ, по представленію министра юстиціи.

Желая упорядочить организацію выборной службы и поднять ея значеніе въ глазахъ мѣстнаго общества, правительство въ 20-хъ и 30-хъ гг. принялось за разработку цѣлаго ряда законодательныхъ предположеній. Комитетъ 1826 г. проектировалъ для судебныхъ должностей «установить несмѣняемость, съ правомъ выхода въ отставку выборныхъ судей по минованію перваго трехлѣтія». Законъ 1831 г. вводилъ для выборныхъ должностей по судебному вѣдомству шестилѣтній срокъ, взамѣнъ прежняго трехлѣтняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ уравнивалъ выборную службу съ правительственной. Манифестъ же 6 декабря 1831 г. торжественно заявлялъ: «Отнынѣ не токмо нѣкоторые чины, но и самые предсѣдатели губернскихъ судебныхъ палатъ будутъ избираемы дворянствомъ» [3]). Всѣми этими мѣрами правительство стремилось привязать къ мѣстнымъ учрежденіямъ болѣе устойчивые элементы дворянскаго сословія, но его усилія оставались тщетными. На судебныя должности преимущественно попадали представители мелкопомѣстнаго дворянства, все же, что было въ губерніи покрупнѣе и позначительнѣе, или совсѣмъ не служило, или старалось сдѣлать блестящую карьеру въ столицѣ, въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

---

[1]) Бар. С. А. Корфъ, «Дворянство и его сословн. управленіе», стр. 508—642.
[2]) І. В. Гессенъ, «Судебная реформа», стр. 12.
[3]) Бар. С. А. Корфъ, наз. соч., стр. 493, 494, 535.

Выборные судьи зачастую были далеко не на высотѣ своего положенія. Въ Калугѣ, напримѣръ, дворяне въ концѣ 30-хъ гг., изъ-за нерасположенія къ губернатору, проводившему своего кандидата, избрали громаднымъ большинствомъ голосовъ предсѣдателемъ гражданской палаты нѣкоего Толмачева, «лицо извѣстное своею простотою, доходившею до невозможности», безо всякаго образованія и «безъ малѣйшаго знанія судебнаго дѣла» [1]). Но подобнаго рода предсѣдатели бывали подчасъ весьма высокаго о себѣ мнѣнія. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ И. С. Аксаковъ о предсѣдателѣ уголовной палаты въ той же Калугѣ, попавшемъ на это мѣсто прямо изъ поручиковъ: «являясь въ палату поздно, онъ входитъ въ присутствіе съ необыкновенной торжественностью. Сначала два сторожа бѣгутъ впередъ опрометью, толкая другъ друга, и растворяютъ обѣ половинки двери, въ которую входитъ предсѣдатель. Члены палаты встаютъ съ своихъ мѣстъ заранѣе и даже подходятъ къ дверямъ навстрѣчу».

Да и какъ могло быть иначе, когда общественная жизнь въ дореформенной провинціи представляла крайне безотрадную картину. Съ одной стороны, «блестящая внѣшность, почти ни въ чемъ не уступающая столичной», съ другой—«незастѣнчивость помѣщичьяго быта, откровенность барскихъ вкусовъ и привычекъ». На всемъ безъ исключенія лежала печать самой «убійственной, одуряющей и растлѣвающей пошлости» [2]); въ такихъ выраженіяхъ характеризовалъ провинціальную жизнь въ 50-хъ гг. И. С. Аксаковъ. Дворянство благоденствовало, но остальные обыватели представляли почти сплошь однообразную массу безправныхъ и угнетенныхъ. «Во всемъ Харьковѣ», напр.,—по словамъ одного современника—«не было ни мѣста, ни человѣка, у котораго обиженный крестьянинъ могъ бы найти для себя судъ и защиту» [3]).

Бездушный чиновникъ господствовалъ повсюду, а «живое» дѣло, какъ отмѣчаетъ баронъ С. А. Корфъ—«повсюду умирало и убивалось въ застѣнкахъ канцелярій и разныхъ губернскихъ комитетовъ и присутствій» [4]). Служебный долгъ стоялъ на заднемъ планѣ, а интересы, ничего общаго со службой не имѣющіе, принимались во вниманіе при отправленіи правосудія. Сплошь и рядомъ въ дни именинъ или рожденій видныхъ представителей мѣстнаго общества «присутствіе почти во всѣхъ мѣстахъ закрывалось часомъ раньше и экипажи всѣхъ предсѣдателей часу во второмъ уже стояли на дворѣ» [5]) гостепріимнаго дома. И это происходило, какъ видно изъ писемъ И. С. Аксакова, не гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, а въ такихъ крупныхъ губернскихъ центрахъ, какими были Калуга, Тула и Ярославль.

Мелкопомѣстные дворяне, которые повсемѣстно преобладали на выборахъ, въ своей массѣ отличались почти поголовнымъ невѣжествомъ.

---

[1]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г. № 12, стр. 521.

[2]) Ср. И. С. Аксаковъ, соб. соч., т. 7, стр. 763—764.

[3]) В. И. Карповъ, «Харьковская Старина», 1830—1860 гг. «Изъ воспоминаній старожила», стр. 361.

[4]) Бар. С. А. Корфъ, наз. соч., стр. 638.

[5]) И. С. Аксаковъ, собр. соч., т. I, стр. 757, 758.

«Многіе изъ нихъ, по словамъ А. И. Кошелева, за безграмотностью не могли даже расписаться въ полученіи пособій» [1]). Образовательнаго ценза для судей законъ не устанавливалъ, и каждый дворянинъ, имѣющій какой-нибудь чинъ, или купецъ, приписанный къ гильдіи, могъ быть избранъ на любую должность въ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ. Поэтому въ судахъ первой инстанціи неграмотные или малограмотные составляли большинство. «Даже въ сенатѣ», по словамъ такого компетентнаго свидѣтеля, какъ Н. И. Стояновскій, «образованные люди, а въ частности юристы, являлись настолько большой рѣдкостью», что въ 1841 г., напримѣръ, въ семи петербургскихъ департаментахъ сената и двухъ общихъ собраніяхъ, имѣвшихъ отдѣльныя канцеляріи, было всего только 6 человѣкъ съ высшимъ образованіемъ.

На ряду съ невѣжествомъ дореформенные судьи отличались весьма часто самою низкою нравственностью. Напримѣръ, въ Яренскомъ земскомъ судѣ засѣдатель «удавилъ» расправнаго судью «по злобѣ на него» [2]). Въ Могилевѣ же, по словамъ цензора Никитенко, «предсѣдателемъ гражданской палаты былъ человѣкъ, обокравшій богатую помѣщицу, у которой былъ управляющимъ, а предсѣдатель уголовной палаты убилъ человѣка, за что и находился подъ слѣдствіемъ» [3]). Таковы были дореформенные судьи, но не лучше были и тѣ судебныя мѣста, въ которыхъ они засѣдали.

Въ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ можно найти не мало данныхъ для характеристики тѣхъ порядковъ, которые царили въ этихъ старыхъ судахъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ П. А. Потѣхинъ о петербургской управѣ благочинія, или, вѣрнѣе сказать, о томъ ея отдѣленіи, въ которомъ сосредоточены были дѣла по такъ называемымъ безспорнымъ взысканіямъ: «Процедура была простая, писалось прошеніе по титулу, прилагались документы, а затѣмъ являлся проситель и подавалъ прошеніе; оно принималось, помѣчалось,—и направлялось въ тотъ же день къ немедленному исполненію. Это исполненіе состояло въ томъ, что предсѣдателю Управы подавали двѣ-три кипы бумагъ высотою въ 1—$1^1/_2$ арш. и онъ подписывалъ печатные бланки, которые затѣмъ и посылались полицейскому приставу по мѣсту жительства отвѣтчика. Полицейскій приставъ передавалъ бумаги квартальному надзирателю. Этого квартальнаго надзирателя можно было застать вечеромъ, такъ какъ утромъ онъ не принималъ просителей и не производилъ никакихъ взысканій» [4]). Тотъ же П. А. Потѣхинъ знакомитъ насъ съ тѣмъ, что представляли собою узаконенные третейскіе суды, установленные для разбора споровъ, возникавшихъ между членами товарищества, и даже по дѣламъ компаній на акціяхъ, какъ между самими акціонерами, такъ и между компаніей и лицами посторонними. Такъ

---

[1]) А. И. Кошелевъ, «Записки», Берлинъ, 1884 г., стр. 57.

[2]) Бар. С. А. Корфъ, наз. соч., стр. 650.

[3]) А. В. Никитенко, «Записки», т. I, стр. 298.

[4]) П. А. Потѣхинъ, «Изъ воспоминаній адвоката», «Право», 1900 г., № 48, стр. 2272, 2273.

«въ Петербургѣ», читаемъ мы въ его воспоминаніяхъ, «по одному дѣлу между двумя братьями-подрядчиками оказались избранными въ третейскіе судьи: удаленный со службы чиновникъ надворнаго уголовнаго суда и сидѣлецъ полпивной. Послѣдняго скоро замѣнилъ ночной писецъ въ полицейскомъ кварталѣ. Судьи довольно быстро стакнулись и рѣшили всячески тянуть дѣло, чтобы получить съ обѣихъ сторонъ какъ можно больше бакшиша». По журналамъ этого суда можно видѣть, къ какимъ уловкамъ и ухищреніямъ прибѣгали они для достиженія намѣченной цѣли. Въ одномъ засѣданіи, напримѣръ, было постановлено: потребовать отъ представителя истца разъясненія о томъ, что значитъ такая-то цифра на такой-то страницѣ записной книжки, на что давался мѣсячный срокъ. По представленіи объясненія судъ дѣлалъ новое постановленіе: запросить отвѣтчика, правильны ли объясненія истца, что такая-то цифра, на такой-то страницѣ записной книжки то-то означаетъ. Стороны теряли терпѣніе и обращались съ жалобами въ коммерческій судъ. Третейскій судъ на запросъ коммерческаго отвѣчалъ рапортомъ въ 10—12 страницъ, въ которомъ, въ свою очередь, жаловался на то, какъ медленно тяжущіеся представляютъ свои объясненія на запросы суда. Всего любопытнѣе обстановка этого своеобразнаго суда. Несмотря на то, что «онъ помѣщался въ четвертомъ этажѣ на второмъ дворѣ по черной лѣстницѣ, въ немъ находился столъ, покрытый краснымъ сукномъ, а на углу стола зерцало» [1]). Такіе патріархальные порядки можно было встрѣтить не только въ судахъ первой инстанціи. Почти то же самое твóрилось и въ судебныхъ палатахъ, которыя, какъ извѣстно, являлись высшимъ судебнымъ мѣстомъ въ губерніи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ В. Д. Спасовичъ въ одной изъ своихъ застольныхъ рѣчей о петербургской уголовной палатѣ, помѣщавшейся въ началѣ 50-хъ гг. въ самомъ центрѣ города на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади: «Въ канцеляріи скребутъ десятка четыре перьевъ, изъ присутственной комнаты слышенъ звонъ колокольчика; происходитъ бѣготня и движеніе. Секретарь и столоначальникъ бѣгаютъ изъ канцеляріи въ присутствіе и обратно. Кто бы задался вопросомъ, гдѣ же совершается на этой фабрикѣ дѣло правосудія?—тотъ затруднился бы въ дачѣ отвѣта. Рѣшителями судебъ являлись, конечно, не тѣ боги, которые обсѣдали присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотою позументною бахромою. Два бородатые сословные засѣдатели изъ купечества подписали бы, не сумлѣваясь, сами на себя смертные приговоры. Дворянчики-засѣдатели рѣдко бывали въ присутствіи. Не были рѣшителями судебъ ни добрякъ предсѣдатель, любитель пряныхъ и сальныхъ анекдотовъ, ни товарищъ предсѣдателя въ мундирѣ, богато шитомъ золотомъ, носитель послѣднихъ придворныхъ новостей, выносимыхъ съ задняго крыльца. Всемогущія парки въ палатѣ, прядущія нить живота, были не три, а только двѣ: столоначальникъ и секретарь. Но, прежде чѣмъ скручена была нить ихъ пальцами, уже бѣжалъ, куда слѣдуетъ, третій дѣя-

---

[1]) П. А. Потѣхинъ, «Изъ воспоминаній адвоката», «Право», 1900 г., № 48, стр. 2271.

тель—канцелярскій писецъ—къ тароватому подсудимому и несъ ему необсохшую еще копію, предполагаемаго рѣшенія» [1]).

Такимъ образомъ, въ старыхъ судахъ во всемъ рѣшительно господствовала канцелярія, и секретарь, какъ знатокъ бумажнаго крючкотворства, игралъ въ ней первенствующую роль. Засѣдатели являлись простыми статистами, а въ большинствѣ случаевъ просто отсутствовали во время разбора тѣхъ или иныхъ дѣлъ.

Въ наиболѣе безотрадномъ положеніи находились выборные судьи отъ податныхъ сословій. Выборныхъ отъ сельскихъ обывателей въ уѣздныхъ судахъ нерѣдко принимали за сторожей,—такъ какъ они не дерзали входить безъ доклада въ дворянское засѣданіе. А о томъ, каковы были засѣдатели въ магистратахъ, даетъ полное представленіе слѣдующая сценка. «Однажды министръ юстиціи, графъ Панинъ, зайдя въ судъ въ Петербургѣ, встрѣтилъ тамъ одного человѣка, въ исподнемъ платьѣ, съ метлой, или щеткой въ рукахъ. На вопросъ министра — гдѣ судья — онъ отвѣчалъ, что судьи нѣтъ, а на вопросъ—гдѣ засѣдатель, отвѣчалъ: я—засѣдатель. Графъ, взглянувъ на него, произнесъ: «вы...—ты», и ушелъ не сказавъ ни слова» [2]). И дѣйствительно, засѣдатели изъ крестьянъ и купцовъ зачастую несли обязанности разсыльныхъ, сторожей и истопниковъ и даже бѣгали въ лавочку для приказныхъ, принося имъ въ присутствіе выпивку и закуску.

Понятно, поэтому, что въ глазахъ тяжущихся и подсудимыхъ первое мѣсто занимали не судьи, а секретари, которые подъ покровомъ бюрократическихъ формъ могли всякое дѣло направить или затянуть, въ силу личныхъ отношеній и своекорыстныхъ цѣлей. Секретарями въ большинствѣ случаевъ были люди опытные и находчивые, прекрасно разбиравшіеся въ дѣлахъ и являвшіеся незамѣнимыми руководителями тѣхъ судебныхъ мѣстъ, въ которыхъ они служили. Но бывали и исключенія: въ одномъ изъ петербургскихъ сенатскихъ департаментовъ оберъ-секретаремъ въ 1830 г. былъ нѣкто Вилинскій, «человѣкъ чрезвычайно мнительный и вялый, у котораго, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, дѣла покоились обыкновенно нѣсколько лѣтъ, потому что онъ не могъ рѣшиться представить оныя къ докладу, опасаясь пропусковъ, отступленія отъ существующихъ узаконеній, излишняго послабленія, или взысканія незаслуженнаго» [3]).

Главной язвой, разъѣдавшей старые суды, было поголовное взяточничество, въ которомъ повинны были рѣшительно всѣ, отъ мелкой приказной сошки до сильныхъ высокопоставленныхъ чиновниковъ министерства юстиціи. Почти всѣ современники въ одинъ голосъ говорятъ намъ о широко распространенномъ обычаѣ брать съ праваго и виноватаго, брать всѣмъ, чѣмъ ни попало. «Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ: предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже

---

[1]) І. В. Гессенъ, «Судебная реформа», стр. 15—16.

[2]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 12, стр. 517.

[3]) Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Шемякинъ Судъ», «Рус. Стар.», 1873, кн. 6, стр. 780.

копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа» [1]), писалъ поэтъ Рылѣевъ Булгарину въ 1821 г. Такъ было въ мрачные годы аракчеевщины, когда вообще нравственный уровень русскаго общества сильно понизился; но и черезъ 20—30 лѣтъ, въ исходѣ царствованія Николая I, дѣло обстояло не лучше. «Умъ и плутовство—синонимы», читаемъ мы въ дневникѣ академика Никитенко подъ 11 января 1841 г.: «слова—честный человѣкъ—означаютъ у насъ простака, близкаго къ глупцу. Общественный развратъ такъ великъ, что понятія о чести, о справедливости считаются или слабодушіемъ, или признаками романической восторженности» [2]). Лица, которыхъ судьба забрасывала на нѣсколько лѣтъ въ провинцію, приходили въ ужасъ отъ той мрачной картины поголовной безнравственности, которая развертывалась предъ ихъ глазами. «Вы не знаете, что такое провинція,—съ горечью писалъ отцу И. С. Аксаковъ въ 1851 г.,—когда въ иномъ уѣздномъ городѣ отъ перваго до послѣдняго буквально всѣ взяточники, да и въ губернскомъ городѣ, по совѣсти, никому нельзя и руки подать». Въ чиновничьей средѣ слѣдовательно честныхъ людей почти не было, и тотъ же И. С. Аксаковъ признавалъ искорененіе взяточничества «исправленіемъ невозможнымъ».

И кого только не было въ этой толпѣ взяточниковъ! Брали и въ полиціи и въ губернскомъ правленіи, и въ сенатской канцеляріи; брали слѣдователи и судьи, брали, наконецъ, сами губернаторы, однимъ словомъ, всѣ были, по выраженію Аксакова, «воры—переворы» [3]). Уѣздная полиція вся поголовно была на жалованьи у откупщиковъ, а нерѣдко даже прямо у воровъ, особенно у конокрадовъ. Въ Петербургѣ доходы частныхъ приставовъ исчислялись десятками тысячъ, а одинъ изъ нихъ «объѣхавшій всѣ пять частей свѣта, съ клятвой утверждалъ, что 2-ая Адмиралтейская—лучше всѣхъ другихъ» [4]). Но откупщики платили жалованье не одной только полиціи: они старались «предлагать отъ души пособія и губернаторамъ». Въ Пензѣ, напримѣръ, установился обычай съ каждаго уѣзда давать губернатору по 2 тысячи рублей, а симбирскій откупщикъ въ откровенной бесѣдѣ съ губернаторомъ признавался даже, что всѣ откупщики «имѣютъ коренное правило ежемѣсячно часть своей прибыли удѣлять начальству» [5]). Должностныя лица, при этомъ, были связаны своего рода круговой порукой: «Всѣ низшіе чиновники,—говоритъ А. М. Унковскій,—обязаны были подъ страхомъ административныхъ взысканій, лишенія мѣста и преданія суду, вносить болѣе или менѣе опредѣленную подать въ пользу дѣлопроизводителей высшихъ учрежденій, которымъ они под-

---

[1]) Н. Дубровичъ, «Русская жизнь въ началѣ XIX в.», «Рус. Стар.», 1899 г., кн. 4, стр. 71 72.

[2]) А. В. Никитенко, «Записки», т. I, стр. 309.

[3]) «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. II, стр. 321, 369.

[4]) И. П. Захарьинъ, «Равсказы изъ прежней судебн. практики», «Рус. Стар.», 1874 г., кн. 4, стр. 780.

[5]) Записки И. С. Жиркевича, «Рус. Стар.», 1878 г., кн. 9, стр. 50, 51.

вѣдомственны» [1]). Такъ, напримѣръ, въ Уфѣ совѣтники губернскаго правленія «смѣло налагали подати на исправниковъ и городничихъ».

Особенно прочное гнѣздо эта система кормленій свила себѣ въ судейскихъ канцеляріяхъ. «Всѣ въ Россіи знали,—говоритъ одинъ современникъ,—что ни одна гражданская палата не могла бы продолжать существованія при помощи своихъ средствъ, если бы не поддерживалась выкупомъ за право ничего не дѣлать отъ купеческихъ засѣдателей и незаконными поборами съ просителей въ крѣпостной экспедиціи. Не на чемъ было бы писать, потому что въ иныхъ палатахъ канцелярской суммы не достало бы и на десятую часть всей бумаги, которая употребляется въ дѣло. Гдѣ крѣпостная часть даетъ большіе доходы чиновникамъ, тамъ матеріальныя средства въ исправности, потому что чиновники устраиваютъ ихъ изъ своихъ доходовъ; гдѣ по мѣстнымъ обстоятельствамъ доходы крѣпостной экспедиціи не такъ значительны, тамъ и палата не имѣетъ возможности поддержать себя» [2]). Обычно давали за скорое приготовленіе дѣла къ докладу, но чаще это былъ прямой подкупъ, съ цѣлью затяжки дѣла, иногда же съ цѣлью сокрытія и даже безслѣднаго истребленія какого-либо компрометирующаго документа. Брали при этомъ не какъ попало, а руководствуясь сложной градаціей взятокъ, въ зависимости отъ трудности и запутанности дѣла. Была выработана цѣлая система вымогательства. «Взятка взяткѣ рознь,—съ видомъ глубокаго знатока разсуждаетъ Кречинскій въ комедіи Сухово-Кобылина,—есть сельская, такъ сказать, пастушеская, аркадская взятка, берется она преимущественно произведеніями природы и по столько-то съ рыла; —это еще не взятка. Бываетъ промышленная взятка; берется она съ барыша, подряда, наслѣдства, словомъ пріобрѣтенія, основана она на аксіомѣ: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; пріобрѣлъ, такъ подѣлись. Ну, и это еще не взятка. Но бываетъ уголовная, или капканная взятка; она берется до истощенія, до гола! Производится она по началамъ и теоріи Стеньки Разина и Соловья Разбойника; совершается она подъ сѣнію и тѣнью дремучаго лѣса законовъ, помощью и средствомъ капкановъ, волчьихъ ямъ и удилищъ правосудія, разставляемыхъ по полю дѣятельности человѣческой, и въ эти-то ямы попадаютъ безъ различія пола, возраста и званія, ума и неразумія, старый и малый, богатый и сирый [3])». Эти слова даютъ, какъ нельзя болѣе яркое представленіе о безчисленномъ множествѣ тѣхъ ухищреній, путемъ которыхъ неопытные въ продѣлкахъ судейскихъ канцелярій люди быстро попадали въ крѣпкія сѣти дореформеннаго крючкотворства. Многіе были увѣрены въ томъ, что даже въ Сенатѣ можно добиться всего незаконными путями; и въ этомъ была значительная доля правды. По словамъ сенатора К. И. Лебедева, ему въ концѣ 40-хъ гг. пришлось въ 6-омъ департаментѣ

---

[1]) А. М. Унковскій, «Новыя основанія судопроизводства», «Современникъ», 1863 г. т. I, стр. 403—404.

[2]) I. В. Гессенъ, «Судебн. реформа», стр. 9.

[3]) Сухово-Кобылинъ, «Свадьба Кречинкаго», дѣйств. I.

столкнуться съ дѣломъ объ убійствѣ полковника Якубинскаго, каждая строка котораго была заплачена золотомъ [1]).

Въ эпоху Николая I все было настолько проникнуто мыслью о невозможности жить безъ взятокъ, что самъ министръ юстиціи графъ Паниннъ, составляя рядную запись въ пользу своей дочери въ петербургскомъ уѣздномъ судѣ, вынужденъ былъ, въ силу обычая, дать, правда, не лично, а черезъ директора департамента Топильскаго, 100 рублей надсмотрщику, въ рукахъ котораго находилось это дѣло. Взятки давали даже тогда, когда тѣ, которымъ онѣ предназначались, не хотѣли ихъ брать. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ г. Колмаковъ: «Надсмотрщикъ кіевской палаты привезъ бывшему генералъ-губернатору Безаку засвидѣтельствованную для него довѣренность. Безакъ, доставъ изъ стола 3 руб., началъ давать ихъ надсмотрщику, но тотъ, отказавшись, быстро удалился. Безакъ, какъ оказывается, не любилъ комедіи, крайне разсердился и велѣлъ тотчасъ догнать надсмотрщика и сунуть ему за шиворотъ деньги [2])». Такимъ образомъ, министры и генералъ-губернаторы поощряли незаконные поборы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, несмотря на то, что за поборы и взятки по Своду Законовъ 1832 г. опредѣлялось наказаніе кнутомъ, а по уложенію 1845 г.—наказаніе розгами. Самъ императоръ Николай I признавался барону Корфу, что онъ «первое время никакъ не могъ вразумить себя, чтобы можно было хвалить кого-нибудь за честность, но послѣ пришлось поневолѣ свыкнуться съ этою мыслью»[3]).

Если съ одной стороны это печальное явленіе было порожденіемъ низкаго моральнаго уровня русскаго общества того времени, то, съ другой стороны, оно казалось неизбѣжнымъ при крайне недостаточныхъ окладахъ дореформенной эпохи. Въ 40-хъ и 50-хъ г.г. весь бюджетъ министерства юстиціи не привышалъ 3.500.000 рублей, при чемъ изъ всей этой суммы около половины шло на содержаніе центральныхъ учрежденій министерства со включеніемъ сената. На судебныя же установленія имперіи и на содержаніе лицъ прокурорскаго надзора отпускалось менѣе 2 мил. рублей въ годъ. При такомъ, болѣе чѣмъ скромномъ бюджетѣ, содержаніе судебной палаты обходилось ежегодно отъ 3 тысячъ до 4.700 руб., а на канцелярію губернскаго прокурора отпускалось всего 933 руб., считая въ этой суммѣ и жалованье письмоводителю. Чтобы дать возможность судить о незначительности окладовъ по судебному вѣдомству, мы считаемъ не лишнимъ указать, что по другимъ министерствамъ дѣло обстояло совершенно иначе: на губернскія правленія, напримѣръ, ежегодно отпускалось отъ 16 до 20 тыс. рублей, а на казенныя палаты отъ 20 до 30 тыс. рублей. Предсѣдатели судебныхъ палатъ получали всего 1.143 руб. 65 коп. въ годъ, тогда какъ содержаніе предсѣдателей казенныхъ палатъ равнялось 4.406 рублей [4]). Но особенно тяжелымъ

---

[1]) «Изъ записокъ сенатора Лебедева», «Рус. Арх.», 1888 г., т. I, кн. 3, стр. 488.

[2]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 12, стр. 521.

[3]) «Изъ записокъ бар. М. А. Корфа», «Рус. Стар»., 1899 г., кн. 6, стр. 529.

[4]) Министерство Юстиціи за 100 л. (1802—1902 гг.), стр. 74, 75; ср. Н. В. Муравьевъ, «Прокурорскій надзоръ въ Россіи», стр. 337.

было положеніе низшихъ канцелярскихъ служителей, или такъ называемыхъ приказныхъ: «за 30 или 40 руб. ас. въ годъ,—читаемъ мы въ одномъ оффиціальномъ документѣ,—они обречены были работать съ утра до вечера». Въ консисторскихъ судахъ даже такіе значительные чиновники, какъ повытчики, которыхъ можно приравнять къ столоначальникамъ въ присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства, получали содержаніе по 7 руб. въ мѣсяцъ, а приказные отъ 2 р. 50 коп. до 5 коп. въ мѣсяцъ. Даже въ высшихъ губернскихъ судебныхъ установленіяхъ, въ палатахъ уголовнаго и гражданскаго суда «при распредѣленіи общихъ суммъ на долю нѣкоторыхъ канцелярскихъ чиновниковъ приходилось нерѣдко менѣе 1 руб. въ мѣсяцъ» [1]).

Правительство, конечно, не могло закрывать глаза на фактъ существованія такихъ нищенскихъ окладовъ и сознавало необходимость тѣхъ или иныхъ мѣръ для улучшенія матеріальнаго положенія лицъ судебнаго вѣдомства. Въ одномъ изъ засѣданій комитета министровъ за 1831 г. было постановлено: «такъ какъ всѣ вообще присутственныя мѣста вѣдомства министерства юстиціи по крайней ограниченности штатовъ и незначительнаго жалованья, назначеннаго служащимъ въ нихъ, не могутъ пріискивать способныхъ чиновниковъ, то комитетъ поручаетъ министру юстиціи представить общія соображенія по дѣлу» [2]). Но, повидимому, это постановленіе такъ и осталось лишь въ области благихъ пожеланій. Въ обществѣ, однако, время отъ времени распространялись слухи о значительномъ повышеніи окладовъ по министерству юстиціи. Въ началѣ 1847 г. И. С. Аксаковъ писалъ, напримѣръ, отцу изъ Калуги: «Вы, вѣрно, слышали что прокуроры сравниваются съ предсѣдателями палатъ, будутъ считаться въ V классѣ и получать жалованья тысячъ 7; предсѣдатели уголовныхъ и гражданскихъ палатъ—равное съ ними, а товарищи предсѣдателей 5 тысячъ» [3]).

II.

Уголовное и гражданское судопроизводства.

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о судоустройствѣ. Теперь намъ слѣдуетъ выяснить основные моменты дореформеннаго судопроизводства.

Ко времени изданія Свода Законовъ весь нашъ уголовный, а частью и гражданскій процессъ проникало столь характерное для полицейскаго

---

[1]) Н. Соловьевъ, «Изъ быта приказныхъ», Рус. Стар., 1898 г., кн. 11, стр. 356. «Министр. Юстиціи за 100 л. (1802—1902 гг.)», стр. 75; А. Д. Боровковъ, «Записки», «Рус. Стар.», 1898 г., кн. 8, стр. 384.

[2]) С. М. Середонинъ, «Историч. обзоръ дѣят. комит. мин.», т. 2, ч. 2-ая, стр. 92.

[3]) «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 427.

государства инквизиціонное начало. Сущность его прекрасно вскрываетъ покойный проф. И. Я. Фойницкій. «Идея государственности, говоритъ онъ, поглащаетъ всѣ другія: права личности отрицаются въ обвиняемомъ, который становится предметомъ изслѣдованія, подлежащимъ экспериментамъ самымъ суровымъ во имя государственнаго интереса; отрицаются эти права въ обвинителѣ, котораго замѣняетъ безличная воля закона, наперед стремящаяся опредѣлить движеніе процесса; отрицаются и въ судьяхъ, которые связываются формальною теоріею доказательствъ—этою безличною волею законодателя; понятіе сторонъ изгоняется изъ процесса; послѣдній перестаетъ быть живымъ судебнымъ споромъ ихъ и превращается въ безличное изслѣдованіе, движущееся волею одного закона; понятіе обвиненія замѣняютъ поводы возбужденія уголовнаго дѣла; обжалованіе уступаетъ мѣсто ревизіонному порядку, всѣ участвующія въ процессѣ лица обязываются по долгу службы стремиться къ раскрытію матеріальной истины, достиженіе которой объясняется государственнымъ интересомъ» [1]). Все это приводило къ тому, что за приговорами, вполнѣ правильными съ формальной точки зрѣнія, сплошь и рядомъ скрывалась самая вопіющая неправда, «обрушившаяся, по утвержденію профессора Чубинскаго, «всей своей тяжестью на невиннаго и выгодная для тѣхъ виновныхъ, которые, несмотря на массу косвенныхъ уликъ, были наглы и тверды въ запирательствѣ [2]).»

На всемъ судопроизводствѣ лежала печать бездушнаго формализма и мертвящей рутины. Слѣдствіе заключалось преимущественно въ собраніи «безспорныхъ» доказательствъ «къ открытію и обличенію виновнаго», а судебное разбирательство почти исключительно сводилось «къ сужденію по силѣ доказательствъ о виновности или невиновности подсудимаго» [3]) и къ постановленію приговора, на основаніи совокупности безспорныхъ уликъ.

Слѣдствіе находилось преимущественно въ рукахъ уѣздной и городской полиціи. Обычно оно производилось нижними земскими судами, управами благочинія и различными присутствіями, состоявшими изъ полиціймейстеровъ, частныхъ приставовъ и слѣдственныхъ приставовъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ оно поручалось особымъ чиновникамъ, отряженнымъ или мѣстнымъ губернаторскимъ начальствомъ, или министромъ внутреннихъ дѣлъ, или, наконецъ, цѣлыми комитетами, въ составъ которыхъ входили: чиновникъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, жандармскій офицеръ и чиновникъ того вѣдомства, интересы котораго были затронуты. Уѣздные предводители дворянства къ участію въ слѣдствіяхъ не привлекались, но на губернскихъ предводителей вмѣстѣ съ жандармскими штабъ-офицерами законъ возлагалъ про-

---

[1]) І. В. Гессенъ, «Судебн. реформа», стр. 4—5.

[2]) М. П. Чубинскій, «Судебная реформа», «Исторія Россіи XIX в.», изд. Гранатъ, т. III, стр. 247.

[3]) Н. И. Стояновскій, «Практич. руководство къ рус. уголовному судопроиз.», стр. 5.

изводство слѣдствія по дѣламъ объ убійствѣ помѣщиковъ ихъ крѣпостными. Правда, и въ дореформенный періодъ мы встрѣчаемъ нѣсколько категорій слѣдователей. Кромѣ слѣдователей по спеціальнымъ дѣламъ, напримѣръ, по конокрадству и по корчемству—въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и въ обѣихъ столицахъ были еще слѣдственные пристава [1]). Однако, въ громадномъ большинствѣ случаевъ такими слѣдователями назначались бывшіе военные, которые, по словамъ одного современника, «были болѣе способны быть брантмейстерами, чѣмъ юристами» [2]). Только съ 1860 г. учреждены были въ составѣ судебнаго вѣдомства особые судебные слѣдователи.

Ко времени изданія Свода Законовъ уѣздное полицейское учрежденіе—нижній земскій судъ—представляло изъ себя довольно многочисленное коллегіальное присутствіе: кромѣ земскаго исправника и непремѣннаго засѣдателя—обоихъ по выбору дворянъ,—въ него входили два сельскихъ засѣдателя отъ поселянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и нѣсколько становыхъ приставовъ. Послѣдніе назначались губернаторомъ изъ кандидатовъ, представляемыхъ предводителями дворянства. Что касается городской полиціи, то во главѣ ея находились городничіе и полиціймейстеры, которые, какъ и всѣ остальныя полицейскія должностныя лица, служили не по выбору, а по назначенію. Къ чему приводило преобладаніе полиціи въ производствѣ слѣдствія, догадаться нетрудно. Какъ замѣчаетъ А. Ф. Кони, «слѣдствіе было въ грубыхъ и нечистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но въ сущности единственный матеріалъ для сужденія о дѣлѣ». Вообще характерными особенностями полицейскаго слѣдствія, по компетентному указанію Д. А. Ровинскаго, были «безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы въ дѣйствіяхъ и раздуваніе дѣла» [3]).

Чиновники, отряжаемые для производства слѣдствія по болѣе значительнымъ дѣламъ, стояли въ нравственномъ отношеніи нисколько не выше уѣздной и городской полиціи. Въ Пензенской губерніи, напримѣръ, въ 30-хъ гг. для производства слѣдствій, «требовавшихъ особой деликатности или особаго умѣнія и ловкости», посылался обычно чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, «спасенный отъ какого-то уголовнаго преслѣдованія тѣмъ, что былъ показанъ умершимъ», а «на такія слѣдствія, съ которыми особенно церемониться не было надобности», командировался совѣтникъ губернскаго правленія N, который не затруднялся разсказывать потомъ, сколько онъ съ кого взялъ [4]).

О томъ, каковъ былъ личный составъ слѣдователей въ послѣднее время передъ введеніемъ новаго суда, сообщаетъ много поучительныхъ данныхъ

---

[1]) Ср. В. Фуксъ, «Судъ и полиція», стр. 15.

[2]) А. Ломачевскій, «Разсказы изъ прежней полицейской службы». «Рус. Стар.», 1874 г., кн. 4, стр. 786.

[3]) М. П. Чубинскій, «Судебная реформа», «Исторія Россіи», XIX в., изд. Гранатъ, т. III, стр. 246.

[4]) И. С. Селивановъ, «Записки дворянина-помѣщика», Рус. Стар., 1886 г., кн. 6, стр. 290.

А. Ф. Кони, которому въ бытность его прокуроромъ казанскаго окружнаго суда пришлось ознакомиться съ цѣлымъ рядомъ дѣлъ, находившихся въ ихъ рукахъ. Большинство этихъ дѣлъ было составлено крайне малограмотно: на одномъ стояло: «о происшествіи, заключающемся изъ преждевременныхъ родовъ», на другомъ: «о сомнительномъ причиненіи смерти», на третьемъ: «о крестьянинѣ Василіи Шалинѣ, обвиняемомъ въ нанесеніи волостному старшинѣ кулаками буйства на лицѣ» [1]).

Законъ воспрещалъ «чинить пристрастные допросы, истязанія и мученія», но предписывалъ «стараться обнаружить истину черезъ тщательный распросъ и внимательное наблюденіе и соображеніе, какъ словъ, такъ и дѣйствій подсудимаго». Однако, пристрастные допросы были въ большомъ ходу. «Кормленіе соленымъ сельдемъ не въ видѣ пытки», по удостовѣренію Д. А. Ровинскаго, составляло самый обыкновенный пріемъ полицейскаго слѣдствія. Въ 50-хъ гг. въ Москвѣ существовали «клоповники» и знаменитыя «аскольдовы могилы»—семь совершенно темныхъ подваловъ при Басманномъ частномъ домѣ, откуда заключенные выходили иногда совсѣмъ ослѣпшими» [2]). Въ симбирской губернской тюрьмѣ въ 40-хъ гг. подсудимыхъ для полученія отъ нихъ «чистосердечнаго признанія» содержали «въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ въ секретной, совершенно темной комнатѣ, гдѣ они не могли ни сѣсть, ни лечь». А одинъ изъ московскихъ частныхъ приставовъ въ 50-хъ гг. судился даже за то, что, выворотивъ руки заподозрѣнному въ грабежѣ, связалъ ихъ бичевкою, а затѣмъ подвѣшивалъ его на перекосякъ, отъ чего тотъ лишился рукъ [3]).

Не всѣ слѣдователи прибѣгали къ столь грубымъ и преступнымъ пріемамъ. Громадное большинство ихъ, конечно, при допросахъ не пытало, но зато имѣло въ рукахъ другія средства, чтобы довести подсудимаго до сознанія. При производствѣ слѣдствія широко примѣнялось самое беззастѣнчивое вымогательство. «Въ Саранскѣ убили сидѣльца суконной лавки», читаемъ въ запискахъ И. В. Селиванова. Производившій слѣдствіе совѣтникъ губернскаго правленія N «засадилъ въ острогъ цѣлые десятки татаръ не только Пензенской, но даже Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, и выпускалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они вносили за себя выкупъ, кто 1000, а кто 2,000 рублей, сообразно состоянію» [4]). По словамъ г. Колмакова, «услужливые и зависимые отъ своего начальства слѣдователи» послѣ обычныхъ предварительныхъ вопросовъ нерѣдко переходили къ другимъ, болѣе деликатнымъ и тонкимъ, какъ-то: «получили ли вы отъ родителей вашихъ какое-либо достояніе, и въ чемъ оно заключается, и гдѣ оно находится, если нѣтъ, то какими способами бы нажили богатство, какія общества или лица сему способствовали, не потерпѣли ли, кто и въ особенности казна, какіе-либо убытки и потери, чѣмъ вы можете оправ-

---

[1]) А. Ф. Кони, «На жизненномъ пути», т. I, стр. 227, 228.

[2]) Ср. Гр. Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ», стр. 20, примѣч. 60, 61.

[3]) С. М. Середонинъ, «Историч. обз. дѣят. ком. мин.», т. II, стр. 78. Гр. Джаншіевъ, «Эпоха судебн. рефор.», стр. 206, прим. 60.

[4]) Записки И. В. Селиванова, «Рус. Стар.», 1880 г., № 6, стр. 290.

даться и въ чемъ заключается ваше богатство, если въ процентныхъ или другихъ бумагахъ, то въ какихъ именно, гдѣ онѣ находятся»,—а подъ конецъ слѣдовало категорическое заявленіе: «всѣ эти бумаги представьте къ производимому слѣдствію, или укажите, гдѣ онѣ находятся, а въ противномъ случаѣ ваше все имущество и сами вы будете подвергнуты аресту»[1]).

О томъ, какъ производилось дореформенное слѣдствіе полицейскими властями, можно составить нѣкоторое представленіе со словъ Н. И. Стояновскаго. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ упоминаетъ о протоколѣ предварительнаго слѣдствія по дѣлу о женоубійствѣ, написанномъ письмоводителемъ станового пристава и оказавшемся затѣмъ ложнымъ съ начала до конца. Подъ нимъ находились подписи пяти должностныхъ лицъ: исправника, станового пристава, уѣзднаго стряпчаго, депутата со стороны государственныхъ имуществъ и священника, увѣщевавшаго подсудимаго. Всѣ они входили въ составъ временнаго отдѣленія земскаго суда. Но самымъ интереснымъ является то, что всѣ эти подписи были сдѣланы чернилами разныхъ цвѣтовъ. О другомъ весьма своеобразномъ слѣдствіи, производившемся какимъ-то губернаторскимъ чиновникомъ, сообщаетъ въ одной изъ своихъ статей А. М. Унковскій: «Имѣя на рукахъ около 150 дѣлъ о незначительныхъ самовольныхъ порубкахъ въ казенныхъ лѣсахъ, изъ которыхъ многія были оцѣнены отъ 6 до 10 руб. серебромъ и производились по 10—15 лѣтъ по той причинѣ, что всѣ лица, необходимыя для слѣдствія (какъ-то: лѣсничіе и разные депутаты) не могли никакъ выбрать удобнаго для всѣхъ времени, чтобы съѣхаться, этотъ слѣдователь возымѣлъ счастливую мысль покончить всѣ дѣла разомъ безъ всякихъ разъѣздовъ и хлопотъ. Онъ вытребовалъ изъ казначейства ревизскія сказки разныхъ деревень и сочинилъ по нимъ допросы всѣхъ лицъ, необходимыхъ при изслѣдованіи, и къ этимъ бумагамъ всѣ депутаты приложили свои руки или печати» [2]). Даже судебные слѣдователи въ послѣдніе годы передъ реформой исполняли свои обязанности иногда съ непомѣрной волокитой. «Въ одномъ приволжскомъ городѣ, напримѣръ, у чрезвычайно развязнаго и франтоватаго слѣдователя» во время ревизіи А. Ф. Кони обнаружены были огромныя залежи дѣлъ, изъ которыхъ нѣкоторыя оставались безъ производства около 4-хъ лѣтъ [3]).

Дореформенное слѣдствіе приводило зачастую къ самымъ тяжкимъ судебнымъ ошибкамъ, весьма трагически кончавшимся для тѣхъ, кого судьба отдавала въ руки становыхъ и земскихъ засѣдателей, производившихъ слѣдствіе обычно съ ревомъ, бранью, застращиваніями и кулачною расправою. Въ одномъ изъ уѣздовъ Орловской губерніи лѣсника Грузинова, заподозрѣннаго слѣдователями въ убійствѣ жены, присудили, напримѣръ, къ наказанію кнутомъ черезъ палача и къ каторжнымъ рабо-

---

[1]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., № 12, стр. 541.

[2]) А. М. Унковскій, «Новыя основанія судопроизводства», «Современникъ» 863 г., т. I, стр. 401.

[3]) А. Ф. Кони, «На жизненномъ пути», т. I, стр. 225.

тамъ, а затѣмъ, когда невинность его была обнаружена, онъ возвращенъ былъ обратно, но совершеннно искалѣченнымъ и истерзаннымъ какъ нравственно, такъ и физически [1]).

Слѣдствіе распадалось на предварительное и формальное. Первое сводилось къ изслѣдованію «буде возможно, по горячимъ слѣдамъ», того, «дѣйствительно ли случилось происшествіе, заключающее въ себѣ преступленіе», а отъ второго законъ требовалъ «обнаруженія и приведенія въ совершенную извѣстность, надъ какимъ лицомъ, или имуществомъ учинено было преступленіе, въ какомъ дѣйствіи оно состояло, какимъ способомъ, когда, гдѣ и кѣмъ было совершено; однимъ словомъ, чтобы вообще всѣ обстоятельства дѣла приведены были въ ясность и полноту» [2]). Предварительное слѣдствіе начиналось при наличности опредѣленныхъ въ законѣ поводовъ: извѣщенія, или просто донесенія о какихъ-либо признакахъ преступленія, жалобы потерпѣвшаго, доноса, подъ которымъ понималось явное обвиненіе опредѣленнаго лица въ преступленіи, донощеніи лицъ прокурорскаго надзора по такъ называемымъ безгласнымъ дѣламъ, явки съ повинною и, наконецъ, всякихъ свѣдѣній, дошедшихъ до полиціи. Формальное слѣдствіе, начинавшееся послѣ предварительнаго, происходило въ присутствіи депутатовъ отъ того «вѣдомства» или сословія, къ которому по званію своему принадлежалъ подсудимый. Эти депутаты должны были ограждать его интересы. При слѣдствіи находились также чины прокурорскаго надзора, на которыхъ возлагалось наблюденіе за ходомъ слѣдствій, а также забота о томъ, чтобы обвиняемый пользовался всѣми способами, закономъ къ его защитѣ предоставленными. За правильностью слѣдствія обязаны были наблюдать, кромѣ того, губернаторы и губернскія правленія. Производство слѣдствія было тщательно регламентировано. Допросъ сторонъ и свидѣтелей могъ повторяться нѣсколько разъ по усмотрѣнію слѣдователей. Если же обвиняемыхъ было нѣсколько, то они допрашивались порознь.

Весь матеріалъ, добытый слѣдствіемъ, поступалъ въ судъ. Въ судѣ такъ же, какъ и во время слѣдствія, всѣ главные фазисы процесса совершались на бумагѣ безъ непосредственнаго участія прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ или ихъ повѣренныхъ. Прежде чѣмъ подвергнуться разбору, дѣло должно было пройти сквозь фильтрацію канцелярскаго средостѣпія. Секретари съ ихъ помощниками обязаны были изготовить записку съ изложеніемъ дѣла, съ доводами сторонъ, произведя при этомъ надлежащія справки и ссылки на законы. Записка заканчивалась слѣдующей скрѣпой секретаря: «сія записка изъ дѣла учинена правильно и узаконенія приличныя приведены всѣ, и болѣе приличныхъ узаконеній не имѣется, въ чемъ и подлежу отвѣтственности по законамъ за всякую несправедливость» [3]). Затѣмъ стороны или ихъ повѣренные удостовѣряли правиль-

---

[1]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., № 12, стр. 542—543.
[2]) Н. И. Стояновскій, назв. соч., стр. 52, 53.
[3]) І. В. Гессенъ, назв. соч., стр. 6.

ность составленія записки своими подписями, или «учиненіемъ рукоприкладства», выражаясь техническимъ терминомъ того времени.

Для суда эта записка являлась отправной точкой, а иногда и единственнымъ матеріаломъ при разборѣ дѣла, на что по закону опредѣлялось не болѣе 3-хъ часовъ. Чтобы судить о томъ, какое значеніе имѣла подобная записка, мы считаемъ не лишнимъ сослаться на слова одного современника, которому приходилось видѣть въ экстрактахъ изъ дѣлъ, составляемыхъ въ сенатѣ, по 500 статей Закона, приводимыхъ оберъ-секретаремъ, какъ относящихся къ дѣлу. «Бывали дѣла, которыя присылались въ сенатъ на разсмотрѣніе на нѣсколькихъ подводахъ. Экстракты изъ нихъ составлялись на 200 печатныхъ листахъ», самыя же дѣла обнимали нѣсколько тысячъ листовъ. Такъ, напримѣръ, дѣло о сенаторѣ Безродномъ, служившемъ въ 20-хъ годахъ въ провіантскомъ вѣдомствѣ, заключало въ себѣ со всѣми относящимися къ нему справками 23.000 листовъ» [1]).

Законъ требовалъ, чтобы въ засѣданіи суда заслушанъ былъ прежде всего докладъ секретаря о дѣлѣ, но дѣла въ дѣйствительности почти никогда не докладывались не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ. Въ судахъ второй степени, гдѣ дѣла также обыкновенно безъ доклада рѣшались назначеннымъ отъ правительства товарищемъ предсѣдателя, всѣ прочіе члены только подписывали заготовленное заранѣе рѣшеніе участи подсудимаго, котораго ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ.

Весь уголовный процессъ былъ проникнутъ самымъ строгимъ формализмомъ. Законъ вполнѣ опредѣленно гласилъ: «никто не можетъ быть присужденъ къ наказанію безъ точныхъ доказательствъ или явныхъ уликъ въ преступленіи», при чемъ всѣ доказательства онъ подраздѣлялъ на совершенныя и несовершенныя. Достовѣрность вины устанавливалась только при наличности первыхъ, а несовершенныя доказательства приводили къ оставленію подсудимаго въ подозрѣніи, или «въ сильномъ» подозрѣніи, что влекло за собой нѣкоторыя ограниченія правъ. Самымъ безспорнымъ доказательствомъ являлось собственное признаніе подсудимаго, которое, по словамъ закона, «есть лучшее свидѣтельство всего свѣта» [2]). Къ другимъ доказательствамъ, уличающимъ преступника, принадлежали. по Своду Законовъ. письменные договоры, личный осмотръ, показанія свѣдущихъ людей, показанія свидѣтелей, повальный обыскъ и оговоръ. Громадное большинство доказательствъ признавалось несовершенными. Къ числу ихъ относились и свидѣтельскія показанія. Но если два достовѣрныхъ свидѣтеля показывали объ одномъ и томъ же вполнѣ согласно, то судъ, обычно, признавалъ ихъ показанія доказательствомъ достовѣрнымъ.

Вообще для того, чтобы показанія свидѣтелей могли приниматься во вниманіе судомъ, они должны были исходить отъ лицъ безусловно достойныхъ довѣрія, даваться въ торжественной обстановкѣ подъ присягой, и число ихъ не могло быть менѣе двухъ. Свидѣтелямъ передъ допросомъ

---

[1]) І. В. Гессенъ, назв. соч., стр. 14; Н.Н. Бантышъ-Каменскій, «Русская Стар.», 1873 г., № 6.

[2]) С. З., т. XV, стр. 1180.

обычно давалась очная ставка съ обвиняемымъ, но допрашивали ихъ порознь и въ отсутствіи прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, хотя въ случаѣ разногласій и допускались очныя ставки. Оцѣнка свидѣтельскихъ показаній производилась на основаніи правилъ о совершенныхъ и несовершенныхъ доказательствахъ. А по правиламъ этимъ предпочтеніе давалось мужчинамъ передъ женщинами, знатнымъ передъ незнатными, богатымъ передъ бѣдными и духовнымъ передъ свѣтскими. Показанія же «иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно», какъ равно лицъ, «тайно портившихъ межевые знаки», или «признанныхъ по суду явными прелюбодѣями», считались завѣдомо негодными [1]). Не принимались во вниманіе также показанія малолѣтнихъ. Въ 1839 г. въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи въ имѣніи Кошелева произошло на почвѣ грабежа убійство старухи, вдовы бывшаго приказчика. Убійство совершено было скотникомъ на глазахъ ея малолѣтней внучки, которая на очныхъ ставкахъ безошибочно и вѣрно разсказала все дѣло, но такъ какъ собственнаго признанія со стороны преступника не послѣдовало, то судъ оставилъ его только «въ сильномъ подозрѣніи», считая недостаточными показанія несовершеннолѣтней [2]). При оцѣнкѣ фактовъ, устанавливаемыхъ свидѣтелями, принимались во вниманіе также и ихъ религіозныя убѣжденія. Противъ православнаго не могъ, напримѣръ, свидѣтельствовать иновѣрецъ, а тѣмъ болѣе раскольникъ, какъ отступникъ отъ истинной религіи. Такъ, по постановленію сената, былъ преданъ суду становой приставъ Ивановъ, допустившій вопреки 277 ст. XV тома Свода Законовъ показанія 24-хъ раскольниковъ противъ православнаго крестьянина Лупша Федотова, покушавшагося на грабежъ въ раскольничьемъ селеніи. Самъ Федотовъ на слѣдствіи сознался въ преступленіи, но въ уѣздномъ судѣ отрицалъ свою виновность.—Хотя уголовной палатой онъ и былъ приговоренъ къ наказанію, однако, сенатъ этотъ приговоръ отмѣнилъ и оставилъ Федотова только въ подозрѣніи [3]). Къ чему приводила теорія формальныхъ доказательствъ, прекрасно выясняетъ А. М. Унковскій въ своей статьѣ: «Новыя основанія судопроизводства». У него одно время въ рукахъ находилось много дѣлъ о конокрадствѣ, изъ которыхъ было видно, что «одни и тѣ же лица были судимы по дѣламъ одного и того же рода и освобождаемы отъ суда или оставляемы въ подозрѣніи по 10—11 разъ», а одинъ конокрадъ, терроризовавшій своими грабежами всю округу, привлекался даже къ суду 18 или 19 разъ, но ни разу не былъ уличенъ [4]). Вообще при дѣйствіи «своднаго» законодательства, какъ можно судить по офиціальнымъ статистическимъ даннымъ, только 12,5% всѣхъ приговоровъ кончались полнымъ обвиненіемъ, а остальные преимущественно сводились къ оставленію подсудимаго въ подозрѣніи.

---

[1]) Ср. Кони, «На жизненномъ пути», т. I, стр. 225.

[2]) И. Н. Захарьинъ, «Разсказы изъ прежней судебн. практики», «Рус. Стар.», 1874 г., кн. 4, стр. 779—780.

[3]) «Минист. юстиціи за 100 л. (1802—1902 г.)», стр. 76—77.

[4]) А. М. Унковскій, «Новыя основанія судопроизвод.», «Современникъ», т. I, стр. 398.

Гражданскій процессъ покоился на тѣхъ же принципіальныхъ основаніяхъ, какъ и уголовный. Предварительная подготовка дѣла состояла въ томъ, что тяжущіеся обмѣнивались четырьмя состязательными бумагами: прошеніемъ, отвѣтомъ, возраженіемъ и опроверженіемъ. Все это могло подолжаться отъ 4-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ изъ всего производства дѣлалась «выписка», которая сообщалась тяжущимся для прочтенія и подписи, при чемъ они могли просить о дополненіи и измѣненіи ея. При чтеніи этой докладной записки до начала сужденія о дѣлѣ могли присутствовать тяжущіеся или ихъ повѣренные. Но обсужденіе дѣла и постановленіе приговора происходили уже въ отсутствіи сторонъ. Стороны имѣли возможность повліять нѣкоторымъ образомъ на составъ судебнаго присутствія путемъ отвода судей. Этотъ отводъ могъ состояться не только по причинамъ, перечисленнымъ въ законѣ, но и по другимъ, «о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ».

Вопросъ о подсудности въ эпоху дѣйствія «своднаго» законодательства опредѣлялся почти всецѣло принципомъ сословности. Однако, этотъ принципъ далеко не всегда соблюдался. Такъ, уѣздному суду подсудны были всѣ сословія, кромѣ купцовъ и мѣщанъ, подвѣдомственныхъ магистратамъ и ратушамъ. Надворные суды, учрежденные въ столицахъ; вѣдали уголовныя дѣла лицъ, «пребывающихъ въ столицахъ по службѣ придворной, или гражданской, или по дѣламъ своимъ, промысламъ и упражненіямъ; а равно дѣла иногородныхъ и разночинцевъ. Изъ гражданскихъ дѣлъ въ надворныхъ судахъ разбирались «споры, возникшіе противъ обязательствъ, представленныхъ къ взысканію, а также иски объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ на чиновниковъ, временно пребывающихъ въ столицахъ, и на разночинцевъ, не имѣющихъ недвижимой собственности». Кромѣ того, въ губернскихъ городахъ были совѣстные суды, которымъ помимо дѣлъ, «ввѣренныхъ по обоюдному добровольному согласію тяжущихся», подвѣдомственны были дѣла между родителями и дѣтьми по имуществу и обязательствамъ». Для торговыхъ дѣлъ имѣлись особые коммерческіе суды. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда «въ товариществѣ возникалъ споръ по дѣламъ, къ оному принадлежащимъ», учреждались узаконенные третейскіе суды. Когда обвиняемые принадлежали къ различнымъ сословіямъ, составлялись, такъ называемые, «вобщіе суды», т. е. общія присутствія соотвѣтствующихъ судебныхъ коллегій.

До сихъ поръ мы говорили объ основныхъ принципахъ дореформеннаго процесса, не касаясь отдѣльныхъ его формъ по существу. Этихъ формъ было столь-же много, какъ и тѣхъ судебныхъ инстанцій, по которымъ «волочили» дѣла иногда нѣсколько десятковъ лѣтъ подрядъ. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ законъ устанавливалъ прежде всего производство распорядителное, которое бывало двухъ родовъ: или совершенно выходящее изъ компетенціи двухъ первыхъ инстанцій—это касалось преимущественно дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны,—или служащее имъ преддверіемъ. Къ этой же формѣ процесса относились дѣла, разбираемыя полиціей, напримѣръ, по безспорнымъ взысканіямъ, о возстановленіи нарушеннаго

владѣнія и т. д. Затѣмъ, гражданское производство дѣлилось на «примирительное» и «понудительное», при чемъ послѣднее подраздѣлялось на двѣ категоріи: «дѣла исковыя» и «дѣла вотчинныя». Вотчинныя дѣла разбивались тоже на двѣ отрасли: на апелляціонныя и слѣдственныя. Подъ послѣдними разумѣлись дѣла, переносимыя въ высшія инстанціи независимо отъ жалобы заинтересованныхъ лицъ. Въ свою очередь въ исковомъ производствѣ различалось «производство скорокончательное» и «по взысканіямъ въ обидахъ, ущербахъ и самоуправномъ завладѣніи» [1]). Такимъ запутаннымъ и сложнымъ являлось гражданское судопроизводство.

Уголовный процессъ усложнялся преимущественно отъ обилія инстанцій. Въ судахъ первой инстанціи окончательно рѣшались дѣла о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, даже въ томъ случаѣ, когда преступникъ не былъ отысканъ, а также дѣла о бродягахъ и непомнящихъ родства или званія. Всѣ они шли на утвержденіе губернатора; а если губернаторъ былъ не согласенъ съ рѣшеніемъ суда, то дѣло передавалось на ревизію второй инстанціи. Но по преступленіямъ, влекущимъ за собою наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ правъ состоянія, суды первой инстанціи могли выносить только мнѣніе, которое шло на ревизію уголовной палаты. По всѣмъ же остальнымъ дѣламъ, когда подсудимые обвинялись въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою менѣе тяжкія наказанія, низшими судебными мѣстами постановлялись рѣшительные приговоры, но подсудимымъ при этомъ предоставлялось право апелляцій въ уголовную палату. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судомъ первой инстанціи являлись прямо уголовныя палаты. Такъ, въ нихъ непосредственно вносились дѣла о должностныхъ преступленіяхъ, а также о лицахъ, ищущихъ вольности. По дѣламъ перваго рода приговоры палаты были окончательными въ томъ случаѣ, когда виновными являлись приказные служители, не имѣвшіе чина и не принадлежавшіе къ дворянскому сословію. По дѣламъ же второго рода приговоры могли быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ, т. е. считались рѣшительными, но не окончательными. Когда же обвиняемыми являлись высшіе государственные сановники, судомъ первой инстанціи былъ сенатъ. По большинству дѣлъ приговоры уголовныхъ палатъ были рѣшительными, т. е. вступали въ законную силу по истеченіи извѣстнаго срока и по утвержденіи ихъ начальникомъ губерніи, если подсудимыми не подавались апелляціонныя жалобы. Но въ слѣдующихъ случаяхъ дѣла обязательно шли на ревизію сената: 1) когда подсудимый, на основаніи приговора уголовной палаты, окончательно исключался изъ службы, или отрѣшался отъ должности; 2) когда подсудимый приговаривался къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ правъ, и 3) когда затронутъ былъ интересъ казны.

Нѣкоторыя дѣла шли еще дальше сената: такъ, въ Государственный Совѣтъ поступали всѣ тѣ приговоры, по которымъ или не составилось надлежащаго большинства голосовъ въ сенатѣ, или послѣдовалъ протестъ генералъ-прокурора. По всѣмъ дѣламъ, касающимся совращенія изъ право-

---

[1]) І. В. Гессенъ, «Судебн. реф.», стр. 4.

славія въ иное христіанское, или нехристіанское вѣроисповѣданіе, приговоръ утверждался комитетомъ министровъ. Наконецъ, на Высочайшее утвержденіе вносились: 1) всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ; 2) всѣ дѣла о дворянахъ и чиновникахъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и 3) дѣла, по которымъ въ преступленіяхъ участвовали помѣщики вмѣстѣ со своими крѣпостными.

Со времени отдѣленія слѣдствія отъ суда при Екатеринѣ II, дѣлопроизводство стало еще болѣе сложнымъ и медленнымъ. Каждый отдѣльный его моментъ облекался въ форму письменнаго судебнаго акта, такъ какъ лишь эти акты являлись основаніемъ приговора, и изъ нихъ только высшія мѣста могли удостовѣриться въ правильности рѣшенія судовъ низшихъ степеней. При безконечномъ количествѣ инстанцій бумажное дѣлопроизводство приводило къ непомѣрной волокитѣ, на которую шли жалобы рѣшительно со всѣхъ сторонъ.

Громадныя залежи дѣлъ не только гражданскихъ, но и уголовныхъ, доходили до самыхъ ужасающихъ размѣровъ во всѣхъ безъ исключенія судебныхъ установленіяхъ. Такъ въ 1835 г., вновь назначенный симбирскій губернаторъ Жиркевичъ обнаружилъ въ губернской канцеляріи до двухсотъ дѣлъ изъ уголовной палаты и до трехсотъ—изъ уѣздныхъ судовъ, неутвержденныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ его предшественникомъ Загряжскимъ. Въ петербургскомъ совѣстномъ судѣ къ началу 1848 г. числилось не рѣшенными 787 уголовныхъ дѣлъ, сверхъ 45 гражданскихъ [1]). Въ петербургскомъ надворномъ судѣ въ 1837 г. замѣчено было громадное накопленіе дѣлъ. Всѣ эти дѣла предложено было окончить въ теченіе двухъ лѣтъ; если за это время они все же не будутъ разсмотрѣны, то члены суда обязаны были продолжать возложенную на нихъ работу, но уже безъ жалованья, до ея полнаго окончанія. Вскорѣ по истеченіи двухлѣтняго срока вновь назначеннымъ петербургскимъ губернаторомъ Шереметьевымъ была произведена ревизія надворнаго суда и вотъ, что она обнаружила въ тѣхъ двухъ его департаментахъ, на которые возложена была ликвидація старыхъ дѣлъ. Заимствуемъ разсказъ объ этомъ изъ записокъ барона Корфа, который очень живо передаетъ всѣ подробности этой печальной исторіи: «Въ 3-емъ департаментѣ оказалось нерѣшенныхъ дѣлъ 375, а неисполненныхъ рѣшеній и указовъ болѣе 1,500. Изъ числа трехъ присутствовавшихъ—судья, по старости лѣтъ и слабому здоровью, занимался чрезвычайно мало; одинъ засѣдатель умеръ, а другой постоянно рапортовался больнымъ и почти никогда не бывалъ въ судѣ. Изъ числа двухъ секретарей—одинъ также умеръ, а другой, видя себя обреченнымъ служить неизвѣстное время безъ жалованья, и не находя никакихъ средствъ къ пропитанію большой семьи, упалъ духомъ, и, притомъ, рѣшительно не могъ ничего дѣлать, какъ отъ бездѣйствія и недостатка членовъ, такъ и отъ неповиновенія канцеляріи, которой безнравственность, по выраженію ревизоровъ, превзошла всякое вѣроятіе». «Въ четвертомъ департаментѣ нерѣшенныхъ дѣлъ оставалось до 600, а счета неисполненнымъ

---

[1]) Русск. Арх., 1880 г., т. II, стр. 402.

рѣшеніямъ и указамъ никто не зналъ; повѣрить же ихъ число не было никакой возможности, потому что всѣ реестры, книги и проч. находились въ совершенномъ разстройствѣ. Въ обоихъ департаментахъ нѣсколько двигались только тѣ дѣла, по которымъ просители имѣли ежедневное и настоятельное хожденіе, прочія же лежали безъ всякаго производства и разбора вокругъ канцелярскихъ столовъ». Но все это было каплей въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что въ 1831 г. обнаружено было въ петербургскихъ губернскихъ учрежденіяхъ. Въ нихъ оказалось 120,000 нерѣшенныхъ дѣлъ, среди которыхъ 5,361 по должностнымъ преступленіямъ [1]).

Чѣмъ же объясняется такое положеніе вещей? Причина коренилась прежде всего въ медленномъ темпѣ всей вообще русской жизни дореформенной эпохи. Оказывалъ извѣстное вліяніе и недостатокъ въ людяхъ, отъ котораго, по словамъ сенатора Лебедева, даже въ сенатскихъ департаментахъ «дѣла и бумаги во множествѣ затеривались, а журналы не изготовлялись болѣе, чѣмъ за четыре мѣсяца» [2]). Но, главнымъ образомъ, эта безконечная волокита вызывалась обиліемъ судебныхъ инстанцій, которыхъ по казеннымъ дѣламъ, напримѣръ, насчитывалось не менѣе 11, и неограниченнымъ правомъ переноса дѣлъ въ ревизіонномъ и апелляціонномъ порядкѣ. «Отъ земскаго суда до Государственнаго Совѣта столько переходовъ что нужно долгое время и большія средства, чтобы провести дѣло по всѣмъ инстанціямъ, въ которыхъ судятъ, пересуживаютъ, и часто рѣшеніемъ самаго высшаго мѣста предоставляютъ только снова начать тяжбу судомъ по формѣ. Такимъ образомъ, недостаточно жизни, чтобы дождаться окончанія» [3]). Въ такихъ выраженіяхъ характеризовалъ дореформенное судопроизводство А. Д. Боровковъ въ запискѣ, составленной имъ для императора Николая на основаніи показаній участниковъ движенія 14 декабря 1825 года.

Переносъ дѣлъ изъ одной инстанціи въ другую обычно совершался самъ собою въ ревизіонномъ порядкѣ, помимо жалобы сторонъ. При этомъ въ судебныхъ палатахъ происходило все то же, что и въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ: составлялись записки, наводились справки и т. п. Интересно, что и въ сенатѣ дѣло не обходилось безъ пополненія справками. Вообще эти справки страшно затягивали производство дѣлъ: всѣ онѣ собирались черезъ полицію, которая буквально была завалена требованіями судовъ. Понятно, поэтому, что онѣ поступали зачастую съ громаднымъ промедленіемъ. Бывали случаи, что въ теченіе 6 лѣтъ судъ ихъ не получалъ, «несмотря на 46 повторныхъ представленій» губернскому правленію [4]). Волокита увеличивалась еще и оттого, что, какъ видно изъ Всеподданнѣйшаго отчета министра юстиціи графа Панина за 1842 г., почти во всѣхъ судахъ установился обычай «для уменьшенія числа показываемыхъ въ вѣдомостяхъ нерѣшенныхъ дѣлъ; разсылать ихъ въ концѣ года въ различныя

---

[1]) С. М. Середонинъ, назв. соч., т. II, стр. 65—66.
[2]) «Изъ записокъ сенатора Лебедева», Рус. Арх., 1888 г., т. I, кн. 5, стр. 137.
[3]) А. Д. Боровковъ, «Записки», «Рус. Стар.», 1898 г., № 11, стр. 135.
[4]) Гр. Джаншіевъ, «Основы судебн. реформы», стр. 38.

мѣста для дополненія совершенно ненужными свѣдѣніями» [1]). Переносъ дѣлъ въ инстанціонномъ порядкѣ приводилъ, въ свою очередь, къ громадному накопленію дѣлъ въ центральныхъ судебныхъ установленіяхъ. Изъ отчетовъ министерства юстиціи видно, что, напримѣръ, въ 1862 г. въ производствѣ учрежденной при немъ консультаціи находилось до 11 тысячъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ по протестамъ губернскихъ прокуроровъ 358 за одинъ только годъ [2]).

Эта судебная волокита не могла не отражаться на всемъ ходѣ правосудія въ дореформенной Россіи. Дѣла иногда въ одной первой инстанціи залеживались по 10—15 лѣтъ, а по извѣстному дѣлу Шидловскихъ въ теченіе семи лѣтъ сенатомъ было издано до 12 противорѣчивыхъ указовъ; и только черезъ 20 лѣтъ рѣшенъ былъ формальный вопросъ о порядкѣ направленія этого дѣла; по существу же оно ни разу не разбиралось въ теченіе всего этого времени [3]). Заинтересованныя лица составляли нерѣдко искусно придуманные разсказы для того, чтобы запутать дѣло и втянуть въ него какъ можно больше людей, пользуясь тѣмъ, что, пока оно перейдетъ въ другую инстанцію, трудно будетъ раскрыть всю лживость ихъ показаній. Свидѣтели, въ большинствѣ случаевъ, боялись проронить лишнее слово и чаще всего отзывались невѣдѣніемъ, такъ какъ по опыту знали, что нерѣдко показанія, неправильно занесенныя въ протоколъ слѣдствія, давали поводъ привлекать свидѣтелей по нѣсколько разъ къ допросу, отрывая ихъ отъ обычныхъ занятій. Больше всего отъ судебной волокиты страдали, конечно, подслѣдственные арестанты, о которыхъ иногда просто забывали, и они, какъ-то было въ Оренбургѣ въ концѣ 20-хъ гг., по 5—7 лѣтъ томились въ тюрьмѣ и пересылались даже изъ одного города въ другой [4]).

Но если для однихъ медленность дѣлопроизводства была чрезвычайно тягостной, то другіе, наоборотъ, считали ее для себя явленіемъ весьма благопріятнымъ. Бывшій тобольскій губернаторъ Бантышъ-Каменскій разсказываетъ, напримѣръ, въ своихъ запискахъ о директорѣ морского коммиссаріатскаго департамента Симанскомъ, который спеціально ходатайствовалъ передъ сенатскимъ оберъ-прокуроромъ о томъ, чтобы его дѣло «какъ можно долѣе оставалось безъ дѣйствія», такъ какъ онъ опасался отъ него «дурныхъ для себя послѣдствій [5])».

Для борьбы съ огромными залежами дѣлъ правительство предпринимало различныя мѣры: назначало сенатскія ревизіи, оказывало воздѣйствія на губернаторовъ и предсѣдателей палатъ, а иногда даже открывало временныя учрежденія съ чисто ликвидаціонными функціями. Такъ, когда въ елецкомъ земскомъ судѣ накопилось столько нерѣшенныхъ дѣлъ,

---

[1]) «Министерство юстиціи за 100 лѣтъ (1802—1902 гг.)», стр. 71.

[2]) Н. В. Муравьевъ, назв. соч., стр. 336, 357.

[3]) Ср. Гр. Джаншіевъ, «С. И. Зарудный и Судебная реформа», стр. 57.

[4]) Ср. С. М. Середонинъ, назв. соч., т. II, стр. 56.

[5]) Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Шемякинъ Судъ», «Рус. Стар.», 1873 г., № 6, стр. 781.

что трудно было даже опредѣлить, хотя бы приблизительное ихъ число, то по постановленію комитета министровъ въ Ельцѣ былъ открытъ временный судъ [1]).

Сами мѣстныя учрежденія иногда довольно оригинальнымъ способомъ пытались ликвидировать годами накопившіяся дѣла. «Въ одной уголовной палатѣ», сообщаетъ въ своихъ запискахъ г. Колмаковъ, «замѣчена была страшная медленность въ ходѣ арестантскихъ дѣлъ. Предписаніе за предписаніемъ слѣдовало одно за другимъ изъ министерства въ палату о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ. Спустя нѣсколько времени послѣ сего предсѣдатель этой палаты пріѣзжаетъ въ Петербургъ и съ ликующимъ лицомъ является къ министру юстиціи, докладывая, что всѣ дѣла въ его палатѣ рѣшены. «Какъ же вы это сдѣлали?» спросилъ министръ.—«Я, Ваше сіятельство», отвѣчалъ предсѣдатель-дворянинъ, «воспользовался особымъ случаемъ. Въ нашемъ губернскомъ острогѣ содержится нѣсколько весьма опытныхъ чиновниковъ: вотъ я и роздалъ имъ дѣла,—они мнѣ живо написали все, что нужно». Министръ графъ Панинъ, услыхавъ это, всплеснулъ руками и удалился изъ пріемной комнаты, не найдя ничего сказать». Можно представить себѣ, какъ рѣшены были уголовныя дѣла этими своеобразными судьями, которые сами отбывали наказаніе за преступленія уголовнаго характера. Конечно, уголовные арестанты, вѣроятно, весьма рѣдко выступали въ роли судей, но уголовныя дѣла, по которымъ обвиняемые томились цѣлыми годами въ предварительномъ заключеніи, рѣшались сплошь и рядомъ въ нѣсколько минутъ, и приговоры по нимъ, иногда весьма суровые, выносились судьями безъ малѣйшаго ознакомленія съ содержаніемъ даннаго дѣла. Вотъ, напр., какой эпизодъ приводитъ г. Карповъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ старожила»:—Въ Харьковѣ въ 30-хъ гг. сданъ былъ полицейскому начальству молодой крестьянинъ 18 лѣтъ, Трофимъ Кочановъ, подозрѣвавшійся въ убійствѣ дѣвушки. Изъ полиціи онъ былъ немедленно препровожденъ въ острогъ. Начались допросъ и слѣдствіе. 8 лѣтъ просидѣлъ Трофимъ въ острогѣ, пока судъ постановилъ рѣшеніе по его дѣлу. Быть можетъ, говоритъ г. Карповъ, сидѣлъ-бы онъ въ острогѣ еще большее число лѣтъ, если-бы не встрѣтилась необходимость поспѣшить съ рѣшеніемъ по его дѣлу. Въ то время въ уѣздныхъ городахъ остроговъ почти нигдѣ не было. И потому въ харьковскую тюрьму приходилось заключать не только преступниковъ, совершившихъ преступленіе въ Харьковѣ, но и въ другихъ городахъ. Это нерѣдко вело къ тому, что въ харьковскомъ острогѣ становилось слишкомъ тѣсно, и нужно было употребить экстренныя мѣры для освобожденія нѣсколькихъ мѣстъ въ острогѣ въ виду ожидавшагося прибытія этапа арестантовъ изъ уѣздовъ губерніи; началась повѣрка заголовковъ уголовныхъ дѣлъ, и откладывались къ немедленному рѣшенію тѣ дѣла, которыя ожидали резолюцій 5 и болѣе лѣтъ, а потому и дѣло Трофима было тотчасъ рѣшено и сдано къ немедленному исполненію.—«И зачѣмъ вы задерживаете такія старыя дѣла»? съ неудовольствіемъ говорилъ предсѣдатель уголовной палаты

---

[1]) С. М. Середонинъ, назв. соч., т. II, стр. 86.

своему секретарю. «Тутъ недостаетъ свидѣтельскаго показанія о его умственныхъ способностяхъ», отвѣтилъ секретарь.—«Какія тамъ умственныя способности»? нетерпѣливо возразилъ предсѣдатель.—«Подсудимый видимый дуракъ! Сегодня-же напишите резолюцію: наказать его 50 ударами плетей черезъ палача и сослать въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Вы знаете, что намъ нужно очистить въ острогѣ мѣсто для нового этапа». Приказаніе было въ точности исполнено, и черезъ 5 дней послѣ рѣшенія Трофима везли черезъ весь городъ на конную площадь, а вслѣдъ за нимъ въ послѣдующіе дни везли другихъ преступниковъ, очищая такимъ образомъ мѣсто для имѣвшихъ вновь прибыть арестантовъ [1]). Во всемъ этомъ инцидентѣ наиболѣе любопытнымъ является то обстоятельство, что высшій представитель судебнаго вѣдомства въ губерніи, какимъ былъ предсѣдатель уголовной палаты, отнюдь не считалъ предосудительнымъ такъ беззастѣнчиво попирать самые элементарные принципы правосудія.

Чтобы поставить нѣкоторыя преграды все растущей, бумажной лавинѣ, законъ предписывалъ по гражданскимъ дѣламъ «за неправильное возбужденіе исковъ и тяжебъ и за принесеніе неправой апелляціи» взыскивать штрафъ въ размѣрѣ 5% исковой суммы. Любопытно, что половина этихъ штрафныхъ денегъ выдавалась судьямъ и секретарямъ, на которыхъ подана была несправедливая жалоба, и распредѣлялась между ними, сообразно количеству получаемаго ими жалованья. Что касается уголовныхъ дѣлъ, то по закону лица непривилегированныхъ сословій были крайне стѣснены въ обжалованіи уже постановленныхъ приговоровъ. Такъ, напримѣръ, всѣмъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, разрѣшалось приносить жалобу въ сенатъ только послѣ приведенія надъ нимъ въ исполненіе приговоровъ судебной палаты. При этомъ, если принесенная жалоба признавалась неосновательной, то подавшій ее подвергался еще новому наказанію: заключенію въ тюрьмѣ, или 60 ударамъ розогъ. Сенатъ въ своей практикѣ стремился стѣснить и безъ того узкія рамки, поставленныя закономъ, признавая, напр., что приговоренные къ рабочему дому не имѣли права «ни апеллировать, ни обжаловать [2]).

III

Тѣлесныя наказанія.

Началомъ самаго бездушнаго формализма проникнуто было и все дореформенное матеріальное право. Въ основу карательной системы по Своду Законовъ 1835 г. и Уложенію о наказаніяхъ 1845 г. положены были два принципа: возмездіе съ одной стороны и устрашеніе—съ другой. Самъ

---

[1]) В. П. Карповъ, «Харьковская Старина,» 1830—1860 гг., «Изъ воспоминаній старожила», стр. 346.

[2]) Гр. Джаншіевъ, «Основы судеб. реформы», стр. 15.

императоръ Николай, являясь убѣжденнымъ сторонникомъ суровой казарменной дисциплины, считалъ необходимымъ сохранить въ нашей карательной системѣ всѣ виды тѣлесныхъ наказаній, до прогнанія сквозь строй включительно. «Тѣ лица, военныя и гражданскія, которыя били палками и сѣкли розгами», по словамъ кн. Н. С. Голицына, «снискивали себѣ извѣстность людей твердыхъ, способныхъ и достойныхъ»[1]). Все это приводило къ тому, что въ дореформенныхъ судахъ царило «кровавое правосудіе». Почти всѣ обвинительные приговоры по уголовнымъ дѣламъ сопровождались тѣлеснымъ наказаніемъ. Одинъ 14-лѣтній мальчикъ, живший подаяніемъ, обвинялся, напримѣръ, въ самой грубой и наивной поддѣлкѣ двугривеннаго. Уголовная палата присудила его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы и къ наказанію 100 ударами розогъ, взамѣнъ 100 ударовъ плетьми, въ виду его несовершеннолѣтія. Сенатъ, куда это дѣло перешло въ ревизіонномъ порядкѣ, полагалъ ходатайствовась передъ верховной властью о замѣнѣ этого наказанія 50 ударами розогъ и отдачей мальчика въ батальонъ военныхъ кантонистовъ. Но министръ юстиціи гр. Панинъ не далъ хода этому ходатайству, полагая, что мальчику уже оказана большая милость, вслѣдствіе замѣны плетей розгами [2]).

Наша дореформенная карательная система различала слѣдующіе виды тѣлесныхъ наказаній: наказаніе кнутомъ, плетьми, шпицрутенами, плеткой по одеждѣ, веревкой, хлыстомъ, палками и розгами, или лозами. Кромѣ того, суррогатомъ тѣлеснаго наказанія было содержаніе на хлѣбѣ и водѣ. Сводъ Законовъ внесъ довольно существенное измѣненіе въ сферу матеріальнаго права. Со времени его изданія почти всѣ тѣ преступленія, которыя прежде карались кнутомъ, подлежали наказанію плетьми. Кнутъ же оставленъ былъ только для лицъ, ссылаемыхъ на каторгу, и имъ карались тѣ преступленія, за которыя прежде полагалась смертная казнь. Наказанію плетьми подвергались всѣ ссылаемые на поселеніе, а также лица, совершившія такія преступныя дѣянія, за которыя до изданія Свода назначался обычно кнутъ.

Сводъ Законовъ назначалъ тѣлесныя наказанія за самыя разнообразныя преступленія, не только уголовныя, но и политическія. Такъ наказаніе кнутомъ полагалось «за отлучку» безъ разрѣшенія правительства «въ иностранныя земли для службы въ нихъ и вѣчнаго жительства», и «за умышленное объявленіе внѣшнимъ врагамъ государственныхъ тайнъ чиновниками». Такимъ образомъ, при дѣйствіи своднаго законодательства эмигранты на ряду съ лицами, уличенными въ государственной измѣнѣ, подлежали самому тяжкому изъ тѣлесныхъ наказаній. Къ тому же наказанію присуждались и чиновники «за излишніе поборы и взятки». Большинство уголовныхъ преступленій каралось наказаніемъ плетьми, но законъ примѣнялъ эту мѣру возмездія и къ такимъ дѣяніямъ, которыя, повидимому, ни въ коемъ случаѣ не должны были вызывать такого суроваго

---

[1]) «Русск. Стар.» 1890 г., 4, стр. 76.

[2]) Гр. Джаншіевъ. «Основы судебной реформы», стр. 23.

къ себѣ отношенія. Такъ къ наказанію плетьми присуждали кликушъ, обвинявшихъ кого-либо «въ порчѣ ихъ, или причиненіи имъ золъ, посредствомъ ворожбы и злыхъ духовъ».

На ряду съ несоотвѣтствіемъ мѣры наказанія тому или иному виду преступнаго дѣянія, въ карательной системѣ, по Своду Законовъ, замѣчались еще и другіе недостатки. Устанавливался, напримѣръ, только родъ наказанія за совершенное преступленіе, но не опредѣлялись точно для каждаго отдѣльнаго случая его размѣры. Все это приводило къ полному судейскому произволу, выражавшемуся въ томъ, что лица, совершившія одни и тѣ же преступленія и притомъ иногда при вполнѣ одинаковыхъ обстоятельствахъ, присуждались къ различнымъ наказаніямъ. Поэтому, уже довольно скоро послѣ изданія Свода Законовъ стала чувствоваться настоятельная потребность въ коренномъ пересмотрѣ тѣхъ его статей, которыя регулировали систему наказаній. Новое Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. объединяло всѣ карательныя постановленія, разбросанныя прежде по 15 томамъ Свода Законовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливало болѣе точную мѣру наказанія за совершенное преступленіе. Но и со времени его изданія, въ нашей карательной системѣ оставалось много пережитковъ старины. Такъ, напримѣръ, наказанію плетьми подвергался тотъ, кто выдавалъ себя за лицо, «одаренное сверхъестественной силой и святостью», и возбуждалъ «черезъ этотъ обманъ въ народѣ уныніе, тревогу или неповиновеніе установленнымъ властямъ». Но все же Уложеніе о нак. 1845 г. дѣлало извѣстный шагъ впередъ, сравнительно со Сводомъ Законовъ, хотя бы въ томъ, что нѣсколько смягчало нашу суровую карательную систему. Наказаніе кнутомъ окончательно было отмѣнено, а всѣ остальные виды тѣлесныхъ наказаній были сведены къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ: 1) публичное наказаніе отъ 30 до 100 ударовъ плетьми черезъ палача, съ наложеніемъ клейма, при ссылкѣ въ каторжныя работы; 2) публичное наказаніе отъ 10 до 30 ударовъ плетьми черезъ палача, но безъ наложенія клейма, при ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія [1]); 3) исправительное наказаніе розгами отъ 50 до 100 ударовъ черезъ полицейскихъ служителей. Этотъ послѣдній видъ тѣлеснаго наказанія не имѣлъ уже самостоятельнаго значенія, а замѣнялъ, обычно, денежные штрафы и нѣкоторые случаи лишенія свободы, что особенно стало практиковаться съ изданія Временныхъ правилъ 1853 г. Благодаря этому, розги остались преобладающимъ орудіемъ возмездія въ арсеналѣ дореформенной карательной системы.

Исправительное наказаніе розгами находилось въ рукахъ уѣздной и городской полиціи. Но при низкомъ нравственномъ уровнѣ полицейскихъ чиновниковъ того времени это открывало широкій просторъ къ проявленію самаго грубаго произвола. «Полицейскіе чиновники привыкли такъ легко смотрѣть на побои простого народа», читаемъ въ одной изъ записокъ Великаго Князя Константина Николаевича, «что каждый изъ нихъ считаетъ себя

---

[1]) Наказаніе плетьми замѣнялось шпицрутенами, когда виновный въ уголовномъ преступленіи судился военнымъ судомъ.

вправѣ употреблять розги и побои, когда ему вздумается» [1]). Въ Петербургѣ напримѣръ, вопреки закону, запрещавшему подвергать мѣщанъ тѣлесному наказанію безъ суда, мелкіе торговцы, ремесленники и мастеровые зачастую наказывались розгами по усмотрѣнію частныхъ приставовъ, «которые только въ исключительныхъ случаяхъ обезпокоивали оберъ-полиціймейстера своими представленіями» [2]). Въ провинціи дѣло обстояло еще хуже: въ Казани, напримѣръ, полиціймейстеръ Поль, по словамъ одного современника, истязалъ людей совершенно невинныхъ. Всѣхъ задержанныхъ за пьянство и буйство, не только простолюдиновъ, но даже мелкихъ чиновниковъ, онъ приказывалъ «при себѣ растянуть и высѣчь» [3]).

Къ болѣе тяжкимъ видамъ тѣлесныхъ наказаній имѣла право присуждать только уголовная палата, какъ одна изъ высшихъ судебныхъ инстанцій. Обычно приговоры о ссылкѣ на поселеніе, объ отправленіи на каторжныя работы и о наказаніи плетьми объявлялись въ ней преступникамъ при открытыхъ дверяхъ. Самое же наказаніе производилось черезъ палача на площади, по возможности, въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено было преступленіе. «Учинившихъ преступныя дѣянія въ разныхъ уѣздахъ или городахъ» законъ повелѣвалъ «отсылать для наказанія въ тотъ городъ, который многолюднѣе прочихъ» [4]).

Самыми страшными орудіями нашей дореформенной карательной системы являлись кнутъ и шпицрутены, наказаніе которыми было своего рода замаскированной смертною казнью. Одинъ изъ современниковъ даетъ яркую картину тѣхъ переживаній, которыя испытывалъ онъ, присутствуя еще мальчикомъ при наказаніи кнутомъ военныхъ поселянъ. «Я живо помню эти орудія казни. Кобыла—это доска, длиннѣе человѣческаго роста, дюйма въ 3 толщины и въ полъаршина ширины; на одномъ концѣ доски вырѣзка для шеи, а по бокамъ—вырѣзки для рукъ, такъ что, когда преступника клали на кобылу, то онъ обхватывалъ ее руками, и уже на другой сторонѣ руки скручивались ремнемъ; шея притягивалась также ремнемъ, равно какъ и ноги. Другимъ концомъ доска крѣпко врывалась въ землю наискось подъ угломъ». Самое наказаніе происходило слѣдующимъ образомъ: «палачъ отошелъ шаговъ на 15 отъ кобылы,—разсказываетъ тотъ же современникъ—потомъ медленнымъ шагомъ сталъ приближаться къ наказываемому; кнутъ тащился между ногъ палача по снѣгу; когда палачъ подходилъ на близкое разстояніе отъ кобылы, то высоко взмахивалъ правою рукою кнутъ, раздавался въ воздухѣ свистъ и затѣмъ ударъ. Палачъ опять отходилъ на прежнюю дистанцію, опять начиналъ медленно приближаться и т. д. Первые удары дѣлались крестъ на крестъ, съ праваго плеча по ребрамъ, подъ лѣвый бокъ, и слѣва направо, а потомъ начинали бить вдоль и поперекъ спины. Мнѣ казалось, что палачъ съ перваго же раза весьма глубоко прорубалъ кожу, потому что послѣ каждаго удара онъ лѣвою рукою сма-

---

[1]) Гр. Джаншіевъ. «Эпоха великихъ реформъ», изд. 6, стр. 189.
[2]) «Русск. Стар.», 1874 г., 4, стр. 780.
[3]) «Русск. Стар.», 1899 г., кн. X, стр. 105—106.
[4]) Сводъ Законовъ, т. XV, ст. 1379.

хивалъ съ кнута полную горсть крови. При первыхъ ударахъ обыкновенно слышенъ былъ у казнимыхъ глухой стонъ, который умолкалъ скоро; затѣмъ уже ихъ рубили какъ мясо» [1]). Но этимъ дѣло не оканчивалось,— каждаго наказаннаго кнутомъ, должны были еще заклеймить, положивъ ему на лобъ и щеки буквы К, А и Т. (каторжникъ). Наложеніе клейма производилось слѣдующимъ, не менѣе жестокимъ способомъ: «палачъ бралъ рукоятку, на которой сдѣланы были буквы изъ стальныхъ шпилекъ въ ½ дюйма длины. Держа рукоятку въ лѣвой рукѣ, онъ приставлялъ штемпель ко лбу наказуемаго, затѣмъ правой рукой со всего размаху ударялъ по другому концу рукоятки» [2]). Кровавые слѣды отъ штемпеля затирались или особымъ составомъ, или просто порохомъ. Знакъ отъ клейма впослѣдствіи становился бѣлымъ и уже не исчезалъ до конца жизни наказаннаго.

Однимъ изъ наиболѣе позорныхъ наказаній считалась такъ называемая «политическая смерть» [3]). Это наказаніе производилось слѣдующимъ образомъ: преступника возводили на эшафотъ и клали его голову на плаху, или ставили его подъ висѣлицей на публичной площади. Если осужденный принадлежалъ къ дворянскому сословію, то надъ головой его при этомъ переламывалась шпага. Послѣ этой процедуры, въ зависимости отъ приговора суда, преступника или ссылали на каторжную работу, или наказывали плетьми съ наложеніемъ клейма.

При дѣйствіи своднаго законодательства тѣлесному наказанію подлежали всѣ тѣ лица, «кои не изъяты отъ оныхъ особыми постановленіями». Къ привилегированнымъ же, на которыхъ распространялось это изъятіе, принадлежали потомственные и личные дворяне, бѣлое и черное духовенство какъ православное, такъ и другихъ исповѣданій, почетные граждане и купцы первыхъ двухъ гильдій, воспитанники среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній изъ податныхъ сословій; должностныя лица, служащія по выборамъ, городскимъ и сельскимъ, при чемъ послѣднія въ томъ случаѣ, если они имѣли знакъ отличія за безпорочную службу, и ливрейные служители двора Его Императорскаго Величества, но только во время пребыванія ихъ въ должности. Такимъ образомъ громадное большинство населенія Россіи въ дореформенный періодъ за уголовныя преступленія подвергалось тѣлеснымъ наказаніямъ.

Хотя тѣлесныя наказанія производились въ довольно широкихъ размѣрахъ, но все же правительство старалось положить предѣлы безудержному произволу властей, подвергая ихъ взысканіямъ за неправильно вынесенные приговоры. Такъ, когда въ 1834 г. томскій губернскій судъ неправильно присудилъ семь человѣкъ къ наказанію кнутомъ и клейменію, а губернаторъ этотъ приговоръ утвердилъ, то сенатъ опредѣлилъ взыскать съ губернатора по 1 рублю за каждый неправильно назначенный ударъ. Но

---

[1]) «Изъ воспоминаній Л. А. Сѣрякова. «Рус. Стар.». 1875 г., IX.

[2]) Ibid.

[3]) Ею карались обычно преступленія государственнаго характера.

императоръ Николай, когда къ нему поступило это дѣло по докладу, положилъ резолюцію: «взыскивать впредь по 200 р. за каждый ударъ, неневинно данный» [1]). Со времени изданія Свода Законовъ до 1851 г. за каждую неправильно назначенную «плеть» постановлено было взыскивать съ суда 60 р. сер. Съ 1851 года судьи обязаны были возвращать невинно осужденнаго съ мѣста ссылки на свой счетъ, заплативъ ему, если присудили его къ уголовному наказанію, отъ 10 до 60 руб., и покрыть всѣ убытки по имуществу, понесенные наказаннымъ; если пострадало его здоровье, то дать ему средства для излеченія и на содержаніе до выздоровленія; если же онъ сдѣлался вслѣдствіе наказанія неспособнымъ къ работѣ—доставить ему и его семейству приличное содержаніе на будущее время.

На ряду съ тѣлесными наказаніями дореформенная карательная система практиковала еще различные виды лишенія свободы. Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ неизбѣжный острогъ, или тюремный замокъ. Обычно онъ содержался весьма неприглядно, но бывали исключенія, правда, довольно рѣдкія. Въ запискахъ бывшаго симбирскаго губернатора Жиркевича имѣются указанія на то, что въ тамошней городской тюрьмѣ «вездѣ было чисто, опрятно, тепло» [2]). Однако, высшія правительственныя сферы держались мнѣнія, что арестантовъ надо обставлять самымъ суровымъ режимомъ, лишая ихъ даже минимальныхъ удобствъ. Такъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Строгановъ, осмотрѣвъ симбирскій острогъ, замѣтилъ Жиркевичу: «Врядъ ли все это хорошо и практично—много найдется охотниковъ для такой удобной жизни!» [3]).

IV.

Надзоръ и ревизіи.

Система надзора въ дореформенной Россіи сосредоточена была въ рукахъ прокуратуры; однако, съ начала царствованія Николая I функціи надзора возложены были также на III отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, которое по инструкціи, составленной самимъ графомъ Бенкендорфомъ, должно было «обратить особенное вниманіе на могущіе произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки» [4]).

Прокуратура во всемъ ея объемѣ входила въ общую систему мѣстнаго управленія, наблюдая на ряду съ сенатомъ и губернскимъ начальствомъ за всѣми присутственными мѣстами и ихъ дѣятельностью. Ко времени изданія Свода Законовъ вся система прокурорскаго надзора на мѣстахъ

---

[1]) Середонинъ. «Ист. обз. дѣят. комит. мин.», т. 2.
[2]) «Рус. Стар.», 1890 г., 7, стр. 73.
[3]) Ibid. 1878 г., 9, стр. 48.
[4]) Н. К. Шильдеръ, «Имп. Николай I», т. I, стр. 462.

имѣла слѣдующую организацію: въ каждомъ губернскомъ городѣ находился губернскій прокуроръ и при немъ «для совѣта и помощи» два губернскихъ стряпчихъ казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ; въ уѣздѣ же—уѣздный стряпчій или «уѣздный прокуроръ» [1]). Иногда къ этимъ лицамъ назначались въ дополненіе еще другіе чины надзора въ зависимости отъ потребности той или иной мѣстности. Такъ, напр., въ Казани въ 1834 г. на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ учреждены были должности двухъ особыхъ стряпчихъ для огражденія инородцевъ отъ ябедниковъ и доносчиковъ [1]).

Что касается дѣятельности чиновъ прокурорскаго надзора, то она сводилась къ «ближайшему или непосредственному наблюденію за производствомъ или порядкомъ производства дѣлъ въ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ». Въ частности по отношенію къ судебнымъ установленіямъ дѣятельность органовъ прокуратуры выражалась: въ надзорѣ за сохраненіемъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ точной силы законовъ, въ охраненіи установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и внутренняго порядка судебныхъ мѣстъ, въ отвращеніи всякой медленности и проволочки въ дѣлахъ, въ побужденіи къ безостановочному ихъ рѣшенію въ особенности по отношенію къ исполненію Высочайшихъ повелѣній и движенію арестантскихъ дѣлъ, въ отвращеніи явныхъ по суду утѣсненій, самоуправства и злоупотребленій [2]) и въ побужденіи должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства къ точному исполненію ихъ обязанностей. На просмотръ прокуроровъ и стряпчихъ поступали журнальныя опредѣленія всѣхъ мѣстныхъ установленій. Безъ этого просмотра не обходилось ни одно судебное рѣшеніе, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ. Но если этотъ просмотръ обнаруживалъ, что наказаніе въ уголовныхъ дѣлахъ налагалось несоразмѣрно съ преступленіемъ, или что въ судопроизводствѣ не было соблюдено законнаго порядка и вообще допущена какая-либо медленность, проволочка или притѣсненіе, то губернскій прокуроръ входилъ со своимъ представленіемъ къ мѣстному губернскому начальству, одновременно доводя объ этомъ до свѣдѣнія министра юстиціи. Уѣздные же чины прокурорскаго надзора направляли свои протесты къ губернскому прокурору. Прокурорскій надзоръ распространялся также и на сферу исполненія судебныхъ опредѣленій, такъ какъ, по словамъ закона, въ кругъ непосредственныхъ его обязанностей должно было входить «наблюденіе за дѣйствительнымъ исполненіемъ судебныхъ рѣшеній уголовныхъ и гражданскихъ».

Однако, при громадномъ количествѣ дѣлъ, проходившихъ черезъ руки губернской прокуратуры, отношеніе къ нимъ представителей системы надзора должно было носить чисто внѣшній формальный характеръ, и на практикѣ прокурорамъ и стряпчимъ почти никогда не удавалось выполнить возложенную на нихъ закономъ двойную обязанность—«быть взыскателемъ

---

[1]) Ср. Н. В. Муравьевъ, «Прокур. надз. въ его устройствѣ и дѣятельности», стр. 331.

[2]) Ibid., стр. 341, 342.

наказанія» и «защитникомъ невинности». На своемъ пути они встрѣчали цѣлый рядъ непреоборимыхъ преградъ; коренившихся въ основныхъ устояхъ дореформеннаго судопроизводства и, по вполнѣ вѣрному замѣчанію Н. В. Муравьева; вся дореформенная прокуратура, «стѣсненная со всѣхъ сторонъ слѣдственнымъ началомъ и всей обстановкой розыскного судопроизводства; являлась мало замѣтнымъ и малозначущимъ придаткомъ къ полицейскому розыску и формальному суду на основаніи формальныхъ доказательствъ и уликъ». Въ сферѣ исполненія судебныхъ опредѣленій надзоръ прокуратуры сводился на практикѣ также лишь «къ бумажному понужденію», такъ какъ въ законѣ точно не были указаны тѣ мѣры, которыя чины прокурорскаго надзора обязаны были принимать при приведеніи въ исполненіе судебныхъ приговоровъ [1]). Въ концѣ-концовъ «всѣ заботы стряпчихъ въ уѣздахъ и прокуроровъ въ губерніяхъ исключительно ограничивались» по словамъ одного современника; «наблюденіями за ходомъ арестантскихъ дѣлъ» [2]).

Нѣкоторымъ коррективомъ къ тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя были своего рода органическимъ порокомъ стараго суда, являлись ревизіи какъ мѣстныхъ властей, такъ и лицъ, присылаемыхъ изъ Петербурга. Однако при формальномъ отношеніи большинства ревизоровъ къ своимъ обязанностямъ, эти ревизіи достигали довольно слабыхъ результатовъ. «Губернаторскіе чиновники особыхъ порученій вихремъ летали по городамъ для понужденій то полиціи, то суда»,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Колмаковъ,—«подымались и губернаторы, производя строгія ревизіи уѣздныхъ мѣстъ, наводя неописуемый страхъ на всѣхъ служащихъ въ оныхъ». Но этотъ страхъ былъ въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ понапрасну, такъ какъ съ отъѣздомъ губернатора, лишь слегка знакомившагося съ дѣлами, все продолжало оставаться по-старому. Да и трудно было обнаружить сколько-нибудь существенныя злоупотребленія, когда ревизуемыя мѣста всегда знали заранѣе о надвигающейся грозѣ: «дѣла подновлялись новыми подтвержденіями, а болѣе запущенныя прятались отъ взоровъ то въ столахъ и шкапахъ, то въ архивахъ, въ числѣ рѣшенныхъ» [3]).

Нѣсколько иначе обстояло дѣло, когда ревизія назначалась изъ Петербурга и во главѣ ея находился сенаторъ. Она кончалась иногда весьма трагически для ревизуемаго края. Такъ, въ Тобольской губерніи, въ концѣ 20-хъ гг. во время сенаторской ревизіи предано было суду за лихоимство 57 чиновниковъ, а 9 изъ нихъ отрѣшены были отъ должностей [4]). Ревизующій сенаторъ пріѣзжалъ, обычно, съ цѣлой свитой департаментскихъ чиновниковъ, которые, «какъ ищейки, или хорошія лягавыя собаки», по выраженію И. С. Аксакова, «чутьемъ слышали упущенія и безпорядки» [5]).

---

[1]) Н. В. Муравьевъ, «Прокур. надз.», стр. 353, 355.

[2]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 12, стр. 517.

[3]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., № 12, стр. 516.

[4]) Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Шемякинъ Судъ», «Рус. Стар.», 1873 г., кн. 6, стр. 766.

[5]) «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 87.

Вотъ, напримѣръ, что имѣло мѣсто въ 1850 г. въ Курскѣ, во время ревизіи сенатора Дурасова: «дѣла одного судебнаго мѣста оказались въ рѣкѣ, и самъ сенаторъ съ подлежащими властями въ лодкахъ, представляя собой цѣлую побѣдоносную флотилію, наблюдалъ за извлеченіемъ дѣлъ» [1]). Но эти сенаторскія ревизіи, которыя, по образному выраженію А. Ѳ. Кони, «неслись, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовой засухой», были все же явленіемъ довольно рѣдкимъ.

На общемъ темномъ фонѣ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ попадались иногда и свѣтлыя точки. Такъ въ алатырскомъ уѣздномъ судѣ въ 1835 г. обнаруженъ былъ губернаторомъ «не только порядокъ, но даже утонченность онаго»: налицо было всего 4 дѣла неоконченныхъ, и то «за неполученіемъ отзывовъ». Но этотъ судъ, по признанію ревизовавшаго Симбирскую губернію сенатора Перовскаго, долженъ быть признанъ единственнымъ въ Россіи [2]). О хорошихъ порядкахъ, царившихъ въ 40-хъ гг. въ Калужской палатѣ уголовнаго суда, свидѣтельствуетъ И. С. Аксаковъ, занимавшій въ ней должность товарища предсѣдателя [3]); а другой современникъ, г. Колмаковъ къ числу хорошо поставленныхъ судебныхъ мѣстъ относитъ еще нѣсколько палатъ, въ которыхъ предсѣдатели по назначенію отъ правительства при помощи дѣльныхъ товарищей вели дѣла быстро и рѣшали ихъ правильно [4]).

V.

Старый судъ въ оцѣнкѣ современниковъ.

Итакъ, нашему старому суду эпохи Свода Законовъ присущи были слѣдующіе органическіе недостатки: 1) принципъ сословности, какъ основаніе системы судоустройства; 2) низкій умственный и нравственный уровень личнаго состава суда; 3) нищенскіе оклады жалованья по вѣдомству министерства юстиціи, порождавшіе непомѣрное взяточничество рѣшительно во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ; 4) рабская зависимость суда отъ администраціи; 5) фактическое безсиліе прокурорскаго надзора; 6) безконечное разнообразіе и многочисленность судебныхъ инстанцій; 7) непомѣрная волокита, при обиліи процессуальныхъ формъ; 8) отсутствіе устности и гласности въ судопроизводствѣ; 9) господство канцелярской тайны; 10) слѣдственный или инквизиціонный характеръ процесса, основанный на теоріи формальныхъ доказательствъ, и 11) безцѣльная жестокость карательной системы.

Даже такой апологетъ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ, какъ

---

[1]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 12, стр. 516.
[2]) Записки И. С. Жиркевича, «Рус. Стар.», 1890 г., кн. 7, стр. 77.
[3]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. I, стр. 235.
[4]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 12, стр. 522.

г. Фуксъ, вынужденъ былъ признать, «что безусловный формализмъ судебнаго производства, малое знакомство судей съ законами и отсутствіе устности приводили не только къ ненормальному вліянію канцелярій на исходъ судебныхъ дѣлъ, но и къ чрезмѣрному усиленію переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ неразлучной съ бюрократическими порядками канцелярской тайнѣ» [1]).

Всѣ эти недостатки далеко не были тайной для высшихъ правительственныхъ сферъ. Объ этомъ ясно говорятъ намъ и журналы комитета министровъ, и отчеты министра юстиціи, и другіе оффиціальные документы, но самыми цѣнными въ этомъ отношеніи являются отзывы самого имп. Николая I. Такъ, на докладѣ о чрезвычайно долго тянувшемся дѣлѣ Баташевыхъ государь собственноручно написалъ: «надо обратить вниманіе на наше неудовлетворительное отправленіе правосудія», а на меморіи Государственнаго Совѣта о вопіющихъ злоупотребленіяхъ въ Петербургскомъ надворномъ судѣ онъ положилъ резолюцію: «Неслыханный срамъ! безпечность ближняго начальства неимовѣрна и ничѣмъ не извинительна; мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ» [2]). Въ бесѣдѣ съ сенаторомъ кн. Давыдовымъ, отправлявшимся въ 1849 г. на ревизію въ Калужскую губернію, государь, между прочимъ, сказалъ: «Суды въ безпорядкѣ, полиція не лучше. Дворянскія опеки не охраняютъ сиротскія имѣнія, а разоряютъ» [3]).

Если такъ отзывались о старомъ судѣ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, куда съ трудомъ доходило правдивое слово о неприглядной русской дѣйствительности, то вполнѣ понятно, что тѣ лица, которымъ приходилось повсемѣстно наблюдать развалъ и распадъ правосудія, съ чувствомъ глубокаго нравственнаго возмущенія говорятъ объ этомъ въ своихъ статьяхъ и воспоминаніяхъ. Они клеймятъ и ту «черную неправду», которой полны были старые суды, и убійственную медленность ихъ дѣлопроизводства, и отдаленность судебныхъ мѣстъ отъ населенія, и обиліе инстанцій, безпорядочно нагроможденныхъ другъ на друга. «Старые суды», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Колмаковъ, «были жалкія установленія, нисколько не обезпечивающія великое дѣло въ государствѣ—дѣло отправленія правосудія» [4]), а вотъ что писалъ И. С. Аксаковъ 20 лѣтъ спустя послѣ Судебной Реформы, когда въ немъ могла, повидимому, сгладиться острота впечатлѣній отъ царившихъ прежде порядковъ: «Старый судъ! при одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, и морозъ деретъ по кожѣ! Мы имѣемъ право такъ говорить. Пишущій эти строки посвятилъ служебной дѣятельности въ старомъ судѣ первые, лучшіе годы своей молодости.... Это было воистину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ» [5])! Да иного и нельзя было ожидать тамъ, «гдѣ правосудіе

---

[1]) В. Фуксъ, «Судъ и полиція», стр. 27—28.
[2]) «Изъ записокъ бар. М. А. Корфа», «Рус. Стар.», 1899 г., кн. 10, стр. 43.
[3]) Н. М. Колмаковъ, «Старый Судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 12, стр. 519.
[4]) Н. М. Колмаковъ, «Старый судъ», «Рус. Стар.», 1886 г., кн. 22, стр. 513.
[5]) И. С. Аксаковъ, Собр. соч., т. IV, стр. 655.

совершалось въ непроницаемой тайнѣ, а злоупотребленія должностныхъ лицъ сдѣлались общимъ правиломъ» [1]), гдѣ суды, по словамъ М. Н. Каткова, «только портили людей, гдѣ было много законовъ, но не было самаго главнаго—правосудія».

Еще большимъ пессимизмомъ обвѣяны сужденія народной массы о старыхъ судахъ и царившихъ въ нихъ порядкахъ. Достаточно хотя бы мелькомъ просмотрѣть пословицы и поговорки, собранныя въ извѣстномъ изданіи Д. А. Ровинскаго, чтобы тотчасъ почувствовать, какой неизгладимый отпечатокъ отложили на народное сознаніе долгіе вѣка безправія и безсудія. «Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись»; «отъ сумы, да отъ тюрьмы не зарекайся»; «законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло»; «до Бога высоко—до царя далеко». Какой безысходной тоской проникнуты всѣ эти краткія, но чрезвычайно мѣткія выраженія! Въ нихъ отразились всѣ темныя стороны дореформенныхъ судебныхъ порядковъ, которые въ сущности не далеко ушли отъ времени Шемякина Суда. Глубоко правъ былъ, поэтому, профессоръ Утинъ, когда говорилъ въ одной изъ своихъ статей, что «типъ праведнаго судьи чуждъ вообще сознанію русскаго народа» [2]). Да и какъ иначе могла относиться забитая и придавленная народная масса къ тому суду, который явно мирволилъ богатымъ и знатнымъ и всей своей тяжестью обрушивался на беззащитныхъ бѣдняковъ, къ тому суду, который народная молва остроумно сравнивала «съ паутиной, черезъ которую шмель проскакиваетъ, но въ которой муха вязнетъ».

Такимъ образомъ, «и сверху, и снизу—и въ царскихъ чертогахъ и въ крестьянской хижинѣ дореформенное правосудіе встрѣчало себѣ одну и ту же оцѣнку. Виноваты, конечно, были не одни люди, виновата была вся система, а она являлась непосредственнымъ порожденіемъ всего строя русской жизни. Когда поверхность этой жизни стали бороздить новыя теченія, прежняя система всепоглашающей опеки обнаружила свой полный старческій маразмъ. Съ паденіемъ крѣпостного права разбиты были окончательно тѣ цѣпи, которыми скованъ былъ нашъ дореформенный судъ».

Общественныя отношенія въ корнѣ измѣнились и судъ, который является ничѣмъ инымъ, какъ регуляторомъ этихъ отношеній, долженъ былъ отнынѣ покоиться уже не на старыхъ—крѣпостныхъ, а на новыхъ правовыхъ основаніяхъ.

В. Бочкаревъ.

---

[1]) Гр. Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ», стр. 33, пр. 20.

[2]) М. П. Чубинскій, «Судебн. реформа», Исторія Россіи въ XIX в., изд. Гранатъ, т. III, стр. 242.

Работы по составленію проектовъ судебнаго преобразованія до 1861 года[1]).

I.

Проекты судебнаго преобразованія эпохи Екатерины II и Павла I.

Умственное и нравственное озареніе, которымъ освѣтилась вся Европа со второй половины XVIII вѣка, отразилось далекимъ отблескомъ и въ произведеніяхъ немногихъ представителей передового русскаго общества. Однимъ изъ такихъ произведеній былъ проектъ государственныхъ преобразованій, представленный одновременно съ собраніемъ комиссіи для составленія уложенія 31 іюля 1767 года профессоромъ Московскаго университета Семеномъ Ефимовичемъ Десницкимъ Екатеринѣ II. Въ этой запискѣ сказалось вліяніе духовной родины Десницкаго—Англіи, въ Глазговскомъ университетѣ которой онъ получилъ свое высшее образованіе. Десницкій касается въ ней какъ разъ тѣхъ вопросовъ, которые заботливо были обойдены Екатериной въ ея Наказѣ, съ большою проницательностью указывая на истинныя начала правосудія.

---

[1]) Въ настоящей статьѣ вниманію читателя предлагаются документы по исторіи нашихъ Судебныхъ Уставовъ, впервые появляющіеся въ печати.

Стремясь использовать сокровищницу Архива Госуд. Совѣта возможно полнѣе, авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, скрѣпя сердце, предпочиталъ отказаться отъ юридическаго анализа, чтобы дать возможность читателямъ непосредственно ознакомиться съ исторіей нашего судебнаго прошлаго.

Авторъ считаетъ своей счастливой обязанностью принести глубочайшую благодарность профессору Н. Ф. Дерюжинскому, который великодушно оказалъ помощь въ исходатайствованіи допущенія къ работѣ въ Архивѣ Государственнаго Совѣта. Въ архиваріусѣ Архива Госуд. Совѣта В. Н. Строевѣ авторъ встрѣтилъ выдающуюся любезность и оказаніе научной помощи, что же касается помощника его А. В. Шебанова, то лишь благодаря его неутомимой любезности, великолѣпному знанію Архива и огромному опыту, автору удалось ознакомиться съ тѣми документами, которые положены въ основу настоящей работы. *Авторъ.*

Въ то время, какъ Наказъ и слѣдующее за нимъ Учрежденіе Губернское 1775 года не затрогивали вопросовъ гласности, несмѣняемости судей и совсѣмъ упразднили состязательное начало судопроизводства, Десницкій видѣлъ въ нихъ главныя судопроизводственныя основанія. Онъ предлагалъ печатаніе «во всенародное извѣстіе» рѣшеній уголовныхъ и гражданскихъ судовъ, настаивалъ на введеніи самостоятельной адвокатуры, такъ какъ это способствуетъ рѣшенію дѣлъ «съ великой осторожностью и справедливостью» и требовалъ несмѣняемости судей, отвѣтственныхъ за незаконныя рѣшенія передъ сенатомъ.

Въ той же запискѣ, между прочимъ, предлагалось въ формѣ старинаго англійскаго института судебныхъ свидѣтелей учрежденіе въ Россіи суда присяжныхъ независимо отъ сословныхъ различій.

Не ограничиваясь этой своей запиской, Десницкій въ произнесенной въ 1768 году рѣчи снова возвращается къ вопросу о судебной гласности, «дабы ничто втайне, но откровенно и постороннимъ извѣстно судимо было и исходило бы въ свѣтъ для наученія» [1]).

Виднѣйшій современникъ Десницкаго и правая рука императрицы Н. И. Панинъ, высказываясь по вопросамъ государственной реформы, находилъ нужнымъ допустить существованіе только общихъ судовъ безъ какихъ бы то ни было спеціальныхъ изъятій. Сама Екатерина II писала Наказъ подъ вліяніемъ чтенія «великой хартіи вольностей», а Учрежденіе Губернское 1775 года носитъ въ главѣ о совѣстномъ судѣ сильный отпечатокъ «Комментарія на англійскіе законы» Блекстона, около этого времени изучаемаго императрицей. Если, тѣмъ не менѣе, и «Наказъ» и «Учрежденіе Губернское» лишены сколько-нибудь серьезнаго значенія въ смыслѣ созданія подлинныхъ правовыхъ гарантій, такъ это потому, что императрица не хотѣла понять или притворялась непонимающей, что начала неограниченнаго самодержавія сами по себѣ исключаютъ возможность подлиннаго огражденія публичной и частной свободы судебнымъ порядкомъ.

Эта истина была ей прямо высказана Дидро въ его «замѣчаніяхъ на Наказъ комиссіи»: «Почему Россія хуже управляется, чѣмъ Франція? Потому что личная свобода сведена въ ней къ нулю, а власть государя еще слишкомъ велика...»

Позднѣе, въ своемъ «Путешествіи въ землю Офирскую», М. М. Щербатовъ въ проектѣ общаго переустройства государства высказывался за введеніе гласности въ судахъ и за публичность всего судопроизводства.

Какъ бы то ни было, но до самаго конца своего царствованія Екатерина II не переставала мечтать объ улучшеніи разсыпающагося судебнаго порядка, въ которомъ начала воинскихъ процессовъ Петра Великаго и совѣстные суды Учрежденія 1775 г. мирно уживались въ общей системѣ всеобщаго безправія и ничѣмъ несдерживаемаго личнаго произвола власть имущихъ.

---

[1]) Семевскій, «Вопросъ о преобразованіи госуд. строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка». «Былое», 1906 г., № 1, стр. 7.

Въ проектахъ судебной реформы 1788 и 1795 гг. мы видимъ уже стремленіе императрицы вмѣсто реформы всей системы только бюрократически усовершенствовать сенатъ, въ составъ котораго вводилось и ужасное повтореніе Преображенскаго приказа подъ именемъ «тайной экспедиціи».

Нѣсколько болѣе сложный, но не болѣе радикальный характеръ имѣло разработанное въ проектѣ 1795 года постановленіе о генеральномъ судѣ весьма разнороднаго состава. Въ его составъ входили члены сената, синода, особы первыхъ четырехъ классовъ, предсѣдатели государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ, находящихся въ мѣстѣ засѣданій суда и, кромѣ того, тѣ мѣстные суды, которымъ по званію своему подлежалъ подсудимый.

Разумѣется, всѣ эти попытки были заранѣе обречены на неудачу, такъ какъ попутно съ развитіемъ революціи во Франціи Екатерина II испытывала все большій испугъ и ненависть къ истинному либерализму.

«Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи» устрашало не только наставника Александра I, священника Самборскаго, писавшаго эти строки Н. И. Салтыкову, но, разумѣется, пугало и Екатерину [1]).

Всѣ стремленія къ реформамъ, конечно, разлетѣлись прахомъ и единственнымъ печальнымъ примѣненіемъ позднѣйшихъ реформъ судоустройства было развитіе дѣятельности знаменитаго «кнутобойца» Шешковскаго, въ руки котораго были переданы наиболѣе благородные сторонники реформы—Н. И. Новиковъ и А. И. Радищевъ.

Короткое правленіе Павла I меньше всего могло обѣщать введеніе серьезныхъ государственныхъ и неотдѣлимыхъ отъ нихъ судебныхъ преобразованій. «Раздражительная мелочная тиранія преслѣдовала людей до ихъ семейнаго очага включительно. Ужасъ режима не давалъ покоя ни днемъ, ни ночью,—режима, при которомъ кнутъ, ссылка, тюрьма, эшафотъ, конфискація неожиданно слѣдовали за подарками и милостями»... [2]).

При этихъ условіяхъ говорить о реформѣ правосудія, конечно, не приходилось. Среди невыносимыхъ для всѣхъ опасностей личнаго произвола, перебрасыванія цѣлыхъ сотенъ людей изъ Европейской Россіи въ Сибирь, какъ это было сдѣлано извѣстнымъ указомъ о московскихъ проституткахъ, меньше всего подходило задумываться надъ вопросомъ о государственныхъ преобразованіяхъ.

«Стоитъ, чтобы всеобщій любимецъ, великій князь Александръ, сказалъ одно слово, далъ знакъ и его отецъ погибъ», писалъ де-Брай въ апрѣлѣ 1800 года [3]).

---

[1]) Въ 1792—1794 годахъ интересъ къ событіямъ французской революціи былъ такъ великъ, что директоръ кадетскаго корпуса гр. Ангальтъ приказалъ выкладывать на особые столы заграничные журналы и газеты, знакомящіе съ ходомъ французской революціи. См. Семевскій, цит. соч., стр. 17.

[2]) Сорель, «Европа и французская революція», томъ VI, стр. 97, изд. 1906 года.

[3]) Сорель, цит. соч., стр. 99.

Самъ Александръ I въ письмѣ къ Лагарпу 27 сентября 1797 года не находилъ словъ, достаточно сильныхъ, чтобы охарактеризовать порядокъ государственной жизни и мечталъ о введеніи постепенно конституціи, послѣ чего его власть совершенно прекратилась бы. «Благосостояніе государства не играетъ никакой роли; въ управленіи дѣлами существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ-на-выворотъ».—«Прибавьте къ этому строгость, лишенную справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ».

Около этого времени видный царедворецъ двухъ царствованій Безбородко написалъ собственный проектъ общаго преобразованія, въ которомъ отведено видное мѣсто и судебной реформѣ. Подъ вліяніемъ идей Екатерины II, во главѣ всей системы онъ ставилъ сенатъ, подраздѣляя его такъ же, какъ и у нея, на 4 департамента центральныхъ и по 2 мѣстныхъ,—въ Москвѣ и Кіевѣ. Для дѣлъ, требующихъ или исключительной строгости или пониженія кары, онъ предлагалъ учредить высшій совѣстный судъ, въ которомъ засѣдали бы по 2 депутата отъ дворянъ, мѣщанъ и поселянъ. Предсѣдательствовать въ этомъ судѣ долженъ былъ президентъ высшаго совѣстнаго суда. Такъ же, какъ и Екатерина въ ея проектѣ, Безбородко предлагалъ создать генеральный судъ, подвѣдомый сенату, подсудность коего распространялась бы на дѣла и лица, не подлежащія вѣдѣнію судовъ губернскихъ. Въ составъ этого суда, кромѣ трехъ чиновниковъ отъ короны, должны были входить по два депутата отъ крестьянъ, мѣщанъ и дворянъ.

По вопросу о порядкѣ судопроизводства Безбородко не выдвинулъ сколько-нибудь разработаннаго плана, но обратилъ вниманіе на необходимость введенія гласности судопроизводства. Такъ, онъ требовалъ уничтоженія «всѣхъ способовъ потаенныхъ и гдѣ кровь человѣка и гражданина угнетается, вопреки законовъ, созданныхъ на прочія дѣла уголовныя» [1]).

II.

Эпоха Александра I; его первые шаги къ утвержденію законности въ русской государственной жизни. Учрежденіе комиссіи составленія законовъ и ея работы. «Планъ государственнаго преобразованія» Сперанскаго.

Когда Павелъ I погибъ, на престолъ взошелъ человѣкъ, котораго ко многому обязывало и полученное образованіе и не разъ высказываемая государственная программа.

Несомнѣнно, дѣло настоятельно требуемыхъ жизнью реформъ государственныхъ и основного ихъ условія—реформъ судебныхъ въ огромной степени зависѣло отъ личности самого Александра I. Поставленный въ центрѣ великихъ вихревыхъ теченій мысли и совѣсти, идущихъ въ Россію

---

[1]) Семевскій, цит. соч., стр. 28.

изъ Западной Европы, готовый по своимъ личнымъ склонностямъ въ первую пору царствованія къ общему переустройству, Александръ I въ то же время былъ первымъ императоромъ, которому приходилось видѣть вполнѣ сознательное отношеніе верховъ общества къ высшимъ цѣлямъ внутренней политической жизни [1]). Къ сожалѣнію, самый характеръ императора заключалъ въ себѣ очень много такихъ особенностей, которыя исключали возможность расчитывать на новое и рѣшительное продолженіе незавершеннаго дѣла Петра Великаго.

Восторженный столько же по темпераменту, какъ и по воспитанію, мистикъ въ душѣ съ практическимъ и тонкимъ умомъ, эгоистъ, прикрывающій свои расчеты пышными мечтами объ общемъ благѣ, Александръ въ то же время обнаруживалъ мелкое лукавство и двоедушіе, какъ естественное послѣдствіе той домашней обстановки, въ которой онъ пребывалъ [2]). Впрочемъ, приведемъ лучше характеристику его, сдѣланную перомъ знаменитаго историка: «Нервный, какъ молодая женщина, съ чисто женскимъ инстинктомъ извлекать для себя пользу и славу даже изъ сердечныхъ порывовъ и моментовъ великодушія, поверхностный идеалистъ на фонѣ безсознательнаго политика; мечтатель,—впрочемъ, неспособный дойти въ своихъ мечтаніяхъ до конца, представляющій въ себѣ странную смѣсь крови, сложность и многочисленные проблески двухъ расъ, славянское лукавство и постоянную измѣнчивость и сентиментальную, мистическую, нѣмецкую двойственность; надѣленный замѣчательной способностью обманывать себя въ той комедіи, которую онъ давалъ свѣту, внося столько же искренности въ свою игру, сколько хитрости въ самого себя; человѣкъ, который имѣлъ наиболѣе очарованія въ хитрости и наиболѣе сентиментальности въ реальныхъ дѣлахъ,—Александръ былъ весь нерѣшительность по отношенію къ себѣ, по отношенію къ жизни [3]).

Идея выше всего стоящаго закона и стремленіе упразднить произволъ красной нитью проходятъ черезъ всѣ первые дни царствованія Александра I.

Когда, вслѣдъ за его вступленіемъ на престолъ, княгиня Голицына просила исполнить ея незаконную просьбу, говоря, что императоръ выше закона, Александръ I отвѣтилъ ей: «Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю ни за кѣмъ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ» [4]).

На другой же день по вступленіи на престолъ и 15 марта 1801 г. состоялись Высочайшія повелѣнія о выдачѣ указовъ объ отставкѣ воен-

---

[1]) См. Пыпинъ, «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», 1900, стр. 4, 10—12.

[2]) См. Записки Лагарпа, «Русская старина», 1870 г., № 1, стр. 160 и слѣд.

[3]) Сорель, цит. соч., стр. 101—102, т. II.

[4]) «Русская старина», 1870 г., № 1, стр. 45.

нымъ, исключеннымъ изъ службы по сентенціямъ военнаго суда и безъ суда по приказамъ. Такихъ лицъ, по словамъ современниковъ, было огромное число,—Стурдца насчитываетъ ихъ до 12000 человѣкъ.

15 марта послѣдовалъ указъ, возвращавшій свободу всѣмъ пострадавшимъ по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи, освобожденіе лицъ, бывшихъ подъ полицейскимъ надзоромъ и возстановленіе ихъ въ прежнемъ состояніи.

Въ числѣ 156 человѣкъ, названныхъ въ четырехъ спискахъ, приложенныхъ къ указу, мы находимъ и коллежскаго совѣтника Радищева и артиллеріи подполковника Ермолова [1]).

19 марта послѣдовалъ указъ, ограничивавшій произволъ полиціи [2]).

2 апрѣля въ засѣданіи сената подъ предсѣдательствомъ государя былъ прочтенъ манифестъ объ отмѣнѣ спеціальныхъ судовъ за государственныя преступленія.—Указывая на то обстоятельство, что личныя стремленія монарховъ не могли положить оплота злоупотребленіямъ, государь признаетъ необходимымъ въ самомъ законѣ опредѣлить порядокъ суда за политическія преступленія. «Разсуждая, что въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы *общею силой закона*... Мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе Тайной Экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить ...; на будущее же время вѣдать ихъ въ 1 и 5 департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя» [3]).

Тѣми же идеями проникнутъ и знаменитый указъ объ отмѣнѣ пытки 27 сентября 1801 года [4]).

5 іюня послѣдовалъ указъ сенату, гдѣ государь повелѣвалъ составить доклады о правахъ и обязанностяхъ сената и выражалъ желаніе утвердить права и преимущества сената на незыблемомъ основаніи государственнаго закона.

Наконецъ, 2-го же іюня былъ изданъ знаменательный указъ графу Завадовскому объ образованіи комиссіи составленія законовъ: «Я всегда зналъ, что съ самаго изданія уложенія до дней Нашихъ, т.-е. въ теченіе почти одного вѣка съ половиной, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями и бывъ издаваемы болѣе по случаю, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянства въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія» [5]).

Готовясь начать общее преобразованіе государства, императоръ прежде

---

[1]) П. С. З., № 19784, 19788.
[2]) П. С. З., № 19799.
[3]) П. С. З., № 19813.
[4]) П. С. З., № 20022.
[5]) П. С. З., № 19904 т. XXVI.

всего предполагалъ реформировать законодательство судебное и путемъ процессуальныхъ гарантій обезпечить личную независимость гражданъ.

Бесѣдуя объ основныхъ реформахъ со Строгановымъ 23 апрѣля 1801 года, Александръ I высказывалъ мысль о необходимости «опредѣленія столь знаменитыхъ правъ человѣка» и требовалъ предварительнаго ознакомленія «со всѣми конституціями».

Трощинскій и Сперанскій составили около того же времени «всемилостивѣйшую грамоту россійскому народу», которая должна была соотвѣтствовать началамъ Habeas Corpus Act'a 1679 года. Эта грамота предоставляла каждому обвиняемому пользоваться защитой по добровольному соглашенію и каждому задержанному подъ стражей требовать по истеченіи 3-хъ дней своего освобожденія. Освобожденіе должно было слѣдовать обязательно, если задержанный не обвинялся въ особенно значительныхъ преступленіяхъ, и если онъ представлялъ поручительство, установленное закономъ.

Въ случаѣ неправильнаго задержанія пострадавшій имѣлъ право вчинить искъ къ арестовавшему его лицу «въ оскорбленіи личной безопасности и убыткахъ» [1]).

Общій планъ судебныхъ реформъ послѣ широковѣщательнаго рескрипта графу Завадовскому внезапно сошелъ на-нѣтъ въ Высочайшемъ повелѣніи 15 августа 1801 года комиссіи по составленію законовъ: комиссія должна была заниматься исправленіемъ и приспособленіемъ судебныхъ порядковъ къ современному состоянію жизни, а не коренной переработкой существующихъ законовъ.

Въ дополненіе къ повелѣнію 15 августа послѣдовалъ Высочайшій указъ 25 августа 1801 года, предписывавшій комиссіи составить законы судоустройства и судопроизводства, которымъ указъ придавалъ исключительную важность для утвержденія спокойствія и благоденствія государства.

Занятія комиссіи, вслѣдствіе полной неопредѣленности круга ея дѣятельности, плохо подвигались впередъ, почему 28 февраля 1804 года послѣдовалъ новый указъ, ставившій ей вполнѣ опредѣленныя задачи дѣятельности: «Желая, чтобы комиссія при опредѣленіи судебныхъ формъ и способовъ приведенія въ исполненіе законовъ, могла вникнуть въ причины вкравшагося разнообразія въ порядокъ судопроизводства разныхъ присутственныхъ мѣстъ, усматриваемаго изъ многихъ дѣлъ, до свѣдѣнія Нашего доходившихъ; открыть степень сего различія и видѣть, отъ недостатка ли предписаній въ самихъ законахъ, или отъ неправильнаго и различнаго толкованія оныхъ, сіе происходитъ, находимъ мы за нужное, чтобы комиссія составила по систематическому порядку производства разнаго рода процессовъ съ начала до окончанія суда вопросы или пункты, разослать по всѣмъ губерніямъ, дабы черезъ то, открывъ недостатки и погрѣшности нынѣшняго судопроизводства, изыскать способы къ исправленію оныхъ и введенію твердыхъ единообразныхъ формъ и правилъ судебныхъ» [2]).

---

[1]) Семевскій, цит. соч., стр. 29.

[2]) П. С. З., 21187, п. 3.

Какъ видно, при непосредственномъ приступѣ къ реформѣ судопроизводства не имѣлось въ виду преподать ей исходныя основныя начала, подобныя тѣмъ, о которыхъ говорилъ Десницкій, и которыя въ общемъ видѣ были предположены въ проектированной «Всемилостивѣйшей грамотѣ россійскому народу».

Насколько очевидна была необходимость опредѣленія общихъ началъ законодательной дѣятельности, видно изъ составленнаго въ это же время проекта общаго государственнаго преобразованія, составленнаго служившимъ въ комиссіи составленія законовъ Радищевымъ.

Этотъ благородный гуманистъ и проницательный политикъ сразу намѣчалъ наиболѣе существенные элементы для дѣйствительнаго преобразованія. Онъ предлагалъ, между прочимъ, объявленіе равенства всѣхъ сословій передъ закономъ, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, отмѣну допросовъ съ пристрастіемъ, введеніе судовъ присяжныхъ и гласности и публичности судопроизводства [1]).

Комиссія законовъ начала на первыхъ порахъ энергичную дѣятельность къ подготовкѣ матеріаловъ для будущаго гражданскаго и уголовнаго законодательствъ.

18 іюня 1804 года комиссія обсуждала докладъ редактора 1 экспедиціи Циммермана, представленный 27 февраля 1804 года, гдѣ указывались общія основныя предпосылки устройства будущаго законодательства Россіи.

Для достиженія равной для всѣхъ безопасности, докладъ предлагалъ ввести «единый образъ примѣненія законовъ» и общій процессуальный порядокъ для всѣхъ частей имперіи. Введеніемъ единства процессуальныхъ формъ, по мнѣнію докладчика, прекратятся ябедничество и неправда, терзающія Россію [2]).

Для правительства это единство должно было создать крупную выгоду упрощенія формъ судопроизводства дѣлъ, поступающихъ на ревизію, для жителей же имперіи—огромное преимущество веденія одинаковымъ способомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ на протяженіи всей имперіи.

Для полнаго осуществленія единства судебнаго обряда докладъ считалъ необходимымъ ввести во всѣхъ частяхъ имперіи судопроизводство на русскомъ языкѣ. Докладъ находилъ обязательнымъ для всѣхъ жителей имперіи «имѣть раченіе о познаніи языка того государства, часть котораго они составляютъ». По мнѣнію автора доклада, и опытъ указываетъ на цѣлесообразность рекомендуемаго начала: по повелѣнію Екатерины II, судъ въ Бѣлоруссіи сталъ производиться на русскомъ языкѣ; когда же въ 1797 году послѣдовалъ Высочайшій указъ о производствѣ дѣлъ на польскомъ языкѣ и по формѣ польскаго суда, то жители Бѣлоруссіи «весьма и теперь затрудняются, какъ отъ забвенія правилъ судо-

---

[1]) Семевскій, цит. соч., стр. 29.

[2]) Архивъ госуд. совѣта. Журналы комиссіи по составл. законовъ, 1804 г., стр. 86—87, связка № 246.

производства польскаго, такъ и отъ долговременнаго неупотребленія польскаго языка» [1]).

2 іюня 1804 года комиссія, принявшая основныя положенія доклада Циммермана, постановила представить государю приготовленные ею вопросные пункты для разосланія по губернскимъ правительственнымъ мѣстамъ и общія понятія и первыя основы судопроизводства.

30 іюня была одобрена выработанная Циммерманомъ синоптическая таблица, касающаяся общаго судебнаго обряда [2]).

Свои задачи I экспедиція понимала очень широко. 1 іюня 1804 года она обсуждала вопросъ о включеніи въ свой составъ членовъ-корреспондентовъ въ лицѣ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, и для дѣйствительнаго ихъ участія въ законодательныхъ работахъ предлагала опредѣлить имъ жалованье въ 400 рублей въ годъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ отношеніи членовъ-корреспондентовъ Академіи Наукъ. Эти предложенія комиссіи были утверждены, и въ засѣданіи 1 апрѣля 1805 г. комиссія выбрала членовъ-корреспондентовъ. Въ спискѣ намѣченныхъ ею 8 лицъ мы находимъ дѣйствительно очень крупныя имена теоретиковъ и практиковъ права уголовнаго и гражданскаго, въ свое время очень извѣстныхъ. Здѣсь были Клейнъ—членъ верхняго апелляціоннаго суда въ Берлинѣ, работавшій надъ составленіемъ Прусскаго уложенія; Эргардъ, извѣстный профессоръ Лейпцигскаго университета; Тибольдъ, авторъ «Системы пандектовъ» и «Энциклопедіи права»; Вейтемейеръ, гессенскій профессоръ, написавшій работы о доказательствахъ, энциклопедію права и проектъ гражданскаго уложенія; Глобинъ, уже составившій проекты гражданскаго и уголовнаго уложеній для Россіи; Піатоки, составившій конституцію 1791 года для Польши, и другіе [3]).

Къ октябрю (8) 1804 года работы комиссіи уже настолько подвинулись впередъ, что референдарій первой экспедиціи могъ представить въ засѣданіе проектъ относительно законовъ, общихъ всему государству независимо отъ мѣстныхъ особенностей. Въ проектъ входили (I) «Законы, опредѣляющіе государственный порядокъ и устройство правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ и чиновниковъ, (II) Книга основаній права, (III) Уложеніе уголовное и (IV) Обрядъ судебный» [4]).

Комиссія пользовалась и работами частныхъ лицъ по различнымъ вопросамъ права.

Въ очень важномъ засѣданіи 22 октября 1804 года комиссія приняла дальнѣйшія основныя начала судоустройства и судопроизводства.

Въ принципѣ, рѣшивъ шесть судебныхъ инстанцій свести къ тремъ, комиссія высказалась въ пользу отмѣны влекущаго за собой колебаніе судебнаго авторитета права многочисленныхъ апелляцій. Затѣмъ былъ рѣшенъ очень существенный вопросъ о назначеніи судей. Старое выборное

---

[1]) Тамъ же, стр. 89—90.
[2]) Тамъ же, стр. 108—109.
[3]) Журналы 1805 г., стр. 125, связка 246.
[4]) Журналы 1804 г., стр. 158, связка 246. Архивъ государ. совѣта.

начало было предположено упразднить, введя во всѣ суды чиновниковъ отъ короны, прошедшихъ курсъ университетскаго образованія на юридическомъ факультетѣ.

Какъ и наканунѣ судебной реформы 1864 года, передъ комиссіей сталъ вопросъ объ отношеніи сословій, теряющихъ съ отмѣной права выборовъ въ судебныя инстанціи закрѣпленную за ними жалованными грамотами привилегію. Комиссія признала вполнѣ возможнымъ нарушить эту привилегію, какъ имѣющую «цѣлью ихъ (привилегированныхъ сословій) личное благополучіе» [1]).

24 декабря комиссія обсуждала вопросъ о предотвращеніи медленности и накопленія дѣлъ, составлявшихъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ русскаго правосудія. Въ качествѣ поправокъ были предложены чисто внѣшнія улучшенія, которыя, конечно, не могли уничтожить органическихъ пороковъ нашей судебной жизни. Комиссія предложила двѣ мѣры: первая заключалась въ томъ, чтобы дни недѣли были распредѣлены между уголовными и гражданскими дѣлами, вторая же стремилась упорядочить слушаніе дѣлъ внѣочередныхъ; по этого рода дѣламъ предлагалось, чтобы въ каждомъ судебномъ мѣстѣ губерніи оставался одинъ членъ, а изъ числа всѣхъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ города одинъ предсѣдатель. Предсѣдатель долженъ былъ являться въ то судебное мѣсто, гдѣ встрѣчалось неотложное дѣло, и совмѣстно съ дежурнымъ членомъ разбирать его, не дожидаясь прибытія прочихъ членовъ присутствія [2]).

Къ маю 1805 года комиссія разсмотрѣла и одобрила для поднесенія на одобреніе государя общій планъ устройства судебныхъ мѣстъ имперіи.

«Принявъ за основаніе, что подданные для защиты правъ своихъ ни въ какомъ случаѣ не должны были имѣть болѣе четырехъ мѣстъ, въ строгомъ же смыслѣ трехъ мѣстъ», комиссія предполагала учредить слѣдующія судебныя мѣста:

а) Въ случаѣ трехъ инстанцій: 1) въ каждомъ уѣздномъ городѣ губерніи по одному уѣздному суду, 2) на всю губернію одну палату уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, 3) въ качествѣ третьей и высшей инстанціи—сенатъ.

Уѣзднымъ судомъ должны были вѣдаться дѣла всѣхъ сословій. Въ составъ его входятъ предсѣдатель отъ короны и по 2 засѣдателя отъ дворянъ, купцовъ и разночинцевъ и поселянъ губерніи. Кромѣ того, на каждый судъ полагался назначаемый правительствомъ секретарь и одинъ или два докладчика дѣлъ. Засѣдатели избираются отъ сословій на три года и разсматриваютъ, какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла. Сообразно съ этимъ уѣздный судъ дѣлится на департаменты гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Разборъ дѣлъ производится коронным судьей съ двумя засѣдателями отъ того сословія, къ которому принадлежитъ подсудимый. Если тяжба происходитъ между членами разныхъ сословій, то при разборѣ дѣла должны присутствовать засѣдатели отъ сословій, къ которымъ при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 159—161.

[2]) Журналы 1804 г., стр. 190—192.

надлежатъ тяжущіеся. Порядокъ участія засѣдателей отъ сословій распространялся одинаково на всѣ роды дѣлъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ.—Въ палаты гражданскаго и уголовнаго суда назначался предсѣдатель и два совѣтника правительствомъ и по два засѣдателя отъ каждаго сословія въ губерніи по выборамъ.

б) При условіи четырехъ инстанцій предполагалось учрежденіе «средняго суда», который долженъ былъ представлять вторую инстанцію для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и дѣлился соотвѣтственно на 2 департамента [1]).

Этотъ планъ судоустройства, утвержденный государемъ 24 мая 1805 года; какъ видно, является первой по времени серьезной попыткой установить прочную опредѣленность въ числѣ инстанцій. Несомнѣнно, что проекты Сперанскаго и Блудова имѣли его въ качествѣ образца судоустройственныхъ преобразованій. Къ нашему удивленію, мы нигдѣ въ историческихъ запискахъ, позднѣе составленныхъ II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей, не нашли ссылки на эти во многомъ весьма интересныя работы комиссіи составленія законовъ.

Одновременно съ дѣятельностью комиссіи по составленію законовъ, императоръ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея поручилъ М. М. Сперанскому составить общій планъ преобразованій правительственныхъ мѣстъ имперіи.

Нужно видѣть эту замѣчательную работу геніальнаго русскаго государственнаго дѣятеля, чтобы вполнѣ оцѣнить силу высказываемыхъ въ немъ мыслей. Глубокій анализъ самой сущности государственныхъ учрежденій, широкая и стройная система взаимно поддерживающихся формъ государственнаго устройства опираются въ этомъ планѣ на прочный синтезъ правильнаго распредѣленія родовъ государственной дѣятельности.

Записка Сперанскаго [2]) (1803 г.) содержитъ въ себѣ основныя идеи, изложенныя въ его «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ» 1809 года, но отдѣлы, посвященные суду, въ ней разработаны гораздо подробнѣе. Въ ней Сперанскій дѣлитъ прежде всего всю систему государственнаго порядка на законы и учрежденія, полагая въ законахъ общія гарантіи правъ гражданъ, а въ учрежденіяхъ правила для примѣненія законовъ къ жизни [3]). Элементами, охраняющими законъ въ монархическомъ государствѣ, Сперанскій считаетъ двѣ силы: во-первыхъ, общественное мнѣніе и, во-вторыхъ, власть сословія, особенно для сего установленнаго [4]). Чтобы общественное мнѣніе было дѣйствительно, необходимо ввести публичность во всю дѣятельность управленія за малымъ исключеніемъ случаевъ, тайнѣ подлежащихъ, и предоставить полную свободу печати. Власть сословія, установленнаго для охраненія законовъ, опредѣляется

---

[1]) Журналы 1805 года, связка 246/1, стр. 39—44.
[2]) «Планъ государственнаго преобразованія», изд. «Русской Мысли», 1905 г.
[3]) Цит. соч., стр. 164.
[4]) Тамъ же, стр. 167.

его независимостью и постановкой во главѣ всѣхъ государственныхъ установленій.

Обращаясь къ непосредственному устройству суда, Сперанскій отдѣляетъ судъ отъ полиціи, опредѣляя ея сущность, «какъ непрерывное дѣйствіе закона, удерживающее порядокъ», назначаемый судомъ [1]). Высказавшись далѣе за судъ присяжныхъ, который является одной изъ гарантій отвѣтственности исполнительной власти передъ гражданами, Сперанскій не вводитъ какихъ-либо серьезныхъ измѣненій въ общій порядокъ судопроизводства. Настаивая на раздѣленіи суда отъ администраціи и на публичности производства, Сперанскій въ области процессуальной стремится лишь къ тому, чтобы прежніе законы были приведены въ ясность [2]). Единственное рѣшительное измѣненіе, котораго онъ добивается, это—введеніе окончательнаго производства въ сенатѣ безъ дальнѣйшаго пересмотра дѣлъ верховной властью [3]). Въ дальнѣйшемъ онъ попрежнему вручаетъ предварительное слѣдствіе полиціи, предоставляя суду разсматривать собранные полиціею матеріалы, и попрежнему же оставляетъ въ составѣ слѣдствія наиболѣе неудовлетворительныя формы: онъ предоставляетъ право полиціи дѣлать допросы, повальные обыски, приводить къ присягѣ и т. д. [4]).

Эта неопредѣленность судопроизводственныхъ реформъ и самая ихъ отсталость сравнительно съ радикализмомъ переустройства судебныхъ учрежденій зависитъ отъ того, что Сперанскій вообще не довѣрялъ личному началу дѣятельности и искалъ опоры въ широкой реформѣ учрежденій.

Поэтому, установивъ общую схему судебной реформы, какъ одной изъ формъ правительственной отвѣтственности, онъ полагалъ возможнымъ дѣйствительное судебное преобразованіе лишь съ полнымъ перерожденіемъ общественнаго мнѣнія и съ совершенной перемѣной «конституціи» государства [5]). Личный же надзоръ, входящій со времени Петра Великаго основнымъ элементомъ въ судебную систему Россіи, представляется для Сперанскаго «нелѣпостью» [6]).

Политическая прозорливость подсказывала вмѣстѣ съ тѣмъ Сперанскому пессимистическій взглядъ на возможность фактическаго осуществленія въ тогдашней Россіи коренныхъ преобразованій.

Онъ указывалъ на то обстоятельство, что даже въ сенатѣ нѣтъ книгъ законовъ, а во всѣхъ губерніяхъ дѣла уголовныя и гражданскія рѣшаются по письменнымъ тетрадямъ, наполненнымъ «самыми безобразными и невѣрными выписями изъ законовъ» [7]).

Обращаясь къ преимущественному значенію общественнаго мнѣнія,

---

[1]) Цит. соч., стр. 131.
[2]) Цит. соч., стр. 215.
[3]) Тамъ же, стр. 216—217.
[4]) Цит. соч., стр. 145.
[5]) Цит. соч., стр. 160.
[6]) Цит. соч., 169; 214, п. 7.
[7]) Цит. соч., стр. 215.

Сперанскій указывалъ на извѣстный взглядъ Юма, по коему вся сила англійской конституціи коренится въ привычкѣ и образѣ мыслей націи [1]).

Въ дальнѣйшемъ онъ прямо опредѣляетъ условія, отсутствіе которыхъ должно было обречь на неудачу весь предлагаемый имъ планъ судебнаго преобразованія: «Правый судъ по необходимости предполагаетъ не только просвѣщенныхъ судей, но просвѣщенную публику, искусныхъ законовѣдцевъ, знающихъ стряпчихъ и методическое сей части ученіе».

Что касается болѣе поздняго проекта судоустройства Сперанскаго, изложеннаго въ его «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ» 1809 года, то на немъ несомнѣнно отразилось вліяніе проекта 1805 года, выработаннаго комиссіею составленія законовъ. Принимая во вниманіе, что съ 19 ноября 1808 года по 1810 годъ въ работахъ комиссіи Сперанскій принимаетъ дѣятельное участіе, мы, конечно, не можемъ сомнѣваться въ томъ, что и предыдущія работы комиссіи были ему хорошо знакомы.

Въ своемъ знаменитомъ проектѣ государственныхъ преобразованій Сперанскій также бралъ постепенную систему инстанцій. Волостной судъ онъ предназначалъ для «мирнаго» разбирательства дѣлъ черезъ посредниковъ и для взысканій за маловажные полицейскіе проступки, которые отъ разбора полиціи устранялись.

Въ случаяхъ особой важности дѣяній на волостного судью возлагалась обязанность приглашать къ разбору дѣлъ 2 депутатовъ волостного совѣта, которые и замѣняли въ такихъ случаяхъ обычный составъ волостного суда, состоящаго изъ предсѣдателя, его товарища и опредѣленнаго числа волостныхъ судей, постоянно пребывающихъ [2]).

Судъ окружный или первая инстанція состоитъ изъ предсѣдателя, избираемаго изъ 20 «отличнѣйшихъ» обывателей округа и утверждаемаго министромъ юстиціи. По дѣламъ, въ законѣ указаннымъ и особливо въ уголовныхъ, предсѣдатель окружнаго суда обязанъ требовать депутатовъ изъ окружнаго совѣта для составленія суда присяжнаго.

Вліяніе проекта комиссіи, помимо введенія самостоятельнаго предсѣдателя и общей системы инстанцій, сказалось въ знаменательномъ требованіи Сперанскаго, чтобы въ случаѣ призыва присяжныхъ сохранялось равенство состояній подсудимаго и депутатовъ [3]).

Вторая инстанція проекта 1809 года вполнѣ соотвѣтствовала по устройству первой и отличалась отъ нея только названіемъ—«судъ губернскій», да усиленіемъ коронnаго начала, такъ какъ предсѣдатель этого суда по губернскому списку избирался министромъ юстиціи и опредѣлялся съ утвержденія государственнаго совѣта.

Сенатъ подвергался, по проекту Сперанскаго, весьма рѣшительной реформѣ, оставаясь въ своемъ существѣ «верховнымъ судилищемъ имперіи» [4]).

---

[1]) Цит. соч., стр. 185.
[2]) Сперанскій, цит. соч., стр. 79—80.
[3]) Цит. соч., стр. 81.
[4]) Цит. соч., стр. 81—82.

Между тѣмъ своимъ чередомъ продолжалась работа комиссіи по составленію законовъ. Къ августу 1806 года комиссія, найдя, что матеріаловъ собрано достаточно, поручила составленіе книгъ уложеній слѣдующимъ лицамъ: редактору Балугьянскому приготовить во второмъ отдѣлѣ книги законовъ главы о собственности государственной и о государственномъ управленіи; редактору Гену подготовить отдѣлы объ управленіи по части судебной; на референдарія первой экспедиціи вмѣстѣ съ редакторомъ Геномъ возложено составленіе положеній о сенатѣ, о министерствахъ и о комитетѣ министровъ [1]). Ко времени назначенія въ составъ начальниковъ комиссіи, кромѣ Лопухина и Новосильцева, Сперанскаго, работы комиссіи настолько подвинулись впередъ, что она ходатайствовала объ уменьшеніи числа чиновниковъ, состоявшихъ при ней.

Въ засѣданіи 11 ноября 1808 года въ присутствіи Сперанскаго комиссія опредѣлила свои работы въ слѣдующемъ видѣ: «по разнымъ частямъ законовъ собрано уже достаточно матеріаловъ, выведены изъ россійскихъ узаконеній своды, сдѣланы съ узаконеніями другихъ государствъ надлежащія соображенія и по нѣкоторымъ предметамъ изложены первоначальные законовъ проекты».

Въ виду этого комиссія полагала нужнымъ приступить къ окончательному составленію проектовъ и прежде всего 1) Уложенія гражданскаго и обряда судебныхъ мѣстъ, 2) Уложенія уголовнаго и обряда судебныхъ мѣстъ, 3) Уложенія коммерческаго и 4) Устава полицейскаго [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ около того же времени въ комиссію стали поступать отвѣты судебныхъ мѣстъ имперіи на вопросы, разосланные имъ въ 1804 году. Отвѣты эти распадались по группамъ губерній и въ общемъ обнаруживали необыкновенный архаизмъ нашего судебнаго законодательства, въ составъ котораго входили воинскіе процессы, Уложеніе 1649, указъ о формѣ суда, учрежденіе Губернское 1775 года и огромное число отдѣльныхъ указовъ.

На поставленный комиссіей вопросъ, допускается ли въ уголовныхъ дѣлахъ защита, единогласно указывалось московскими, олонецкими, архангельскими и другими судебными мѣстами, что на основаніи главы V пункта перваго воинскихъ процессовъ по дѣламъ розыскнымъ или болѣе тяжкимъ никакая защита черезъ повѣренныхъ въ судахъ не дозволялась.

Таковы были отвѣты уголовныхъ палатъ. Что же касается судовъ низшей инстанціи, то въ нихъ не допускалась защита черезъ повѣренныхъ лишь «по дѣламъ, гдѣ нѣтъ свидѣтелей и доказательствъ, но долженъ уличать одинъ другого личностью»; въ такихъ дѣлахъ «непремѣнно должны быть истцы и отвѣтчики сами» [3]).

Въ отношеніи родовъ различаемыхъ дѣлъ господствовала полная путаница: одни судебныя мѣста различали до 30 родовъ и соотвѣтствен-

---

[1]) Связка № 246/2, стр. 54—55. Засѣд. 11 августа.

[2]) Журналы 1808, стр. 32. Архивъ Госуд. Сов.

[3]) Архивъ госуд. совѣта, связка № 585, дѣла II отдѣл.

ныхъ имъ обрядовъ, другіе сводили ихъ къ 7 и 12; сама комиссія держалась цифры 4 родовъ судебныхъ дѣлъ [1]).

Съ 1810 года энергичная дѣятельность комиссіи по составленію уголовныхъ законовъ почти прекратилась, засѣданія совѣта ея наполнены рядомъ ничего не значащихъ мелочей и только въ 1819 и 1820 годахъ мы находимъ разрѣшеніе ею вопроса большой принципіальной важности.

Въ засѣданіи 1 августа 1819 года комиссія по предложенію правительствующаго сената обсуждала важный вопросъ о правѣ тяжущихся по гражданскимъ дѣламъ пользоваться въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, только тѣми повѣренными, которые были одобрены тамошними судебными мѣстами. Ревизовавшій Кіевскую губернію сенаторъ Болотниковъ полагалъ правильнымъ допустить вольный выборъ повѣренныхъ по желанію сторонъ; съ нимъ соглашались пять сенаторовъ. Министръ юстиціи, ссылаясь на положеніе объ адвокатахъ 1797 года, требовалъ допущенія къ веденію дѣлъ только лицъ, одобренныхъ судебными мѣстами и при нихъ состоящихъ. Комиссія согласилась съ министромъ юстиціи, выставивъ весьма рѣшительные доводы: порядокъ 1797 года, Высочайше одобренный въ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 17 сентября 1804 года, не вызывалъ никакихъ нареканій въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ онъ примѣнялся; запрещеніе пользоваться повѣренными, не признанными правительствомъ, «служитъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ отвращенію ябеды, къ уменьшенію несправедливыхъ тяжбъ и проистекающихъ изъ оныхъ злоупотребленій». Напоминая, что по положенію 1797 года повѣренный долженъ былъ быть дворяниномъ, имѣть недвижимость, «обученіе въ публичномъ училищѣ» и практическій опытъ, комиссія находила, что при этихъ условіяхъ невозможно ожидать веденія такими повѣренными дѣлъ неправыхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ комиссія полагала возможнымъ для указанныхъ губерній обязать тяжущихся пользоваться только адвокатами, одобренными судебными мѣстами и при нихъ состоящими [2]).

Въ 1820 году вопросъ о судебныхъ повѣренныхъ снова возникъ въ комиссіи по поводу выясненія права чиновниковъ вести частныя дѣла.

Въ засѣданіи 6 февраля былъ принятъ проектъ Розенкампфа, Морозова и Тургенева объ устройствѣ присяжной адвокатуры, который во многихъ отношеніяхъ является истиннымъ прообразомъ нынѣ дѣйствующаго порядка, не говоря уже о проектѣ гр. Блудова.

Полагая, что познаніе законовъ и судебныхъ формъ, многочисленныхъ и многосложныхъ, «содѣлалось особенною наукою, которую не всякій разумѣть можетъ», комиссія признавала необходимымъ, подобно другимъ государствамъ, установить у насъ классъ людей, «пользующихся всеобщимъ уваженіемъ и посвящающихъ себя изученію практики означенной науки». Въ Россіи стряпчіе находятся «въ такомъ неуваженіи, котораго большая часть изъ нихъ заслуживаетъ», такъ какъ они умышленно

---

[1]) Связка № 585, дѣла II отдѣл.; связка № 246/4, стр. 145.

[2]) Архивъ госуд. совѣта, дѣла II отдѣл. связка 246/3, стр. 125—128; см. также П. С. З., № 18266, дек. 14.

запутываютъ и затягиваютъ дѣла и являются главными виновниками ябедъ и неясныхъ рѣшеній въ низшихъ инстанціяхъ.

Признавая необходимымъ ввести и у насъ по образцу Запада сословіе стряпчихъ, комиссія возражала на два соображенія, приводившіяся у насъ противниками этого института, а именно: 1) что въ Россіи не найдется достаточнаго количества лицъ, способныхъ быть стряпчими, и 2) что съ введеніемъ сословія стряпчихъ понадобится измѣнить самое судопроизводство. Отвѣтъ комиссіи на первое возраженіе буквально совпадаетъ съ соображеніями творцовъ Уставовъ 1864 года: «Если только званіе сіе будетъ устроено на такомъ положеніи, что честные и свѣдующіе люди не погнушаются вступать въ оное, а особливо самимъ правительствомъ будутъ къ тому поощряться», то стряпчіе у насъ будутъ въ достаточномъ количествѣ. Что касается второго возраженія, то комиссія признавала его справедливость, но находила, что, если учрежденіе сословія стряпчихъ сдѣлаетъ необходимою реформу судопроизводства, то такого результата слѣдуетъ желать, а не опасаться.

Исходя изъ мысли, что образованіе такого сословія всюду подготовляло «правовѣдцевъ и судей», какъ напримѣръ, д'Агессо, Блекстонъ, Бёркъ, Эрскинъ и другіе, комиссія предлагала пополнять у насъ это сословіе путемъ избранія министромъ юстиціи наиболѣе пригодныхъ къ тому стряпчихъ, уже состоящихъ при судахъ или только желающихъ вступить въ это званіе.

Затѣмъ, по французскому образцу, вводилась система залоговъ для веденія дѣлъ: въ первой инстанціи—500 рублей, во второй—1000 руб. и въ высшемъ судѣ—4000 рублей.—По примѣру той же страны, предполагался совѣтъ, избираемый присяжными стряпчими съ предсѣдателемъ, выбираемымъ ежегодно. На обязанности совѣта было слѣдить за правильнымъ отправленіемъ адвокатами своихъ обязанностей, назначать безплатную защиту бѣдныхъ и веденіе дѣлъ вдовъ и сиротъ. Виновныхъ въ нарушеніи своихъ обязанностей адвокатовъ совѣтъ могъ сажать подъ арестъ и предавать суду. Къ особенностямъ проекта принадлежалъ институтъ круговой поруки всѣхъ членовъ сословія за убытки, нанесенные неправильнымъ и преступнымъ веденіемъ дѣлъ.

Въ заключеніе комиссія переходила къ реформѣ процесса введеніемъ гласности сторонъ.

Описавъ старанія сторонъ незаконными путями узнать положеніе дѣла и происходящее отъ этого развитіе жалобъ и интригъ, комиссія затѣмъ такъ изображаетъ наши судебные порядки:

«Должно признаться, что наша судебная практика не очень благопріятна для соблюденія правосудія. Не надлежитъ также забывать и того, что обыкновеніе и личное вліяніе измѣняетъ законъ къ лучшему или худшему, и что тяжущіеся принуждены безпрестанно прибѣгать къ посредству прокуроровъ, губернаторовъ и даже министровъ, потому что симъ только могутъ исправить запутанный, темный и почти всегда произвольно направляемый ходъ дѣлъ въ нашихъ гражданскихъ судахъ»[1]).

---

[1]) Журналы 1820 г. 6 февр., стр. 48—57.

Проектъ комиссіи не получилъ утвержденія и только въ отношеніи чиновниковъ послѣдовалъ запретъ вести имъ частныя дѣла по добровольному соглашенію [1]).

Къ 24 іюня 1818 года комиссія изготовила проектъ устава уголовнаго судопроизводства и внесла его на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Проектъ этотъ былъ крайне неудовлетворителенъ. О гласности сторонъ, которая такъ хорошо была понята комиссіею въ отношеніи гражданскаго судопроизводства, въ проектѣ нѣтъ и упоминанія, вся система судопроизводства попрежнему окружена глубокой тайной.

Общее начало сведенія всѣхъ судебныхъ мѣстъ къ тремъ инстанціямъ, о которыхъ мы упоминали выше, осталась, но добавлялась четвертая въ видѣ чрезвычайнаго судилища, организація и составъ котораго въ проектѣ отсутствовали.

Самый порядокъ судопроизводства почти не затронутъ и весь проектъ заключаетъ въ себѣ только 150 статей. Существо его сводится къ слѣдующимъ положеніямъ [2]).

Прежде всего устанавливается возможность примѣненія наказаній не иначе, какъ при условіи «произведенія суда по всей точности законовъ» [3]). Такимъ образомъ, признается невозможность примѣненія какихъ бы то ни было административныхъ взысканій.

По всѣмъ уголовнымъ дѣламъ первоначальное изслѣдованіе и открытіе преступленія, взятіе виновнаго подъ стражу и исполненіе судебныхъ приговоровъ принадлежитъ полиціи (ст. 13).

Должностныя преступленія изслѣдуются начальствомъ виновнаго, и только въ томъ случаѣ, если необходимо произвести разслѣдованіе внѣ мѣста службы, начальство обращается къ содѣйствію полиціи (ст. 22—23).

Для политическихъ преступленій образуется особый комитетъ подъ именемъ комитета для разбора дѣлъ «о зловредныхъ для общества людяхъ», который можетъ вести дѣла, «по соображенію обстоятельствъ», т. е. совершенно произвольно, и самъ же наблюдаетъ за производствомъ установленнаго имъ слѣдствія (ст. 30).

Въ отношеніи допроса подсудимаго уставъ требуетъ внесенія его показанія «въ журналы» отъ слова до слова. Эти показанія должны быть скрѣплены его подписью (ст. 37—38).

Подсудимому предоставлялось «неотъемлемое право приводить доказательства въ защиту себя словесно или письменно». Но узкій духъ сословныхъ привилегій вѣетъ на насъ изъ дальнѣйшаго развитія правъ защиты. Подсудимому изъ дворянъ, духовенства или купцовъ первой и второй гильдіи предоставлялось право самому выбирать «дефензора» изъ представленныхъ судебнымъ мѣстомъ кандидатовъ, тогда какъ подсудимые

---

[1]) Высоч. утв. мнѣніе госуд. совѣта 26 апрѣля 1822 г.
[2]) Связка II отдѣл. собств. Его Величества канц., № 424, дѣло № 42.
[3]) Тамъ же, ст. 2.

прочихъ сословій должны были довольствоваться «дефензоромъ», назначеннымъ судьей [1]) (§ 9).

На полицію возлагались и обязанности органа, производящаго слѣдствіе предварительное, и дѣятельность чисто судебная.

На основаніи 47 статьи дѣла, подсудныя полиціи, были чрезвычайно разнообразны. Такъ, здѣсь были и маловажныя преступленія, влекущія заключеніе не свыше трехъ дней подъ арестъ и не болѣе, какъ на мѣсяцъ въ рабочемъ домѣ; къ вѣдомству же полиціи были отнесены дѣла о бѣглыхъ и дезертирахъ, о словесныхъ обидахъ, о раскольникахъ и ересяхъ [2]).

Наконецъ, разбору полиціи же подлежали дѣла о разсѣяніи въ народѣ афишъ, книгъ и объявленій, противныхъ добрымъ правиламъ, а также дѣла о «волшебникахъ, колдунахъ и прочихъ обманщикахъ».

На полицію же возлагался «въ особенности надзоръ за надлежащимъ содержаніемъ тюремъ» (ст. 48). Общій надзоръ за производствомъ полиціей слѣдствій возлагался на губернское правленіе (ст. 50—51).

Губернскіе же прокуроры и стряпчіе «обязаны были содѣйствовать полиціи при первоначальномъ слѣдствіи» (ст. 60).

По дѣламъ, не влекущимъ тяжкихъ наказаній, низшая судебная инстанція, разсмотрѣвъ дѣло съ точки зрѣнія правильности и полноты слѣдствія, передавала его на утвержденіе уголовной палаты.

Изъ уголовной палаты безъ апелляціи поступали въ сенатъ обязательно дѣла слѣдующаго рода: 1) по коимъ обвиняемые приговоромъ палаты приуждались къ смертной казни, 2) влекущія для дворянъ лишеніе правъ или заключеніе свыше шести мѣсяцевъ, 3) всѣ дѣла политическія, 4) дѣла, въ которыхъ обвинялись совмѣстно помѣщики и крестьяне, 5) приговоры палатъ, неутвержденные губернаторомъ и т. д. (ст. 108).

Всѣ приговоры сената относительно преступленій, упомянутыхъ въ первыхъ четырехъ пунктахъ, обязательно подносились сенатомъ на утвержденіе монарха. По апелляціи въ сенатъ поступали дѣла о дворянахъ, не присужденныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ, а также если не дворяне по приговорамъ второй инстанціи подавали апелляцію и если по дѣламъ казеннаго интереса апелляція была подана губернскимъ прокуроромъ или стряпчимъ (ст. 111).

Къ уставу кромѣ того была приложена «инструкція тюремному надзирателю», въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма либеральная.

Самая важная часть, особенно озабочивавшая всѣхъ реформаторовъ нашей судебной системы—устройство сената, какъ видно, не вошла въ составленный проектъ.

---

[1]) Связка II отдѣл. 424, дѣло № 42.

[2]) Насколько великъ объемъ подсудности полиціи по числу дѣлъ, согласно этому проекту, показываетъ тотъ фактъ, что по отчету министра юстиціи за 1858 годъ всѣхъ лицъ, совершавшихъ преступленія и проступки, въ этомъ году было 30274, въ томъ числѣ 15100 человѣкъ подверглись преслѣдованію за маловажныя кражи, а всѣхъ бродягъ, задержанныхъ въ 1858 году, было 21637 человѣкъ. Матеріалы по истор. суд. реформы, т. IV, приложеніе I, стр. 5.

Приведенный нами проектъ 1818 года, какъ видно, совершенно не соотвѣтствовалъ широкому размаху преобразованій, и его судьба очень наглядно свидѣтельствуетъ, какая участь должна была постигнуть всѣ реформы александровской эпохи.

Несмотря на пребываніе въ комиссіи законовъ Сперанскаго, законопроекты, выходившіе оттуда, были лишены того обновляющаго духа, которымъ проникнуты были проекты «дней Александровыхъ прекраснаго начала».

По внѣшности все обстояло въ томъ же видѣ и послѣ Вѣнскаго конгресса.

Въ 1821 году мы находимъ слѣдующую оффиціальную оцѣнку трудовъ комиссіи. «Комиссія законовъ совершила часть трудовъ, ей порученную. Полагая доброе законодательство въ числѣ первыхъ государственныхъ нуждъ, я ожидаю, что государственный совѣтъ обратитъ на сію часть особое вниманіе и всемѣрно будетъ способствовать къ ея усовершенію» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ 3 ноября 1821 года государь рескриптомъ на имя Сперанскаго приказалъ по важнѣйшимъ частямъ законодательства вносить въ государственный совѣтъ особые журналы и подносить ихъ на Высочайшее утвержденіе [2]).

Наступившая къ этому времени реакція фактически пріостановила и самое обсужденіе уже внесенныхъ проектовъ въ государственномъ совѣтѣ.

До насъ дошли и оффиціальныя доказательства фактическаго неисполненія воли государя, выраженной въ рескриптѣ 3 ноября 1821 года.

Черезъ три года, 11 августа 1824 года, предсѣдательствующій государственнаго совѣта довелъ до свѣдѣнія Общаго Собранія, что государь приказалъ приступить къ исполненію его воли отъ 3 ноября 1821 года и немедленно заняться разсмотрѣніемъ внесенныхъ изъ комиссіи составленія законовъ проектовъ по разнымъ родамъ законодательства [3]).

Послѣдовавшая затѣмъ смерть Александра прервала окончательно разсмотрѣніе проектовъ судебнаго преобразованія и такимъ образомъ вторая, съ эпохи Петра Великаго, широкая попытка создать общее преобразованіе нашего судебнаго строя на ряду съ общей государственной реформой потерпѣла неудачу.

Въ новое царствованіе Россія переходила съ тѣмъ же правовымъ бытомъ, съ какимъ она прожила первыя многообѣщавшія 10 лѣтъ Александровскаго царствованія.

---

[1]) Книга Высоч. повелѣній за 1821 годъ. Архивъ Госуд. Совѣта.
[2]) Дѣло II отдѣл., № 40, стр. 749.
[3]) Журналы Общ. собр. госуд. совѣта 11 августа 1824 года, № 1, стр. 39.

III.

Причины безуспѣшности работъ комиссіи составленія законовъ.

Попытаемся установить и намѣтить здѣсь отчасти причины неудачи, постигшей все дѣло реформы законодательства.

Прежде всего и больше всего въ этомъ виновата глубокая неподготовленность тогдашняго общества къ широкимъ и цѣльнымъ государственнымъ реформамъ. «Расположеніе умовъ» общества, о которомъ Екатерина говорила въ Наказѣ, о которомъ такъ вѣрно писалъ Сперанскій въ 1803 году, было далеко отъ всякаго истинно политическаго пониманія задачъ момента.

Уже въ 1810 году Сперанскій понялъ, что дѣло реформъ надолго пріостановилось [1]).

Послѣдовавшая въ 1812 году его ссылка, появленіе у власти Аракчеева, Магницкаго и другихъ апологетовъ безмолвнаго порабощенія, показывало, что расчитывать на проведеніе реформы сверху было невозможно.

Вторая причина лежала въ самой личности Александра I. Мы нарочно привели выше характеристику этого императора и не ему, конечно, было суждено, побѣждая инерцію общества, будить его стремленіе къ высшимъ формамъ правовой жизни [2]).

Крѣпостное право само въ себѣ заключало немыслимость перехода народа къ правовому строю до тѣхъ поръ, пока оно оставалось огромной гирей, давившей всѣ отправленія жизни народной.

Общій потокъ организаціоннаго переустройства нашего законодательства послѣ 1810 года разбивается на отдѣльные ручейки, безслѣдно исчезающіе въ окружающей пустынѣ безправія и личныхъ злоупотребленій. Въ соотвѣтствіи съ общимъ настроеніемъ правящихъ сферъ работа комиссіи составленія законовъ сошла съ пути широкихъ преобразованій и спустилась до уровня неприглядной современной ей дѣйствительности. Вотъ два примѣра подтверждающіе эту характеристику дѣятельности комиссіи законовъ въ ея послѣдней стадіи.

Указомъ 25 мая 1809 года жалобы лицъ непривилегированныхъ сословій были запрещены, но тамъ не говорилось ничего о возможности подавать просьбы о пересмотрѣ дѣлъ уже изъ мѣстъ отбытія наказанія. Принимая во вниманіе, что среди осужденныхъ лицъ непривилегированнаго состоянія могли быть и невинные, и что приговоры судовъ въ отношеніи ихъ уже исполнялись, сенатъ признавалъ возможнымъ предоставить право обжалованія приговоровъ въ этихъ случаяхъ. Министръ юстиціи съ этимъ мнѣніемъ не согласился и внесъ вопросъ на обсужденіе комиссіи законовъ. Комиссія нашла, что законы предоставляютъ невиннымъ всѣ способы оправданія

---

[1]) Семевскій, цит. соч., стр. 40 и сл.

[2]) Пыпинъ, цит. соч., стр. 435 и сл.

въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ, а въ случаѣ несправедливости, они имѣютъ собственныхъ, закономъ опредѣленныхъ, защитниковъ. Этими защитниками явились стряпчій уголовныхъ дѣлъ и губернскій прокуроръ, а съ другой стороны, защита имѣется въ начальникѣ губерніи, «который при разсмотрѣніи дѣлъ не только можетъ, но даже обязанъ останавливать исполненіе всякаго несправедливаго приговора». Въ дальнѣйшемъ комиссія разсуждала, что такое предоставленіе права жалобы «нижняго званія людямъ» только усложнитъ работу сената. Кромѣ того, комиссія полагала, что обвиняемые этого рода, «чувствуя свою виновность, надѣются токмо пустыми жалобами своими или отдалить отъ себя наказаніе, или, по учиненіи онаго, обмануть сенатъ и освободиться отъ работы, къ коей присуждены» [1]).

Комиссія не могла не знать, конечно, о дѣйствительныхъ судебныхъ ошибкахъ. Но она находила, что случаи эти, по своей рѣдкости, служить «предлогомъ къ нарушенію закона отнюдь не могутъ».

При такомъ настроеніи комиссіи никакое творческое начало въ работахъ по судопроизводству не могло имѣть мѣста, а участь подсудимыхъ «нижняго званія», т.-е. огромнаго большинства ихъ, комиссію мало волновала.

Въ 1817 году ѳеодосійскій градоначальникъ Санковскій донесъ государю, что въ томъ же году таврическій гражданскій и уголовный судъ присудили къ наказанію кнутомъ шесть человѣкъ татаръ, виновныхъ въ важнѣйшихъ преступленіяхъ—грабежѣ, святотатствѣ и смертоубійствѣ; осужденныхъ возили по мѣстамъ, гдѣ проходила ихъ преступная дѣятельность, и подвергали частичному исполненію казни; «отъ этого сіи послѣдніе, бывъ перевозимы въ лѣтнее время безъ леченія ранъ, получили болѣзнь и тѣла ихъ гнили у живыхъ, имѣя заразительный духъ, а два важнѣйшихъ участника, не перенеся учиненнаго надъ ними въ Симферополѣ и Карасу-Базарѣ наказанія, умерли».

Государь внесъ дѣло въ комитетъ министровъ, а оттуда оно попало въ комиссію составленія законовъ.

Обсудивъ вопросъ, комиссія постановила, несмотря на ясное предложеніе государя отмѣнить «безчеловѣчный законъ», на будущее время предложить судамъ исполнять приговоры въ одномъ мѣстѣ и раны отъ кнута залечивать [2]).

Мы полагаемъ достаточно доказаннымъ тотъ духъ, который господствовалъ въ комиссіи въ концѣ ея дѣятельности. Кромѣ того, технически она была завалена такимъ количествомъ работы, совершенно чуждой ея задачамъ, что рѣшительно непонятно, какъ вообще она сохранила въ себѣ способность работать. Просматривая журналы комиссіи, мы изъ года въ годъ видимъ дѣла о покупкѣ дровъ, о наймѣ помѣщеній, о награжденіи писарей, «объ устройствѣ водоходства» и т. д., и т. д.

Общее отношеніе правительства къ основнымъ цѣлямъ законодатель-

---

[1]) Архивъ госуд. совѣта. Связка 246/4, стр. 116—119.

[2]) Архивъ госуд. совѣта. Связка 246/3, стр. 93—98.

ства въ концѣ царствованія Александра особенно ясно видно изъ рѣчи министра юстиціи Трощинскаго въ государственномъ совѣтѣ въ 1815 году при обсужденіи проекта гражданскаго уложенія, внесеннаго Сперанскимъ.

Министръ юстиціи указывалъ, что въ Высочайше утвержденномъ докладѣ управляющаго комиссіей князя Лопухина задачи ея были опредѣлены словами [1]): «Обязанность комиссіи состоитъ въ сочиненіи одного свода законовъ, *не въ введеніи* въ отечество законовъ новыхъ или изданныхъ для другихъ странъ и народовъ». Указывая на то, что безуспѣшность прежнихъ трудовъ комиссіи проистекала отъ неисполненія указаннаго правила, Трощинскій далѣе ограничивалъ кругъ дѣятельности законодательной чисто механической работой. «Древнія узаконенія Россіи представляютъ богатѣйшій источникъ, откуда надлежитъ заимствовать вещество и силу для сложенія и укрѣпленія всѣхъ частностей государственнаго состава».

Съ этой точки зрѣнія онъ находилъ непріемлемымъ проектъ Сперанскаго, который, «давая всему особые виды, отличается однимъ ему свойственнымъ качествомъ, чтобы во всѣхъ старыхъ законахъ дѣлать переворотъ по своимъ мыслямъ» [2]).

Замѣчательнѣе всего, что во всемъ общемъ собраніи государственнаго совѣта защитниковъ проекта гражданскаго уложенія съ точки зрѣнія содержанія не оказалось. Графъ Салтыковъ, не защищая работы комиссіи по существу, указывалъ только отъ имени меньшинства на рѣзкость тона оцѣнки Трощинскаго.

Приведенная рѣчь министра юстиціи, человѣка, пользовавшагося большимъ личнымъ вліяніемъ у государя, человѣка, работавшаго съ Александромъ съ первыхъ годовъ царствованія, показываетъ, что для рѣшительныхъ реформъ уже мѣста не оставалось. А между тѣмъ положеніе судебнаго дѣла было самое плачевное, и у сколько-нибудь проницательныхъ современниковъ не оставалось двухъ мнѣній о крайней опасности дальнѣйшаго существованія въ странѣ старыхъ судебныхъ порядковъ.

IV.

Отзывы представителей правительственной власти и общественной мысли о судебныхъ порядкахъ первой четверти XIX в.; ихъ планы реформы.

Въ 1814 году, тотчасъ по окончаніи войны съ Наполеономъ, ближайшій сотрудникъ Александра, графъ Кочубей, подалъ государю записку, гдѣ съ большимъ мужествомъ обращалъ вниманіе на полную анархію въ правительственныхъ дѣлахъ и особенно въ дѣлахъ судебныхъ. Вся записка—сплошной призывъ на помощь, скорѣе крикъ не вѣрящаго

---

[1]) Докладъ управляющаго комиссіей сост. закона, 28 февраля 1804 года.
[2]) Дѣло II отдѣл., № 40; связка № 59, стр. 266—269.

въ спасеніе человѣка, чѣмъ голосъ увѣреннаго реформатора, торопящаго осуществленіе преобразованій.

«Разсматривая безпристрастно внутреннее положеніе государства, нельзя не признаться, чтобы мѣра золъ, его облегающая, не была чрезмѣрной». Авторъ отводитъ войнѣ въ этомъ отношеніи второстепенное сравнительно значеніе. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ полную непригодность личнаго состава правительства, «интриги людей, кои основываютъ всегда благосостояніе свое на корыстолюбивыхъ видахъ, искали безопасности своей въ безпорядкахъ и, слѣдовательно, должны быть противниками всякаго устройства (реформы)». «Изъ сего проистекаетъ», констатируетъ авторъ, «что они, не получа всей своей полноты, злоупотребленія усилили до безконечности, а невѣжество, лихоимство, пристрастіе водворились тамъ, гдѣ должно было ожидать благоразумія, безкорыстія и справедливости... Что всего прискорбнѣе, безполезно, даже опасно было знаменовать сіи злоупотребленія; безполезно, понеже преступленія всегда почти покрываемы были судилищами, корыстно руководимыми, опасно, понеже знаменовавшіе злоупотребленія подвергались мести тѣхъ, кто уличаемъ былъ, или покровителей ихъ» [1]).

Въ дальнѣйшемъ авторъ записки, отмѣчая общественную опасность отъ смѣшенія судебной и полицейской властей, прямо указываетъ на министерство полиціи, какъ на источникъ общественныхъ потрясеній. «Это учрежденіе было основой немалаго безпокойства всего общества. Смѣшавъ полицію съ шпіонствомъ, вообразили, что никто не останется спокойнымъ, что движеніе каждаго самое невинное можетъ при такомъ новомъ дѣйствіи обратиться въ преступленіе, что общество наполнится полицейскими прислужниками, что служители развратятся, что, наконецъ, исчезнетъ то спокойствіе, которымъ наслаждались въ первые годы царствованія Александра» [2]).

Въ качествѣ отвращенія зла, Кочубей уже не предлагаетъ общей широкой реформы, онъ знаетъ ея неосуществимость, онъ настаиваетъ на проведеніи раздѣленія властей сената, комитета министровъ и государственнаго совѣта и вводитъ чисто внѣшнія измѣненія въ устройство правительствующаго сената [3]).

Одновременно съ Кочубеемъ другой сподвижникъ преобразовательныхъ плановъ Александра, министръ юстиціи Трощинскій, вноситъ свою записку государю, гдѣ положеніе Россіи и управленіе описываются не менѣе черными красками.

Всѣ причины безпорядковъ авторъ дѣлитъ на три рода: 1) происходящія отъ образа личнаго управленія; 2) коренящіяся въ образѣ министерскаго дѣлопроизводства, и 3) въ образѣ опредѣленія важнѣйшихъ чиновниковъ.

Онъ также видитъ полное торжество личнаго произвола, происхо-

---

[1]) Арх. госуд. совѣта. Дѣло комитета 26 декабря 1826 года, № 50. Записка графа Кочубея, стр. 2—4.

[2]) Тамъ же, стр. 15.

[3]) Тамъ же, стр. 7.

дящее отъ отсутствія правильно организованной системы учрежденій; онъ внимательнымъ взоромъ разсматриваетъ причины болѣзни государственнаго организма и видитъ ихъ прежде всего въ переносѣ центра тяжести управленія не на учрежденія, а на лица. «Вездѣ разливается частное дѣйствіе лицъ, но нигдѣ нѣтъ общаго дѣйствія присутствій». Анализируя систему министерскаго управленія, онъ ставитъ ей рѣзкіе упреки: «въ сей системѣ соблюдены всѣ выгоды управляющихъ внутренними дѣлами, но забыты главныя выгоды государя» [1]).

Въ отношеніи высшей мѣстной администраціи Трощинскій безпощаденъ. «Извѣстно, что губернаторы желаютъ управлять губерніями, какъ своими деревнями, дѣйствуя по своимъ различнымъ направленіямъ: одни по своему произвольному разсужденію, другіе по своимъ властолюбивымъ видамъ, а третьи по своему корыстолюбію... Въ то же время губернское правленіе остается пустою приказной избой, въ коей голосъ начальника все заглушаетъ» [2]).

Общая оцѣнка положенія крайне мрачная. «По званію предсѣдательствующаго государственнаго совѣта и комитета министровъ, я замѣтилъ самую вредную запутанность и при томъ такую опасную, что при всемъ желаніи споспѣшествовать общему благу, невозможно сохранить нужныхъ къ тому предосторожностей, ибо всѣ части управленія, будучи съ одной стороны между собой раздѣлены, съ другой не имѣютъ главнаго средоточія» [3]).

Мѣры, предлагаемыя Трощинскимъ, совершенно внѣшняго характера. Онъ настаиваетъ на введеніи коллегіальнаго управленія по регламенту Петра Великаго и на раздѣленіи властей по тому же плану, что предлагалъ графъ Кочубей. Ни о какихъ существенныхъ реформахъ, подобныхъ предложеннымъ въ свое время Сперанскимъ и Радищевымъ, нѣтъ и помину. Въ чисто судебной области, гдѣ роль губернаторовъ была столь ярко имъ же вскрыта, Трощинскій предложилъ только реформу судебнаго представительства, гораздо менѣе совершенную, нежели выработанная комиссіей составленія законовъ. По этому плану предлагалось учредить для бѣдныхъ тяжущихся юридическую канцелярію. Канцелярія должна была состоять изъ главнаго публичнаго совѣта, публичныхъ совѣтниковъ и классныхъ стряпчихъ. Всякій, желающій вступить въ сословіе стряпчихъ, обязанъ выдержать экзаменъ въ канцеляріи и получить отъ нея свидѣтельство на право хожденія по дѣламъ. Всѣ жалобы на стряпчихъ сосредоточиваются въ канцеляріи [4]).

Какъ видно, содержаніе этого скуднаго проекта совсѣмъ не соотвѣтствовало его пышному заглавію: «Планъ о поддержаніи въ законахъ силы правосудія».

Мы привели отзывы высоко авторитетныхъ лицъ изъ правительствен-

---

[1]) Архивъ госуд. совѣта. Дѣло II отд., № 40, бумаги Трощинскаго, стр. 272.
[2]) Тамъ же, стр. 276 и стр. 279—280.
[3]) Тамъ же, стр. 278.
[4]) Тамъ же, стр. 285.

ныхъ слоевъ относительно общаго состоянія управленія Россіи и способовъ его реформированія. Картина была бы неясна, если бы мы не воспользовались оффиціальными же источниками, указывающими, какъ понималась задача судебной реформы представителями общественныхъ круговъ.

Въ «Пунктахъ преподаваемаго во внутреннемъ Орденѣ ученія», ставившаго себѣ задачей коренное переустройство Россіи, мы находимъ въ концѣ царствованія Александра тѣ же идеи, которыя оффиціально возвѣщались правительствомъ въ началѣ XIX вѣка. Въ области судебной вмѣсто уѣзднаго и совѣстнаго судовъ вводился судъ присяжныхъ. Вмѣсто уголовныхъ и гражданскихъ палатъ вводился въ качествѣ кассаціоннаго «присяжный третейскій судъ» [1]).

Немедленно послѣ возстанія 14-го декабря одинъ изъ самыхъ благородныхъ декабристовъ Петръ Михайловичъ Каховскій въ пространныхъ сообщеніяхъ генералъ-лейтенанту Левашову и императору Николаю I такъ описываетъ положеніе судебнаго дѣла въ тогдашней Россіи: генералъ-губернаторы и губернаторы сажаютъ дворянъ подъ арестъ безъ малѣйшаго основанія, оскорбляя ихъ человѣческое достоинство и нарушая сословныя права; чиновники, отправленные для разслѣдованія преступленій, зачастую напередъ подсчитываютъ, сколько они могутъ получить съ виновныхъ, и сколько потеряютъ; «подобныхъ слѣдствій въ государствѣ безъ конца, потому у насъ одно дѣло изслѣдуется нѣсколько разъ».

Каховскій приводитъ примѣръ, когда неправильно присужденный уголовной палатой мѣщанинъ пробылъ два года въ каторгѣ и былъ признанъ сенатомъ невиновнымъ. Въ результатѣ послѣдовало денежное только взысканіе съ губернатора и палаты безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ своемъ письмѣ въ государю Каховскій говоритъ, что по окончаніи войны съ Наполеономъ общество съ нетерпѣніемъ ждало реформы основныхъ законовъ и преобразованій судопроизводства. «Ждали и что жъ? Черезъ 12 лѣтъ лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ». Упрекая государя за то, что онъ ни разу не посѣтилъ сенатъ, Каховскій восклицаетъ: «Неужели, будучи Верховнымъ Правителемъ и Судьей, полезнѣе было бывать каждый день у развода, чѣмъ когда-нибудь посѣтить главное правительствующее мѣсто и судилище народное»? [2])

«По манію царя,—говоритъ онъ далѣе,—все образованнѣйшее, лучшее дворянство стремится въ военную службу, а бѣдная юстиція остается на произволъ людей, алчущихъ лишь своей прибыли»... [3])

Каховскій требуетъ введенія судовъ совѣсти—по образцу Англіи и Франціи, и принятія за правило, чтобы сужденіе основывалось на точныхъ законахъ [4]).

---

[1]) Изъ бумагъ графа Мамонова. Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Подъ редакціей Бороздина, 1906 г., Спб., стр. 148.

[2]) Цит. соч., стр. 28.

[3]) Тамъ же, стр. 29.

[4]) Цит. соч., стр. 8—9.

Напомнивъ о томъ, что правительства существуютъ для народовъ, а не обратно, Каховскій въ заключеніе развертываетъ картину состоянія современной ему Россіи: «Императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ... У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли... Что винить министровъ? Они что значатъ? У насъ правленіе самодержавное. Государственный Совѣтъ—игрушка» [1]).

Другой видный декабристъ Александръ Александровичъ Бестужевъ въ письмѣ къ императору Николаю I опредѣляетъ положеніе почти такими же чертами. Описывая полное разрушеніе народнаго благосостоянія, Бестужевъ говоритъ, что среди всеобщей разрухи «одни судебныя мѣста блаженствовали», чувствуя себя въ землѣ обѣтованной. «Лихоимство ихъ дошло до неслыханной степени безстыдства. Однимъ словомъ, въ казнѣ, въ судахъ, въ коммиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ, вездѣ, гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ, тотъ кралъ. Вездѣ честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались» [2]).

Параллельно онъ указывалъ на истинныя основы судебной реформы. Онѣ у него сводились: а) къ установленію точнаго круга окончательныхъ судовъ съ отмѣной апелляцій; б) къ предоставленію тяжущимся права избранія изъ извѣстнаго числа судей: в) къ ограниченію сроковъ и г) къ установленію публичности судопроизводства. связанной съ общей системой широкаго развитія гласности въ странѣ [3]).

Декабристъ Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, впослѣдствіи представившій замѣчательную записку о судебномъ устройствѣ [4]), видѣлъ задачу судебной реформы въ отдѣленіи власти административной отъ судебной, въ установленіи независимости судебныхъ властей, во введеніи суда присяжныхъ и въ общей свободѣ печати и гласности [5]).

Занимался разработкой вопроса о судоустройствѣ и Пестель въ «Запискѣ о государственномъ правленіи». Онъ полагалъ необходимымъ ввести судопроизводство черезъ присяжныхъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, и требовалъ единогласія приговоровъ. Судопроизводство должно было быть публичнымъ, но письменнымъ [6]).

Въ пятой главѣ другого своего сочиненія,—«Русской Правды», бывшей своего рода «Великой хартіей вольностей» декабристовъ, Пестель упраздняетъ всѣ особенные суды (даже военные остаются только для воинскихъ преступленій), устанавливаетъ только судебный порядокъ задержанія и отвѣтственности и вводитъ гарантіи противъ произвольныхъ обысковъ и арестовъ [7]).

Такимъ образомъ, изъ приведеннаго видно, что общественная и пра-

---

[1]) Цит. соч., стр. 29—30.
[2]) Цит. соч., стр. 40.
[3]) Цит. соч., стр. 41.
[4]) См. матеріалы по суд. реформѣ 1864 года, томъ XXI. Библіотека Госуд. Сов.
[5]) Изъ писемъ декабристовъ, стр. 50 и 51.
[6]) Семевскій, цит. соч., стр. 187. «Былое», 1906, № 3.
[7]) Цит. соч. Семевскаго, стр. 183. «Былое», 1906 г., № 3.

вительственная мысл по вопросу о реформѣ въ концѣ царствованія Александра I рѣзко раскололись. Лица, сами принадлежавшія къ составу правительства, сознавая все значеніе наступившаго безпорядка и анархіи, рѣшительно отказывались связать судьбу судебной реформы съ общимъ кореннымъ измѣненіемъ государственнаго быта и ограничивались отдѣльными, чисто случайными и внѣшними поправками судебнаго дѣла. Напротивъ, представители передового общества съ величайшей проницательностью понимали главныя основы судебной реформы и вводили сюда всѣ тѣ элементы ея, которые со времени «Наказа» Екатерины умышленно обходились правительствомъ при попыткахъ переустройства нашего судебнаго вѣдомства. У всѣхъ наиболѣе крупныхъ выразителей общественной мысли мы находимъ ясно сознанную истину, что судебная реформа безъ общей и рѣшительной реорганизаціи всего законодательнаго и правительственнаго порядка немыслима. Судьба судебной реформы 1864 года, проводники коей, повидимому, не вполнѣ понимали эту органическую связь суда и основныхъ формъ правового уклада государства, показала, насколько взглядъ лицъ, шедшихъ въ авангардѣ русскаго общества въ первой четверти XIX вѣка, былъ проницателенъ.

Въ самомъ началѣ царствованія Николая I представитель идей старой школы государственныхъ реформъ попытался обратить вниманіе Николая I на опасность отдѣльныхъ палліативовъ въ дѣлѣ усовершенствованія формъ судебнаго быта.

Не подписавшись, онъ подалъ государю записку тотчасъ по его вступленіи на престолъ, гдѣ высказывалъ общія соображенія относительно государственнаго строя тогдашней Россіи.

Установивъ въ этой запискѣ, что «по естественному порядку государь есть главный чиновникъ общества и блюститель порядка», авторъ (повидимому Балугьянскій) приходитъ къ заключенію, что при нормальныхъ условіяхъ государство «принадлежитъ не государю, а обществу».

Въ дальнѣйшемъ онъ связываетъ порядокъ суда съ самыми основными формами государственнаго быта, полагая, что они взаимно обусловливаютъ существованіе другъ друга. «Неправосудіе, будучи весьма зыбкимъ основаніемъ всякому праву, даетъ нужду и надобность подкрѣплять посторонними силами сіе беззаконное право самовластія . . . . . Отъ сего, не умедля, государство раздѣляется на 2 части—гонителей и гонимыхъ, изъ коихъ число послѣднихъ превзошло число первыхъ въ 7 или 8 разъ». Онъ говоритъ далѣе, что гоненіе превзошло всѣ мѣры человѣческаго терпѣнія, и что завѣса, которая закрываетъ глаза томящихся «отъ долгаго употребленія такъ истерлась, что едва ли уже и сквозь оной не видно» [1]).

Авторъ грозитъ примѣрами Мазаніелло и Пугачева и затѣмъ пригла-

---

[1]) «Разсужденіе неизвѣстнаго объ основной системѣ управленія». Архивъ Госуд. Совѣта. Дѣло комитета 26 декабря 1826 г., № 53, стр. 7.

шаетъ власть вступить на путь послѣдовательнаго осуществленія реформы. «Исторія Россіи отъ времени Петра Великаго представляетъ безпрерывное почти колебаніе правительства отъ одного плана къ другому». «Доселѣ образъ нашего правленія не имѣетъ никакого опредѣленнаго вида и многія учрежденія, въ самихъ себѣ превосходныя, почти столь же скоро разрушались, какъ и возникали... Во всякомъ государствѣ, коего политическое положеніе опредѣляется единымъ характеромъ государя, законъ никогда не будетъ имѣть силы, народъ будетъ все то, чѣмъ власть предержащая ему быть повелитъ» [1]). «Неизвѣстный» предостерегаетъ власть отъ самообольщенія, говоря, что въ такихъ государствахъ она цѣликомъ въ рукахъ министровъ: если во главѣ государства стоитъ слабый человѣкъ, «обуреваемый паредворскими интригами, престолъ достанется властолюбивымъ министрамъ, конъ подъ именемъ возсѣдящей на немъ слабости дозволятъ себѣ въ европейскомъ государствѣ самыя азіатскія жестокости и самовластіе» [2]).

Авторъ доказываетъ далѣе полную разобщенность сословій, говоритъ, что самая дворянская грамота не могла бы имѣть мѣста при наличности введенія у насъ конституціи. «Это—привилегія рабовъ, уполномочивающая ихъ тяжесть цѣпей ими влачимыхъ возлагать на другихъ слабѣйшихъ» [3]).

Такова первая часть записки «неизвѣстнаго», служившая отличнымъ примѣромъ идей тѣхъ немногихъ лицъ, которыя, принадлежа въ началѣ XIX вѣка къ правительственнымъ верхамъ, не скрывали отъ себя и отъ верховной власти истинныхъ причинъ государственнаго неустройства. Комитетъ 26 декабря, разсмотрѣвъ эту записку, положилъ оставить ее безъ уваженія, какъ «заключающую въ себѣ общія мечтательныя предположенія о мѣрахъ для измѣненія коренныхъ государственныхъ установленій» [4]).

Болѣе счастливая участь выпала на долю другого документа, также представленнаго «неизвѣстнымъ» подъ заглавіемъ «Черты судебнаго устройства».

Балугьянскій (ибо въ данномъ случаѣ это былъ несомнѣнно онъ) предлагалъ сведеніе всѣхъ судебныхъ инстанцій къ двумъ, каковыми должны были быть уѣздный и губернскіе суды, третья же инстанція—сенатъ—предназначался имъ для выполненія кассаціонной функціи по примѣру французскаго сената.

Комитетъ не согласился съ введеніемъ новыхъ кассаціонныхъ обязанностей сената, признавъ условія Россіи для того не соотвѣтственными; что же касается первой и второй судебныхъ инстанцій, то здѣсь предложенія автора были приняты къ свѣдѣнію.

Комитетъ призналъ, что при окончательномъ преобразованіи судебной части въ Россіи можно будетъ сообразно съ числомъ жителей, гражданственностью и пространствомъ, а также свойствомъ и количествомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, учредить одну судебную палату для двухъ-

---

[1]) Тамъ же, но дѣло № 52, стр. 1—2.
[2]) Тамъ же, стр. 2—3.
[3]) Тамъ же, стр. 25—26.
[4]) Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ.. т. 74, 1891 г. стр. 6.

трехъ губерній и одинъ судъ уѣздный для нѣсколькихъ округъ. По мнѣнію комитета, это сокращеніе судебныхъ мѣстъ въ ихъ числѣ подняло бы качество ихъ дѣятельности, такъ какъ и правительство и общества сословныя могли бы съ гораздо большею строгостью дѣлать свой выборъ въ отношеніи лицъ судебнаго персонала.

Въ дальнѣйшемъ комитетъ, согласно съ мнѣніемъ автора записки, предлагалъ соединить уголовный и гражданскій суды въ губерніи въ одинъ «губернскій судъ, съ двумя департаментами или палатами, въ извѣстныхъ случаяхъ собирающихся въ «общія присутствія». Въ каждую палату отъ правительства должны были назначаться предсѣдатель, 2 совѣтника, 2 асессора и 4 засѣдателя отъ дворянства и купечества. Уѣздный судъ долженъ былъ состоять изъ предсѣдателя и 4 засѣдателей, а способъ назначенія ихъ комитетъ предполагалъ разработать совмѣстно съ новымъ уставомъ для устройства губерній.

Относительно судопроизводства комитетъ, слѣдуя за Балугьянскимъ, призналъ, что рѣшенія уголовныхъ палатъ, если онѣ не присуждаютъ виновнаго къ смертной казни, подлежатъ немедленному исполненію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначалась смертная казнь, дѣло обязательно должно поступать на ревизію въ общее присутствіе губернскаго суда. Губернаторъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда онъ достовѣрно узнаетъ о несправедливости рѣшенія, по предположенію комитета, могъ остановить исполненіе приговора, осуждающаго на смертную казнь, о чемъ немедленно былъ обязанъ донести сенату.

Для ускоренія гражданскихъ тяжбъ комитетъ полагалъ необходимымъ при полномъ совпаденіи рѣшеній уѣзднаго суда и палаты обращать рѣшеніе къ исполненію, несмотря на апелляцію въ сенатъ, но принимая мѣры къ обезпеченію спорнаго мнѣнія.

Кромѣ того, для послѣдней цѣли «Комитетъ 6 декабря» предоставлялъ право тяжущимся съ обоюднаго согласія вносить дѣло, рѣшенное палатой, на ревизію въ общее присутствіе суда губернскаго. Этотъ послѣдній рѣшаетъ дѣло безапелляціонно по правиламъ, установленнымъ для третейскаго разбирательства [1]).

Таковы были предположенія реформы, идущія отъ представителей былого, обращавшихся къ правительству съ новымъ рѣшительнымъ призывомъ.

V.

Работы по преобразованію судебной части въ царствованіе Николая I.

На смѣну эпохи Александра I приходила другая, отмѣченная рядомъ народныхъ движеній въ Западной Европѣ, ростомъ идей освобожденія личности и развитіемъ національнаго начала.

---

[1]) Сборникъ Р. И. И. О., т. 74, стр. 280—282. Засѣданіе «Комитета 6 декабря» 28 февраля 1828 года.

Новое правительство начинало свою дѣятельность борьбой съ военно-революціоннымъ выступленіемъ, продолжало ее въ пламени возстанія Польши и оканчивало въ столкновеніи съ внѣшнимъ напоромъ Европы, ломившей Россію. Къ довершенію всего Николай I, не подготовляясь къ занятію престола, совсѣмъ не входилъ въ изученіе высшихъ принциповъ государственнаго устройства, всецѣло погруженный въ занятія чисто строевой дѣятельностью, до конца царствованія его увлекавшей.

Въ рѣчи, произнесенной въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта въ 1833 году, императоръ прямо признавался, что при своемъ вступленіи на престолъ о дѣлахъ государственнаго управленія не имѣлъ «почти никакого свѣдѣнія».

Въ то же время общество наше еще менѣе способно было продолжать героическое движеніе, неудачно начатое декабристами. Въ лицѣ ихъ оно потеряло лучшую и безкорыстнѣйшую часть, осужденную въ рудникахъ Сибири страдать двойною мукою личныхъ тяготъ и сознаніемъ общественнаго маразма, котораго ихъ выступленіе не могло предотвратить.

Оставшіяся на мѣстѣ общественныя силы были или подавлены страхомъ, или ко всему относились съ рабскимъ безразличіемъ, а лучшіе изъ общества или гордо умирали, какъ Чаадаевъ, объявленный сумасшедшимъ, или, какъ Грановскій, боролись съ отчаяніемъ въ душѣ, взывая къ смерти, или, какъ Герценъ, пытались съ чужбины согрѣть холодѣющее сердце Россіи пламеннымъ призывомъ къ возрожденію черезъ освобожденіе милліоновъ страдающихъ въ рабствѣ гражданъ.

Какъ бы то ни было, но уже въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Лопухина, одновременно съ тѣмъ бывшаго и управляющимъ комиссіей составленія законовъ, оффиціально признавалось, что правительственныя усилія въ отношеніи дѣйствительнаго измѣненія положенія вещей къ лучшему ни къ чему не привели. «При первомъ обозрѣніи разныхъ частей государственнаго управленія, писалъ Государь, обративъ особое вниманіе на положеніе отечественныхъ нашихъ законовъ, замѣтилъ я, что труды съ давнихъ лѣтъ по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселѣ не достигли своей цѣли» [1]). Вслѣдствіе этого государь учредилъ II отдѣленіе собственной канцеляріи, выражая рѣшимость принять въ непосредственное свое вѣдѣніе дѣло судебной реформы.

Въ 1833 году основныя идеи будущаго законодательнаго строительства получили опредѣленное выраженіе. Правительство выражало намѣреніе продолжать традицію, столь краснорѣчиво развитую, какъ мы видѣли, Трощанскимъ и комиссіей составленія законовъ въ послѣднюю пору ея жизни: никакихъ коренныхъ реформъ—только улучшенія и исправленія стараго порядка.

Въ уже упомянутой рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ государь опредѣлилъ вполнѣ ясно свое отношеніе къ судебной реформѣ. «Главнымъ, занимавшимъ меня, дѣломъ было, естественно,—говорилъ онъ,—право-

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Николай I, стр. 459—460, т. I.

судіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ.....» Признавъ далѣе полную безполезность дѣятельности комиссіи законовъ, императоръ почти буквально повторяетъ доводы Трощинскаго, оцѣнившаго дѣятельность комиссіи совершенно такъ же въ 1815 году въ томъ же Государственномъ Совѣтѣ. «Недостатокъ результатовъ происходилъ, главнѣйше, отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ». «Это побудило меня начать прежде всего съ опредѣленной цѣли, къ которой правительство должно направить свои дѣйствія»... «Изъ предложенныхъ мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ» [1]).

Реформа Александра I въ области организаціи созданныхъ имъ высшихъ учрежденій оказалась незаконченной въ цѣломъ и неопредѣленной въ частяхъ. Смѣшеніе властей парализовало попрежнему всякую возможность ввести хотя бы внѣшній только порядокъ [2]).

А между тѣмъ жизнь не оставалась неподвижной и накопленіе судебныхъ дѣлъ было очень велико. Еще къ 1 сентября 1816 года по рапорту министра юстиціи оставалось нерѣшенныхъ дѣлъ 197917. Отъ перваго сентября по первое января 1816 года поступило 1726197. Изъ этого числа въ 1816 году было рѣшено 1792415 и оставалось нерѣшенныхъ 181699 [3]).

Между тѣмъ исходный планъ Николая,—стоя на мѣстѣ и оборачиваясь назадъ, подправлять старое—явно не обѣщалъ рѣшительнаго оздоровленія правосудія. Черезъ 10 лѣтъ послѣ начала царствованія во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра юстиціи Д. В. Дашкова, несмотря на оффиціальный и вынужденный оптимизмъ докладчика, констатируются чрезвычайно скромные результаты работъ надъ устроеніемъ дѣла правосудія.

По выраженію доклада къ этому времени «получили надлежащую уже зрѣлость»: 1) проектъ инструкціи для слѣдователей, 2) соотвѣтствующее сему преобразованіе по уголовному судопроизводству и 3) основныя предположенія объ усовершенствованіи гражданскаго судопроизводства.

Въ дальнѣйшей части доклада признается необходимымъ перейти къ систематическому исправленію уголовныхъ и гражданскихъ законовъ о судопроизводствѣ. Этотъ систематическій способъ опредѣляется докладчикомъ, какъ «обозрѣніе всѣхъ статей судопроизводства въ совокупности и составленіе сперва общихъ началъ къ ихъ исправленію, а потомъ исправленіе ихъ однимъ общимъ положеніемъ».

Самыя средства, предлагавшіяся докладчикомъ, были весьма неопредѣленны. Онъ снова предлагалъ: а) общее обозрѣніе судопроизводства и указаніе его недостатковъ, б) сравнить разныя системы судопроизводства

---

[1]) Шильдеръ. Цит. соч., стр. 459—460, т. I.
[2]) Середонинъ. Исторія Комитета Министровъ, т. II, ч. I, стр. 1—2, 5—7.
[3]) Арх. Госуд. Совѣта, дѣло № 40, стр. 270.

по теоріи ихъ и практикѣ и изъ сего сравненія извлечь и постановить главныя начала той системы, какая у насъ можетъ быть наиболѣе свойственна, и в) когда сіи начала утвердятся, приступить къ окончательной работѣ.

Окончательная работа предполагалась въ обозрѣніи всѣхъ собранныхъ матеріаловъ, сравненіи ихъ съ утвержденными началами, разсмотрѣніи каждой части сперва въ подробностяхъ, а потомъ «въ общемъ строгомъ пересмотрѣ».

Этотъ проектъ реформъ былъ читанъ государю 29 октября 1836 года и получилъ полное одобреніе при условіи, что первоначально будетъ приступлено къ реформѣ уголовнаго судопроизводства, «коего недостатки особенно чувствительны» [1]).

Итакъ, какъ видно, 10 лѣтъ, протекшихъ со времени вступленія на престолъ императора Николая I, не дали въ сферѣ законодательства никакихъ результатовъ.

А внутри страны продолжалось прежнее смѣшеніе властей, безпрерывное попустительство произволу высшей администраціи и непосредственное вмѣшательство государя въ дѣло правосудія.

Ограничимся двумя наиболѣе характерными примѣрами.

Въ 1829 году комитетъ министровъ обсуждалъ дѣло черниговскаго полицеймейстера Кипенко, который обвинялся въ произвольномъ заключеніи подъ стражу одного мѣщанина и насильственномъ обритіи ему головы. Сенатъ отставилъ Кипенко отъ должности, но губернаторъ, князь Рѣпнинъ, ходатайствовалъ о пересмотрѣ дѣла, объясняя, что полицеймейстеръ дѣйствовалъ не самолично, а выполняя его губернаторскій приказъ. Комитетъ министровъ, куда это дѣло перешло изъ сената, опредѣлилъ сдѣлать предостереженіе Рѣпнину, а полицеймейстера перевести въ другой городъ. Государь измѣнилъ это рѣшеніе Комитета. Онъ приказалъ полицеймейстеру начать службу съ перваго офицерскаго чина, а въ отношеніи князя Рѣпнина послѣдовала слѣдующая резолюція: «извиненіе, будто онъ дѣйствовалъ по даннымъ ему предписаніямъ отъ военнаго губернатора, я не пріемлю, ибо не могу вѣрить, чтобы генералъ-губернаторъ беззаконное предписывалъ» [2]).

За неправильную ссылку въ Сибирь мѣщанина Рябинина комитетъ министровъ призналъ наиболѣе отвѣтственнымъ военнаго губернатора, маркиза Паулуччи, и согласно съ закономъ, подвергнулъ его денежному штрафу. Государь отмѣнилъ рѣшеніе комитета резолюціей: «взысканіе на маркиза Паулуччи распространять нынѣ неудобно» [3]).

Любопытно, что нужда въ гласности, которой отводилось такое почетное мѣсто во всѣхъ проектахъ коренныхъ реформъ въ предшествовавшее царствованіе, сознавалась и при императорѣ Николаѣ I. Но осуществлялась она весьма оригинальнымъ путемъ: учрежденное для полити-

---

[1]) Министерство юстиціи за 100 лѣтъ, 1902 г., стр. 62—64.

[2]) Середонинъ, цит. соч., стр. 53, т. II, ч. I.

[3]) Середонинъ, цит. соч., т. II, ч. I, стр. 53.

ческаго розыска III отдѣленіе съ шефомъ жандармовъ во главѣ призвано было по мысли императора Николая I замѣнить гласность [1]).

Сообщенія Бенкендорфа въ 1832 году рисуютъ положеніе судопроизводства мрачными красками. Бенкендорфъ обращалъ вниманіе государя на то, что канцелярскіе служители присутственныхъ мѣстъ самымъ открытымъ образомъ нарушаютъ законы. «Страхъ быть отданными подъ судъ на нихъ не дѣйствуетъ; по суду ихъ почти всегда оправдываютъ, если не въ уголовныхъ палатахъ, то въ сенатѣ, въ канцеляріи котораго они находятъ себѣ сильныхъ покровителей, тѣмъ болѣе, что формы судопроизводства у насъ весьма продолжительны и самое сужденіе не достигаетъ цѣли» [2]).

Упомянутый нами выше «проектъ о слѣдствіи», составленный въ министерствѣ юстиціи, былъ подвергнутъ обсужденію во II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи и за подписью Панина и Дашкова внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Однако полная непригодность этого продукта соединенныхъ усилій двухъ вѣдомствъ была такъ очевидна, что проектъ силы закона не получилъ и былъ отложенъ до общаго пересмотра уголовнаго законодательства.

Весь проектъ раздѣлялся на 2 части: одна посвящалась правиламъ для разсмотрѣнія общихъ нарушеній уголовныхъ законовъ, другая, почти равная, посвящалась правиламъ для разслѣдованія преступленій должности. Значитъ, велики же были преступленія должностныя, если первый по времени въ новомъ царствованіи законодательный памятникъ процессуальный отводитъ этимъ дѣяніямъ мѣсто, почти равное со всѣми остальными правонарушеніями гражданъ.

Самъ по себѣ проектъ только дополнялъ и выяснялъ дѣйствующее законодательство, причемъ его составители, повидимому, больше всего опасаясь, какъ бы ихъ не заподозрѣли въ коренной ломкѣ, заботливо оговариваютъ подъ каждой статьей почти, что новая «поясняетъ или дополняетъ», но не измѣняетъ прежней.

Какъ и ранѣе, слѣдствіе дѣлится на предварительное изслѣдованіе или собираніе уликъ, слѣдствіе формальное, или собираніе доказательствъ и ревизію слѣдствія (ст. 2) [3]).

Глубокое недовѣріе правительства къ спокойствію страны сказывается со всею ясностью изъ правилъ, установленныхъ въ проектѣ для слѣдствія о «доносахъ»: доносить о преступленіяхъ обязаны всѣ граждане, а въ отношеніи преступленій государственныхъ (первыхъ двухъ пунктовъ) имѣются подробныя правила для доносовъ священниковъ относительно слышанныхъ на исповѣди политическихъ преступленій (ст. 18—21).

Органомъ производства слѣдствій попрежнему остается полиція, уже совершенно доказавшая свою непригодность. При этомъ небольшая, но крайне характерная особенность проекта показываетъ, что сами творцы

---

[1]) Середонинъ, цит. соч., т. II, ч. I, стр. 70.
[2]) Середонинъ, т. II, ч. I, стр. 71.
[3]) Дѣло II отд. 1841 г. № 70/а.

его сознавали полную неудовлетворительность органовъ разслѣдованія, а именно, въ ст. 49, перечисляющей поводы, по коимъ слѣдователь можетъ быть отводимъ подсудимымъ, въ п. 5 значится: «когда слѣдователь самъ состоитъ подъ судомъ за такой же или подобный поступокъ, какой обслѣдуетъ».

Относительно гарантій личности проектъ стоитъ на почвѣ той же, что и современное ему законодательство теоріи формальныхъ доказательствъ. Дозволяя брать къ допросу и слѣдствію лишь при наличности уликъ, возбуждающихъ сильное подозрѣніе, онъ относитъ къ такого рода уликамъ слѣдующія условія: 1) когда при обвиняемомъ находятся орудія совершенія преступленія, 2) когда онъ угрожалъ потерпѣвшему, 3) когда обвиняемый сходенъ съ примѣтами, данными свидѣтелями, 4) когда онъ производилъ преступные опыты, 5) когда онъ скрывалъ слѣды преступленія или бѣжалъ. Къ доказательствамъ важнѣйшихъ государственныхъ преступленій проектъ относитъ: а) подозрительную по содержанію переписку, б) тайныя свиданія съ лицами, наказанными за противоправительственную дѣятельность или принадлежащими къ партіямъ, признаннымъ правительствомъ опасными, в) пріемы отъ такихъ лицъ тайно подарковъ, поводъ къ коимъ изъ другихъ причинъ достаточно не объясненъ, г) склады оружія и взрывчатыхъ веществъ (ст. 86).

Чисто крѣпостническій характеръ проекта явствуетъ изъ ограниченій, установленныхъ имъ въ отношеніи жалобъ «господъ на крестьянъ» и родителей на дѣтей, при коихъ также, какъ и въ доносахъ о государственныхъ преступленіяхъ, слѣдствія должны производиться «и безъ явныхъ доказательствъ» (ст. 25).

Приложенное къ проекту «наставленіе слѣдователямъ» развивало ограниченія крестьянъ еще далѣе, неизмѣнно сравнивая отношеніе помѣщиковъ и крестьянъ съ отношеніемъ родителей и дѣтей.

Никакія жалобы отъ дѣтей на родителей и супруговъ другъ на друга слѣдователями не должны были приниматься. Свидѣтельства же крестьянъ противъ помѣщиковъ подъ присягой допускались лишь въ видѣ исключенія въ однихъ случаяхъ и вовсе не допускались въ другихъ.

Дворяне, купцы первыхъ двухъ гильдій и потомственные граждане приводились, по проекту, къ слѣдствію не иначе, какъ черезъ чиновника и, если желали, могли слѣдовать въ собственныхъ экипажахъ, причемъ чиновникъ долженъ былъ слѣдовать «въ нѣкоторомъ отдаленіи».

Мѣры пресѣченія уклоненія отъ слѣдствія состояли въ содержаніи подъ стражей, домашнемъ арестѣ, отдачѣ подъ надзоръ полиціи и выдачѣ подписки о невыѣздѣ.

Содержанію въ тюрьмѣ могли подвергаться обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ и тѣ, которые не могли представить поручительства (ст. 111—112).

Содержанію въ оковахъ не могли подвергаться: малолѣтніе и лица, принадлежащія къ сословіямъ, изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

Задача формальнаго слѣдствія заключалась «въ обнаруженіи всего, что можетъ служить къ поясненію происшествія» (ст. 121).

Защита въ стадіи предварительнаго слѣдствія не допускалась, но были введены нѣкоторыя новыя улучшенія въ организацію депутатовъ отъ сословій. Духовенство, крестьяне и купцы имѣли своихъ депутатовъ, какъ институтъ постоянный. Эти депутаты, прибывъ къ слѣдствію, имѣли право требовать дополненія слѣдствія и обязаны были слѣдить, дабы слѣдователь не предпринималъ напрасно никакихъ мѣръ, отягощающихъ участь подслѣдственнаго (ст. 129).

Другая гарантія обвиняемаго заключалась въ обязанности губернскаго прокурора и стряпчаго «въ особенности наблюдать, дабы обвиняемый воспользовался всѣми способами къ его защитѣ, законами предоставленными» (ст. 131). Въ связи съ этимъ для слѣдователя было обязательно предпринимать всѣ изслѣдованія, на которыхъ будетъ настаивать обвиняемый въ интересахъ своей защиты (124).

Подсудимому предоставлялось право молчать, а вообще слѣдователю рѣшительно запрещалось вынуждать его показанія хитростью или угрозами.

Что касается правилъ разслѣдованія должностныхъ преступленій, то здѣсь начальству обвиняемыхъ открывалась возможность полнаго вліянія на ходъ слѣдствія, причемъ особо указывались правила для слѣдствій въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ производиться надъ правительственнымъ учрежденіемъ въ цѣломъ его составѣ (ст. 383).

Цѣли слѣдствія надъ должностными лицами должны были сводиться къ выясненію: а) побудительныхъ причинъ преступленія, б) таково ли преступленіе, что малѣйшаго вниманія начальства было достаточно, чтобы предотвратить его, или необходимо было употребить особенныя усилія и способности, в) какія въ должностномъ преступленіи есть особыя свойства, г) нѣтъ ли стеченія разнородныхъ преступныхъ дѣйствій, д) могло ли ближайшее начальство немедленно по совершеніи преступленія его обнаружить.

Таковъ былъ этотъ проектъ, составленный двумя вѣдомствами, гдѣ прежній порядокъ только по внѣшности измѣнялся, сохраняя и тайну, и письменность, и отражая вліяніе крѣпостного права во всей его силѣ въ судебно-процессуальной дѣятельности. Статья 18 инструкціи слѣдователямъ была въ послѣднемъ отношеніи живымъ символомъ всего проекта. Даже въ изслѣдованіи преступленій государственныхъ слѣдователю вмѣнялось «поступать съ величайшей осторожностью, дабы при обнаруженіи истины сохранить должное уваженіе къ родительской, супружеской и помѣщичьей власти».

Самый порядокъ суда оставался неприкосновеннымъ и въ этомъ мы видимъ крѣпкую мысль Панина, и впослѣдствіи стремившагося оставить всю прежнюю систему суда съ незначительными измѣненіями въ порядкѣ предварительной процедуры.

Уже послѣ состоявшагося отклоненія проекта, по предписанію министерства юстиціи продолжали поступать отъ правительственныхъ учрежденій замѣчанія по содержанію проекта.

Огромное большинство ихъ ограничивалось чисто формальными поправками, но были нѣкоторыя, критиковавшія и существо всей системы.

Такъ, въ замѣчаніяхъ директора департамента полиціи и московскаго генералъ-губернатора указывалось на необходимость отказаться отъ схоластическаго дѣленія матеріаловъ слѣдствія на улики и доказательства. Въ связи съ этимъ рекомендовалось перестать различать слѣдствіе предварительное и формальное, объединивъ всю слѣдственную дѣятельность въ одномъ порядкѣ предварительнаго изслѣдованія. Наконецъ, было указано, что дѣятельность судебныхъ мѣстъ въ отношеніи слѣдствія должна имѣть только ревизіонный характеръ, но отнюдь не уклоняться въ область самаго разслѣдованія [1]).

Къ августу 1844 года министерство юстиціи произвело сводку всѣхъ замѣчаній о недостаткахъ нашего судопроизводства, при чемъ страннымъ образомъ ни судоустройство съ его множествомъ инстанцій, ни смѣшеніе властей, на которое давно уже указывали и отдѣльныя лица, и комитетъ министровъ, ни введеніе обвинительной системы не привлекали къ себѣ вниманія министра юстиціи Панина. Оффиціальное обозрѣніе этихъ недостатковъ само по себѣ составляетъ весьма поучительную картину.

Въ своемъ отношеніи къ Блудову 14 августа 1844 г. Панинъ пишетъ, что его озабочиваетъ больше всего медленность дѣлопроизводства, которая происходитъ «преимущественно отъ неудовлетворительности и медленности изслѣдованія».

Для уясненія недостатковъ судопроизводства, Панинъ ввелъ съ 1842 г. ежегодную отчетность въ производствѣ слѣдствій. Эти отчеты обнаружили совершенно исключительные факты. Въ 1843 году остались неоконченными по Черниговской губерніи: съ 1834 года 5 слѣдствій, столько же съ 1835 года и одно съ 1815 г., т.-е. по истеченіи 28 лѣтъ отъ начала! По Виленской губерніи 453 слѣдствія тянулись съ 1832 года по 1840, по Могилевской 30 слѣдствій продолжались съ 1830 по 1840 г., по Олонецкой 40 слѣдствій съ 1832 по 1840 г., по Орловской 2 съ 1829 года, 25 съ 1830 по 1833 годъ и по Таврической три слѣдствія продолжались съ 1823 года по 1843 годъ.

«Вообще,—говоритъ Панинъ,—весьма значительное число дѣлъ, начатыхъ съ 1840 года, не было окончено въ 1843 году». Только начатая по этому поводу обширная переписка «дала движеніе многимъ, остававшимся въ забвеніи». Главныя причины такихъ непорядковъ министръ юстиціи видѣлъ въ слѣдующемъ: 1) въ незначительномъ количествѣ полицейскихъ чиновъ, производящихъ разслѣдованіе, 2) въ неправильномъ распредѣленіи дѣлъ между слѣдователями, когда по маловажнымъ дѣламъ производятъ слѣдствія чиновники, а по важнѣйшимъ становые пристава, 3) въ запозданіи прибытія къ слѣдствію депутатовъ и врачей, 4) въ необоснованномъ переходѣ дѣлъ отъ однихъ слѣдователей къ другимъ, 5) въ повтореніи по нѣсколько разъ однихъ и тѣхъ же слѣдственныхъ дѣйствій (бывали примѣры повторенія однихъ и тѣхъ же актовъ до 50 разъ), 6) въ крайней

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, дѣло II отд. № 70/а.

небрежности начальствующихъ лицъ и мѣстъ [1]); 7) въ незаконности пріемовъ, употребляемыхъ слѣдователями для раскрытія преступленій [2]), 8) въ неудовлетворительности медицинской экспертизы.

Всѣ эти непорядки министръ юстиціи объяснялъ отсутствіемъ «постояннаго и общаго по губерніи порядка по наблюденію за производствомъ изслѣдованій» [3]).

Какъ мало могло наблюденіе предотвратить вопіющіе факты, приведенные въ обзорѣ министра юстиціи, доказываетъ хотя бы то обстоятельство, что не далѣе, какъ черезъ три мѣсяца онъ снова сообщаетъ управляющему II отдѣленіемъ весьма важныя свѣдѣнія о причинахъ судебной разрухи. Среди нихъ мы видимъ уже нѣкоторыя указанія на недостатки общей судоустройственной и процессуальной системы [4]).

Этотъ новый обзоръ былъ составленъ вслѣдствіе того, что Панину стало оффиціально извѣстно о подачѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года (1844) графомъ Блудовымъ государю особой всеподданнѣйшей записки, содержавшей въ себѣ общую оцѣнку грядущей судебной реформы. Записка эта подверглась разсмотрѣнію не только императора Николая I, но и тогдашняго наслѣдника, будущаго императора Александра II. Оба лица, по словамъ Блудова, вполнѣ одобрили содержаніе его доклада и впослѣдствіи уже наканунѣ судебной реформы записка эта была сообщена снова Блудовымъ тогдашнему министру юстиціи Д. П. Замятнину [5]).

Записка эта снова была представлена императору Александру II 7 ноября 1857 года и получила его одобреніе. Изъ обозрѣнія содержанія

---

[1]) Какъ указывалъ гр. Панинъ, по одному дѣлу, производившемуся по Высочайшему повелѣнію, Государь обратилъ вниманіе, что губернское правленіе на 29 требованій о сыскѣ обвиняемаго не отвѣтило ни единаго раза.—Въ одномъ изъ полицейскихъ управленій ревизіей было обнаружено за шкапомъ 35 нераспечатанныхъ пакетовъ, присланныхъ туда въ 1839 г.

Министръ юстиціи обращалъ далѣе вниманіе на уловку, практиковавшуюся судами для снятія съ себя всякой отвѣтственности. По закону слѣдствіе, произведенное становыми приставами, подлежало передачѣ въ земскій судъ, который, удостовѣрясь въ правильности производства, передавалъ его въ судъ уѣздный. На самомъ дѣлѣ дѣла передавались въ уѣздные суды безъ разсмотрѣнія и дѣла лежали безъ всякаго движенія. При запросахъ высшаго начальства такія слѣдствія неизмѣнно показывались незаконченными, а суды открывали новые поводы для ихъ дополненія.

[2]) Одной изъ причинъ постоянныхъ оправданій Панинъ считаетъ производство слѣдственныхъ обысковъ и другихъ дѣйствій безъ понятыхъ. «Переряжаясь въ простонародное платье, слѣдователи, захвативъ иногда преступника съ вещественными доказательствами, потомъ лишены возможности ими воспользоваться, такъ какъ отсутствіе понятыхъ при ихъ дѣйствіяхъ тому препятствуетъ». Любопытнѣе всего, что близкое участіе въ работахъ по составленію проекта о производствѣ слѣдствій, гдѣ категорически воспрещалось прибѣгать слѣдователямъ даже къ неяснымъ вопросамъ, не заставляетъ Панина осуждать самое существо судебно-слѣдственной дѣятельности, а только сожалѣть объ отсутствіи при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ слѣдователей понятыхъ.

[3]) Отношеніе м. ю. 1844 г. № 15576 12 августа.

[4]) См. Отношеніе м. ю. 1 декабря 1844 г. № по II отд. 419. Дѣло 70/а.

[5]) Отнош. Упр. II отд. м. ю. 4 авг. 1857 г. № 617 (дѣло II отд. 1859 г. № 6).

этой записки видно, что почти наканунѣ судебной реформы никакихъ стремленій къ органическому измѣненію началъ стараго суда ни у государя, ни у его помощниковъ не возникало. Еще менѣе имѣлось въ виду использовать опытъ прошлаго и попытаться осмыслить судебную реформу, какъ неотдѣлимую часть общей реформы всего государственнаго строя, на началахъ полнаго обезпеченія власти закона и правъ личности.

«Надлежитъ ли думать, спрашивалъ въ своей запискѣ гр. Блудовъ, что у насъ порядокъ судопроизводства долженъ быть исправленъ тѣми же способами, какъ въ другихъ государствахъ, т. е. введеніемъ многихъ элементовъ системы обвинительной? Я смѣю думать, что сіе было бы; по всей вѣроятности, невозможно, или; по крайней мѣрѣ, весьма вредно. Будучи въ высшей степени несообразно съ составомъ и духомъ нашихъ судебныхъ учрежденій, оно, вмѣсто усовершенствованія сей части, повело бы къ столкновеніямъ, запутанности и удалило бы насъ отъ цѣли, къ коей мы должны стремиться».

«Одно установленіе оффиціальныхъ обвинителей, обязанныхъ составлять акты обвиненія и поддерживать ихъ всякими средствами, даже софизмами, противъ возраженій адвокатовъ, совершенно измѣнило бы характеръ, который нынѣ у насъ присвоенъ званію прокурора, какъ охранителя порядка, но съ тѣмъ вмѣстѣ и защитника всѣхъ притѣсняемыхъ, сдѣлавшись поводомъ къ неприличнымъ пререканіямъ между подсудимымъ и важнѣйшими чиновниками по судебной части, и черезъ то ослабляя, какъ въ нихъ, такъ и въ другихъ необходимое чувство уваженія и довѣрія къ власти верховной». Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ протестъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ, который признается и вообще вреднымъ институтомъ. «Неудобство его ощущаемъ мы почти вездѣ, можетъ быть, кромѣ Англіи».

Столь же рѣшительно гр. Блудовъ возражалъ противъ введенія у насъ гласности. «Въ самой столь желаемой многими, въ томъ числѣ и всѣми благонамѣренными людьми, *гласности* въ производствѣ суда, хотя безъ сомнѣнія полезной до нѣкоторой степени, ибо она противодѣйствуетъ произволу судей и производителей и побуждаетъ ихъ къ большей внимательности и осторожности, есть также и важныя невыгоды. Ею, какъ было неоднократно замѣчаемо, умы въ народѣ черезъ частое, почти безпрерывное напоминаніе о дѣяніяхъ ужасныхъ или гнусныхъ привыкаютъ къ мысли объ оныхъ, которая не далека отъ равнодушія къ добру и злу, а въ слабыхъ и легкомысленныхъ даже и отъ расположенія къ безпорядкамъ и преступленіямъ»[1]).

Приведенная записка Блудова была немедленно сообщена министру юстиціи, откуда послѣдовалъ новый краткій перечень недостатковъ суда и проектъ мѣръ къ ихъ исправленію, гораздо болѣе серьезный, чѣмъ предложенный министерствомъ въ августѣ 1844 года[2]).

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, дѣло II отд. 1859 г. № 6. См. также въ томъ же дѣлѣ. Отношеніе гр. Блудова къ мин. ю. Замятнину отъ 21 іюля 1859 г. № 597.

[2]) Отнош. м. ю. къ гр. Блудову № 419 по II отд. 1 декабря 1844 г. Архивъ Госуд. Совѣта дѣло 70/а.

Панинъ, вполнѣ одобряя мысль Блудова воздерживаться отъ слѣдованія примѣрамъ иностранныхъ новшествъ, приводитъ уже обработанную сводку мнѣній оберъ-секретарей правительствующаго сената. Онъ указываетъ на то, что наше законодательство совершенно не разграничило подсудностей, и потому дѣла «по различнымъ частямъ разсматриваются въ различныхъ слѣдствіяхъ, а подсудимые подвергаются различнымъ осужденіямъ», обращаетъ вниманіе на огромную продолжительность въ исполненіи судебныхъ приговоровъ особенно по денежнымъ взысканіямъ и подходитъ также къ коренному вопросу о недостаткахъ теоріи улики и силы доказательствъ, которая ведетъ къ безнаказанности виновныхъ и неправильному осужденію невинныхъ.

Министръ юстиціи признаетъ съ сожалѣніемъ, что случаи неправильныхъ рѣшеній весьма часты, а апелляціонный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ часто рѣшенія высшихъ мѣстъ слѣдуютъ уже послѣ вступленія приговоровъ въ законную силу и завѣдомо виновные остаются, къ соблазну общества, среди котораго ими совершено преступленіе, безнаказанными; другіе, напротивъ, совершенно невинные подвергаются наказанію, или оставляются въ подозрѣніи, и хотя потомъ и оправдываются высшими мѣстами, но само осужденіе первоначальное, иногда сопровождаемое заклейменіемъ, составляетъ тяжкое наказаніе, неизгладимое и временемъ.

Наконецъ, министръ юстиціи подымаетъ вопросъ огромной важности о судебномъ языкѣ въ имперіи. Указывая на разноязычность народовъ, населяющихъ Россію, на слабую степень ихъ культурности, министръ юстиціи приводитъ примѣры, когда инородцы осуждались по допросѣ на непонятномъ для нихъ русскомъ языкѣ и не могли обжаловать неправосудные приговоры или потому, что не имѣли средствъ внести нужную для того сумму, или по незнанію формъ судопроизводства [1]).

Въ своей критикѣ сообщенной ему программы для работъ по составленію устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ гр. Панинъ выставилъ съ своей стороны нѣкоторыя положительныя требованія; такъ, основываясь на примѣрахъ вюртембергскаго и французскаго законодательствъ, министръ юстиціи высказывался за соединеніе у насъ формальнаго и предварительнаго слѣдствій, которыя, согласно съ его воззрѣніями, должны были производиться попрежнему полиціей; министръ юстиціи предлагалъ далѣе ввести различные порядки разслѣдованія въ зависимости отъ большей или меньшей тяжести преступленія и настаивалъ на своей любимой мысли исправить порядокъ слѣдствія улучшеніемъ института депутатовъ [2]).

---

[1]) Факты огромнаго интереса въ этомъ отношеніи приведены въ докладѣ сенатора генералъ-лейтенанта фонъ-деръ Ховена, удостоившемся особаго вниманія и благодарности Александра II. Архивъ Госуд. Совѣта, дѣло II отд. № 120 б.

[2]) Порядокъ назначенія къ слѣдствію депутатовъ всегда былъ мертворожденнымъ въ нашемъ законодательствѣ; сенатъ пытался напрасно привить его въ указахъ 1825 года № 12 и 1826 г. № 177. Панинъ снова возвращается къ этому вопросу, предлагая усилить гарантіи обвиняемаго еще и введеніемъ окончательнаго допроса при заключеніи слѣдствія.

Министръ юстиціи проектировалъ ввести въ уставъ обрядъ преданія суду, который гарантировалъ бы отъ неправильнаго привлеченія невинныхъ. «Преданіе суду есть уже взысканіе, а между тѣмъ, изъ дѣлъ весьма часто видно, что многіе предавались суду или за такія дѣйствія, которыя не требовали этой строгой мѣры, или оказывались вовсе невинными, и, наконецъ, ни сами они, ни ихъ начальство не знали о преданіи суду и въ продолженіе онаго они пользовались полной свободой и полными правами, а служащіе получали даже награды и производились въ чины».

Здѣсь же впервые министръ юстиціи предложилъ создать особое судопроизводство для дѣлъ о происшествіяхъ, которое впослѣдствіи превратилось въ судопроизводство мировыхъ судей.

Въ заключеніе графъ Панинъ предлагалъ, для болѣе точнаго установленія силы доказательствъ, свой проектъ, ставившій силу уликъ въ связь съ свойствами совершеннаго преступленія. Доказательствами совершенными, согласно этому проекту, слѣдовало считать: а) въ дѣлахъ о бродяжествѣ знаки кнута и клеймы, б) въ дѣлахъ о любодѣяніи беременность или имѣніе ребенка незамужней, в) не отведенное поличное въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровства, г) показанія должностныхъ лицъ въ случаяхъ неповиновенія и сопротивленія власти. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ другихъ способовъ изысканія доказательствъ преступленія, по мнѣнію министра юстиціи, не требуется.

Когда читаешь поразительныя и для тогдашняго времени предложенія считать совершеннымъ доказательствомъ показанія должностныхъ лицъ въ дѣлахъ о сопротивленіи властямъ, невольно спрашиваешь себя, нѣтъ ли здѣсь у автора предложенія скрытой ироніи, единственно умѣстной при наличности всего, что самъ министръ юстиціи говорилъ ранѣе о должностныхъ полицейскихъ органахъ. Увы, предложеніе гр. Панина не было ироніей и, разумѣется, было сдѣлано съ полнымъ убѣжденіемъ въ его цѣлесообразности.

Мы объясняемъ себѣ случайныя и подчасъ неожиданныя выступленія по дѣлу судебнаго преобразованія заинтересованныхъ вѣдомствъ тѣмъ же ходомъ преобразованія, который царствованіе Николая I унаслѣдовало отъ предыдущей эпохи: дѣло реформы попрежнему не было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Второе отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи разрабатывало свои проекты сначала совмѣстно съ министерствомъ юстиціи; такъ былъ разработанъ приведенный нами выше проектъ о реформѣ слѣдствій—1837 года. Потомъ работа пошла многими руслами. Рядомъ со вторымъ отдѣленіемъ всю справочную работу по собиранію отзывовъ судебныхъ мѣстъ и лицъ вело попрежнему министерство юстиціи; комитетъ министровъ также наблюдалъ за ходомъ реформы, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовались свои комитеты по сокращенію переписки, которые также касались въ нѣкоторыхъ частяхъ судебныхъ порядковъ.

Этимъ только и можно объяснить отрывочный и чрезвычайно медленный ходъ преобразованія. Мы не должны удивляться и тому, что никакихъ рѣшительныхъ измѣненій въ организаціи правосудія предста-

вителями вѣдомствъ не предлагалось. Условія времени исключали возможность появленія во главѣ министерства юстиціи человѣка творческаго разума и широкой иниціативы, общественная же среда словно позабыла вѣщія слова о гарантіяхъ гласности, которыя ее недавно волновали.

Отзывы и замѣчанія всѣхъ должностныхъ лицъ, а также и матеріалы, посвященные главнымъ началамъ будущаго устава, къ 18 апрѣля 1843 года были обработаны барономъ Корфомъ въ видѣ 54 записокъ, которыя и были представлены имъ главноуправляющему II отдѣленіемъ. Главныя положенія этихъ записокъ сводятся къ слѣдующему: обвиняемому слѣдуетъ предоставить на самомъ мѣстѣ слѣдствія и суда избирать себѣ въ защитники неопороченное лицо [1]); въ виду того, что каждое слѣдственное дѣло затягивается отъ неопредѣленности сроковъ производства, слѣдуетъ установить сроки для каждаго существеннаго дѣйствія слѣдователей [2]). Въ цѣляхъ установленія гарантіи противъ злоупотребленій подслѣдственнымъ содержаніемъ слѣдуетъ постановить, что при задержаніи или на другой день задержанному должны быть объявлены причины задержанія уѣзднымъ стряпчимъ, а въ городахъ—прокуроромъ; что каждые 3 дня стряпчіе обязаны посѣщать всѣ тѣ мѣста, гдѣ находятся подслѣдственные, и не допускать беззаконныхъ арестовъ; что всѣ извѣщенія стряпчихъ о задержанныхъ прокуроры обязаны провѣрять подъ личной отвѣтственностью; что задержанному предоставляется жаловаться до министра юстиціи включительно, а также въ то судебное мѣсто, коему подсудно дѣло; что о задержанныхъ служащихъ должно увѣдомляться немедленно ихъ начальство; что нарушеніе правилъ о задержаніи должно влечь для стряпчаго и слѣдователя отрѣшеніе отъ службы и возмѣщеніе задержанному убытковъ [3]); всѣ дѣла о наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ слѣдуетъ начинать со второй степени суда, дѣла же, по коимъ не будетъ обнаружено ни преступленія, ни преступника, представлять на ревизію въ губернскія правленія, а не въ судебныя мѣста [4]).

Для сокращенія времени разбора дѣлъ въ судахъ предлагалось опредѣлить для каждаго судебнаго дѣйствія сроки, а поднятія уровня судей надѣялись достигнуть назначеніемъ купеческихъ засѣдателей въ уѣздные суды [5]).

Для обезпеченія правосудныхъ приговоровъ предлагалось дополнить законодательство постановленіемъ о взысканіи съ судей за каждую невинно данную плеть 25 рублей, если это дѣлалось черезъ полицейскихъ служителей, а если черезъ палача, то 100 рублей [6]).

Самое существо оставленія въ подозрѣніи оставалось, но слова «оставить въ подозрѣніи» предлагалось замѣнить словами—«освободить отъ суда».

---

[1]) Записка № VI. Архивъ Госуд. Совѣта дѣло 1841 г. 70/а.
[2]) Тамъ же зап. № VII.
[3]) Записка № XI.
[4]) Записка №№ XVII, XVIII и XXI.
[5]) Записка № XIX.
[6]) Записка № 30.

На утвержденіе начальника губерніи предлагалось не представлять дѣла уголовно-частныя и дѣла, подлежащія окончательному рѣшенію суда первой степени [1]).

Равнымъ образомъ, предлагалась отмѣна переноса дѣла на ревизію сената по дѣламъ, влекущимъ ограниченія въ правахъ, и о дворянахъ и чиновникахъ, признанныхъ невиновными въ тяжкихъ преступленіяхъ [2]). Производство по маловажнымъ преступленіямъ проектировалось сосредоточить въ особыхъ полицейскихъ судахъ первой и второй степени, коимъ сдѣлать подсудными дѣла низшихъ сословій, кромѣ столицъ, гдѣ ихъ подсудность подлежала расширенію. Все остальное оставалось въ прежнемъ видѣ, и ни о судѣ присяжныхъ, ни о гласности и устности, ни о несмѣняемости судей не раздалось ни одного голоса.

Даже система утвержденія приговоровъ судовъ губернаторами предположена къ оставленію *въ своей сущности* безъ измѣненій.

Тѣмъ болѣе любопытны 4 записки неизвѣстнаго автора подъ общимъ заглавіемъ «Записки о способахъ доставить постоянную защиту подсудимому въ дѣлахъ уголовныхъ». Авторъ, обнаруживающій великолѣпное знаніе законодательства, сначала разбираетъ вопросъ по существу; признавъ, что, несмотря на обиліе постановленій, защита и на судѣ, и на слѣдствіи отсутствуетъ, онъ устанавливаетъ главныя начала реформы. Они суть: 1) раздѣленіе обязанностей обвинителя и защитника; 2) сосредоточеніе дѣятельности прокурора только на обвиненіи и освобожденіе его отъ другихъ административныхъ обязанностей; 3) поощреніе къ ревностному исполненію своихъ обязанностей публикаціей протестовъ прокуроровъ и стряпчихъ и приговоровъ судовъ и 4) уничтоженіе института депутатовъ, какъ совершенно излишняго.

Обязанности непремѣнно назначаемаго правительствомъ защитника авторъ возлагалъ на стряпчаго, который въ дѣлѣ защиты подсудимаго долженъ былъ пользоваться абсолютно равными правами съ прокуроромъ.

Кромѣ всего, авторъ вводилъ устный допросъ свидѣтелей на судѣ, куда они вызывались, если жили не далѣе 100 верстъ разстоянія отъ мѣста разсмотрѣнія дѣла.

Эта записка, несомнѣнно извѣстная составителямъ проекта, представляетъ собой единственное исключеніе по тѣмъ основнымъ стремленіямъ къ равенству сторонъ, раздѣленію обвиненія и защиты и улучшенію самаго порядка судопроизводства, которыя включилъ въ нее авторъ. Но на содержаніи проекта она, ни въ малѣйшей мѣрѣ, не отозвалась.

Попутно съ тѣмъ, какъ происходили указанныя нами работы во II отдѣленіи и въ министерствѣ юстиціи, комитетъ министровъ также занимался обсужденіемъ вопросовъ, касающихся судебной реформы.

Тотчасъ по введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія о наказаніяхъ, Императоръ Николай I приказалъ представлять ежегодныя таблицы о числѣ арестантовъ, болѣе года содержащихся подъ стражей. На основаніи

---

[1]) Записка XXXII.

[2]) Записка № XXXIII, XXXIV.

такихъ вѣдомостей можно было заключить о неуклонномъ ростѣ числа подслѣдственныхъ арестантовъ.

Въ	1844	году	такихъ	лицъ	было	11.177 чел.
»	1845	»	»	»	»	10.512 »
»	1846	»	»	»	»	12.581 »
»	1847	»	»	»	»	15.184 »

Вслѣдствіе этого комитету министровъ было предписано выяснить причины такого роста подслѣдственныхъ арестовъ, а также обратить вниманіе, не вліяло ли здѣсь введеніе новаго уложенія, значительно смягчившаго нѣкоторые виды уголовныхъ наказаній. Комитетъ потребовалъ соотвѣтственныхъ свѣдѣній и выяснилъ весьма важныя данныя. Оказалось, что ростъ подслѣдственныхъ арестовъ соотвѣтствовалъ общему возрастанію преступной дѣятельности. Такъ за одинъ 1845 годъ число всѣхъ уголовно наказуемыхъ дѣяній сразу поднялось на солидную цифру—15000, по сравненію съ предшествующимъ годомъ. Далѣе оказалось, что особенно значительное увеличеніе числа дѣлъ пришлось на долю бродяжества и похищеній. Напротивъ, число подслѣдственныхъ арестантовъ по наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ обнаруживало неуклонное паденіе съ каждымъ годомъ.

Наибольшее возрастаніе количества подслѣдственныхъ арестантовъ приходилось на губерніи: Витебскую, Ковенскую, Виленскую, Курляндскую и Лифляндскую. Число судебныхъ приговоровъ уѣздныхъ судовъ, совѣстныхъ судовъ, уголовныхъ палатъ и сената росло одновременно съ числомъ арестантовъ, такъ что это обстоятельство нельзя объяснить залежами дѣлъ старыхъ. Угрожающій ростъ преступности наблюдался особенно въ послѣдніе 1846 и 1847 годы. На запросы о причинахъ этого явленія губернскіе прокуроры представили различныя объясненія.

Прокуроры сѣверныхъ губерній указывали на множество дѣлъ о лѣсныхъ порубкахъ, прокуроры западныхъ губерній и губерній малорусскихъ объясняли ростъ преступленій развитіемъ пьянства, вслѣдствіе вольной продажи вина. Пермскій прокуроръ отмѣчалъ ростъ бѣглецовъ изъ Сибири, астраханскій—указывалъ на бѣглыхъ солдатъ, ростъ корчемства, незаконную рыбную ловлю, неурожаи. Воронежскій—видѣлъ причину роста преступленій въ обиліи праздношатающихся богомольцевъ.

Обиліе уголовныхъ дѣлъ побудило министра юстиціи войти въ комитетъ министровъ съ ходатайствомъ, не дожидаясь общей реформы устава уголовнаго судопроизводства, ввести отдѣльныя процессуальныя измѣненія. Эти измѣненія заключались въ уже извѣстныхъ намъ «улучшеніяхъ» въ производствѣ слѣдствій, подсудности, уменьшеніи случаевъ ревизіи дѣлъ и сокращеніи дѣлъ апелляціонныхъ. На эти соображенія министра юстиціи были представлены обширныя возраженія главноуправляющаго II отдѣленіемъ. Гр. Блудовъ считалъ невозможнымъ вводить отдѣльныя улучшенія, помимо уже начатаго разработкой устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ. По словамъ гр. Блудова, эта работа, предрѣшенная еще въ 1836 году по докладу Сперанскаго и Дашкова,

подвинута имъ уже настолько, что окончанія проекта можно было ожидать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Эти соображенія Блудова не убѣдили министерство юстиціи, которое представило новыя возраженія и просило комитетъ министровъ провести отдѣльныя частичныя поправки въ порядокъ судопроизводства, о коихъ мы выше упоминали.

Комитетъ министровъ призналъ, однако же, правильность точки зрѣнія гр. Блудова, но въ видѣ незначительной уступки предложилъ министерству юстиціи разработать совмѣстно со II отдѣленіемъ тѣ отдѣльныя улучшенія, которыя, вполнѣ совпадая съ «основами» будущей реформы, могли бы быть внесенными въ Государственный совѣтъ и до ея окончанія [1]).

Покамѣстъ происходили эти работы, подготовлявшія грядущій уставъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, комитету министровъ приходилось на опытѣ познавать величайшую степень анархіи и произвола, допускаемаго мѣстными административными и судебными властями въ Россіи. Въ цѣляхъ нѣкотораго ограниченія административнаго произвола, въ февралѣ 1852 г. было отдано Высочайшее повелѣніе, чтобы начальники губерній приводили въ дѣйствіе свои распоряженія не иначе, какъ по сношенію съ генералъ-губернаторами [2]).

Комитетъ министровъ, обсуждая вопросъ въ цѣломъ, пришелъ къ выводу, что въ области управленія права генералъ-губернаторовъ неопредѣленны и потому необходимо выработать общую для нихъ инструкцію. Графъ Блудовъ, которому было поручено разработать вопросъ, выработалъ проектъ общей инструкціи для генералъ-губернаторовъ, гдѣ права ихъ въ области судебной опредѣлялись слѣдующими словами: «Онъ *не судья* и не законодатель, но наблюдаетъ и за правильностью и удовлетворительностью хода и движенія дѣлъ въ мѣстахъ судебныхъ; мнѣніе его требуется и принимается въ уваженіе при составленіи новыхъ законовъ и при постановленіи временныхъ мѣръ» [3]).

Комитетъ этотъ проектъ Блудова отвергнулъ, признавъ его неохватывающимъ все разнообразіе генералъ-губернаторской дѣятельности.

Такъ какъ очевидная необходимость устранить произволъ была всѣми сознаваема, пытались найти все-таки выходъ въ созданіи общей инструкціи для генералъ-губернаторовъ. Эта инструкція была выработана въ томъ же 1857 году и утверждена государемъ. Сущность ея нимало не измѣнила общаго учрежденія о губерніяхъ 1775 года. Четвертый параграфъ ея опредѣлялъ общія обязанности генералъ-губернатора, въ числѣ коихъ значилось «особое попеченіе за отправленіемъ правосудія».

Генералъ-губернатору предписывалось «руководствоваться постоянно правилами, что онъ не судья, а только блюститель правосудія и установлен-

---

[1]) Середонинъ, цит. соч., т. II, ч. II, стр. 17—18.

[2]) Дѣло II отд. № 23. Выписка изъ журнала к. м. 12 февраля 1852 г. № 349.

[3]) Середонинъ, тамъ же, стр. 138; см. также Записку Блудова 31 марта 1853 г. № 192, дѣло II отд. № 23.

наго порядка, отнюдь не вмѣшивается въ обсужденіе существа дѣла, когда по закону къ тому не уполномоченъ; *но въ случаѣ медленности, проволочки, безпорядковъ и т. п.* принимаетъ мѣры къ прекращенію ихъ».

Въ дальнѣйшемъ опредѣлялось и самое существо «мѣръ прекращенія безпорядковъ». Эти мѣры сводились къ истребованію генералъ-губернаторами къ своему разсмотрѣнію уголовныхъ дѣлъ, при чемъ ему вмѣнялось въ обязанность, не обременяя себя обыкновенными дѣлами, обращать вниманіе на дѣла особой важности. Таковыми инструкція считала преступленія по службѣ лицъ, занимающихъ значительныя должности, злоупотребленія помѣщичьей властью и т. п. (ст. 24.)

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ долженъ былъ строго преслѣдовать ябедничество и ложные доносы (ст. 26)[1]).

Такимъ образомъ, мы можемъ установить, что еще въ 1853 году ни у кого изъ оффиціальныхъ должностныхъ лицъ не возникало и мысли о сколько-нибудь существенномъ преобразованіи нашего судебнаго строя.

Только уже незадолго передъ внесеніемъ проекта о судопроизводствѣ въ Государственный Совѣтъ раздался въ судебной средѣ одинокій голосъ, требовавшій рѣшительныхъ реформъ.

Въ 1853 году Петербургскій совѣстный судья Давыдовъ представилъ въ министерство юстиціи записку о коренныхъ преобразованіяхъ. Записка эта была сообщена II отдѣленію 23 января 1854 года, какъ заслуживающая особаго вниманія. Она касалась всѣхъ сторонъ нашего судопроизводства.

Авторъ указываетъ, прежде всего, на то, что при существовавшихъ въ то время условіяхъ постановки слѣдствія судъ только регистрируетъ дѣйствительность мѣръ, предпринятыхъ полицейскими слѣдователями, фактически обусловливающихъ судебный приговоръ. Отмѣчая тотъ фактъ, что судья вовсе не обязанъ повѣрять существо секретарской записки, основывающейся на полицейскомъ слѣдствіи, Давыдовъ указываетъ, какъ на причину медленности, на совершенно напрасную переписку полицейскаго слѣдствія въ нѣсколькихъ документахъ, фактически не мѣняющую дѣла.

Указывая на значеніе устности въ судѣ, какъ на основное начало, при которомъ судья изъ непосредственнаго изученія «противорѣчивыхъ элементовъ» дѣла выноситъ свободное убѣжденіе, Давыдовъ характеризуетъ дѣятельность судьи въ письменномъ процессѣ слѣдующими словами: «Дѣйствія судьи не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ послѣдней ступенью тягостной регистратуры, и, скрѣпляя оную, онъ покрываетъ своей подписью чужіе грѣхи, надѣясь, что прокуроръ найдетъ законы приведенными исправно и что Богъ не взыщетъ съ него за несправедливость рѣшенія, основаннаго на актахъ вынужденныхъ, быть можетъ, и обманомъ, но не имъ, а властью, которая ему не подчинена... Должность судьи, стѣсняемая снизу слѣдственными актами, сверху надзоромъ высшей власти, которой онъ обязанъ дать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и безпрестанно оправдываться, сосредоточила, повидимому, на себѣ всю недовѣрчивость

---

[1]) Середонинъ, т. II, ч. I, стр. 140—142 и П. С. З. 1853 г. № 27 293.

правительства и обратилась въ механизмъ, который человѣкъ честный или корыстный, умный или ограниченный равно способны приводить въ дѣйствіе».

Въ дальнѣйшей части своей записки Давыдовъ возражаетъ противъ теоріи уликъ и доказательствъ, принятыхъ въ нашемъ дореформенномъ судѣ, и требуетъ свободной оцѣнки всей совокупности обстоятельствъ дѣла по внутреннему убѣжденію судьи.

Авторъ представляетъ свой проектъ судоустройства и судопроизводства, весьма замѣчательный. Предварительное слѣдствіе, по проекту, производится уѣзднымъ судьей при помощи прокурора и провѣряется въ особомъ отдѣленіи уѣзднаго суда.—Подсудимый долженъ имѣть назначаемаго ему отъ правительства защитника-стряпчаго, который пользуется совершенно равными правами съ прокуроромъ.—Допросъ подсудимаго и свидѣтелей на устномъ судѣ ведется не судьей, а прокуроромъ и защитникомъ.—Приговоры судовъ поставляются окончательно по «разуму и совѣсти» судей, въ сенатъ же подаются только жалобы на нарушеніе формъ судопроизводства.

Для дѣлъ о маловажныхъ преступленіяхъ, по проекту Давыдова, учреждаются уѣздные суды, а для дѣлъ о преступленіяхъ большей важности—судебныя палаты.

Для созданія судебной независимости необходимо назначать судей, выбранныхъ обществами всякихъ сословій имперіи, обладающихъ юридическими познаніями и оплачиваемыхъ надлежащимъ содержаніемъ отъ государства.

Такимъ образомъ, въ этомъ замѣчательномъ по полнотѣ и стройности проектѣ, единственномъ идущемъ по пути прежнихъ широкихъ проектовъ, было предвосхищено многое изъ позднѣйшихъ судебныхъ преобразованій. Къ недостаткамъ его слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что авторъ относился безразлично къ отсутствію присяжныхъ въ судахъ и гласности [1]).

Въ доказательство полной непригодности дореформеннаго процесса даже съ точки зрѣнія уголовной кары, Давыдовъ приводитъ судебную отчетность за 1847 годъ. Въ этомъ году по всѣмъ уголовнымъ судебнымъ мѣстамъ имперіи значилось подсудимыхъ 341.898 человѣкъ. Изъ этой огромной цифры были присуждены къ уголовнымъ показаніямъ 3,903, общее же число всѣхъ, бывшихъ подъ судомъ по разряду *уголовныхъ* наказаній, было по приблизительному подсчету 15.552 человѣка.

VI.

Проекты гр. Блудова въ царствованіе Александра II; вызванныя ими замѣчанія.

Въ ноябрѣ (11) 1858 года графъ Блудовъ представилъ государю докладъ объ общемъ ходѣ работъ по составленію устава судопроизводства по пре-

---

[1]) Дѣло II отд., 70/а.

ступленіямъ и проступкамъ, который былъ законченъ въ главныхъ частяхъ еще около 1857 года.

Въ проектѣ этомъ, разбитомъ на семь раздѣловъ, изъ которыхъ три первые, обнимающіе предварительное слѣдствіе и подсудность, во многихъ отношеніяхъ воспроизводили проектъ о производствѣ слѣдствій 1837 года (содержаніе его было нами выше приводимо).

Проектъ содержалъ въ себѣ тѣ же гарантіи подсудимаго, что и проектъ 1837 года: присутствіе депутатовъ отъ сословій, при чемъ дворянство получало право имѣть своихъ депутатовъ, которыхъ ранѣе не имѣло, и депутатовъ отъ вѣдомства, въ которомъ состоялъ подсудимый (стт. 163—182). Новымъ положеніемъ было дѣленіе слѣдствія на два періода: одинъ до предварительнаго рѣшенія о дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, другой—послѣ этого.

Первый періодъ изслѣдованія дѣла долженъ былъ имѣть своею задачею выяснить обстоятельства путемъ допроса подозрѣваемаго, но при этомъ пребываніе подозрѣваемаго подъ стражей ни въ какомъ случаѣ не могло продолжаться свыше восьми дней до постановленія судомъ предварительнаго рѣшенія (стт. 465—466).

Предварительное рѣшеніе, по проекту, состояло въ томъ, что уѣздный судъ въ распорядительномъ засѣданіи выслушивалъ словесный докладъ слѣдователя, заключеніе прокурора, знакомился съ документами и постановлялъ или о продолженіи начатаго слѣдствія, или о прекращеніи его (стт. 467—469). Вмѣстѣ съ этимъ судъ долженъ былъ рѣшить вопросъ о томъ, подлежитъ ли обвиняемый заключенію подъ стражей, или можетъ быть оставленъ на свободѣ (ст. 473). Мѣры подслѣдственнаго состоянія въ проектѣ не отличались отъ тѣхъ, которыя приняты и дѣйствующимъ уставомъ уголовнаго судопроизводства, т. е. къ нимъ принадлежали: 1) содержаніе въ тюрьмѣ, 2) домашній арестъ, 3) отобраніе залога. 4) отдача подъ надзоръ полиціи и 5) отобраніе документовъ, удостовѣряющихъ личность подсудимаго. Малолѣтніе, женщины и подвергнутые слѣдствію въ первый разъ, или особо важные преступники должны были содержаться отдѣльно, если устройство тюрьмы это допускаетъ (ст. 476). Предварительное рѣшеніе объявлялось подсудимому немедленно, но на постановленіе объ его освобожденіи изъ-подъ стражи прокурору проектомъ представлялось принести въ 3-дневный срокъ протестъ въ палату.

Допросъ свидѣтелей долженъ былъ производиться подъ присягой, по усмотрѣнію слѣдователя, до или послѣ показанія (ст. 596).

Производство слѣдствій проектомъ возлагалось на членовъ уѣздныхъ судовъ, и, такимъ образомъ, слѣдствіе отъ первоначальнаго полицейскаго дознанія по органамъ производства рѣшительно отдѣлялось (ст. 156).

Это раздѣленіе органовъ производства слѣдствія вошло въ проектъ съ большими затрудненіями вслѣдствіе рѣшительныхъ протестовъ министра юстиціи. Палинъ вопреки доводамъ Блудова, мнѣніямъ многихъ губернаторовъ, постановленія комиссіи, образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія проекта объ уѣздномъ управленіи и земской полиціи, рѣшительно требовалъ, чтобы полиція попрежнему производила

предварительное слѣдствіе. Слѣдствіе же формальное въ особо важныхъ случаяхъ должны были производить особые стряпчіе, назначаемые состоять при губернскомъ правленіи въ количествѣ отъ 1 до 6 человѣкъ [1]). Только послѣдовавшее 25 марта 1859 года Высочайшее повелѣніе, утверждавшее главныя начала для преобразованія уѣздной полиціи и требовавшее, чтобы власть судебная была по возможности отдѣлена отъ исполнительной, а слѣдственная часть была изъята изъ вѣдѣнія полиціи, измѣнило направленіе дѣла. Въ томъ же повелѣніи предписывалось на каждый уѣздъ назначить двухъ слѣдственныхъ приставовъ.

Въ немедленно составленной запискѣ отъ 30 апрѣля 1859 года Блудовъ объяснялъ, что составленный ранѣе проектъ, дѣлившій слѣдствіе на формальное и предварительное и передававшій веденіе его въ руки полицейской власти, былъ вынужденной съ его стороны уступкой настояніямъ министра юстиціи. Исходя изъ указаннаго повелѣнія о раздѣленіи властей, Блудовъ предлагалъ упразднить дѣленіе слѣдствія на формальное и предварительное и построить предварительное изслѣдованіе по слѣдующей схемѣ: «а) слѣдствіе первоначальное, по необходимости ввѣряемое мѣстной полиціи, б) собраніе и разсмотрѣніе уликъ, производимое судебными слѣдственными приставами, и в) слѣдствіе судебное по собраннымъ уже уликамъ и доказательствамъ» [2]).

Такъ какъ эти положенія доклада получили полное одобреніе государя, Блудовымъ и были внесены соотвѣтственныя измѣненія въ проектъ устава.

Въ отношеніи правъ подсудимаго слѣдуетъ отмѣтить, что при заключеніи слѣдствія и окончательномъ его допросѣ проектомъ предоставлялось право присутствовать его родственникамъ, знакомымъ и повѣреннымъ, имъ приглашеннымъ.

Проектъ устава судопроизводства, посвященный слѣдствію судебному, страдалъ большими недостатками. Обрядъ преданія суду, о которомъ какъ о совершенно необходимомъ, высказывались уже наши практики, въ немъ попрежнему отсутствовалъ, и судебное слѣдствіе непосредственно примыкало къ слѣдствію предварительному (ст. 641).

Попрежнему разсмотрѣніе дѣла начиналось съ письменнаго доклада члена-докладчика, который составлялся по актамъ предварительнаго слѣдствія (643, 645); подсудимому предоставлялось право читать эту записку и представлять свои объясненія въ письменной формѣ, или пользоваться помощью присяжнаго повѣреннаго, состоящаго при судѣ (ст. 655, 657). Объясненіе подсудимаго и докладъ дѣла сообщались прокурору, который давалъ свое заключеніе въ 7-дневный срокъ съ указаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла какъ въ пользу, такъ и во вредъ подсудимаго, и законовъ, которые слѣдуетъ примѣнить (662).

При докладѣ дѣла на судѣ проектъ допускалъ присутствіе лицъ постороннихъ, но суду предоставлялось право «для огражденія правилъ благо-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Блудова 12 ноября 1858 г.

[2]) Читано государю въ Царскомъ Селѣ 4 мая 1859 г., дѣло № 710/а.

пристойности, или по другимъ важнымъ случаямъ, слушать дѣло при закрытыхъ дверяхъ» (672).

Явка подсудимаго на судебное слѣдствіе, по проекту, была обязательна лишь по дѣламъ болѣе важнымъ (ст. 675). Все разбирательство дѣла должно было происходить въ чтеніи доклада дѣла, заключенія прокурора и защитительной записки подсудимаго и только въ случаѣ надобности разрѣшалось дополнить слѣдствіе посредствомъ передопроса подсудимаго и отобранія показаній отъ свидѣтелей и другихъ лицъ. Приговоръ провозглашался при закрытыхъ дверяхъ (ст. 680).

Проектъ содержалъ отдѣленіе, посвященное уясненію силы доказательствъ, которыя признавались законными. Законными доказательствами считались: 1) осмотръ свѣдущихъ людей, 2) признаніе подсудимаго, 3) показаніе свидѣтелей, 4) письменные документы, 5) совокупность уликъ. Изъ постановленій, посвященныхъ экспертамъ, особое значеніе имѣло правило, по коему при разногласіи экспертовъ «судъ обязанъ былъ принять то изъ мнѣній, которое выгоднѣе для обвиняемаго» (ст. 688—689).

Всей этой формальной теоріи доказательствъ противорѣчили постановленія 709 и 710 стт., которыя вводили, какъ основаніе для рѣшенія дѣла, совокупность уликъ и доказательствъ, соображенныхъ со всѣми обстоятельствами дѣла.

При постановленіи приговора ставятся вопросы предсѣдателемъ членамъ суда по слѣдующимъ предметамъ: а) совершено ли дѣяніе и какого рода, б) доказана ли и до какой степени вина подсудимаго, в) какой и на основаніи какихъ указаній надлежитъ постановить приговоръ, г) надлежитъ ли удовлетворить искъ о вознагражденіи, если онъ предъявленъ (ст. 711)?

Для постановленія приговора о виновности проектъ требовалъ большинства голосовъ; если нельзя было добиться единогласія. Если же голоса дѣлились такъ, что нельзя было добиться большинства, тогда въ составъ присутствія приглашался новый членъ того же суда или другого присутственнаго мѣста, а все дѣло начиналось снова (ст. 727). Если и при этихъ условіяхъ нельзя было получить большинства, принималось мнѣніе, болѣе благопріятное подсудимому (ст. 728).

Дѣла, по коимъ приговорами уѣзднаго суда опредѣлялись наказанія, сопряженныя съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье, по проекту, обязательно поступали на ревизію въ судебную палату (ст. 765).

Судебная палата въ качествѣ суда первой инстанціи должна была разсматривать дѣла, по коимъ подсудимому угрожаетъ наказаніе уголовное (ст. 26). Эти приговоры должны были обязательно представляться на ревизію сената.

Проектъ вводилъ перечисленіе кассаціонныхъ поводовъ для жалобъ на окончательные приговоры судовъ. Таковыми признавались (ст. 831): 1) когда представлялись заслуживающими полной вѣры доказательства въ томъ, что приговоръ постановленъ съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу, 2) когда приговоръ былъ слѣдствіемъ умышленнаго преступленія судей, 3) когда нарушены существен-

ныя формы производства, при чемъ такими нарушеніями проектомъ признавались: а) незаконный составъ суда, б) отсутствіе находящагося подъ стражей подсудимаго при докладѣ дѣла, в) если не было чтенія защитительной записки, г) неправильное голосованіе судей, д) если не было выслушано заключеніе прокурора, е) если въ приговорѣ не указаны основанія его. Проектъ устава, такимъ образомъ, не содержалъ въ себѣ ни предположеній о судѣ присяжныхъ, ни устности, ни гласности судопроизводства въ широкомъ смыслѣ и совершенно обходилъ вопросъ о надлежащей независимости судей. Права подсудимаго на судѣ были до чрезвычайности сжаты. Такимъ образомъ; въ проектѣ устава совершенно не затрагивались вопросы, которые непремѣнно выдвигались ранѣе и представителями нашего общества и лучшими и умнѣйшими представителями власти.

Въ объяснительной запискѣ къ уставу даны слѣдующія объясненія полному расхожденію проекта съ требованіями науки и лучшаго русскаго прошлаго: «Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы и даже на то, что начала ея не были чужды нашему отечеству въ самыя отдаленныя времена, сія система до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной безъ предварительнаго къ тому приготовленія и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желаемой цѣли. Не говоря уже о томъ, что введеніе у насъ суда черезъ присяжныхъ было бы нынѣ преждевременнымъ, нельзя не сознаться, что мы еще не совсѣмъ приготовлены къ тому, чтобы могли принять и такой порядокъ, который существуетъ въ государствахъ, неимѣющихъ суда присяжныхъ. Извѣстно, что обязанность обвинителя, желающаго исполнить съ достоинствомъ и добросовѣстно свое призваніе, не столь проста и легка, какъ полагаютъ иные, и во всякомъ случаѣ для исполненія сей обязанности нужно не мало времени и труда». Признавъ невозможнымъ возложить эти обязанности на существующихъ прокуроровъ и стряпчихъ, объяснительная записка указываетъ, что и предполагаемаго введенія прокуроровъ при каждомъ судебномъ мѣстѣ недостаточно, «ибо надобно доставить обвиняемымъ столь же надежныхъ защитниковъ». Въ дальнѣйшемъ записка указывала, что нѣтъ основаній надѣяться сразу имѣть надлежащее количество присяжныхъ повѣренныхъ, а до «тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ хорошихъ адвокатовъ, введеніе обвинительной системы судопроизводства у насъ рѣшительно невозможно». Затѣмъ отмѣчалось плохое состояніе личнаго состава суда, который при состязательномъ процессѣ имѣетъ особое значеніе. «Мы поступимъ гораздо благоразумнѣе, если, не увлекаясь теоріями и не гоняясь за мечтою достиженія вдругъ всего возможнаго совершенства, обратимъ наше вниманіе не столько на скорое приведеніе въ дѣйствіе всѣхъ предполагаемыхъ улучшеній, сколько на вѣрность успѣха» [1]).

---

[1]) Объяснительная записка къ уставу судопроизводства по прест. и проступ., стр. 70—72.

Эти соображенія составителей устава тѣмъ были замѣчательны, что одновременно съ тѣмъ въ уставѣ не было сдѣлано рѣшительно никакихъ улучшеній, которыя были бы направлены къ поднятію образовательнаго уровня личнаго состава судей.

Вопросъ объ углубленіи началъ реформы и сообщеніи ей всѣхъ наиболѣе значительныхъ элементовъ суда возникъ въ засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, обсуждавшихъ внесенный туда въ 1857 году проектъ устава гражданскаго судопроизводства. Посвятивъ разсмотрѣнію проектовъ 39 засѣданій въ періодъ между 15 ноября 1857 года и 23 сентября 1859 г., Государственный Совѣтъ въ то же время подвергъ критикѣ и всю дѣйствующую у насъ систему судоустройства и судопроизводства.

По его мнѣнію, формализмъ и письменность нашего судопроизводства зависятъ въ свою очередь отъ основныхъ недостатковъ, присущихъ нашему судебному процессу. Этими основными недостатками соединенные департаменты считали: 1) огромное количество порядковъ судопроизводства общаго, четырехъ главныхъ, 16 особенныхъ и проистекающую отъ этого сложность судопроизводства; 2) смѣшеніе полицейской и судебной властей въ самомъ началѣ тяжбы, 3) неопредѣленность законовъ о подсудности, 4) существованіе особыхъ сословныхъ судебныхъ учрежденій, каковы магистраты, ратуши и надворные суды, 5) существованіе слѣдственнаго процесса, коимъ къ гражданскимъ дѣламъ примѣняются формы судопроизводства уголовнаго, 6) отсутствіе сокращеннаго порядка для разбора дѣлъ маловажныхъ, 7) требованіе канцелярской тайны въ гражданскихъ дѣлахъ, 8) неточность и неполноту правилъ о судебныхъ доказательствахъ, 9) неудовлетворительность порядка прокурорскаго надзора и совершенную невозможность для прокуроровъ исполнять свои обязанности по судебному вѣдомству, 10) смѣшеніе судебной и законодательной властей; происходящее отъ переходовъ дѣлъ изъ сената въ государственный совѣтъ, 11) неопредѣленность порядка объ отмѣнѣ рѣшеній судебныхъ мѣстъ, 12) исполненіе рѣшеній полиціей, а не судебными мѣстами, 13) недостатокъ правилъ о правахъ и обязанностяхъ повѣренныхъ, 14) неопредѣленность правилъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства и т. д. [1]).

Останавливаясь на необходимости предоставить судамъ должную самостоятельность, соединенные департаменты рѣшительнымъ образомъ доказывали неизбѣжность этой мѣры. «Самостоятельность судебныхъ мѣстъ въ рѣшеніи дѣлъ и отвѣтственность за нарушеніе предписанныхъ въ законѣ правилъ и за всякую неправду суть необходимыя условія правильнаго устройства судебныхъ учрежденій. Всякое подчиненіе судебнаго мѣста лицу или мѣсту правительственному; ослабляя высокое значеніе суда, ограничиваетъ право его примѣнять законы» [2]).

---

[1]) Журналы соед. департ. законовъ и гражданскихъ дѣлъ 1859 г. №№ 26 28, 44—48, 50, 62, 65 къ II отд. № 50, стр. 6.

[2]) Тамъ же, № 50.

Стремясь провести начало единства и безсословности судебныхъ учрежденій, соединенные департаменты; соглашаясь съ представленіемъ гр. Блудова; постановили соединить магистраты, ратуши и надворные суды съ уѣздными судами [1]).

Государственный Совѣтъ вошелъ въ разсмотрѣніе и самыхъ основныхъ началъ слѣдственнаго и состязательнаго процессовъ. Признавая, что и тотъ и другой порядокъ имѣютъ въ виду открытіе истины, соединенные департаменты въ то же время рѣшительно высказались въ пользу обвинительнаго начала, которое гораздо лучше обезпечиваетъ, по ихъ мнѣнію, открытіе «дѣйствительной истины» [2]).

Остановившись на вопросѣ о введеніи у насъ присяжныхъ повѣренныхъ и обязательнаго участія прокуроровъ въ рѣшеніяхъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ, Государственный Совѣтъ высказался далѣе за необходимость предварительнаго установленія основныхъ началъ судопроизводства, какъ базиса всѣхъ судебныхъ преобразованій. «Въ системѣ усовершенствованія законовъ судопроизводства, обязательныхъ для судебныхъ мѣстъ, исправленіе правилъ судопроизводства всегда должно предшествовать самому преобразованію мѣстъ судебныхъ, ибо права судопроизводства составляютъ главное средство законодательства къ огражденію существующаго и къ возстановленію нарушеннаго права, а судебныя мѣста суть только органы, коими средства сіи приводятся въ дѣйствіе, посему необходимо предварительное начертаніе самыхъ правилъ, по коимъ судья долженъ дѣйствовать, а потомъ уже соотвѣтственно симъ правиламъ или оставить устройство судебныхъ мѣстъ безъ всякой перемѣны, или же усилить, или въ чемъ-либо измѣнить составъ судебныхъ мѣстъ, для коихъ правила сіи предписываются» [3]).

Въ заключеніе Государственный Совѣтъ находилъ нужнымъ свести всѣ судебныя инстанціи, которыхъ у насъ было 10—13, къ двумъ [4]).

Изъ приведенныхъ сужденій Государственнаго Совѣта и возникли такъ называемые «основныя начала» для нашихъ Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства учрежденія судебныхъ установленій, которыя были опубликованы въ 1862 году. Такимъ образомъ; можно прочно установить, что общаго плана реформы еще въ 1858 году ни у кого изъ высшей правительственной власти не было. Напротивъ, и Панинъ и Блудовъ считали внесенные проекты совершенно удовлетворительными и въ перепискѣ между собою обсуждали вопросъ о «постепенномъ» введеніи въ жизнь этихъ совершенно непригодныхъ проектовъ, такъ какъ имъ они казались слишкомъ радикальными [5]).

Насколько чужды были гр. Блудову и Панину основныя черты будущей судебной реформы; видно изъ слѣдующаго. Графъ Блудовъ и министръ юстиціи не думали послѣдовательно провести въ своемъ проектѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 11.
[2]) Тамъ же, стр. 13.
[3]) Тамъ же, л. 23.
[4]) Тамъ же, л. 24.
[5]) Дѣло II отд. № 50, л. 267.

отдѣленіе власти судебной отъ административной, оставляя попрежнему за губернаторами право утвержденія судебныхъ приговоровъ. Если губернаторы это право утратили, такъ только потому, что министерство внутреннихъ дѣлъ настаивало на освобожденіи его чиновниковъ отъ этихъ обязанностей; когда въ 1857 году была учреждена комиссія для сокращеніи переписки, тогда и министръ внутреннихъ дѣлъ и многіе губернаторы просили управляющаго II отдѣленіемъ освободить ихъ отъ процедуры утвержденія приговоровъ. Петербургскій губернаторъ даже приводилъ статистику; по коей выходило, что одни только надписи губернатора объ утвержденіи приговоровъ составляютъ въ годъ 7000 строкъ или 100 исписанныхъ кругомъ листовъ бумаги.

Указывая на эту поучительную статистику, министерство внутреннихъ дѣлъ обращало вниманіе гр. Блудова на то, что утвержденіе есть чистая формальность, только затягивающая производство дѣлъ [1]). Тѣмъ не менѣе въ отвѣтахъ Блудова указывалось на необходимость быть весьма осторожнымъ при отмѣнѣ этого правила, съ точки зрѣнія сохраненія престижа власти, и предлагалось отложить его рѣшеніе до окончательнаго пересмотра проекта устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ [2]).

Вслѣдствіе приведенныхъ выше сужденій Государственнаго Совѣта, состоялся докладъ государю его предсѣдателя—князя Орлова, и 21 октября 1858 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе управляющему II отдѣленіемъ составить проектъ судоустройства на началахъ, преподанныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, и сообщить свои предположенія министру юстиціи [3]).

Двѣнадцатаго ноября 1859 г. проектъ судоустройства былъ въ общихъ своихъ основаніяхъ изложенъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Блудова государю.

Принимая за основаніе указанія Государственнаго Совѣта и волю государя, докладъ говорилъ о необходимости соединить гражданскія и уголовныя палаты въ общіе губернскіе суды, и такимъ образомъ всѣ судебныя мѣста свести къ судамъ уѣзднымъ, палатамъ и сенату. Въ то же время докладъ указывалъ на необходимость имѣть по образцу Франціи особыхъ судей для разбора маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Порядокъ разбирательства дѣлъ въ такихъ судахъ долженъ быть словеснымъ и сокращеннымъ по сравненію съ общесудебнымъ. Только при этихъ условіяхъ, говоритъ Блудовъ, населеніе можетъ получить близкій къ нему судъ, и суды уѣздные справятся съ своей задачей. Предстоящее освобожденіе крестьянъ, по мнѣнію Блудова, вызывало необходимость въ созданіи такихъ упрощенныхъ судовъ, такъ какъ огромное количество дѣлъ, которыя оканчивались до того времени помѣщичьими распоряженіями, должны были направиться въ судъ [4]).

---

[1]) Дѣло II отд. № 86 относ. М. В. Д. отъ 21 іюля 1857, № 171; Всеподданнѣйшіе доклады за 1859, г.. стр. 6566 и сл.

[2]) Книга всеподд. доклад. за 1859 г., стр. 6562 и сл.

[3]) Матеріалы по исторіи преобразованій по судебной части, т. XVI, стр. 4.

[4]) Книга всеподданнѣйшихъ докладовъ 1859 г. стр., 6593—6595.

Въ отношеніи органовъ предварительнаго слѣдствія Блудовъ, ссылаясь на французскій образецъ и нѣкоторые другіе иностранные судебные порядки, предлагалъ предоставить право предсѣдателямъ уѣздныхъ судовъ назначать одного изъ членовъ для производства слѣдствій и увеличивать или сокращать число слѣдователей въ зависимости отъ движенія дѣлъ уголовныхъ. Этотъ порядокъ представлялъ, по словамъ доклада, ту выгоду, что предсѣдатели отвѣчали за выборъ слѣдователей, а слѣдователи «не слишкомъ обременялись обязанностями, которыя, по роду своему и трудности, весьма непріятны».

Въ составѣ судовъ первой инстанціи для сужденія дѣлъ должно было быть, по проекту, не менѣе 3 судей, для инстанцій апелляціонныхъ—не менѣе пяти. Составъ мировыхъ судовъ опредѣлялся въ слѣдующемъ видѣ: 1 судья, 1 секретарь, который его замѣнялъ въ случаяхъ отлучекъ, и 1—2 письмоводителя [1]).

Чрезвычайно интересны соображенія доклада о судебномъ надзорѣ. Въ немъ полностью отражается глубокое недовѣріе автора къ создаваемымъ учрежденіямъ, въ которыхъ оставалось совершенно непріемлемое принципіально, для Блудова, выборное начало.

Признавая надзоръ министерства юстиціи неудовлетворительнымъ, докладъ предлагалъ «назначить въ каждомъ судѣ особаго чиновника, обязаннаго наблюдать за всѣмъ происходящимъ въ судѣ и доносить министру юстиціи о всякихъ отступленіяхъ отъ установленнаго порядка какъ суда въ общемъ, такъ и отдѣльныхъ членовъ и чиновниковъ его» [2]).

Насколько неясно представляла себѣ тогдашняя власть задачи и цѣли судебной дѣятельности, какъ далека она была отъ мысли связать систему судебныхъ гарантій съ общимъ порядкомъ государства, доказываетъ отдѣлъ доклада, посвященный выясненію началъ судебной организаціи. Авторъ доклада въ оцѣнкѣ настоящаго чуждъ оптимизма. Но лишь только онъ переходитъ къ мѣрамъ, которыми печальная дѣйствительность могла бы улучшиться, все не идетъ дальше самыхъ внѣшнихъ палліативовъ.

Признавая, что выборъ надлежащихъ лицъ для службы въ судебномъ вѣдомствѣ является важнѣйшей задачей судоустройства, гр. Блудовъ не торопился съ принятіемъ мѣръ для обезпеченія надлежащаго личнаго состава судебныхъ учрежденій. «Надо стараться,—читаемъ мы въ его докладѣ,—поскольку позволятъ обстоятельства и наши иногда скудныя средства, принимать мѣры, которыя могли бы, если не вдругъ, то *хотя бы со временемъ*, приготовить людей во всемъ пространствѣ сего слова благонадежныхъ» [3]).

Не рѣшаясь отказаться отъ взгляда на судоотправленіе, какъ на одну изъ сословныхъ привилегій, гр. Блудовъ хотѣлъ лишь обязать сословныя общества выбирать на судебныя должности только лицъ, обладающихъ юридическимъ образованіемъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 6606.
[2]) Тамъ же, стр. 6616—6617.
[3]) Тамъ же, стр. 6621.

Признавая полную несостоятельность предсѣдателей судовъ, выбираемыхъ на основаніи манифеста 4 декабря 1831 года дворянскими обществами, Блудовъ, тѣмъ не менѣе, находилъ возможнымъ оставить въ силѣ указанный порядокъ, приводя доводы изъ своей переписки съ министерствомъ юстиціи въ 1849 году по поводу преобразованія судовъ гражданскихъ. «Какъ предложить отнятіе у дворянства даннаго ему Высочайшимъ довѣріемъ права, на которое оно уже привыкло, безъ сомнѣнія, смотрѣть, какъ на одно изъ важнѣйшихъ дарованныхъ ему державной властью? Какой найти къ сему поводъ или даже предлогъ? Теперь нѣтъ возможности безъ нарушенія, такъ сказать, законодательнаго приличія, безъ возбужденія всеобщаго недовольства въ вѣрномъ престолу, всегда преданномъ монархамъ, россійскимъ дворянствѣ, лишить его права, которое самъ благополучно царствующій Государь Императоръ призналъ за благо даровать ему» [1]).

Считая цѣлесообразнымъ планъ Сперанскаго (1826 г.), по которому устанавливалось общее присутствіе гражданской и уголовной палатъ подъ предсѣдательствомъ назначаемаго Верховной властью судьи, Блудовъ предлагалъ назначить особаго главнаго губернскаго судью, который предсѣдательствовалъ бы въ палатахъ, оставивъ попрежнему выборныхъ дворянскихъ предсѣдателей въ отдѣленіяхъ палаты. Впрочемъ и все правительство разсматривало участіе выборныхъ дворянъ въ судебной дѣятельности, какъ одну изъ сословныхъ дворянскихъ привилегій.

Въ отношеніи подготовки нужнаго судейскаго состава докладъ 1859 года предлагалъ «по возможности улучшить матеріальный бытъ чиновъ судебнаго вѣдомства, затѣмъ присвоить имъ высшіе противъ занимаемыхъ классы должностей». Въ отношеніи охраненія должной самостоятельности судебныхъ лицъ, докладъ предлагалъ всѣхъ чиновъ присутствія и прокуроровъ обезпечить отъ произвола высшей власти. «Они могутъ быть переводимы съ одного мѣста на другое, или удаляемы, или же увольняемы отъ должности не иначе, какъ по обнаруженіи вины ихъ формальнымъ порядкомъ и на основаніи приговоровъ суда».

При этихъ условіяхъ Блудовъ полагалъ, что судебное вѣдомство, «конечно, не очень скоро и лишь мало-по-малу, но, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ людей способныхъ и благонадежныхъ» [2]).

Такимъ образомъ, все содержаніе проекта о судоустройствѣ было отмѣчено тѣмъ же характеромъ половинчатости и случайности, какъ и весь проектъ судопроизводства: вліяніе сословныхъ привилегій въ немъ сочеталось съ господствомъ государственныхъ началъ, внѣшняя независимость органовъ суда—съ внутреннимъ надзоромъ особо довѣренныхъ чиновниковъ.

Замѣчательнѣе всего, что почти одновременно съ тѣмъ внесенный въ Государственный Совѣтъ проектъ судопроизводства и судоустройства въ Царствѣ Польскомъ какъ разъ включалъ въ себя тѣ существенные эле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 6624—6626.
[2]) Тамъ же, стр. 6630.

менты правильнаго правосудія, которые отсутствовали въ изложенныхъ проектахъ гр. Блудова.

Въ то время, какъ въ Имперіи предварительное слѣдствіе первоначально предлагалось оставить въ рукахъ полиціи, въ Царствѣ Польскомъ первоначальный проектъ возлагалъ эти обязанности на мѣста судебныя. Въ то время, какъ по проекту Царства Польскаго дѣла должны были докладываться въ публичномъ засѣданіи, по каждому дѣлу допускалась публичная защита, въ проектѣ для остальной Россіи эти правила отсутствовали.

Въ своемъ докладѣ, посвященномъ выясненію необходимости имѣть адвокатовъ при судахъ, графъ Блудовъ особенно предостерегалъ даже отъ одинаковаго названія ихъ съ тѣмъ, которое принято для Царства Польскаго, и замѣнилъ слова «защитникъ» и «адвокатъ» словомъ «повѣренный» и «стряпчій» [1]).

Къ этому времени и среди высшихъ должностныхъ лицъ министерства юстиціи созрѣла мысль о необходимости дальнѣйшихъ коренныхъ измѣненій проекта. Въ замѣчаніяхъ высшихъ должностныхъ лицъ, присланныхъ государственному секретарю изъ министерства юстиціи 6 октября 1861 года, содержатся рѣшительныя указанія на необходимость болѣе радикальной реформы [2]). Въ замѣчаніяхъ сенатора Гольдгоера прямо указывается, что ни гласность, ни судебная защита, ни обвинительное начало не проведены въ проектахъ гр. Блудова сколько-нибудь достаточно, а положеніе обвиняемаго названо «беззащитнымъ» [3]). «Такимъ образомъ, новый проектъ Устава, впредь до изданія коего уже съ давняго времени отлагались всѣ болѣе существенныя преобразованія, необходимость коихъ указывала практика, не вводить и нынѣ, требуемыхъ современнымъ положеніемъ общества, коренныхъ преобразованій, основанныхъ на началахъ обвинительнаго процесса» [4]). «Не говоря уже о томъ, что процессъ обвинительный гораздо проще и раціональнѣе процесса чисто слѣдственнаго, и что весьма трудно столь положительно разрѣшать вопросъ о томъ, созрѣли мы, или не созрѣли для введенія раціональной реформы, нельзя однако не замѣтить, что безъ положенія начала введенію обвинительнаго процесса мы никогда къ нему не приготовимся, и что безъ учрежденія адвокатуры у насъ никогда не будетъ хорошихъ адвокатовъ» [5]).

Указывая на то, что введеніе судовъ присяжныхъ по отсутствію въ народѣ должнаго распространенія юридическихъ знаній и затруднительности установленія подходящихъ условій выбора преждевременно, сенаторъ Гольдгоеръ тѣмъ рѣшительнѣе настаиваетъ на проведеніи коренной судебной реформы. «Для дѣйствительнаго преобразованія судебной части необходимо произвести сіе преобразованіе на такихъ основныхъ началахъ, которыя,

---

[1]) Всеподд. докладъ за 1858 г. стр. 6147, 6149, докладъ государю управл. II отд. 12 ноября 1858 г., № 70 а.

[2]) Дѣло по суд. реф. № 1, л. 473. № 14445.

[3]) Дѣло № 1, л. 477 и сл.; 474 и сл.

[4]) Тамъ же, л. 478.

[5]) Тамъ же, л. 479.

служа ручательствомъ въ правильномъ отправленіи правосудія, составляли бы вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ къ будущему введенію суда присяжныхъ» [1]). Такимъ образомъ, судъ присяжныхъ разсматривался Гольдгоеромъ, какъ вершина судебной реформы, къ коей можно и должно было стремиться.

Для того, чтобы въ будущемъ судъ присяжныхъ сталъ возможнымъ, Гольдгоеръ предлагалъ осуществить слѣдующія измѣненія: 1) производство слѣдствія въ самыхъ судебныхъ мѣстахъ, постановляющихъ рѣшеніе по дѣлу; 2) полную и общую въ производствѣ слѣдствія и суда гласность, которая, обезпечивая правильность и безпристрастіе суда, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ развитію въ народѣ здоровыхъ юридическихъ понятій; 3) правильную судебную защиту, какъ при производствѣ суда, такъ и во время слѣдствія; 4) уменьшеніе числа судебныхъ инстанцій и 5) установленіе кассаціонныхъ судовъ какъ для огражденія обвиняемыхъ и истцовъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и для установленія въ странѣ общей юриспруденціи и повсемѣстно единообразнаго и правильнаго пониманія и примѣненія законовъ [2]).

Въ заключеніе, авторъ настаиваетъ на рѣшительномъ, не стѣсняясь затратами, улучшеніи матеріальнаго положенія судей и полномъ устраненіи заочнаго производства. Только въ отношеніи должностныхъ преступленій онъ остается при старыхъ порядкахъ, предлагая въ этомъ отношеніи даже сохранить письменную процедуру въ судебныхъ палатахъ [3]).

Не менѣе замѣчательны замѣчанія на проектъ неизвѣстнаго автора, препровожденныя министромъ юстиціи въ 1861 году во II отдѣленіе. Авторъ останавливается на положеніяхъ проекта, указывая на необходимость точныхъ опредѣленій о недопущеніи чрезвычайныхъ судовъ и административныхъ взысканій.

Та необходимая связь общественныхъ преобразованій съ правовымъ измѣненіемъ положенія личности въ государствѣ, которую такъ полно сознавали декабристы и выдающіеся сотрудники Александра I, ясно сознается и авторомъ замѣчаній. Онъ настаиваетъ на необходимости опредѣленныхъ указаній, что «не допускаются никакіе чрезвычайные суды или комиссіи», ибо безъ того правило статьи 8-й, говорящей только о судебномъ разсмотрѣніи дѣлъ, не будетъ имѣть «никакого практическаго значенія».

Авторъ вполнѣ понимаетъ значеніе этого правила и считаетъ его важнѣе всѣхъ другихъ общихъ положеній, почему и предлагаетъ поставить его во главѣ всего кодекса [4]).

Авторъ настаиваетъ далѣе на установленіи только двухъ видовъ приговоровъ: обвинительныхъ или оправдательныхъ, доказывая, что «признаніе преступленія недоказаннымъ», оставляемое проектомъ, есть то же самое absolutio ab instantia, которое имѣло столько печальныхъ послѣдствій въ инквизиціонномъ процессѣ [5]).

---

[1]) Дѣло № 1, л. 480.
[2]) Тамъ же, л. 480—481.
[3]) Дѣло № 1, л. 499—501.
[4]) Дѣло № 1, л. 294 и сл.
[5]) Дѣло № I, л. 295—297 Арх. Г. С

Гораздо меньшее значеніе авторъ придаетъ гласности суда, вообще очень не довѣряя возможности ея осуществленія въ жизни. Онъ ограничивается предложеніемъ допускать въ залъ суда лишь родственниковъ обвиняемаго, домохозяевъ города и присяжныхъ повѣренныхъ. Допущеніе публики въ болѣе широкихъ размѣрахъ «не даетъ, правду сказать, никакихъ гарантій ни собственно для правосудія, ни даже для соблюденія формъ» [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что наканунѣ освобожденія крестьянъ стали появляться въ судебномъ вѣдомствѣ идеи, правда, неполныя и несвязныя, о необходимости широкихъ преобразованій въ области судебнаго быта.

VII.

Причины долгой безуспѣшности работъ по судебному преобразованію.

Подводя итоги всему сказанному, необходимо указать на причины, по коимъ дѣло судебнаго пресбразованія было такъ малоуспѣшно за весь періодъ царствованія императора Николая I и первыя пять лѣтъ царствованія императора Александра II.

Уже по вступленіи на престолъ Николая I высшія правительственныя лица понимали необходимость существенныхъ государственныхъ преобразованій. Замѣчательныя соображенія въ этомъ отношеніи содержатся въ отчетѣ комиссіи для управленія государствомъ, которая была учреждена въ 1828 году при отъѣздѣ государя въ дѣйствующую армію и въ составъ которой вошли графъ Кочубей, графъ Толстой и князь Голицынъ.

«Расположеніе умовъ,—читаемъ въ отчетѣ комиссіи,—внутри имперіи есть вообще совершенно удовлетворительно. Спокойствіе вездѣ было сохранено, и не видно было нигдѣ и ни въ какомъ сословіи никакихъ порывовъ къ новизнамъ».

«Но должно признаться,—заканчиваетъ комиссія свой отчетъ,—что именно, по мѣрѣ оказаннаго уже Вашимъ Величествомъ благорасположенія къ подданнымъ Вашимъ, всѣ внутри пребываютъ въ нѣкоторомъ ожиданіи, что симъ не ограничите Вы, Всемилостивѣйшій Государь, благотворныя намѣренія Ваши, и что общими и существенными мѣрами довершите Вы великое предназначеніе Ваше» [2]).

Къ несчастью, полная неподготовленность императора къ государственной дѣятельности исключала для него возможность принять планъ широкихъ государственныхъ преобразованій и понять, что основная реформа судебнаго быта есть столько же слѣдствіе, сколько и причина основной реформы государственной. Въ своихъ разговорахъ съ французскимъ

---

[1]) Дѣло № 1, л. 320.

[2]) Заіончковскій, «Восточная война въ связи съ современной ей политической обстановкой», 1908 г., т. I, стр. 65.

посломъ Лаферронэ, императоръ Николай I прямо говорилъ, что очень страшился принятія управленія государствомъ, къ которому не былъ готовымъ, а въ письмѣ къ цесаревичу онъ съ большою печалью признавалъ внутреннія несовершенства своего управленія: «Никто не ощущаетъ большей потребности, чѣмъ я, быть судимымъ со снисходительностью. Но пусть же тѣ, которые судятъ меня, примутъ во вниманіе, какимъ необычайнымъ образомъ я вознесся съ поста недавно назначеннаго начальника дивизіи на постъ, который я занимаю въ настоящее время, кому я наслѣдовалъ и при какихъ обстоятельствахъ» [1]).

Въ то же время личныя свойства императора, отсутствіе въ немъ умѣнья выбирать необходимыхъ государственныхъ людей повели къ назначенію на наиболѣе отвѣтственный постъ министра юстиціи В. Н. Панина, полная непригодность котораго къ какимъ бы то ни было реформамъ общеизвѣстна [2]).

При этихъ условіяхъ ждать широкаго плана реформы судебной и государственной было невозможно. Но и въ обществѣ нашемъ, до самаго 1861 г., правительство не могло почерпнуть какихъ бы то ни было указаній, ибо общая печать молчанія, наложенная на общественную мысль, лишала возможности лучшія общественныя и научныя силы заниматься систематическимъ обсужденіемъ судебной реформы.

Въ какой мѣрѣ мысль, научная и общественная, была скована и была лишена возможности принять живое участіе въ дѣлѣ судебной реформы, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: каждая книга, относящаяся къ вопросамъ судоустройства и судопроизводства, шла, помимо общей цензуры, на разсмотрѣніе II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и въ министерство юстиціи.

11 февраля 1860 года главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи графъ Блудовъ сообщалъ министру народнаго просвѣщенія о своемъ согласіи на изданіе рукописи «русскаго гражданскаго права» Быкова, но при непремѣнномъ условіи, чтобы были сдѣланы опредѣленныя исправленія: «На листѣ первомъ, въ пунктѣ третьемъ, въ словахъ «супруги обязаны жить вмѣстѣ безразлучно», слово «безразлучно» лишнее и должно быть выпущено; въ § 11 сказано: «каждая дочь при живыхъ сыновьяхъ», надлежитъ написать «братьяхъ», и т. д. [3])».

3 января 1859 года министръ юстиціи запрашивалъ мнѣніе II отдѣленія о статьѣ Яневича-Яневскаго о судѣ присяжныхъ. Попутно графъ Панинъ излагалъ свои мысли вообще о предѣлахъ обсужденія обществомъ судебной реформы: «Разсужденія объ историческомъ развитіи и пользѣ суда присяжныхъ въ другихъ государствахъ и въ самой Россіи могли бы быть допущены, если бы сіи разсужденія заключались въ предѣлахъ историческаго или юридическаго изслѣдованія. Въ настоящей статьѣ изслѣдованія сіи тѣсно соединены съ политическими мыслями, несовмѣ-

---

[1]) Заіончковскій, цит. соч., т. I, стр. 55.
[2]) См. Заіончковскій, цит. соч., т. I, стр. 65.
[3]) Дѣло II отд. № 6. 1859 г. Отнош. II отдѣл. № 98.

стимыми съ образомъ нашего правленія, и потому обнародованіе ихъ допущено быть не можетъ». Въ дальнѣйшемъ министерство юстиціи находитъ невозможнымъ пользоваться цитатами изъ иностранныхъ статей, которыя «относятся до политическихъ сочиненій намъ чуждыхъ», и которыя въ цѣломъ ихъ видѣ не были бы дозволены къ переводу цензурой.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ министерство юстиціи находило статью Яневича-Яневскаго для печати недопустимой [1]).

Въ перепискѣ графа Блудова и Панина, относящейся къ этому времени, первый особенно высказывается противъ допущенія къ печати «философскихъ разсужденій», допуская историческія и доисторическія изслѣдованія, при чемъ боязнь обсужденія вопросовъ, касающихся судопроизводства, принимала иногда паническія формы.

Около 1860 года въ министерствѣ юстиціи предполагалось изданіе журнала «Время», въ которомъ, кромѣ оффиціальныхъ распоряженій правительства, хотѣли помѣщать и научные матеріалы. Изданіе этого журнала не состоялось, потому что въ безпрерывной перепискѣ съ Блудовымъ для министерства юстиціи постепенно отпадали почти всѣ вопросы, о которыхъ можно было разсуждать въ этомъ журналѣ. Любопытнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ служитъ рѣшительное возраженіе Блудова противъ помѣщенія въ этомъ журналѣ сообщеній о важнѣйшихъ уголовныхъ процессахъ въ иностранныхъ государствахъ. «Было бы неудобно, даже вредно и небезопасно для общественной нравственности, именно въ простомъ народѣ, вообще излишнее распространеніе гласности дѣлъ уголовныхъ» [2]).

Переписка главноуправляющаго II отдѣленіемъ съ министромъ юстиціи въ 1859 и 1860 годахъ обнаруживаетъ рѣшительно отрицательное отношеніе обоихъ вѣдомствъ къ введенію у насъ обвинительнаго начала и суда присяжныхъ.

Въ отношеніи отъ 21 іюля 1859 года Блудовъ прямо указываетъ, что его точка зрѣнія раздѣляется и императоромъ Александромъ II [3]).

Это не должно насъ удивлять: то сочувственное отношеніе, которое встрѣтилъ въ Александрѣ II планъ широкаго судебнаго преобразованія, относится уже къ періоду послѣ освобожденія крестьянъ.

Совершенно правъ былъ С. И. Зарудный, одинъ изъ вождей непрестанныхъ защитниковъ судебной реформы, когда онъ ставилъ въ причинную и непосредственную связь даты 19 февраля 1861 года и 20 ноября 1864 года [4]).

Во всеподданнѣйшей запискѣ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о положеніи крестьянской реформы въ началѣ сентября 1861 года прямо указывалось на необходимость преобразованій по судебной

---

[1]) Отнош. м. ю. во II отд. 3 января 1859 г., № 2942.
[2]) Отношеніе 21 іюля 1859 г., № 597.
[3]) Дѣло № 6 II отд. Архивъ Госуд. Совѣта.
[4]) Джаншіевъ, «С. И. Зарудный и судебная реформа». 1889 г., стр. 83—84.

части. «Для облегченія совершающагося нынѣ во всемъ пространствѣ Европейской Россіи хозяйственнаго переворота,—говорилось въ запискѣ,—необходимо усилить дѣятельность и поощрить предпріимчивость по разнымъ отраслямъ промышленности. Существенныя къ тому препятствія давно уже усмотрѣны въ недостаткахъ нашего судоустройства и судопроизводства» [1]).

До «великой реформы», какъ это видно изъ всего предыдущаго, правительство не признавало или не хотѣло связывать коренныя судебныя преобразованія съ общимъ строемъ государственнаго порядка. Всѣ позднѣйшія разсужденія о судѣ присяжныхъ, какъ объ учрежденіи неполитическомъ, заботливое стремленіе сохранить старыя начала должностной отвѣтственности, оставленіе на ряду съ судебными и административныхъ взысканій вытекали изъ этой основы.

Въ обществѣ нашемъ долго еще не могли понять всей глубины плана Сперанскаго и видныхъ декабристовъ, которые вводили судебную реформу только, какъ часть реформы государственнаго строя.

Ближайшее будущее очень быстро подтвердило, что реформа суда, неопирающаяся на общую систему конституціонной жизни, фатально обречена на искаженіе.

Отмѣна судовъ присяжныхъ за такія преступленія, какъ сопротивленіе власти, насилія надъ должностными лицами и т. д., введеніе сословныхъ судовъ, учрежденіе земскихъ начальниковъ и созданіе широкихъ основаній для примѣненія судовъ чрезвычайныхъ показали, что судъ не можетъ быть оазисомъ въ странѣ, незнающей правового порядка управленія. Наша задача была бы достигнута, если бы мы исторіей прошлаго эту истину хоть отчасти доказали.

В. Плетневъ.

---

[1]) Дѣло II отд. по преобр. суд. части № 1, л. 471.

Работы по составленію судебныхъ уставовъ. Общая характеристика судебной реформы.

I.

Судебная реформа, давшая Россіи Уставы 20-го ноября, была однимъ изъ проявленій «преображенія всей жизни», послѣдовавшаго за великимъ актомъ освобожденія крестьянъ. Какъ и другія «великія реформы», созданіе новаго суда тѣснѣйшимъ образомъ связано исторически и по существу съ отмѣной рабства. «Преобразованіе судебнаго устройства въ Россіи,—писалъ въ октябрѣ 1862 года И. С. Аксаковъ,—есть неотразимое послѣдствіе недавняго освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости». Недаромъ вдохновенные два стиха А. С. Хомякова, рядомъ съ «неправдой черной» на судѣ, корили «иго рабства», клеймившее Россію. Недаромъ злѣйшими врагами новаго суда, отъ начала его созданія и до настоящаго времени, были и остаются тайные и явные приверженцы идеаловъ крѣпостничества.

Историческая связь между отмѣной крѣпостного права и введеніемъ новыхъ судебныхъ порядковъ подтверждается прежде всего датами. Правда, задолго до 1861 года сознаны были правительствомъ отрицательныя черты стараго суда. Работы по пересмотру процессуальнаго законодательства начались еще въ 40-хъ годахъ, а въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онѣ были въ полномъ разгарѣ. Къ этому именно времени относится внесеніе на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта многочисленныхъ проектовъ, выработанныхъ II отдѣленіемъ собственной его Имп. Вел. Канцеляріи и особымъ Комитетомъ, причемъ «совершеніе основы этого труда», какъ говорить журналъ Соед. Деп. Гос. Сов. о преобразованіи судебной части въ Россіи, принадлежало графу Д. Н. Блудову. И въ этихъ проектахъ такъ много элементовъ будущихъ судебныхъ уставовъ, что въ нашей литературѣ была сдѣлана попытка—Г. А. Джаншіевымъ—на этомъ именно основаніи защитить Судебные Уставы отъ упрековъ въ чрезмѣрномъ радикализмѣ, въ порваніи всякой связи съ прошлымъ. И тѣмъ не менѣе до 1861 года

работы по преобразованію судебной части—весьма почтенныя, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, какъ указываетъ проф. И. Я. Фойницкій, даже мастерски составленныя, обречены были на обычныя мытарства перекочевыванія изъ одной канцеляріи въ другую, безъ ясной цѣли впереди [1]). Датой рѣшительнаго перелома было 23 октября 1861 года. Съ этого дня—восемью мѣсяцами отдѣленнаго отъ дня освобожденія крестьянъ—начались въ точномъ смыслѣ слова работы по составленію Судебныхъ Уставовъ.

Въ октябрѣ 1861 года, по возвращеніи изъ Крыма, императоръ Александръ II повелѣлъ представить ему свѣдѣнія о ходѣ всѣхъ вообще работъ Государственнаго Совѣта по судопроизводству и судоустройству. Въ исполненіе воли Государя, государственный секретарь В. П. Бутковъ представилъ всеподданнѣйшую записку, въ которой подчеркивались затрудненія, встрѣченныя государственной канцеляріей при докладѣ составленныхъ въ разное время и не согласованныхъ между собою проектовъ, и проводилась мысль о необходимости сперва опредѣлить и утвердить основныя начала предполагаемаго судопроизводства [2]).

Разсмотрѣвъ записку, государь, «признавая необходимымъ принять всѣ возможныя мѣры къ скорому и правильному окончанію этого дѣла, изволилъ найти, что, прежде внесенія въ общее собраніе Государственнаго Совѣта всѣхъ положеній и уставовъ по сему предмету, было бы полезно обсудить и разрѣшить главныя основныя начала судопроизводства и судоустройства» [3]).

Высказываясь въ такомъ смыслѣ, Александръ II санкціонировалъ мысль, положенную въ основаніе записки В. П. Буткова. И нѣсколько дней спустя, Высочайшее повелѣніе 23 октября 1861 г. одобрило подробный докладъ о порядкѣ разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія. Докладъ этотъ былъ написанъ С. И. Зарудnымъ, занимавшимъ въ то время мѣсто и. д. статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по деп-ту законовъ. Съ этого момента начинается яркая и значительная роль Заруднаго въ составленіи Судебныхъ Уставовъ.

Въ шести пунктахъ Высочайшаго повелѣнія 23 октября 1861 г. съ полной опредѣленностью и законченностью намѣчался тотъ путь, по которому съ поразительной быстротой пошли работы. Онѣ заняли всего три года и одинъ мѣсяцъ. Только при безконечной энергіи и работоспособности главныхъ дѣятелей возможенъ былъ такой результатъ.

Высочайшее повелѣніе 23 октября гласило:

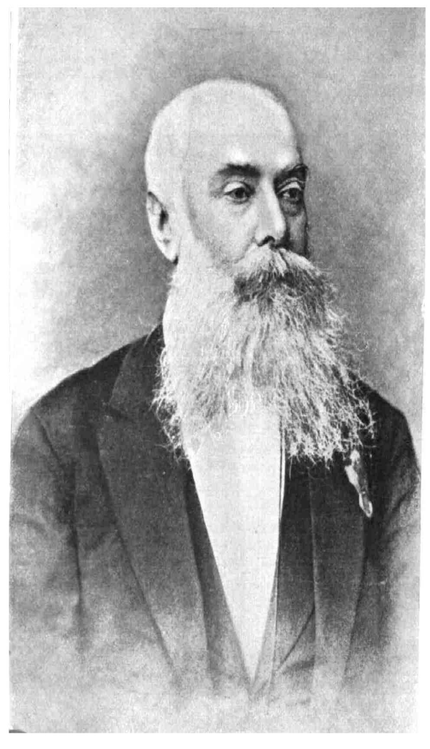
«1) Предоставить соединеннымъ департаментамъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, въ усиленномъ ихъ составѣ, гдѣ разсматриваются всѣ вообще проекты по устройству судебной части въ Имперіи, составить и внести въ общее собраніе Государственнаго Совѣта общую записку обо всемъ, что можетъ быть признано *относящимся* къ

---

[1]) См. выше статью В. Д. Плетнева.

[2]) *Гр. Джаншіевъ*, Эпоха великихъ реформъ, изд. 7-е, стр. 422.

[3]) Журн. Соед. Деп., 1862 г., № 65, стр. 7—8.



главнымъ, основнымъ началамъ предположеній для устройства судебной части въ Имперіи, такъ, чтобы сія записка обнимала въ возможной полнотѣ и ясности всѣ многоразличные предметы, къ сей части принадлежащіе, именно: 1) судоустройство; 2) судопроизводство гражданское; 3) судопроизводство уголовное, и, наконецъ, 4) нужныя временныя мѣры для перехода отъ порядка, нынѣ существующаго, къ предполагаемому новому.

2) Составленіе сей записки предоставить занимавшимся производствомъ сего дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ чиновникамъ государственной канцеляріи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря и подъ высшимъ наблюденіемъ статсъ-секретаря, д. т. с. графа Блудова, какъ предсѣдательствующаго въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскомъ, разсматривающихъ всѣ касающіеся устройства части судебной проекты.

3) Сію записку, по внесеніи оной въ соединенные департаменты и потомъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта и послѣ подробнаго оной разсмотрѣнія, вмѣстѣ съ имѣющими быть о томъ разсужденіями и заключеніями, представить на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, установленнымъ порядкомъ.

4) По разсмотрѣніи въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта всѣхъ основныхъ началъ предполагаемаго новаго устройства судебной части, приступить къ окончательной редакціи самыхъ проектовъ второго отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, съ тѣми исправленіями, дополненіями и вообще перемѣнами, которыя будутъ признаны нужными вслѣдствіе принятыхъ уже и удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія началъ.

5) Сіе окончательное исправленіе редакцій поручить государственной канцеляріи при содѣйствіи, по усмотрѣнію и распоряженію государственнаго секретаря, нѣкоторыхъ чиновъ второго отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи и министерства юстиціи, преимущественно юристовъ, коихъ замѣчанія не только на основаніяхъ науки, но и на практикѣ основанныя, могутъ быть въ семъ случаѣ весьма полезны, и при высшемъ наблюденіи соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго; и

6) Исправленные, такимъ образомъ, проекты, по мѣрѣ ихъ приготовленія, вносить черезъ соединенные департаменты въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, для окончательнаго, прежде представленія ихъ Его Величеству, разсмотрѣнія».

Какъ видно изъ текста Высочайшаго повелѣнія (п. 4), въ основу работы все-таки предполагалось положить проекты II отдѣленія. Задача должна была заключаться въ томъ, чтобы извлечь изъ нихъ основныя начала и установить окончательно эти начала, а затѣмъ редактировать построенные на нихъ проекты. Творческой эту работу нельзя было назвать. Она имѣла характеръ исключительно редакціонный, несамостоятельный. Будь она исполнена въ томъ именно видѣ, который предуказывался,—судебная реформа потеряла бы большую часть своего значенія,—да и трудно сказать, удалось ли бы ее довести до конца.

Въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ дальнѣйшій ходъ работъ изображается въ такомъ видѣ. Во исполненіе Высочайшей воли, государ-

ственная канцелярія составила, при участіи вызванныхъ для сего, по особому повелѣнію Его Величества, юристовъ, историческую записку объ основныхъ началахъ судоустройства и судопроизводства гражданскаго и уголовнаго, извлеченныхъ изъ проектовъ II отдѣленія. Здѣсь впервые появляются—въ оффиціальномъ изложеніи событій—имена тѣхъ, кто по справедливости могутъ быть названы піонерами судебной реформы. Въ работахъ государственной канцеляріи участвовали: состоящій при канцеляріи тайный совѣтникъ *Плавскій*, оберъ-прокуроръ общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената *Буцковскій*, и. д. статсъ-секретарей Государственнаго Совѣта *Стояновскій* и *Зарудный*, помощники статсъ-секретарей *Даневскій* и *Шубинъ*, оберъ-секретарь общаго собранія московскихъ департаментовъ сената *Побѣдоносцевъ*, московскій губернскій прокуроръ *Ровинскій* и экспедиторъ государственной канцеляріи *Вилинбаховъ*. Историческая записка была 22 января 1862 г. разослана всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта. «Назначенный, между тѣмъ, предсѣдателемъ департамента законовъ, предсѣдательствующій и въ соединенныхъ департаментахъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Гагаринъ, принимая во вниманіе, что замѣчанія, доставленныя на проекты судопроизводства и судоустройства вообще, касаются преимущественно главныхъ началъ проектовъ, и что одинъ простой сводъ ихъ по статьямъ не можетъ принести существенной пользы, а даже затруднитъ и замедлитъ разсмотрѣніе дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, призналъ необходимымъ, *дабы, при составленіи этого свода, въ общихъ чертахъ были изложены соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ* о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должна быть преобразована судебная часть въ Имперіи. Такое распоряженіе д. т. с. кн. Гагарина, по докладѣ о семъ Государю Императору, было удостоено Высочайшаго одобренія Его Величества».

Упоминая объ этомъ моментѣ, *Джаншіевъ* замѣчаетъ, что здѣсь впервые вещи названы ихъ собственными именами. «Рубиконъ былъ перейденъ. Китайская стѣна, отдѣлявшая въ теченіе сорока пяти лѣтъ наши законодательныя сферы отъ непосредственнаго воздѣйствія европейской науки и современнаго прогресса, пала... Благодаря этому крупному событію, а также господствовавшему въ то время въ русскомъ обществѣ либеральному настроенію, сдѣланъ былъ тотъ послѣдній логическій шагъ, безъ котораго предпринятое гр. Блудовымъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ дѣло судебной реформы осталось бы на полпути и недодѣланнымъ»[1]).

Несмотря на нѣкоторую преувеличенную восторженность, приведенныя слова правильно характеризуютъ значеніе того поворота, который съ формальной точки зрѣнія произошелъ въ началѣ 1862 года, по существу же опредѣлился съ момента передачи работъ въ вѣдѣніе государственной канцеляріи. Блудовскіе проекты, при всѣхъ своихъ достоин-

---

[1]) Джаншіевъ, ук. соч.. 425.

ствахъ, были продуктомъ иного времени, другихъ вѣяній. Въ концѣ 1861 г. они были скорѣе всего помѣхой на пути къ реформѣ въ настоящемъ смыслѣ слова. Какъ подготовительные матеріалы, они сыграли, несомнѣнно, крупную роль. И участниковъ въ работахъ государственной канцеляріи нельзя упрекнуть въ небрежномъ отношеніи къ трудамъ II отдѣленія. Нужно было только рѣшиться, взявъ отъ предшественниковъ все возможное и нужное, смѣло пойти впередъ, не боясь новыхъ словъ и коренныхъ измѣненій. Эта смѣлость—лучшая заслуга авторовъ судебной реформы. И среди нихъ, несомнѣнно, на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ С. И. Зарудный.

«Первый отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ по праву вручается С. И. Зарудному, какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ». Эти слова были написаны государственнымъ секретаремъ Бутковымъ, лучше всѣхъ знавшимъ истинное положеніе вещей и вполнѣ правильно оцѣнившимъ заслугу С. И. Заруднаго. По отношенію къ Судебнымъ Уставамъ онъ является тѣмъ же, чѣмъ былъ гр. Блудовъ для Улож. о наказ. 1845 года, или Н. С. Таганцевъ для Уголовнаго Уложенія 1903 г. Въ каждой крупной и сложной законодательной работѣ, помимо непосредственныхъ техническихъ работниковъ—порою, какъ въ данномъ случаѣ, среди нихъ же самихъ—долженъ быть человѣкъ, котораго житейскій языкъ называетъ «душою дѣла», центральная фигура, смотрящая на поставленную задачу, какъ на свою историческую миссію, объединяющая и вдохновляющая всѣхъ другихъ. Именно такимъ лицомъ и былъ Зарудный.

Былъ ли Зарудный подготовленъ къ такой роли? Само собою разумѣется, что врагамъ судебной реформы нетрудно отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, ссылаясь на отсутствіе у Заруднаго юридическаго университетскаго образованія, на нѣкоторую случайность его служебной карьеры. «Серьезные люди,—пишетъ въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ князь В. П. Мещерскій,—недоумѣвали, почему именно Зарудный попалъ въ спеціалисты. ...«Этотъ... маленькій въ іерархіи чиновничьей человѣкъ... кончилъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ, если не ошибаюсь, естественныхъ наукъ [1]), ни раньше, ни послѣ не думая, что ему будетъ суждено играть роль спеціалиста по судебной реформѣ... Онъ направился за границу, побывалъ во Франціи, побывалъ въ Италіи и привезъ съ собою находку: судебные итальянскіе уставы, какъ извѣстно, скопированные съ французскихъ, только съ большимъ оттѣнкомъ либерализма. И вотъ въ Петербургѣ всѣ ахнули... бѣдный Замятнинъ, какъ и многіе, смѣло вѣрили, что вся премудрость въ откровеніяхъ, привезенныхъ съ Запада Зарудnымъ... Я съ нимъ познакомился и долженъ признаться, что очень добродушно удивился, почему судьба такого обыкновеннаго по уму и столь мало юридически образованнаго человѣка избрала въ апостолы судебной реформы для Россіи и почему именно совсѣмъ юридически не-

---

[1]) Зарудный въ 1842 г. кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата математики.

образованный кандидатъ-математикъ или естественникъ былъ признанъ спеціалистомъ по судебной реформѣ. Можно было подумать, что главное, что составляло таинственную прелесть Заруднаго въ то время, было его фанатическое обожаніе къ (sic!) иностраннымъ судебнымъ порядкамъ и полное презрѣніе къ русскимъ порядкамъ, а обожаніе иностранныхъ порядковъ, въ свою очередь, происходило отъ мысли, что они проникнуты либерализмомъ» [1]).

Мы цитируемъ эту злобную тираду потому, что въ ней какъ бы конденсированы ходячіе... въ нѣкоторыхъ сферахъ упреки по адресу Судебныхъ Уставовъ и ихъ авторовъ, олицетворяемыхъ С. И. Зарудныхъ. Сколько разъ и раньше и позже великое дѣло судебной реформы пытались скомпрометировать указаніями на несамостоятельный характеръ Судебныхъ Уставовъ, на чужеземныя черты вновь вводимыхъ судебныхъ порядковъ! И. С. Аксаковъ, впослѣдствіи [2]) съ такою силой выступившій въ защиту новаго суда противъ людей съ «короткой памятью», такъ основательно забывшихъ, чѣмъ былъ «старый судъ», въ октябрѣ 1862 г., тотчасъ по обнародованіи основныхъ началъ судебной реформы, привѣтствовалъ ихъ статьей, въ которой слышались тѣ же ноты упрека. «Читая проектъ новаго судебнаго преобразованія, мы—не говоря теперь объ его внутреннемъ, безотносительномъ достоинствѣ,—можемъ сказать прямо, что оно совершенно свободно отъ всякой русской органической примѣси, не связано ни съ преданіями древней до-Петровской Руси, ни съ современнымъ народнымъ созерцаніемъ, ни даже съ прежнимъ отставляемымъ порядкомъ». «Нельзя, конечно, не изумиться быстротѣ нашего развитія, дѣятельности администраціи—и, отчасти, рѣзкости такихъ переходовъ отъ долговременной нищеты къ внезапному, неслыханному изобилію» [3]).

Ниже, давая общую оцѣнку Судебныхъ Уставовъ, мы коснемся по существу вопроса объ ихъ якобы заимствованномъ характерѣ. Здѣсь достаточно сказать, что хотя Зарудный дѣйствительно не получилъ высшаго юридическаго образованія, но едва ли это обстоятельство само по себѣ доказываетъ что бы то ни было. Не говоря о томъ, что преподаваніе юридическихъ наукъ въ Россіи 30-хъ годовъ (Зарудный родился 17 марта 1821 г.) находилось въ зачаточномъ состояніи, достаточно замѣтить, что Зарудный, начиная съ момента своего поступленія на службу по министерству юстиціи (въ 1843 г.), живо заинтересовался нашими судебными порядками, внимательно изучалъ ихъ, практически съ ними знакомился, и на ряду съ этимъ изучалъ и постановку судебнаго дѣла на Западѣ. Будучи человѣкомъ широкаго образованія, знавшимъ четыре иностранныхъ языка, обладая живымъ умомъ и большой работоспособностью, Зарудный въ короткое время имѣлъ возможность восполнить первоначальные недостатки своего образованія и—мало того—стать авторитетомъ. «Въ 1849 г.—пишетъ Джаншіевъ [4])—онъ успѣлъ настолько освоиться съ несложнымъ

---

[1]) *Чн. В. П. Мещерскій*, «Мои воспоминанія», I, стр. 314.
[2]) Въ 1884 г., въ «Руси».
[3]) *И. С. Аксаковъ*, собр. соч., IV, стр. 540.
[4]) Ук. соч., стр. 645.

багажемъ тогдашней русской юриспруденціи, что могъ съ честью занять важное въ то время мѣсто юрисконсульта при консультаціи министерства юстиціи. Благодаря своимъ способностямъ, трудолюбію и разносторонней подготовкѣ, а еще болѣе благодаря употребляемымъ новымъ юридическимъ пріемамъ, при разработкѣ текущихъ вопросовъ судебной практики, Зарудный выдвинулся сразу впередъ, какъ даровитый и знающій юристъ... Вскорѣ онъ пріобрѣлъ такой авторитетъ, что съ нимъ стали совѣтоваться въ затруднительныхъ случаяхъ оберъ-прокуроры и сенаторы». Въ 1852 г. Зарудный былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ комиссіи для составленія проекта гражданскаго судопроизводства. Въ 1856 г., будучи назначенъ дѣлопроизводителемъ комиссіи, учрежденной для раскрытія злоупотребленій по интендантству во время Крымской войны, Зарудный имѣлъ возможность близко изучить до-реформенные порядки въ администраціи и судѣ. Затѣмъ мы его видимъ помощникомъ статъ-секретаря Государственнаго Совѣта, участникомъ въ работахъ по освобожденію крестьянъ. Къ этому же времени относится его поѣздка за границу для изученія западнаго судоустройства и судопроизводства и—какъ результатъ поѣздки—спеціальныя работы по процессу.

Такимъ образомъ, въ 1861 г. Зарудный отнюдь не былъ тѣмъ плохо освѣдомленнымъ диллетантомъ, влюбленнымъ въ «либеральные» судебные порядки Зап. Европы, какимъ его рисуетъ кн. Мещерскій въ вышеприведенномъ отзывѣ. Напротивъ того, онъ и практически и теоретически былъ вполнѣ подготовленъ къ той работѣ, которая выпала ему на долю. Въ противномъ случаѣ онъ, конечно, очень скоро долженъ былъ бы стушеваться передъ своими коллегами, «опытными юристами», въ родѣ Буцковскаго или Ровинскаго. Между тѣмъ съ начала до конца онъ сохранилъ среди нихъ первенство ума, знаній, таланта, способности къ творчеству.

Мы не случайно, въ сочетаніи съ именемъ С. И. Заруднаго, упомянули имена Ровинскаго и Буцковскаго. Огромная заслуга этихъ двухъ лицъ заключается въ томъ, что они съ большою тщательностью разработали вопросъ о судѣ присяжныхъ и сумѣли блестяще и убѣдительно доказать желательность и возможность его введенія въ Россіи.

Въ своемъ превосходномъ очеркѣ жизни и трудовъ Д. А. Ровинскаго, А. Ѳ. Кони справедливо замѣчаетъ, что Ровинскому принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки вопроса о судѣ присяжныхъ. «Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и построенныхъ на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣріи къ ихъ развитію [1]). Записка Ровинскаго, посвященная разбору и опроверженію отрицательныхъ взглядовъ на судъ присяжныхъ, высказанныхъ въ 1860 г. гр. Блудовымъ (въ «Общей объяснительной запискѣ къ проекту новаго устава судопроизводства»), является первой работой въ этой до тѣхъ поръ недоступной области, и соображенія, здѣсь высказанныя, до сихъ поръ не утратили своей цѣн-

[1]) *А. Ѳ. Кони.* За послѣдніе годы, стр. 279.

ности [1]). А въ то время значеніе ея должно было быть огромно. Ровинскій былъ не только настоящимъ юристомъ, превосходно знающимъ наши порядки—и судебные, и тюремные,—онъ былъ глубокимъ знатокомъ народнаго быта и народной психологіи, и въ этомъ качествѣ былъ вооруженъ съ ногъ до головы для борьбы съ тѣми воззрѣніями, которыя коренились въ неправильномъ, отвлеченномъ и предвзятомъ представленіи объ этихъ двухъ областяхъ. Оттого полемика его, живая и яркая, не имѣетъ характера абстрактнаго юридическаго спора. Въ этомъ вопросѣ—наиболѣе, быть можетъ, жизненномъ во всей сферѣ вопросовъ, касающихся уголовнаго правосудія,—Ровинскій всегда употребляетъ аргументы, даваемые непосредственнымъ изученіемъ жизни, подкрѣпляя ихъ практическими примѣрами. Оттого его доводы должны были казаться неотразимыми. Они не покоились на «умозрительныхъ положеніяхъ», а на фактахъ, не подлежащихъ отрицанію.

Въ своей біографіи Ровинскаго, А. Ѳ. Кони замѣчаетъ, что піонеры судебной реформы распадались на четыре главныя группы. Первую составляли чистые *теоретики*, вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ политико-юридическихъ принципахъ; ко второй принадлежали *подражатели*, стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ большею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями *третьей* группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже учрежденій и пріемовъ судопроизводства и желавшіе медленнаго, осторожнаго и постепеннаго перехода отъ стараго къ новому... Наконецъ, *четвертая* группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣятелей, желавшихъ обновленія судебнаго строя, для полнаго разрыва съ которымъ [2]) они черпали основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, но изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ и изъ довѣрія къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа [3]).

Къ этой послѣдней группѣ А. Ѳ. Кони относитъ большинство «отцовъ Судебныхъ Уставовъ», т.-е. членовъ комиссіи, выработавшей основныя положенія преобразованія судебной части. Въ нее онъ включаетъ Ровинскаго, хотя и съ оговорками.

Конечно, классификація эта является приблизительной. Она скорѣе намѣчаетъ *направленія*, чѣмъ группируетъ *лицъ*, и въ одномъ и томъ же лицѣ могли соединяться и чисто-теоретическіе принципы съ желаніемъ обновленія существующаго судебнаго строя, со знаніемъ русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ, съ довѣріемъ къ русскому народу. Таковымъ намъ представляется С. И. Зарудный, котораго все его прошлое

---

[1]) Они подробно изложены въ очеркѣ *А. Ѳ. Кони*, а также у *Джаншіева*, ук. соч., стр. 737, слѣд.

[2]) Т.-е. со *старымъ* строемъ (В. Н.).

[3]) *А. Ѳ. Кони*, указ. соч., стр. 274.

Возвращаемся къ изложенію историческаго хода событій. Съ января по апрѣль 1862 г. въ государственной канцеляріи, при участіи вызванныхъ по Высочайшему повелѣнію юристовъ, шла дѣятельная работа, результатомъ которой явились «*соображенія*», изложенныя въ особыхъ запискахъ: 1) объ основныхъ началахъ гражданскаго судопроизводства; 2) объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства; 3) объ основныхъ началахъ судоустройства; 4) объ особыхъ родахъ уголовнаго судопроизводства; 5) о переходныхъ мѣрахъ отъ существующаго нынѣ судебнаго порядка къ порядку новому; 6) о числѣ и штатахъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Первыя двѣ записки были представлены Вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, предсѣдательствовавшимъ въ Государственномъ Совѣтѣ, на усмотрѣніе Государя. Результатомъ этого было Высочайшее повелѣніе 9 апрѣля 1862 г., которымъ предписывалось: составленныя государственною канцеляріею, при участіи призванныхъ для этого дѣла юристовъ, соображенія и основныя положенія внесть на разсмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго Государственнаго Совѣта, въ усиленномъ ихъ составѣ, въ присутствіи министра юстиціи, предоставивъ симъ департаментамъ: 1) требовать всѣ необходимыя объясненія отъ составителей записокъ, коимъ по этому случаю и находиться при всѣхъ засѣданіяхъ департаментовъ, и 2) представить всѣ работы, со своимъ заключеніемъ, въ общее собраніе Государственнаго Совѣта установленнымъ порядкомъ.

Въ «соображеніяхъ» государственной канцеляріи мы уже находимъ въ зернѣ всѣ основные принципы, на которыхъ построены Судебные Уставы.

Въ отношеніи *гражданскаго* судопроизводства «соображенія» находили, что существенными главными началами, отъ коихъ зависитъ система гражданскаго судопроизводства, надлежало бы принять слѣдующія:

I. Власть судебная отдѣляется отъ исполнительной.

II. Основною формою судопроизводства принимается процессъ состязательный.

III. Гражданское судопроизводство должно быть гласное.

IV. Гражданскія дѣла подлежатъ разрѣшенію по существу только въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ. Всѣ дѣла, изъятыя изъ вѣдомства мировыхъ судовъ, начинаются въ уѣздномъ судѣ. На всѣ рѣшенія уѣзднаго суда (кромѣ рѣшеній по апелляціи на мировой судъ) допускается апелляція въ судебную палату.

V. Судебная палата рѣшаетъ всѣ дѣла окончательно. Рѣшенія палатъ могутъ быть отмѣняемы, въ случаѣ явнаго нарушенія или неправильнаго примѣненія закона, только въ кассаціонномъ порядкѣ.

VI. Для всѣхъ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ установляются два главные порядка судопроизводства: общій и сокращенный.

VII. Въ общемъ порядкѣ предварительная письменная подготовка дѣла производится, прежде явки тяжущихся въ судъ, сообщеніемъ отъ одного тяжущагося другому состязательныхъ бумагъ, чрезъ посредство суда, но явившіеся тяжущіеся допускаются къ словесному состязанію при докладѣ дѣла лично или чрезъ повѣренныхъ.

VIII. Въ сокращенномъ порядкѣ предварительная письменная подготовка дѣла производится по явкѣ тяжущихся въ тотъ городъ, гдѣ находится судъ.

Изъ этихъ «главныхъ началъ» «соображенія» выводятъ основныя положенія устава гражданскаго судопроизводства. Они изложены въ 149 ти статьяхъ, обнимающихъ судопроизводство тяжебное (144 статьи) и судопроизводство охранительное или неспорное (разсмотрѣніе судебными мѣстами жалобъ по дѣламъ, нынѣ называемымъ дѣлами судебнаго управленія). Судопроизводство тяжебное распадается на отдѣлы: 1) о судопроизводствѣ въ судахъ мировыхъ (стт. 1—6) и 2) о судопроизводствѣ въ судахъ общихъ (стт. 7—144). Этотъ послѣдній, въ свою очередь, включаетъ въ себѣ правила: 1) общія (ст. 7—25); 2) о подсудности (ст. 26—34); 3) о приготовленіи дѣла къ рѣшенію (ст. 35—58); 4) о докладѣ дѣла и рѣшеній (ст. 59-68); 5) о способахъ обжалованія рѣшеній (ст. 69—82); 6) о сокращенномъ порядкѣ судопроизводства (ст. 83—96); 7) объ особыхъ родахъ судопроизводства (ст. 97—117); 8) объ исполненіи рѣшеній (ст. 118—130), и 9) о судебныхъ издержкахъ. Правила о судопроизводствѣ въ судахъ мировыхъ кратки; они устанавливаютъ компетенцію мировыхъ судей (иски по личнымъ обязательствамъ и договорамъ и о движимости не свыше 500 р.; иски о вознагражденіи за ущербъ и убытки, если количество оныхъ не превышаетъ 500 рублей, или же во время предъявленія иска не можетъ быть положительно извѣстно; иски о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, если съ нарушеніемъ не соединяется преступленіе). Далѣе, установляется право мировыхъ судей рѣшать окончательно дѣла по искамъ не свыше 30 рублей. Въ качествѣ второй апелляціонной и окончательной инстанціи ст. 4 правилъ называетъ уѣздный или окружный судъ. Наконецъ, въ остальныхъ двухъ статьяхъ упоминается объ освобожденіи мирового производства отъ всякихъ пошлинъ, объ устномъ, публичномъ и примирительномъ его характерѣ.

Гораздо подробнѣе разработаны постановленія о судопроизводствѣ въ судахъ общихъ. «Вступительныя общія правила» повторяютъ (въ стт. 7—14) вышеприведенныя главныя начала и затѣмъ даютъ рядъ общихъ указаній о порядкѣ, въ коемъ начинаются спорныя гражданскія дѣла, о производствѣ мѣстныхъ изслѣдованій и повѣркѣ доказательствъ, объ опредѣленіи мѣстожительства тяжущагося и о процессуальныхъ правахъ тяжущихся и ихъ повѣренныхъ. Въ остальныхъ затѣмъ 119-ти статьяхъ, кромѣ правилъ о подсудности и о судебныхъ издержкахъ, довольно подробно предусматриваются всѣ фазисы движенія дѣла, начиная отъ подачи искового прошенія и кончая исполненіемъ рѣшенія.

«Соображенія», касающіяся уголовнаго судопроизводства, останавливаются подробно на рядѣ общихъ вопросовъ, отъ того или другого принципіальнаго рѣшенія которыхъ зависитъ та или другая постановка основныхъ уголовно-процессуальныхъ институтовъ.

Прежде всего—въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «О силѣ доказательствъ», они касаются так. наз. законной теоріи доказательствъ, принятой до-реформеннымъ процессомъ, и противупоставляютъ ему внутреннее убѣ-

жденіе судей, основанное на впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ совокупностью всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Слѣдуя въ этомъ отношеніи по пути, указанному проектомъ II отдѣленія, «соображенія» отказываются отъ законной теоріи доказательствъ и признаютъ, что «помѣщаемыя въ уставѣ уголовнаго судопроизводства правила о силѣ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ, по внутреннему убѣжденію судей. Другими главнѣйшими основными положеніями въ этой области являются положенія о томъ, что:

а) приговоръ можетъ быть только: или осуждающій подсудимаго, или оправдывающій его; оставленіе въ подозрѣніи, или освобожденіе отъ наказанія, по недостаточности доказательствъ, не допускаются;

б) рѣшеніе о винѣ или невинности подсудимаго, постановленное по внутреннему убѣжденію судей, должно быть признаваемо окончательнымъ,—ибо для повѣрки такого убѣжденія не можетъ быть никакого внѣшняго мѣрила;

в) оправданный или наказанный по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу, не можетъ быть вторично судимъ за то же преступленіе, хотя бы и открылись новыя доказательства, обнаруживающія или увеличивающія вину его.

Обращаясь, вслѣдъ затѣмъ, къ вопросу объ отдѣленіи власти судебной отъ обвинительной, «соображенія» кратко мотивируютъ слѣдующія основныя положенія:

1) непосредственный надзоръ за производствомъ слѣдствій возлагается исключительно на прокуроровъ;

2) всѣ свѣдѣнія о поводахъ къ слѣдствіямъ должны сосредоточиваться у прокуроровъ и отъ нихъ зависитъ распоряженіе о начатіи слѣдствій, за исключеніемъ случаевъ, въ коихъ слѣдствіе производится по жалобѣ частнаго лица, или когда, по закону, слѣдователь обязанъ приступать къ слѣдствію по сообщеніямъ мѣстныхъ властей, или по собственному усмотрѣнію; но и въ сихъ случаяхъ о начатіи слѣдствій должно быть непремѣнно сообщаемо прокурору для дальнѣйшаго за производствомъ оныхъ надзора;

3) по праву сего надзора, прокуроръ имѣетъ власть предлагать слѣдователю, а иногда и прямо требовать, чтобы была принята та или другая мѣра;

4) для полноты надзора за всѣмъ, относящимся къ производству слѣдствій, необходимо, чтобы и полицейскіе чины, по предмету производимыхъ ими дознаній о преступленіяхъ и проступкахъ, были также подчинены прокурорамъ;

5) засимъ судебныя мѣста могутъ входить въ разсмотрѣніе порядка производства слѣдствій только по жалобамъ частныхъ лицъ на притѣсненія или другія неправильныя дѣйствія слѣдователей, а также въ случаѣ пререканій между слѣдователемъ и прокуроромъ.

«Сими постановленіями—говорятъ «соображенія»—будетъ положено основаніе правильному разграниченію обязанностей прокурора отъ обязанностей судебной власти». Засимъ, въ развитіе этого начала, «соображенія»

проектируютъ правила о порядкѣ составленія прокуроромъ «акта обвиненія», подлежащаго заблаговременному предъявленію обвиняемому (съ правомъ послѣдняго указать суду на доказательства, которыми онъ желаетъ опровергать обвиненіе), о правахъ прокурора при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ, о правѣ его предлагать свое заключеніе о примѣненіи закона о наказаніяхъ, а въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, требовать, посредствомъ протеста, чтобы приговоръ былъ пересмотрѣнъ высшимъ судомъ.

Постановка преданія суду исходитъ изъ того положенія, что «было бы въ высшей степени неудобно и противно строгой справедливости, если бы судъ, который долженъ рѣшить дѣло, самъ предварительно постановлялъ о преданіи обвиняемаго суду».—Для устраненія сего, и дабы подсудимые не видѣли въ судьяхъ преждевременныхъ обвинителей, представляется необходимымъ: 1) заключеніе, какъ о преданіи подозрѣваемаго суду, такъ и о прекращеніи слѣдствія, предоставить прокурору; 2) въ предупрежденіе неправильнаго преданія суду или прекращенія слѣдствія, постановить, что заключенія прокурора окружнаго суда о преданіи суду по обвиненію въ тяжкихъ преступленіяхъ, т.-е. влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно и о прекращеніи производства дѣла, представляются прокурору, состоящему при палатѣ, который предлагаетъ о томъ на разрѣшеніе палаты; 3) что въ случаѣ прекращенія слѣдствія по опредѣленію палаты, освобожденный отъ слѣдствія можетъ быть преданъ суду по тому же дѣлу не иначе, какъ особымъ опредѣленіемъ палаты».

Переходя, далѣе, къ одному изъ основныхъ вопросовъ новаго процесса—къ вопросу о «повѣркѣ слѣдствія въ присутствіи суда», «соображенія» находятъ необходимымъ пойти значительно дальше тѣхъ зачаточныхъ постановленій, которыя были предположены проектомъ II отдѣленія [1]). «Соображенія» указываютъ, что хотя правилами, проектированными II отдѣленіемъ, можетъ значительно улучшиться существующій порядокъ, но они недостаточны для доставленія судьямъ средствъ къ правильной оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Для доставленія судьямъ возможности произвести приговоръ о винѣ или невинности подсудимаго, по внутреннему убѣжденію, необходимо развить эти начала. «Единственно дѣйствительнымъ средствомъ къ сему представляется полная повѣрка слѣдствія въ самомъ засѣданіи суда, посредствомъ передопроса подсудимыхъ, свидѣтелей и другихъ, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и разсмотрѣнія всѣхъ другихъ доказательствъ». «Соображенія» обстоятельно мотивируютъ этотъ выводъ. Они говорятъ о томъ, что «при бытности въ судѣ всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, всякое сомнѣніе, въ чемъ бы оно ни состояло и къ чему бы ни относилось, можетъ быть разрѣшено вслѣдъ затѣмъ, какъ возникаетъ. Ложь становится труднѣе, потому что подсудимому и свидѣтелямъ не легко говорить неправду въ глаза другъ другу, да и нѣтъ въ томъ никакой пользы, ибо всякое ложное слово тотчасъ же

[1] См. выше.

опровергается»... «Еще важнѣе непосредственное наблюденіе надъ самимъ подсудимымъ: нечистая совѣсть сама себя изобличаетъ и во внѣшнихъ знакахъ нерѣдко обнаруживается очевиднѣе, чѣмъ на словахъ».

«Повѣрка слѣдствія въ присутствіи судей, имѣющихъ постановить приговоръ, есть единственное средство къ достиженію правосудія въ дѣлахъ уголовныхъ. При рѣшеніи дѣла по письменнымъ актамъ, самые добросовѣстные судьи могутъ подписать приговоръ объ осужденіи невиннаго, если слѣдователи или докладчикъ умышленно или по невниманію къ дѣлу исказили фактъ слѣдствія. До сихъ поръ мы могли обходиться безъ повѣрки слѣдствія въ судѣ собственно потому, что законы наши не дозволяли осужденія по однѣмъ уликамъ. Но нельзя и подумать о допущеніи суждения по уликамъ безъ доставленія судьямъ возможности прослѣдить самимъ, какъ по вещественнымъ доказательствамъ, такъ и по живымъ рѣчамъ показателей, всѣ факты слѣдствія, потому что значеніе уликъ зависитъ нерѣдко отъ такихъ оттѣнковъ, въ опредѣленіи которыхъ судьи не могутъ положиться на чужой взглядъ, безъ непосредственнаго личнаго наблюденія».

«Основываясь на сихъ соображеніяхъ, слѣдовало бы письменный докладъ дѣлъ суду замѣнить повѣркою слѣдствія въ судѣ, т.-е. такъ называемое формальное слѣдствіе или слѣдствіе по собраннымъ уликамъ производить въ засѣданіи суда, долженствующаго рѣшить дѣло».

До сихъ поръ «соображенія государственной канцеляріи» берутъ исходнымъ пунктомъ предположенія II отдѣленія. Въ отдѣлѣ «о составѣ присутствія суда для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ» они, наоборотъ, совершенно отрѣшаются отъ этихъ предположеній и ставятъ ребромъ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ.

Обоснованіе необходимости этого института отправляется отъ общей посылки, согласно которой «условіями, внушающими общее довѣріе къ уголовному суду, обыкновенно почитаются: 1) отдѣленіе въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о *виновности* отъ вопроса о *наказаніи*, съ предоставленіемъ разрѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ судьямъ; 2) многочисленность судей, принимающихъ участіе въ рѣшеніи дѣла, и 3) широкое право отвода судей какъ обвиняемымъ, такъ и обвинителемъ». Всѣ эти условія указываютъ прямо на существующій въ иностранныхъ государствахъ судъ присяжныхъ.

«Дѣйствительно, невозможно представить себѣ какое-либо существенное улучшеніе въ уголовномъ судопроизводствѣ, не прибѣгая къ такому суду».

Приходя къ такому выводу, «соображенія» должны были, разумѣется, считаться съ возраженіями противъ суда присяжныхъ. Главнымъ такимъ возраженіемъ они считаютъ указаніе на то, что народъ нашъ недостаточно еще развитъ для того, чтобы входить въ соображенія, требующія и тонкаго анализа и логическихъ выводовъ. «Конечно,—отвѣчаютъ «соображенія»,—развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ отношеніи пра-

вильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятія о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ». Также неубѣдительно и мнѣніе «нѣкоторыхъ теоретиковъ», что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ. «Соображенія» утверждаютъ, что такое мнѣніе, какъ доказано многими учеными криминалистами и практиками, не имѣетъ надлежащаго основанія; но если бъ оно и было вѣрно, то «отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера, какъ это сдѣлано въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ, установившихъ у себя въ недавнее время судъ чрезъ присяжныхъ».

Едва ли чѣмъ-нибудь другимъ, какъ «политическими» соображеніями, можно объяснить дѣлаемое далѣе сближеніе присяжныхъ засѣдателей съ существующимъ уже учрежденіемъ сословныхъ засѣдателей. Хотя составители «соображеній» (Буцковскій) и утверждаютъ, что это учрежденіе «заключаетъ уже въ себѣ нѣкоторые элементы суда присяжныхъ», и что его «нужно только развить согласно съ требованіями правильнаго образованія суда», но изъ всего хода ихъ разсужденій хорошо видно, что они сами отчетливо понимаютъ коренную принципіальную разницу между старыми сословными засѣдателями и присяжными, совершенно самостоятельно и независимо отъ короннаго элемента, свободно по внутреннему убѣжденію рѣшающими вопросъ о виновности,—и что это сближеніе притянуто за волосы только для того, чтобы придать болѣе безобидный характеръ предлагаемому новшеству.

Нужно, однако, замѣтить, что составителямъ «соображеній» не вполнѣ ясно представлялась истинная сущность того учрежденія, которое они предлагали. Подъ «политическимъ» его значеніемъ они, повидимому, понимали участіе присяжныхъ въ судѣ по политическимъ преступленіямъ, и обставляя, какъ мы сейчасъ увидимъ, особыми условіями это участіе, они полагали, что они устраняютъ возможную политическую опасность. Повидимому, они не отдавали себѣ отчета въ томъ, что центръ тяжести вопроса заключается въ томъ, признавать ли или не признавать такъ называемую «omnipotence du jury», т.-е. абсолютно неограниченное право—невзирая на полное изобличеніе даже и сознавшагося преступника и на отсутствіе законной причины невмѣненія ему въ вину совершеннаго имъ преступленія—оправдать его. «Отъ присяжныхъ судей собственно требуется рѣшеніе того: изобличается ли подсудимый въ преступленіи, которое выставлено обвиненіемъ и слѣдствіемъ». При такой точкѣ зрѣнія, разъ подсудимый «изобличенъ», то не можетъ быть рѣчи о его оправданіи. И далѣе, «соображенія» говорятъ о томъ, что надо «дать нашимъ сословнымъ засѣдателямъ надлежащее значеніе судей одной фактической стороны уголовнаго дѣла, т.-е. образовать изъ нихъ присяжныхъ судей со всѣми гарантіями, представляемыми этимъ учрежденіемъ». Составители не задавались вопросомъ о гарантіяхъ *противъ* этого учрежденія. Съ ихъ стороны, тутъ не было никакого лукавства. Имъ, несомнѣнно, совершенно не приходили въ голову тѣ картины, которыя впослѣдствіи осуществились: оправданія

такъ наз. «завѣдомо» виновныхъ. Но если бы сомнѣнія подобнаго рода и появились, то все равно никакихъ «гарантій» не удалось бы создать, ибо такихъ гарантій и нѣтъ, т.-е. ихъ нѣтъ и не можетъ быть въ *законѣ*. Въ этомъ отношеніи англійскій присяжный судъ по существу ничѣмъ не отличается отъ континентальнаго. И въ Англіи коронный элементъ не имѣетъ никогда и ни при какихъ условіяхъ права *потребовать* отъ присяжныхъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ о виновности. И въ Англіи совѣщаніе присяжныхъ происходитъ въ тайнѣ, они не мотивируютъ своего вердикта. И если въ Англіи случаи «помилованія» подсудимаго присяжными вовсе не происходятъ, то это объясняется двумя обстоятельствами: требованіемъ единогласія—съ одной стороны, и глубокой вѣрой въ необходимость поддерживать авторитетъ велѣній закона и въ цѣлесообразность наказаній. Эта вѣра настолько распространена, сознаніе важности исполняемой присяжными общественной функціи настолько прочно, что едва ли могутъ найтись двѣнадцать человѣкъ, которые бы согласились въ опредѣленномъ случаѣ «не считаться съ закономъ», оправдать преступника по какимъ-нибудь мотивамъ жалости или человѣколюбія. Хорошо это, или худо—другой вопросъ, но это такъ, и оттого въ Англіи, несмотря на полное отсутствіе какихъ-либо императивныхъ указаній закона, никогда не возникало тѣхъ треній между короннымъ и народнымъ элементомъ, между присяжными и представителями власти, даже между присяжными и общественнымъ мнѣніемъ, которыя мы видимъ и у себя, и во Франціи (пресловутыя—за послѣдніе годы—ламентаціи по поводу l'enervement de la répression, подъ вліяніемъ снисходительности всемогущаго жюри).

Возвращаемся къ «соображеніямъ». Любопытно отмѣтить, что среди проектируемыхъ ими правилъ имѣется одно, согласно которому предлагаемые присяжнымъ вопросы разрѣшаются по большинству не менѣе двухъ третей голосовъ. Далѣе, въ отличіе отъ принятаго впослѣдствіи порядка, рѣчь предсѣдателя суда, излагающая вкратцѣ сущность дѣла, объясняющая присяжнымъ правила о доказательствахъ, и законы, относящіеся къ разсматриваемому преступленію,—должна была предшествовать постановкѣ на разрѣшеніе присяжныхъ вопросовъ, относящихся «къ тѣмъ существеннымъ обстоятельствамъ дѣла, которыми опредѣляется вина или невинность подсудимаго».

Говоря далѣе объ устности и гласности въ уголовномъ судопроизводствѣ, «соображенія» замѣчаютъ, что первая вытекаетъ сама собою изъ принятаго начала повѣрки слѣдствія въ судѣ. «Протоколы о показаніяхъ свидѣтелей и подсудимыхъ замѣнятся живымъ словомъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ коихъ, по совершенной невозможности явки на судъ свидѣтеля, должно будетъ, по необходимости, допустить представленіе суду протокола о снятомъ съ него допросѣ». Что касается гласности суда, то она до такой степени необходима и для объясненія истины, и для огражденія подсудимыхъ, и, наконецъ, для побужденія самихъ судей къ тщательному изученію дѣлъ и правосудному ихъ рѣшенію, что «въ пользѣ гласности не можетъ быть никакого сомнѣнія». Полемизируя съ защитниками канцелярской тайны, утверждающими, будто гласность

превращаетъ уголовныя судебныя мѣста въ школу разврата и вслѣдствіе этого имѣетъ вредное вліяніе на нравственность народа, «соображенія» признаютъ, что есть категоріи преступленій—явно соблазнительныя и оскорбительныя для нравственнаго чувства,—которыя могутъ быть судимы при закрытыхъ дверяхъ. Въ отношеніи же всѣхъ другихъ преступленій отъ гласности можно, наоборотъ, ожидать самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій. «Устная борьба лжи съ истиной всегда трудна, а въ открытомъ состязаніи посредствомъ живого слова почти невозможна». Съ другой стороны, опасность дурного примѣра—мнимая. Конечно, «человѣкъ злонамѣренный можетъ изъ всего сдѣлать злоупотребленіе», но «разсказъ объ обстоятельствахъ преступленія можетъ заронить мысль о преступленіи лишь въ душу, уже готовую къ нему». И «соображенія» кончаютъ утвержденіемъ: «Опыты доказываютъ, что съ введеніемъ гласности въ уголовномъ судѣ, число преступленій нигдѣ не увеличивалось, а, напротивъ, значительно уменьшалось».

Усиливая средства судебной репрессіи, необходимо озаботиться и средствами законной защиты обвиняемыхъ. Здѣсь, слѣдуя проекту II отдѣленія, «соображенія» рекомендуютъ: 1) уничтоженіе всякой для состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ тайны объ имѣющихся противъ нихъ доказательствахъ и уликахъ; 2) дозволеніе подсудимымъ представлять лично суду, послѣ доклада дѣлъ, свои объясненія; 3) защиту ихъ чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ; 4) расширеніе права обжалованія судебныхъ приговоровъ, и 5) допущеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, жалобъ на окончательные приговоры. Съ другой стороны, они рѣшительно возражаютъ противъ предположеннаго проектомъ введенія «общихъ слѣдственныхъ депутатовъ», съ тѣмъ, чтобы при каждомъ слѣдствіи, съ самаго начала, находился, если не депутатъ отъ вѣдомства, къ которому принадлежитъ обвиняемый или подозрѣваемый, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ общихъ депутатовъ. «Соображенія» отрицательно относятся къ присутствію депутатовъ на слѣдствіи вообще, находя его совершенно безполезнымъ, крайне обременительнымъ, съ успѣхомъ могущимъ быть замѣненнымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, присутствіемъ понятыхъ.

Разсуждая о числѣ судебныхъ инстанцій и порядкѣ перехода дѣлъ уголовныхъ изъ низшихъ инстанцій въ высшія, «соображенія» существенно расходятся съ проектомъ II отдѣленія. По предположеніямъ послѣдняго устанавливаются для всѣхъ дѣлъ не болѣе двухъ инстанцій: для дѣлъ менѣе важныхъ—уѣздный судъ, а затѣмъ палата, для дѣлъ важнѣйшихъ—палата и сенатъ, причемъ въ отношеніи дѣлъ первой категоріи переходъ на ревизію палаты *по силѣ самаго закона* требуется только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ отношеніи же дѣлъ важнѣйшихъ—онъ обязателенъ для всѣхъ безъ изъятій. Соглашаясь съ установленіемъ двухъ инстанцій, «соображенія» приводятъ рядъ «практическихъ замѣчаній» противъ предположенія о ревизіи уголовныхъ дѣлъ по силѣ самаго закона, указывая, что «мѣра эта, основанная какъ бы на недовѣріи къ судебнымъ мѣстамъ, высказываемомъ самимъ закономъ, несовмѣстна съ должнымъ къ суду уваженіемъ и равнымъ образомъ несовмѣстна съ свойствомъ рѣшенія о винѣ или невинности подсудимаго по внутреннему убѣжденію судей».

Съ другой стороны, введеніе суда присяжныхъ должно было измѣнить и планъ устройства самыхъ инстанцій, устраняя палату въ качествѣ первой инстанціи для важнѣйшихъ дѣлъ. Но затѣмъ «соображенія» сходятся съ проектомъ II отдѣленія и по вопросу объ освобожденіи начальниковъ губерній отъ разсмотрѣнія уголовныхъ приговоровъ, и въ отношеніи постановки кассаціоннаго порядка. Но они опять-таки становятся въ прямое противорѣчіе къ этому проекту по другому, существенному съ принципіальной точки зрѣнія вопросу,—о представленіи приговоровъ на Высочайшее усмотрѣніе. Находя, что этотъ порядокъ надлежало бы не развивать (какъ предполагалъ проектъ), а наоборотъ, совершенно упразднить, составители «по важности сего вопроса» не рѣшились практически довести свою мысль до конца и сохранили осуждаемый ими порядокъ для двухъ категорій лицъ—дворянъ и чиновниковъ.

Наконецъ, въ вопросѣ о производствѣ дѣлъ въ мировыхъ судахъ, «соображенія» принимаютъ предположенія проекта II отдѣленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ находятъ нужнымъ нѣсколько расширить кругъ вѣдомства мировыхъ судовъ и власть ихъ въ окончательномъ рѣшеніи дѣлъ о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ. Въ результатѣ «соображенія» предлагаютъ предоставить мировому суду всѣ безъ изъятія дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, которыя по закону вчиняются не иначе, какъ по жалобамъ частныхъ лицъ, и могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ; затѣмъ—по отношенію къ лицамъ, не изъятымъ по правамъ состоянія отъ наказаній тѣлесныхъ—дѣла о маловажныхъ кражахъ, мошенничествѣ, лѣсныхъ порубкахъ, присвоеніи найденныхъ денегъ и т. п., причемъ мировые судьи могутъ приговаривать окончательно къ денежному взысканію до 15 рублей.

Приведеннымъ исчерпываются «соображенія» объ основныхъ началахъ общаго уголовнаго судопроизводства. Что касается особенныхъ родовъ, то предположенія госуд. канцеляріи значительно упрощаютъ систему проекта II отдѣленія, устанавливавшаго тринадцать такихъ особенныхъ родовъ. «Соображенія» относятся отрицательно къ установленію особеннаго порядка судопроизводства по какому-либо роду дѣлъ, находя, что такія изъятія принимаются всегда общественнымъ мнѣніемъ съ недовѣрчивостью и должны быть допускаемы только при совершенной невозможности распространенія на какой-либо родъ дѣлъ общаго порядка. Въ этомъ отношеніи «соображенія» выдѣляютъ преступленія государственныя (относя къ нимъ, въ качествѣ отдѣльнаго вида, «преступленія публичнымъ словомъ») и преступленія по службѣ.

Чрезвычайно любопытны и поучительны разсужденія, касающіяся государственныхъ преступленій. Существеннѣйшимъ здѣсь представлялся вопросъ: можно ли предоставить по дѣламъ этого рода опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ присяжнымъ засѣдателямъ. «Соображенія», не колеблясь, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Они доказываютъ, что именно въ дѣлахъ о преступленіяхъ государственныхъ гарантія, доставляемая судомъ присяжныхъ, получаетъ особенно важное значеніе. «Сколь бы ни были безпристрастны и самостоятельны судьи, опредѣленные отъ правительства, рѣшенія ихъ по дѣламъ о государственныхъ преступле-

ніяхъ *никогда не будутъ пользоваться довѣріемъ общества.* По дѣламъ этого рода, разсматриваемымъ безъ присяжныхъ, всегда будутъ нареканія въ пристрастіи, преувеличеніи вины и притѣсненіи подсудимыхъ, отчего самые важные преступники нерѣдко представляются въ глазахъ общества *несчастными жертвами и разыгрываютъ роль мучениковъ и страдальцевъ за истину»* [1]). И далѣе: «лишить государственнаго преступника сочувствія общества можно только тогда, когда онъ будетъ осужденъ самимъ обществомъ, въ лицѣ его представителей. Правда, что преслѣдованіе государственныхъ преступленій судомъ чрезъ присяжныхъ можетъ быть энергическимъ лишь при извѣстной степени согласія между стремленіями правительства и общества. Но въ дѣлахъ сего рода осужденіе присяжными имѣетъ такую нравственную силу, что если бы оно и встрѣчалось рѣже, чѣмъ осужденіе чрезъ правительственныхъ судей, то и въ такомъ случаѣ вліяніе уголовнаго закона на общество было бы дѣйствительнѣе».

Притомъ правительство, не отвергающее никакихъ полезныхъ преобразованій къ усовершенствованію государственнаго управленія и общественнаго порядка, не можетъ не найти поддержки со стороны благомыслящей части общества въ преслѣдованіи злоумышленниковъ. «Соображенія» находятъ нужнымъ лишь обставить избраніе присяжныхъ по дѣламъ этого рода особыми условіями, для того, чтобы доступъ въ присяжные здѣсь былъ открытъ только «лицамъ зрѣлыхъ лѣтъ, имѣющимъ обезпеченныя средства къ жизни и способнымъ къ обсужденію, какъ важности сихъ преступленій, такъ и точной силы письменныхъ доказательствъ, на которыхъ обыкновенно основывается обвиненіе въ этихъ преступленіяхъ». Для этой цѣли «соображенія» предполагаютъ возложить составленіе списка лицъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями по дѣламъ этого рода, на особый комитетъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, городскихъ головъ и мировыхъ судей, съ тѣмъ, чтобы списокъ передавался на разсмотрѣніе мѣстнаго начальника губерній, имѣющаго право контролировать «благонадежность присяжныхъ» и сокращать число избранныхъ лицъ на одну треть и даже на половину.

Еще интереснѣе, что «соображенія» находятъ необходимымъ распространить компетенцію присяжныхъ на всѣ *дѣла* о преступленіяхъ государственныхъ, хотя бы подсудимые подлежали наказаніемъ, не соединеннымъ ни съ лишеніемъ, ни съ ограниченіемъ правъ состоянія...

Этотъ же порядокъ «соображенія» предлагаютъ принять и по отношенію къ преступленіямъ «публичнымъ словомъ», не исключая и тѣхъ, кои относятся до оскорбленія семейной и личной чести частныхъ лицъ.

Точно такъ же «соображенія» сохраняютъ участіе присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ о преступленіяхъ должностныхъ на тѣхъ же началахъ, какъ и по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ. Но по странной и необъяснимой аберраціи мысли, «соображенія» выводятъ изъ начала отдѣленія судебной власти отъ административной пресловутую «админи-

---

[1]) Курсивъ въ текстѣ «соображеній».

стративную гарантію», т.-е. правило о томъ, что судебное преслѣдованіе должностного лица можетъ быть начато не иначе, какъ по постановленію надлежащаго начальства обвиняемаго о преданіи его суду. «Нельзя кажется опасаться,—говорятъ «соображенія»,—что изслѣдованіе преступленій по должности, посредствомъ чиновъ подвѣдомственныхъ начальству, предающему обвиняемыхъ суду, лишитъ *сихъ послѣднихъ* надлежащихъ огражденій». Будущее должно было показать, что опасенія такого рода были бы въ самомъ дѣлѣ проявленіемъ чрезмѣрной мнительности. Но заботы другого рода—заботы объ огражденіи *общества* отъ произвола, такъ легко развивающагося подъ сѣнію административной гаранціи,—эти заботы не приходили на умъ составителямъ соображеній. Или, быть можетъ, они не рѣшились на шагъ, нарушающій всѣ традиціи бюрократическаго строя.

Дальнѣйшія изъятія касаются производства по дѣламъ смѣшанной подсудимости гражданской и военной. Обосновывая эти изъятія, «соображенія» вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаютъ огромной важности принципъ, въ корнѣ разрывающій съ прошлымъ. Они указываютъ, что «нынѣ лица гражданскаго вѣдомства весьма часто предаются военному суду не только за тяжкія, но и за преступленія, не имѣющія особенной важности; въ томъ XV Св. Зак. исчислено болѣе 40 случаевъ сего рода». Такой порядокъ «признаваемъ былъ общественнымъ мнѣніемъ всегда и вездѣ не только нераціональнымъ, но и несправедливымъ, и возбуждалъ недовѣріе къ судамъ особеннымъ или чрезвычайнымъ». Поэтому, «соображенія» предлагаютъ признать за основное начало новаго устава уголовнаго судопроизводства, что тамъ, гдѣ онъ будетъ введенъ въ дѣйствіе, лица гражданскаго вѣдомства за преступленія противъ общихъ гражданскихъ обязанностей не предаются военному суду, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вся мѣстность объявлена на военномъ положеніи.

Что касается изъятій изъ общаго порядка по дѣламъ смѣшанной подсудности гражданской и духовной, то здѣсь «соображенія» не вводятъ никакихъ важныхъ измѣненій противъ существовавшихъ правилъ, устанавливавшихъ компетенцію духовнаго суда для дѣлъ о преступленіяхъ, за которыя полагается лишь церковное покаяніе или отсылка виновнаго къ духовному суду, и требовавшихъ, чтобы приговоры о наказаніяхъ, соединенныхъ съ лишеніемъ подсудимыхъ духовнаго сана и съ исключеніемъ ихъ изъ духовнаго званія, сообщались отъ судебнаго мѣста надлежащей консисторіи для исполненія.

Обращаясь къ системѣ *судоустройства*, выработанной государственной канцеляріей, мы видѣли, что она въ существенныхъ чертахъ складывается слѣдующимъ образомъ.

Взамѣнъ сложной сѣти разнообразныхъ судебныхъ мѣстъ, устанавливается очень простая схема: мировые судьи,—окружные суды,—судебныя палаты,—кассаціонный судъ. Вѣдомство мирового судьи опредѣляется участкомъ уѣзда, состоящимъ изъ одной или нѣсколькихъ волостей. Въ этомъ участкѣ ему подлежатъ маловажныя гражданскія и уголовныя дѣла. Вѣдомство окружного *суда* опредѣляется округомъ, состоящимъ

изъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ. Судебная палата дѣйствуетъ въ предѣлахъ области, состоящей изъ одной или нѣсколькихъ губерній. Верховный кассаціонный судъ учреждается для всей Имперіи одинъ, «въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ будетъ признано удобнѣйшимъ». При окружныхъ судахъ, въ числѣ членовъ, состоятъ судебные слѣдователи, назначаемые для производства слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ. Присяжные засѣдатели присоединяются къ составу окружныхъ судовъ. При судебныхъ мѣстахъ состоятъ прокуроры, «занятія коихъ ограничиваются исключительно дѣлами судебнаго вѣдомства». Къ судебнымъ палатамъ приписываются присяжные повѣренные, состоящіе подъ надзоромъ совѣтовъ. Новыми органами являются затѣмъ судебные пристава и нотаріусы.

Мировые судьи, члены и представители судебныхъ мѣстъ могутъ быть удалены отъ должности не иначе, какъ по суду за преступленія и простушки, предусмотрѣнные въ уложеніи о наказаніяхъ. Всѣ эти лица не могутъ быть увольняемы безъ прошенія и переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія. Преданіе ихъ суду, равно какъ наложеніе на нихъ взысканій за маловажныя нарушенія по должности, совершается не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла дисциплинарнымъ порядкомъ въ общемъ собраніи всѣхъ отдѣленій или департаментовъ того судебнаго мѣста, въ непосредственномъ подчиненіи коего они состоятъ. Въ «соображеніяхъ» указывается, что самостоятельность и независимость судей есть одно изъ надежныхъ ручательствъ въ правильномъ совершеніи правосудія, а потому и одно изъ главныхъ условій хорошаго судоустройства. Несмѣняемость же есть лучшее обезпеченіе независимости. Въ этихъ же видахъ устанавливается, что предсѣдателямъ и членамъ судебныхъ мѣстъ, а равно прокурорамъ, ихъ товарищамъ должно быть назначено въ новыхъ штатахъ судебнаго вѣдомства такое содержаніе, которое доставляло бы имъ положеніе, соотвѣтствующее важности ихъ назначенія [1]).

Въ такомъ видѣ, какъ было выше указано, «соображенія» государственной канцеляріи и вытекавшія изъ нихъ основныя положенія, были, согласно Высочайшему повелѣнію 9 апрѣля 1862 г., переданы на разсмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго Государственнаго Совѣта въ усиленномъ ихъ составѣ. Обсужденіе всего дѣла заняло 16 засѣданій, съ апрѣля по іюль того же года [2]). Департаменты окончательно установили главныя начала реформы и текстъ основныхъ положеній, подлежащій внесенію въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Сужденія ихъ изложены въ обширномъ сводномъ журналѣ, занимающемъ 370 страницъ. Сохранилась печатная программа, по которой этотъ журналъ былъ составленъ. Въ программѣ подробно перечисляется все, что должно войти въ журналъ. Указывается, что «за исключеніемъ не-

---

[1]) О соображеніяхъ государственной канцеляріи, касающихся «переходныхъ мѣръ» отъ существующаго нынѣ судебнаго порядка къ порядку новому, а также о числѣ и штатахъ новыхъ судебныхъ учрежденій, будетъ рѣчь въ главѣ, посвященной введенію судебной реформы.

[2]) Засѣданія происходили: 28 апрѣля, 2, 5, 9, 12, 16, 19, 23, 26 и 30 мая, 2, 6, 23, 27 и 30 іюня и 30 іюля 1862 г.

достатковъ теперешняго дѣлопроизводства, по поводу проекта новаго гражданскаго судопроизводства, надо прямо перейти къ сужденіямъ соединенныхъ департаментовъ объ исправленіи сихъ недостатковъ и о тѣхъ основныхъ началахъ, на которыхъ должна быть создана новая система гражданскаго судопроизводства, т.-е. система состязательная. При этомъ надо забыть всѣ прежнія разсужденія, или лучше сказать, надо сое инить прежнія съ новыми такимъ образомъ, чтобы нашъ журналъ представлялъ одно: соображенія соединенныхъ департаментовъ о тѣхъ началахъ, кои департаментами принимаются. При такомъ порядкѣ соображенія государственной канцеляріи не существуютъ: все, что говорила канцелярія и принято департаментами, должно войти въ журналъ департаментовъ съ надлежащимъ измѣненіемъ редакціи». Съ принятіемъ такого порядка, журналъ департаментовъ долженъ былъ явиться въ существеннѣйшихъ своихъ частяхъ пересказомъ «соображеній» госуд. канцеляріи, и только въ вопросахъ, возбудившихъ разногласія, мы встрѣчаемъ новыя точки зрѣнія и новую мотивировку. Въ этихъ разногласіяхъ въ сущности говоря и сосредоточивается интересъ своднаго журнала соед. департаментовъ. Одни изъ нихъ являются разногласіями между членами соед. департаментовъ и составителями «соображеній» государственной канцеляріи, другія—разногласіями этихъ послѣднихъ между собою.

Изъ трехъ «отдѣленій», на которыя распадается журналъ, *первое* посвящено гражданскому судопроизводству, *второе*—судопроизводству уголовному и *третье*—судоустройству. Департаменты приняли такой порядокъ изложенія на томъ основаніи, что «судоустройство, т.-е. образованіе судебныхъ мѣстъ, должно зависѣть отъ того порядка, какой будетъ установленъ для судопроизводства». Но фактически они не могли избѣгнуть того, чтобы не посвятить первыя же страницы своихъ сужденій изложенію органическихъ недостатковъ, присущихъ именно существовавшему *судоустройству*: 1) смѣшеніе властей—исполнительной, административной, судебной и законодательной; 2) существованіе особыхъ сословныхъ судовъ; 3) многочисленность судебныхъ инстанцій. И далѣе они непосредственно переходятъ къ порядку распредѣленія общихъ судебныхъ мѣстъ въ Имперіи, который долженъ быть измѣненъ въ виду уничтоженія крѣпостного права и признанной необходимости отдѣлить власть судебную отъ административной и изъять изъ вѣдомства полиціи всѣ судебныя дѣла. Здѣсь основной мотивъ для учрежденія, сверхъ общихъ судебныхъ мѣстъ, еще особыхъ *мѣстныхъ* судовъ, «которые близостью своею къ тяжущимся и простотою формъ дѣлопроизводства вполнѣ соотвѣтствовали бы потребностямъ большинства сельскаго и городского народонаселенія». «Суды эти должны имѣть свойство наиболѣе простого суда, съ соблюденіемъ, однако, по возможности, необходимыхъ гарантій справедливости его рѣшеній. Необходимость и польза такого мѣстнаго суда сознаны во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ. Миролюбное прекращеніе дѣлъ, до начала судебнаго разбора и даже во время онаго, должно быть преимущественною его задачею, и потому судъ сей извѣстенъ подъ названіемъ суда мирового». Но, рисуя себѣ такой типъ мѣстнаго суда, департаменты не отдавали

себѣ яснаго и одинаковаго отчета въ самомъ существѣ его функцій. Этимъ объясняется первое разногласіе на страницахъ журнала по вопросу о томъ, гдѣ должны разсматриваться апелляціонныя жалобы на постановленія мировыхъ судей по тѣмъ дѣламъ, рѣшеніе коихъ не предоставлено имъ окончательно: въ окружныхъ судахъ, или же во временныхъ съѣздахъ мировыхъ судей всего съѣзда. Большинство членовъ (Кочубей, бар. Корфъ, Лишке, Бахтинъ, Норовъ, Гофманъ, Толстой, Мухановъ), исходя изъ основныхъ трехъ условій, обезпечивающихъ, по ихъ мнѣнію, правильность рѣшеній суда апелляціоннаго [1) въ апелляціонномъ судѣ дѣла обсуждаются большимъ числомъ судей, чѣмъ въ судѣ первой степени; 2) апелляціонный судъ долженъ состоять изъ лучшихъ юристовъ, чѣмъ судъ первой степени и 3) въ постановленіи приговоровъ по апелляціи на рѣшенія судовъ первой степени не долженъ принимать участія никто изъ судей, участвовавшихъ въ постановленіи разсматриваемаго по апелляціи рѣшенія], находило, что по отношенію къ мировымъ судьямъ апелляціонной инстанціей долженъ быть *окружный* судъ. Члены большинства съ большой подробностью остановились на мотивировкѣ своего мнѣнія, а также на возможныхъ противъ него возраженіяхъ. Однимъ изъ такихъ возраженій—наиболѣе принципіальнаго характера—было то, что мировой судья долженъ произносить рѣшенія по совѣсти, а общій судъ—по закону, и потому смѣшеніе мирового разбирательства съ общимъ представляетъ неудобство. «Такого рода правило,—замѣчаетъ большинство,—могло бы поколебать всякую вѣру въ законы, ибо, если производство у мирового судьи и должно быть освобождено отъ нѣкоторыхъ *законныхъ формъ*, принадлежащихъ къ необходимымъ условіямъ дѣйствій общихъ судовъ, то тѣмъ не менѣе онъ обязанъ, по существу своихъ рѣшеній, покоряться не личнымъ своимъ воззрѣніямъ, а требованіямъ закона для всѣхъ общаго, и основывать рѣшенія не на произвольномъ своемъ усмотрѣніи, а на обстоятельствахъ дѣла, равно обязательныхъ и для мирового судьи и для общихъ судебныхъ мѣстъ...»

Съ другой стороны, большинство указывало, что, если мировой судья будетъ пользоваться всѣми преимуществами, ограждающими вообще самостоятельность лицъ судебнаго вѣдомства, и вмѣстѣ съ тѣмъ окажется выдѣленнымъ совершенно изъ ряда судебныхъ инстанцій, то возникаетъ опасность, не станетъ ли многочисленный классъ мировыхъ судей смотрѣть на себя, какъ на привилегированное, поставленное внѣ дѣйствій закона сословіе, призванное для того, чтобы дѣйствовать по произволу, а не по закону?

Въ разрѣзъ со всѣми этими доводами меньшинство (кн. Гагаринъ, принцъ Ольденбургскій, гр. Панинъ) находило, что принятіе,—въ качествѣ апелляціонной инстанціи для мирового судьи—суда окружнаго поведетъ къ смѣшенію мирового разбирательства съ общимъ судебнымъ, причемъ, вопреки мнѣнію большинства, три члена утверждали, что мировое разбирательство производится по совѣсти, а общее судебное—по закону, и потому рѣшеніе, постановленное мировымъ порядкомъ по совѣсти, можетъ быть отмѣнено, въ большинствѣ случаевъ, судебнымъ приговоромъ,

стѣсненнымъ формальностью положительныхъ законовъ. Учрежденіе, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, мировыхъ съѣздовъ и отдѣленіе мирового разбирательства отъ общаго судебнаго порядка представляло, по мнѣнію трехъ членовъ, ту огромную выгоду, что оно можетъ быть введено почти повсемѣстно и независимо отъ постепеннаго введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ въ полномъ ихъ видѣ въ нѣсколькихъ губерніяхъ.

Это предположеніе меньшинства членовъ не оправдалось, хотя мнѣніе ихъ и восторжествовало въ конечномъ итогѣ. *Въ общемъ собраніи* Государственнаго Совѣта соотношеніе силъ измѣнилось. Собраніе раздѣлилось, при обсужденіи разногласія, на двѣ равныя части. Четырнадцать членовъ [1]) держались мнѣнія, высказаннаго большинствомъ членовъ соединенныхъ департаментовъ, развивая и углубляя доводы, приведенные въ журналѣ соед. департаментовъ. Другіе четырнадцать членовъ [2]) присоединились къ мнѣнію трехъ членовъ. Большая часть ихъ соображеній повторяетъ тѣ, что были высказаны на страницахъ своднаго журнала, но любопытно отмѣтить сдѣланное ими поясненіе по поводу противопоставленія мирового разбирательства, производимаго по совѣсти, и общаго—по закону. «Т.-е.—говорятъ они—при мировомъ разборѣ судья не стѣсняется никакими обрядами и не связанъ узаконеніями о формальности письменныхъ доказательствъ, рѣдко соблюдаемой въ сдѣлкахъ между сельскими обывателями, а при рѣшеніи дѣла въ окружномъ судѣ должны быть наблюдаемы предписанныя закономъ формы и правила».

Это второе мнѣніе и получило утвержденіе. Между тѣмъ основное разногласіе осталось неразрѣшеннымъ до конца. Только что цитированныя слова поясняютъ, что понимали 14 членовъ, чье мнѣніе получило утвержденіе, подъ рѣшеніемъ по совѣсти, противополагаемомъ рѣшенію по закону. Они считали, что здѣсь рѣчь идетъ объ обрядахъ и о формальныхъ письменныхъ доказательствахъ. Между тѣмъ три члена соед. департаментовъ прямо предусматривали тотъ случай, когда, при несогласіи обычая съ гражданскимъ закономъ, судья въ своемъ рѣшеніи,—дѣйствуя по совѣсти, а не по матеріальному закону,—отдаетъ предпочтеніе обычаю. «Мировые судья—говорили они—конечно будутъ стараться, какъ всякій правдивый судья, согласовать указанія совѣсти съ требованіемъ закона, но при малой грамотности сельскаго народонаселенія, при неясности, неполнотѣ и противорѣчіи многихъ обычаевъ нерѣдко встрѣтятся случаи, въ коихъ одни указанія совѣсти могутъ вести къ правильному рѣшенію споровъ».

Дальнѣйшее разногласіе въ департаментахъ касалось вопроса о гласности судопроизводства. Виновникомъ его былъ гр. Панинъ. Тогда какъ всѣ остальные члены считали, что гласное судопроизводство должно быть

---

[1]) Графъ Шуваловъ, Танѣевъ, Гасфортъ, бар. Корфъ, Бахтинъ, Норовъ, Мѣтлинъ, Княжевичъ, князь Суворовъ, Толстой, Милютинъ, Головнинъ, Рейтернъ, Гернгроссъ.

[2]) Князь Гагаринъ, вел. кн. Николай Николаевичъ, гр. Адлербергъ, гр. Строгановъ, гр. Панинъ, кн. Долгоруковъ, Чевкинъ, кн. Горчаковъ, Брокъ, Тымовскій, Мухановъ, Краббе, Донауровъ, Тройницкій.

введено во всѣхъ судеоныхъ мѣстахъ безъ изъятія, онъ одинъ находилъ, что по значенію, которое имѣетъ правительствующій сенатъ, какъ высшее судебное правительственное учрежденіе въ Имперіи, было бы неудобно допустить открытое судопроизводство въ сенатѣ, «въ особенности—нѣсколько неожиданно прибавляетъ гр. Панинъ—по дѣламъ о преступленіяхъ противъ верховной власти» (рѣчь шла *о гражданскомъ* судопроизводствѣ.). По этому вопросу гр. Панинъ остался одинокимъ и въ общемъ собраніи. Мнѣніе его противниковъ получило утвержденіе.

Другое разногласіе, вызвавшее также очень обстоятельную мотивировку обѣими сторонами своихъ противоположныхъ взглядовъ, имѣло скорѣе технический характеръ, касаясь вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ требовать, чтобы тяжущіеся непремѣнно являлись въ судъ лично или черезъ повѣренныхъ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, производящимся какъ сокращеннымъ, такъ и обыкновеннымъ порядкомъ. Въ общемъ собраніи это разногласіе было устр нено принятіемъ положенія, что тяжущіеся обязаны при производствѣ ихъ дѣла являться въ судъ лично или чрезъ повѣренныхъ, «съ тѣмъ, чтобы сіе общее правило воспріяло свое дѣйствіе только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣетъ жительство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ».

Чрезвычайно оживленный обмѣнъ мнѣній, и въ департаментахъ и въ общемъ собраніи, вызвало разногласіе при разсмотрѣніи вопроса объ опредѣленіи круга дѣйствій судебныхъ мѣстъ. По схемѣ, защищаемой меньшинствомъ (гр. Панинъ, Бахтинъ, Гофманъ), должна была быть удержана система, предложенная въ проектѣ, единогласно утвержденномъ соединенными департаментами государственнаго совѣта въ 1861 году, а именно: 1) въ окружныхъ судахъ начинается тяжебное производство всѣхъ дѣлъ, предметъ коихъ цѣною не свыше двухъ тысячъ рублей; дѣла до пятисотъ рублей включительно рѣшаются окружнымъ судомъ окончательно, а прочія могутъ быть переносимы тяжущимися по апелляціямъ въ судебныя палаты и рѣшаются оными также окончательно, и 2) въ судебныхъ палатахъ начинается тяжебное производство всѣхъ дѣлъ, предметъ коихъ цѣною свыше двухъ тысячъ рублей, а равно и дѣлъ, по свойству своему, оцѣнкѣ не подлежащихъ. Дѣла сіи могутъ быть переносимы по апелляціямъ на разсмотрѣніе сената. Большинство же (кн. Гагаринъ, принцъ Ольденбургскій, Кочубей, баронъ Корфъ, Литке, Норовъ, Толстой, Мухановъ) предлагали установить по вопросу о двухъ судебныхъ инстанціяхъ слѣдующія правила: всѣ дѣла, изъятыя изъ вѣдомства мировыхъ судовъ, начинаются въ окружномъ судѣ; на всѣ рѣшенія окружнаго суда (кромѣ рѣшеній по апелляціи на мировой судъ въ случаѣ принятія мнѣнія, что апелляція на рѣшенія мировыхъ судей должна приноситься въ окружный судъ) допускается апелляція въ судебную палату; судебная палата рѣшаетъ всѣ дѣла окончательно; рѣшенія палатъ, въ опредѣленныхъ законамъ случаяхъ, могутъ быть отмѣняемы только въ порядкѣ кассаціонномъ.

Въ основу мнѣнія меньшинства былъ положенъ взглядъ, согласно которому, въ «большей части случаевъ дѣла, по цѣнѣ болѣе высшія, представляются и болѣе трудными для разрѣшенія и требуютъ, для обезпе-

ченія тяжущихся, чтобы разрѣшеніе дѣлъ этого рода было предоставлено такимъ судебнымъ мѣстамъ, которыя составлены изъ судей и болѣе свѣдущихъ и болѣе благонадежныхъ. Между тѣмъ дѣла менѣе цѣнныя, вытекая изъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ отношеній мѣстныхъ обывателей, не только не представляютъ никакихъ затрудненій въ разрѣшеніи, но и не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо искушеній для честности судей, а потому и могутъ быть предоставлены разрѣшенію такихъ судебныхъ мѣстъ, которыя должны быть ближе къ тяжущимся, и число которыхъ, поэтому, должно быть значительнѣе другихъ». Большинство, напротивъ, указывало, что безусловное право апелляціи тяжущагося на рѣшеніе суда первой степени составляетъ необходимое послѣдствіе несовершенства человѣческаго суда,—что всякое его ограниченіе не только нецѣлесообразно, но и несправедливо,—что «храмъ правосудія долженъ быть одинаково открытъ и для богатаго и для бѣднаго, и что всѣ тяжущіеся должны, безъ различія званія и состоянія, пользоваться судомъ одинаково справедливымъ и безпристрастнымъ».

Въ общемъ собраніи на сторонѣ перваго мнѣнія оказалось восемь членовъ (графъ Строгановъ, Танѣевъ, графъ Панинъ, князь Долгоруковъ, Бахтинъ, Чевкинъ, Брокъ, князь Суворовъ), на сторонѣ второго—девятнадцать (кн. Гагаринъ, гр. Адлербергъ, гр. Шуваловъ, Гасфортъ, бар. Корфъ, Норовъ, кн. Горчаковъ, Мѣтлинъ, Княжевичъ, Тымовскій, Толстой, Милютинъ, Мухановъ, Краббе, Головнинъ, Рейтернъ, Донауровъ, Тройницкій, Гернгроссъ), причемъ въ разсужденіяхъ большинства большой вѣсъ былъ приданъ вопросу о возвышеніи значенія сената. «Если будетъ принято за правило, что для всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ общему порядку судопроизводства, кромѣ предоставленныхъ разбирательству мировыхъ судей, первою судебною инстанціею будутъ окружные суды, а второю и послѣднею—судебныя палаты, и что всѣ сіи дѣла станутъ производиться подъ верховнымъ надзоромъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, то не только судопроизводство будетъ проще и единообразнѣе, а правосудіе доступнѣе и равномѣрнѣе, не только не будетъ надобности дѣлать изъятія изъ началъ судебнаго устройства, признаваемыхъ раціональными, но еще даже возвысится значеніе сената, который въ кассаціонныхъ его департаментахъ будетъ дѣйствительно верховнымъ мѣстомъ судебнаго управленія и охранителемъ истинной силы законовъ. Въ такомъ случаѣ сенатъ, въ совокупности департаментовъ:—кассаціонныхъ, перваго, межевого и герольдіи,—будетъ вполнѣ сенатомъ правительствующимъ и краеугольнымъ камнемъ въ зданіи Петровской Имперіи въ томъ смыслѣ, какъ разумѣлъ это учрежденіе великій его основатель».

Утверждено было мнѣніе большинства, съ оговоркою, что до устройства судебныхъ палатъ на новыхъ основаніяхъ оставляются судебные департаменты сената.

Минуя нѣкоторыя изъ разногласій по второстепеннымъ и нехарактернымъ вопросамъ, укажемъ на любопытную мотивировку предложенія, сдѣланнаго гр. Панинымъ и не поддержаннаго ни однимъ изъ его коллегъ ни въ департаментахъ, ни въ общемъ собраніи. Гр. Панинъ находилъ, что

«въ видахъ достиженія правосудія, нельзя лишить и судебныя мѣста возможнаго огражденія отъ неправильныхъ жалобъ, влекущихъ за собою одну потерю времени, а часто и самую невозможность исполненія прямыхъ обязанностей, и что если не установить требованія залога въ обезпеченіе правильности приносимыхъ въ кассаціонный судъ жалобъ, то число подаваемыхъ жалобъ будетъ превосходить силы судебнаго мѣста». При этомъ, впрочемъ, гр. Панинъ рекомендовалъ залогъ «умѣренный» (не называя, однако, цифры) и полагалъ, что при соблюденіи этого условія «сторона, дѣйствительно обиженная, всегда нейдетъ возможность защитить свои права, а судебныя мѣста будутъ ограждены отъ наплыва неосновательныхъ жалобъ». Это мнѣніе, упорно отстаиваемое гр. Панинымъ и въ общемъ собраніи, не было принято, какъ было отвергнуто и другое его предложеніе, поддержанное и въ департаментахъ, и въ общемъ собраніи однимъ только Мухановымъ (возможно, впрочемъ, что этотъ послѣдній и былъ иниціаторомъ предложенія), о томъ, чтобы въ огражденіе справедливаго рѣшенія дѣлъ объ имѣніяхъ, составляющихъ личную собственность особъ Императорскаго Дома, возможными мѣрами, дѣла этого рода подлежали защитѣ на судѣ наравнѣ съ дѣлами, сопряженными съ казеннымъ интересомъ. Въ возраженіяхъ большинства указано было на возможность превратныхъ толковъ въ случаѣ принятія этого предложенія.

Нѣсколько многочисленнѣе были разногласія при обсужденіи основныхъ началъ уголовнаго судопроизводства. Но здѣсь такъ же, какъ и при разсмотрѣніи проектовъ гос. канцеляріи во всей ихъ совокупности, мы тщетно стали бы искать опредѣленной и рѣшительной оппозиціи основнымъ принципамъ новаго порядка. По такимъ кардинальнымъ вопросамъ, какъ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ, или о несмѣняемости судей, или о гласности и устности производства или объ учрежденіи суда кассаціоннаго, всѣ были согласны между собою,—и представители новыхъ взглядовъ, убѣжденные сторонники либеральныхъ началъ судебной реформы не встрѣчали противодѣйствія (по крайней мѣрѣ,—явнаго) со стороны такихъ людей, какъ гр. Панинъ, свободныхъ отъ какихъ-либо заподозрѣваній въ склонности къ либерализму. Можно сказать, что противниковъ новаго суда въ то время не было,—или они притаились. И только впослѣдствіи, когда поднялась волна реакціи, именно новый судъ сдѣлался главной мишенью. Ниже мы коснемся этого явленія и причинъ его.

Можно, впрочемъ, указать на одинъ существеннѣйшій вопросъ, по которому Государственный Совѣтъ не сразу пришелъ къ единогласію. Принципіально никто не возражалъ противъ отдѣленія власти судебной отъ власти административной, но въ интересахъ практическихъ предложено было сдѣлать изъ этого принципа такое изъятіе, которое послужило бы къ совершенному его подрыву. Два члена (принцъ Ольденбургскій и графъ Панинъ) находили, что могутъ быть случаи, когда, для охраненія общественнаго порядка и безопасности, необходимо виновныхъ въ дѣйствіяхъ, не влекущихъ за собою лишенія или ограниченія правъ и преимуществъ, подвергать аресту, заключенію въ тюрьмѣ, смирительномъ домѣ или крѣпости, по административному распоряженію, не передавая дѣла въ судъ.

«Это особенно необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда, несмотря на убѣжденіе административныхъ властей въ томъ, что оставленіе подозрѣваемаго на свободѣ можетъ быть опасно для общества, сіи власти не имѣютъ возможности представить юридическихъ доказательствъ вины подозрѣваемаго, или когда собраніе сихъ доказательствъ требуетъ многочисленныхъ розысканій, кои по свойству дѣла не могутъ быть предметомъ формальнаго изслѣдованія, прежде обнаруженія достаточныхъ уликъ. Принятіе подобныхъ мѣръ во многихъ случаяхъ представляется необходимымъ для охраненія общественнаго спокойствія, ибо тѣ преступники, кои стремятся къ нарушенію онаго, дѣйствуютъ обыкновенно съ особенною осторожностью, дабы избѣгнуть изобличенія передъ судомъ». Остальные члены соединенныхъ департаментовъ въ краткихъ, но энергическихъ выраженіяхъ высказались противъ подобнаго изъятія, находя, что «рѣшенія административныхъ властей по дѣламъ судебнымъ всегда внушаютъ къ себѣ недовѣріе, и всякое наказаніе, назначенное безъ суда, представляется произволомъ власти, возбуждающимъ ропотъ». Въ общемъ собраніи это разногласіе исчезло, два члена на своемъ мнѣніи не настаивали, но нѣкоторое отраженіе ихъ тревоги за общественное спокойствіе можно найти въ спеціальномъ упоминаніи о томъ, что «административная власть принимаетъ въ установленномъ законами порядкѣ мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ» (прим. къ ст. 1 осн. пол. угол. судопр.).

Само собою разумѣется, что и при обсужденіи основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства повторилось разногласіе по вопросу о гласности засѣданій сената въ качествѣ кассаціоннаго суда. И здѣсь исходъ разногласія былъ такой же: мнѣніе гр. Панина не было принято.

Неразрѣшеннымъ осталось другое существенное разногласіе, возникшее при разсмотрѣніи вопроса о томъ, какія обстоятельства слѣдуетъ принимать основаніемъ къ отмѣнѣ приговоровъ, и могутъ ли быть вторично судимы лица, оправданныя или наказанныя по приговору надлежащаго суда, вошедшаго въ законную силу.

Три члена (принцъ Ольденбургскій, графъ Панинъ и Норовъ) находили, что необходимо допустить возможность пересмотра окончательныхъ, вошедшихъ въ законную силу, приговоровъ по вновь открывшимся обстоятельствамъ, измѣняющимъ видъ рѣшеннаго дѣла; но дозволяя такой пересмотръ, не должно уже дѣлать различія между предъявленіемъ доказательствъ съ цѣлью оправданія приговореннаго къ наказанію и доказательствомъ виновности освобожденнаго отъ суда. «Подобный законъ,—замѣчали они,—не соотвѣтствовалъ бы требованіямъ правосудія и, ограждая частныхъ лицъ отъ вторичнаго суда, не ограждало бы общество отъ преступника». Большинство же резонно возражало, что введеніе въ наше законодательство правила, проектированнаго тремя членами, уничтожило бы значеніе предполагаемой отмѣны оставленія въ подозрѣніи. Члены большинства полагали постановить общимъ правиломъ, что оправданный или наказанный по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу, не можетъ быть вторично судимъ за то же преступленіе, хотя бы и

открылись новыя доказательства, обнаруживающія или увеличивающія вину его. Общее собраніе оставило вопросъ открытымъ, отложивъ его подробное разсмотрѣніе и разрѣшеніе и пріурочивая таковое ко времени составленія подробнаго устава уголовнаго судопроизводства.

Въ цѣломъ рядѣ другихъ болѣе или менѣе важныхъ разногласій мы находимъ на одной сторонѣ гр. Панина, часто въ одиночествѣ, на другой—всѣхъ прочихъ его коллегъ. Трудно, конечно, найти общую мысль во всѣхъ этихъ особыхъ мнѣніяхъ, но нѣкоторой общностью настроенія, недовѣрчиваго къ новымъ началамъ, упрямо возвращающагося къ прошлому, если еще не похороненному, то уже обреченному, они несомнѣнно объединены. Такъ, ничто иное, какъ недовѣріе ко вновь учреждаемымъ мировымъ судамъ лежитъ въ основѣ защищаемаго гр. Панинымъ положенія, ограничивающаго власть мирового судьи при окончательномъ рѣшеніи дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ тѣми же предѣлами, какіе установлены были для мировыхъ посредниковъ ст. 32-ой пол. о губ. и уѣздн. учр. по крестьянскимъ дѣламъ [1]). По этому вопросу гр. Панинъ остался въ одиночествѣ и въ общемъ собраніи, и мнѣніе его принято не было.

При установленіи апелляціонной инстанціи для приговоровъ, постановляемыхъ мировыми судьями по уголовнымъ дѣламъ, повторилось то же разногласіе, какое имѣло мѣсто, когда этотъ вопросъ обсуждался въ отношеніи дѣлъ гражданскихъ. И равнымъ образомъ, построеніе инстанцій по уголовнымъ дѣламъ вызвало тѣ же двѣ схемы: по одной, защищаемъ й гр. Панинымъ,—дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою наказанія, не соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія (кромѣ подлежащихъ разбору мирового суда), должны быть разсматриваемы и рѣшаемы въ первой степени суда (т.-е. въ первой инстанціи) окружными судами, а во второй и послѣдней судебными палатами. По дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, первую степень суда составляютъ палаты, вторую и послѣднюю—судебные департаменты сената. Такому же порядку должны подлежать также дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которыя въ уложеніи о наказаніяхъ опредѣлены соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, когда подсудимые суть дворяне, священнослужители, почетные граждане или купцы 1-ой гильдіи. Присяжные засѣдатели участвуютъ (въ окружномъ судѣ и въ палатѣ) при разсмотрѣніи дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ и преимуществъ.

Большинство же и здѣсь полагало, что вѣдомству окружнаго суда въ качествѣ первой инстанціи должны подлежать дѣла о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, за исключеніемъ подсудныхъ мировымъ судьямъ и тѣхъ,

---

[1]) Для лицъ всѣхъ сословій—либо уплата имущественнаго вознагражденія, сообразно причиненному ущербу, либо денежное взысканіе до пяти рублей; для лицъ податного состоянія—присужденіе къ общественнымъ работамъ до 6 дней или къ аресту до 7 дней, либо къ наказанію розгами до 20 ударовъ.

которыя изъяты отъ общей подсудности особыми постановленіями, а вѣдомству судебныхъ палатъ должны подлежать дѣла по отзывамъ и протестамъ противъ приговоровъ окружнаго суда. И это мнѣніе восторжествовало.

Не лишены интереса соображенія по другому разногласію, также противопоставившему гр. Панина (въ соед. департаментахъ; въ общемъ собраніи къ нему присоединились гр. Адлербергъ, Хомутовъ, Гасфортъ, князь Долгоруковъ, князь Горчаковъ, Анненковъ, Зеленой) остальнымъ его коллегамъ. Рѣчь шла о томъ, слѣдуетъ ли и въ новомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства удержать правило о представленіи нѣкоторыхъ уголовныхъ приговоровъ на Высочайшее утвержденіе. Гр. Панинъ находилъ, что вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о сословныхъ привилегіяхъ, «не подлежащимъ нынѣ разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта», и высказывался за удержаніе правила о представленіи на Высочайшее усмотрѣніе приговоровъ о лишеніи дворянъ и чиновниковъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и о снятіи орденовъ и другихъ знаковъ отличія,—правила, служащаго обезпеченіемъ для подсудимыхъ, приговариваемыхъ къ тяжкимъ наказаніямъ. Гр. Панинъ полагалъ даже расширить дѣйствіе этого правила, распространивъ его на православныхъ священнослужителей всѣхъ степеней духовной іерархіи.

Большинство въ своихъ возраженіяхъ прежде всего устранило предъявленный гр. Панинымъ отводъ.

Они утверждали, что вопросъ неразрывно связанъ съ предполагаемымъ судебнымъ преобразованіемъ, и находили при этомъ, что «поставлять верховную власть, при новомъ порядкѣ судопроизводства, въ прежнія отношенія къ отправленію уголовнаго правосудія, значило бы слагать нравственную отвѣтственность за осужденіе невиннаго или за потворство виновному съ совѣсти присяжныхъ или постоянныхъ судей на совѣсть государя». «Существующій нынѣ законъ вынуждаетъ священную особу монарха, отъ котораго должны бы исходить только помилованіе и облегченіе участи страждущихъ, налагать непосредственно отъ своего имени кары и принимать на свою совѣсть горькія слезы осужденныхъ, ихъ родственниковъ и друзей». Вмѣстѣ съ тѣмъ они указывали, что при новомъ порядкѣ судопроизводства разсматриваемый законъ не могъ бы уже представлять никакого существеннаго огражденія, но составлялъ бы только одну формальность, которая поддерживала бы мысль о привилегіи на судѣ, мысль о лицепріятіи.

Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ весьма немногочисленныхъ случаевъ, когда восторжествовало мнѣніе, защищаемое гр. Панинымъ. Оно получило утвержденіе, несмотря на то, что и въ общемъ собраніи большинство было противъ него. Надо полагать, что здѣсь сыграло свою роль нежеланіе безъ особой нужды трогать то, что выставлялось, какъ нѣкая сословная привилегія. Будущее должно было показать, что если не оправдались всѣ опасенія большинства, одно ихъ предсказаніе несомнѣнно осуществилось, и оспариваемый порядокъ въ самомъ дѣлѣ пріобрѣлъ характеръ совершенно безразличной формальности.

Изъ дальнѣйшихъ разногласій по процессуальнымъ вопросамъ приходится отмѣтить разногласіе о томъ, необходимо ли сохранять въ новомъ судопроизводствѣ правило о приглашеніи къ слѣдствію депутатовъ отъ сословій, къ которымъ принадлежатъ обвиняемые. Здѣсь приходится отдать справедливость гр. Панину, оставшемуся въ одиночествѣ (въ общемъ собраніи къ нему присоединились гр. Адлербергъ, Гасфортъ и Анненковъ). Онъ оказался прозорливѣе другихъ, и его соображенія имѣютъ характеръ принципіальный, между тѣмъ какъ возраженія ему основываются на узкопрактическихъ доводахъ. Гр. Панинъ яснѣе другихъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ важно, чтобы—говоря его словами—«при началѣ слѣдствія рядомъ съ обвинителемъ присутствовало такое лицо, которое имѣло бы право и возможность требовать тщательнаго разслѣдованія тѣхъ сопровождавшихъ преступленіе обстоятельствъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ служить въ пользу обвиняемаго, подобно тому, какъ обвинителю—прокурору предоставлено право надзора за производствомъ слѣдствія». Ошибка гр. Панина заключалась въ томъ, что онъ не довелъ своей мысли до конца и вмѣсто того, чтобы требовать участія защиты уже на предварительномъ слѣдствіи, отстаивалъ существовавшее учрежденіе депутатовъ и тѣмъ далъ своимъ противникамъ легкую возможность опровергнуть его ссылками на неудобства, связанныя съ вызовомъ депутатовъ, и на безполезность присутствія при производствѣ слѣдственныхъ дѣйствій лицъ, не имѣющихъ надлежащихъ познаній въ законахъ о судопроизводствѣ. Логически противники гр. Панина были правы, но они исходили изъ слишкомъ отвлеченнаго представленія о характерѣ предв. слѣдствія. И теперь, полвѣка спустя, мы стоимъ передъ тѣмъ же вопросомъ, который озабочивалъ гр. Панина, и отъ котораго отмахнулись его противники: какъ оградить права обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи?...

Въ области вопросовъ, связанныхъ съ введеніемъ суда присяжныхъ, какъ уже выше было замѣчено,—мы не встрѣчаемъ коренныхъ разногласій. Соед. департаменты коснулись, между прочимъ, вопроса о томъ, какимъ количествомъ голосовъ должны приниматься рѣшенія присяжныхъ и, высказавшись противъ начала единогласія, будто бы несогласнаго съ началомъ постановленія рѣшенія по совѣсти («при такомъ законѣ были бы неизбѣжны случаи, въ которыхъ, для составленія единогласнаго рѣшенія, присяжнымъ пришлось бы отступать отъ своего убѣжденія и соглашаться съ мнѣніемъ, въ справедливости котораго они сомнѣваются»), постановили принять и въ отношеніи къ присяжнымъ засѣдателямъ общій, дѣйствующій у насъ, законъ о рѣшеніи дѣлъ по простому большинству голосовъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ равенства голосовъ, было даваемо преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго. Затѣмъ гр. Панинъ возражалъ (безъ успѣха) противъ *обязательнаго* значенія ходатайства присяжныхъ о снисхожденіи. Большинство отвѣчало ему, что право присяжныхъ объявлять подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія не имѣло бы ни цѣли, ни значенія, если бы это право не налагало на судъ обязанности уменьшить подсудимому наказаніе. И это мнѣніе было принято.

Намъ остается коснуться нѣкоторыхъ сужденій и разногласій, возникшихъ при разсмотрѣніи проектированныхъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства. Здѣсь въ области судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ—мы находимъ одно изъ существеннѣйшихъ отступленій отъ первоначальныхъ предположеній государственной канцеляріи.

Выше были приведены тѣ соображенія, въ силу которыхъ комиссія гос. канцеляріи признавала необходимымъ не только удержаніе суда присяжныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, но и распространеніе его компетенціи даже на менѣе важныя дѣла этой категоріи. Соед. департаментамъ пришлось считаться съ этими соображеніями. Они рѣзко съ ними разошлись, заявивъ вполнѣ категорически, что «политическія и соціальныя теоріи, направленныя противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обществѣ, имѣютъ столько оттѣнковъ, что отъ пустыхъ, почти невинныхъ мечтаній и утопій доходятъ до самыхъ вредныхъ ученій, подрывающихъ даже возможность общественной жизни; но иногда и тѣ, и другія людьми неопытными считаются равно ничтожными и безвредными. При такихъ воззрѣніяхъ предоставить присяжнымъ, избраннымъ обществомъ, разрѣшеніе вопроса о преступности или непреступности ученій и дѣйствій, превратно толкуемыхъ и невѣрно понимаемыхъ многими, иногда даже добросовѣстными, членами общества, значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты».

Это, конечно, главное возраженіе. Можно нѣсколько заподозрѣть искренность другого, тутъ же приводимаго и ссылающагося на опасность народной мстительности, которая—правда, только «вслѣдствіе случайнаго стеченія совершенно постороннихъ обстоятельствъ»—можетъ «придумать такія казни, отъ которыхъ давно уже отказалось уголовное правосудіе, а еще чаще вслѣдствіе болѣзненной подозрительности, способно даже дѣйствія, вовсе ничего не значащія, признать за важныя преступленія». Не понятно, какимъ образомъ эта «народная мстительность» могла бы проявляться на судѣ присяжныхъ, который наказаній не назначаетъ и потому никакихъ «казней» придумать не можетъ и не можетъ также самостоятельно давать квалификацію преступнымъ дѣйствіямъ.

Тѣмъ не менѣе, соед. департаменты подчеркивали необходимость по дѣламъ этого рода имѣть судей, которые бы пользовались равнымъ довѣріемъ, какъ правительства, такъ и общества. Они думали разрѣшить вопросъ, «предоставивъ производство слѣдствія и суда по государственнымъ преступленіямъ судебной палатѣ, члены которой съ опытностью въ производствѣ и сужденіи дѣлъ будутъ соединять, по высокому и независимому положенію и знаніямъ своимъ, ручательства въ безпристрастномъ изслѣдованіи и зрѣломъ обсужденіи дѣла, и сверхъ того, къ составу присутствія палаты, по дѣламъ сего рода, присоединивъ высшихъ представителей сословныхъ обществъ, именно: мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства мѣстнаго судебнаго округа и одного изъ городскихъ головъ того же округа, и наконецъ, по избранію мѣстнаго губернскаго начальства, одного изъ волостныхъ головъ или старшинъ того уѣзда, въ которомъ находится палата», при-

чемъ «сіи сословные представители должны участвовать, наравнѣ съ членами палаты, какъ въ опредѣленіи, по большинству голосовъ, вины или невинности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о наказаніи признаннаго виновнымъ». Такимъ же порядкомъ должны судиться преступленія, совершенныя печатнымъ или публичнымъ словомъ противъ верховной власти и установленнаго закономъ государственнаго порядка, для прочихъ же видовъ преступленій печати соед. департаменты не считали возможнымъ установить какой-либо особый порядокъ производства ранѣе пересмотра цензурнаго устава.

Что касается установленія какихъ-либо изъятій для судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ противъ вѣры, то на нихъ настаивалъ одинъ только гр. Панинъ (къ нему и въ общемъ собраніи никто не присоединился). Онъ отстаивалъ сохраненіе существовавшаго порядка разсмотрѣнія этихъ дѣлъ, при участіи министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Большинство же находило, что установленіе особеннаго порядка судопроизводства для дѣлъ по преступленіямъ противъ вѣры внушаетъ мысль о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, а эта мысль только раздражаетъ еретиковъ и раскольниковъ и усиливаетъ ихъ фанатизмъ. Это мнѣніе и возобладало.

Намъ остается коснуться еще только разногласія по вопросу о военномъ судѣ, который, по мнѣнію гр. Панина (въ общемъ собраніи къ нему присоединился кн. Долгоруковъ), надлежало бы сохранить во всѣхъ случаяхъ, когда лица гражданскаго вѣдомства обвиняются въ возстаніи, сопротивленіи съ насиліемъ распоряженіямъ правительства и подстрекательствѣ военно-служащихъ къ нарушенію ихъ обязанностей. Большинство же всецѣло примкнуло къ соображеніямъ госуд. канцеляріи, находя, что преданіе лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду возможно только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи,—что и было принято.

Обращаясь въ заключеніе къ сужденіямъ соед. департаментовъ по вопросамъ судоустройства, намъ придется отмѣтить лишь немногое, въ виду того, что часть послѣдовавшихъ здѣсь разногласій касается лишь деталей, а другія вытекаютъ непосредственно изъ соотвѣтственныхъ мнѣній, высказанныхъ при обсужденіи основныхъ началъ судопроизводства, уголовнаго и гражданскаго. Какъ уже было указано, въ департаментахъ обнаружилось теченіе (гр. Панинъ) сохранить, наравнѣ съ кассаціонными, еще и судебные департаменты сената, съ тѣмъ, чтобы въ уголовныхъ (судебныхъ) департаментахъ разсматривались попрежнему всѣ дѣла, по коимъ дворяне присуждаются за преступленія къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Тотъ же гр. Панинъ, при обсужденіи вопроса о порядкѣ составленія очередныхъ списковъ, по коимъ присяжные должны быть призываемы къ засѣданію въ теченіе опредѣленнаго періода, доказывалъ, что въ интересахъ огражденія общественнаго порядка, слѣдуетъ предоставить губернскому начальству выборъ изъ списка присяжныхъ тѣхъ, кои призваны будутъ на каждое засѣданіе для исправленія возложенныхъ на нихъ обязанностей. Гр. Панинъ обращалъ вниманіе на то, что «пред-

полагаемое нововведеніе суда присяжныхъ можетъ сдѣлаться *безполезнымъ* или *вреднымъ*, смотря по образу его дѣйствій и по духу, которымъ оно будетъ проникнуто въ первое время по его введеніи въ нашемъ отечествѣ. *Безполезно* будетъ сіе учрежденіе, если въ немъ, по недостатку единодушнаго воззрѣнія и бдительнаго наблюденія въ выборѣ, въ составѣ присяжныхъ преобладатъ будетъ незнаніе и тѣ поводы къ разногласію, конхъ можно ожидать отъ малой образованности многихъ лицъ въ уѣздахъ, отдаленныхъ отъ центровъ просвѣщенія. *Вреднымъ* сдѣлается новое установленіе, если оно будетъ проникнуто ложными воззрѣніями на предметы предстоящей ему дѣятельности и духомъ партій, что легко можетъ случиться, если выборы, происходящіе въ каждомъ сословіи отдѣльно, не будутъ подлежать наблюденію и утвержденію губернскаго начальства, которое по своему призванію и по волѣ правительства стоитъ выше партій и сословныхъ интересовъ» (Журн., стр. 320—321).

Мы привели эти разсужденія (къ которымъ въ общемъ собраніи присоединился Валуевъ) потому, что въ нихъ можно найти уже зародышъ будущаго движенія противъ суда присяжныхъ. Трудно сказать, къ чему привели бы «домашнія средства», предложенныя гр. Панинымъ. Скорѣе всего произошло бы то, что предсказывали лица, возражавшія противъ предложенія гр. Панина и указывавшія, что принятіе такого порядка неминуемо обратило бы присяжныхъ засѣдателей, въ общественномъ мнѣніи, въ *губернаторскихъ комиссаровъ*, которые пользовались бы не бо́льшимъ, но несравненно меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ постоянные судьи, поставляемые новыми началами судоустройства въ независимость отъ мѣстной губернской власти. Судъ присяжныхъ оказался бы сразу скомпрометированнымъ въ общественномъ мнѣніи, и капитальнѣйшая часть новой постройки вышла бы изуродованной. Правда, члены большинства нашли возможнымъ предоставить губернаторамъ «блюстительное» участіе въ избраніи присяжныхъ, выражающееся въ томъ, что списки препровождаются къ губернатору, который повѣряетъ, соблюдены ли при составленіи ихъ предписанныя закономъ условія, и можетъ исключить лицъ, неправильно помѣщенныхъ;—правда и то, что предоставленіе этой функціи губернаторамъ ничѣмъ, кромѣ какъ желаніемъ компромисса, объяснено быть не можетъ. Но все же есть, конечно, огромная разница между такимъ формальнымъ и чисто отрицательнымъ контролемъ и прямымъ выборомъ состава присяжныхъ, рекомендованнымъ гр. Паниным.

Такова, въ бѣгломъ, но, по возможности, полномъ очеркѣ сущность работы, произведенной соединенными департаментами. Исправленныя, согласно ихъ сужденіямъ, основныя положенія поступили затѣмъ на разсмотрѣніе общаго собранія, посвятившаго имъ три засѣданія: 27 августа, 3 и 4 сентября. Окончательная меморія, включившая всѣ разногласія, датирована 4 сентября 1862. На ней Императоръ Александръ II написалъ:

«Вмѣняю въ обязанность государственному секретарю, чтобы всѣ уставы были окончательно изготовлены къ 15-му января 1863 года, для сообщенія ихъ II-му отдѣленію собственной моей канцеляріи и министру юстиціи».

«Главноуправляющему II-мъ отдѣленіемъ и министру юстиціи представить свои замѣчанія въ 6-тинедѣльный срокъ, дабы Государственный Совѣтъ могъ приступить къ ихъ разсмотрѣнію и къ обсужденію исполнительныхъ мѣръ въ теченіе марта мѣсяца будущаго года».

Отдѣльно отъ этой резолюціи государь написалъ:

«По окончаніи работъ необходимо составить планъ тѣхъ общихъ и частныхъ улучшеній и преобразованій, кои исполнены быть могутъ немедленно или постепенно по мѣрѣ представляющихся къ тому средствъ».

А вслѣдъ затѣмъ, 29 сентября 1862 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе «основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи», формулированное такъ:

«Утверждаю съ тѣмъ, чтобы положенія сіи были публикованы въ томъ порядкѣ, какъ постановилъ Государственный Совѣтъ».

Одновременно послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта, содержавшаго программу дальнѣйшихъ работъ. Прежде всего, Государственный Совѣтъ положилъ: удостоенныя разсмотрѣнія Е.И. В. основныя положенія предстоящаго преобразованія обнародовать въ общее свѣдѣніе, объявивъ, что они должны служить главными началами, на основаніи коихъ будутъ составлены подробные проекты надлежащихъ уставовъ и положеній, что проекты сіи будутъ разсмотрѣны и утверждены въ законодательномъ порядкѣ, и что, при изданіи ихъ, будетъ опредѣленъ и порядокъ постепеннаго ихъ введенія въ дѣйствіе. Составленіе всѣхъ означенныхъ проектовъ поручалось государственной канцеляріи, «но какъ этотъ обширный трудъ не можетъ быть совершенъ одними собственными ея средствами, то въ составѣ ея образовать для сего дѣла *особую комиссію*, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ государственнаго секретаря». Комиссію эту положено было образовать изъ чиновниковъ госуд. канцеляріи и другихъ лицъ, преимущественно юристовъ, по избранію государственнаго секретаря, съ тѣмъ, чтобы въ составъ ея были назначены чиновники отъ II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи и отъ министерства юстиціи, по сношеніи и соглашеніи гос. секретаря съ главами этихъ двухъ вѣдомствъ. Комиссіи этой предписывалось при всѣхъ вообще ея работахъ въ точности руководствоваться основными положеніями преобразованія судебной части, удостоенными Высочайшаго разсмотрѣнія [1]) Е. И. В., принимая въ соображеніе и тѣ сужденія Государственнаго Совѣта, на основаніи коихъ сіи положенія постановлены. Одновременно предоставлялось главноуправляющему II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи принять мѣры къ скорѣйшему, по возможности, составленію и внесенію въ Государственный Совѣтъ проектовъ: а) устава о преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ вѣдомству мировыхъ судей; б) постановленій о несостоятельности лицъ неторговаго званія и о посредническихъ комиссіяхъ и в) положенія объ устройствѣ нотаріальной части, съ тѣмъ, чтобы эти проекты, по поступленіи ихъ

---

[1]) Такъ сказано въ печатномъ мнѣніи Гос. Совѣта. Въ запискѣ гос. секретаря отъ 24 декабря 1863 г. сказано правильно: «утвержденія».

въ Государственный Совѣтъ, были переданы въ комиссію, для надлежащаго соображенія при составленіи его проектовъ уставовъ судопроизводства и судоустройства.

29 сентября 1862 г. есть кульминаціонный пунктъ и важнѣйшая дата въ исторіи составленія судебныхъ уставовъ. Съ утвержденіемъ основныхъ положеній закончена была, хотя еще только вчернѣ и безъ внутренней отдѣлки, вся постройка задуманнаго храма правосудія. Оставалась еще впереди большая и трудная работа, но эта была работа преимущественно техническая. Всѣ коренные вопросы, отъ которыхъ зависѣли характерныя черты судоустройства и процесса, были разрѣшены, и притомъ въ формѣ, связывавшей не только тѣхъ, кому поручалась дальнѣйшая работа, но и власть. Это чрезвычайно важно, если имѣть въ виду, что конецъ 1862 года былъ также кульминаціоннымъ пунктомъ въ другомъ отношеніи. Здѣсь—начало вѣяній будущей реакціи, такъ рѣзко сказавшейся на исторіи введенія судебныхъ уставовъ. И если бы 29 сентября 1862 г. не былъ безповоротно закрѣпленъ новый судебный строй,—кто знаетъ, какія еще побѣды достались бы на долю притихшей въ то время въ безсильной злобѣ реакціи!

Формальный ходъ дальнѣйшихъ работъ заключался въ слѣдующемъ. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія образована была комиссія, причемъ гос. секретарь призналъ необходимымъ призвать къ участію въ работахъ этой комиссіи не только тѣхъ чиновъ гос. канцеляріи и юристовъ, которые принимали участіе въ предварительныхъ работахъ по составленію основныхъ положеній, но и другія лица, кои теоретическимъ и практическимъ знаніемъ дѣла, и вообще своею опытностью, могли принести дѣйствительную пользу комиссіи. «Успѣхъ сего важнаго и обширнаго дѣла,—пишетъ по этому поводу въ запискѣ своей отъ 24 декабря 1863 г. гос. секретарь Бутковъ—зависѣлъ, конечно, болѣе всего отъ лицъ, въ составъ ея призванныхъ, и потому гос. секретарь счелъ самою главною и важною обязанностью своею привлечь къ этому дѣлу такихъ лицъ, участіе коихъ въ предстоящей комиссіи работѣ могло быть порукою того, что работа комиссіи будетъ вполнѣ удовлетворять общему желанію и общему ожиданію».

Приводимъ полный составъ комиссіи: *отъ гос. канцеляріи—Т. С. Плавскій*, коему по Выс. повелѣнію было поручено предсѣдательствовать въ комиссіи въ тѣхъ случаяхъ, когда гос. секретарь не можетъ быть въ засѣданіяхъ оной; и д. статсъ-секретарей Департаментовъ Гос. Совѣта: законовъ—д. с. с. *Зарудный* и гражд. дѣлъ—д. с. с. *Зубовъ*; помощники статъ-секретарей Гос. Совѣта, с. с. *Шубинъ* и *Есиповичъ* и колл. сов. кн. *Волконскій* и *Любимовъ*; экспедиторъ гос. канцеляріи *Вилинбаховъ* (дѣлопроизводитель комиссіи); секретарь при предсѣдателѣ деп. законовъ *н. с. Желтухинъ* и причисленный къ канцеляріи магистръ правъ *Утинъ; отъ прав. сената*—д. с. с. об.-прок. общ. собр. московскихъ деп-товъ *Буцковскій*, об.-секр. того же общ. собр. *Побѣдоносцевъ*; бывшіе об.-секр. сената д. с. с. *Квистъ* и с. с. *Крейтеръ* и б. секретарь сената *н. с. Рѣпинскій; отъ II отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи*—состоящіе при отдѣленіи *т. с.*

Бревернъ и д. с. с. *Бычковъ*, старшій чиновникъ отдѣленія д. с. с. *Даневскій* и помощникъ старшаго чиновникъ к. сов. *Перетцъ; отъ министерства юстиціи*—въ должности директора департамента сего м-ва д. с. с. бар. *Врангель*; членъ консультаціи *д. с. с. Калачевъ* и бывш. пом. юрисконсульта м-ва юстиціи н. с. *Книримъ; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ*—вице-директоръ медицинскаго департамента с. с. *Розовъ* (для участія въ сужденіяхъ по вопросамъ, касающимся судебной медицины) и состоящій при министерствѣ *М. Зарудный* (бывшій членъ отъ правительства въ мировыхъ съѣздахъ Екатеринославской губерніи); отъ *губернскихъ судебныхъ учрежденій*—предсѣдатели судебныхъ палатъ: С.-Петербургской уголовной д. с. с. *Ковалевскій*, и Курской гражданской с. с. *Шечковъ*; тов. предс. гражд. палатъ: Черниговской—*Баршевскій* и Екатеринославской—*Гуринъ* и губернскіе прокуроры: московскій—с. с. *Ровинскій*, могилевскій—*н. с. Поповъ* и симбирскій н. с. *Принтцъ*.

Образованная въ такомъ составѣ комиссія раздѣлилась на три особыя отдѣленія:

1) *судоустройства*, подъ предсѣдательствомъ *Плавскаго*, изъ бар. Врангеля, Даневскаго, Есиповича, Желтухина, Крейтера, Принтца и Ровинскаго.

2) *уголовнаго судопроизводства*, подъ предсѣдательствомъ *Буцковскаго*, изъ Бреверна, Есиповича, М. Заруднаго, Зубова, Ковалевскаго, Любимова, Перетца, Попова, Принтца, Розова и Утина.

3) *гражданскаго судопроизводства*, подъ предсѣдательствомъ *Заруднаго*, изъ Баршевскаго, Бычкова, Вилинбахова, кн. Волконскаго, Гурина, Калачева, Квиста, Книрима, Побѣдоносцева, Рѣпинскаго, Шечкова и Шубина.

Соединеніе всѣхъ трехъ отдѣленій составило общее собраніе комиссіи, бывшее подъ предсѣдательствомъ *гос. секретаря*. Въ занятіяхъ этого общаго собранія, а также въ занятіяхъ нѣкоторыхъ отдѣленій, принимали участіе сенаторы: т. с. Любощинскій и Матюнинъ.

Кромѣ этого постояннаго состава, въ комиссію, съ разрѣшенія гос. секретаря, приглашались разныя лица, «своею опытностью и своими познаніями могущія принести пользу разсматриваемымъ или общимъ собраніемъ, или отдѣленіями комиссіи работамъ». Кромѣ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, приглашались на этомъ основаніи нѣкоторые профессора, юристы, присяжные стряпчіе коммерческихъ судовъ, судебные слѣдователи и многіе другіе.

Комиссія, приступивъ въ октябрѣ 1862 года къ порученнымъ ей работамъ, признала полезнымъ и необходимымъ имѣть въ виду свѣдѣнія и соображенія, которыя могли быть доставлены изъ разныхъ частей Россіи лицами, хорошо знакомыми съ судебной частью вообще и съ мѣстными условіями разныхъ губерній. Для полученія такихъ свѣдѣній, комиссія, во 1-хъ, обратилась ко всѣмъ вообще чинамъ судебнаго вѣдомства съ приглашеніемъ доставить прямо въ комиссію свои соображенія относительно развитія Высочайше утвержденныхъ основныхъ положеній преобразованія судебной части; во 2-хъ, комиссія «особенно отнеслась» ко всѣмъ профес-

сорамъ юридическихъ наукъ о сообщеніи комиссіи ихъ замѣчаній и соображеній по статьямъ осн. положеній; въ 3-хъ, комиссія пригласила, чрезъ періодическія изданія, всѣхъ вообще, желающихъ оказать комиссіи въ порученномъ ей важномъ и трудномъ дѣлѣ свое содѣйствіе, доставить въ комиссію замѣчанія и предположенія свои.

«Такія распоряженія—замѣчаетъ Бутковъ—не остались безъ благихъ послѣдствій». Въ короткое время было доставлено комиссіи, со всѣхъ концовъ Россіи, множество замѣчаній и соображеній о развитіи Высочайше утв. осн. положеній и о примѣненіи ихъ къ разнымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ. Всего доставлено было замѣчаній отъ 448 лицъ; изъ нихъ сообщено чинами судебнаго вѣдомства 321, разными другими лицами, въ томъ числѣ профессорами [1]) и лицами ученаго сословія 127. Замѣчанія сіи, по мѣрѣ поступленія ихъ, печатались отдѣльно и составили 6 большихъ томовъ. «Замѣчанія эти—читаемъ мы въ запискѣ Буткова—касаются, какъ общихъ положеній, такъ и преимущественно примѣненія основныхъ положеній къ разнымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи. Въ семъ послѣднемъ отношеніи сообщенныя комиссіи замѣчанія составляютъ богатый матеріалъ для обработки предположеній о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ, когда они будутъ утверждены. Изъ всѣхъ замѣчаній, такимъ образомъ полученныхъ, изготовленъ въ гос. канцеляріи и напечатанъ особою 7-ою книгою общій сводъ, въ коемъ, противъ каждой статьи основныхъ положеній, означаются, въ краткихъ извлеченіяхъ, всѣ сдѣланныя на оную замѣчанія».

Въ нашей литературѣ уже были сдѣланы указанія на странную судьбу тѣхъ матеріаловъ, которые поступили въ комиссію, какъ результатъ ея обращенія къ общественному мнѣнію. Какъ замѣчаетъ І. В. Гессенъ [2]), «всѣ шесть грандіозныхъ томовъ замѣчаній, въ которыя вложено было столько беззавѣтнаго труда и энергіи, оказались совершенно ненужными, какъ будто совершенно забыли, что правительство обращалось къ частнымъ и должностнымъ лицамъ съ просьбой высказаться объ основныхъ положеніяхъ». Этихъ замѣчаній «словно не бывало, съ ними не только не считаются, но даже и не упоминаютъ о нихъ. Въ многочисленныхъ объяснительныхъ запискахъ комиссіи и въ журналахъ Государственнаго Совѣта съ трудомъ найдется пять-десять ссылокъ на замѣчанія, и эти ссылки играютъ лишь роль орнамента въ букетѣ доказательствъ, безъ котораго легко было бы обойтись». І. В. Гессенъ объясняетъ такое отношеніе къ замѣчаніямъ тѣмъ, что въ комиссіи установился взглядъ на непререкаемость основныхъ положеній, составляющихъ предѣлъ, «его же не прейдеши». Это объясненіе представляется очень правдоподобнымъ. Можно ли, однако, упрекнуть комиссію за такой фетишизмъ по отношенію къ основнымъ положеніямъ? Едва ли. Руководители дѣла очень хорошо понимали, что всякая попытка «перейти предѣлъ» въ сторону, имъ желательную, вызоветъ обратное движеніе, противъ котораго уже нельзя будетъ предъявить формальнаго

---

[1]) Какъ выше было указано, отзывовъ профессорскихъ было *два*.

[2]) Ук. соч., стр. 107.

возраженія, основаннаго на признаніи незыблемости основныхъ правилъ.

При такихъ условіяхъ, «замѣчанія», представляя весьма интересный и еще недостаточно обработанный матеріалъ для характеристики общественнаго мнѣнія того времени, не отразились на исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ, а потому и не подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

Были приняты и другія мѣры для выясненія примѣнимости основныхъ положеній къ мѣстнымъ условіямъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по предложенію государственнаго секретаря, истребовалъ соображенія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія должны быть поставлены будущіе мировые судьи къ крестьянскому дѣлу вообще, также о числѣ и о составѣ мировыхъ участковъ по губерніямъ. Далѣе, госуд. секретарь отнесся къ министрамъ и главноуправляющимъ, завѣдующимъ дѣлами казеннаго управленія, о доставленіи въ комиссію возникшихъ въ этихъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ соображеній о примѣненіи основныхъ положеній къ дѣламъ и случаямъ, касающимся нарушеній казеннаго и разныхъ другихъ отдѣльныхъ управленій. Въ тѣхъ же видахъ изученія условій будущей дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, государственный секретарь испросилъ Высочайшее разрѣшеніе о порученіи двумъ членамъ комиссіи, Ковалевскому и Ровинскому, собрать по губерніямъ, имѣющимъ войти въ составъ округовъ будущихъ судебныхъ палатъ петербургской и московской, самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о настоящей дѣятельности разныхъ судебныхъ учрежденій въ этихъ губерніяхъ, о числѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій, и вообще о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, «кои необходимы для введенія, въ двухъ означенныхъ округахъ, новыхъ уставовъ, когда они будутъ утверждены». Наконецъ, государственный секретарь вошелъ въ сношеніе съ главными начальствами губерній и областей, управляемыхъ не по общему учрежденію, о доставленіи соображеній о примѣненіи къ нимъ основныхъ положеній преобразованія судебной части.

Для всесторонней разработки уставовъ судопроизводствъ и судоустройства комиссія признала также необходимымъ собрать подробныя свѣдѣнія и объ иностранныхъ законодательствахъ по этимъ предметамъ, «гдѣ опытомъ и теоріею разрѣшены уже разные вопросы въ ихъ примѣненіи».

Записка Буткова излагаетъ подробно и порядокъ работъ, принятый въ комиссіи; заключался онъ въ слѣдующемъ: «Всѣ вообще работы каждаго отдѣленія, по составленіи имъ общаго конспекта каждаго устава, были раздѣлены между редакторами, по взаимному между ними соглашенію. Каждый редакторъ порученную ему работу соображалъ съ дѣйствующими законами и съ замѣчаніями, поступившими въ комиссію, а также съ законодательствами иностранныхъ государствъ. По соображеніи такимъ образомъ предстоящей работы, редакторъ приступалъ уже къ составленію проектовъ тѣхъ статей, кои касались порученнаго его развитію предмета. Редакторы каждаго отдѣленія имѣли постоянныя совѣщанія между собою, и когда одна часть какой-либо работы была приводима ими къ окончанію,

тогда она печаталась, разсылалась ко всѣмъ членамъ отдѣленія и обсуждалась въ полномъ составѣ онаго. Къ этому обсужденію отдѣленіе приглашало членовъ другихъ отдѣленій и разныя служебныя лица, свѣдѣнія и опытность коихъ могли разъяснять встрѣчаемыя отдѣленіемъ недоразумѣнія. По тщательномъ, такимъ образомъ, разсмотрѣніи и исправленіи въ отдѣленіи проектовъ по разнымъ особеннымъ предметамъ или вопросамъ составлялись отдѣленіемъ цѣлыя главы, раздѣлы и книги устава по конспекту, сначала отдѣленіемъ принятому. По мѣрѣ изготовленія отдѣльныхъ, въ цѣломъ ихъ составѣ, частей каждаго устава, приготовленныя такимъ образомъ части, по отпечатаніи, разсылались ко всѣмъ членамъ комиссіи, и когда они достаточно съ ними ознакомились, тогда части сіи подробно разсматривались и обсуждались въ общемъ собраніи комиссіи. Общія собранія составлялись подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря изъ членовъ всѣхъ отдѣленій и изъ другихъ лицъ, призванныхъ къ участію въ этомъ дѣлѣ.

Въ общее собраніе приглашались также и тѣ эксперты, кои участвовали въ обсужденіи предварительныхъ работъ въ отдѣленіяхъ. По составленіи, разсмотрѣніи и обсужденіи комиссіею въ этомъ порядкѣ, окончательно обрабатывалась каждая часть устава и приводилась въ соглашеніе, какъ съ прочими частями того же устава, такъ и съ другими составленными комиссіею уставами и учрежденіемъ. Собранія редакторовъ отдѣленій происходили ежедневно, даже по два раза въ день. Отдѣленія въ полномъ ихъ составѣ имѣли засѣданій: отдѣленіе судоустройства 47, отдѣленіе уголовнаго судопроизводства 89 и отдѣленіе гражданскаго судопроизводства 91. Общее собраніе комиссіи имѣло всего 43 засѣданія.

Нужно замѣтить, что въ первоначальномъ планѣ выработки проектовъ было впослѣдствіи сдѣлано нѣкоторое измѣненіе, значительно способствовавшее ускоренію дѣла. Была устроена процедура предварительной, до внесенія проектовъ въ соединенные департаменты, передачи ихъ на разсмотрѣніе главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и министра юстиціи. По всеподданнѣйшему докладу государственнаго секретаря было Высочайше повелѣно: работу комиссій, по окончаніи и отпечатаніи оной, внесть прямо въ соединенные департаменты законовъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, откуда и сообщить ее всѣмъ членамъ сихъ департаментовъ, въ томъ числѣ главноуправляющему II-мъ отдѣленіемъ и управляющему министерствомъ юстиціи съ тѣмъ, чтобы они замѣчанія свои по симъ работамъ изложили въ засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ общеустановленнымъ порядкомъ.

24 декабря 1864 г. работы комиссіи были окончены, и государственный секретарь представилъ на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта проекты: 1) учрежденія судебныхъ мѣстъ, 2) устава уголовнаго судопроизводства и 3) устава гражданскаго судопроизводства. При каждомъ проектѣ была представлена особая объяснительная записка.

Мы не имѣемъ возможности останавливаться по существу, хотя бы въ наиболѣе общихъ чертахъ, на содержаніи объяснительныхъ записокъ

вообще и вопросовъ, оставшихся спорными,—въ частности. Такое изслѣдованіе далеко вывело бы насъ изъ предѣловъ, отведенныхъ историческому очерку составленія судебныхъ уставовъ, не говоря уже о томъ, что этой задачѣ должны быть посвящены обозрѣнія отдѣльныхъ институтовъ. Поэтому намъ остается только отмѣтить дальнѣйшіе внѣшніе этапы работы, закончившейся 20 ноября 1864 года.

По поступленіи проектовъ въ Государственный Совѣтъ, соединенные департаменты законовъ и гражданскій разсмотрѣли Уставъ гражданскаго судопроизводства въ теченіе марта, апрѣля, мая и іюля 1864 г., уставъ уголовнаго судопроизводства въ теченіе мая и іюня 1864 г., проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ въ теченіе іюня 1864 г. Въ этомъ періодѣ работъ почти всѣ существенныя разногласія уже отпали. Изъ оставшихся весьма немногихъ заслуживаетъ упоминанія одно, свидѣтельствующее о томъ, съ какимъ трудомъ принимались въ высшихъ сферахъ нѣкоторыя элементарныя идеи новаго суда. При обсужденіи возбудившаго въ комиссіи разногласія вопроса о томъ, могутъ ли быть вторично судимы лица, оправданныя или признанныя виновными по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу. Норовъ находилъ, что изъ общаго правила, не допускающаго такой возможности, должно быть сдѣлано исключеніе по отношенію къ предумышленному убійству. «По мнѣнію одного члена, оставлять безъ вторичнаго преслѣдованія изобличеннаго убійцу только потому, что вина его, по недоступной людямъ непогрѣшимости и всепроницательности, могла отъ суда укрыться, значило бы заставлять общество терпѣть въ своей средѣ злодѣя, приводить это общество въ крайнее смущеніе, возбуждать въ немъ ропотъ противъ формализма въ правосудіи и, что всего важнѣе,—сознательно подвергать его опасности въ виду весьма вѣроятныхъ новыхъ покушеній преступника, безнаказанностью поощреннаго къ новымъ злодѣйствамъ»...

При разсмотрѣніи устава уголовнаго судопроизводства другихъ разногласій не было.

Одновременно съ проектами комиссіи, 1 и 9 іюля 1864 г. разсмотрѣнъ былъ внесенный по Высочайшему повелѣнію главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ.

Въ сентябрѣ и октябрѣ проекты, исправленные департаментами, разсмотрѣны были общимъ собраніемъ. 20 ноября 1864 г. послѣдовалъ памятный указъ сенату, гласившій такъ:

«По вступленіи на прародительскій престолъ, однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ Манифестѣ 19 Марта 1856 г., было: правда и милость да царствуютъ въ судахъ.

«Съ того времени среди другихъ преобразованій, вызванныхъ потребностями народной жизни, Мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли посредствомъ лучшаго устройства судебной части и, послѣ многостороннихъ предварительныхъ работъ во II-мъ отдѣленіи Собственной Нашей Канцеляріи, 29 сентября 1862 года утвердили и тогда же пове-

лѣли обнародовать въ общее свѣдѣніе основныя положенія преобразованія этой части.

«Составленные въ развитіе сихъ основныхъ положеній, особо учрежденною Нами комиссіею, проекты уставовъ нынѣ подробно обсуждены и исправлены Государственнымъ Совѣтомъ.

«Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго.

«Вслѣдствіе того, признавъ за благо утвердить составленные и разсмотрѣнные въ такомъ порядкѣ: 1) учрежденіе судебныхъ установленій, 2) уставъ уголовнаго судопроизводства, 3) уставъ гражданскаго судопроизводства и 4) уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и препровождая означенныя законоположенія въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ ему сдѣлать надлежащія распоряженія для ихъ обнародованія. Порядокъ приведенія ихъ въ дѣйствіе будетъ, неотложно за симъ, особо Нами указанъ.

«Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ, по волѣ Нашей, на новыхъ основаніяхъ образуемаго».

Предстоялъ еще длинный и тернистый путь введенія судебныхъ уставовъ, но всѣ разочарованія и неудачи на этомъ пути не умаляютъ значенія великой даты въ исторіи русскаго правосудія.

Судебные Уставы 20 ноября занимаютъ совершенно исключительное мѣсто среди всѣхъ памятниковъ русскаго законодательства. Нельзя указать ни одного другого кодекса, который былъ бы предметомъ такой упорной вражды и ненависти съ одной стороны, такой почти фанатической преданности съ другой. Это явленіе было бы необъяснимо, если бы Судебные Уставы были просто процессуальнымъ кодексомъ съ тѣми или другими техническими достоинствами или недостатками. Они были чѣмъ-то гораздо большимъ. Роль, сыгранная Судебными Уставами въ нашей исторіи, объясняется прежде всего ихъ идейнымъ и политическимъ содержаніемъ. Яркость и опредѣленность этого содержанія—вотъ причина того, что различныя теченія русской общественной мысли смотрѣли на судебную ре-

ѳорму—одни,—какъ на крупную, блестящую побѣду, другія—какъ на столь же великое пораженіе. И всѣ очень хорошо знали, знаютъ и теперь,—кто побѣдители, кто побѣжденные.

И въ литературѣ, и въ офиціальныхъ кругахъ за послѣднія десятилѣтія пытаются установить на судебную реформу точку зрѣнія, отрицающую ея политическое значеніе,—если не въ прошломъ, то въ настоящемъ. Возстаютъ противъ примѣненія къ процессуальнымъ кодексамъ политической оцѣнки. Доказываютъ, что весь вопросъ сводится къ тому, въ какой мѣрѣ эти кодексы удовлетворяютъ требованіямъ правосудія, для всѣхъ одинаковаго, незнающаго ни партійныхъ требованій, ни партійной борьбы. Но эти попытки совершенно тщетны. Идейное и политическое значеніе судебныхъ уставовъ есть фактъ, неустранимый никакою полемикой. Въ этомъ—внутренняя сила уставовъ, въ этомъ ихъ внѣшняя слабость, такъ какъ по основнымъ своимъ чертамъ они не гармонировали со всѣмъ остальнымъ строемъ. На нихъ слишкомъ ясно были написаны черты другого строя, до котораго мы не дожили и посейчасъ. А пятьдесятъ лѣтъ назадъ противорѣчіе было еще гораздо болѣе разительнымъ и кричащимъ, чѣмъ теперь. Великая безсмертная заслуга составителей судебныхъ уставовъ и заключается въ томъ, что они этого противорѣчія не испугались.

Общая характеристика судебной реформы и должна прежде всего указать на все то, въ чемъ проявилась заложенная въ нихъ политическая идея.

Судебные Уставы проникнуты стремленіемъ создать сильную, высоко стоящую надъ прочими организованными группами, независимую и властную магистратуру. Отсюда упреки въ превращеніи судебнаго вѣдомства въ какое-то «государство въ государствѣ». Понимаемое буквально такое обвиненіе абсурдно. Но очень понятно то изумленное озлобленіе, съ которымъ бюрократическій абсолютизмъ долженъ былъ реагировать въ самые первые годы существованія новыхъ судовъ на извѣстный инцидентъ, гдѣ его идеологія столкнулась съ установленнымъ судебными уставами порядкомъ. «И я такую нелѣпость подписалъ?»—будто бы сказалъ Александръ II министру юстиціи Замятину, когда послѣдній доложилъ ему о «невозможности» уволить сенатора за либеральную рѣчь въ Петербургскомъ земскомъ собраніи [1]). А около тридцати лѣтъ спустя другой министръ юстиціи, открывая созданную имъ грандіозную комиссію для пересмотра законоположеній по судебной части, упрекалъ Судебные Уставы въ томъ, что въ заботахъ о независимости суда и о самостоятельности судей, они «съ одной стороны, не вполнѣ ясно согласовали свои опредѣленія объ этихъ предметахъ съ коренными основами нашего государственнаго права, а съ другой, не снабдили правительство достаточно сильными и дѣйствительными средствами немедленно устранять изъ судебнаго вѣдомства всякій безпорядокъ при первыхъ его признакахъ» [2]). «Отсюда,—утверждалъ министръ,—такъ много навредившая судебному вѣ-

---

[1]) *Кн. В. П. Мещерскій*, «Воспоминанія», I, 429.

[2]) Журн. Мин. Юст., 1894, № 1, «Рѣчь Н. В. Муравьева».

домству и дѣлу благодарная почва для укоровъ въ кастичной обособленности и тенденціозности, не всегда совпадающей со взглядами и намѣреніями правительства». И какъ будто для того, чтобы еще рѣзче подчеркнуть это противоположеніе *суда* и *правительства*, Н. В. Муравьевъ съ дѣланной наивностью спрашивалъ: «Тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни ихъ вражды, вліяющей на судъ, а есть лишь государственное правосудіе, отправляемое правительственными учрежденіями отъ имени Императорскаго Величества, что можетъ быть тамъ остраго и щекотливаго признать и ясно, прямо выразить, что и судьи, *наравнѣ со всѣми вѣрноподданными слугами* отечества, подлежатъ въ томъ или иномъ направленіи дѣйствію непосредственнаго усмотрѣнія Самодержавной Верховной власти, и что вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство должно всегда имѣть возможность водворить въ судѣ нарушенный порядокъ или избавиться отъ недостойныхъ дѣятелей». Александру II-му казалось «нелѣпостью», что онъ не вправѣ уволить сенатора. Здѣсь, въ гладкихъ фразахъ министерской рѣчи, въ сущности, та же основная мысль: судейская несмѣняемость, изъятіе судей отъ «непосредственнаго усмотрѣнія Верховной Самодержавной власти»—противорѣчитъ «кореннымъ основамъ нашего государственнаго права», и съ точки зрѣнія этихъ основъ такая несмѣняемость есть конечно «нелѣпость».

Составителямъ Судебныхъ Уставовъ было бы очень трудно отвѣтить что-либо на возраженіе такого характера, если бы они въ то время были сдѣланы. Они не могли бы назвать вещи собственными именами и объяснить, что магистратура должна быть охранена отъ «непосредственнаго усмотрѣнія» во всѣхъ его видахъ, и что допуская такое усмотрѣніе, поскольку оно исходитъ отъ верховной самодержавной власти, тѣмъ самымъ допускаютъ возможность усмотрѣнія и министра и его канцеляріи. Ограниченіе абсолютизма бюрократіи—въ этой области, какъ и во многихъ другихъ—фактически достижимо только при томъ условіи, если оно будетъ доведено до конца. Оставляя лазейку, именуемую «непосредственнымъ усмотрѣніемъ Верховной власти», тѣмъ самымъ прокладывали бы путь для широкаго хозяйничанія властнаго начальства. Уравненіе со всѣми «вѣрноподданными слугами», подъ дѣйствіемъ знаменитаго «третьяго пункта», было бы уравненіемъ въ безправіи. И если министръ юстиціи могъ сказать, что такое «уравненіе» принесетъ самому судебному вѣдомству, его авторитету (!) и самостоятельности (!!) «неисчислимую, громаднѣйшую пользу»,—то приходится только изумляться столь открытому искаженію логики и здраваго смысла. Горькій опытъ показалъ, какъ легко и быстро сознаніе зависимости убиваетъ самостоятельность и рождаетъ презрѣнный сервилизмъ судей, ждущихъ награды за усердіе и читающихъ въ глазахъ начальства.

Съ увѣренностью можно сказать: если бы 20 ноября 1864 г. Александръ II не подписалъ «нелѣпости», ограничивающей усмотрѣніе власти по отношенію къ одной категоріи вѣрноподданныхъ слугъ, судебной реформѣ не удалось бы создать того судебнаго вѣдомства, которое на первыхъ же порахъ записало въ свою исторію столько почетныхъ именъ. Только при

такихъ условіяхъ эта «insula in flumine nata», по красивому выраженію А. Ф. Кони, могла оказать сопротивленіе мутнымъ, но бурнымъ волнамъ реакціи. Можно полагаться только на независимый судъ, можно вѣрить только независимой совѣсти. И какъ бы высоко ни былъ расположенъ источникъ силы, могущей давить на эту совѣсть, разъ такой источникъ существуетъ, нѣтъ мѣста для довѣрія съ одной стороны, для спокойной увѣренности—съ другой.

Нельзя забывать, что до судебной реформы у насъ магистратуры, въ истинномъ смыслѣ слова, вовсе не было. Какъ выразился И. Я. Фойницкій, она «тонула въ бюрократіи», неся на себѣ всѣ отрицательныя черты этой послѣдней. На выборныя судейскія должности смотрѣли главнымъ образомъ, какъ на источникъ кормленія. Фактически, судъ всецѣло находился во власти канцеляріи и здѣсь, подъ покровомъ тайны и бумажнаго производства, пышнымъ цвѣтомъ распустилось беззастѣнчивое взяточничество, сводившее на-нѣтъ и позорившее русское правосудіе. Никакія палліативныя мѣры не могли бы помочь противъ этого зла. Для искорененія его нужно было вѣрить всю полноту судебной власти новому классу людей,—нужно было ихъ создать. Судебная реформа это сдѣлала. 20 ноября 1864 г.—годовщина рожденія русской магистратуры, вытащившей правосудіе изъ той трясины, въ которой оно завязло.

Слѣдуетъ, при этомъ, прибавить, что предположенія составителей шли значительно дальше того, что получило осуществленіе. Они хотѣли по возможности ограничить роль высшей администраціи при назначеніяхъ на судебныя должности. Меньшинство комиссіи (Буцковскій, Перетцъ, Утинъ) очень краснорѣчиво говорило о томъ, что «предоставить избраніе на должность судей, прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей непосредственно министру юстиціи значило бы сузить кругъ избираемыхъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ нельзя быть очень разборчивымъ въ выборѣ; если же министръ юстиціи станетъ полагаться на рекомендаціи, то отъ этого неминуемо разовьется система протекцій, самая фальшивая и зловредная изъ всѣхъ системъ избранія кандидатовъ на общественныя должности».

Поэтому, меньшинство, предлагая ввести назначеніе на должность членовъ окружныхъ судовъ по конкурсному испытанію, производимому публично особымъ комитетомъ при судебной палатѣ, оставляло министру юстиціи право представлять на Высочайшее усмотрѣніе двухъ кандидатовъ, лично ему извѣстныхъ, только въ томъ случаѣ, если къ испытанію никто не явится, или явившіеся не выдержатъ испытанія, или же выдержавшіе испытанія не будутъ утверждены. Согласно предположеніямъ того же меньшинства на вакантную должность предсѣдателя окружнаго суда избираются два кандидата общимъ собраніемъ палаты, предсѣдатели и члены палатъ избираются общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ сената, причемъ министръ юстиціи не имѣетъ права безъ особой мотивировки представлять на Высочайшее усмотрѣніе какія-либо другія кандидатуры. Большинство комиссіи, по соображеніямъ практическаго характера, отнеслось отрицательно къ предположеніямъ о конкурсномъ

испытаніи. Но и оно признало, что министръ юстиціи, представляя на вакантныя должности своихъ кандидатовъ, непремѣнно долженъ объяснить причины, побуждающія его къ устраненію кандидатовъ, избранныхъ общими собраніями окружнаго суда или судебной палаты. Этимъ, разумѣется, и de jure и, въ особенности, de facto значительно ограничивалось бы усмотрѣніе министра юстиціи и въ наибольшей степени обезпечивалась бы независимость судей отъ администраціи. Но Государственный Совѣтъ отнесся къ этимъ предположеніямъ отрицательно. Соединенные департаменты нашли, что указаніе общими собраніями суда и палаты на лицъ, достойныхъ занять судебныя должности, можетъ быть очень полезно для министра юстиціи, но это указаніе не слѣдуетъ признавать настолько для него обязательнымъ, чтобы онъ непремѣнно долженъ былъ объяснять причины, побуждающія его къ устраненію избранныхъ судомъ кандидатовъ—очевидно, что такая оговорка должна была отнять всякое серьезное значеніе у заявленныхъ судебными коллегіями кандидатуръ и вручить фактически полноту власти министру юстиціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимъ подрывалось одно изъ существенныхъ условій независимости. Оставались, однако, другія, создавшія высокую репутацію русской магистратуры первыхъ десятилѣтій по введеніи реформы.

Другой существенной идейно-политической чертой этой реформы была демократизація правосудія. Къ выполненію его задачъ были призваны широкіе классы населенія. Низшая судейская власть—мировой судья—былъ и остался органомъ вполнѣ демократическаго характера и по способу избранія, и по характеру мирового производства, простого, общедоступнаго, чуждаго канцелярщины и формализма. Но и въ процессуальномъ обиходѣ всѣхъ прочихъ инстанцій сразу и незамѣтно, но и безповоротно исчезли какія бы то ни было проявленія сословныхъ различій. Крестьянинъ, вчерашній рабъ, въ любой процессуальной роли—свидѣтеля, подсудимаго, истца, отвѣтчика—стоялъ съ самаго начала абсолютно на одной доскѣ съ важнымъ бариномъ. Въ воспоминаніяхъ современниковъ слышится отголосокъ ошеломляющаго впечатлѣнія, производимаго этимъ уравненіемъ всѣхъ передъ безстрашнымъ, невзирающимъ на лица, правосудіемъ. Нельзя достаточно оцѣнить то огромное воспитательное значеніе, которое въ этомъ отношеніи должна была имѣть дѣятельность новаго суда. Оно усиливалось гласностью, публичностью процесса, вышедшаго изъ мрачныхъ тайниковъ канцелярій на свѣтъ Божій, ничего не скрывающаго, открыто дѣлающаго свое дѣло на глазахъ у всего общества. Тотъ «рябой нахалъ, съ знатнымъ именемъ», о которомъ разсказывается у И. С. Аксакова,—ссылающійся въ своемъ письменномъ оправданіи передъ судомъ на то, что онъ «по милости царской—сынъ барской»,—сталъ невозможенъ въ условіяхъ новаго суда. Никто бы не отважился на подобный аргументъ въ судебномъ засѣданіи или даже въ камерѣ слѣдователя. Тамъ вѣяло инымъ духомъ, разрушающимъ старыя привычки барства и надменнаго высокомѣрія.

Въ созданіи суда присяжныхъ засѣдателей идейно-политическое значеніе судебной реформы достигаетъ своего апогея.

Мы уже видѣли, съ какою легкостью досталось намъ это учрежденіе, не вызвавшее никакихъ принципіальныхъ возраженій,—повидимому, не вполнѣ понятое даже тѣми, кто его вводилъ. Въ аргументаціи, доказывавшей преимущества суда присяжныхъ, мы, въ сущности, не находимъ никакихъ специфическихъ доводовъ, кромѣ одного, впрочемъ, несостоятельнаго, о необходимости отдѣленія въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи, съ предоставленіемъ разрѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ судьямъ. Разсужденія составителей о томъ, что «если одни и тѣ же судьи рѣшаютъ и о винѣ подсудимаго и о слѣдующемъ ему наказаніи, то на рѣшеніе вопроса всегда будетъ имѣть нѣкоторое вліяніе мысль о томъ наказаніи, которому виновный долженъ подвергнуться»—разсужденія эти привели къ той условной и фальшивой постановкѣ процесса, при которой присяжныхъ тщательно держали въ невѣдѣніи относительно послѣдствій обвинительнаго вердикта. Эта постановка принесла очень много вреда суду присяжныхъ, и въ настоящее время уже окончательно похоронена пресловутая «игра въ прятки» съ присяжными и оставлена противоестественная мысль о томъ, будто возможно, при обсужденіи вопроса о виновности, отрѣшиться отъ мысли объ ожидающемъ подсудимаго наказаніи. Другія соображенія, указывающія, что условіями, внушающими общее довѣріе къ суду, обыкновенно почитаются (кромѣ отдѣленія вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи), многочисленность судей, принимающихъ участіе въ рѣшеніи дѣла, и широкое право отвода судей какъ обвиняемымъ, такъ и обвинителемъ,—вовсе не обосновываютъ именно введенія суда присяжныхъ, такъ какъ эти условія вполнѣ достижимы и при другихъ формахъ суда. Правда, въ отдѣльныхъ статьяхъ Ровинскаго, Заруднаго, Бреверна, Канниста и др., послужившихъ матеріалами при выработкѣ проектовъ, вопросъ о судѣ присяжныхъ разработанъ глубже и полнѣе. Но и здѣсь тщательно затушевывается и даже отрицается политическое значеніе этого института. Зарудный въ своихъ «общихъ соображеніяхъ по вопросу о составѣ уголовнаго суда» говоритъ о «ложномъ понятіи, будто судъ присяжныхъ составляетъ основное начало свободы политической»; онъ ссылается на большинство германскихъ юристовъ въ доказательство того, что «судъ присяжныхъ есть не что иное, какъ *судебный методъ*, какъ самое вѣрное и надежное средство къ правильному рѣшенію дѣлъ уголовныхъ, какъ *особая форма организаціи суда*, и что сіе установленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно быть смѣшиваемо съ политическимъ устройствомъ государства». «Присяжный судъ,—повторяетъ, со своей стороны, въ запискѣ объ условіяхъ, необходимыхъ для хорошаго дѣйствія присяжныхъ судовъ, Каннистъ,—не есть политическое учрежденіе, какъ это старались доказать многіе противники его въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Это вполнѣ ошибочное воззрѣніе произошло частью отъ незнанія самаго предмета, частью отъ желанія заподозрить присяжную форму судопроизводства въ глазахъ правительствъ». Эти разсужденія напоминаютъ современные софизмы, стремящіеся доказать, что введеніе выборныхъ законодательныхъ учрежденій не имѣетъ значенія коренного политическаго перево-

рота, что все сводится къ измѣненію условій выработки законовъ, къ созданію новаго «законодательнаго метода»... Трудно сомнѣваться въ искренности такихъ людей, какъ Ровинскій, Зарудный, Буцковскій. Повидимому, они просто не отдавали себѣ отчета въ огромномъ политическомъ значеніи самаго факта врученія абсолютной, безапелляціонной судебной власти простымъ обывателямъ, превращаемымъ въ гражданъ, предъ чьимъ приговоромъ долженъ преклониться коронный судъ. Будущее должно было показать, что политическое значеніе суда присяжныхъ есть величина весьма реальная. Если бы было иначе, если бы все сводилось къ «судебному методу», и споръ велся о техническихъ преимуществахъ того или другого метода, мы не видѣли бы того разительнаго факта, что кампанія противъ суда присяжныхъ достигаетъ высшаго напряженія одновременно съ укрѣпленіемъ политической реакціи, что судъ присяжныхъ—главная мишень, въ которую бьетъ эта реакція. Мы не видѣли бы того, что линія, раздѣляющая защитниковъ суда присяжныхъ и сторонниковъ его упраздненія, есть также линія, которая проходитъ между защитниками политической свободы и прогресса и ихъ противниками. Ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ—неизбѣжное послѣдствіе нарастанія политическаго гнета. И наоборотъ: для того, чтобы исполнились требованія прогрессивной части русскаго общества о расширеніи этой компетенціи, о передачѣ въ вѣдѣніе присяжныхъ преступленій государственныхъ и преступленій печати, необходимъ нѣкоторый ростъ политической свободы, необходима нѣкоторая побѣда надъ реакціонными стремленіями.

И еще одно замѣчаніе. За послѣднее время, какъ извѣстно, создалось довольно сильное движеніе въ ученой литературѣ противъ суда присяжныхъ. Многочисленные представители позитивной школы въ уголовномъ правѣ относятся къ нему враждебно. Въ Германіи движеніе это осложняется націоналистическимъ стремленіемъ освободиться отъ заимствованнаго, не самобытнаго института. Въ Италіи Ломброзо, Ферри, во Франціи Тардъ являются сторонниками иной формы суда, построенной на раціональныхъ, научныхъ основахъ. И все же несомнѣнно, что ни въ одномъ законодательномъ учрежденіи Европы движеніе противъ суда присяжныхъ не могло бы расчитывать на успѣхъ. Оно ощущалось бы, какъ попытка, направленная противъ реальнаго политическаго права, принадлежащаго гражданамъ. И вокругъ этого вопроса возгорѣлась бы страстная политическая борьба, въ которой чисто юридическіе аргументы отошли бы на задній планъ.

Если все это вѣрно, то еще меньше можетъ быть сомнѣнія въ политическомъ значеніи введенія суда присяжныхъ въ Россіи шестидесятыхъ годовъ, только что сбросившей съ себя клеймившее ее иго рабства. Это былъ подлинный призывъ вчерашняго раба къ гражданской жизни, это было категорическое и яркое выраженіе довѣрія къ его государственнымъ способностямъ, къ его умѣнію разбираться во всѣхъ тѣхъ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ, которые зачастую группируются вокругъ факта преступленія и отношеній, изъ него вытекающихъ. Удался ли этотъ опытъ, оправдалось ли это довѣріе—пятидесятилѣтняя исторія судебной реформы

даетъ недвусмысленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, въ эпоху созданія земскихъ начальниковъ и движенія вспять по всей линіи, суду присяжныхъ грозила величайшая опасность. Его отстояли, и теперь трудно себѣ представить, чтобы когда-нибудь могла имѣть успѣхъ принципіальная борьба противъ участія народнаго элемента въ отправленіи уголовнаго правосудія. Напротивъ, можно надѣяться, что будущее сниметъ всѣ тѣ ограниченія и изъятія, которыя безъ смысла и безъ нужды, но въ опредѣленныхъ интересахъ, уродуютъ первоначальную постройку, задуманную составителями судебныхъ уставовъ.

Отдѣленіе судебной власти отъ административной и законодательной, упраздненіе всевозможныхъ видовъ экстраординарныхъ судилищъ, создаваемыхъ ad hoc, упрощеніе всей системы судебныхъ учрежденій, сокращеніе инстанцій—вотъ существенныя черты новаго судебнаго строя, характеризующія реформу. Вмѣсто пестрой и безобразной храмины, наполненной всякими клѣтушками, облѣпленной разными случайными пристройками, вдругъ выросло стройное, красивое зданіе, съ массой свѣта и воздуха, съ просторными залами,—зданіе, въ которомъ не было ничего лишняго, все было цѣлесообразно и разумно. На мѣсто прежнихъ крючкотворцовъ-кривосудовъ, взяточниковъ, безъ стыда и совѣсти позорившихъ самую идею юстиціи и опозоренныхъ народной молвой и общественнымъ мнѣніемъ, пришли люди, смотрѣвшіе на свое судейское званіе, какъ на высокое и почетное призваніе, понимавшіе, что на ихъ первые шаги смотритъ вся Россія, и что эти первые же шаги должны быть выраженіемъ рѣшительнаго разрыва съ темнымъ прошлымъ, запятнаннымъ алчностью, своекорыстіемъ и бездушіемъ. Люди эти были на высотѣ обращенныхъ къ нимъ ожиданій. Они создали высокія традиціи, теперь, увы, меркнущія и забываемыя. Къ этимъ традиціямъ вернется русская магистратура, когда разсѣется сгустившійся надъ ней мракъ и пройдетъ переживаемое нами безвременье.

Обращаясь къ процессуальнымъ институтамъ, характеризующимъ реформу, мы видимъ, что устоями новаго правосудія стали гласность и устность, состязательность, оцѣнка доказательствъ по внутреннему убѣжденію. И. Я. Фойницкій въ немногихъ сжатыхъ словахъ рисуетъ значеніе этихъ нововведеній: «гласность суда устранила вліяніе канцеляріи и взяточничество; состязательность повела къ развитію болѣе энергической дѣятельности сторонъ въ процессѣ; устраненіе формальной теоріи доказательствъ оградило общественную безопасность отъ преступниковъ наиболѣе опасныхъ». Судебная реформа создала русскую адвокатуру, сразу привлекшую въ свои ряды цѣлую плеяду талантливыхъ работниковъ, поднявшихъ судебное слово на большую высоту. Дѣятельность ихъ стала возможной только въ новыхъ условіяхъ уголовнаго и гражданскаго процесса.

Одно чрезвычайно существенное обстоятельство должно было, однако, отразиться неблагопріятно на осуществленіи реформы. Положеніе нашего матеріальнаго права, уголовнаго и гражданскаго, далеко не отвѣчало тѣмъ условіямъ, при которыхъ судъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію

совпадаетъ съ судомъ по закону. Въ особенности сказанное относится къ уголовному праву. Новымъ судамъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей пришлось примѣнить Уложеніе 1845 года, съ его запутанной казуистикой, отсутствіемъ общей идеи, фантастической лѣстницей наказаній, устарѣлыми понятіями,—уложеніе, связывавшее судъ по рукамъ и по ногамъ. Возникавшія противорѣчія между судейской совѣстью присяжныхъ и закономъ разрѣшались въ ущербъ закону. Отсюда ходячія обвиненія, такъ много вредившія суду присяжныхъ, давшія такую обильную пищу его врагамъ. Это давно сознавалось и было оффиціально признано тридцать пять лѣтъ тому назадъ, и тѣмъ не менѣе до настоящаго времени положеніе не только не измѣнилось къ лучшему, но еще значительно ухудшилось. Сейчасъ у насъ нѣтъ единаго уголовнаго кодекса. Трудно найти болѣе яркій примѣръ безсилія законодательнаго творчества за послѣднюю четверть прошлаго вѣка!

Намъ остается коснуться еще одного вопроса. Въ какой мѣрѣ Судебные Уставы могутъ быть названы продуктомъ національнаго творчества, характернымъ для даннаго народа въ данную эпоху его жизни?

На этотъ вопросъ отвѣтъ дается самъ собою всею исторіею составленія Судебныхъ Уставовъ. Это была работа нѣсколькихъ просвѣщенныхъ умовъ, либерально настроенныхъ, хорошо знающихъ, съ чѣмъ надо было бороться и какими средствами. Ихъ нельзя упрекнуть въ рабскомъ копированіи чужихъ образцовъ. Какъ вѣрно замѣчаетъ И. Я. Фойницкій, они не принимали безъ провѣрки ни одного изъ тѣхъ общепризнанныхъ положеній, которыя лежали и лежатъ въ основѣ западно-европейскаго процесса. Оттого, если «въ нашемъ новомъ процессѣ есть много сходнаго съ англійскимъ и особенно французскимъ», если «въ общихъ очертаніяхъ онъ приближается къ тому же типу, который выработанъ этими лучшими представителями европейской культуры», то съ другой стороны «ни одинъ процессуальный институтъ уставовъ не можетъ быть признанъ ни англійскимъ, ни французскимъ; на каждомъ изъ нихъ легла печать самобытности, каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельную русскую физіономію, приноровленную къ русскимъ нуждамъ, непонятную безъ изученія русскихъ условій» [1]).

Эта оцѣнка противорѣчитъ тому взгляду, который хотѣли установить по отношенію къ судебнымъ уставамъ не только ихъ враги, но и нѣкоторые изъ ихъ сторонниковъ. Вотъ, что писалъ по поводу Основныхъ Положеній 1862 г. И. С. Аксаковъ:

«Читая проектъ новаго судебнаго преобразованія, мы—не говоря теперь объ его внутреннемъ, безотносительномъ достоинствѣ, можемъ сказать прямо, что оно совершенно свободно отъ всякой русской органической примѣси, не связано ни съ преданіями древней допетровской Руси, ни *съ современнымъ народнымъ созерцаніемъ*, ни даже съ прежнимъ оставляемымъ порядкомъ. Это еще не значитъ, чтобъ оно ни въ чемъ не совпадало съ народными взглядами и желаніями, но это совпаденіе носитъ

---

[1]) Проф. Фойницкій, Курсъ Уг. Судопроизв., т. I.

характеръ совершенно случайный. Вообще вы не слышите въ проектѣ присутствія не только народной мысли, но даже и мысли о народности, о ея бытовыхъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ».

Мы думаемъ, нужно было большое ослѣпленіе для того, чтобы представить себѣ возможность созданія, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, процессуальныхъ кодексовъ, проникнутыхъ «народнымъ созерцаніемъ», совпадающихъ съ бытовыми воззрѣніями и требованіями народовъ. Такая задача была бы утопической. Какъ только отъ общей туманной ея формулировки перешли бы къ практическому ея осуществленію, обнаружилась бы абсолютная ея неисполнимость. Бытовыя воззрѣнія и требованія, «народное созерцаніе»—посколько это не общія мѣста славянофильской франологіи, а нѣчто реально существующее—складываются подъ вліяніемъ общихъ историческихъ условій, въ которыхъ протекаетъ народная жизнь. До 1861 г. важнѣйшимъ изъ такихъ условій, управляющимъ всѣми другими, было крѣпостное право, отражавшееся рѣшительно во всѣхъ областяхъ быта, сковывавшее и народный умъ, и правовое чувство. Дѣло шло не о томъ, чтобы улавливать народное созерцаніе, сложившееся подъ вліяніемъ вѣкового рабства. Надо было дать новые элементы для этого «созерцанія», надо было, чтобы понятія законности, свободы и права вошли бы въ народное сознаніе. Это было сдѣлано въ значительной мѣрѣ судебными уставами, и въ этомъ ихъ величайшая историческая заслуга.

Судебные уставы были выработаны безъ прямого участія не только широкихъ слоевъ народа, но даже просвѣщенныхъ общественныхъ круговъ. Они создавались въ тиши рабочихъ кабинетовъ, и компромиссы, въ нихъ встрѣчающіеся, являются компромиссами не между различными теченіями общественной мысли, а между индивидуальными мнѣніями отдѣльныхъ людей. И все же мы скажемъ: прошедшія пятьдесятъ лѣтъ превратили судебные уставы въ драгоцѣнное національное достояніе. «Святая обязанность каждаго русскаго юриста отнынѣ ясна,—писалъ Фойницкій,—состоитъ она въ томъ, чтобы оберегать начала судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной чистотѣ, ограждать животворящій ихъ духъ, внутренній ихъ смыслъ отъ всякихъ искаженій и передѣлокъ, составляющихъ ясный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей, и содѣйствовать дальнѣйшему развитію законодательства въ духѣ этихъ началъ».

Исполняя эту обязанность, мы будемъ служить не интересамъ того или другого класса, не требованіямъ того или другого политическаго направленія, а реальному благу всего народа.

Влад. Набоковъ.

Вліяніе Судебной реформы на науку права.

I.

Наука права стоитъ въ тѣсной связи съ законодательствомъ: послѣднее даетъ тотъ матеріалъ, изъ котораго наука, по преимуществу, строитъ свои выводы. Этой зависимости наука права, въ сущности, не можетъ порвать вполнѣ даже тогда, когда она, казалось бы, рѣшительно отрекается отъ служенія положительному праву: даже юристъ-историкъ, уходящій въ прошлое, весь обвѣянъ въ своей работѣ и въ своемъ историческомъ интересѣ неуловимыми, но живыми воздѣйствіями положительнаго права своихъ дней, и даже юристъ-теоретикъ, возвышающій свою работу на степень юриспруденціи общихъ понятій, не въ силахъ сойти съ той основы, которой служитъ для него положительное законодательство его страны: вѣдь оно—первоначальная школа его юридическихъ идей и контрольная станція для его послѣднихъ выводовъ. Но какъ ни прочна эта зависимость, нельзя, разумѣется, простой ссылкой на нее разрѣшать трудный вопросъ о развитіи такой крупной и сложной духовной цѣнности, какой является наука вообще и неразрывная часть ея—наука права въ отдѣльности; вырабатываемая всѣмъ ходомъ исторической жизни народа, глубоко національная въ путяхъ и формахъ своего развитія (при самой чуткой отзывчивости на космополитическія вліянія), наука права, какъ нераздѣлимая часть науки вообще, стоитъ въ тѣснѣйшей связи и съ общимъ укладомъ политическаго быта и съ глубокими культурными теченіями въ жизни народа. Поэтому, не всякое преобразованіе законодательства, хотя бы оно выбрасывало на арену научнаго знанія запасъ новаго законодательнаго матеріала,—не всякое такое преобразованіе ведетъ къ соотвѣтствующему оживленію науки права; пожалуй, самымъ лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ та большая и во многихъ отношеніяхъ удачная работа отечественной кодификаціи, которая совершена была въ началѣ Николаевскаго царствованія: изданіе свода законовъ, всѣми 15-ю томами своими претендовавшаго, казалось бы, на самое живое вниманіе со стороны отечественныхъ юристовъ, ни въ малой мѣрѣ

не внесло оживленія ни въ догматическую, ни въ иную разработку отечественнаго права, и даже расцвѣтъ историко-юридической разработки, наступившій въ эти годы, лишь въ очень слабой степени можетъ быть поставленъ въ связь съ опубликованіемъ полнаго собранія законовъ. Прошло тридцать лѣтъ послѣ этой, во всякомъ случаѣ, грандіозной работы, и русская юриспруденція снова попала въ полосу широкаго законодательнаго оживленія: на этотъ разъ передъ ней была не кодификація, а глубоко прорѣзывающая весь укладъ національной жизни реформа. Русская юриспруденція съ непривычной для нея чуткостью отозвалась на это обновленіе законодательнаго матеріала, несмѣлыми, но усердными руками распластала его на своемъ операціонномъ столѣ и дружными усиліями обезпечила себѣ на многія десятилѣтія живую и плодотворную работу. Это произошло, несомнѣнно, подъ освѣжающимъ и бодрящимъ воздѣйствіемъ тѣхъ политическихъ условій и той общественной атмосферы, которая просачивалась тогда въ душу каждаго участника и современника великаго дѣла обновленія страны. Но разумѣется и новый законодательный матеріалъ, спустившійся на русскую науку въ видѣ цѣлаго дождя рѣшительныхъ реформъ, въ себѣ самомъ заключалъ нѣкоторыя сильныя, живительныя свойства. Изъ всѣхъ реформъ того времени капитальное *преобразованіе русскаго суда* ближе всего задѣвало интересы отечественной юриспруденціи: судебная реформа не только совпала по времени съ широкимъ общественнымъ возбужденіемъ, встряхнувшимъ русскую мысль, не только внесла въ обиходъ научной работы запасъ новаго законодательнаго матеріала, но и самый матеріалъ, ею внесенный, пропитанъ былъ такими началами, которыя оказались сильнѣйшимъ бродиломъ для русской юридической мысли; наконецъ, самый порядокъ, которымъ реформа была осуществлена, заключалъ въ себѣ прямой призывъ къ дѣятельной и отвѣтственной работѣ представителей русскаго юридическаго знанія.

Начнемъ съ послѣдняго. Въ *порядкѣ*, которымъ проводилось судебное преобразованіе, два момента заслуживаютъ быть отмѣчены съ точки зрѣнія ихъ оживляющаго вліянія на отечественную юриспруденцію: во-первыхъ, январское Высочайшее повелѣніе 1862 года о необходимости выработать и изложить «тѣ главныя начала, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукой»;* во-вторыхъ, послѣдовавшее вслѣдъ за этимъ (въ сентябрѣ того же года) опубликованіе этихъ «главныхъ началъ» или «основныхъ положеній» судебной реформы.

Что касается перваго момента, то, оцѣнивая его съ исторической точки зрѣнія, приходится отмѣтить, что обращеніе законодателя за содѣйствіемъ къ наукѣ не было рѣшительной новостью для Россіи съ тѣхъ самыхъ временъ, какъ на нее пахнуло иноземными вліяніями черезъ прорубленное царемъ Петромъ «окно въ Европу»: совѣты и связи Лейбница съ царемъ-преобразователемъ, вліяніе Монтескье и Беккаріа на законодательное творчество Екатерины II, полу-офиціальные переводы западноевропейскихъ юридическихъ трактатовъ въ эпоху «дней Александровыхъ прекраснаго начала» и относящіяся къ тѣмъ же годамъ русскія вліянія и русскія отношенія Бентама—все это неоспоримо свидѣтельствуетъ о томъ,

что русскій законодатель никогда наглухо не запирался отъ воздѣйствій западно-европейской юридической науки. Но та полувѣковая полоса сплошной реакціи, которая залегла приблизительно между отечественной войной и великимъ движеніемъ царствованія Александра II, настолько воспитала русское общество и русскую мысль въ сознаніи запретности всякихъ плодовъ западной науки, настолько пріучила насъ къ чисто «самобытнымъ» путямъ и вдохновеніямъ нашего законодателя, и къ отчужденности законодательнаго творчества отъ науки, что январское повелѣніе 1862 года получило значеніе крупной новости и даже смѣлаго шага впередъ. Лѣтъ за 15 до этого знаменательнаго акта петербургскій профессоръ Баршевъ въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ «приговоръ большинства» объ отношеніи науки къ законодательству: «у науки отнимаютъ всякое практическое достоинство, считаютъ ее во враждѣ съ законодательствомъ... къ юристамъ питаютъ странную недовѣрчивость и вредное предубѣжденіе, которое особенно замѣтно при составленіи новыхъ уложеній».[1]) Въ этихъ словахъ выражался не только «приговоръ большинства», но, что еще важнѣе и чего не могъ сказать тогда русскій профессоръ по цензурнымъ условіямъ, такова была твердая офиціальная точка зрѣнія тогдашней государственной власти. Немудрено, что послѣ полувѣкового господства такой точки зрѣнія январьское повелѣніе 1862 года показалось крупнымъ шагомъ впередъ и внесло свою долю оживляющаго вліянія въ судьбы движенія русской юридической мысли: оно, во-первыхъ, съ оффиціальной вѣскостью формулировало важный практическій лозунгъ—признаніе за наукой силы воздѣйствовать и руководить законодателемъ, возвышалось такимъ образомъ значеніе научнаго знанія въ сферѣ права, оцѣнивалась степень его практической годности; во-вторыхъ, отечественная юриспруденція, послѣ этой офиціальной переоцѣнки, попадала въ положеніе естественнаго проводника или посредника между европейской наукой и столь недавно еще чуждымъ ей русскимъ законодателемъ, и эта отвѣтственная обязанность своимъ оживляющимъ дѣйствіемъ захватывала, разумѣется, не только тотъ узкій кругъ «прикомандированныхъ къ государственной канцеляріи юристовъ», на которыхъ возложено было составленіе «главныхъ началъ» примѣнительно къ даннымъ науки и среди которыхъ можно, однако же, назвать имена Буцковскаго, Стояновскаго, Побѣдоносцева и Даневскаго; это все были такіе работники, участіе которыхъ въ великомъ дѣлѣ преобразованія обусловливалось не ходомъ ихъ бюрократической карьеры, а ихъ *прикосновенностью къ наукѣ;* въ ихъ лицѣ выступалъ на арену законодательнаго творчества не чиновникъ, а научный дѣятель, не служака, умудренный опытомъ, а молодой и вооруженный научными знаніями «юристъ»; а отъ нихъ и черезъ нихъ это новое теченіе расходилось на болѣе широкіе круги, будило юридическую мысль, повышало интересъ и запросъ на ученое правовѣдѣніе;

---

[1]) О вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовнаго права. Рѣчь, произнесенная проф. Яковомъ Баршевымъ февраля 8 дня 1846 года (стр. 104—105).

по словамъ одного изъ участниковъ реформы (Арсеньева), какъ-разъ около этого времени завязалась въ Петербургѣ первая мысль объ организаціи юридическаго кружка, предтечи и зародыша позднѣйшаго юридическаго общества.

Такимъ образомъ, этотъ періодъ подготовительныхъ работъ къ судебной реформѣ знаменателенъ официальнымъ возложеніемъ на науку отвѣтственной практической задачи, пріобщеніемъ «юристовъ» къ процедурѣ законодательнаго творчества, вѣскимъ официальнымъ признаніемъ *связи* между наукой права и важнѣйшимъ изъ затѣвавшихся тогда преобразованій; а такъ какъ преобразованіе это глубоко задѣвало и волновало русскую общественную мысль, то одушевленіе, съ которымъ общество относилось къ реформѣ, передалось, въ виду признанной связи съ ней, и на науку русскаго правовѣдѣнія.

Послѣдовавшій затѣмъ шагъ въ подготовкѣ судебной реформы—*опубликованіе «основныхъ положеній»*—далъ возможность этому воодушевленію и этому интересу разлиться широкимъ потокомъ среди русскаго образованнаго общества и среди немногочисленнаго тогда класса русскихъ юристовъ. Съ политической стороны этотъ шагъ представлялъ собой едва ли не самое радикальное новшество, потому что мысль о необходимости сугубой тайны въ законодательныхъ дѣлахъ была до того времени настолько прочной традиціей въ мірѣ русской правящей бюрократіи, что ею загипнотизированъ былъ даже такой передовой дѣятель своего времени, какъ Сперанскій. Смѣлая иниціатива Заруднаго упразднила, примѣнительно къ судебной реформѣ, эту давнишнюю традицію, а вмѣстѣ съ тѣмъ принесла, въ сущности, крупное и плодотворное завоеваніе для русской юридической науки. Опубликованіе «основныхъ положеній», сопровождаемое, можно сказать, призывомъ «обсуждать», не только сняло внѣшнія формальныя путы съ русской юридической мысли, но дало толчокъ и матеріалъ для размышленій въ такой области и по поводу такихъ вопросовъ, самая постановка которыхъ и характеръ намѣченныхъ рѣшеній прямо пробуждали широкій научный интересъ. Извѣстно, что на опубликованныя «положенія» поступили всякаго рода отзывы и замѣчанія отъ 448 лицъ [1]); разумѣется, во всемъ этомъ матеріалѣ очень мало такихъ элементовъ, которые имѣли бы научное значеніе; это—еще не наука и, во всякомъ случаѣ, не шагъ впередъ въ достиженіи научныхъ результатовъ; но развѣ все-таки не знаменательно то, что въ эти мѣсяцы въ разныхъ мѣстахъ Россіи нѣсколько сотенъ лицъ читали, размышляли и писали о такихъ вопросахъ, какъ недостатки формальной системы доказательствъ, преимущества обвинительной формы суда, отдѣленіе судебной власти отъ админи-

---

[1]) Любопытно, что въ этомъ числѣ оказалось только два профессора, два официальныхъ представителя русской юридической науки; изъ нихъ одинъ откровенно объяснилъ причину профессорскаго молчанія: «конечно, требованія науки намъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны, но условія и требованія русской жизни покрыты для насъ такимъ же мракомъ неизвѣстности, какъ и дѣйствія нашихъ судебныхъ мѣстъ» (отзывъ Чебышева-Дмитріева).

стративной, принципъ судебной независимости и т. д. Если это—не наука, то, во всякомъ случаѣ, извѣстная степень приближенія къ научнымъ проблемамъ; это—вѣяніе такой общественной атмосферы, среди которой изъ массы легче выдѣляются одиночки, находящіе свое отвѣтственное призваніе и возвышающіеся, въ концѣ-концовъ, на степень истинныхъ мастеровъ науки. Если къ этому разрозненному движенію мысли присоединить еще то публичное обсужденіе, которому подвергнуты были «основныя положенія» на страницахъ существовавшихъ тогда общихъ журналовъ, то позволительно, какъ мнѣ кажется, высказать такое предположеніе, что въ общемъ движеніи русской юридической мысли, въ сдвигѣ ея съ прежнихъ позицій, въ позднѣйшемъ напряженіи ея работъ,—во всемъ этомъ сыграла свою неоспоримую, хотя трудно учитываемую, роль та несистематическая и, можно сказать, неглубокая работа, которая продѣлана была въ широкихъ кругахъ русскаго общества по поводу опубликованія «основныхъ положеній».

Но, кромѣ того, этотъ шагъ въ подготовкѣ судебной реформы—обнародованіе ея основныхъ началъ—имѣлъ еще другое болѣе важное послѣдствіе для успѣховъ русской науки права: онъ далъ толчокъ къ возникновенію такихъ органовъ, которые должны разсматриваться, какъ воспособленіе къ научной работѣ: мы говоримъ *объ юридическихъ обществахъ* и о *спеціальныхъ органахъ юридической печати*; и тѣ и другіе были отчасти вызваны, а отчасти укрѣплены въ жизни знаменательнымъ актомъ опубликованія «основныхъ положеній». Общій призывъ къ основанію юридическихъ обществъ сдѣланъ былъ П. Мулловымъ какъ-разъ въ 1862 году («Журн. мин. юстиціи», 1862, V). О петербургскомъ юридическомъ обществѣ намъ приходилось уже отмѣчать, что хотя оно сложилось только въ 70-хъ годахъ, но мысль о такомъ кружкѣ и первыя попытки его организаціи относились какъ-разъ къ годамъ выработки и опубликованія основныхъ положеній; а историкъ Московскаго юридическаго Общества прямо связываетъ его зарожденіе съ моментомъ опубликованія «основныхъ положеній»: «въ Москвѣ тогда же (т.-е. въ ноябрѣ 1862 года),—разсказывается въ исторической запискѣ Лешкова,—«стали зарождаться между учеными и практическими юристами мысли объ учрежденіи особаго общества, въ засѣданіяхъ котораго можно было бы, для желающихъ ближе ознакомиться съ предстоявшими работами редакціонной комиссіи, легче осваиваться съ будущими преобразованіями и, по возможности, содѣйствовать къ распространенію юридическихъ понятій и началъ въ публикѣ» («Университетскія извѣстія» за 1865 годъ). Первыя свѣдѣнія о дѣятельности этого Общества рисуютъ намъ, какъ нова была еще эта затѣя для русскихъ юристовъ той эпохи: въ началѣ Общество на засѣданіяхъ своихъ ограничивалось простымъ обмѣномъ мнѣній безъ предварительной подготовки и лишь позднѣе пришло къ мысли о полезности предварительно подготовленныхъ и притомъ письменныхъ рефератовъ; даже задачи Общества настолько еще смутно очерчивались, что заходила рѣчь, не должно ли Общество быть «школой для упражненія адвокатовъ», или не слѣдуетъ ли ему заняться «дачей совѣтовъ и указаній тяжущимся». Лишь впослѣдствіи судебная реформа,

проведенная въ жизнь, внесла много ясности и здоровыхъ началъ въ дѣятельность нашихъ юридическихъ обществъ.

Русская юридическая печать, какъ и юридическія общества, получила также толчокъ къ своему развитію въ эти годы напряженной подготовки судебной реформы. Простыми хронологическими справками этотъ фактъ съ точностью подтверждается: въ 1859 году расцвѣлъ важнѣйшій и вліятельнѣйшій изъ юридическихъ органовъ тѣхъ годовъ—офиціальный «Журналъ министерства юстиціи»; въ 1860 году Калачевъ началъ издавать свой «Юридическій вѣстникъ», и въ томъ же году вышли первые номера предпринятаго Салмановымъ «Юридическаго Журнала». Всѣ три органа (а за ними послѣдовало еще нѣсколько) возникли раньше опубликованія «основныхъ положеній», но главное богатство ихъ содержанія пріурочивается къ годамъ публичнаго обсужденія основныхъ началъ. Большую научную работу во имя важныхъ практическихъ цѣлей выполнилъ офиціозъ министерства юстиціи: въ немъ объединилась группа лицъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи извѣстность своими юридическими трудами; на страницахъ журнала они подвергали вдумчивому анализу отдѣльные институты великой судебной реформы (въ особенности, судъ присяжныхъ; роль адвокатуры, задачи предварительнаго слѣдствія); вдохновляемый ими журналъ сыгралъ несомнѣнно крупную роль въ дѣлѣ перенесенія основныхъ идей реформы на почву русскаго юридическаго знанія, въ дѣлѣ усвоенія и, такъ сказать, прививки этихъ идей къ росткамъ русской юридической мысли. Любопытенъ также «Юридическій журналъ», издаваемый П. А. Салмановымъ, первая книжка котораго вышла въ сентябрѣ 1860 года. Во введеніи къ ней и въ двухъ вступительныхъ статьяхъ выраженъ рядъ мыслей, заключающихъ въ себѣ сплошной призывъ къ занятію юридическими науками: правительство даетъ намъ реформу, но само общество должно позаботиться о томъ, чтобы подготовить людей, приспособленныхъ къ новымъ порядкамъ (стр. 30); для того, чтобы общество могло воспринять реформу, необходимо «пріучать его къ усвоенію и полному пониманію идеи права» (стр. 2—4); «практика безъ теоріи слѣпа и часто безсильна вездѣ, въ особенности же въ дѣлѣ примѣненія законовъ» (стр. 38); «политическія и юридическія познанія въ извѣстной мѣрѣ должны быть принадлежностью каждаго гражданина» (стр. 39); всѣ эти положенія кончаются призывомъ къ насажденію журнальной литературы по юридическимъ вопросамъ, къ изданію и распространенію хорошихъ руководствъ по правовѣдѣнію и къ организаціи публичныхъ чтеній по политическимъ и юридическимъ наукамъ (стр. 56—57).

II.

Итакъ, тѣ пріемы, которыми характеризуется дѣло судебной реформы въ періодъ его подготовки, намѣтили новое отношеніе законодателя къ наукѣ, повысили житейское значеніе и практическую надобность въ наукѣ,

привели къ расширенію научнаго интереса, содѣйствовали возникновенію новыхъ формъ для научной дѣятельности—однимъ словомъ, внесли оживленіе и нѣкоторую напряженность въ работу отечественной юриспруденціи. Но, разумѣется, все это оживленіе оказалось бы очень скоротечнымъ и, въ концѣ концовъ, даже безплоднымъ, если бы сама судебная реформа, плодъ этой долгой подготовительной работы, не заключала въ себѣ здоровыхъ и животворныхъ началъ, которыя обезпечили внесенному ею научному оживленію такую же прочность и длительность, какъ прочны были созданныя этимъ преобразованіемъ новыя формы русскаго правосудія. Изъ началъ, провозглашенныхъ и осуществленныхъ судебными уставами, слѣдуетъ въ особенности отмѣтить санкціонированный ими принципъ *гласности* судопроизводства. Оцѣнкѣ гласности съ процессуальной ея стороны посвящены другія страницы настоящаго изданія; наша задача—отмѣтить живительныя воздѣйствія этого начала на дѣятельность русской юридической мысли, стало быть, на работу отечественной юриспруденціи. Прежде всего, гласность, открывшая двери судовъ для свободнаго доступа всѣхъ и каждаго, выгнала изъ судебныхъ засѣданій тотъ фетишъ канцелярской тайны, которымъ до того времени клался суровый и нерушимый запретъ *не только обсуждать, но даже узнавать* то, что происходило въ судебныхъ засѣданіяхъ; гласность, реализуемая, по преимуществу,. въ публикуемыхъ судебныхъ отчетахъ, давала возможность исчерпывающе узнавать и публично обсуждать, какъ самое дѣло, составлявшее предметъ засѣданія, такъ и соображенія, высказанныя сторонами. Чтобы понять, какъ долженъ былъ отразиться этотъ новый порядокъ на работѣ русской юридической науки, достаточно опять-таки просмотрѣть свѣдѣнія о первоначальной дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества; вотъ какую картину воспроизводитъ предъ нами авторъ уже цитированной нами однажды исторической записки: «члены вносили вопросы, возбуждавшіе ихъ интересъ и вниманіе, большей частью въ видѣ сомнѣній по примѣненію тѣхъ или другихъ статей Свода, безъ подробнаго изложенія дѣла, избѣгая всякаго намека на самый случай, который, можетъ быть, въ то же время разбирался въ извѣстномъ присутственномъ мѣстѣ; только въ послѣднее время, уже собираясь въ стѣнахъ университета, Общество иногда было оживляемо *докладами по живымъ дѣламъ*, которыя сообщались ему болѣе или менѣе подробно; но тотъ же часъ все опять затихало, по случаю, что или извѣстное присутственное мѣсто дѣлало замѣчаніе виновному въ нарушеніи его канцелярской тайны, или предсѣдатель Общества получалъ офиціальное предостереженіе». Немудрено, что признаніе закономъ гласности судебныхъ дѣлъ должно было внести глубокое оживленіе въ эту атмосферу, обезжизненную фетишемъ канцелярской тайны [1]); гласность, введенная въ судахъ, развязывала

---

[1]) О значеніи гласности для юридическаго общества В. И. Кохновъ такъ говорилъ въ 1875 году на засѣданіи Московскаго юридическаго общества: «жизнь во всей ея правовой непосредственности, въ завязавшихся въ гражданскомъ быту юридическихъ отношеніяхъ, въ произнесенной сегодня рѣчи защитника, въ обнародован-

умъ и языкъ русскому изслѣдователю-юристу, разрушала ту традиціонную ограду, которая отдѣляла его отъ оцѣнки положительнаго права. А отсюда вытекалъ и другой плодотворный результатъ: расширялся тотъ матеріалъ, надъ которымъ оперировала юридическая наука; передъ изслѣдователемъ стояла уже не только норма in abstracto, а норма въ ея повседневномъ примѣненіи; изслѣдователь приближался къ основному источнику своихъ вдохновеній—опыту жизни, тысячекратно преломляемому и отражаемому въ залахъ судебныхъ засѣданій; кругъ его данныхъ дополнялся широкимъ и притомъ безконечно разнообразнымъ матеріаломъ [1]). Все это уже по одному тому вносило оживленіе въ дѣятельность русской юридической науки, что повышало интересъ къ ея наблюденіямъ и выводамъ, а сверхъ того это (какъ отмѣтимъ дальше) повело къ усложненію ея методовъ, къ расширенію ея цѣлей и задачъ; въ концѣ концовъ, подъ освѣжающимъ дождемъ судебной гласности на нивѣ русскаго юридическаго знанія заколосились совсѣмъ новые побѣги...

Изъ другихъ началъ, введенныхъ Судебными Уставами, намъ нужно отмѣтить *требованіе высшаго юридическаго образованія* для всѣхъ лицъ, занятыхъ судейской работой въ преобразованныхъ судебныхъ мѣстахъ (ст. 202 учрежд. суд. установл.). Требованіе это, даже проведенное въ жизнь съ довольно широкими послабленіями, имѣло, конечно, всестороннее и разнообразное вліяніе на весь строй русскаго правосудія, но здѣсь умѣстно будетъ разсмотрѣть его только, какъ одно изъ условій, способствовавшихъ въ извѣстной мѣрѣ оживленію и разработкѣ нашего юридическаго знанія. Еще А. Ѳ. Кистяковскій въ своей рѣчи о «значеніи и цѣли юридическихъ обществъ» («Журналъ гражд. и угол. права», 1881, кн. I, стр. 9) отмѣтилъ до нѣкоторой степени именно это значеніе ст. 202, указавъ, что до Судебныхъ Уставовъ «у насъ не было судебнаго сословія въ обширномъ смыслѣ этого слова, не было судей съ теоретически-юридическимъ образованіемъ и потому не могла пустить широкихъ корней наша теоретическая юриспруденція». Дѣйствительно, кто у насъ были судьями въ до-реформенныхъ расправахъ? люди самыхъ различныхъ званій, состояній и образованія, совершенно случайно, по прихоти начальства, угодившіе въ судебную карьеру: «наши уѣздные суды состояли изъ дворянъ, проходившихъ большей частью военную карьеру, и изъ сельскихъ обывателей, свѣдущихъ только въ земледѣліи; наши уголовныя и гражданскія палаты были замѣщаемы такими же спеціалистами, какъ и уѣздные судьи, и наконецъ сенатъ, этотъ высшій апелляціонный и ревизующій судъ, былъ замѣщаемъ лицами, проходившими всевозможныя карьеры: администрато-

---

номъ, наконецъ, истолкованіи закона сенатомъ—вотъ тотъ матеріалъ, которымъ живетъ и движется практика всѣхъ юридическихъ обществъ» («Юридическій Вѣстникъ» за 1875 годъ).

[1]) «Свободное отъ канцелярской тайны публичное обсужденіе закона привлекало къ себѣ и будило юридическую мысль, оживляло науку, давало юриспруденціи такое значеніе, о которомъ до тѣхъ поръ она въ Россіи не смѣла и мечтать». Изъ рѣчи Пржевальскаго по поводу 20-лѣтія судебной реформы въ «Юридич. Вѣстникѣ», 1884, III, 574.

тивныя, военныя, техническія, педагогическія—и только рѣдко юридическія; словомъ, отставной прапорщикъ былъ естественнымъ кандидатомъ въ члены или предсѣдатели уѣзднаго суда, полковникъ или асессоръ губернскаго правленія считали себя естественными кандидатами въ члены палатъ; боевой генералъ, губернаторъ или директоръ горнаго департамента составляли ту среду, изъ которой выбирались кандидаты въ сенаторы и изъ которой сенатъ, судящій уголовныя и гражданскія дѣла, наполнялся» (тамъ же). Въ этотъ кругъ людей, призванныхъ толковать и примѣнять законъ и оцѣнивать съ точки зрѣнія закона человѣческія дѣла, требованіе ст. 202 должно было внести глубокія внутреннія преобразованія: отнынѣ судебные дѣятели, проходя общую юридическую школу, выносили изъ нея нѣкоторый *общій* умственный багажъ, нѣкоторый запасъ общихъ юридическихъ идей и понятій, однимъ словомъ, получали какъ бы общій умственный колоритъ, который создавалъ между ними нѣкоторую общность интеллектуальныхъ интересовъ и извѣстную степень духовной близости; сама судебная служба, связанная теперь съ годами предварительной спеціальной подготовки, сдѣлалась въ большей степени профессіональнымъ дѣломъ, потому что прежнее случайное попаданіе на мѣста замѣнялось теперь если не сознательнымъ выборомъ, то сознательнымъ обреченіемъ себя на судебную карьеру. Все это приводило къ одному положительному результату: въ Россіи нарождался такой разрядъ людей, такая постоянная и довольно многочисленная группа, члены которой объединены были между собой извѣстнымъ отношеніемъ къ праву и къ правовѣдѣнію; нарождалось, такимъ образомъ, то самое «судебное сословіе», на отсутствіе котораго въ до-реформенныя времена указывалъ цитированный нами выше криминалистъ [1]). Нетрудно учесть, въ какомъ направленіи должно было вліять сформированіе этого новаго «сословія» на жизнедѣятельность русскаго юридическаго знанія. Во-первыхъ, это народившееся сословіе русскихъ юристовъ представляло собой въ нашемъ культурномъ обществѣ тотъ слой, который и по своей спеціальной подготовкѣ и по своей профессіональной дѣятельности приспособленъ былъ и призванъ былъ интересоваться и откликаться на текущіе вопросы юридической науки, вчитаться со вниманіемъ и пониманіемъ въ развернутую передъ нимъ научную книгу,

---

[1]) Впрочемъ, за 35 лѣтъ до А. Кистяковскаго объ этомъ упоминалъ другой крупный юристъ—проф. П. Рѣдкинъ, который выражалъ надежду, что «сословіе русскихъ юристовъ должно зародиться съ возрожденіемъ юридическихъ факультетовъ, послѣдовавшимъ въ наше время», и что «призваніемъ этого сословія будетъ вполнѣ сознать право, преимущественно отечественное, при посредствѣ современной науки, и дѣйствовать для отечества согласно съ современными требованіями жизни» (Рѣчь «Какое общее образованіе требуется современностью отъ русскаго правовѣдца». Москва, 1846, стр. 11). Здѣсь Рѣдкинъ имѣетъ въ виду университетскій уставъ 1835 года, о которомъ мы, разумѣется, можемъ сказать больше дурного, чѣмъ хорошаго, но нужно все-таки отмѣтить, что хорошее въ немъ сводилось къ дифференціаціи университетскаго преподаванія, благодаря чему каждый университетскій преподаватель могъ спеціализироваться въ своихъ занятіяхъ, чего въ сущности не допускали порядки прежнихъ уставовъ.

оцѣнить, усвоить и даже переработать изложенный въ ней научный результатъ. Во-вторыхъ, такой судебный дѣятель, вооруженный знаніемъ и пониманіемъ права, получалъ возможность не только въ своей практической работѣ руководиться указаніями науки, но—что еще важнѣе для науки—могъ содержаніе своей профессіональной дѣятельности переработывать въ научный опытъ и наблюденіе, могъ изъ своей практической работы выжимать такой матеріалъ, который служилъ для него основой научнаго изслѣдованія и научнаго вывода; однимъ словомъ, судья, прошедшій школу юридическаго образованія, становился проводникомъ практики въ науку, за судейскимъ столомъ онъ былъ не только судьей, но и ученымъ наблюдателемъ, которому близость къ жизни обезпечивала богатый и постоянно свѣжій матеріалъ, а пройденная имъ юридическая школа давала въ руки средства для оцѣнки и переработки этого матеріала. Здѣсь умѣстно будетъ припомнить, что ст. 202 имѣетъ, въ сущности, болѣе широкій и глубокій смыслъ, чѣмъ простое требованіе юридическаго диплома при опредѣленіи на службу: отъ судьи потому требуется дипломъ, что онъ долженъ быть образованнымъ юристомъ, но онъ долженъ имъ оставаться всегда, сохраняя и совершенствуя на службѣ свое юридическое образованіе.

Если въ этомъ требованіи (на чемъ мы дальше остановимся) заключается нѣкоторый ключъ къ вліянію науки на практику, то изъ него же вытекаетъ и другое предположеніе: судья, какъ его представляютъ себѣ Судебные Уставы, всегда вооруженъ такой суммой юридическихъ познаній, которая дѣлаетъ его способнымъ къ научной оцѣнкѣ развертывающагося предъ нимъ матеріала. И исторія Судебныхъ Уставовъ насчитываетъ много такимъ именъ, которыя, служа правительству въ рядахъ обновленной магистратуры, приносили свой судейскій опытъ въ лабораторію науки и работали на пользу науки, какъ искусные мастера.

Наконецъ, въ связи со ст. 202 Учрежд. суд. устан. приходится отмѣтить еще одно послѣдствіе, которое не лишено значенія для успѣховъ отечественной юриспруденціи. Судебная служба, перестроенная Судебными Уставами на новыхъ основаніяхъ, стала представлять собой одну изъ заманчивыхъ дорогъ, которая оттягивала къ себѣ значительную часть вступающаго въ жизнь молодого поколѣнія. А такъ какъ путь къ судебной карьерѣ, въ виду требованія ст. 202, лежалъ черезъ высшую юридическую школу, то еще въ годы подготовки Судебныхъ Уставовъ сталъ наблюдаться въ русскихъ университетахъ наплывъ студентовъ на юридическіе факультеты; это выражалось не только въ увеличеніи абсолютнаго числа студентовъ-юристовъ, но и въ ростѣ процентнаго отношенія ихъ къ общему числу студентовъ университета: такъ, въ 1863 году юристы въ университетахъ составляли треть общаго числа студентовъ, въ послѣдующіе годы это процентное отношеніе все сильнѣе измѣняется въ пользу юристовъ и къ 1871 году юридическіе факультеты собираютъ больше половины общаго числа обучающихся въ университетахъ [1]). Раз-

[1]) Цифровыя данныя взяты изъ статьи Ренненкампфа «Судьбы привилегированныхъ и непривилегированныхъ юристовъ» въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права, 1881, кн. I.

умѣется, нельзя цѣликомъ отнести это явленіе за счетъ судебной реформы и созданныхъ ею новыхъ условій судебной службы; нужно помнить, что какъ разъ въ эти годы не только русскіе суды, но и русскіе университеты получили новый уставъ, самъ по себѣ способный оживить преподаваніе введеніемъ философскаго и политико-экономическаго элемента, давно заброшеннаго въ николаевскихъ университетахъ [1]). Но несомнѣнно все-таки, что судебная реформа, связавшая доступъ къ заманчивой карьерѣ съ условіемъ юридическаго образованія, сыграла въ этомъ благопріятномъ для русскаго правовѣдѣнія притокѣ молодыхъ силъ болѣе значительную роль. Конечно, это явленіе не свидѣтельствуетъ еще само по себѣ объ углубленности и напряженіи научной работы, это—только расширеніе ея, разлитіе въ болѣе широкій потокъ; но это во всякомъ случаѣ симптомъ оживленія, переживаемаго юридической наукой, а сверхъ того, вѣдь молодежь въ аудиторіяхъ—это посѣвы для будущаго: пустующая аудиторія есть оскудѣніе науки, а аудиторія наполненная сулитъ для науки въ будущемъ богатую жатву.

III.

Такимъ образомъ, судебная реформа создала рядъ благопріятныхъ условій для развитія русской юридической науки: она повысила интересъ къ ней, признала и допустила ея практическую цѣнность въ дѣлѣ государственнаго строительства, вызвала къ жизни коллективныя формы проявленія научной работы, развернула передъ наукой болѣе широкій, вѣяніями жизни охваченный, матеріалъ, подготовила и создала кругъ лицъ, связанныхъ съ наукой опредѣленными интересами и отношеніями; однимъ словомъ, реформа, и по ходу ея подготовки и по началамъ, ею провозглашеннымъ, внесла и призвана была внести большое и притомъ прочное оживленіе въ дѣятельность отечественной юриспруденціи. Отсюда возникаетъ сложный, но любопытный вопросъ: въ какихъ же научныхъ результатахъ это оживленіе реализовалось, въ какомъ направленіи пошла подталкиваемая реформой русская юридическая мысль, какъ измѣнились вдохновляющіе ее интересы, какимъ внутреннимъ преобразованіямъ подверглись ея методы и задачи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно въ общихъ чертахъ обрисовать положеніе русской юриспруденціи въ эпоху, непосредственно предшествовавшую судебнымъ преобразованіямъ.

Самой характерной чертой русской науки въ сороковые и пятидесятые годы была глубокая отчужденность, даже оторванность ея отъ современнаго ей положительнаго права. Это черта—утрата наукой связи съ дѣйствующимъ положительнымъ правомъ—настолько рѣзко бросалась въ глаза, что ее согласно отмѣчаютъ почти всѣ русскіе из-

---

[1]) Объ этомъ см. въ книгѣ Яснопольскаго «Спеціализація учебныхъ плановъ въ университетахъ Россіи» (Кіевъ, 1907, стр. 15—19).

слѣдователи, писавшіе уже въ тѣ годы, когда осознаны и учтены были наукой новыя задачи, поставленныя предъ ней Судебными Уставами. Прежде другихъ и притомъ наиболѣе рѣзко это было выражено примѣнительно къ наукѣ русскаго гражданскаго права. Изслѣдователь, оглянувшійся въ концѣ 60-хъ годовъ на ближайшее прошлое гражданскаго правовѣдѣнія въ Россіи, съ горечью признавался, что «во всей нашей юридической литературѣ (до 1866 г.) нельзя найти ни одного руководства по дѣйствовавшему у насъ въ ту эпоху гражданскому праву, ни одной монографіи, ни одного изслѣдованія изъ области нашего положительнаго права, ничего, что заслужило бы названія того, что у нѣмцевъ называется eine juristische Abhandlung [1]). Относительно русскаго процессуальнаго права это же наблюденіе выражено было К. Малышевымъ во вступительной лекціи къ курсу гражданскаго судопроизводства, прочтенной въ 1873 году: до судебной реформы, по его мнѣнію, «главной цѣлью университетскаго преподаванія считалось раскрытіе *историческихъ* основаній» положительнаго права; а самый «дѣйствующій законъ» предоставляли юристу узнавать изъ судебной практики; «теоретическое образованіе въ университетѣ обогащало его по преимуществу опытомъ прошедшихъ временъ» («Курсъ гражданскаго судопроизводства», 1874, I, 2—3). Характерно, что Баршевъ въ изданныхъ въ 1841 году «Основаніяхъ уголовнаго судопроизводства», перечисляя обильную иностранную литературу предмета, не въ силахъ былъ дать никакихъ указаній насчетъ *русскихъ* сочиненій по такому близкому къ практикѣ отдѣлу юриспруденціи, какъ уголовное судопроизводство (стр.56—58). Въ такомъ же положеніи относительно матеріальнаго уголовнаго права находился проф. Калмыковъ, учебникъ котораго былъ изданъ А. Любавскимъ въ 1866 году: перечисливъ иностранную литературу, относящуюся къ положительному праву, онъ указываетъ для русскаго уголовнаго права двѣ работы 1815 и 1826 года (Горегляда и Гуляева), констатируя при этомъ, что онѣ «потеряли послѣ изданія Свода всякое значеніе», и тотчасъ же переходитъ къ работамъ историческаго характера (стр. 17—19). Новѣйшій псторикъ русской криминалистики проф. Фельдштейнъ отмѣчаетъ въ своей монографіи, что «эпоха, непосредственно слѣдующая за Сводомъ, не вви-

---

[1]) Изъ статьи Думашевскаго «Наше правовѣдѣніе, что оно и чѣмъ оно должно быть» въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», томъ XXXI, стр. 3—4. Почти на 30 лѣтъ раньше Думашевскаго эту черту мимолетно отмѣтилъ Кавелинъ въ рецензіи на «Руководство къ россійскимъ законамъ» Н. Рождественскаго: «наша русская литература чрезвычайно бѣдна догматическими сочиненіями по части собственно-русскаго законодательства; эта бѣдность тѣмъ ощутительнѣе, что у большей части другихъ образованныхъ народовъ существуетъ безчисленное множество всякаго рода руководствъ, сборниковъ и указателей, имѣющихъ цѣлью объясненіе дѣйствующихъ законовъ; почему не является у насъ сочиненій такого рода?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ давался Кавелинымъ очень своеобразный: «очевидно, что мы въ подобныхъ трудахъ далеко не такъ нуждаемся, какъ жители другихъ государствъ, въ которыхъ *кодификація не достигла еще той полноты и отчетливости какъ у насъ*» (Сочиненія, 1859, III, 64—65). Объ удаленности до-реформенной науки гражданскаго права отъ положительнаго законодательства см. также у Шершеневича, «Наука гражданскаго права въ Россіи», Казань, 1893, стр. 35, 82—83.

сываетъ блестящихъ страницъ въ разработку нашего положительнаго права», что опыты перенесенія западно-европейскихъ философскихъ конструкцій «не могли привести къ систематизаціи дѣйствующаго права и къ уясненію его основъ» (Фельдштейнъ, «Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи», стр. 664—666). Относительно науки государственнаго права Коркуновъ эту же эпоху охарактеризовалъ, какъ время «полнаго упадка догматической разработки государственнаго права», и высказалъ ту мысль, что изданіе свода «остановило развитіе зародившейся литературы государственнаго права въ прежнемъ направленіи», т.-е. въ духѣ тѣхъ опытовъ 20-хъ годовъ, которые ставили цѣлью «познаніе дѣйствующихъ россійскихъ законовъ» (Сборникъ государственныхъ знаній, III, отдѣлъ критики, стр. 6—12). Однимъ словомъ, вся область русскаго юридическаго знанія, съ какой бы стороны мы ее ни наблюдали, переживала въ эту эпоху полосу совершеннаго разрыва съ с о в р е м е н н ы м ъ ей отечественнымъ положительнымъ правомъ; а такъ какъ б у д у щ е е для научнаго познанія вообще бываетъ закрыто, да и прогнозъ будущаго лежитъ черезъ изученіе н а с т о я щ а г о, то для русской юриспруденціи оставалась лишь одна дорога: отъ современности уходить въ безконечную глубину п р о ш л а г о. И дѣйствительно, *исторія* во всѣхъ ея видахъ рѣшительно господствуетъ въ сороковые и пятидесятые годы по всей линіи русскаго юридическаго знанія; эти годы были временемъ блестящаго расцвѣта историческаго направленія и оставили намъ по всѣмъ отдѣламъ юриспруденціи и по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ права рядъ такихъ капитальныхъ историческихъ изслѣдованій, выводами которыхъ во многихъ случаяхъ и до сихъ поръ еще питается историко-юридическая наука въ Россіи [1]). *Причины этого явленія* указывались въ литературѣ очень различныя, но двѣ изъ нихъ наиболѣе безспорны и замѣтны: во-первыхъ, глубокое вліяніе западной исторической школы, котораго не могла избѣжать молодая русская наука; во-вторыхъ, суровый николаевскій режимъ, который, перетолковывая по-своему гегелевскій афоризмъ о разумности всего сущаго, не оставилъ научному изслѣдованію никакого простора для свободной оцѣнки н а с т о я щ а г о и оттолкнулъ науку туда, гдѣ она, отгородившись столѣтіями отъ запретовъ современности, могла удовлетворить свою органическую потребность къ объективному изысканію истины.

Дѣйствіе обѣихъ этихъ причинъ существенно ослабѣло къ началу 60-хъ годовъ: историческая школа теряла свое обаяніе подъ мощными ударами іеринговскихъ освѣжающихъ идей; режимъ николаевскаго царствованія въ это время такъ сотрясался во всѣхъ основныхъ своихъ устояхъ, что не могъ уже съ прежней энергіей и съ прежней послѣдова-

---

[1]) Достаточно просмотрѣть любой указатель по исторіи русскаго права (Загоскина, Леонтовича, Межова), чтобы составить себѣ представленіе о расцвѣтѣ историко-юридическаго знанія въ эту эпоху. Изъ крупныхъ работъ, полныхъ значенія и въ наши дни, назовемъ «Областныя учрежденія» Чичерина, «Исторію судебныхъ Дмитріева инстанцій», по уголовному праву изслѣдованія Власьева и Чебышева-Дмитріева, по гражданскому праву извѣстный капитальный трудъ Неволина и др.

тельностью бороться съ всепроникавшимъ духомъ освобожденія. Такимъ образомъ, и общественныя условія и умственныя теченія складывались въ такую комбинацію, которая облегчала для русской науки поворотъ къ интересамъ современности; не хватало только толчка, который бы сдѣлалъ этотъ поворотъ необходимымъ и неотложнымъ; роль такого толчка сыграла судебная реформа и осуществленныя ею новыя формы русскаго суда. Реформа была прежде всего тѣмъ важна для русской юриспруденціи, что она уже первыми вѣяніями своими создала въ мірѣ настоящаго дня и поставила передъ русскимъ ученымъ такой острый и глубокій современный интересъ, который съ психологической необходимостью долженъ былъ оторвать его вниманіе отъ вопросовъ права минувшихъ временъ; а такъ какъ законодатель, въ періодъ подготовки реформы, обратился къ наукѣ за содѣйствіемъ, то на русскаго юриста возлагалась тѣмъ самымъ какъ бы прямая обязанность отвернуться отъ исторіи и сосредоточить свои занятія на проблемахъ права *современнаго*. И каждый шагъ на пути осуществленія реформы будилъ въ мірѣ русскаго юридическаго знанія самое обостренное вниманіе къ положительному законодательству своихъ дней. Приведу здѣсь одну маленькую библіографическую справку: въ тотъ годъ, когда введена была должность судебныхъ слѣдователей, въ русской литературѣ явилось свыше трехъ десятковъ статей, изслѣдованій и замѣтокъ, посвященныхъ спеціально и единственно этому новому институту [1]); можно утверждать, что такъ много вниманія не удѣлено было всей слѣдственной части нашего до-реформеннаго процесса за всѣ тридцать лѣтъ со времени изданія Свода. Когда же Судебные Уставы вышли готовыми изъ рукъ законодателя, когда они предстали предъ русскимъ изслѣдователемъ во всей гармонической цѣлости законченнаго творенія, тогда *интересъ къ современности* долженъ былъ рѣшительно перевѣсить еще недавно столь сильную потребность историческаго изученія: Судебные Уставы, и по духу своему и по принципамъ и въ каждой строчкѣ своего содержанія, воплощали такую яркую *новость* въ русскомъ положительномъ правѣ, что свѣжіе листки ихъ, только что вышедшіе изъ государственной типографіи, неудержимо отвлекали часть русскихъ ученыхъ силъ отъ пожелтѣвшихъ страницъ кодекса минувшихъ временъ. Къ тому же, судебная реформа была не просто новизною, случайно и мгновенно выносимою на поверхность потокомъ исторической жизни: это было преобразованіе, глубоко задѣвавшее одинъ изъ самыхъ насущныхъ интересовъ жизни великаго народа и призванное на долгіе годы руководить порядками русскаго правосудія; немудрено, что наука, оцѣнивавшая это значеніе Судебныхъ Уставовъ, послушно отозвалась на призывы современности и промѣняла въ этомъ пунктѣ свои историческія розысканія на кропотливую

---

[1]) См. у Межова, Библіографическій указатель книгъ и статей по части правовѣдѣнія, вышедшихъ въ Россіи въ 1859—1864 гг., С.-Пб. 1864. и Систематическую роспись книгамъ, продающимся въ магазинѣ А. И. Глазунова, за десятилѣтіе 1855—1865 (С.-Пб. 1897, отд. IV).

работу въ сферѣ обновленнаго положительнаго права. Судебные Уставы оказались тѣмъ тараномъ, которымъ пробита была брешь въ стѣнѣ, ограждавшей русскую юриспруденцію отъ проблемъ положительнаго законодательства. Брешь эта пришлась противъ области прецессуальнаго права; но не будемъ съуживать это реформирующее для науки значеніе Судебныхъ Уставовъ, предполагая, что только въ кругу процессуальныхъ вопросовъ совершилось это перемѣщеніе научной пытливости отъ прошедшаго къ настоящему; не въ этомъ одномъ пунктѣ исторія, отброшенная горячей атакой злободневнаго интереса, должна была уступить свое мѣсто обработкѣ дѣйствующаго права; судебная реформа вообще расшевелила *кодификаціонныя теченія* въ нашемъ законодательствѣ и поставила на очередь вопросъ о переработкѣ матеріальнаго права, отсюда—необходимость *новаго шага* для русскаго правовѣдѣнія, связавшаго себя съ современностью страницами Судебныхъ Уставовъ: отъ изученія уставовъ приходилось перейти къ *изслѣдованію и оцѣнкѣ уложеній, уголовнаго и гражданскаго*, не уложеній далекаго прошлаго, за каждую букву которыхъ еще недавно ломали свои копья крупнѣйшіе мастера русской науки, а тѣхъ сборниковъ дѣйствующаго права, о которыхъ они почти забывали въ разгарѣ своихъ историческихъ и полемическихъ увлеченій. Въ этомъ смыслѣ тогда же (въ 1866 году) сдѣланъ былъ *горячій призывъ* такимъ дѣятелемъ русской юриспруденціи, вся предшествовавшая работа котораго посвящена была цѣликомъ задачамъ историческаго изученія: «въ виду предстоящей государственной работы по составленію гражданскаго уложенія», писалъ Н. Калачевъ тотчасъ послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ, «не обязаны ли мы всѣ, насколько имѣемъ способностей и средствъ, готовиться къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ; станемъ же изучать и комментировать тѣ отдѣлы гражданскихъ законовъ, которые каждому изъ насъ наиболѣе доступны; будемъ стараться выяснить ихъ примѣненіе въ практикѣ и такимъ образомъ приготовимъ надежный матеріалъ для начертанія русскаго гражданскаго устава» («Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности», вып. I, прилож. стр. 23). Такимъ образомъ, далеко за предѣлы процессуальныхъ вопросовъ разлилась вызванная судебной реформой струя обостреннаго интереса русской юриспруденціи къ положительному законодательству своихъ дней.

И *университетская наука*,—всегда вѣрное отраженіе запросовъ, предъявляемыхъ или допускаемыхъ временемъ,—не могла не отразить на себѣ вліянія новыхъ условій. Судебные Уставы, выставивъ требованіе спеціальнаго образованія и связавъ съ юридическимъ дипломомъ доступъ къ заманчивой и плодотворной дѣятельности, внесли серьезное измѣненіе въ запросы университетской аудиторіи: раньше студентъ поступалъ на юридическій факультетъ, ничуть не загадывая при этомъ о характерѣ своей будущей дѣятельности, потому что юридическій дипломъ не давалъ ему надежды на особый успѣхъ въ какой-либо *одной опредѣленной* отрасли службы, и знанія, предлагаемыя ему въ университетѣ, представлялись ему почти безразличными съ точки зрѣнія его будущей дѣятельности; теперь же онъ связывалъ съ юридическимъ образованіемъ мысль объ опре-

дѣленной карьерѣ, для которой это образованіе ставилось, какъ необходимое условіе, и потому онъ искалъ и требовалъ отъ профессора прямой подготовки къ этой предназначенной ему практической работѣ; ему нужно было широкое и основательное знакомство съ институтами современнаго законодательства. Судебные Уставы дразнили его научную любознательность, какъ свѣжая новость послѣдняго дня, возбуждали его гражданскій интересъ, какъ дѣло обновленія и оздоровленія страны, и—что всего важнѣе—порождали въ немъ законнѣйшее желаніе прочитать въ нихъ условія и формы своей будущей дѣятельности; «предложить этимъ молодымъ людямъ вмѣсто знанія современнаго законодательства одно только знакомство, хотя бы самое детальное, съ происхожденіемъ и содержаніемъ «Русской Правды» значило бы дать имъ камень вмѣсто хлѣба; приготовить этихъ молодыхъ людей къ судебной дѣятельности, дать имъ основательное знакомство съ дѣйствующимъ законодательствомъ такова была задача, открывшаяся для университетской науки» (Шершеневичъ, «Наука гражданскаго права въ Россіи», стр. 79—80). Естественно, что когда молодое поколѣніе, наполнившее въ годы судебной реформы юридическія аудиторіи университетовъ, стало предъявлять *запросъ на современное положительное право*, наука, представленная профессоромъ-юристомъ, потеряла право отдаваться безраздѣльно изысканіямъ историческаго и археологическаго характера.

Такимъ образомъ, Судебные уставы *со всѣхъ сторонъ* произвели натискъ на традиціонный интересъ русской юридической мысли и обернули русскаго изслѣдователя лицомъ къ законодательному матеріалу современной ему эпохи. Ясные *симптомы этого поворота* сказались во всѣхъ видахъ и формахъ научной дѣятельности. И въ юридической литературѣ и съ университетскихъ каѳедръ раздались призывы стряхнуть гипнозъ исключительнаго интереса къ минувшему и заняться изученіемъ дѣйствующаго законодательства. Малышевъ во вступительной лекціи прямо заявилъ, что, «если бы намъ нужно было выбирать между стремленіями стараго и новаго времени» и между задачами историческими и разработкой дѣйствующаго права, «то мы не могли бы колебаться въ выборѣ, потому что разумныя потребности живого міра ближе намъ, чѣмъ интересы исторіи; въ настоящее время, когда у насъ только что совершилась судебная реформа, ни одинъ юристъ не можетъ желать, чтобы мы вернулись къ прежнему порядку вещей, всю нашу любовь нужно перенести на новыя начала процесса, обезпечивающія правосудіе». Думашевскій въ цитированной уже статьѣ утверждалъ, что «историко-философствующее направленіе нашего правовѣдѣнія рѣшительно не соотвѣтствуетъ насущнымъ потребностямъ нашего отечества», что истинная и нужная сейчасъ наука гражданскаго права «состоитъ въ познаніи правовыхъ нормъ, почерпнутомъ въ нашихъ дѣйствующихъ правовыхъ источникахъ» (ibid. т. XXXII, стр. 4 и 33, т. XXXIV, стр. 215). Эти взгляды не могли не отразиться на *учебной литературѣ* русскаго правовѣдѣнія: историческіе курсы уступили свое мѣсто первымъ попыткамъ комментированія положительнаго законодательства; историческій элементъ начинаетъ фигурировать въ этихъ курсахъ только въ видѣ мимолетныхъ или подстрочныхъ примѣчаній, а основное содержаніе ихъ

опредѣляется интересомъ къ дѣйствующему законодательству; въ сферѣ процессуальнаго права появляются курсы, совершенно чуждые историческаго элемента и цѣликомъ посвященные выясненію Судебныхъ Уставовъ; Лохвицкій въ своемъ курсѣ матеріальнаго уголовнаго права (второе изданіе въ 1871 г.) оговаривается, что единственная его цѣль—«изложить просто, ясно и практично русское уголовное право». Измѣнившійся интересъ университетскаго преподаванія учтенъ былъ *университетскимъ уставомъ 1884 года*, въ силу котораго изъ трехъ каѳедръ исторіи права, введенныхъ въ 1863 году подъ вліяніемъ господства историческаго направленія, упразднены были двѣ—каѳедра исторіи иностранныхъ правъ и каѳедра исторіи законодательствъ славянскихъ, и такимъ образомъ спеціальный исторический элементъ въ университетскомъ преподаваніи остался представленъ лишь каѳедрой исторіи русскаго права. Въ эти годы оживляются также *переводы иностранныхъ изслѣдованій*, посвященныхъ преимущественно западно-европейскому положительному праву (труды Миттермайера, Гольцендорфа, переводы въ сборникахъ Ламанскаго), а также переводы текстовъ дѣйствующаго *иностраннаго законодательства* (Судоустройство Пьемонта, Уставъ уголовнаго судопроизводства Франціи, Уставъ гражданскаго судопроизводства Сардиніи и Венгріи). *Юридическая пресса*, которая въ годы подготовки судебной реформы началась тремя спеціальными журналами (см. стр. 191), продолжала энергично развиваться послѣ изданія Судебныхъ уставовъ, и въ ближайшее десятилѣтіе обогатила русскую науку еще нѣкоторыми новыми изданіями («Архивъ судебной медицины», «Гласный судъ», «Юридическая газета», «Судебный Вѣстникъ», «Юридическій Вѣстникъ», «Уголовная Лѣтопись», «Судебный журналъ»). По содержанію своему нѣкоторые изъ этихъ журналовъ ставятъ себѣ цѣлью популярное изложеніе и распространеніе юридическихъ свѣдѣній (Журналъ Салманова), а большая часть цѣликомъ посвящаютъ свои столбцы обработкѣ русскаго дѣйствующаго права въ связи съ судебной практикой и ознакомленію съ иностраннымъ положительнымъ законодательствомъ. Историческія статьи въ нихъ почти совершенно отсутствуютъ; въ этомъ пунктѣ рѣзко бросается въ глаза *отличіе этихъ журналовъ по-реформенной эпохи* отъ немногихъ попытокъ журнальной литературы правовѣдѣнія въ сороковые и пятидесятые годы. «Юридическія Записки» Рѣдкина, напримѣръ, наполнялись по преимуществу крупными, монографическаго характера, изслѣдованіями строго-историческаго содержанія, нѣкоторая часть статей посвящалась вопросамъ западной юридической науки, и, какъ совершенно рѣдкое исключеніе, попадалась статья, задѣвающая современное законодательство Россіи [1]). *Въ своихъ редакціонныхъ заявленіяхъ* юридическіе

[1]) Для иллюстраціи приведу оглавленіе двухъ первыхъ томовъ (1841—1842 гг.) «Юридич. Записокъ», этого лучшаго изъ немногихъ спеціальныхъ изданій той эпохи. Томъ первый: 1) Взглядъ на Литовское законодательство и литовскіе статуты, проф. Даниловича; 2) О судебникѣ царя Іоанна Васильевича, Н. Калачева; 3) О казенныхъ подрядахъ въ Россіи до перваго ихъ преобразованія, проф. Рѣдкина; 4) Состояніе вопроса о смертной казни въ наше время въ Европѣ и Америкѣ, проф. Баршева; 5) Вопросъ о литературной собственности съ точки зрѣнія Народнаго права, В. Лип-

журналы по-реформенныхъ годовъ прямо подчеркивали свою удаленность отъ историческаго направленія и свое призваніе служить обработкѣ и уразумѣнію современнаго права; «Юридическій Вѣстникъ» объяснялъ свое появленіе тѣмъ, что «новыя, болѣе совершенныя формы суда привели къ возникновенію многихъ вопросовъ въ области дѣйствующаго матеріальнаго права, которые могутъ получить разъясненіе лишь на почвѣ обработки дѣйствующаго отечественнаго законодательства»; въ такомъ же смыслѣ формулировалъ свою задачу «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права» (1872, № 5). На *дѣятельности юридическихъ обществъ*, продолжавшихъ развиваться и возникать послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ, также сказывается съ полной отчетливостью этотъ поворотъ научнаго интереса отъ проблемъ исторіи права къ изученію современныхъ законодательствъ: въ Московскомъ юридическомъ обществѣ, тотчасъ послѣ его основанія, заходитъ рѣчь о необходимости заняться коллективной работой по изученію всѣхъ томовъ Свода Законовъ, раздѣливъ ихъ между членами общества; всѣ рефераты, читанные въ это время, посвящены вопросамъ положительнаго законодательства; историческая тема впервые затрогивается въ 1872 году и притомъ по особому поводу (двухсотлѣтній юбилей рожденія царя Петра). Въ такой же степени чужда историческому направленію работа Казанскаго юридическаго общества, попытки учрежденія котораго относятся еще къ исходу 60-хъ годовъ, но которому удалось открыть свою дѣятельность только въ 1879 году [1]). А. Кистяковскій, разбирая въ началѣ 80-хъ годовъ вопросъ о «значеніи и цѣли юридическихъ обществъ въ правовой жизни нашего отечества и объ отношеніи ихъ къ судебной реформѣ», приходитъ къ мысли, что «болѣе широкой и болѣе объемистой» должна быть такая дѣятельность этихъ обществъ, которая «состоитъ въ расширеніи познаній о дѣйствующемъ правѣ»; исторію права онъ совершенно устранялъ изъ сферы работъ юридическихъ обществъ. Впрочемъ, и безъ дальнѣй-

---

кова; 6) О теоріяхъ владѣнія, К. Кавелина; 7) О Гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ, проф. Рѣдкина; 8) Процессъ г-жи Лафартъ. Томъ второй: 1) Взглядъ на состояніе права иностранцевъ по началамъ европейскаго права вообще и по законамъ отечественнымъ, проф. В. Лешкова; 2) Юридическій бытъ Малороссіи, В. Тарновскаго; 3) Объ опекѣ въ связи съ общественнымъ бытомъ древней Россіи, А. Попова; 4) О вліяніи народныхъ предразсудковъ на опредѣленіе наказанія; 5) Устройство гражданскихъ судовъ до Петра Великаго, К. Кавелина; 6) О преимуществѣ слѣдственнаго процесса передъ обвинительнымъ, проф. Баршева; 7) Прусскій уставъ о домашнихъ слугахъ; 8) О причинахъ преступленій; 9) Обозрѣніе юридическаго быта въ продолженіе древняго и средняго періода русской жизни, И. Снегирева; 10) Объ уголовномъ правѣ по Царскому судебнику, Н. Калачева; 11) Объ уголовной кодификаціи, проф. Рѣдкина. Итакъ, въ двухъ содержательныхъ томахъ—ни одной статьи, спеціально посвященной русскому дѣйствующему праву, и ни одной замѣтки по вопросамъ русской судебной практики. Общія черты установившагося послѣ судебной реформы типа юридическаго журнала настолько намъ знакомы, что нѣтъ нужды приводить ихъ оглавленіе, чтобы констатировать глубокія перемѣны въ этой области.

[1]) Объ этомъ см. въ моей «Исторической запискѣ объ учрежденіи и дѣятельности Казанскаго Юридическаго Общества» (Казань, 1906). Свѣдѣнія о дѣятельности Московскаго юридическаго общества заимствованы изъ очерка его исторіи, напечатаннаго С. Муромцевымъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1888 годъ, кн. 4.

шихъ примѣровъ понятно, что всѣ эти общества возникали въ связи съ судебной реформой, питались и поддерживались въ жизни (по крайней мѣрѣ, до конца 70-хъ годовъ) исключительнымъ интересомъ къ обновляемому современному праву. Такой же чертой характеризуется и программа созваннаго въ 1875 году *съѣзда русскихъ юристовъ;* это была попытка, также порожденная эпохой судебной реформы, и дѣятельностью своей съѣздъ этотъ (первый и пока послѣдній) еще разъ иллюстрировалъ, что, уносимая волной Судебныхъ Уставовъ наука наша, во всѣхъ формахъ своего проявленія, отошла отъ историческаго интереса и сосредоточила свою работу на всестороннемъ изученіи общаго намъ современнаго положительнаго права.

Мы, проживъ полвѣка послѣ судебной реформы, уже сроднились настолько со всѣми проявленіями и результатами этого *поворота въ научномъ интересѣ и научномъ матеріалѣ*, что затрудняемся представить себѣ время, когда изъ десяти юридическихъ книгъ, выбрасываемыхъ на арену научнаго знанія, большая половина имѣла въ своемъ заголовкѣ указаніе «до Петра», а изъ другой едва ли одна выводила предметъ своего изслѣдованія за хронологическій рубежъ, очерчиваемый изданіемъ Свода. Чтобы оцѣнить всю широту этого поворота, стоитъ перелистовать *библіографическіе указатели* и книжные каталоги до-реформенной эпохи и сопоставить ихъ съ библіографическимъ матеріаломъ хотя бы 70-хъ годовъ: первые уносятъ читателя въ сторону—«до Соборнаго Уложенія», «до Петра», «до Свода», а послѣдніе, по всѣмъ отдѣламъ права, пестрятъ въ заголовкахъ книгъ указаніями на «дѣйствующіе законы» [1]). Таковъ былъ, повторяемъ, поворотъ русской юриспруденціи въ *научномъ интересѣ и научномъ матеріалѣ:* нормы и кодексы минувшихъ временъ потѣснились, чтобы очистить мѣсто на аренѣ научнаго знанія матеріалу современнаго «дѣйствующаго» права [2]).

IV.

Съ какими же задачами и методами подошла обновленная и освѣженная юриспруденція къ этому матеріалу дѣйствующаго законодательства? Раньше, когда наука чуть не цѣликомъ поглощена была своимъ интересомъ къ прошедшему, которое представляется для наблюдающаго

---

[1]) Относительно гражданскаго права Шершеневичъ пишетъ, что «въ эпоху, наступившую послѣ введенія судебной реформы, мы почти вовсе не встрѣчаемъ историко-юридическихъ трудовъ» (стр. 130).

[2]) Нужно оговориться, что этотъ поворотъ правовѣдѣнія лишенъ былъ у насъ крайностей: всѣ тѣ, кто послѣ судебной реформы призывали къ изученію дѣйствующаго законодательства (Думашевскій, Малышевъ), не забывали отмѣчать, что «новое направленіе не исключаетъ и историческаго элемента», что «познаніе дѣйствующихъ правовыхъ источниковъ должно опираться на историческое уразумѣніе этихъ послѣднихъ».

ума, какъ послѣдовательный рядъ измѣненій, пріемы изученія ея опредѣлялись *точкой зрѣнія развитія;* обернувшись же лицомъ къ праву настоящаго дня, воспринимаемаго нами, какъ нѣкоторое состояніе неподвижности, наука, естественно, должна была отказаться отъ этой точки зрѣнія, столь привычной для нея и дававшей ей опору въ научныхъ построеніяхъ. Какой же былъ у науки опытъ въ пользованіи другими точками зрѣнія, примѣнимыми въ усвоеніи и изученіи права настоящихъ дней? объ этомъ могутъ дать намъ понятіе тѣ немногія изслѣдованія «дѣйствующаго» законодательства, которыя относятся къ 40-мъ и 50-мъ годамъ. Два имени приходятъ мнѣ на память: Н. Рождественскаго, выпустившаго въ 1848 году «Руководство къ россійскимъ законамъ», и Ѳ. Проскурякова, опубликовавшаго въ 1854 году «Руководство къ познанію россійскихъ законовъ». Оба автора удостоились получить оцѣнку со стороны крупнѣйшихъ русскихъ юристовъ; о первомъ Кавелинъ отозвался, что его «Руководство» представляетъ собою ни болѣе ни менѣе, какъ простое сокращеніе Свода Законовъ, при чемъ нѣкоторыя статьи изложены короче, чѣмъ въ подлинникѣ, другія—тѣми же словами, а третьи совсѣмъ выпущены» (Кавелинъ, Сочиненія, III, 67); а о Проскуряковѣ Коркуновъ кратко выразился, что книга его «не болѣе, какъ простой конспектъ Свода». Мы потому назвали этихъ двухъ авторовъ, что оба они наиболѣе далеки отъ господствовавшаго тогда историческаго направленія. Другіе авторы, болѣе талантливые или болѣе любознательные, украшали свои изслѣдованія и свои курсы мозаикой западно-европейскихъ философскихъ ученій, или экскурсіями въ область иностраннаго права, или содержательными и часто проникновенными историческими розысканіями, но едва только они подходили къ дѣйствующему русскому праву, какъ уста ихъ какъ бы смыкались, и они начинали объясняться по преимуществу цитатами изъ свода [1]). Причина этого заключалась, разумѣется, въ общемъ политическомъ режимѣ, пресѣкавшемъ всякія попытки иного трактованія положительно-правового матеріала. По словамъ Рѣдкина, до университетскаго устава 1863 года профессорамъ предписано было избѣгать слова «правовѣдѣніе», замѣняя его болѣе скромнымъ терминомъ «законовѣдѣніе» (Джаншіевъ, Основы судебной реформы, стр. 46); извѣстно также, что за нѣсколько лѣтъ до судебной реформы цензоръ задержалъ курсъ Стояновскаго «Практическое руководство по русскому уголовному судопроизводству» только за то, что авторъ, не ограничиваясь пересказомъ законовъ, прибавилъ «отъ себя» нѣсколько соображеній («Юридич. Вѣстникъ», 1888, IV, 599). Такимъ образомъ, примѣнительно къ русскому дѣйствующему праву допускался только такой методъ трактованія, который можетъ быть названъ методомъ «литературнымъ»—допускался только пересказъ своими словами и въ удобной формѣ того, что въ словесной формулѣ закона содержится.

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о немногихъ исключеніяхъ, какими были, напримѣръ, великолѣпный курсъ Мейера и отчасти работы Морошкина; но два имени, названные нами въ текстѣ Рожденскій и Проскуряковъ, лучше всего свидѣтельствуютъ, что все талантливое и яркое въ русской наукѣ уходило въ тѣ годы отъ изученія современнаго права.

Эти условія значительно измѣнились въ началѣ 60-хъ годовъ. Духъ времени, широкія преобразованія, наконецъ, неотложная практическая нужда вынудили государственную власть допустить иное, болѣе свободное отношеніе науки къ матеріалу дѣйствующаго права. Этимъ устранено было внѣшнее, формальное препятствіе на пути научной работы; а судебная реформа привнесла еще для самой науки глубокія внутреннія побужденія, даже настоятельные призывы подвергнуть матеріалъ положительнаго права такой систематической обработкѣ, которая могла бы отвѣтить на запросы обновляемой жизни. Отсюда началось *преобразованіе методовъ* русской юриспруденціи: къ открывшемуся передъ ней матеріалу наука подступила, во-первыхъ, съ пріемами *догматической конструкціи*, т.-е. со стремленіемъ разработать этотъ матеріалъ въ систему юридическихъ понятій и юридическихъ принциповъ, а во-вторыхъ, *съ пріемами критики и оцѣнки*, понимая законодательный матеріалъ не просто, какъ систему повелѣній и запретовъ, а какъ средство къ достиженію опредѣленныхъ жизненныхъ цѣлей. Разумѣется, самый характеръ этихъ новыхъ методовъ (а еще болѣе критерій оцѣнки) подсказаны были связями русской науки съ западно-европейскими юридическими теченіями; но что именно судебная реформа послужила тутъ толчкомъ и побужденіемъ, что она создала благопріятнѣйшія условія для приложенія этихъ новыхъ методовъ— въ этомъ нетрудно убѣдиться изъ многихъ сопоставленій и соображеній. Что касается догматики, то, во-первыхъ, наиболѣе энергичные призывы къ ней хронологически совпали какъ разъ со введеніемъ Судебныхъ Уставовъ: всѣ тѣ, кто приглашалъ русскую науку отвернуться отъ углубленности въ прошлое и удѣлить вниманіе интересамъ современнаго дня, представляли себѣ эту работу надъ современнымъ правомъ, прежде всего, въ видѣ изученія догматическаго; о «догматикѣ» прямо говорилъ Думашевскій, а Малышевъ въ своемъ курсѣ призывалъ «освѣ-тить научнымъ сознаніемъ общую идею законодательства, вдуматься въ общій духъ закона и въ логическое соотношеніе деталей» (стр. 3 и 7). «Юридическій Вѣстникъ» требовалъ «полнаго изученія законовъ и повѣрки съ общими началами юридической науки матеріала, предлагаемаго судебной практикой». Даже среди юридическихъ обществъ, больше всего связанныхъ съ текущей дѣятельностью суда и потому замыкавшихся сначала въ исключительномъ кругу отдѣльныхъ вопросовъ практики, образовалось очень скоро сильное теченіе въ пользу систематической работы съ задачами догматическаго изученія; такъ, Калачевъ въ 1868 году предлагалъ московскому юридическому обществу заняться «разработкой н а ч а л ъ русскаго гражданскаго права». Во-вторыхъ, сами по себѣ Судебные Уставы, представшіе въ законченномъ видѣ предъ русскимъ юристомъ, содержали такой матеріалъ, который прямо просился для догматической обработки: они во всѣхъ своихъ частяхъ были проникнуты общимъ настроеніемъ и общими цѣлями законодателя, всѣ ихъ положенія и институты вытекали изъ нѣкоторыхъ общихъ началъ, заранѣе провозглашенныхъ и опубликованныхъ; однимъ словомъ, это былъ такой матеріалъ, который своими внутренними свойствами неудержимо возбуждалъ всѣ догматическія устремленія юриспруденціи.

Поэтому, уже первыя работы, посвященныя Судебнымъ Уставамъ (напр. трудъ Буцковскаго, курсъ Чебышева-Дмитріева), существенно разнятся отъ тѣхъ «руководствъ къ законамъ», которыя относятся къ дореформеннымъ временамъ. Въ-третьихъ, возложенная Уставами на суды обязанность въ «случаѣ неполноты, неясности или противорѣчій основывать рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ» (ст. 9—10 уст. гражд. суд. и ст. 12 уст. угол. судопр.) давала наукѣ сильнѣйшее практическое побужденіе подвергать в с ю систему дѣйствующаго права законченной догматической обработкѣ: вѣдь, только при такомъ изученіи можно было уловить «общій разумъ законовъ» и, опираясь на него, заполнить всѣ пробѣлы, обнаруживаемые практикой въ содержаніи положительнаго права. Эта новизна русскаго судопроизводства, исцѣлявшая нашу судебную практику отъ такого серьезнаго порока, какъ хроническое вмѣшательство верховной власти въ производство заурядныхъ судебныхъ дѣлъ,—была тотчасъ же учтена въ своемъ н а у ч н о м ъ значеніи апологетами новаго направленія русской юриспруденціи: если при прежнемъ судопроизводствѣ (разсуждалъ Думашевскій) судья обязанъ былъ рѣшать дѣла «по законамъ», то теперь онъ долженъ былъ въ трудныхъ случаяхъ оправдывать свои рѣшенія ссылкой на «русское право»; а познаніе «русскаго права», какъ цѣлостнаго объекта, какъ законченной системы положеній и принциповъ, выходило, разумѣется, за предѣлы судейской возможности и становилось неизбывной и очередной задачей русскаго ученаго изслѣдователя: о н ъ долженъ былъ влить опредѣленное содержаніе въ это широкое и до сихъ поръ мало изслѣдованное понятіе; по всѣмъ отдѣламъ права, по всѣмъ томамъ Свода онъ долженъ былъ пройтись съ этимъ фонаремъ, чтобы освѣтить тамъ темныя и непонятныя мѣста. Такимъ образомъ, догматизирующее для русской юриспруденціи вліяніе Судебныхъ Уставовъ далеко выходило за предѣлы процессуальнаго права, и во всякомъ случаѣ пропускаемое чрезъ двери новыхъ судовъ наше матеріальное, уголовное и гражданское право въ первую очередь нуждалось въ стройной догматической обработкѣ; къ тому же кассаціонная практика, нароставшая, главнымъ образомъ, въ э т о й области вокругъ дѣятельности новыхъ судовъ, должна была также оживлять догматическую работу русской юриспруденціи: ею выбрасывался на ниву научнаго изслѣдованія постоянно свѣжій матеріалъ, связанный формально съ дѣйствующимъ закономъ и требовавшій съ нимъ принципіальнаго объединенія. Въ-четвертыхъ, университетское преподаваніе, которое служитъ всегда однимъ изъ показателей господствующаго научнаго движенія, также должно было подъ воздѣйствіемъ Судебныхъ Уставовъ подойти къ положительному праву съ задачами догматическаго изученія; иначе каѳедра не могла бы удовлетворить запросовъ, предъявляемыхъ новой аудиторіей, которая почти поголовно смотрѣла на университетъ, какъ на подготовку своего будущаго служенія Судебнымъ Уставамъ, и, разумѣется, имѣла право искать въ университетскомъ преподаваніи такой обработки права, которая раскрывала бы предъ ней «общій разумъ законовъ»; представители русскихъ юридическихъ каѳедръ отчетливо понимали эту новую задачу, возлагаемую на нихъ Судебными Уста-

вами: будущаго судью, поставленнаго въ новыя условія дѣятельности, нельзя было подготовить простымъ пересказомъ статей дѣйствующаго закона, и университетскіе курсы начинаютъ измѣнять свое содержаніе, углубляя и усложняя свое отношеніе къ русскому положительному праву, расширяя матеріалъ, воспособляющій пониманію его «общаго смысла». Великолѣпную программу новаго преподаванія развернулъ въ немногихъ словахъ Побѣдоносцевъ, извѣстный «Курсъ» котораго вышелъ первымъ томомъ какъ-разъ въ начальные годы этого научнаго движенія: «въ изложеніи главной моей цѣлью было способствовать полнѣйшему, по возможности, разъясненію понятій о главныхъ предметахъ гражданскаго права; съ этой цѣлью выбралъ я сравнительную методу изложенія и старался въ началѣ каждой статьи указывать на основную идею учрежденія, потомъ переходилъ къ объясненію учрежденія, въ отличительныхъ его чертахъ по римскому, французскому и германскому праву; затѣмъ, уже приготовивъ въ умѣ слушателя или читателя по возможности полный и закругленный образъ учрежденія, приступалъ я къ изложенію его по русскому закону, съ предварительнымъ очеркомъ его происхожденія и историческаго развитія на нашей почвѣ; желаніе мое было уяснить по возможности тѣ общія начала и понятія права, которыя должны служить руководствомъ для мыслящаго юриста» («Курсъ гражданскаго права», I, стр. II—III). Итакъ, все привлекается на службу догматикѣ дѣйствующаго права: и знакомство съ законодательствомъ древнихъ и новыхъ народовъ и историческія экскурсіи въ сферѣ національнаго права; эта перестановка задачъ вызвала бы, пожалуй, осужденіе со стороны русскаго профессора 40-хъ и 50-хъ годовъ: онъ съ вниманіемъ готовъ былъ изучать право западныхъ народовъ, съ увлеченіемъ производилъ историческія разысканія, но далекъ былъ отъ взгляда на эту дѣятельность, какъ на служебную относительно права настоящаго дня, и лишь въ самой слабой степени способенъ былъ примѣнить ея результаты къ пониманію и толкованію *дѣйствующаго* закона.

Кромѣ догматики, судебная реформа способствовала пробужденію въ русской юриспруденціи еще *политико-правовыхъ теченій*. Это была опять-таки такая точка зрѣнія, которая представлялась совершенно недоступной русскому юристу дореформенныхъ годовъ: послѣдній жилъ въ мірѣ такого «дѣйствующаго законодательства», которому господствующій режимъ усваивалъ не только значеніе формальной непререкаемости, но и житейской безошибочности, и чуть ли не снабжалъ его печатью вѣчной неизмѣнности. Эпоха, въ которой судебная реформа была лишь одной изъ раннихъ ласточекъ, сдвинула русскую дѣйствительность, а, стало-быть, и русскую науку съ этой усыпительной позиціи: право, которое наканунѣ реформы имѣло значеніе «дѣйствующаго», вдругъ оказалось доступнымъ самой разрушительной критикѣ и всесторонней оцѣнкѣ, потому что на смѣну его подготовлялось новое законодательство. Такимъ образомъ, политико-правовая точка зрѣнія должна была естественно и неудержимо просачиваться въ русскую юриспруденцію съ каждымъ новымъ шагомъ на пути начатыхъ преобразованій; допускалось и требовалось не

только критиковать настоящее и указывать на его недостатки, но еще больше—оцѣнивать и защищать новое, которое исподволь переходило въ разрядъ «дѣйствующаго» права. Въ области процессуальныхъ вопросовъ Судебные Уставы вызвали самое живое, даже горячее пользованіе точками зрѣнія критики и оцѣнки примѣнительно къ матеріалу дѣйствующаго права: каждымъ институтомъ, ими вводимымъ, каждымъ положеніемъ, въ нихъ провозглашеннымъ, они подчеркивали отрицаніе стараго, которое не всѣмъ казалось отжившимъ, и переходъ къ новому, которое не всякому представлялось удачнымъ и необходимымъ; и то и другое—старое и новое—не только вызывало оцѣнку, но также дѣлалось предметомъ нападеній и защиты. Впрочемъ, тотчасъ послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ эта струя перекинулась и на область матеріальнаго права, потому что судебное преобразованіе пробудило въ русскомъ обществѣ ожиданіе столь же неотложной реформы гражданскаго и уголовнаго уложеній. Это настроеніе не одинъ разъ выражалось въ юридической литературѣ тѣхъ годовъ; Н. Ламанскій въ своемъ «Судебномъ Сборникѣ» за 1867 годъ съ увѣренностью писалъ, что «вслѣдъ за открытіемъ дѣйствій ожидаемыхъ присяжныхъ судовъ законодателю предстоитъ трудъ тяжелый и непривычный: установленіе устнаго и гласнаго порядка судопроизводства влечетъ за собой общій тщательный пересмотръ и коренное измѣненіе законовъ гражданскихъ и уголовныхъ соотвѣтственно настоятельнымъ нуждамъ и потребностямъ русскаго народа». Калачевъ также полагалъ въ 1866 году, что теперь «предстоитъ государственная работа составленія гражданскаго уложенія». Изъ этого ожиданія родились призывы, обращенные къ юридической наукѣ, подвергнуть дѣйствующее уголовное и гражданское законодательство такому изученію, чтобы «выяснить его примѣненіе на практикѣ и приготовить надежный матеріалъ» для законодателя (Калачевъ); журналъ гражданскаго и уголовнаго права поставлялъ свою задачу въ томъ, чтобы оказывать посильную помощь законодателю въ предстоящихъ преобразованіяхъ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ законовъ (1872 г. № 5). Этимъ, въ сущности, рекомендовалось отечественной юриспруденціи присоединить къ чисто догматическому изученію дѣйствующаго права еще изслѣдованіе политико-правовое. На почвѣ такихъ кодификаціонныхъ ожиданій движеніе это перекинулось въ Московское Юридическое Общество и черезъ него перешло въ первый съѣздъ русскихъ юристовъ, въ первоначальной программѣ котораго намѣченъ былъ рядъ сообщеній съ характеромъ de lege ferenda («Юрид. Вѣстникъ», 1888, кн. 4, стр. 605—606). Еще болѣе сильнымъ факторомъ оживленія политико-правовой точки зрѣнія были введенныя Судебными Уставами устность, гласность для сторонъ и публичность судопроизводства: онѣ приближали русскаго изслѣдователя-юриста къ тому неисчерпаемому и поучительному матеріалу, который порождался примѣненіемъ дѣйствующаго матеріальнаго права въ условіяхъ новаго процесса; норма закона одѣвалась въ плоть и кровь отъ соприкосновенія съ жизнью въ залѣ судебнаго разбирательства и въ такомъ видѣ внушала ученому не только потребность уразумѣть ея содержаніе, но и оцѣнить ее съ точки зрѣнія вызванныхъ ею въ жизни послѣдствій; болѣе совершенныя

формы процесса, насквозь проникнутыя стремленіемъ все выслушать, все объяснить, все провѣрить, становились увеличительнымъ стекломъ, сквозь которое всѣ недостатки примѣняемаго закона обрисовывались, какъ бугры на равнинѣ; все, что раньше затушевывалось въ тускломъ содержаніи бумаги и хоронилось подъ покровомъ неумолимой и непознаваемой канцелярской тайны, теперь озарилось свѣтомъ гласности и живыми впечатлѣніями устной рѣчи, становилось предметомъ вдумчиваго научнаго обсужденія и влекло за собой критику и оцѣнку закона; притомъ критерій оцѣнки заимствовался не изъ философской теоріи, которая, правда, обезпечивала ему вѣчную пригодность, но зато дѣлала его малоубѣдительнымъ въ глазахъ законодателя: критерій приносился накипью жизни, оставлявшей свои слѣды въ залѣ судебнаго засѣданія: наконецъ, дальнѣйшая исторія Судебныхъ Уставовъ, сдѣлавшихся у насъ, какъ извѣстно, предметомъ упорной политической борьбы, вызывала около нихъ скопленіе въ нѣкоторой степени боевой атмосферы, въ которой ставились и рѣшались вопросы о положительныхъ или отрицательныхъ результатахъ примѣненія ихъ въ жизни, о степени достиженія ими цѣлей, поставленныхъ при изданіи ихъ законодателемъ—вообще ставились и рѣшались такіе вопросы, которые поддерживали въ наукѣ политико-правовыя теченія.

Итакъ, судебная реформа многими своими чертами и во многихъ отношеніяхъ вліяла на переходъ русскаго правовѣдѣнія къ методамъ догматическому и политическому. Въ этомъ движеніи нужно отмѣтить еще одну сторону или одинъ результатъ: установившіяся благодаря измѣненію методовъ новыя отношенія науки къ законодателю и къ судебной практикѣ. Нѣтъ надобности подчеркивать глубокую отчужденность до-реформенной юриспруденціи отъ того и отъ другого: сосредоточеніе интереса на изученіи прошлаго, тусклая и безплодная работа по отношенію къ дѣйствующему положительному праву, попытки русскаго философскаго эклектизма, отражавшаго на себѣ философскія теченія запада, конструировать «общія правовыя идеи» внѣ-временнаго значенія—все это такія черты, которыя отнюдь не могли перекинуть моста между наукой и жизнью. Наоборотъ, новое направленіе, усвоенное русской юриспруденціей послѣ судебной реформы, ставило ее въ опредѣленныя отношенія и къ творчеству законодателя и къ текущей дѣятельности суда. Прежде всего, наука, усвоившая методъ критики и оцѣнки закона на почвѣ изученія вызываемыхъ имъ въ жизни послѣдствій, могла дать хорошую опору законодателю, подготовляющему реформу дѣйствующаго права: отсюда—связи законодателя съ наукой, формой которыхъ стало обращеніе законоподготовительныхъ учрежденій къ возникшимъ тогда въ Россіи *юридическимъ обществамъ*. Первый опытъ такого обращенія относится, если не ошибаюсь, къ 1879 году, когда гр. Барановъ адресовался къ Московскому Юридическому Обществу съ просьбой подвергнуть разработкѣ вопросы желѣзнодорожнаго законодательства; такое же обращеніе сдѣлано было къ Казанскому Юридическому Обществу (см. мою «Историческую записку», стр. 25); оба общества отозвались на этотъ призывъ не только обильными рефератами, но даже мотивированными и детально разработанными проектами закона. Въ нашу

задачу не входитъ обзоръ всѣхъ случаевъ, когда юриспруденція въ этой формѣ откликалась на призывъ законодателя; притомъ участіе ея въ подготовкѣ такихъ капитальныхъ частей законодательства, какъ уголовное и гражданское уложеніе, у всѣхъ на памяти. Понятно также, насколько выигрывалъ русскій законодатель отъ этого общенія съ обновленной юриспруденціей; но выигрывала ли также и наука отъ этихъ опытовъ своей практической службы? Думается, что для науки это имѣло, прежде всего, два благотворныхъ послѣдствія: во-первыхъ, въ связи съ призывомъ законодателя оживлялась въ наукѣ разработка опредѣленнаго круга вопросовъ, являлись хорошіе спеціалисты, накоплялась соотвѣтствующая литература, и юриспруденція, какъ цѣлое, заполняла свои пробѣлы, выравнивалась, выигрывала въ полнотѣ и разработанности всѣхъ своихъ частей; во-вторыхъ, новый законодательный матеріалъ, усваиваемый наукой еще въ стадіи законопроектовъ и отражающій на себѣ въ извѣстной степени научныя вліянія, успѣшнѣе подвергался впослѣдствіи стройной догматической обработкѣ.

Еще сильнѣе и многообразнѣе были связи, установившіяся у реформированной русской юриспруденціи съ текущей судебной практикой и практическими дѣятелями новыхъ судовъ. Прежде всего, судебная реформа въ цѣломъ, перестроившая все русское правосудіе на началахъ господства закона и уваженія къ закону, должна была повысить у всякаго, приходившаго въ соприкосновеніе съ судомъ, практическую потребность въ юриспруденціи: больше шансовъ на успѣхъ въ судоговореніи принадлежало тому, кто лучше зналъ и лучше умѣлъ понимать и толковать законъ, а толкованіе закона въ наиболѣе законченной формѣ сдѣлалось теперь задачей юридической науки; по правильному наблюденію Шершеневича, реформа привела къ тому, что «наиболѣе забитый крестьянинъ понимаетъ въ настоящее время, что для успѣшнаго исхода дѣла не надо итти къ судьѣ съ поклономъ и подношеніемъ, а нужно найти хорошаго адвоката, если самъ нетвердо знаешь законы» («Наука», стр. 79). «Хорошій адвокатъ», въ свою очередь, самъ долженъ былъ обращаться за помощью къ наукѣ въ такомъ судопроизводствѣ, гдѣ, благодаря началу состязательности, каждый доводъ подвергался перекрестному огню критики и провѣрки. Принципъ гласности въ процессѣ способствовалъ зарожденію и развитію русскаго судебнаго краснорѣчія, которое нужно разсматривать, во всякомъ случаѣ, какъ одну изъ формъ юридической и политико-юридической обработки конкретнаго судебнаго матеріала. Юридическое образованіе, требуемое отъ новыхъ судебныхъ дѣятелей, также сыграло важную роль въ тяготѣніи практики къ наукѣ: юриста-ученаго и юриста-практика объединяла общая юридическая школа, которая дала имъ первыя понятія о правѣ, юридическая подготовка позволяла судьѣ, адвокату или прокурору не только пользоваться съ пониманіемъ данными научнаго изслѣдованія, но и самимъ обрабатывать свой судебный опытъ научными методами и съ научнымъ знаніемъ; характерно, что первое же десятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ выдвинуло рядъ такихъ юристовъ, которые показали себя въ одно и то же время талантливыми изслѣдователями и авторитетными практическими дѣятелями. Удобнѣйшей ареной, на которой совершалась эта ра-

бота объединенія дѣятелей науки и практики, были возникшія тогда юридическія общества; по мѣткому слову Кистяковскаго, они «представляли собой реальную среду личнаго взаимодѣйствія, личнаго обмѣна мыслей представителей теоретической и практической юриспруденціи: это—складъ умственныхъ силъ, гуртовой работы и средство обмѣняться своими мыслями и трудами; въ этой средѣ теоретику приходится встрѣчаться съ такими вопросами, которые создаетъ жизнь, и этимъ способомъ получить матеріалъ для дальнѣйшей разработки теоріи; здѣсь и практикъ является не со стремленіемъ отстаивать какую-нибудь казуистическую тонкость, лишенную всякаго основанія, а съ желаніемъ представить или отыскать лежащее въ какой-нибудь правовой идеѣ основаніе для рѣшенія того или другого конкретнаго случая». Въ уставахъ нѣкоторыхъ юридическихъ обществъ прямо формулировалась эта объединительная цѣль ихъ дѣятельности; такъ въ § 1 Устава Кіевскаго Юридическаго Общества зарожденіе его объяснялось необходимостью «установить связь между юристами-теоретиками и практиками и доставить имъ возможность находить поддержку въ ихъ работахъ». Любопытный случай прямого обращенія практики за содѣйствіемъ къ юридическому обществу представляетъ намъ исторія Казанскаго Юридическаго Общества, на заключеніе котораго въ 1880 году судебные пристава мѣстнаго окружнаго суда внесли рядъ своихъ недоумѣній по вопросамъ исполнительнаго производства [1]). Впрочемъ, не только юридическія общества, но и университетское преподаваніе, преобразованное въ духѣ интереса къ положительному праву, сдѣлало нѣкоторые шаги къ установленію прямой связи каѳедры съ практикой: это выразилось въ любопытныхъ попыткахъ учрежденія при университетахъ юридическихъ консультацій или «юридическихъ клиникъ», цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы дать возможность студентамъ при изученіи догматики права ознакомиться съ практическимъ примѣненіемъ законовъ; первая мысль о такой консультаціи была высказана въ казанскомъ университетѣ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ («Журн. мин. юст.», 1861, іюль). Всѣ эти симптомы начавшагося сближенія русской юриспруденціи съ отечественной практикой, результатъ преобразованія научныхъ методовъ и поворота въ научномъ интересѣ, должны разсматриваться въ общемъ, какъ успѣхъ научнаго движенія, какъ положительная черта въ эволюціи русскаго правовѣдѣнія: если были потомъ немногіе годы, когда русскій ученый юристъ (Пахманъ) могъ сѣтовать съ нѣкоторымъ основаніемъ на оскудѣніе теоретическаго интереса, заслоненнаго какъ-будто многообразными нуждами практики, то въ общемъ, повторяемъ, установившаяся связь науки съ практикой и обязанности, изъ этой связи для науки возникавшія, приводили къ тому, что русская юриспруденція, постоянно возбуждаемая къ дѣятельности притокомъ свѣжаго матеріала, привыкла вдумчивѣе прислушиваться къ голосу жизни, доносившемуся изъ залы новыхъ судовъ, научилась въ условіяхъ и въ рамкахъ нынѣшняго дня находить для себя задачи и предметы изслѣдованія.

Г. Тельбергъ.

---

[1]) См. мою «Историческую записку» объ этомъ обществѣ, стр. 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе. *Н. Давыдовъ*	III
О судебной власти. *В. М. Гессенъ*	1
Очеркъ исторіи суда въ древней и новой Россіи. *Б. И. Сыромятниковъ*	16
Отдѣленіе судебной власти отъ административной. *Ю. Готье*	181
Дореформенный судъ. *В. Бочкаревъ*	205
Работы по составленію проектовъ судебнаго преобразованія до 1861 года. *В. Плетневъ*	242
Работы по составленію Судебныхъ уставовъ. Общая характеристика судебной реформы. *Влад. Набоковъ*	303
Вліяніе судебной реформы на науку права. *Г. Тельбергъ*	354

Книгоиздательство „ОБЪЕДИНЕНІЕ“.
Москва, Моховая, 20. Тел. 4-54-43.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ИЗДАНІЕ

„СУДЕБНАЯ РЕФОРМА“

подъ редакціей **Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянскаго,**

при ближайшемъ участіи *М. Н. Гернета, А. Э. Вормса, Н. К. Муравьева и А. Н. Паренаго.*

Въ изданіи приняли участіе слѣдующія лица: Б. Н. Базилевъ, В. Н. Бочкаревъ, А. Э. Вормсъ, проф. М. Н. Гернетъ, проф. В. М. Гессенъ, І. В. Гессенъ, проф. С. К. Гогель, прив.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. А. А. Жижиленко, проф. Н. А. Заозерскій, доц. М. Д. Загряцковъ, акад. А. Ѳ. Кони, А. Р. Ледницкій, проф. П. И. Люблинскій, В. С. Малченко, Н. К. Муравьевъ, В. Д. Набоковъ, С. П. Ордынскій, А. Н. Паренаго, прив.-доц. В. Д. Плетневъ, Н. А. Побѣдоносцевъ, Н. Н. Полянскій, сенаторъ В. К. Случевскій, доц. Б. И. Сыромятниковъ, Н. В. Тесленко, проф. Г. Г. Тельбергъ, А. Н. Трайнинъ, И. С. Урысонъ, В. Н. Челищевъ, А. А. Чиколини, проф. М. П. Чубинскій, проф. В. Н. Ширяевъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСЛѢДУЮЩИХЪ ТОМОВЪ*).

II ТОМЪ.

Исторія суда послѣ судебной реформы. Мѣстный судъ.

Гл. 1. Судъ и право личности. *П. И. Люблинскій.*

Гл. 2. Общій очеркъ движенія процессуальнаго законодательства послѣ 1864 года:

а) уголовнаго. *А. А. Жижиленко;*

б) гражданскаго. *В. С. Малченко.*

Гл. 3. Мѣстный судъ:

А. Крестьянскій судъ. *А. Э. Вормсъ* и *А. Н. Паренаго.*

Б. Судебно-административныя учрежденія. *А. Н. Паренаго.*

В. Мировой судъ. *В. Н. Челищевъ* и *Н. Н. Полянскій.*

III ТОМЪ.

Часть I-я.

Общія судебныя учрежденія.

Гл. 1. Предварительное слѣдствіе. *Н. В. Давыдовъ.*

Гл. 2. Участіе народнаго элемента въ отправленіи правосудія. *П. И. Люблинскій.*

---

*) Въ виду возможности, по обстоятельствамъ военнаго времени, отвлеченія того или другого изъ намѣченныхъ авторовъ отъ литературной работы, редакція оставляетъ за собою право, въ случаѣ необходимости, произвести незначительныя измѣненія въ намѣченной программѣ или замѣнить одного автора другимъ.